

Элеонора
САБАКИНА

150 ЛЕТ ПРАВОСЛАВИЯ В ЯПОНИИ

ЛИРО
XXI

150 ЛЕТ
ПРАВОСЛАВИЯ В ЯПОНИИ

Элеонора Сабаккина

ИСТОРИЯ
ЯПОНСКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
И ЕЕ ОСНОВАТЕЛЬ
АРХИЕПИСКОП
НИКОЛАЙ

СВЯТООТЕЧЕСКІЯ НАСТАВЛЕНІЯ

МОЛИТВЪ И ТРЕЗВЕНІИ

ИЛИ ВНИМАНІИ ВЪ СЕРДЦѢ КЪ БОГУ

И

ИСТОЛКОВАНІЕ

МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ

СЛОВАМИ

СВЯТЫХЪ ОЦЕВЪ.

Епископа Теофана.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

Кириллу Хино

*За трудные часы викариата
Патриаршихъ вѣдѣній.*

4/10/1893.

Синодальная работа

*Секретарь Синодальной
Димитрий Новиковъ
Виссарионъ Кавецкій*

Книга с дарственной собственноручной надписью
Св. Николая семинаристу Кириллу Хино

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова
Государственный университет Йокогама
Храм Живоначальной Троицы — Патриаршее Подворье в усадьбе Свиблово

ДБ

СЕРИЯ «АИРО — МОНОГРАФИЯ»

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	руководитель
Андрей МАКАРОВ	генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-Йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусэку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Элеонора Саблина

150 лет
Православия в Японии

История
Японской Православной Церкви
и её основатель
Святитель Николай

Москва — Санкт-Петербург
2006

СЕРИЯ «АИРО-МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1994 ГОДУ

Издание
осуществлено при поддержке
Павла Николаевича Бобкова

Дизайн и вёрстка: Сергей Щербина

Саблина Э. **150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай.** Серия «АИРО — Монография». — М.: АИРО-XXI; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. — 528 с.

Книга, не имеющая аналогов в отечественной историографии, посвящена одной из практически неизученных страниц в истории взаимоотношений России и Японии. В центре исследования истории Японской Православной Церкви личность Святого Равноапостольного Николая Японского (в миру Ивана Дмитриевича Касаткина, 1836–1912) — «миссионера-гиганта», как называли его современники. Основываясь на обширных дневниках Архиепископа Николая, редких и малодоступных архивных материалах, впервые введенных в научный оборот, автор подробно раскрывает его многогранную организаторскую и миссионерскую деятельность в Японии: от начала православной проповеди ещё в условиях запрещения христианства и создания русской духовной миссии до строительства церквей и кафедрального собора, основания национальной японской православной Церкви. Интенсивные многолетние полевые исследования и научные изыскания автора убедительно показывают, что история православной церкви в Японии — единственный пока пример успешного массового распространения православия за пределами сферы культурного влияния Восточной христианской цивилизации. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей Российского государства и его дальневосточного соседа.

ISBN 5-91022-026-8

© Саблина Э., 2006

© АИРО-XXI, 2006

© Бобков П.Н., 2006

ISBN 5-86007-496-4

© «Дмитрий Буланин», 2006

Обращение к читателям книги
«150 ЛЕТ ПРАВОСЛАВИЯ В ЯПОНИИ»

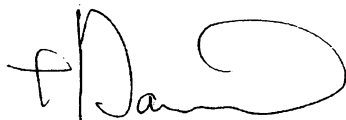
Автор новоизданной книги «150 лет Православия в Японии» Элеонора Саблина, долгие годы живя в Японии, известна как преподаватель русской культуры в японских университетах и как хорошая христианка.

В книге представлены результаты глубоких научных исследований о миссионерской работе святого равноапостольного архиепископа Николая (Касаткина), которого японцы искренне уважают и горячо любят.

В книге мы находим информацию о первом соприкосновении православного миссионера с Японией, её культурой и жителями, о его отношении к политическому и социальному положению в те годы в Стране восходящего солнца, рассказано о выдающихся миссионерских способностях святого Николая, особенно проявившихся в трудные годы японской истории.

Ныне изданную книгу можно рассматривать как юбилейное издание к 150-летию установления японо-российских отношений и 170-летию со дня рождения святого архиепископа Николая. Уверен, что эта книга найдет своего читателя и в Японии и в России.

Божее благословение по молитвам святого равноапостольного Николая, архиепископа Японского да пребывает на авторе и читателях этой книги.

Архиепископ Токийский и Митрополит всей Японии
ДАНИИЛ

Япония, Токио, Николай-до
8 ноября 2005

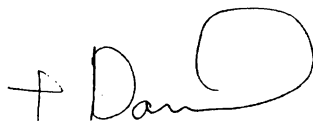

「日本正教 150 年」の出版を祝福

本書の著者エレオノーラ・サブリーナ女史は、長年日本に滞在され、大学等でロシア文化の教授として活躍されている親日派の研究者で、かつ、良き正教徒です。

この度、日本正教徒の敬愛して止まぬ「亜使徒聖ニコライ」の日本と日本人との接触（出発）から、時の政治、社会状況と如何に関わり、かつ、数々の困難を切り抜けながら、日本に正教をどのように伝えたか等を、深い学術的眼差しで探求、整理されました。

本書の出版は、日露両国に渡って、読者に大きな感動なしでは済まされません。まことに、日露交渉 150 年の年、及び亜使徒日本の大主教聖ニコライ生誕 170 年の年である本年の記念的労作として神の祝福に価する作品です。

A handwritten signature in black ink, consisting of a cross-like symbol followed by the name 'Daniel' in a cursive script.

東京の大主教及び全日本の府主教
ダニイル

日本、東京、ニコライ堂
2005 年 11 月 8 日

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	9
Глава 1	
РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ЯПОНИИ И НАЧАЛО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ	23
1.1. Религиозная ситуация к моменту проникновения православия	23
1.2. Деятельность иеромонаха Николая в Хакодатэ	35
Глава 2	
СТАНОВЛЕНИЕ ЯПОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.....	52
2.1. Строительство стана Российской Духовной Миссии в Токио.....	52
2.2. Основание духовных школ	59
2.3. Библиотека	72
2.4. Хор	76
2.5. Переводческая и издательская деятельность	79
2.6. Иконопись	86
2.7. Монашество	90
2.8. Организационное устройство Японской Православной Церкви	92
Глава 3	
ЯПОНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.....	102
Глава 4	
НИКОЛАЙ-ДО — ЦЕНТР ЯПОНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ	121
4.1. История создания Воскресенского кафедрального собора.....	121
4.2. Японская Православная Церковь перед Второй мировой войной	132
4.3. Послевоенный Николай-до	146
4.4. Японская Православная Церковь после обретения автономии	152
Глава 5	
ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ И ХРАМЫ ЯПОНИИ: ИТОГИ ПАЛОМНИЧЕСТВА.....	163
ДОКУМЕНТЫ	199
Избранная библиография.....	505
Указатель имён	508

---

*И услышал я голос Господа, говорящего:
Кого мне послать? И кто пойдет для Нас?
И я сказал: вот я, пошли меня. (Ис. 6, 8.)*

*Насаждающий и поливающий есть ничто, а все
Бог возвращающий.*

*Насаждающий же и поливающий суть одно; но
каждый получит свою награду по своему труду.*

*Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива,
Божие строение.*

*Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый
строитель, положил основание, а другой строит
на нём; но каждый смотри, как строит.*

*Ибо никто не может положить другого основа-
ния, кроме положенного, которое есть Иисус
Христос. (1 Кор. 3, 7-11)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

История христианства в Японии представляет собой длительный и многоаспектный процесс, неотделимый от истории страны в целом. Многовековое гармоничное сосуществование синто, буддизма и конфуцианства как характерная черта духовной жизни Японии оказалось одним из благоприятных условий для проникновения и распространения в стране христианства в середине XVI в.

Началом «христианского столетия» 1540–1640 гг. принято считать август 1549 г., когда в страну, вслед за португальскими торговцами, ставшими первыми европейцами, ступившими на японскую землю в 1543 г., прибыли миссионеры во главе с иезуитом Франсиско Ксавье (1506–1552 гг., впоследствии канонизирован Римом). Успехи проповеди миссионеров-католиков были несомненны: через 30 лет после их прибытия в Японии насчитывалось около 150 тысяч христиан, было выстроено 200 церквей.

Причина столь быстрого распространения христианства заключалась в особенностях ситуации в стране, переживавшей в XV–XVI вв. период, получивший в японской историографии название *сэнгоку дзидай* — «эпоха воюющих провинций». Требовалась власть, которая смогла бы объединить раздираемые многолетними войнами провинции и даровать стране долгожданный мир. Три полководца, которыми двигало стремление подчинить своей власти соседние княжества, выступили в роли собирателей японских земель. Это были Ода Нобунага*, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу, вошедшие в историю как «три объединителя Японии». Итак, XVI век — это время объединения раздробленной на практически независимые княжества страны в единое централизованное государство.

---

* Все японские имена собственные в книге не склоняются и приводятся в соответствии с принятым в Японии порядком: сначала фамилия, потом имя, а также, за единичными устоявшимися исключениями, в соответствии с принятой в России «поливановской» транскрипцией (названа в честь выдающегося лингвиста Е.Д. Поливанова). Порядок написания имен православных японцев: христианское имя, потом японское имя, а затем фамилия. Названия японских городов и поселений приведены в соответствие с современным написанием и унифицировано написание встречающихся в тексте японских слов.

В то смутное время различные противоборствующие силы в японском обществе старались использовать в своих целях как мощное огнестрельное оружие «южных варваров» — *намбан*, как тогда называли европейцев в Японии, так и их религиозную доктрину. Наиболее активно контактировали с европейцами феодалы — *даймё* юга страны, и христианство стало идеологическим обоснованием их сепаратизма. Проводя военную кампанию на Кюсю, Тоётоми Хидэёси увидел, что эта часть Японии была в значительной степени христианизирована. Больше всего Хидэёси был недоволен тем, что христиане притесняли и преследовали синтоистских священнослужителей, разрушали святилища, буддийские храмы и насильственно навязывали свою веру. В довершение ко всему он обнаружил и такую сторону деятельности миссионеров-католиков, как работорговлю — японцев продавали в рабство в Португальскую Индию и другие страны. Налицо было попрание законов и традиционных норм жизни японцев — такое же, как и многих других народов, ставших жертвами колониальной политики европейцев. Всё это привело к запрещению и практическому истреблению христианства и разрушению церквей. Следует подчеркнуть, что гонения на христианство и христиан в Японии были вызваны не содержанием религиозных догм, а политической активностью миссионеров-католиков ордена иезуитов, их вмешательством во внутреннюю политику государства, что несло с собой угрозу независимости страны, национальному единству, моральным и социальным устоям общества.

Вторая волна христианства пришла на Японские острова в середине XIX в., после того, как не в силах противостоять военно-политическому давлению Запада, Япония была вынуждена в 1853–1854 гг. открыть себя миру, а в 1873 г. отменить антихристианские указы. Успехи второго поколения миссионеров объясняются прежде всего благородными побуждениями, с которыми неопиты восприняли христианскую проповедь. Большинство их составляли молодые самураи, и принятие ими христианства во многом было вызвано стремлением создать новую духовную основу для возрождения нации, обновить политическую жизнь в стране, ставшей на путь капиталистического развития и ускоренной модернизации в результате консервативной революции Мэйдзи (период с 1868 по 1912 гг., получивший своё название по девизу правления императора Муцухито — «светлое правление»; проводившиеся в это время широкомасштабные реформы, имевшие своей целью создание современного индустриального государства с сильной армией, облекались в идеологиче-

скую оболочку возвращения к правопорядку древности, «реставрации» власти императора, отодвинутого на задний план при военных правителях — *сёгунах*). Перемены в государстве, где старое ломалось под давлением европейских влияний, особенно сказались на мировоззренческом состоянии народа. Россия оказала на Японию огромное влияние в сфере культуры, включая литературу, театр, музыку, а также общественную мысль и религию. Конкретным примером этого влияния является существование Японской Православной Церкви, основанной русским миссионером, иеромонахом, позднее, архиепископом Николаем (в миру Иваном Дмитриевичем Касаткиным).

Апостол Японии Архиепископ Николай посеял семена православия в далёкой стране, где преследовали христиан, и сумел утвердить его в ней, став одной из наиболее почитаемых фигур в церковной истории России XIX–XX вв. Современная Японская Автономная Православная Церковь и православная община Японии обязаны своим существованием прежде всего трудам Архиепископа Николая. Как гуманист и просветитель, Архиепископ Николай внёс уникальный вклад в развитие российско-японских отношений особенно в области образования и культуры, своими многообразными трудами содействуя духовному сближению двух народов столь разных цивилизаций и культур. Архиепископ Николай по праву считается одним из первых русских японоведов-профессионалов, научное наследие которого далеко выходит за рамки строго церковной деятельности. Архиепископ Николай показал выдающийся пример успешной миссионерской и катехизаторской деятельности в среде, индифферентной, а подчас и открыто враждебной, православию и христианству в целом. Прожив в Японии полвека, он не только глубоко изучил историю, культуру, быт и нравы этой страны, но и стал заметной фигурой её духовного и религиозного мира. «Миссионер-гигант», — так называли о. Николая инославные миссионеры, трудившиеся на Японских островах одновременно с ним.

Православная проповедь началась в Японии в 1859 г., когда российский консул И. А. Гошкевич на консульские средства построил в Хакодате православный храм. В письме к Святейшему Синоду он просил прислать в консульскую церковь не просто священника для отправления служб, но проповедника, готового нести японцам слово Евангелия. По его запросу 2 июля 1861 г. из Петербургской Духовной Академии в Хакодате прибыл 25-летний иеромонах Николай. На пути в Японию он встретился с Преосвященным Иннокентием, выдающимся миссионером, апостолом русской Америки, оказавшим на

молодого иеромонаха большое влияние и давшего ему много ценных практических советов. Деятельность о. Николая на протяжении многих лет поддерживал Е. В. Путятин, глава первой русской дипломатической миссии в Японии, бывший самым активным и влиятельным из его светских покровителей. Е. В. Путятин считал, что с распространением православной веры в Японии для России открывается возможность упрочить с ней дружественные отношения. Итак, И. А. Гошкевич, Святитель Иннокентий, Е. В. Путятин стояли у истоков японского православия и оказали огромное влияние на миссионерскую деятельность о. Николая, будущего апостола Японии. В числе помощников и учеников Святителя Николая было немало выдающихся людей, среди которых архимандрит Сергей (Страгородский), будущий митрополит, Патриарший Местоблюститель и Патриарх Московский и всея Руси; епископ Сергей (Тихомиров), ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии, позднее ставший митрополитом и главой Японской Православной Церкви; канонизированный Русской Православной Церковью архимандрит Андроник (Никольский), бывший одно время епископом Киотоским и Западной Японии.

Святитель Николай приехал в Японию в сложный период, когда не утихло волнение, возбужденное идеей «изгнания варваров», как называли иностранцев. Молодому иеромонаху предстояло преодолеть не только неприязнь к иностранцам, которые пытались в то время силой навязать Японии свою волю, но и предубеждение против самого христианства, пережившего драматическую историю взлета и падения на протяжении одного «христианского века». Какой большой душой нужно было обладать, чтобы превозмочь отторжение и пробудить к себе доверие и любовь прихожан. Не тем ли объясняется поистине редкая привязанность к нему японцев, что он сам возлюбил их, приняв заповедь: «В начале завоевать любовь, а потом нести слово». Причина успеха миссионерской деятельности Святителя Николая прежде всего в его человеческих качествах, в сердечности, мудрости, отзывчивой душе, но, главное, в истинности и глубине веры. Дух соборности, изначально присущий христианству, не позволял ему ставить себя выше других, противопоставлять свою веру другой, себя — другому народу. Напротив, он сумел оценить его достоинства: живой ум и живую душу японцев, отзывчивую на всё новое, способное принести пользу отечеству, их тонкий художественный вкус, стремление к самообразованию и культуре. Свою любовь к Японии, заботу, нежность и терпимость пронёс Святитель

через всю 52-летнюю жизнь там: «Уста мои отверсты к вам, японцы, уже несколько десятков лет, сердце моё расширено, вам не тесно в нём», — скажет он в конце жизни.

С первых же дней пребывания в Японии он понял простую, казалось бы, истину: «чтобы понимать свою паству, нужно взглянуть на христианство глазами японцев»; не насаждать, а привлекать к христианству «умным деланием». Для того и начал с изучения японского языка, истории, традиций, быта народа, и изучил японский в такой степени, что мог взяться за перевод Священного Писания и богослужебных книг. Потому и стало возможным привлечь к вере тысячи японцев и заложить в Японии основы Православия.

Начало Японской Православной Церкви положило крещение в мае 1868 г. троих японцев. Это были Павел Савабэ, Иоанн Сакаи и Яков Урано. В апреле 1870 г. постановлением Святейшего Синода в Японии была учреждена Российская Духовная Миссия, а её начальником назначен о. Николай, возведённый в сан архимандрита.

Второй период в истории японского православия начался в 1872 г., когда архимандрит Николай, оставив христиан Хакодате на попечение своего помощника иеромонаха Анатолия (Тихая), переехал в Токио, где открылось Российское посольство. В 1874 г. состоялся первый Собор Японской Православной Церкви, заложивший основные принципы построения национальной церкви, главным из которых стал принцип Соборности. Собор 1875 г. избрал её первых священнослужителей. Сила японского православия заключалась в том, что оно было построено всецело на японской почве и что его распространителями являлись сами японцы. Принцип соборного избрания национального священства, заложенный Архиепископом Николаем, до сих пор является организующей силой Японской Церкви.

В 1879 г. о. Николай совершил свою вторую и последнюю поездку в Россию, где произошла его епископская хиротония. Ему удалось собрать на родине пожертвования на строительство храма в Токио. 1891 г. можно считать наиболее яркой вехой в истории Японской Церкви: после завершения семилетнего строительства совершилось освящение собора Воскресения Христова в Токио, известного как Николай-до, ставшего духовным центром японского православия. Основание епископом Николаем кафедрального собора явилось свидетельством жизнеспособности православной общины в стране чуждой христианству культуры.

Последний этап в истории Японской Православной Церкви периода Мэйдзи отмечен русско-японской войной 1904–1905 гг. И разве

не святой подвиг совершает Архиепископ Николай, оставаясь один в Японии в страшные дни испытаний, после того, как Русское посольство прекратило свою работу в Токио, и все русские покинули страну. Он остается со своим любимым детищем, чтобы оберегать его. В «Окружном письме к христианам для успокоения Церкви, встревоженной объявлением войны Японии с Россией» Владыка объяснял прихожанам, какова должна быть их духовная позиция.

Православные японцы прекрасно поняли своего архипастыря и впоследствии отплатили ему ревностным и самоотверженным служением русским военнопленным, число которых на территории Японии превысило 73 000 человек, создав «Православное товарищество духовного утешения военнопленных». Архиепископ Николай чувствовал себя обязанным дать духовное руководство людям, пережившим ужасы войны и оказавшимся оторванными от родины, и он направил во все места их размещения «Окружное послание к русским военнопленным».

Забота о военнопленных, служивших примером в своём отношении к вере, жертвовавших на свои церковные нужды и на Японскую Православную Церковь, хотя сами они были почти неимущие, оказала благотворное влияние на японских христиан. Этот опыт пригодился им впоследствии, когда Японская Церковь стала материально самостоятельной. Японцы, не только православные, но и нехристиане, по сей день ухаживают за могилами русских воинов, покоящихся в разных местах страны.

В результате войны общественное мнение Японии изменилось в пользу Японской Православной Церкви, члены которой на деле доказали свой патриотизм. После войны изменилось и отношение России к Японии: создано Русско-Японское общество, Императорское общество востоковедения. Владыку Николая в знак признания его заслуг как выдающегося учёного-японоведа избрали почётным членом этих обществ. Ему был пожалован орден Святого Александра Невского. Святейший Синод возвёл его в сан архиепископа с наименованием «Японский».

Деятельность Архиепископа Николая, его стремления были направлены на то, чтобы японцы сами создавали свой духовный мир. Он хотел иметь японских церковных архитекторов, японских иконописцев, японские хоры. Необходимы были японские катехизаторы и священники для евангелизации страны, а значит и переводы на японский язык Священного Писания и богослужебной литературы. Для поддержания духовной жизни общин должны были выходить

периодические издания. Наконец, необходимо было тесное и тёплое общение верующих. Архиепископ Николай хотел, чтобы христианское учение в Японии стало японским православием, как оно стало греческим православием в Греции и русским православием в России. Ему удалось достичь всего этого, основав японскую православную культуру.

Результатом 50-летней деятельности Святителя Николая в стране, бывшей поначалу враждебной христианству, явилось создание национальной Японской Православной Церкви, ставшей ветвью мирового православия. Русская Духовная Миссия в Японии, в отличие от Пекинской и Корейской, не выросших в самостоятельные национальные церкви, может по праву считаться наиболее очевидным достижением в истории деятельности русских миссионеров.

История Японской Православной Церкви в XX в. — это драматическая история православной конфессии, которая в силу политических обстоятельств оказалась оторванной от Матери-Церкви, однако доказала свою самостоятельность и жизнеспособность. Красноречивым свидетельством тому стало восстановление в 1929 г. Воскресенского кафедрального собора, разрушенного во время Великого землетрясения Канто 1923 г. Японская православная община, сумевшая впервые за время своего существования собрать значительные пожертвования на возрождение Николай-до, подтвердила тем самым свою жизнеспособность как самостоятельной национальной церкви.

В 1939 г. парламент Японии принял закон, по которому всем религиозным организациям страны предписывалось до апреля 1941 г. пройти обязательную регистрацию в министерстве просвещения для оформления статуса юридического лица. Японская Православная Церковь была зарегистрирована как отдельная конфессия под названием «Религиозная организация Японская Православная Церковь Христова». Сам факт такой регистрации лишний раз подтвердил, что православная церковь в Японии является неотъемлемой частью японского общества. Однако по этому закону иностранцам запрещалось стоять во главе религиозной общины, поэтому Митрополит Сергей (Тихомиров) лишился права руководить Японской Православной Церковью и был вынужден покинуть своё место. Владыка Сергей явился последним русским архиереем в Японии. Главой Японской Церкви стал Епископ Николай (Оно), хиротония которого была совершена в Харбине иерархами Зарубежной русской церкви 14 марта 1941 г. Епископ Николай (Оно) — первый архиерей-японец в Японской Православной Церкви.

В апреле 1946 г., после пятилетнего перерыва, в Токио, в Воскресенском кафедральном соборе открылся чрезвычайный Собор Японской Православной Церкви, возобновивший её деятельность. В марте 1962 г. Воскресенский кафедральный собор получил официальный статус важного памятника культуры Японского государства, став символом русско-японских духовных связей. В 1969 г. состоялась епископская хиротония Феодосия (Нагасима Синдзи), явившегося вторым архиереем-японцем в православной церкви Японии.

1970 год — важнейший год в послевоенной истории Японской Православной Церкви: 10 апреля от Патриарха Московского и всея Руси получен Томос об автономии и тогда же, 10 апреля 1970 г., причислен к лику святых Архиепископ Николай, Апостол Японии.

Взаимосвязанными фактами обретения автономии Японской Православной Церковью и причислением к лику святых Архиепископа Николая высоко оценивалось и вновь подчёркивалось великое дело Святителя Японии, стремившегося к японизации православной веры. Тем самым православными всего мира признаётся самостоятельность Японской Церкви, ставшей ветвью мирового православия, добавившей к ряду святых и своего святого, признаётся истинность веры японских православных, передаваемой из поколения в поколение.

История православной церкви в Японии — единственный пока пример успешного массового распространения православия за пределами сферы культурного влияния Восточной христианской цивилизации. Причины этого во многом коренятся в особенности японского менталитета, а с другой стороны в том, что дело распространения православия взял на себя Святитель Николай, который один смог найти ключ к его передаче народу дальневосточной культурной традиции.

Мировая ориенталистика неоднократно обращалась к проблеме восприятия Востока католическими и протестантскими миссионерами. Применительно же к православию эта проблематика практически не изучалась. До настоящего времени ни в России, ни за её пределами не существует ни одного комплексного исследования по истории православия в Японии, и это делает книгу, которую держит сейчас в руках уважаемый читатель, — при всех её недостатках, — новаторской. Основой для моего исследования послужили сочинения, дневники и письма Архиепископа Николая, который сам стал первым исследователем и историографом православия в Японии. Дневники представляют собой 35 рукописных томов, в среднем по 200–300 страниц каждый, исписанных мелким аккуратным почерком, и охва-

тывают период с 1870 по 1912 г. После кончины Архиепископа Николая они были перевезены из Токио в Санкт-Петербург и переданы на хранение в Архив Святейшего Синода, где находятся по сей день в составе ЦГИА РФ. В 2004 г. в Санкт-Петербурге издательством «Гиперион» осуществлена их первая полная, научно подготовленная и тщательно комментированная публикация. Первый том, содержащий записи за 1870–1876, 1879–1882, 1903–1905 гг., опубликован в 1994 г. издательством Университета Хоккайдо под редакцией виднейших специалистов по истории русской культуры и японского православия М. Наганава, Ё. Накамура, К. Накамура и Р. Ясуи. Часть записей за 1903 г. была ранее опубликована отдельным изданием в Санкт-Петербурге в 1991 г. под заглавием «Япония накануне и во время войны с Россией глазами Святого Равноапостольного Николая Японского» (вышел только первый выпуск).

Мною впервые вводится в научный оборот ряд писем как самого Архиепископа Николая (письма к священнику Иоанну Оно, переводчику Исааку Кимура), так и адресованных ему (письма от родственников: младшего брата Василия, внучатого племянника Александра Куницкого, епископа Можайского Василия, письма от русских военнопленных), которые хранятся в библиотеке токийского кафедрального Воскресенского собора, куда по благословению покойного Архиепископа Токийского и Митрополита всей Японии Феодосия я имела свободный доступ. По благословению Владыки Феодосия я также получила возможность ознакомиться и использовать в работе документы (в том числе служебного характера) из архивов Японской Православной Церкви, закрытые для японских и иностранных исследователей; в более широком плане это относится к различным документальным материалам по истории православной миссии и православных церквей в Японии, хранящимся как в церковных архивах, так и в частных собраниях, а также журнал семинарии 1886–1887 гг. из личной коллекции Митрополита Феодосия.

Благодаря неизменной помощи и вниманию со стороны Японской Православной Церкви, мне посчастливилось, идя маршрутом Архиепископа Николая, посетить и осмотреть 27 православных храмов в 10 префектурах, включая Хоккайдо на севере и район Кансай на юге Японии, ознакомиться с хранящимися в них реликвиями, историческими материалами и документами, взять интервью у священников, церковных старост и прихожан, в общей сложности, у 60 человек. Ценность собранного материала, включая аудио- и фотоматериалы, может быть определена тем, что подобное исследование проводилось

впервые в отечественном и мировом японоведении. Именно в ходе этих исследований были выявлены и использованы в работе многие документальные материалы, которые до настоящего времени оставались недоступными или неизвестными исследователям. Моё памятельство стало главным источником данного исследования.

Особую группу источников составляют периодические издания Японской Православной Церкви. Архиепископ Николай также был и создателем православной периодики и православного книгоиздания в Японии. Наибольшего внимания заслуживает существующий до настоящего времени официальный журнал Японской Православной Церкви «Сэйкё дзихо» («Православный бюллетень»), ранее называвшийся «Сэйкё симпо» («Православные вестник»), а также «Николай-до даёри» («Новости Николай-до») и аналогичные издания различных церквей. Помимо официальных эти журналы периодически публикуют и исторические материалы.

Среди довольно многочисленных *свидетельств современников* об Архиепископе Николае и японском православии его времени следует особо отметить записки архимандрита Сергия (Страгородского) «На Дальнем Востоке» (1897) и «По Японии. (Записки миссионера)» (1899; 1903; они были переизданы в 1997 г.), а также путевые заметки и впечатления от объезда церковью епископа Сергия (Тихомирова) «Месяц по Японии» (1909) и его очерк «Освящение Воскресенского кафедрального собора в Токио» (1930) о восстановлении Николай-до после Великого землетрясения Канто. Этот очерк впервые вводится в научный оборот в отечественной историографии. Кроме того ценный фактический материал представляют дневники помощников Архиепископа Николая, служивших с ним в Японии иеромонахов Анатолия (Тихая) и Андроника (Никольского). Деятельность Архиепископа Николая регулярно, хотя и не столь часто, освещалась в русской периодической печати, как в церковной («Церковные ведомости», «Церковный вестник», «Богословский вестник», «Миссионерское обозрение», «Миссионер» и другие), так и в популярных светских газетах и журналах («Нива», «Исторический вестник», «Русские ведомости», «Северная пчела» «Христианское чтение», «Странник», «Московские ведомости»). Кончина Архиепископа Николая вызвала многочисленные отклики прессы в виде некрологов, воспоминаний и биографических очерков. В этих текстах немало повторов, но некоторые из них были написаны людьми, лично знавшими покойного Архиепископа, и представляли собой *мемуарные свидетельства* о нём, а потому могут быть в равной степени отнесе-

ны и к источникам, и к исследовательской литературе. Таковы, например, работы Д. М. Позднеева «Архиепископ Николай Японский. Воспоминания и характеристика» (1912) и С. В. Недачина «Православная церковь в Японии» (1911). История Японской Православной Церкви в их работах сводилась прежде всего к трудам Архиепископа Николая, но не ограничивалась ими. Авторы этих работ не располагали многими архивными документами, только сейчас опубликованными или вводимыми в научный оборот, но имели возможность получать информацию непосредственно от участников событий, прежде всего самого Архиепископа Николая. Что касается работ иностранных авторов этого периода, то здесь заслуживает внимания классический труд встречавшегося с Архиепископом Николаем О. Кэри (O. Cary) «A History of Christianity in Japan» (1909). В книге приведена глава о распространении православия и деятельности православной церкви.

Литература. После 1917 г. в изучении истории Японской Православной Церкви наступил длительный перерыв. Не поощрялось изучение православия и в самой Японии: в довоенные годы — под воздействием радикально-националистических, в послевоенные годы — под влиянием марксистских и коммунистических идей. Перелом наступил только к концу 1960-х гг., что было связано с подготовкой к канонизации Архиепископа Николая Русской Православной Церковью и к дарованию автономии Японской Православной Церкви в 1970 г. Однако единственной заслуживающей внимания отечественной работой того периода является статья Архиепископа Минского и Белорусского Антония (Мельникова) «Святой Равноапостольный Архиепископ Николай Японский» в официальном издании Русской Православной Церкви «Богословские труды» (№ 14, 1975), имевшем крайне ограниченное распространение.

В то же время в Японии появились такие работы, как книги протоиерея Прокла (Ясуо) Усимару «Мэйдзи бунка то Никорай» («Культура Мэйдзи и Николай») (1969) и «Нихон сэйкё си» («История православия в Японии») (1978), Накамура Кэнноскэ «Никорай-но мита бакумацу нихон» («Япония периода Бакумацу глазами Николая») (1979) и «Дэнкёси никораи то мэйдзи нихон» («Япония периода Мэйдзи и Николай») (1996), Наганава Мицуо «Никорай-до-но хитобито» («Люди храма Николай-до») (1989) и другие. В книге М. Наганава даётся подробная хронология деятельности японской православной общины до 1978 г. включительно, на основе которой можно реконструировать состояние Японской Православной Церкви

в наши дни. Авторы этих работ, ведущие специалисты в области истории русской культуры, православия и российско-японских отношений, сумели воссоздать в своих работах цельную картину истории Японской Православной Церкви и, что особенно важно, жизни японской православной общины, которая до сих пор остаётся недостаточно изученной. Им принадлежит наиболее полное описание исторических условий деятельности Российской Духовной Миссии в Японии. Следует отметить и роль ежеквартального журнала «Мадо» («Окно»), выпускаемого книгоиздательской и книготорговой фирмой «Наука», который регулярно публикует материалы и исследования по истории православия в Японии.

История православия, в том числе за пределами России, многие десятилетия почти полностью оставаясь за рамками научных исследований, с конца 1980-х гг. стала одним из важных направлений отечественной историографии, переживающей процесс коренной перестройки. Изучение истории православия, наконец-то, стало неотъемлемой частью изучения истории России. История православия привлекает всё большее внимание российских учёных. Прежде всего необходимо отметить многолетний кропотливый труд К. И. Логачёва и Л. Н. Логачёвой по расшифровке и подготовке к печати дневников Архиепископа Николая. Содержательные историографические работы о православии в Японии, жизни и деятельности Архиепископа Николая опубликовали в последние годы Г. Д. Иванова «Жизнь и деятельность святителя Николая Японского», Л. В. Зенина «Японские учёные о Российской Духовной Миссии в Японии», А. Н. Хохлов «Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов» и другие. Эти статьи помещены в посвящённом памяти Архиепископа Николая втором выпуске сборника «Православие на Дальнем Востоке» (1996), ставшим итогом сотрудничества Санкт-Петербургского Государственного Университета и Санкт-Петербургской Духовной Академии. Это издание имеет особое значение ещё и потому, что в нём приняли участие не только российские, но и японские учёные. В Японии сотрудничество историков двух стран представлено деятельностью научного общества «Русские в Японии», занимающегося, главным образом, изучением восточной ветви русского зарубежья, но уделяющего немало внимания и истории православия в Японии. Мне как члену этого общества представляется, что будущее в изучении истории Японской Православной Церкви принадлежит именно совместным усилиям российских и японских учёных.

Заслуживает внимания вышедшая в 2003 г. в Калифорнии, в издательстве Divine Ascent Press монастыря св. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского под редакцией Майкла Ван Ремортела (Michael Van Remortel) и профессора Питера Чанга (Dr. Peter Chang) книга «Saint Nikolai Kasatkin and the Orthodox Mission in Japan». Это сборник статей коллектива ученых, священнослужителей и мирян (там же помещена и моя статья) из Америки, России и Японии, впервые дающий возможность читателям на английском языке познакомиться с миссионерской деятельностью Равноапостольного Николая, его сотрудников и учеников. Между тем, научная разработка темы «Святой Николай Японский как миссионер», в сущности, ещё не начата. Пока совершенно не исследованным остается вклад в науку Святителя Николая как выдающегося учёного-японоведа.

Японоведческое, литературное и научное наследие Архиепископа Николая, прежде всего его статьи в различных периодических изданиях, до сих пор не собрано воедино. (Мною сделана скромная попытка объединить часть из них в приложениях к данной книге. Особого интереса заслуживает очерк «Сёгуны и микадо» как научный труд Архиепископа Николая, написанный им по японским историческим источникам в первые годы пребывания его в Японии и ставший красноречивым свидетельством его глубоких знаний японского языка и истории страны). Между тем, оно является важной страницей в истории российского японоведения периода его становления в качестве самостоятельной научной дисциплины. Помимо информативности, объективности и высокой достоверности, сочинения Архиепископа Николая отличаются несомненными литературными достоинствами; научно подготовленное, комментированное переиздание его избранных работ принесло бы немалую пользу отечественному японоведению.

Архиепископ Николай постоянно писал и говорил о необходимости для России глубокого и всестороннего изучения Японии, и его труды по сближению обеих стран, без всякого сомнения, нуждаются в отдельном исследовании особенно сейчас, когда в их отношениях наметилась реальная возможность на долгую и взаимно-благополучную историческую жизнь.

Участию многих добрых людей обязана я выходу в свет моего труда. Хочу выразить свою искреннюю признательность Архиепископу Истринскому Арсению, протоиерею Сергию Киселеву — настоятелю храма Живоначальной Троицы Патриаршего Подворья в усадьбе Свиблово (Москва), за ценные советы и замечания, диакону Иоанну Микио Камай (Одатэ) — за любезно предоставленные фото-

графии. Душевно благодарю своих коллег и друзей: профессора Наганава Мицуо, профессора Накамура Ёсикадзу, светлой памяти Игнатия Тадаси Сугано — старосту Токийского Воскресенского кафедрального собора, Евгению Кадзуко Окава (Токио), Никифора Хидэо Киока (Осака), Микумо Сэцу (Токио), Сарая Юсукэ (Осака), Нагао Сумико (Токио) за их советы и разностороннюю помощь; благотворителей-москвичей, пожелавших остаться неизвестными. Отдельная благодарность Петру Дмитриеву, моему сыну, за его многотрудное участие при подготовке рукописи к изданию.

Моя великая дочерняя благодарность светлой памяти мамы, Саблиной Майи Петровны. Её самоотверженные заботы и любовь во многом способствовали появлению этой книги.

Глава 1

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ЯПОНИИ И НАЧАЛО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ

1.1. РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ К МОМЕНТУ ПРОНИКНОВЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ

Вторая половина XIX в. — это период активного развития мировой капиталистической системы с её иерархией передовых и зависимых, эксплуатируемых стран. После насильственного «открытия Японии» перед страной нависла реальная угроза утраты национальной независимости — участь большинства стран Азии, оказавшихся неспособными ответить на вызов Запада и обретших судьбу колоний и полукolonий. Однако Япония, осуществив коренные социально-экономические преобразования, избежала этой участи.

События 1868–1869 гг., известные как «реставрация Мэйдзи», открыли Японии путь капиталистического развития и ускоренной модернизации, радикально изменили структуру японского общества и определили дальнейший путь развития страны. Японцам, чтобы сохранить себя как независимую нацию, предстояло в кратчайшие сроки овладеть достижениями европейцев не только в сфере техники и технологии, но и в строительстве современного государства. Это предполагало освоение новых политических, экономических и иных идей, идей в области культуры, непривычных, а то и чуждых японскому сознанию. Реорганизация общества происходила на базе новой идеологии. Западные идеи — демократия, либерализм, права личности и свобода индивидуума вступили в противоречие с утверждёнными правителями Токугава конфуцианскими правилами подчинения старшим, с сёгуном на вершине социальной пирамиды и массами людей у её основания. Христианство было религией Запада, и считалось, что оно поможет Японии быть принятой в число цивилизованных стран.

В 1871 г. правительство Мэйдзи провозгласило курс на «просвещённую цивилизацию» (буммэй кайка), направленный на преодоление феодальной отсталости страны и всестороннее преобразование японского общества по современному европейскому образцу. В соответствии с новым курсом в 1871 г. из Японии отправилось посольство, возглавлявшееся министром иностранных дел Ивакура Томоми. Посольство было первой официальной дипломатической миссией правительства Мэйдзи и направлялось в пятнадцать стран, с которыми к этому времени существовали дипломатические отношения. В его задачи входило ознакомление с культурой и государственным устройством стран Европы и Америки. Поездка продолжалась около трёх лет, с 1871 г. по 1873 г. В состав посольства входили министры, советники, переводчики и студенты, всего около ста человек (1).

Западный мир, в том числе и Россия, были учителями Японии. Японское правительство, как при военном правителе — сёгуне, так и сменившем его императоре, наняло целую армию специалистов для каждой отрасли знаний из тех стран, которые именно той или иной отраслью особенно славились: так морскому и инженерному делу учили англичане, земледелию, садоводству и скотоводству — американцы, военно-сухопутному делу — французы, медицине и философии — немцы, живописи — итальянцы. Среди иностранных специалистов, работавших на японское правительство в последней трети XIX в., больше всех было англичан, немцев, американцев и французов. Незначительное число составляли уроженцы Голландии и Италии, и только трое русских ставило Россию на девятое место в этом ряду.

Японское правительство не только приглашало специалистов из-за границы, но и посылало туда свою способную молодёжь учиться, чтобы обеспечить европейски образованными кадрами скорейший переход Японии к западной модели развития. Как отмечал профессор Тогава Цугуо, тогдашние власти Японии «классифицировали страны по пяти категориям: цивилизованные, просвещённые, полупросвещённые, нецивилизованные и варварские» (2). Россия по этой классификации была отнесена ко второй группе, так как практика показывала, что в освоении новейшей технологии, создании новой армии, системы народного образования, новых политических структур Россия не могла предоставить Японии таких уроков, как Англия, Франция или Америка. Именно поэтому в Россию из Японии в 1870–1871 гг. было послано только 8 учеников против 107

в Великобританию, 98 в Соединённые Штаты, 41 в Пруссию и 14 во Францию.

Перемены в стране, где старое ломалось под давлением европейских влияний, особенно сказались на мировоззренческом состоянии народа. И если Россия не смогла стать для Японии таким учителем, как страны Запада, то в сфере культуры, включая литературу, театр, музыку, а также общественную мысль и религию, она оказала на неё огромное влияние. Конкретным примером этого влияния является существование Японской Православной Церкви, основанной русским миссионером иеромонахом Николаем (Касаткиным).

В изменениях, происходивших в духовной жизни японцев в эпоху Мэйдзи, особенно важными представляются следующие аспекты.

Первый связан с общественным положением и отношением к общественным обязанностям. Гражданин в феодальной Японии был подчинён обязательствам по отношению к семье, группе, клану. Обычай и обряды диктовали ему модель поведения в жизни. Общественные обязанности оставляли ему мало места для индивидуального выражения до того времени, когда в страну проникло христианское мировоззрение, поставившее вопрос о ценности не только группы, но и отдельной человеческой личности, привнёсшее принципы личной свободы. «Во времена Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, военных правителей Японии XVI в., при которых в страну впервые проникло христианство, тысячи семей получили крещение вслед за своим сюзереном. Но уже в эпоху Мэйдзи японцы стали лично ответственны за принимаемые ими религиозные решения» (3).

Вторым аспектом изменений стало то, что жизнь нации в целом, а не феодальный клан, стала центром внимания. Конституция и новые правила были разработаны применительно для всех классов и провинций. 28-я статья Конституции 1889 г., гласившая: «Все японские подданные пользуются свободой вероисповедания в пределах, совместимых с общественным спокойствием и порядком, а также с их обязанностями, как подданных» (4), гарантировала свободу вероисповедания. И хотя сделано это было в такой весьма своеобразной форме, тем не менее 28-я статья заслуживает высокой оценки как важный жест нехристианского государства, даровавшего свободу вероисповедания христианам.

Оживление скрытой энергии нации стало третьим аспектом происходивших изменений. Начала развиваться промышленность, расширяться торговля, накапливаться материальные ценности и проснулась

тяга к знаниям. «В определённой степени, проявилось желание к усвоению духовных основ христианства, хотя и преобладали второстепенные духовные ценности, доступные через такие институты, как школы, больницы и другие филантропические организации. В годы модернизации японцы превратились в неутомимых, активных людей, движимых новыми импульсами и сильными амбициями. Их энергия была направлена на создание материальных ценностей и инструментов власти» (5).

Свобода и самостоятельность японского народного духа, японская национальная гордость, значительный уровень умственного развития и вместе с тем свежесть и бодрость народа служили двигателями прогресса в Японии. Этот эмоциональный подъём, явившийся определённым вкладом в моральные и интеллектуальные способности нации, можно отнести к четвёртому аспекту.

Миграция населения, новая наука и образование, развитие торговли создали сложные этические проблемы. Пятым аспектом изменений стала «несостоятельность существующих религий и этических принципов. Конфуцианство, буддизм и синто, в равной степени, играли важную роль в аграрной Японии периода феодального правления Токугава. Реставрация императорской власти и вызванные этим изменения раскрыли новые области человеческих отношений, повлекли за собой необходимость адаптации к ним части национальных религий» (6).

Особенности религиозной жизни, превалировавшей в описываемый период, уходят корнями в историческое прошлое японцев. В Японии никогда не существовало единой религиозной организации, подчиняющей и контролирующей всю жизнь человека. Многообразие и толерантность до сих пор остаются важнейшими особенностями японской религиозной жизни.

В основе религиозного сознания японцев лежит синто — «путь богов». Синто зародился в древней Японии как культ поклонения природе и душам усопших предков. С древних времён в синто присутствовала идея государственности, воплощённая в учении о божественном происхождении императора и безусловном повиновении ему японцев. В синто нет систематизированного вероучения, нет конкретных основателей и пророков, что является неотъемлемым свойством любой мировой религии. Это делало его открытым для восприятия не только буддизма, но и конфуцианских и даосских морально-этических норм, а позднее и христианства. По образному определению академика Н. И. Конрада, «термин “синто” — в его

широком значении — покрывает собой всё содержание древнейшей эпохи Японии и служит вместе с тем обозначением своеобразного культурного фактора японской истории в целом» (7).

Буддизм, проникший в Японию в VI в. через Корею, не был воспринят народом как абсолютно чуждый элемент, поскольку не требовал отказа о прежних верований. Буддизм укоренился здесь без каких-либо религиозных войн и привёл к формированию синто-буддийского синкретизма, став, в собственном смысле, главной религией японцев. Правила, заповеди и грехи, сформулированные японскими буддистами, образовали строгий нравственный кодекс. Десять главных грехов «дзюаку» — убийство, кража, стяжательство, невежество, прелюбодеяние, ложь, насмешка над кем-либо, клятва, двуязычность, гнев, а также заповеди, осуждающие гордость, подозрительность и другие оттенки ненормальности человеческого сердца, лежали в его основе. Главными добродетелями считались почтение к родителям и старикам, забота о детях, подчинение властям, милосердие и умеренность в благополучии, а прощение врагам, забвение обид — прямо соответствовали добродетелям христианства. Это нравственное учение японского буддизма и подготовило почву для быстрого распространения здесь христианства. Архиепископ Николай отмечал, что, слушая проповедь секты Монтосю, «можно забыть и подумать, что слышишь христианского проповедника» (8). Буддизм как государственная религия сохранял свои позиции до начала реставрации Мэйдзи.

Конфуцианство, представляющее собой морально-этическое учение, оказало огромное влияние на японскую культурную традицию. Япония узнала о нём в V в., однако неотъемлемой частью жизни нации конфуцианство стало примерно в VII в., когда были заимствованы политические институты из Китая, опорой которым оно служило. Сущность конфуцианства, выраженная в системе пяти отношений (господина и слуги, отца и сына, мужа и жены, брата и брата, друга и друга), способствовала поддержанию доброй нравственности и благосостояния государства. В Японии конфуцианство оказало большое влияние на так называемый класс учёных (дзюся), став здесь, по образному выражению Архиепископа Николая, «альфой и омегой учёной мудрости». (9) Конфуцианство дало им оружие диалектики, развило в них критический дух, поэтому, по мнению Святителя, никто так не способен был к принятию европейских учений как последователи Конфуция. В то же время для христианских миссионеров они представляли наиболее серьёзную трудность, так как

воспитанные на сочинениях Конфуция составили в Японии целый класс рационалистов, религиозных либералов, не признающих никакой видимой формы религии и считающих нравственные правила и сентенции конфуцианства единственно разумным предметом изучения. Конфуцианство, органически связанное со всей дальневосточной историко-культурной традицией, играло ведущую роль в формировании национально-психологического типа представителя Восточно-азиатской цивилизации. Оно способствовало восприятию японцами христианства, что вполне правомерно и в отношении его православной ветви.

Даосизм повлиял на народные верования, привнеся в них, в частности, понятие счастливых и несчастливых дней.

До XVI в. интеллектуальная активность в Японии была связана с религией и носила синкретический характер. Буддизм, конфуцианство и синто гармонично сосуществовали, что благоприятствовало синтезу заимствованных религиозных и философских систем и местных религиозных обычаев и верований. Этот синтез осуществлялся в различных формах, одной из которых служила идея, представлявшая буддизм, конфуцианство и синто в качестве различных стадий в жизни человека и общества. Сфера синто — прошлое, происхождение народа и государства; сфера конфуцианства — настоящее, моральные принципы управления обществом; сфера буддизма — будущее, загробное существование.

Основатель буддийской секты Тэндай (805 г.) Дэнгё Дайси сравнивал буддизм, конфуцианство и синто с «тремя китами, на которых покоится благосостояние Японии» (10).

Многими прекрасными нравственными качествами японцы обязаны этим религиям: буддизму — отсутствием в стране рабства; конфуцианству — великодушием, мягкостью и вежливостью; синто — развитием огромной национальной философской литературы.

Усвоение и гармоничное сосуществование синто, буддизма и конфуцианства явилось результатом присущей японцам адаптивности их мировосприятия.

Религиозный плюрализм как характерная черта духовной жизни Японии оказался одним из благоприятных условий для проникновения в страну христианства в середине XVI в. Это был начальный период национальной консолидации и объединения Японского государства. По времени он совпал с эпохой Великих географических открытий, когда европейцы, отправившиеся в далёкие морские путешествия в поисках новых земель, достигли Японии. В только что

открытую страну устремились торговцы и миссионеры: в 1542 г. португальцы, 1584 г. испанцы и в 1600 г. голландцы. Первым активную проповедь христианства среди японцев начал иезуит Франциск Ксавье, который с небольшой миссией прибыл в 1549 г. в Кагосима, центр княжества Сацума на юге острова Кюсю. Вскоре появились обращённые в христианство японцы, примерно, 150 человек. К 1581 г. в Японии было уже 150 000 христиан. Правда, языковой и психологический барьеры были настолько велики, что послушная паства получала о христианстве весьма туманное представление. «Новообращённые воспринимали его как одну из новых форм буддизма, включающую поклонение Великому Богу, которого они отождествляли с буддой Амида, и кроткой Богородицей, бывшей в их представлении воплощением богини милосердия Каннон» (11).

Одной из причин быстрого успеха миссионеров в Японии было желание крупных феодалов извлечь доход из торговли и контактов с иностранцами. Во владениях только одного христианского даймё, Омура Сумитада (1532–1587), насильственным образом последовали примеру своего сюзерена около 60 000 человек.

Однако вряд ли можно согласиться с распространённым мнением, что христианство само по себе японцев не интересовало. Среди обращённых в новую веру были не только крестьяне, послушные воле расчётливого господина, были среди них и представители наиболее образованной части общества: феодальной аристократии и высшего самурайства. И совсем не все приходили к христианству, руководствуясь экономическими и политическими соображениями. Некоторые считали новую религию более прогрессивной и исповедовали её с полной искренностью. Общим содержанием христианской проповеди и взаимоотношениями внутри христианской церкви интересовались и Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси.

Нобунага дал миссионерам полное право распространять новую веру, и по его распоряжению даже был построен небольшой буддийский храм в Киото (в 1568 г.) памяти Ксавье под любопытным названием «Намбандзи» — «Храм южных варваров», который стал местом почитания христианской религии. Хидэёси в первые годы своего правления был так же дружелюбен по отношению к иезуитам, как и Нобунага, но ему не нравилась активизация их деятельности в среде крупных феодалов и военачальников, поскольку он опасался, что христианство может стать основой союза, направленного против него. Поэтому в 1587 г. Хидэёси издал первый эдикт о запрещении миссионерской деятельности. «Христианская религия хороша,

но она не годится для моей страны», — был короткий ответ Хидзэси одному епископу, протестовавшему против его запрета» (12). Хидзэси, который ещё будучи генералом в армии Нобунага строил планы расширения японского могущества завоеванием иноземных государств, с первого появления иностранцев в Японии не мог не заинтересоваться ими, не изучать их нравов, намерений и их политики. Он был наслышан о делах европейской инквизиции и осведомлён о методах испанских и португальских священников как пособников колониального предпринимательства, и ему нужно было не собственно изгнание христианства, а изгнание европейцев и ограждение страны от их политического влияния. В 1597 г. Хидзэси издал более строгий указ, ставивший христианство в Японии вне закона. Запрещалась не только евангельская проповедь, но и любая деятельность иностранных миссий на всей территории Японии, однако на европейских купцов эти запреты не распространялись.

Сменивший Хидзэси Токугава Иэясу придерживался аналогичной позиции в отношении христиан. Общаясь с иностранными купцами и интересуясь отношениями между протестантскими государствами и римской католической церковью, Токугава понял, что у него есть все основания опасаться вмешательства христианской церкви в дела Японии, которое могло угрожать её суверенитету или власти правительства сёгуна, и что предпочтительнее внешняя торговля без христианских священников. Им была издана целая серия запретов на христианство: в 1606, 1607, 1611, 1612, 1613 и 1614 гг., за которыми последовали гонения и казни. «По данным ордена иезуитов, в период с 1616 по 1629 г. общее число казнённых в Японии христиан составило семьсот пятьдесят человек и несколько тысяч умерло в тюрьмах от пыток» (13). В 1639 г. вышел особенно строгий указ, последовавший после крупнейшего в истории Японии крестьянского восстания на Кюсю, в районе феодального замка Симабара, которое имело христианскую окраску. Христианство стало рассматриваться как вера, учащая противлению властям, и её запретили под строжайшими угрозами: «пока солнце восходит с востока, христианский проповедник не явится более в стране»; «хоть бы сам Бог Христианский пришёл в Японию, и ему голова долой» (14). В таких и подобных выражениях были написаны эдикты против христиан. Указом 1639 г. закрывались все японские порты для европейцев, запрещалось их пребывание на территории Японии и всякого рода отношения с ними. Исключение составили голландцы, которым наряду с китайцами было разрешено вести торговлю под строгим надзором и только в одном порту — в Нагасаки.

Главными причинами быстрого распространения христианства в Японии в XVI в. стало то, что Франциск Ксавье и первые миссионеры появились в стране, когда она была децентрализована, экономически истощена и политически дезорганизована. Поэтому местные даймё были свободны в своём выборе принять или отвергнуть христианскую веру, исходя из своих собственных желаний и выгод. Японцы на протяжении долгих веков заимствовали культуру и религию из Китая, в силу чего были открыты к восприятию иностранных идей и вероучений.

«Первое христианское столетие» в Японии продолжалось с 1540-х по 1640-е гг., однако христианство проникло на Японские острова в виде католичества эпохи Великих завоеваний. Неразумная деятельность миссионеров-католиков, подстрекавших новообращённых к разрушению буддийских святилищ, обманом заставлявших креститься, используя для проповеди далёкие от христианских принципов методы, и, наконец, вмешательство во внутреннюю политику государства, — всё это привело к практическому истреблению христианства и разрушению церквей.

Гонения на христианство и христиан в Японии были вызваны не содержанием религиозных догм, а политической активностью миссионеров христианской церкви, которая несла с собой угрозу независимости страны, национальному единству, моральным и социальным устоям общества. По образному выражению Святителя Николая, японцы стали смотреть на иностранцев, «как на зверей, а на христианство — как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи» (15).

Таким образом, христианская вера — волшебное искусство, обманывающее народ, христианская вера возбуждает народ к неповиновению властям, она открывает иностранцам путь к завоеванию страны, — вот понятия, которые ассоциировались у японцев с христианством двести с лишним лет, до открытия страны в середине XIX в.

Христианство вполне могло бы иметь многовековую историю в Японии, если бы первоначально были заложены семена восточного, а не западного христианства, если бы христианская проповедь не была там с самого же начала дискредитирована католиками-иезуитами, явившимися её первыми проповедниками.

Распространение восточного христианства на Японских островах обязано деятельности Российской Духовной Миссии и её начальника Святителя Николая.

Под угрозой применения военной силы со стороны США Япония была вынуждена вступить в договорные отношения с иностранными государствами. В 1854–1858 гг. она заключила договоры с Америкой, Англией, Россией, Голландией и Францией. Все эти договоры были составлены по образцу американо-японского и фиксировали неравноправное положение Японии.

В страну начался интенсивный наплыв иностранцев. При заключении договоров японцы попытались было выговорить запрещение распространять в их стране христианскую веру, но им ответили на это словами графа Муравьёва-Амурского: «Если я убеждён в истинности моей веры, я не могу не говорить этого, от вас самих зависит слушать меня или не слушать» (16). Тем не менее одним из первых указов императора Мэйдзи был указ, запрещающий принятие христианства. Но это запрещение не вытекало из тех побуждений, какие имели Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу к преследованию и изгнанию христианства, видя в нём религию, опасную в политическом отношении. Это запрещение было результатом усилий возродить синто в качестве национальной и государственной религии на основе провозглашённого принципа единства церкви и государства (сайсэй итти). Однако в 1873 г., когда миссия Ивакура вернулась из поездки по западным странам и доложила, как высоко там чтут свою религию, христианство в Японии было легализовано, и тогда сюда из разных стран устремились миссионеры.

Среди японцев, заинтересовавшихся христианством, были самураи, в основном, средние и мелкие, которые с ликвидацией феодальной системы оказались не у дел и без средств к существованию. Многие не только не могли в силу экономических причин начать предпринимательскую деятельность, но и не хотели унижаться до подобных занятий. Они по-прежнему держались за сословные привилегии, не желая примириться с мыслью, что в новой Японии они стали в один ряд с простолюдинами. Особое возмущение самураев вызывало создание регулярной армии на основе всеобщей воинской повинности и запрет ношения ими мечей как знака избранности. Среди них оказалось довольно много бывших воинов, особенно из княжеств, потерпевших поражение в борьбе с антисёгунской коалицией. Эти самураи испытывали большие трудности в поисках сферы приложения своих сил, поскольку правительство Мэйдзи относилось к ним с недоверием и ограничивало возможность их деятельности в государственном аппарате. Лишь меньшая часть самураев сумела найти себе достойное место в жизни в новых условиях. Стремясь, по

привычке, быть лидерами общества, они предпочитали профессии, которые считали почётными, и «среди них прежде всего службу в государственных учреждениях, армии и полиции. Затем шла преподавательская деятельность, также позволявшая наставлять, направлять, вести» (17). Так среди преподавателей новых начальных школ, особенно в первые десятилетия Мэйдзи, преобладали бывшие самураи.

Контакты миссионеров с бывшими самураями, образованными людьми, отлично знавшими свою традиционную культуру и воспитанными на ней, имели свои сложности. Такие ученики требовали убедительных научных аргументов в объяснении христианского учения, которые они могли бы использовать в спорах с приверженцами других религий и атеистами, а подобные аргументы не лежали на поверхности. Чтобы понимать свою паству и договариваться с ней, было необходимо попытаться взглянуть на христианство глазами японцев, воспитанных в культурной атмосфере традиционных национальных верований и убеждений, а для этого серьёзно изучать японский язык, историю страны, её классическую литературу, буддизм, синто и конфуцианство. Благодаря особенностям этих трёх религиозных воззрений слово Евангелия нашло в Японии добрую почву. Как утверждает историк религии Анэсаки Масахару, успехи второго поколения миссионеров объясняются прежде всего теми благородными побуждениями, с которыми неофиты восприняли их проповеди. «Среди этих энтузиастов большинство составляли молодые люди из среды самураев, и их намерения принять христианство во многом были спровоцированы благородными целями создать новую духовную основу для возрождения нации, обновить политическую жизнь в стране. В христианстве их больше всего привлекали не доктрины греха и его искупления, а сила характера Христа и упорство его апостолов. Их вера была более этической, нежели религиозной, и вписывалась в наследованные ими идеи конфуцианства о чести и стойкости в достижении цели; их самурайский дух был вдохновлён и возрождён христианскими идеями» (18). Из этого высказывания японского историка совершенно очевидно, что конфуцианство играло определённую роль в восприятии японцами христианства, что вполне правомерно и в отношении его православной ветви.

Распространение христианства обязано характеру людей, их религиозным воззрениям, политическим и экономическим условиям XIX в. и влиянию абсолютно новой культуры на древнюю цивилизацию Японии. Три христианские конфессии развернули свою деятельность в Японии с того момента, когда иностранцы получили право жить в стране в результате заключённых договоров.

«Римско-католическая церковь была представлена Societe des Missions Etrangeres de Paris. Её миссионеры прибыли в Эдо из Китая 6 сентября 1859 г., а затем они появились в Хакодатэ, Иокогама, Нагасаки» (19). Из этих трёх портов католики обратили особенное внимание на последний, так как в окрестностях его они ожидали найти следы древнего христианства и не ошиблись: несмотря на все ужасы предшествовавших гонений, в народе сохранились ещё некоторые остатки христианских преданий. Таким образом, католические миссионеры нашли уже подготовленную почву, и здесь был основан их главный пост под управлением епископа. По официальным данным, относящимся к 1867 г., в Нагасаки и его окрестностях насчитывалось свыше трёх с половиной тысяч христиан. Однако долгое время японцы не отделяли римско-католическую конфессию от других христианских конфессий.

Протестанты, приехавшие из Англии, Канады, Америки, Германии, являлись представителями различных деноминаций, присущих этим странам. У протестантских миссионеров было не меньше последователей, чем у католиков.

Православная проповедь началась в Японии ещё до открытия там русской духовной миссии, когда в 1859 г. российский консул И. А. Гошкевич на консульские средства построил в Хакодатэ православный храм. В русской церкви слово «миссия» служило названием для причтов при некоторых заграничных церквях, состоявших исключительно из лиц монашествующих, под начальством архимандрита. Обязанностью такой миссии являлось отправление богослужений при церкви в российских посольствах. К подобным миссиям относились римская, иерусалимская, константинопольская, афинская и пекинская. История русского миссионерства тесно связана с историей формирования русского государства, с историей освоения русскими людьми Сибири и Дальнего Востока (20). Русские миссионеры были в значительной своей части не только самоотверженными свидетелями своей веры, но и нередко подлинными создателями культуры целых народов. Среди них таковыми были великий миссионер XIX в., просветитель народов Аляски и Алеутских островов, «апостол русской Америки» Святитель Иннокентий, живший в XIV в. выдающийся просветитель зырян Стефан Пермский, архимандрит Макарий Глухарёв — известный миссионер среди алтайских народов. В XIX в. постепенно охватившие все уголки Российской Империи миссии Русской Православной Церкви начинают с большой активностью и целеустремлённостью выходить в соседние государ-

ства. Проникновение православия в страны Дальнего Востока связано с утверждением двух миссий: Японской (1870 г.) и Корейской (1897 г.). Особо следует упомянуть о Пекинской духовной миссии, учреждённой в конце XVII в. с целью совершения богослужений для давних русских поселенцев Китая, албазинцев. Пекинская миссия имела также своей обязанностью научное изучение религий Китая, его истории и археологии и более двух столетий оставалась школой высших практических и научных знаний во всех областях китаеведения. По выражению Святителю Николаю, Пекинская миссия являлась «матерью японской миссии» (21).

1.2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЕРОМОНАХА НИКОЛАЯ В ХАКОДАТЭ

Давний интерес России к её дальневосточному соседу и попытки России установить дипломатические и торговые отношения с Японией привели к тому, что 22 августа 1853 г. русский вице-адмирал Евфимий Васильевич Путятин прибыл в Нагасаки на флагманском фрегате «Паллада» в сопровождении четырёх кораблей с миссией установить границу между обеими странами. В 1854 г. он вновь появился у берегов Японии на фрегате «Диана», чтобы открыть ворота страны и завязать с ней отношения. В отличие от американского коммодора Мэтью Перри, пришедшего 8 июля 1853 г. в Урага со своей эскадрой «чёрных кораблей» и вынудившего правительство сёгуна под дулами пушек заключить в марте 1854 г. договор о дружбе с Америкой («Канагавский договор»), Путятин не прибегал к угрозам. Стараниями вице-адмирала и одного из высших чиновников правительства бакуфу Кавадзи Тосиакира и, не в последней степени, благодаря дружеским чувствам, установившимся между этими двумя представителями России и Японии, в феврале 1855 г. в Симода был заключён первый русско-японский договор о дружбе («Симодский трактат»), а в августе 1858 г. в Эдо подписан официальный русско-японский договор о дружбе и торговле. По «Симодскому трактату» порты Нагасаки, Симода и Хакодатэ открывались для торговли с Россией.

В сентябре 1855 г. Россия открыла консульство в Хакодатэ, и первый русский консул И. А. Гошкевич приступил к исполнению

своих обязанностей. Гошкевич был сыном деревенского священника в Белоруссии, воспитывался в Минской семинарии и, закончив Петербургскую Духовную Академию, почти десять лет провёл в Пекине в составе Русской духовной миссии. Поступив после возвращения в Россию в Азиатский департамент МИДа, Гошкевич посещал Японию в составе посольства Путятина и присутствовал на переговорах с представителями японского правительства в 1853 г. в Нагасаки и в 1854–1855 гг. в Симода в качестве переводчика китайского языка.

Как было указано выше, в 1859 г. И. А. Гошкевич на консульские средства построил в Хакодате, на Хоккайдо, русскую православную церковь во имя Воскресения Христова. Он был её архитектор и ктитор. Первый священнослужитель Воскресенского храма флотский протоиерей Василий Махов в июле 1860 г. из-за болезни вернулся в Россию. Консул Гошкевич через российское министерство иностранных дел направил в Святейший Синод прошение о присылке преемника о. В. Махову. В этом прошении Иосиф Антонович писал: «Настоятель православной церкви также может содействовать распространению христианства в Японии» (22). Хотя христианство находилось здесь под строжайшим запретом, Гошкевич видел перспективы миссионерства на Японских островах. В прошении Святейшему Синоду Гошкевич особо подчёркивал, чтобы посылаемый священник был «не иначе, как из кончивших курс духовной академии, который мог бы быть полезным не только своей духовной деятельностью, но и учёными трудами, и даже своею частною жизнью в состоянии был бы дать хорошее понятие о нашем духовенстве не только японцам, но и живущим здесь иностранцам» (23). По запросу Гошкевича в Хакодате из Петербургской Духовной Академии прибыл 25-летний иеромонах Николай, обладавший теми качествами, которые требовал русский консул.

Иеромонах Николай, в миру Иван Дмитриевич Касаткин, родился 1 августа (по старому стилю) 1836 г. в Егорьевском погосте деревни Берёза Бельского уезда Смоленской губернии в семье диакона местной церкви. Образование получил в духовном училище города Бельска и в Смоленской духовной семинарии. Как лучший воспитанник этой семинарии он был отправлен на казённый счёт для продолжения образования в Петербургскую Духовную Академию, которую окончил со степенью кандидата богословия в 1860 г. Он выразил желание ехать в Японию, но не женатым священником, как предлагали его товарищи, а монахом, поэтому ему дано было преимущество перед ними, и он получил назначение в Хакодате мис-

сионером и консульским священником. Впоследствии св. Николай так вспоминал то время: «Будучи от природы жизнерадостен, я не особенно задумывался над тем, как устроить свою судьбу. На последнем курсе духовной академии я спокойно относился к будущему, сколько мог, веселился и как-то отплясывал на свадьбе своих родственников, не думая о том, что через несколько времени буду монахом. Проходя как-то по академическим комнатам, я совершенно машинально остановил свой взор на лежавшем листе белой бумаги, где прочитал такие строки: “Не пожелает ли кто отправиться в Японию на должность настоятеля консульской церкви в Хакодате и приступить к проповеди Православия в указанной стране”. А что, не поехать ли мне, — решил я, — и в этот день за всюнощной я уже принадлежал Японии» (24).

24 июня 1860 г. Ивана Касаткина постригли в монашество. 29 июня он был рукоположен в иеродиакона, а на следующий день в иеромонаха. Постригавший — епископ Нектарий сказал: «Не в монастыре ты должен совершать течение подвижнической жизни. Тебе должно оставить самую Родину, идти на служение Господу в страну далёкую и неверную. С крестом подвижника ты должен взять посох странника, вместе с подвигом монашества тебе предлежат труды апостольские» (25).

1 августа 1860 г. 24-летний иеромонах Николай выехал в Японию, на место своего служения, взяв с собой икону Смоленской Божией Матери, которую хранил всю свою жизнь. На его погребении её несли перед гробом. Дорога через Сибирь оказалась долгой и трудной, и о. Николаю пришлось зимовать в Николаевске-на-Амуре, так как навигация уже закончилась. Здесь, в Николаевске, который за два года до этого стал епархиальным городом для Камчатки, Курильских и Алеутских островов, он встретился с его архиереем, знаменитым своей миссионерской деятельностью среди северных малых народов Преосвященным Епископом Иннокентием (Вениаминовым), ставшим позже Митрополитом Московским и Коломенским. Встреча с великим миссионером, который отнёсся отечески к молодому иеромонаху, делясь с ним своим богатым опытом и давая мудрые советы, стала для о. Николая настоящей миссионерской школой, курсом практических знаний, не преподававшихся в академии. Владыка сообщил ему много полезных сведений, сам скроил для него из бархата рясу и в виде благословения возложил на него бронзовый крест. «Преосвященный Иннокентий являлся в глазах о. Николая новым Стефаном Пермским, некогда просветителем

зырян. В молодости, живя на острове Уналашке Алеутского архипелага и бесстрашно плавая по океану с острова на остров на одноместном челноке из тюленьей кожи, о. Иннокентий Вениаминов методично и ревностно изучал различные алеутские наречия и постоянно записывал свои исследования и наблюдения. Ему удалось поэтому составить алеутский словарь и букварь, а затем и грамматику. По собственным учебникам он обучал туземных детей их языку в основанных им школах. Для своей паствы он написал на алеутском языке ставшую широко известной книгу “Указание пути в Царство Небесное” (выдержавшую ряд изданий и на славянском, и на русском языках в Синодальном издательстве). Он лично перевёл на алеутский язык Православный Катехизис и Евангелие от Матфея.

Архиепископ Иннокентий научил иеромонаха Николая ещё одному: необходимости помогать своим пасомым в их бытовых и культурных нуждах, обучать их ремёслам, гигиене, санитарному делу и борьбе с болезнями» (26).

Высокопреосвященный (с 1868 г. уже Митрополит Московский. — Э.С.) Иннокентий с вниманием относился к Японской Церкви и много лет спустя после проводов иеромонаха Николая в Японию, став председателем совета Всероссийского Православного Миссионерского Общества, находившегося под покровительством императрицы Марии Федоровны. История его начинается с 1865 г., когда оно было учреждено в Петербурге под названием «Миссионерское общество для содействия распространению христианства между язычниками». Дела Общества не отличались успехами, пока Московскую кафедру не возглавил Высокопреосвященный Иннокентий. 21 ноября 1869 г. был утверждён его новый устав, а 25 января 1870 г. Митрополит Иннокентий открыл Общество в Москве. В его уставе говорилось: «Общество состоит в Москве, где находится совет его. Председатель совета — Митрополит Московский, а Покровительница — Государыня Императрица Мария Фёдоровна. Совет составляется из светских и духовных лиц, частью по выбору общего собрания, частью по назначению председателя. Кроме совета общества в губернских городах открываются комитеты или отделения общества под председательством местных епископов. Общество имеет своей задачей — поддержку существующих и открытие новых миссий преимущественно в пределах России, а по времени и средствам и вне её, и при них церквей, школ, больниц, общин и других полезных для новообращённых в христианство учреждений. Общество состоит из людей всех званий и состояний и в этом смысле есть и должно быть всероссийским» (27).

С открытием Общества начались пожертвования на миссионерское дело со всей России, в том числе от лиц Царского Дома. Нижеприведённые цифры характеризуют деятельность общества, число членов которого из года в год возрастало (до 1888 г. не превышало 7 тысяч человек, в 1888 г. оно поднялось до 9,5 тысяч, а в следующем году до 12 849 человек), возрастали и доходы общества: в 1888 г. — 286 800 руб., в 1893 г. — 331 186 руб (28).

Иеромонах Николай прибыл в Хакодате на русском корабле «Америка» 2 июля 1861 г. Это был оживлённый портовый город на Хоккайдо, открывшийся для внешних сношений в конце эпохи Токугава (1603—1868 гг.) и ставший поприщем активной деятельности японцев из разных частей страны и иностранцев со всех концов света, одним из маленьких центров международной культуры наряду с Нагасаки и Канагава. Прибывший о. Николай ещё сохранял юношеские мечты и представлял себе Японию, внимающей евангельскому благовестию. Однако совсем скоро ему пришлось пережить глубокое разочарование. Святитель с горьким юмором рассказывал об этом архимандриту Сергию Старгородскому, позже присоединившемуся к проповеднической деятельности в Японии: «Когда я ехал туда, я много мечтал о своей Японии. Она рисовалась в моём воображении, как невеста, поджидавшая моего прихода с букетом в руках. Вот проснётся в её тьме весть о Христе, и всё обновится. Приехал, смотрю, — моя невеста спит самым прозаическим образом и даже не думает обо мне. Тогда я был молод и не лишён воображения, которое рисовало мне толпы отовсюду стекавшихся слушателей, а затем и последователей слова Божия, раз это последнее раздается в Японской стране. Каково же было моё разочарование, когда я, по прибытии в Японию, встретил совершенно противоположное тому, о чём мечтал... Надо мной издевались и бросали камнями» (29).

В такой обстановке, тем более без знания японского языка, нельзя было и думать открыто проповедовать Евангелие, поэтому о. Николай, совершая в консульской церкви службы для консула и его подчинённых, а также для экипажей приходящих в порт русских судов, приступил к изучению языка, литературы, истории, религии Японии, стараясь проникнуть в душу японского народа, в дух его истории, в его мировоззрение. «Я старался, — говорил о. Николай, — сначала со всею тщательностью изучить японскую историю, религию и дух японского народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы там надежды на просвещение страны Евангельской проповедью».

Что же оказалось? Отец Николай отвечает: «Чем больше я знакомился с страной, тем более убеждался, что очень близко время, когда слово Евангелия громко раздастся там и быстро понесётся из конца в конец Империи» (30). О. Николай ревностно принялся изучать японский, как он сам говорил, «варварский язык, положительно труднейший в свете» (31), и о котором когда-то католики писали, что он «изобретён самим дьяволом с целью оградить Японию от христианских миссионеров» (32). Он достиг удивительного знания этого языка, как разговорного так и литературного, и по свидетельству известного японоведа Д. Позднеева, лично знавшего Владыку, говорил по-японски не только свободно и легко, но и красиво и сильно, хотя и с акцентом, свойственным жителям северной префектуры Акита, так как учителем св. Николая был выходец из Акита врач Кимура Кэнсай. В изучении языка и страны помогал и консул Гошкевич, пионер русской японологии и автор первого японо-русского словаря.

Научившись говорить и писать на японском языке, употреблявшимся для оригинальных и переводных учёных сочинений, св. Николай взялся за перевод Нового Завета с китайского на японский, проверяя и поправляя перевод с одним учёным японцем. Перевод шёл следующим образом: японец, хорошо понимавший китайскую книгу, переводил Евангелие на японский, св. Николай с другим учёным японцем проверял и поправлял перевод. Владыка оставил свидетельство о своём первом переводческом опыте: «Работа шла очень быстро, пока я, постепенно знакомясь с китайским текстом, не дошёл до окончательного разочарования в авторитетности его самого. Я выписал из Китая другой перевод Нов. Завета. Оказывается, что один буквален до шероховатости языка и часто до непонятности, другой изукрашен — очень часто до совершенной перефразировки и до пропуска или вставки многих слов. Это заставило меня тщательно следить за текстом по русскому и славянскому переводам. Изредка встречающиеся несогласия между тем и другим (всегда сколько я заметил, не в пользу первого) побудили меня заглядывать ещё в Вульгату и в английский текст, наконец, я достал и греческий Нов. Завет. Просматривая каждый стих во всех этих чтениях, а в трудных местах прочитывая и толкование Златоуста, я, наконец, дошёл до такой медленности в переводе, что в 5 часов, которые посвящались в сутки на эту работу, переводил не более 15 стихов» (33).

Кроме этого были переведены: Соборные послания, Послания апостола Павла к Галатам, Ефесянам, Филиппийцам и Колоссянам,

половина Послания к Римлянам, а также Православное Исповедание св. Димитрия Ростовского, Катехизис для оглашенных, Краткая история Ветхого Завета, утренние и вечерние молитвы, обряд присоединения иноверных и крещения.

О том, как сильно было желание молодого иеромонаха Николая просветить Японию светом христианского учения и не отстать при этом от инославных миссионеров, толпы которых, по его выражению, «в видах скорой и обильной жатвы, католические и протестантские державы давно уже выслали сюда» (34), (в 1868 г. в Хакодате проживали два, в Йокогаме — три, в Нагасаки — четыре иезуита, протестантских миссионеров было почти столько же, а православных — только один), видно из его письма Иннокентию, Митрополиту Московскому: «Католичество и протестанство облетели весь мир. Вот почти единственный уголок земли, где и православие могло бы принести свою чистую, беспорочную лепту. Ужели и здесь православие ничего не сделает? Нет, не может быть, даст Бог! С этим “Даст Бог!” я поехал в Японию; с ним ежедневно ложусь спать и просыпаюсь; оно всосалось мне в плоть и в кровь; для него я семь лет бился над японским языком, чуть не ежедневно вздыхая о том, что сутки состоят не из ста часов и что нельзя все эти сто часов употребить на изучение языка. Много раз сомнение о том, будет ли какая-нибудь польза из моих трудов, закрадывалось мне в душу и — Боже! — не было ничего тяжелее этих сомнений. Много раз меня также манила на своё поле наука; японская история и вся японская литература — совершенно непечатые сокровища, — стоит лишь черпать целыми пригоршнями, всё будет ново, интересно в Европе и труд не пропадёт даром. Но наука и без меня найдёт себе много сынов, пусть другие несут ей в дар свои силы, мой же всецело посвящен надеждам миссионерским» (35). В этих словах отца Николая, отличавшегося поистине апостольской ревностью и любовью к своему делу, нет и тени преувеличения. Он любил миссионерский труд, любил своих духовных чад — японцев искренней любовью, о чём свидетельствуют страницы его дневника. Сами японцы сразу же увидели искренность отношений к ним иеромонаха Николая и даже распустили легенду, будто он — сын японца, бежавшего некогда в Россию из Японии от преследований своего правительства, принявшего в России христианство и женившегося там — от этого брака и родился о. Николай.

Что касается непосредственно самой миссионерской деятельности, то, как всегда, здесь помог случай: через четыре года по прибы-

тии о. Николая в Хакодате он знакомится с Савабэ Такума, синтоистским жрецом и бывшим самураем из княжества Тоса на Сикоку, который приходил в консульство обучать японскому фехтованию кэндо сына Гошкевича. Савабэ, происходивший из самурайского рода Кувадзу (его прежняя фамилия), около 1848 г. пришёл в Хакодате и стал учителем кэндо. Спустя некоторое время он женился на дочери хакодатского синтоистского жреца Савабэ, с условием сделаться его преемником по должности и принять его фамилию, так как Савабэ не имел сыновей. Фехтовальщик очень гордился своим отечеством, верой своих предков, и потому презирал иностранцев и их религию. Иеромонах Николай, постоянно встречавший его злобный взгляд, не считал нужным искать знакомства с ним, но однажды Савабэ сам зашёл к нему, честно признавшись в своём намерении убить о. Николая за то, что тот распространяет христианскую веру. Миссионер заметил Савабэ, что было бы справедливо предварительно познакомиться с учением этой веры и тогда уже выносить такой или иной приговор, и предложил выслушать изложение этого учения, на что Савабэ охотно согласился. О. Николай писал о нём в Россию митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Исидору: «Ходит ко мне один жрец древней религии изучать нашу веру. Если он не охладет, или не погибнет (от смертной казни за принятие христианства), то от него можно ожидать многого» (36). Спустя год, Савабэ привлёк к христианству своего друга, врача Сакаи Токурэй, и ещё в течение года они нашли и третьего, тоже врача, Урано Дайдзо, желающего слушать у о. Николая православное учение.

Таким образом, Павел Савабэ, став первенцем православной церкви в Японии, впоследствии привлёк в её лоно многих своих соотечественников. Отец Николай и Павел Савабэ — вот первые насадители на Японских островах семени православия, разросшегося со временем в громадное дерево.

О. Николай учил японцев и русскому языку, открыв для этого у себя в доме школу. Он считал, что на миссионеров из японцев нельзя рассчитывать до тех пор, пока не появится на японском языке полная богословская литература, однако японцы могут быть полезны как катехизаторы под непосредственным руководством действительного миссионера.

В Хакодате, ставшим местом последнего сражения гражданской войны 1868–1869 гг., закончившейся поражением антиправительственных сил, будущему Владыке пришлось применить свой практический миссионерский такт, приспособившись к существующим

обстоятельствам и условиям жизни основываемой им Церкви. Он обучил нескольких катехизаторов, в дома к которым уже собиралось около двадцати человек, желающих знакомиться с православным учением, и как раз в Хакодате были получены указы нового правительства, среди которых один, запрещавший принимать христианскую веру. Таким образом, катехизаторам угрожала опасность быть посаженными в тюрьму и, может быть, казнёнными. О. Николай писал: «Не колеблясь долго, я решился избавить их от этой участи. Так как они давно уже приготовлены были к крещению, то я (18-го мая) крестил их, нареки имена; снабдил книгами и отправил в разные стороны... Целью их путешествия, кроме ближайшей — скрыться от опасности, поставлено ещё то, чтобы они хорошенько разузнали везде направление умов, постарались найти людей, нужных для нашего дела и, наконец, если можно, положили по местам хоть начатки христианских обществ. Для всего этого они снабжены подробными наставлениями, сообразными с важностью дела и с личным характером каждого. Но всё это на всякий случай; в глубине души я очень мало питаю надежды на их успехи; пусть бы хоть сами остались целы, да не компрометировали себя» (37).

Эти трое японцев, которых в мае 1868 г., крестил о. Николай, были вышеупомянутые Савабэ, Сакаи и Урано. св. Николай нарёк их, соответственно, Павлом, Иоанном и Яковом. Они стали его первыми помощниками в созидаемой им Японской Православной Церкви, первыми проповедниками христианства в Японии, особенно в тех областях, куда отец Николай, как иностранец, не имел доступа.

Таким образом, в 1868 г. крещением Павла Савабэ, а также Иоанна Сакаи и Якова Урано было положено начало Японской Православной Церкви.

Когда число православных христиан стало постепенно возрастать, о. Николай, ободрённый переменами в политической жизни Японии, решил отправиться в Россию ходатайствовать перед Святейшим Синодом о разрешении открыть на Японских островах русскую духовную миссию. Оставив паству на попечение своих помощников, он в 1869 г. выехал на родину, получив разрешение на увольнение в отпуск.

В его отсутствие первенцы японского православия занимались катехизаторством. Иоанн Сакаи, вернувшись на свою родину в княжестве Сэндай, старался обратить в христианскую веру своих родных и ближайших знакомых. То же старался делать у себя дома, в княжестве Намбу, и Яков Урано. Павел Савабэ, оставаясь в Хакодате,

активно проповедовал учение Христа среди молодых самураев сёгунской армии, делая упор на их патриотические чувства. Он говорил: «Чтобы возродить государство, необходимо объединить сердца людей, а чтобы объединить сердца людей, необходимо, чтобы у них была одна и только одна настоящая религия. Если у вас есть искреннее желание служить государству, следуйте за мной» (38). Многие самураи прислушались к тому, что проповедовал Савабэ, и после сражения, положившего конец гражданской войне в Японии, посвятили свою жизнь новой религии. Они стали помощниками о. Николая в его миссионерских трудах. Хотя, как указывает профессор Наганава Мицуо, «мотивы принятия ими христианства были, в отличие от последующих поколений, в равной степени, как политическими, так и религиозными. Уход в мир религии означало для них продолжение их протеста новой власти» (39).

О том, что о. Николай тайно занимается проповеднической деятельностью в Хакодате в условиях запрета на христианство, в России впервые узнали от консула Гошкевича, который вернулся из Японии в 1865 г., а в 1867 г. вышел в отставку. Он уведомил об этом Миссионерское Общество, о чём 8 октября 1867 г. сообщила влиятельная российская газета «Московские ведомости»: «Совет Миссионерского Общества получил весьма утешительные сведения о деятельности иеромонаха Касаткина в Японии... Неужели возможно оставить почтенного иеромонаха без помощи?... В западных государствах подобная деятельность миссионера пользуется общим сочувствием. Будем надеяться, что и наше общество отзовётся на заявление Совета Миссионерского Общества, которому только что, 13-го сентября, впервые сделались известны через г. Гошкевича и действия иеромонаха Николая, и потребности нашей японской миссии» (40).

Первое пребывание о. Николая на родине в 1869–1870 гг. оказалось плодотворным: постановлением Святейшего Синода от 6 апреля 1870 г. в Японии учреждалась Российская Духовная Миссия, начальником её назначен о. Николай с возведением его в сан архимандрита, его помощником священник Григорий Воронцов, окончивший Казанскую Духовную Академию. Миссия была подчинена ведению Камчатского епископа. За свою деятельность в Японии 12 апреля 1870 г. о. Николай был представлен к ордену св. Анны 2-й степени. О. Николай ходатайствовал перед Святейшим Синодом о назначении ему в помощь трёх лиц с богословским образованием, для успеха миссионерского дела предполагая разместить их в следующих местах: Нагасаки — колыбели христианства в Японии, Токио —

столице, Киото — столичном городе в центре Японии, Хакодате — местонахождении русского консульства и церкви, откуда удобно действовать в северной части страны. О. Николай рассчитал, что для трёх миссионеров потребуется устроить дома, назначить им содержание по 2000 рублей в год. Таким образом, Миссии требовалось 10 000 рублей единовременно и 6 000 рублей ежегодно на содержание миссионеров. Святейший Синод обратился к министерству финансов с предложением об ассигновании на дело Миссии этих сумм, и министерство дало согласие на выделение половины просимого.

Одной из причин успешного ходатайства о. Николая перед Святейшим Синодом было то, что перед поездкой в Россию он глубоко продумал и подготовил свод правил, лёгших в основу деятельности будущей Миссии. «Положение для Российской Духовной Миссии в Японии», представленное о. Николаем, было утверждено Святейшим Синодом. В параграфе первом говорилось: «Миссионеры, кроме своих занятий, обязаны уделять часы для поддержания и расширения своего образования. Чтение книг и трактатов богословского содержания необходимо для преуспеяния и изучения православного вероучения и для того, чтобы быть всегда готовым на разрешение вопросов, возражений и недоумений. Чтение научных книг также необходимо в стране, где на миссионеров будут смотреть не только как на представителей религии, но и как на представителей русского образования» (41). Св. Николай считал необходимым, чтобы выбор миссионеров был сделан тщательно. «Нет сомнения, что скоро откроется для иностранцев вся Япония, и тогда католики и протестанты вышлют сюда целые легионы своих миссионеров; в количестве мы, во всяком случае, не можем идти в уровень с ними, — пусть же хоть качеством восполнены будут до некоторой степени наши количественные недостатки», — так писал он 15 июля 1868 г. (42). Это положение о занятиях миссионеров было характерно не только для всей работы Миссии в Японии, но и для самого св. Николая. Образованный богословски, впоследствии получивший от Петербургской Духовной Академии учёную степень доктора богословия, он стал серьёзным учёным-востоковедом, о котором японцы говорили, что он знает историю и культуру Японии лучше многих японцев. Миссионеры должны были не только проповедовать Евангелие на японском языке, но и переводить Священное Писание и составлять учебники по Закону Божию для детей. Кроме того миссионер должен был всегда держать свои двери открытыми для всех, кто пожелает его слушать, так же как и идти всюду, где будет видеть надежду на успех проповеди.

Св. Николай составил правила для Общества проповедников, которое с течением времени он собирался организовать. Они представляют особый интерес тем, что показывают, насколько важной считал св. Николай работу по обращению в христианство задолго до отмены запретов на него, а также, что и впоследствии эти правила успешно применялись. Правила, выдержки из которых приводятся ниже, (полностью даны в Приложении), передают нам не только мысли и настроение св. Николая, но и рисуют нам атмосферу, в которой происходило созидание Православной Миссии в Японии:

«Проповедники объединяются в совещательный орган. Объясняя другим христианское учение, проповедники в то же время продолжают изучать его сами. Проводимые собрания должны быть двух видов. На первых — проповедники читают и объясняют Новый Завет тем, кто усвоил основное учение и желает учиться дальше. Такие собрания должны проводиться проповедниками по очереди дважды в неделю. Все обязаны посещать их, но если кто-либо никак не может присутствовать, то к следующему собранию положено узнать у кого-нибудь из слушателей, о чём говорилось на предыдущем.

На вторых — проповедники объясняют Символ Веры, Молитву Господню и Десять заповедей начинающим слушать учение, будь то мужчины, женщины или дети. Эти собрания тоже проводят два раза в неделю, причём проповедники должны разделить слушателей на группы по их уровню знаний» (43).

Помимо проведения собраний, проповедники должны были каждый день выходить в город, стараясь найти новых слушателей. Они обязаны были идти в дом к тем, кто не мог посещать собрания, чтобы объяснять Символ Веры, Молитву Господню и Десять заповедей. Это считалось делом первоочередной важности. Когда слушатели глубоко усваивали основные положения христианского учения, тогда проповедник рекомендовал их священнику для крещения.

По воскресеньям проповедники обязаны были собираться в доме священника для совместных консультаций о проделанной работе за прошедшую неделю и о планах на следующую. Необходимо было вести учёт крещений, рождений, бракосочетаний и смертей, а также учёт доходов и расходов и первые собранные деньги употребить для распространения христианства. Согласно правилам, когда число крещёных достигало пятисот человек, одного из проповедников рукополагали во священника, а когда — пяти тысяч, возникала необходимость назначения епископа.

Все проповедники, называвшиеся катехизаторами, отправляясь в разные концы страны проповедовать христианское учение, обяза-

ны были строго следовать вышеуказанным правилам. Св. Николай подчёркивал, что миссионеры должны прежде всего находить среди верующих людей, способных стать катехизаторами, и не жалеть ни времени, ни усилий, ни средств для их образования. Миссия обязана была обеспечивать материальное содержание катехизаторов, первым делом которых являлось свидетельство христианского учения среди своих домашних, родственников и соседей. Особую заботу следовало проявлять в воспитании детей верующих в христианском духе.

Таким образом, особенностью зарождавшейся Японской Православной Церкви было то, что катехизаторами являлись сами японцы, чья проповедническая деятельность, в первую очередь, акцентировалась на собственной семье, родственниках, знакомых. Правила, определённые св. Николаем для катехизаторов, стали основой распространения православия в Японии и напоминали церковь первых времён христианства.

Возвратившись в Японию, о. Николай имел возможность порадоваться, что благодаря стараниям Павла Савабэ и его друзей росла Церковь Христова: православная проповедь нашла благоприятную почву в Сэндай, проникла в Намбу, Акита — в области, недоступные для иностранцев. Хотя проповедь всё ещё была тайной, но число оглашенных увеличивалось, и о. Николай мог сказать: «Здесь не проповеднику веры нужно гоняться за тонущими душами, а, напротив, здесь за ним гонятся, его ищут» (44). Архимандриту Николаю нужен был помощник, так как приехавший с ним в Японию кандидат Казанской Духовной Академии священник Григорий Воронцов оказался непригодным для миссионерской работы, и о. Николай уже через три месяца нашёл удобный повод отправить его обратно в Россию.

Кроме миссийских дел, у о. Николая были и такие неотложные церковные дела, как капитальный ремонт консульской церкви в Хакодате, в то время единственной православной церкви в Японии. Богослужение в ней ещё совершалось на церковно-славянском языке, но «Господи, помилуй», «Святой Боже», «Отче наш», Евангелие и Апостол читались и пелись по-японски. Это были одни из первых переводов архимандрита Николая. При церкви была открыта и первая школа русского языка для готовящихся принять христианскую веру и желающих учить язык. Учеников собралось довольно много, и занятия пришлось проводить в небольшой квартире самого начальника Миссии, так что сам он мог занимать только одну комнату, служившую ему и спальней, и столовой, и приёмной для посетителей, а когда из России прислали для Миссии литографскую машину,

то и её поместили в этом доме. Средств для расширения миссионерского дела не хватало, хотя о. Николай и отдавал ему большую часть своего жалованья. В рапорте Святейшему Синоду он просил предупредить того, кто захочет заменить уехавшего отца Григория, что из двух тысяч рублей назначаемого ему жалованья, по крайней мере, половину он должен считать не своей собственностью, а предназначенной на нужды Миссии, в том пункте, куда он будет поставлен служить. «И вот жду, жду я себе другого товарища. Не ждёт с таким нетерпением влюбленный жених свидания с невестой, как я жду его!» — записывал о. Николай в 1872 г. в своём дневнике (45). В том же году на таких условиях к нему приехал иеромонах Анатолий Тихай, кандидат Киевской Духовной Академии, в котором будущий Святитель нашёл истинного собрата и друга. Родом из старинного городка Хотин, в Бессарабии, он учился в Кишинёвской семинарии, но, не окончив её, ушёл в монастырь на Афон, где и был пострижен в монашество. После четырёхлетнего пребывания на Афоне он вернулся в семинарию и, окончив её в 1867 г., а затем и Киевскую Духовную Академию, был направлен в Японию в качестве члена Православной Миссии, работе для которой отдал двадцать один год. В журнале «Миссионерское обозрение» (1879 г., № 46) был опубликован «Дневник русского православного миссионера» иеромонаха Анатолия. Впечатления его, как человека наблюдательного, очень ценны для конкретного представления о культурном уровне Японии и обстановке, которую он застал в Хакодате. В 1878 г. отец Анатолий переехал для проповеди в Осака, где построил миссионерский дом, храм и катехизаторскую школу. Затем он был переведён настоятелем посольской церкви в Токио, но и тогда продолжал ревностно помогать начальнику Миссии.

В Хакодате о. Николаем было крещено около пятидесяти человек, и город долгое время оставался главным центром православия в Японии. Сюда приходили из северных провинций страны, особенно из Сэндай, слушать православное учение, многие из приходящих принимали здесь крещение. Были примеры крещения целых семейств. Стараниями отца Анатолия к концу 1873 г. всенощную уже служили полностью по-японски. По окончании всенощного богослужения, как правило, устраивалось чтение истории церкви или же проводились беседы катехизаторов. Постепенно составилась маленький хор, основание которому положил псаломщик консульской церкви Виссарион Сартов, напевы целиком были взяты русские с незначительными изменениями. Желая сделать богослужение в зарождающейся Японской Церкви, насколько возможно, красивым,

о. Николай с о. Анатолием в начале 1874 г. вызвали из России на свои собственные средства специалиста, который бы организовал, как следует, церковное пение в Японии. Это был родной брат отца Анатолия Яков Тихай, студент семинарии, бывший учителем пения в одной из московских гимназий.

Всех крещёных в Хакодатэ к середине 1874 г. было около трёхсот человек. К этому времени в миссионерской литографии были напечатаны на японском языке только три книжки: Главные молитвы, Православное исповедание веры св. Димитрия Ростовского, Катехизис для оглашенных и подготовлены к печати переведённые архимандритом Николаем: Краткая священная история, Евангелие от Матфея и Чин оглашения язычников, желающих принять православную веру.

При хакодатской церкви устроили братство, целью которого было оказание помощи нуждающимся христианам.

Таким образом, Хакодатэ, где более десяти лет существовала русская церковь, служил главным центром православия в Японии. Братская жизнь его общины напоминала первые времена христианства.

Приезд иеромонаха Анатолия, которому о. Николай поручил заботы о церкви и передал школьное дело в Хакодатэ, дал возможность перевести центр Православной Миссии в столицу страны — Токио. Миссия разделилась на два стана.

Так закончился первый период в истории Японской Православной Церкви, начало которой было положено крещением Павла Савабэ, Иоанна Сакаи и Якова Урано в 1868 г.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы: 1) традиционные особенности религиозной жизни Японии создали в ней относительно благоприятную почву для распространения христианства, в частности, православия; 2) период пребывания иеромонаха Николая в Хакодатэ с 1861 г. по 1869 г. явился подготовительной стадией к его последующей деятельности по распространению православия в Японии. Главнейшая работа его в эти годы была сосредоточена на изучении японского языка и Японии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Цудзи Дэнноскэ*. Нихон бунка си. (История японской культуры). — Токио, 1955. Т.7. С.30–31.

2. *Тогава Цугую*. Мэйдзи исин дзэнго-ни окэру нихондзин-но росиакан. (Взгляды японцев на Россию до и после реставрации Мэйдзи). Росиа то Нихон, 2. — Токио, 1990. С.33.

3. *Winburn T. Thomas*. Protestant beginnings in Japan. — Tokyo, 1959. P.22.
4. История Японии. 1868–1998. Учебное пособие II. — Москва, 1998. С.120.
5. *Winburn T.* Указ. соч. С.23.
6. Там же. С.24.
7. *Конрад Н.И.* Японская литература в образцах и очерках. — Ленинград, 1927. Т.1.
- C.47.
8. Япония. Докладная записка иеромонаха Николая директору Азиатского Департамента П.Н. Стремоухову. (Далее см. «Докладная записка иер. Николая»). — Русский архив. — С-Петербург, 1907, №4. С.588.
9. Там же. С.572.
10. *Winburn T.* Указ. соч. С.25.
11. *Гришелёва Л.Д.* Формирование японской национальной культуры. Конец XVI — начало XX века. — Москва, 1986. С.24.
12. Докладная записка иер. Николая. С.598.
13. *Навлицкая Г.Б.* Нагасаки. — Москва, 1979. С.40.
14. Цит. по: Докладная записка Николая. С.599.
15. Цит. по: *Позднеев Д.* Архиепископ Николай Японский. Воспоминания и характеристика. — СПб., 1912. С.4.
16. Докладная записка иер. Николая. С.600.
17. *Гришелёва Л.Д.* Указ. соч. С.222.
18. *Anesaki Masaharu*. History of Japanese Religion. — Tokyo, 1980. P.18.
19. *Winburn T.* Указ. соч. С.69.
20. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. — С-Петербург, 1895. С.446–447.
21. Иеромонах Николай (Адоратский). Православная Миссия в Китае за 200 лет её существования. — Православный собеседник. — Казань, 1887. Февраль. С.263.
22. Дневники Святого Николая Японского. (Далее см. «Дневники»). — Саппоро, 1994. С.i.
23. Дневники. С.ii.
24. Отдых христианина. — Москва, 1912. №2. С.320.
25. Цит. по: Архиепископ Антоний (Мельников). Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай //Богословские труды, XIV. — Москва, 1974. С.11.
26. *Казем-Бек А.* Апостол Японии архиепископ Николай (Касаткин). К столетию Православия в Японии //Журнал Московской Патриархии. — Москва, 1960. №7. С.49.
27. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования Императора Александра III. — С-Петербург, 1901. С.362–363.
28. Там же. С.365.
29. *Архимандрит Сергей (Страгородский)*. На Дальнем Востоке. — Арзамас, 1897. С.96.
30. О распространении в Японии православной христианской веры русскими вероучителями. — Москва, 1874. С.7.
31. И в Японии жатва многа... Письмо русского из Хакодате. (Далее см. «И в Японии жатва многа») //Дневники. С.709.
32. Там же. С.709.
33. Там же. С.710.
34. Там же. С.706.
35. Цит. по: *Прокошев П.* Русская православная миссия в Японии //Странник. 1896. Февраль. С.271.
36. Цит. по: *Платонова А.* Апостол Японии Архиепископ Николай. — Петроград, 1916. С.22.
37. И в Японии жатва многа //Дневники. С.713.

38. Цит. по: *Naganawa Mitsuo*. The Japanese Orthodox Church in the Meiji Era // A Hidden Fire. Russian and Japanese Cultural Encounters, 1868–1926. Edited by J. Thomas Rimer. — Stanford, 1995. P.159.

39. Там же. С.160.

40. Московские ведомости. 1867. 8 октября.

41. Цит. по: *Архиепископ Антоний (Мельников)*. Указ. соч. С.24.

42. И в Японии жатва многа // Дневники. С.715–716.

43. *Sary Otis*. A History of Christianity in Japan. — Tokyo, 1976. Vol. 1. P.383.

44. Цит. по: *Платонова А.* Указ. соч. С.32.

45. Дневники. С.14.

Глава 2

СТАНОВЛЕНИЕ ЯПОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

2.1. СТРОИТЕЛЬСТВО СТАНА РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ТОКИО

28 февраля 1872 г. архимандрит Николай прибыл в Токио. Недавно ставший столицей Токио ещё не был открыт для иностранцев: в нём, как и в Осака, иностранцам разрешалось проживать в специально отведённом небольшом районе Цукидзи. О. Николай потратил несколько дней на поиски жилья. В его маленьком домике, состоявшем из двух комнат-каморок, открылась первая христианская проповедь в Токио. И хотя это нужно было делать секретно от властей, так как официально принятие христианства японцам ещё не было разрешено, о. Николаю удалось приготовить и крестить двенадцать человек, почти все они были выходцами из Сэндай.

Успех проповеди в Токио был омрачён начавшимися гонениями на христиан. В феврале 1872 г., в Сэндай, девять человек были заключены в крепостную тюрьму и около ста подвергнуты допросу и отрешены от занимаемых ими должностей за принадлежность к христианству. К допросу были привлечены даже дети 10–12 лет, которые своими ответами поражали неверующих. О. Николай мог радоваться, что «хотя между допрашиваемыми многие были ещё не просвещены святым крещением, но никто из них не изменил пред властью своим убеждениям; напротив, гонением они ещё более утвердились в принятой вере. Врагам Христа не было утешения слышать, даже от жен и малых детей, ни одного слова слабодушия или боязни в исповедании Христа» (1).

В том же году, в Великую Пасхальную Неделю, гонения коснулись и Хакодатэ. Поводом послужил удививший жителей города пасхальный колокольный звон, продолжавшийся, по русскому обы-

чаю, в консульской церкви целую неделю. Этот колокольный звон привлек в православный храм множество любопытных японцев, а катехизаторы, на обязанности которых лежало оглашение неверующих, воспользовались этим и стали усиленно проповедовать христианство и по иконам рассказывать о главнейших событиях Ветхого и Нового Завета. По приказу губернатора Курода Киётака катехизаторов арестовали и заключили одних в крепость, других в тюрьму. Христиане-чиновники лишались своих мест, православные изгонялись из Хакодатэ. Была закрыта школа при православной церкви, прекратилось на время издательское дело Миссии, так как существовавшая при церкви типография была арестована.

Православная Миссия в Японии выдержала это выпавшее на её долю испытание. Приехавший в июле 1872 г. в Хакодатэ с инспекционной целью Преосвященный Вениамин, Епископ Камчатский, отмечал высокий уровень организации и состояния миссионерского дела среди японцев. В день Успения Божией Матери в консульской церкви им было совершено первое на японской земле торжественное архиерейское богослужение. В специальном рапорте Святейшему Синоду Епископ Вениамин отмечал, что в Хакодатэ «богослужение по воскресным и праздничным дням совершается постоянно, а в Великий Пост сверх того совершалось для говеющих на пятой и Страстной седмице... Кроме японцев-христиан и язычников Хакодатскую православную церковь посещают для молитвы и христиане Англиканского исповедания, англичане и американцы. В Хакодатэ есть ещё церковь римско-католическая, в доме французской церковной миссии; но англичане и американцы предпочитают ей церковь православную» (2).

Между тем жизнь в Японии, открывшей свои двери миру, стремительно менялась. Христианство было верой европейцев, и японцы были крайне заинтересованы в налаживании с ними всесторонних связей. В 1873 г. последовала отмена старых указов против христианства, и только с этого времени стала возможной свободная проповедь Евангелия в Японии. Теперь о. Николай имел возможность продолжать своё дело более смело, и, благодаря этому, число православных росло не только количественно, но и качественно. Вот как вспоминал он сам про это время: «Признаки того, что Богу угодно просвещение Японии светом Евангелия, с каждым днём выясняются всё более. Взгляните на этот молодой кипучий народ. Он ли не достоин быть просвещённым светом Евангелия? Желание просвещаться, заимствовать от иностранцев всё хорошее проникает его до мозга

костей... С каждым днём ко всем миссионерам, в том числе и к русским, приходят новые люди, любопытствующие знать о Христе. С каждым днём число новообращённых растёт... Господь попустил нас испытать гонение: но неизбежная туча уже пронеслась мимо. И как гроза оживляет красоты природы, так минувшее испытание воспламенило ещё больше и без того полные ревности сердца чад Христовых... В Сэндай бы теперь! Более сотни верующих жаждут там св. крещения. В Осака бы теперь; везде сочувствующие нам, везде жаждущие нас, везде дело живое, животрепещущее, везде зачатки жизни, полной, горячей, глубокой» (3).

По мере увеличения паствы и при небольшой материальной поддержке со стороны русского правительства архимандрит Николай решил приобрести участок земли, чтобы построить необходимые для Миссии здания с домовою церковью и открыть просветительные учреждения. С этой целью русское правительство стало вести дипломатические переговоры с японскими властями о найме в бессрочную аренду места на высоком холме Суругадай в центральной части Токио. Японское правительство дало согласие, и на этом холме в 1873 г. началось строительство здания Православной Миссии, где должны были разместиться домовая церковь и духовные училища для мальчиков и юношей с программой семинарии, а также и женское училище, квартиры начальника Миссии и его сотрудников и подсобные помещения. Постройка продолжалась и в 1874 г. Нужно было обладать огромной верой в своё дело, чтобы с небольшими средствами, какие были у о. Николая, начинать такое большое строительство. Но нашлись и средства, и помощники.

В 1872 г. на фрегате «Светлана» под командованием адмирала К.Н. Посьета, ранее бывшего в составе миссии Путятин в Японии, ряд японских портов посетил Великий князь Алексей Александрович, имевший встречи с императором и высшими представителями японского правительства. Великий князь пожертвовал на миссийские нужды в Токио три с половиной тысячи долларов и в Хакодате полторы тысячи долларов. О величине этих сумм можно судить по тому, что в то время американский доллар стоил один рубль пятьдесят копеек. В конце 1872 г., постоянно проявлявший заботу о Миссии Высокопреосвященный Иннокентий, ставший Митрополитом Московским, благословил священника Вознесенской церкви на Большой Никитской о. Гавриила Сретенского производить сбор добровольных пожертвований на нужды Русской Миссии в Японии. Пожертвования принимались также и в Совете Православного Миссионерского

Общества в Москве. 27 июня 1873 г. Высокопреосвященный Исидор, Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, выдал сборную книгу священнику Благовещенской церкви на Васильевском острове о. Иоанну Демкину и священнику Михайловской церкви в Инженерном замке о. Фёдору Быстрову (бывшему однокашнику о. Николая Касаткина по Санкт-Петербургской Духовной Академии. — Э. С.) для записи добровольных пожертвований на устройство церквей и школ в Японии. Пожертвования принимались не только денежные, но и вещами: иконами, крестиками, книгами, ризами, церковной утварью.

Из светских покровителей миссии самым активным и влиятельным был Евфимий Васильевич Путятин. Не исключено, что именно Гошкевич, служивший переводчиком при русском посланнике Путятине в Японии, познакомил его с о. Николаем. Е. В. Путятин, оставивший карьеру морского офицера, в 1861 г. возглавил министерство народного просвещения, а затем стал членом Государственного совета, войдя в политические круги Петербурга. Большой интерес представляет письмо Путятина обер-прокурору Святейшего Синода Дмитрию Андреевичу Толстому от 25 сентября 1869 г., объясняющее его покровительство Миссии. Приводим из него выдержки:

«Милостивый Государь Граф Дмитрий Андреевич!

Принимая живое участие во всём относящемся до недоступной в прежние времена Японии, куда однако ж Бог помог нам проникнуть не позже других наций, я не могу упустить представляющегося случая к усилению в ней миссионерской деятельности нашей церкви и прошу позволения объяснить Вашему Сиятельству взгляд мой на сей предмет.

Не говоря уже о священной обязанности передавать неведущим свет христианской веры, нам открывается случай упрочить самым действительным путём наши дружественные отношения с японцами — отношения, которые теперь, конечно, не представляют никакой важности, но при заселении вновь приобретенных нами границ, по более близкому нашему соседству против других государств, могут сделаться весьма нужными и полезными. Самый недостаток торговых сношений с этою страной послужит к упрочению нашего религиозного влияния. Со времени открытия в ней торговли, возникавшие ссоры и недоразумения с англичанами, американцами и французами, не раз уже вызвавшие военные действия, заставляют туземцев подозревать в религиозной пропаганде этих наций искательство своекорыстных и материальных выгод, тогда как явление русских миссионеров не может возбуждать в народе никаких подобного рода

подозрений. Притом редко встречающееся обстоятельство найти человека вполне способного положить начало такому трудному делу, как проповедь на столь мало известном языке, каков японский, ясно указывает, что Провидению благодарно споспешествовать этому предприятию. Вам известно, в какой мере предстоятель японской миссии Иеромонах Николай оправдывает своё назначение и как было бы прискорбно, если бы испрошение им избрать себе троих сотрудников для Евангельской проповеди не было уважено» (4).

В этом письме заслуживает внимания мысль Путятинна о том, что миссионерская деятельность Русской Православной Церкви открывает возможность упрочить дружественные отношения с близким соседом — Японией, а уникальная способность о. Николая проповедовать на японском языке будет этому особенно благоприятствовать. Е. Путятин и другие дальновидные люди справедливо считали, что чем большие успехи сделает православие на Дальнем Востоке и, в частности, в Японии, тем прочнее будет там и положение России.

Е. Путятин вместе с дочерью, Ольгой Евфимиевной, собрал на постройку миссионерского здания 32 000 рублей. О. Николай в рапорте Совету Православного Миссионерского Общества за декабрь 1878 г. особо отмечал помощь Путятинна: «Великою благодарностью Миссия обязана графу Евфимию Васильевичу Путятину: он беспрестанно с любовью заботится о ней и оказал ей бесчисленное множество благодеяний как своими собственными пожертвованиями, так и разъяснением нужд её и побуждением к жертвованию других; нынешние каменные здания Миссии, основание которым положил своим пожертвованием Его Императорское Высочество, Великий князь Алексей Александрович, в бытность свою в Японии, в 1872 году, никогда не были бы окончены, если бы граф Евфимий Васильевич не принял на себя заботливость собрать пожертвований для того» (5). Дружеские чувства связывали о. Николая и семью Путятинна долгие годы. Е. Путятин скончался в Париже, в октябре 1883 г., а через год его дочь Ольга приехала в Токио для работы в православной церкви, унаследовав желание отца помогать Японской Миссии. Помогал Миссии, хотя и был протестантом, и вице-адмирал К. Н. Посьет, входивший в посольства Путятинна в Японии в 1853–1855 гг. В этом же рапорте о. Николай благодарил всех благодетелей Миссии «в Москве, Петербурге и по всему лицу России от Кутаиса до Архангельска и от Варшавы до Иркутска» (6). Из учреждений, оказывавших помощь Миссии, особо выделялся монастырь св. Великомученика Пантелеимона на Афоне.

Несмотря на крайне ограниченные средства о. Николай строил миссийские здания каменными. В 1875 г. в еженедельном журнале «Домашняя Беседа» было опубликовано письмо начальника Японской Миссии, в котором о. Николай так рассказывает о строительстве: «Везде во всём — основательная поделка, прочность, рассчитанность на 200 лет; камень, где нужно, положен крепкий, а не тот, что можно ногой раздавить; штукатурка хорошо составленная и, следовательно, не имеющая впоследствии упасть с потолка и проломить головы учеников; покраска дверей и рам — не роскошь, потому что ею дерево предохраняется от порчи; планширы — не роскошь, потому что стены не обиваются; потолок под крышей устлан досками для того, чтобы иметь там место для хранения книг и церковных вещей... Вообще, снаружи дома, если что можно назвать роскошью, то разве одну вещь — позолоту нашего маленького купола. Откровенно винюсь в этом проступке: но пусть судит меня златоглавая Москва, да пусть судит и всякая русская душа! Золотая глава на церкви... какой же русский утерпит, чтобы её не было?» (7).

Отец Николай так подробно описывает постройку зданий и обещает прислать фотографию, когда всё будет совсем готово, потому что это как бы отчёт перед жертвователями и, в какой-то мере, ответ на незаслуженный укор, который привезли ему из России его новые собратья, два иеромонаха Киево-Печерской Лавры Моисей (Костылев) и Евфимий (Четыркин), бывшие студенты Смоленской семинарии, прибывшие в Японию в 1874 г., ни один из которых не сумел надолго задержаться в Миссии. Этот укор был вызван строительством каменной школы и сомнением, «не простирается ли Миссия дальше необходимого, не бьет ли она на внешность, на эффект наружной представительности, не тянется ли подражать другим миссиям, за которыми, по богатству средств и внешности, не угонишься?» (8). В письме о. Николай объяснял, что если бы он рассчитывал на какие-нибудь пять-шесть лет то, наверное, стал бы строить деревянный дом, а он рассчитывал на двести лет, и, принимая во внимание опасность от пожаров в Токио с его деревянными строениями, он не мог рисковать жизнью чуть не сотни человек, для которых этот дом предназначался.

Недостаток материальных средств, постоянно преследовавший Миссию, и административные заботы не могли надолго отвлечь о. Николая от самого главного — от духовного строительства Японской Православной Церкви. Так как число обращённых непрерывно возрастало, то всё настоятельней ощущалась нужда в священниках

и диаконах из японцев. С самого начала о. Николай думал о необходимости соборного избрания национального священства, а не назначения сверху, и этот заложенный им принцип до сих пор является организующей силой Японской Церкви. В 1874 г., получив извещение о возможности приезда епископа Камчатского Павла в Хакодатэ, о. Николай пригласил на совещание всю Церковь, чтобы сделать выбор при избрании лиц для рукоположения. Явились около сорока представителей христианских общин из Сэндай, Хакодатэ, Токио, Нагоя и других районов страны, остальные ответили письменно. Тридцать делегатов были за немедленное избрание кандидатов, но десять высказались против, считая, что среди них нет достаточно образованных и подготовленных. Тогда и первые тридцать согласились с этим, но сочли, что необходимость в священниках слишком велика и потому надо избрать кандидатов. Провели голосование (голосование на Соборах в Японии происходило и сейчас происходит закрытыми билетами — Э.С.) и решили просить епископа о рукоположении трёх священников: Павла Савабэ, Иоанна Оно и Павла Сато. Последние два отказались, сочтя себя недостойными. Один Павел Савабэ дал согласие и то не сразу, сказав при этом: «Одно только прямо могу сказать — именно, что все мы всецело предали себя на служение Церкви и поручили себя водительству духовного отца нашего. Повинуясь его увещаниям, я нашёл своим долгом согласиться на требование Церкви и с благоговением подчиняюсь её велению. Возлюбленные братья, вы прежде сказали, что в нашей Церкви вполне достойных по образованию и нравственным качествам для священного сана нет. Ещё сказали, что вследствие этого избранный непременно должен иметь помощь от всей Церкви. Возлюбленные братья! Молю вас, твёрдо сохраняйте прежде сказанное и поспешествуйте мне, грешному» (9). Относительно отказа Иоанна Оно и Павла Сато о. Николай сказал: «Иоанн Оно и Павел Сато весьма согрешили, сопротивляясь велению Церкви. Впрочем, это непослушание произошло не от злого сердца. Это объясняется тем, что они ещё не вполне знакомы с правилами и учением Церкви. До настоящего времени они находились на служении Церкви, потому Церковь имеет право им повелевать, однако они захотели поставить своё мнение выше желания Церкви. Это обстоятельство весьма опасно для Церкви. Если теперь оставить без внимания это неповиновение, то это в Церкви сделается примером для будущего. В таком случае все распоряжения Церкви будут презираемы» (10). Обратившись к ним, о. Николай велел им оставить свои места между катехи-

заторами и стать вместе с другими верующими, так как они исключались из числа лиц, служащих Церкви, и становились наряду с другими христианами, не служащими Церкви.

Этот эпизод даёт нам представление о том, как закладывались основы церковной дисциплины и послушания в молодой Японской Церкви, о существовавших тогда отношениях между служителями Церкви и верующими, которые сами нашли наименования для своих руководителей. Так проповедника звали «сэнсэй» — учитель, а священника — «симпу» — духовный отец. На этом Соборе было признано целесообразным продолжить практику созыва Поместных Соборов и сделать её ежегодной. Это положение соблюдается и по сей день.

Таким образом, первый Собор Японской Православной Церкви, состоявшийся в 1874 г., заложил принцип соборного избрания, а не назначения сверху, как было в России, национального священства. Этот принцип до сих пор является организующей силой Японской Православной Церкви.

12 июля 1875 г. Епископ Камчатский Павел, приехав в Хакода-тэ, рукоположил Павла Савабэ во иерея, а друга его Иоанна Сакаи — во диакона. Так первенцы Японской Православной Церкви стали и первенцами её священноначалия. Это было великой радостью о. Николая, планы работ которого всегда были устремлены к будущему, а главной заботой являлось религиозное образование и воспитание будущего духовенства, катехизаторов и женщин-христианок.

2.2. ОСНОВАНИЕ ДУХОВНЫХ ШКОЛ

Сознавая, сколь необходима для будущих кандидатов священства научная подготовка, о. Николай вскоре приступил к устройству духовной семинарии. Специально для этого поблизости от миссийских зданий он приобрел несколько деревянных домиков, и их оборудовали под семинарию. Здесь же устроили и общежитие для учеников. Семилетняя программа обучения в семинарии, открывшейся в 1875 г., была аналогичной российским семинариям, но без преподавания классических языков. Принимались лица от 14 и до 60 лет. Однако со временем, чтобы семинаристов, которым исполнился 21 год, не привлекали на военную службу в период учёбы, в семинарию стали принимать с 13 лет. Первым ректором её был Архиепископ Николай,

а преподавателями русские члены Миссии: отец Гавриил Чаев (1870–1873 гг.); отец Владимир Соколовский (1879–1886 гг.), отец Гедeon Покровский (1885–1887 гг.), отец Сергей Глебов (1888–1904 гг.), отец Сергей Страгородский (1890–1894 гг. и 1898 г.), в 1943 г. ставший Патриархом Московским и всея Руси.

В Японии эпохи Мэйдзи, так же как и в настоящее время, преподавание религии было исключено из программ народных школ, поэтому все религиозные школы — буддийские, синтоистские и миссионерские, считались школами частными. Такое же положение занимала и православная духовная семинария. Она не давала своим воспитанникам никаких служебных или иных прав и преимуществ, и поэтому считалось, что поступающие в неё ученики преследуют исключительно цель получения христианского православного образования. Число учеников варьировалось в зависимости от тех средств, которыми располагала семинария на их содержание, так как духовная школа полностью брала на себя расходы по их обучению и проживанию. В лучшие годы в семинарии обучалось до ста учеников, в худшие — их число уменьшалось наполовину. Преподавание велось на японском языке, однако первое время, за неимением богословских учебных книг на японском, пользовались учебниками на русском языке. В связи с этим особое внимание в семинарии обращалось на изучение русского языка, который считался обязательным, и в начальных классах ему посвящалось большое количество уроков. Усвоению русского языка способствовали спектакли, которые ставили сами семинаристы. 15(28) декабря 1903 г. Владыка Николай записал в дневнике: «Молодой наставник Семинарии Василий Нобори (стал впоследствии выдающимся русистом. — Э. С.) с двумя учениками Семинарии приходил попросить позволения разыграть им на Святках в Семинарии комедию Гоголя “Ревизор”, надеются разучить и приготовить не всю, а главные места из ней. Это-де особенно в видах изучения русского языка. Для сей же цели у них будут происходить ежемесячные внеклассные литературные чтения по-русски; профессор Семинарии Ивасава и прочие обещают делать их. Дело хорошее. Я вполне одобрил. И развлечение и польза» (11). Наряду с богословским образованием семинария давала знание истории (российской и японской) и непререкаемых для японцев китайских классиков. В программу входили также и ряд общеобразовательных предметов: алгебра, геометрия, география, психология, история философии. Архиепископ Николай преподавал в течение долгих лет догматическое богословие и впоследствии передал это дело ставшему

ректором семинарии И. А. Сэнума, который получил высшее богословское образование в России. Из окончивших духовные академии в России в ней преподавали также Арсений Ивасава и Марк Саикаиси. Остальные преподаватели, её выпускники, прошли подготовительный к преподаванию курс при самой семинарии.

Вопрос о подготовке преподавателей был постоянной заботой Владыки Николая, душевную боль которому постоянно причиняла невозможность из-за крайне ограниченных средств Миссии должным образом оплачивать их труд. По свидетельству Д. М. Позднеева, Иван Сэнума за все обязанности ректора семинарии и преподавателя двух предметов получал 60 рублей в месяц и казённую квартиру в четыре маленьких комнаты. Арсений Ивасава и Марк Саикаиси за преподавание богословских предметов, для которых они должны были пользоваться русскими источниками и зачастую составляли лекции, получали по 30 рублей в месяц (12). Естественно, за такое малое вознаграждение удержать лиц, хорошо владевших русским языком, на службе Миссии было чрезвычайно трудно. При необходимости японское правительство предлагало им более привлекательные в денежном отношении места, и они уходили из семинарии. Всего из Японской Православной Миссии получило высшее богословское образование в России десять человек. Из них только три вышеназванных преподавателя, а также Пантелеймон Сато и отец Симеон Мии остались на службе в семинарии, остальные покинули Миссию: Пётр Исигами стал переводчиком в дипломатической миссии, Даниил Кониси перешёл на службу в частную коммерческую фирму, Емельян Хигути — учителем в военное училище и затем переводчиком в военное министерство, Сергей Сёдзи — агентом Южно-Маньчжурской железной дороги, Андрей Кавасаки — переводчиком в Нагасаки.

Есть несколько тревожных записей в дневнике Архиепископа Николая относительно преподавателей и самого ректора И. Сэнума, который «не перестаёт толковать, что его приглашают преподавать в какой-то новооткрываемой школе русский язык. Видно, что тянет и его последовать товарищам — изменникам своему назначению. Есть ещё у него некоторая остойчивость и тяжесть, которую другая чашка весов с подкупающими деньгами не перетягивает. Но уже начинаю я сомневаться, если бы прикинуть ещё денег, не перетянула бы эта чашка и не перекувырнулась бы его честность» (13). (Запись 4 августа 1903 г.) Через полгода, 5 марта 1904 г., такая запись: «...Теперь пока держатся безукоризненно своего назначения только двое: вот

этот И. А. Сэнума и Пантелеймон Семёнович Сато, а воспитано в академиях было десять человек... Миссия, кроме обеспечения содержанием, никогда никому больше не обещала. И за это при поступлении на воспитание и, особенно, при отправлении в академию, давали крепкое обещание служить всю жизнь церкви безраздельно. И вот, как исполняют обещание! Или совсем уходят со службы, или разделяются — и это последнее уже надо считать добром» (14). Во время русско-японской войны и Пантелеймон Сато, кандидат Казанской Духовной Академии, перешёл на службу в военное ведомство, где несравненно лучше платили. Его послали в Маньчжурию переводчиком на место военных действий, и вскоре он умер там же, в госпитале. Владыка Николай прекрасно сознавал, что при возрастающей дороговизне жизни в Японии многосемейным преподавателям невозможно жить на те средства, которые уплачивала им Миссия, но относился ко всякому оставлению Миссии её прежним питомцем с глубокой скорбью. Это бегство лиц с высшим образованием побудило его в последние годы воздерживаться от командирования учеников семинарии в православные духовные академии в России, к чему он сам относился с большим сожалением.

Делами семинарии ведал совет преподавателей, который представлял все свои соображения и нужды на рассмотрение и утверждение Владыки Николая, до самых последних дней жизни уделявшего пристальное внимание семинарии, а её ректор почти ежедневно обязан был являться к нему с докладом. Владыка совещался с преподавательским персоналом о всех необходимых для семинарии учёных трудах, входил подробно во все нужды школы и знал каждого из учеников в лицо и поимённо. У скончавшегося в мае 1999 г. главы Японской Православной Церкви Митрополита Феодосия хранился журнал семинарии за 1886–1887 гг., который ему подарили, а справедливее было бы сказать, вернули, в одно из его посещений Американской Православной Церкви. По благословию Владыки Феодосия мне удалось прочитать его. День за днём в журнал заносился семинарский распорядок. Каждый день дежурный семинарист обязан был записывать по установленному образцу происшедшее за время его дежурства. Владыка Николай обязательно прочитывал и записывал свои замечания. Например, запись 1 октября 1886 г., сделанная дежурным Сергием Сёдзи (впоследствии Святитель Николай пошлёт его как очень способного и подающего большие надежды для служения Японской Церкви молодого человека учиться в духовную академию в Россию. — Э. С.): «1-го Октября. Пятница. Сего

числа все ученики, старшие, средние, младшие, последние которые до сего дня собрали 49 ученики, вели себя благопристойно; все здоровы. Все ученики, с особою силою, которую припасали себе во время каникул, занимались уроками, пением и гимнастикой. Каждая комната держалась в чистоте; все купались в своей бане; ночью горели лампадки перед Святыми Иконами; и все ученики ночевали дома». (Орфография и пунктуация сохранены. — Э. С.). Ниже Владыка пишет: «Видел! Дай Бог после доброго начала иметь соответствующее продолжение! Епископ Николай» (15). Фразы: «Все ученики занимались уроками, пением и гимнастикой. Каждая комната держалась в чистоте; все купались в своей бане; ночью горели лампадки перед Святыми Иконами; и все ученики ночевали дома», — повторяются в каждой записи, из чего видно, что пению в семинарии уделялось большое внимание, что можно сказать и о гимнастике, укреплявшей здоровье воспитанников. Владыка Николай придавал здоровью своих подопечных, которые в будущем станут служить Японской Православной Церкви, особое значение, и на каникулах посылал их отдыхать к морю или на дачу, специально для этого построенную в местечке Тоносава недалеко от Хаконэ. О том, как младшие ученики проводили время на каникулах, Владыка Николай записал в дневнике 15 (28) августа 1903 г. «Прибыли сегодня и ученики, которых я отправил на каникулы в Босю, все с здоровым видом, загоревшие и бодрые... Вели себя ученики так добropорядочно, что заслужили похвалу в местной газете: “Много-де ныне собралось проводить время жаров в Босю, но всех лучше и благороднее ведут себя духовные воспитанники с Суругадай”» (16).

Как выглядели, как жили «воспитанники с Суругадай», можно прочитать в книге «Япония и японцы», написанной членом российского Географического общества Д. И. Шрейдером, посетившим Японию дважды (в 1891 и 1893 гг.). В главе «Киодо Николаи» он отмечал, что «братство Николая» (так называли японцы Русскую Православную Миссию, — Э. С.) оставляло отрадное впечатление. Д. И. Шрейдер описал уютный внутренний двор, засаженный молодыми кедром, образцовую чистоту, увешанные географическими картами классные комнаты семинарии. У воспитанников семинарии, которые по уставу жили при миссии в качестве полных пансионеров, унылых лиц он не видел, напротив, в манерах молодёжи отметил непринуждённость и воодушевление (17).

При всей своей любви к молодёжи Владыка Николай был строгим воспитателем. Вот некоторые его замечания в журнале семинарии:

«Некоторые ученики стояли в Церкви неблагопристойно. Вперёд пусть это никогда не будет! Многие ученики также выходят из Церкви во время богослужения. И этого вперёд пусть не будет, за исключением случаев, например, внезапной болезни». (Запись 3 октября 1886 г.) Или: «Певчие не все ходят на классы пения. Это весьма дурно. Вперёд неходящие будут наказываемы». (Запись 28 ноября 1886 г.) После пасхальных каникул несколько учеников по болезни пропустили занятия. Епископ Николай записывает в журнале 28 апреля 1887 г.: «Ладно, плохо только, что после отдыха тотчас так много больных оказывается» (18).

За успехи в учёбе хорошие ученики получали в награду книги. 17 октября 1889 г. семинарист Хино получил «Святоотеческие наставления о молитве и трезвении» с надписью Епископа Николая: «Кирилу Хино за прекрасные успехи в науках и благонравное поведение». (Эта книга до сих пор хранится в библиотеке Николай-до. — Э. С.)

Обстановку в семинарии характеризует статья вышеупомянутого Сергея Сёдзи, получившего высшее богословское образование в Петербургской Духовной Академии, опубликованная в 1891 г. в ноябрьском номере «Русского вестника» под названием «Как я стал христианином». Имя Сергея он получил при крещении, а крёстным его стал, по просьбе Владыки Николая, Сергей Алексеевич Рачинский. С. А. Рачинского, известного педагога XIX в., организатора русских сельских школ, бывшего профессора ботаники в Московском университете связывали со Святителем Николаем не только общие педагогические взгляды и взаимопонимание в религиозных вопросах, но и землячество. (К сожалению, Сергей, заболев, умер в молодом возрасте. — Э. С.) В своей статье Сергей подробно рассказывает о своей интеллигентной семье, об отце, который первым принял христианство и стал преподавателем китайского языка в семинарии, о своём знакомстве на миссийской даче с семинаристами, которые, хотя и были старше его, приняли его по-братски, о своём поступлении в семинарию. «Во главе же всей семинарской семьи стоял, во-первых, сам Преосвященный Николай, а во-вторых, бывший тогда ещё иеромонахом отец Владимир (инспектор семинарии), но отношения между нами не были теми начальственными отношениями, которые приходят на ум при словах “ректор” и “инспектор” учебного заведения. Отношения эти были совсем иные, близкие и родственные: никаких преград между начальством и воспитанниками не чувствовалось. Когда между воспитанниками возникали ка-

кие-либо несогласия, они старались уладить их между собой путём взаимных уступок; если же это не удавалось, они представляли дело на суд отца Владимира или самого Преосвященного; но при этом обращались к ним без всякой боязни и с тем чувством, с каким дети ждут от отца разрешения их взаимных недоразумений» (19). Сергей показывает атмосферу семинарии вне учебного времени. Когда Владыка Николай заходил в зал во время игр воспитанников, его приветствовали громко и дружно и непременно по-русски. «Преосвященный, со свойственной ему живостью и весёлостью, отвечает на наш привет: “Здорово, молодцы!”»: Или же посещал он спальни неугомонных учеников: «Но, вдруг, все голоса смолкают. В спальню вступил Преосвященный Николай. Он тихо проходит между койками и столь же тихо удаляется, и вскоре за тем вся спальня погружается в глубокий сон» (20).

Далее Сергей Сёдзи говорит о высокой христианской настроенности, царившей в семинарии, о сознательном отношении к будущему своему служению, которое воспитывал в продолжателях своего дела Преосвященный Николай. «Все воспитанники, начиная с самых старших и кончая самыми меньшими, крепко знают то, что они живут среди язычества, что они учатся здесь только для того, чтобы быть проповедниками учения Христова в своей стране и что они сами должны быть достойными будущего своего звания» (21).

Характерной чертой атмосферы в семинарии являлись «симвокуай», дружеские школьные праздники, устраиваемые учениками при всяком удобном случае. Эти праздники были весьма полезны для семинаристов в упражнении произнесения речей и проповедей пока ещё перед своими товарищами и их гостями. Так из года в год каждый японский семинарист приучался к проповеднической деятельности. Впоследствии Владыка Николай ввёл в практику отпускать взрослых семинаристов во время каникул путешествовать по церквям, считая это полезной практической подготовкой к их проповеднической службе.

Во время экзаменов Владыка Николай обязательно посещал классы и радовался успехам учеников. Приводим дневниковые записи о летних экзаменах 1903 г.

«10(23) июня 1903. Вторник. Начались экзамены. Сегодня был в седьмом классе (выпускном ныне) Семинарии, где шесть учеников. Отвечали по толкованию Евангелия толково, но на задаваемые возражения оказались недостаточно рассуждающими».

«14 (27) июня 1903. Суббота. На экзамене в Семинарии: в третьем классе, где одиннадцать учеников, и в четвёртом, где десять учеников,

по Церковной истории и отчасти по Русской гражданской истории отвечали поряодно» (22).

Первый выпуск семинарии состоялся в 1882 г. Выпускной акт проходил торжественно, с награждением лучших учеников, напутственными речами ректора и самого Владыки Николая, с угощением и обязательным «симбокукай» семинаристов. 25 июня (8 июля) 1903 г. Владыка Николай записал в дневнике: «С девяти часов выпускной акт в Семинарии. Чтение списков, объявление, что шесть учеников Семинарии кончили курс; из них два первые — Пётр Утияма и Василий Нобори — оставляются при Семинарии наставниками... Моя речь им. Сущность её: “Спаситель сказал своим ученикам: “Вы — свет миру”. Эти слова звучат и вам в уши. Будьте же светом миру.

...Старайтесь, чтобы в вас самих свет не погас, а возгорался более и более. “Не угашайте духа”. Помните, что вы можете дать свет людям настолько, насколько он сияет в вас самих...» (23).

Таким образом, семинария являлась главным учебным заведением Русской Духовной Миссии. Здесь изучались все предметы средних учебных заведений, кроме древних языков. Во главе педагогического персонала стоял Архиепископ Николай. Преподавание велось на японском языке. В классах ученики сидели на полу, по-японски. Моральный уровень воспитанников семинарии был чрезвычайно высок. Основной задачей семинарии было воспитание служителей Японской Православной Церкви.

Помимо семинарии при Миссии была открыта катехизаторская школа, вызванная необходимостью образования проповедников для деятельности в отдалённых местах страны, где священники не могли постоянно бывать. В катехизаторскую школу принимали учеников в возрасте от 18 до 60 лет, с рекомендацией и личным ручательством местных катехизаторов. За годичный срок обучения они проходили под руководством тех же учителей семинарии курс наук по специально разработанной для них программе и затем назначались на места. Согласно рапортам Архиепископа Николая Святейшему Синоду, катехизаторы составляли первую ступень служителей Японской Церкви, не имеющих духовного сана. Различались три категории катехизаторов: собственно катехизатор, катехизаторский помощник и катехизаторский ученик. Катехизаторский ученик — это молодой человек, только что окончивший семинарию или катехизаторскую школу и не имевший ещё практики. Он проповедовал под руководством катехизатора. Через некоторое время, смотря по заслугам, молодой проповедник получал должность катехизаторского помощ-

ника с возросшей ответственностью, однако по-прежнему находился в ведении катехизатора. И, наконец, уже опытный в проповеди получал степень собственно катехизатора и переходил под непосредственный надзор священника. Катехизатор обязан был вести дневник проповедей и посылать в двух экземплярах краткие ежемесячные отчёты о состоянии своей общины (или общин) священнику. Священник, в свою очередь, один экземпляр отсылал в Миссию в Токио. Поскольку японские приходы были раскинуты на большом пространстве и православных храмов было сравнительно мало, то большинство общин довольствовались молитвенными домами, находившимися в ведении катехизаторов.

Таким образом, институт катехизаторов, получивших образование в катехизаторских школах, играл важную роль в Японской Православной Церкви. Катехизаторы, состоявшие полностью из японцев, явились главной силой по распространению в Японии православного учения.

Однако в 1909 г. катехизаторскую школу, которая уже действовала при Миссии ещё в 1878 г., пришлось закрыть. Как отмечал в своём очерке Д. Позднеев, в конце столетия «буддийские духовные академии начали выпускать серьёзно образованных проповедников и бонз, которые фанатически борются с христианством всюду, где они только замечают в населении склонность к отпадению от буддизма. От катехизаторов православия требуется поэтому теперь гораздо большая научная подготовка для борьбы с буддизмом. Усиливается равным образом и деятельность миссионеров протестантских и католических, которые также не прочь иногда вступать в публичные собеседования и состязания с православными катехизаторами» (24). Изменились и условия существования самой Японской Церкви, что привело её во главе с Архиепископом Николаем к убеждению в недостаточности богословской подготовки в катехизаторской школе, поэтому, как указывалось выше, в 1909 г. приём в неё не производился. Средства, предназначавшиеся на катехизаторскую школу, были использованы на развитие работы в духовной семинарии, выпускники которой стали с тех пор назначаться и на катехизаторские должности.

Постоянная нехватка средств не позволила Архиепископу Николаю осуществить свою мечту об устройстве семинарии и для нехристиан, о чём свидетельствует письмо от 17(29) ноября 1894 г. ректору И. Сэзума, находившемуся в то время в селе Татеве Бельского уезда Смоленской губернии в имени С. А. Рачинского, о котором

упоминалось выше. В этом письме, в частности, Владыка писал: «Откроем семинарию и для язычников. Оповестим по всей Японии, что открыто на Суругадае учебное заведение, ни в чём не уступающее по программе гимназиям (ко-то-тю гакко), но с прибавлением предметов духовных, наук религиозных, и с воспитанием учеников в нравственно-религиозном духе. Будьте уверены, многие, и хорошие, языческие родители поручат нам детей, для того, чтобы при воспитании сохранить их добронравственными и религиозными... Теперешняя — и самая основная — идея семинарии давать служителей Церкви нисколько не будет затеряна; напротив, из язычников, вероятно, найдутся желающие сделаться христианами и служить Церкви... Вы должны быть хозяином семинарии, отцом учеников, другом, любимцем их и любящим их, отдавшим душу им. Вам предстоит завидная доля — давать добрых служителей Церкви и многих-многих добрых слуг отечеству, таких слуг, которые были бы краеугольным камнем благосостояния отечества» (25).

В этом письме отразилось стремление Архиепископа Николая, педагога и просветителя, создать учебное заведение для нехристианской молодёжи Японии, где католиками и протестантами уже было основано множество школ, превратившихся впоследствии в такие известные ныне университеты, как Дзёти, Аояма Гакуин в Токио, Досия в Киото.

Духовная семинария просуществовала до апреля 1919 г. и была закрыта в связи с известными событиями в России, повлиявшими на состояние всей Японской Православной Церкви.

С 1873 г. при Миссии действовала женская духовная школа на сто учениц, дом для которой был построен на средства дочери графа Путятинна Ольги и средства графини Орловой-Давыдовой. По пятьсот рублей пожертвовали Митрополит Санкт-Петербургский Исидор и графиня Ламберт. В женской духовной школе преподавались Закон Божий, церковное пение, арифметика, японская и всеобщая география, история, китайский, японский и русский языки, каллиграфия и шитьё. В своём очерке «Архиепископ Николай Японский» Д. Позднеев отмечал, что эта школа была построена по образцу русских епархиальных училищ и, в значительной мере, приспособлена к быту японской женщины, поэтому воспитанницам давались большие практические знания по домоводству и хозяйству (26). Девочек обучали кулинарному искусству и рукоделиям, в особенности, вышиванию. Преподавателями в старших классах школы были учителя семинарии, в младших классах и специальные предметы преподавали

учительницы. Миссия содержала ещё одну православную женскую школу в Киото, где обучалось двадцать учениц и при них были три учительницы. В Токийской женской школе в 1903 г. было восемьдесят три ученицы.

Как правило, все воспитанницы учились прилежно и, порой, успешнее, чем ребята в семинарии. Владыка Николай непременно присутствовал на экзаменах в школе. 19 июня (2 июля) 1903 г. он писал в дневнике: «На экзамене в Женской школе по Закону Божию. Отвечали, как и всегда, отлично; но на вопросы почти все молчали, почему дал выговор начальнице Школы Елисавете Котама по предмету которой (Толкованию Евангелия от Матфея) шёл экзамен, за то, что не упражняет учениц на вопросах и возражениях, и велел вперёд делать это.

После обеда сделал экзамен молодым учительницам по русскому языку, который преподаёт им переводчик Исаак Кимура; ...успели далеко лучше первого класса Семинарии, хотя учатся немного больше года. Если будут так же прилежно заниматься, то ещё через год будут читать русскую книгу» (27).

Архиепископ Николай знал каждую ученицу по имени и по характеру, знал её семью. В своём дневнике Владыка приводит один «курьёзный факт», как он его называет, связанный с женской школой. Однажды он заметил, что на воскресной службе в церкви не было одиннадцатилетней воспитанницы. Он поинтересовался у начальницы школы Елизаветы Котама, не больна ли Катя Хагивара, и в ответ услышал следующую историю: «Четыре ученицы третьего приготовительного класса — Екатерина Хагивара (дочь Текусы, инспектрисы, внучка отца Иоанна Сакаи), одиннадцати лет; Фива Оно (дочь катехизатора Фомы, внучка отца Павла Сато), одиннадцати лет; Сусанна Огата, двенадцати лет; и Нина Конаса, двенадцати лет — хотели убежать из Школы, чтобы поселиться в пустыне, между Аомори и Сэндаем, в сделанном ими шалаше, жить там монашками и отмаливать свой грех. Пятая же, Екатерина Имамура (дочь умершего катехизатора Варнавы), одиннадцати лет, участвуя в заговоре, оставалась в Школе только затем, чтобы доставлять им в пустыню для пропитания хлеб. Прочие товарки того же класса, хотя в грехе участвовали, но не решились сделаться монахинями, а только дали слово хранить молчание о поступке бежавших. Грех же, приведший к такому отчаянному решению, заключался в следующем: одна из их учительниц, Христина Хасуикэ, строго обращалась с ними, то есть бранила их иногда — которую за плохое знание урока,

которую за шалость, так как они все в классе, как на подбор, народ очень живой и резвый. Это, наконец, вывело их из терпения, и они сговорились наказать учительницу. Но как? Придумали: олицетворить её в “сакура” (вишнёвом дереве, которые у них в садике пред глазами и которые так прекрасно цветут весной) и проклясть. Сказано — сделано: собрались все сердитые и, обращаясь к сакура, молвили вслух: “Пусть на тебе не будет цветов будущей весной!” Хотели они учинить этот грех тайком от всей прочей школы, но, увы, не удалось! Подслушали товарки первого класса, то есть почти такая же мелюзга, как они сами, только годом старше, и напали на них с проповедью покаяния. Грешницы почувствовали всю тяжесть своего преступления и до того были поражены раскаянием, что решились всю жизнь посвятить на замаливание своего страшного греха; а так как, живя в Школе, а потом в мире, это сделать неудобно, то и задумали оставить Школу и мир. Так как все они с севера родом, то с пустыней ознакомились ещё раньше, из окна вагона; её и облюбовали ныне под свой монастырь. Все четверо тайно приготовились — повязали себе в узелки всё, что сочли нужным: кое-что из платья — немного (много зачем же монахиням!), а главное — молитвенники, религиозные брошюры; не забыли и кусочков булки, какие успели пособрать. И вот на днях вечером, когда среди занятий даётся полчаса на отдых, двое из них, Екатерина Хагивара и Фива Оно, незаметно, с узелками, выбрались за ворота» (28).

Естественно, беглянок заметили и вернули в школу. Кстати, стало известно при выяснении дела, что мать Фивы, Фотина, в своё время тоже собиралась бежать из школы, как пишет в дневнике Владыка Николай, «по благочестивому побуждению (эта вместе с тогдашней своей товаркой по классу Надеждой Такахаси, нынешней начальницей Женского училища в Киото, задумывала бежать в Нагасаки, чтобы оттуда пробраться в Россию в какой-нибудь женский монастырь и сделаться монахиней). По водворении бежавших в Школе разобрана была вся их история и сделаны соответствующие вразумления, которые успокоили всё. Однако же не всем детям это прошло очень легко: Екатерина Хагивара, очень нервная по природе, до того расстроилась, что и до сих пор несколько больна... Я заключил наставлением, чтобы учительницы были осторожны в своих выговорах, не раздражали детей и не вызывали их на такие поступки» (29).

Этот эпизод говорит о том, что, японцы, даже дети, приняв христианство, проявляли горячую ревность и благочестие в вере, своиственные верующим первохристианской церкви.

Владыка Николай считал, что так же, как путешествия старших семинаристов во время каникул по церквям, так и учительницы могут быть полезны для ведения религиозных бесед, посещая в каникулярное время разные приходы. «Говорят они превосходно, учение знают ясно и обстоятельно. Пусть объявляют по церквям, куда придут: “Женские собрания для религиозных бесед”; мужчины тоже будут приходить, и польза будет немалая» (30). Владыка Николай возлагал определённые надежды на выпускниц женских духовных школ, рассчитывая, что выйдя замуж за будущих катехизаторов и священников, они станут их хорошими помощницами в деле распространения христианства среди японок, которые, приняв православие, отличались большой религиозностью. Напутствуя окончивших школу воспитанниц, Владыка на выпускном акте 24 июня (7 июля) 1903 г. сказал им: «Выходите с радостью, но отчасти и с печалью, после столь долголетнего пребывания здесь, выходите на радость, но ещё больше на печаль мира, а главное на жизненный труд, который есть долг, назначенный от Бога всем живущим. Чтобы этот труд был лёгок, посвящайте его Богу. Сказано: “Молитесь непрестанно”. Пусть будет ваш жизненный труд так свят и угоден Богу, как молитва, а для сего всегда кладите на него печать Божию — освящайте начало всякого дела молитвой и кончайте его благодарением Богу» (31). На этом выпускном акте впервые ученицы играли на кото, и им были выданы свидетельства об окончании учёбы на японском музыкальном инструменте.

При женской школе в Токио действовало «Женское благотворительное общество», и 14 октября 1903 г. как раз отмечали его 17-ю годовщину, о чём свидетельствует запись в дневнике Архиепископа Николая. «...На Собрание пришло христианок 70... Я кратко сказал о том, что благотворение, как деятельное выражение любви, есть кратчайший и прямой путь в Царство Небесное, как о том Сам Спаситель сказал в речи о Страшном Суде. Благотворительницы стоят на этом пути и идут по нему; но надо признаться, что идут вяло и медленно, как то видно из отчёта о пожертвованиях для Токийского Общества весьма скудных. Открывайте сердца и руки шире да ещё хлопчите о заведении таких же благотворительных обществ в провинциальных церквях; будьте матерью, рождающею чад» (32).

После Великого землетрясения Канто министерство внутренних дел Японии, весной 1925 г., выдало пособие в 8 000 иен для возобновления деятельности Православного благотворительного женского общества и поставило условие не ограничивать его строго рамками православных японцев, помогая, при необходимости, и нехристианам.

Японские христианки заботились и о сиротах, для чего при Миссии был устроен сиротский приют. Его начальницей стала бывшая воспитанница женской школы Софья Китагава. В 1903 г. она ездила в Киото для сбора пожертвований и сумела заинтересовать там профессоров университета, с чьей помощью в городском театре были проведены благотворительные лекции. На лекциях собралось около двухсот человек, которые пожертвовали на приют более пяти-сот иен. Православный сиротский приют известен тем, что стал первым учреждением подобного рода в Токио.

Таким образом, основанные при Миссии женские школы способствовали распространению православия и русской культуры в Японии и сыграли важную роль в становлении её национальной церкви.

2.3. БИБЛИОТЕКА

Миссийская библиотека являлась поистине удивительным доказательством аккуратного и любовного отношения Архиепископа Николая к миссийскому делу и миссийской собственности. В библиотеке имелся не только духовный, но и научный и светский отделы. Начало библиотеки было положено ещё в бытность о. Николая в Хакодате. Протоиерей Прокл (Ясуо) Усимару в своей книге «История японской православной церкви» пишет, что однажды о. Николай узнал, что закрывается один книжный магазин. Он поспешил туда и купил все бывшие там книги. В 1880 г. бывший в то время директором Румянцевского музея В. А. Дашков пожертвовал Миссии, по просьбе Владыки Николая, дубликаты книг из библиотеки музея. В 1899 г. вместе с книгами, приобретенными позднее, они были перенесены в специально построенное для библиотеки трёхэтажное здание на территории Миссии (33). До этого библиотека находилась в здании Воскресенского собора, в помещении под колокольной, ставшим тесным для хранения книг. 4(16) февраля 1882 г. Владыка Николай сделал запись в своём дневнике, окончив составлять каталог библиотеки: «Оказывается книг в основной библиотеке:

по Богословскому отделу, — названий:	2097, томов	2503
Научному	1551,	2056
Иностранному	838,	1821
Итого:	4486,	6380

Библиотека, как оказывается, довольно почтенная. Кроме того, запасная библиотека очень обильна» (34). Обращает на себя внимание факт, насколько продуманно было устроено даже это небольшое книгохранилище. Д. И. Шрейдер в вышеупомянутых путевых очерках писал о встрече с Архиепископом Николаем: «Мы отправились вверх по широкой, извилистой лестнице, ещё сохранившей в себе аромат свежего дерева: храм построен недавно, — лишь два года тому назад... Чем выше подымались мы по лестнице, тем сильнее пробивается запах камфарного дерева сквозь этот аромат... Это происходит вследствие того, что в косяках дверей и ступенях лестницы местами положены доски из камфарного дерева в предупреждение размножения моли, которая, в противном случае, могла бы сделаться опасной для миссионерской библиотеки, помещающейся несколько выше. Наконец, мы вошли в библиотеку. “Апостол Японии”, “отец Николай”, сидел на стуле у простого деревянного стола, сплошь, как и весь пол комнаты, заваленного книгами. Я застал маститого епископа в самый разгар работы по приведению в порядок обширной библиотеки перед переносом её в то огромное здание, которое, как я уже упоминал, за теснотой нынешнего помещения её, заново выстроено близ ворот “братства”» (35). Это здание было специально построено с противопожарными приспособлениями.

Владыка Николай постоянно лично заботился о пополнении библиотеки. В конце апреля 1904 г. он писал своему многолетнему другу по Петербургской Духовной Академии московскому протоиерею Николаю Васильевичу Благоразумову: «Очень приятно также уведомление ваше, что директор Румянцевского музея и Публичной библиотеки сочувственно отнёсся к миссии и не прочь одарить её дублетами из музейской библиотеки. Что касается вопроса, какого рода книги желательны для здешней библиотеки, то, конечно, прежде всего по религиозным вопросам, начиная с св. Писания, св. отцев, догматики и далее, а затем и по светским наукам, начиная с естественных религий, философии и далее и притом, если можно, не на одном русском, а и на других языках, особенно на английском. В миссии библиотека уже порядочная, больше 10 тысячи томов, и, нужно правду сказать, книги не застаиваются на полках, есть кому читать: наши писатели, издатели нашей текущей прессы, наставники семинарии, священники, катехизаторы, ученики. Всё серьёзное, чем будет одарена библиотека, непременно принесёт свою пользу. Скажите всё это достопочтенному г-ну директору и попросите не поскупиться одарить нас хорошими книгами» (36).

Владыка Николай собственноручно заносил каждую полученную книгу в каталог, а при необходимости нередко сам делал переплёт книг и духовных журналов и после сам же наклеивал ярлыки и ставил книги на полки. О библиотеке Владыка постоянно упоминает в своём дневнике, отмечая, что то составлял каталог, то подбирал издания для переплёта, то собирал книги и брошюры в запасной библиотеке для отправки военнопленным, то выяснял, почему разбито камнем снаружи стекло в окне третьего этажа (это случилось во время русско-японской войны).

По свидетельству Д. Позднеева, Архиепископ Николай собственноручно в назначенные часы выдавал книги из библиотеки, собственноручно записывал их в регистрационный журнал и собственноручно делал отметки о возвращении. Естественно, при таком ведении дела библиотека оставалась в идеальном порядке и сохранности. Однако случившееся 1 сентября 1923 г. Великое землетрясение Канто не пощадило библиотеку. Обратимся к воспоминаниям Митрополита Сергия (Тихомирова), преемника Святителя Николая на посту начальника Миссии и главы Японской Православной Церкви: «3 часа 30 минут дня. Начало гибели Миссии. Крыши стоят обнажёнными от черепиц. А доскам уже под 47 лет. Засохли. Жар от надвигающегося пожара невозможный. Смотрю на крышу трёхэтажной библиотеки... На наших глазах она моментально вспыхнула. Самовозгорелась от жары». — Далее Владыка Сергей писал, что он не беспокоился за библиотеку, помня слова Архиепископа Николая, что в ней «гореть нечему», так как стены её были кирпичные, окна стальные с двойными стёклами, закрывающиеся железными ставнями, полы и потолки бетонные. — «Горит крыша, но крышей пожар и закончится. Так верил я» (37). Но распространившийся сверху огонь сделал своё дело: третий этаж выгорел полностью, и сгорели полностью около одиннадцати тысяч книг и весь архив Миссии. Оказалось, что потолок только третьего этажа был деревянный, подбитый снизу волнистым железом. «Уже не думал ли покойный Архиепископ Николай, что пожар может начаться только снизу? И ещё: крюки железных ставней вбиты в деревянные кирпичи», — отмечал Владыка Сергей (38). Остались несгоревшими второй этаж, где хранились богослужебные книги, издания Миссии и дубликаты, и первый этаж, с расположенным на нём проповедническим залом.

Весной 1925 г., при проведении работ по восстановлению Воскресенского собора и рухнувших зданий Миссии, за 15 000 иен, выданных министерством внутренних дел Японии, библиотека была

отремонтирована, причём третий этаж уничтожили, а приведённые в порядок книги, оставшиеся в несгоревшем втором этаже, составили новую библиотеку в 3 000 томов. Министерство внутренних дел, выдавая пособие, поставило условием сделать библиотеку общедоступной для всех желающих пользоваться её книгами.

Во времена Архиепископа Николая библиотека в глазах православных японцев составляла как бы святилище, куда доступ разрешался только лицам, преданным научным занятиям и пользовавшимся полным доверием Владыки. Такое же отношение сохраняется и сейчас.

После Второй мировой войны библиотека Миссии почти полностью была вывезена в Америку служившими в Николай-до американскими священнослужителями, что случилось, например, с журналом семинарии, о котором упоминалось выше. Сейчас в библиотеке, занимающей помещение, примерно, в 45–50 квадратных метров, находятся около четырёхсот томов, в основном, богословских книг, на них стоит красная печать Японской Православной Миссии, на корешках многих из них ещё сохраняются наклейки с надписями, сделанными рукой Святителя Николая.

В библиотеке Николай-до сохранились обгоревшие фрагменты метрики миссийской церкви, на которых можно прочитать записи 1878 г. и 1884 г., сделанные чернилами, с карандашными пометками на полях, принадлежащими Владыке Николаю.

Из, так называемых, исходящих документов Миссии имеются письмо Архиепископа Николая священнику Петру Сибаяма о покупке тёплого белья для пленных и письмо катехизатору Иоанну Оно, в котором Владыка сообщает о посылке ему 10 иен на дорожные расходы для посещения русских пленных. Написаны они по-японски, видимо, секретарём Миссии, и скреплены личной печатью Архиепископа Николая.

В библиотеке находится небольшой деревянный ящичек с вложенным в него Новым Заветом на японском языке, на последней странице обложки которого простым карандашом ещё неумелой рукой о. Николая, иероглифами и катаканой, написано: «1861 год. Иеромонах Николай Касаткин». Вероятно, о. Николай в бытность свою в Хакодате, пользовался им при изучении японского языка.

Таким образом, библиотека имела немаловажное значение в духовном просвещении и в развитии богословской мысли членов Японской Православной Церкви и внесла определённый вклад в распространение русской культуры.

2.4. ХОР

Архиепископ Николай и его сотрудники уделяли много внимания и трудов по созданию квалифицированного церковного хора и налаживанию церковного пения в Миссии, с самого начала основания которой придавалось огромное значение перенесению русской православной музыки на японскую почву. Владыка Николай считал, что «много значит хорошее мелодичное пение; как необходимо оно в церкви вообще и особенно там, где на внутреннее убеждение человека нужно действовать через его внешние чувства» (39).

Как упоминалось выше, первый хор был образован в Хакодате под началом псаломщика консульской церкви Виссариона Сартова в 1873–1874 гг. После его кончины (Он покойся на русском кладбище в Хакодате. — Э.С.) певчих обучал брат отца Анатолия Яков Дмитриевич Тихай (1840–1887 гг.), приехавший в Японию в 1874 г. и трудившийся там одиннадцать лет. Высшее образование Яков получил в Московской консерватории, где считался одним из лучших учеников Н.Г. Рубинштейна. В 1876 г. он женился на японке, а в 1883 г. поступил вторым драгоманом в российскую дипломатическую миссию, совмещая с этим должность псаломщика посольской церкви (40). На него, под руководством Владыки Николая, выпала первая организационная работа по устройству миссийского хора. Яков Тихай переложил с китайского обиходного одноголосного пения всенощного бдения, литургии и священных треб. В октябре 1886 г. Яков по болезни вынужден был вернуться на родину, забрав с собой семью. Он скончался в Одессе, в возрасте сорока семи лет, в декабре 1887 г.

После отъезда Якова Тихая из Японии вся забота по заведыванию церковным хором легла на диакона Дмитрия Константиновича Львовского, приехавшего в Миссию в качестве учителя пения в 1881 г. и более тридцати лет проработавшего в ней. Уроженец Кишинёвской епархии Дмитрий Константинович происходил из духовного звания и приходился родным племянником известному композитору и регенту Санкт-Петербургского митрополичьего хора Львовскому. Сам диакон, по свидетельству его знакомых, прекрасно владел скрипкой и другими музыкальными инструментами, в совершенстве знал теорию музыки и композиции. Вместе с Яковом Тихаем они занимались аранжировкой церковных музыкальных произведений, ими был издан обиходного одноголосного пения праздничной и пасхальной служб. Больших трудов им стоило организовать четырёхголос-

ный хор и издать четырёхголосное изложение всенощного бдения, литургии и священных треб. Сергей Недачин в своей статье «Православная церковь в Японии» отмечал, что «особенно важная заслуга диакона Львовского заключается в том, что он переложил все японские песнопения на наши родные, русские напевы, придавши им художественную отделку, не без участия, впрочем, и самобытного творчества: многие пьесы написаны им самостоятельно» (41). Львовский упорным трудом и стараниями сумел образовать у певчих школьников слух и подготовил себе достойных заместителей, один из которых, Иннокентий Кису, получил музыкальное образование в Санкт-Петербургской консерватории. Кроме пения Львовский в течение тридцати лет преподавал в духовной семинарии Миссии русский язык.

Переложение на русскую музыку японских церковных текстов представляло собой огромную трудность, так как японские тексты гораздо длиннее славянских и сама конструкция японского языка диаметрально противоположна русскому. Чрезвычайную трудность для пения представляет собой, например, японский носовой звук «н», являющийся сокращением из слога «ну», и поэтому, по требованию японской просодии, составляющий собой отдельный слог. Когда на него падает в мелодии полтакта или такт, а этот слог очень употребительный в японском языке, то, естественно, возникают большие сложности, так как тянуть целый такт хору одну согласную «н» для русской музыки невозможно.

Если обязанность справляться с длиннотами текстов легла исключительно на Тихая и Львовского, то осмысливание пьес в первое время, по недостаточному знанию ими японского языка, составило работу преимущественно Архиепископа Николая. Кроме того, Владыка Николай уделял большое внимание классам пения в духовных школах, присутствовал иногда на репетициях школьного хора и даже иногда проводил уроки пения сам. Приведём его записи в дневнике:

«22 Августа (4 Сентября) 1903. Пятница. В школах начались классы. По пению введён отныне в расписание класс двухголосного пения, и сегодня с 11 до 12 оное уже было. В Семинарии и Катехизаторской школе учителем Алексей Обара, в Женской школе — Иннокентий Кису. Будет три класса в неделю. Учить ему решительно необходимо. До сих пор везде по церквам или все тянут в один голос, или копируют 4-хголосное пение, что, конечно, выходит безобразным, — оное может быть только здесь, при Соборе, по обилию поющих и по имению, кому учить. Везде в церквах должно быть двух-

голосное, но до сих пор, даже хорошо поющие в 4-хголосном хоре, совсем не знают, как разделиться на два голоса... Во всяком случае, отныне класс 2-хголосного пения должен быть» (42).

Через год Владыка Николай с удовлетворением записывал в дневнике: «28 Августа (10 Сентября) 1904. Суббота. Раннюю обедню пели семинаристы 7 и 6 курсов и наполовину так хорошо, что я истинно порадован был успехом преподавания двухголосного пения, начатого в прошлом году в это время» (43).

Иногда миссийский хор давал концерты, чтобы собрать средства на те или иные мероприятия, и с этим связана интересная деталь: когда-то сам адмирал С.О. Макаров посоветовал Николаю заявлять хор вне Миссии. 10(23) мая 1903 г. Владыка описывал концерт, который дало миссийское «Общество молодых людей» для сбора на расходы, предназначенные для приёма в Токио русских учеников и туристов из Владивостока. Пели семинаристы и старшие ученицы женской школы. Публику составляла большей частью молодежь из разных школ, тепло принимавшая все номера, одаривая аплодисментами выступавших. После концерта Архиепископ Николай поблагодарил певцов и певиц и произнёс им речь, сущность которой свелась к следующему: «Пятнадцать лет тому назад капитан Макаров, ныне знаменитый русский адмирал, услышавши наше пение на Литургии, на которой он был в моё отсутствие, когда я отлучался в Сэндай, настаивал, чтоб я заявлял наших певчих вне Миссии — и на пользу Православной Веры, и на пользу эстетического развития Японии... Вокальная религиозная музыка в России из всех стран света наиболее развита, пересаживайте же её сюда и для пользы вашего Отечества, и во славу вашей собственной уже Православной Церкви» (44).

Газета «The Japan Weekly Mail» каждый месяц помещала обзор религиозной прессы и часто посвящала несколько строк хору Православной Миссии. В выпуске за 22 августа 1903 г. газета советовала своим читателям послушать «хор собора на Суругадай. Он состоит из двухсот мужчин и женщин, которые поют по-японски без аккомпанемента какого-либо инструмента. Этот восхитительный хор управляется почтенным диаконом Д. Львовским и господином Кису» (45).

Рекомендация адмирала Макарова «заявлять певчих вне Миссии» пригодилась и через много лет, когда после Великого землетрясения Канто 1923 г. Митрополит Сергей ездил по всем приходам Японии, собирая пожертвования на восстановление разрушенного стихийным бедствием собора Воскресения Христова. Певчие тоже «напели», по выражению Владыки Сергея, свою лепту. С особым

подъёмом пел хор во время освящения воскресшего собора в 1929 г. Митрополит Сергей писал: «Пели два хора — наш Соборный, и хор Богоявленской церкви в Ёцуя (Токио). Соборный хор пел прекрасно. Японцы и японки, чиновники, служащие, студенты и вообще учащиеся. Все “любители”, до 40 человек. Чудные сопрано, прекрасные альты, хорошо спевшиеся тенора, не отстают и басы... Конечно, японцы и ноты теперь легко разбирают и читают, и в гаммах толк знают. И всё же талантливый регент, фанатик своего дела Викт. Алекс. Покровский с 1924 года делал и делает колоссальную работу, не шадя своего здоровья. Имя его будет записано в историю музыки в Японии. Соборный хор не просто поёт, а поёт художественно, с душой, “с исполнением”, без погони “за вибрациями” и т. п. модными вещами. В Миссии теперь можно восхищаться пением и молиться» (46). Сам Митрополит Сергей постоянно проявлял заботу о хоре и певчих. Как рассказывает Елизавета Такаку, которая до сих пор поёт в хоре Николай-до несмотря на то, что ей больше восьмидесяти лет, Владыка Сергей после каждой воскресной службы сам непременно готовил чай с угощением для певчих.

Традицию преданности своему делу, начало которой положили в Миссии регенты Яков Тихай, Дмитрий Львовский, Виктор Покровский продолжает Като Наосиро, вот уже шестьдесят лет беспрерывно руководящий православным хором в церкви Осака.

Таким образом, русская вокальная религиозная музыка приобретает японские национальные черты, способствовала развитию православной культуры Японии.

2.5. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Для более успешного проповедования христианского учения Русская Духовная Миссия за время своего существования издавала четыре периодических журнала. 15 декабря 1880 г. начал выходить два раза в месяц официальный орган Миссии «Сэйкё симпо» («Православный вестник»), печатавшийся частично на японском, частично на русском языке. Объём номера составлял, как правило, около сорока страниц. Журнал содержал в себе обзор жизни Японской Православной Церкви и всего христианства и занимал одно из самых видных мест в ряду христианских миссионерских изданий всей Японии. Газета «The Japan Daily Mail» ежемесячно печатала обзоры религи-

озной прессы в стране, и в редком из таких обзоров не встречалось весьма лестных отзывов по поводу статей, помещаемых в «Сэйкё симпо». Журнал под этим названием выходил до ноября 1912 г., а с ноября 1912 г. издаётся по сей день ежемесячно под названием «Сэйкё дзихо» («Православный бюллетень»).

При женской духовной школе издавался ежемесячный журнал «Уранисики» («Скромность»). «Уранисики» буквально означает «подкладка из парчи» и заключает в себе целое мировоззрение. Согласно конфуцианскому учению, дорогая парчовая ткань (парчу принято было носить покрытой тонким шёлком) символизировала душу человека, которому надлежит прежде всего заботиться о внутренней чистоте, о совести, пренебрегать показной суетой. Интересно, что конфуцианская мысль о том, что показной суетой следует пренебрегать, перекликается с христианской. В Новом Завете, в Первом послании Петра, главе 3, говорится: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (47). Накамура Ёсикадзу отмечает, что «здесь мы видим блестящий пример синкретизма христианской и восточно-азиатской морали... Великий русский миссионер во всей полноте использовал конфуцианскую мораль, близкую простым людям, для распространения в Японии христианства» (48). Издание «Уранисики» было начато 15 ноября 1892 г., но в 1907 г. за недостатком средств было прекращено. Здесь печатались духовно-нравственные, практически-наставительные и художественные произведения, полезные для воспитания в православном духе японских женщин. Журнал знакомил читателей с русской литературой, помещая переведённые из неё на японский язык фрагменты: круг авторов включал Пушкина, Гоголя, Тургенева, а также Короленко, Горького и других. В «Уранисики» был напечатан «Борис Годунов», первый из переводов А. С. Пушкина в Японии.

«Уранисики» получил наибольшую известность, став первым журналом для женщин, издававшимся в Японии.

Миссия издавала ежемесячный журнал апологетического характера под названием «Син кай» («Духовное море»), начатый в сентябре 1893 г. Он являлся органом семинарии, но выходил недолго и за недостатком средств был прекращён 70-м номером в 1899 г. В отличие от «Уранисики», посвящавшего большую часть своих страниц русской художественной литературе, «Син кай» печатал переводы статей по богословию и философии из различных россий-

ских журналов, включая такой известный, как «Вопросы философии и психологии» Н. Я. Грота.

Ежемесячно выходил журнал «Сэйкё ёва» («Православная беседа»), посвящённый проповедям и речам и обсуждению религиозных истин в целях выработки у верующих японцев христианского мышления. Журнал выходил с 1893 г. по 1918 г.

В разные годы, кроме вышеуказанных основных журналов, выходили и другие издания: «Нива» («Сад»), «Нироку симбун» («Круглосуточная газета»), «Симэй» («Предназначение»). В первую очередь в них печатались религиозно-нравственные тексты, сокращённое изложение догматов православной церкви, жития святых. Определённое место в этих изданиях отводилось и светской литературе, как поэзии, так и прозе. Святитель Николай, высоко ценивший изящную словесность, благословлял такие переводы, полагая не без основания, «что, полюбив Пушкина и Толстого, японцы не смогут не полюбить Россию» (49).

Из всех частей Миссии Архиепископ Николай особое значение придавал переводческому отделу, в котором, по его мнению, заключалась вся суть миссийского дела. Он считал, как свидетельствует Д. Позднеев, что «в настоящее время, вообще, работа миссии в какой бы то ни было стране не может ограничиваться одной устной проповедью. Времена Франциска Ксавье, бегавшего по улицам с колокольчиком и созывавшего таким путём слушателей, прошли. В Японии же, при любви населения к чтению и при развитии уважения к печатному слову, верующим и оглашаемым прежде всего нужно давать книгу, написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и тщательно, красиво и дёшево изданную» (50).

В основу переводческой работы Владыкой Николаем был положен тот принцип, что душой миссии должно быть печатное слово, и этому принципу он неуклонно следовал всю жизнь. На протяжении тридцати лет с 1881 г. ровно в шесть часов вечера входил к нему его постоянный и единственный помощник по переводам Павел (Цугумаро) Накаи, глубокий знаток китайского и японского языков, сидел рядом с Владыкой и начинал писать под его диктовку переводы. Владыка выбрал Накаи из среды православных учёных японцев за его прекрасное знание иероглифической письменности, громадную трудоспособность и преданность православной вере. Эта работа продолжалась в течение четырёх часов и оканчивалась в десять вечера. Исключения составляли праздничные дни и дни вечерних богослужений. Архиепископ Николай говорил: «Хотя бы небо разверзлось, а я не имею права отменить занятий по переводу» (51).

Владыка Николай начал свои переводы богослужебных книг с круга воскресного богослужения, затем перешёл к Цветной Триоди, далее перевёл Триодь Постную и потом постепенно заполнял весь круг богослужений. Одновременно с этим шёл перевод Евангелия, которое Владыка переиздавал несколько раз. Из Ветхого Завета им были переведены все части, которые необходимы для годового круга богослужений. По свидетельству Д. Позднеева, «заветной мечтой его было восполнить недостающее и издать всю Библию. В 1910 году он говорил мне, что для завершения этого труда, по его расчётам, ему нужно ещё пять лет» (52).

Архиепископ Николай вёл свою переводческую работу чрезвычайно осторожно и педантично. В японском языке особую опасность для православия представляло употребление тех иероглифов, которые имеют в буддийском и синтоистском каноне особый смысл, расходящийся с православием. В этом отношении все термины, касающиеся, например, нирваны или детерминистического определения человеческой воли и тому подобных понятий, составляли особую трудность, как совершенно расходящиеся с православным представлением о личном Боге, рае, свободной воле человека. По воспоминаниям современников Архиепископа Николая, иногда установление одного иероглифа требовало долгих часов совещания Владыки с Павлом Накаи, а иногда случалось, что о переводе одной фразы рассылались по всей Японской Церкви архипастырские послания, с просьбой к верующим высказаться о соответствующей православия редакции текста.

Кроме того Архиепископ Николай придерживался принципа никогда не читать ни католических, ни протестантских переводов Библии из опасения невольно что-либо из них позаимствовать. Он говорил Позднееву, что «лучше самому, исходя из личного понимания православия, преодолевать трудности японской письменности и искать в них соответствия с нашими текстами, чем подчиняться инословным переводам и брать из них готовые термины» (53).

Вследствие такого отношения Архиепископа Николая к переводам им был выработан совершенно особый православно-богословский японский язык, термины в котором точно передают значение славянских и греческих православных слов. Однако для общей массы верующих японцев подбор иероглифов был в значительной степени труден, но Архиепископ Николай считал, что перевод Евангелия и богослужения не должен опускаться до уровня развития японцев, а, наоборот, верующие должны возвышаться до понимания

евангельских и богослужебных текстов. И этого, в определённой мере, удалось достичь по мере развития работы переводческого отдела Миссии и создания в Японии православно-богословской библиотеки, благодаря чему японцы стали привыкать к христианско-православному мышлению. Почти все богословские сочинения, признаваемые в России классическими, были переведены на японский язык.

В состав переводческого отдела, трудившегося под контролем Владыки и при его ближайшем участии, входили, главным образом, лица, получившие высшее богословское образование в России, а позднее и японцы, окончившие миссийскую духовную семинарию и хорошо знавшие русский язык. Среди них были Симеон Мии, Савва Хорие, Матвей Уэда, Исаак Кимура, Алексей Китагава, директор семинарии Иван Сэнума и его жена Сэнума Каё, первая познакомившая японцев с миром Чехова. Гордостью Владыки являлось появление и оригинальных японских православно-богословских сочинений. Согласно каталогу изданий Миссии, помещённому в «Прибавлении к церковным ведомостям», №49, в 1896 г. было опубликовано пять таких сочинений, а в 1903 г. уже пятнадцать. Среди них:

1. «Сборник религиозно-философских статей» Павла Ямада.
2. «Религия и красота природы» Василия Ямада.
3. «Новопрославленный святой преподобный Серафим Саровский», — брошюра для раздачи в день прославления и «Преподобный отец наш Серафим Саровский чудотворец» Акилы Кадзима.
4. «Краткое объяснение всеношного бдения и литургии» Сергия Судзуки.

5. «Краткое изложение православного вероучения» Симеона Мии.

6. «Неведомый Бог» Петра Исикава.

В 1904 г. Исайя Мидзусима издал следующие брошюры:

1. «Альбом собора Воскресения Христова в Токио».
2. «Иллюстрированное описание храма Благовещения в Киото».
3. «О положении Японской православной церкви» (по поводу объявления войны Японии с Россией).
4. «Война Японии с Россией и японские православные христиане» (об отношении Японской православной церкви к Российскому Святейшему Синоду).
5. «Состояние Японской православной церкви во время войны Японии с Россией».
6. «Четыре св. угодника XIX столетия».
7. «Святая равноапостольная мироносица Мария Магдалина».

8. «Бог Творец».

9. «Императорский дом и православная вера».

10. «Начатки православного христианского вероучения». Иллюстрированный учебник для воскресных школ.

Пётр Исикава издал две работы: «Семейная жизнь и нравственность с христианской точки зрения» и «Ответ миссионеру римско-католической церкви Гиру о мнимых заблуждениях греческой православной Церкви».

Вышеперечисленные издания характеризуют то направление, в котором под руководством Архиепископа Николая велась работа в переводческом отделе Миссии.

Таким образом, в результате работы переводческого отдела в Японии была создана православно-богословская библиотека, благодаря чему японцы стали привыкать к христианско-православному мышлению.

Архиепископ Николай, воодушевляя собственным примером своих ближайших учеников и помощников на научные труды, создал целую школу переводчиков произведений русской литературы на японский язык. В качестве примера приводим имена наиболее известных из них:

Сэки Такэсабуро (1871–1920), внесший большой вклад в издание органа семинарии «Син кай». Он написал много статей, посвящённых критике западноевропейской философии с позиций славнофильства. Во время Первой мировой войны он перевёл «Лекции о Богочеловеке» Владимира Соловьёва. Их публикация была прервана его гибелью в 1920 г., в бою с советскими партизанами в Николаевске-на-Амуре, где он служил в японской торговой фирме.

Кониси Масутаро (1862–1940), окончив семинарию Миссии, девять лет провёл в России, где учился в Киевской Духовной Академии и в Московском университете (занятия психологией у профессора Л. М. Лопатина на юридическом факультете). Учёный-психолог Н. Я. Грот (1852–1899) представил его в 1892 г. Л. Толстому, после чего Кониси не раз бывал в Ясной Поляне, консультировал писателя, интересовавшегося древнекитайской философией. Об этом он оставил воспоминания и очерк «Толстой — сын России». Кониси Масутаро печатался в основанном Н. Я. Гротом журнале «Вопросы философии и психологии».

Кониси привёз в Японию собрание сочинений Л. Н. Толстого. Им переведены «Крейцера соната» (в содружестве с известным писателем Одзакэ Коё), рассказ «Два старика», повесть «Детство».

«Крейцерова соната» вызвала особенно большой резонанс в Японии, в обстановке происходивших там поисков новой морали. Возвратившись в Токио, Кониси преподавал в семинарии философию и богословие. Его статьи в миссийских журналах знакомили японцев с русской общественной мыслью.

Сэнума Каё (1875–1915), жена Ивана (Какусабуро) Сэнума, выпускника семинарии, назначенного её ректором в тридцатилетнем возрасте. Выпускница, а затем учительница женской православной школы, в девичестве Ямада Икуко, (Каё — псевдоним, означающий «Летний лист», по созвучию с литературным именем почитаемого ею учителя, писателя Одзаки Коё — «Багряный лист». — Э.С.) она прославилась своими, впервые сделанными в Японии, переводами А.П. Чехова, собрание сочинений которого имелось в библиотеке Миссии. Н.И. Конрад указывал, что «именно Сэнума Каё принадлежит историческая заслуга — дать японской литературе Чехова в тот момент, когда это было для неё особенно нужно» (54), имея в виду обновление японской литературы и театра, происходившее в 1900 г. О том, что Сэнума Каё явилась не только первым, но и лучшим интерпретатором Чехова, свидетельствует и Накамура Ёсикадзу, посвятивший деятельности переводчицы обстоятельное исследование.

Нобори Сёму (1878–1958) по праву называют патриархом современной русистики. В 1904 г., через год после окончания православной семинарии, он опубликовал книгу о Н.В. Гоголе, а итогом его восьмидесятилетней жизни явились переводы и исследования русской литературы, составившие более сотни томов. В число авторов, которых переводил Нобори Сёму, входили Ф. Достоевский, Л. Толстой, М. Горький, он познакомил японцев с такими писателями, как И. Бунин, А. Куприн, М. Арцибашев, Б. Зайцев, Л. Андреев, Ф. Сологуб. Самой важной работой Нобори Сёму как критика стал его капитальный труд «История русской и советской литературы» («Росия то советто бунгаку си»), 1955 г. Он преподавал во многих учебных заведениях — в Токийской православной семинарии, Военной академии, университете Васэда — и составил многочисленные учебные пособия: «Новый самоучитель русского языка» («Син росияго дзисю кодза»), 1932 г. в пяти томах, «Введение в русский язык» («Росияго нюмон»), 1934 г. и другие.

Таким образом, Японская Православная Церковь, вырастив не одно поколение глубоких знатоков русского языка и России, внесла большой вклад в развитие и взаимодействие культурных связей двух стран. Богатая библиотека, издание художественных переводов спо-

собствовали тому, что русская литература завоевала прочные права гражданства в Японии. Г. Д. Иванова в своей книге «Русские в Японии XIX — начала XX в.» отмечает: «...после русско-японской войны появилась выразительная присказка: японцы победили русских в сражениях, сами же побеждены их литературой» (55). Можно сказать, что стараниями Архиепископа Николая и его учеников в Японии была создана русистика.

2.6. Иконопись

Архиепископ Николай, чья деятельность была направлена на японизацию христианского учения, думал и о воспитании японских иконописцев. Вначале иконы для японских храмов ввозились или присылались из России, а для того, чтобы делать печатные иконы, из России были привезены и литографические станки. С распространением православия возникавшие японские общины и их храмы нуждались в церковной утвари и особенно в иконах. Вставала настоятельная необходимость создавать при Миссии иконописную школу, но учиться мастерству иконописи нужно было в России. Владыка собирался отправить туда Окамура Масако (1858–1936), православную ученицу первой в Японии государственной промышленной школы искусств, но она вышла замуж и послать её в монастырь стало невозможно. Вместо неё в декабре 1880 г. Архиепископ Николай отправил в Петербург, в Новодевичий Воскресенский женский монастырь, насельницы которого много помогали Владыке в его миссийских делах, 23-летнюю девушку по имени Ямасита Рин (1857–1939), учившуюся вместе с Окамура Масако. В 1878 г. она стала православной и приняла в крещении имя Ирина. Начинаящей художнице поручили сделать эскиз обложки для журнала «Сэйкё симпо», и видимо, тогда начальник Миссии и заметил её одарённость.

Ямасита Рин происходила из обедневшей самурайской семьи из города Касама (префектура Ибараки). Как явствует из её автобиографии, она сначала училась у Хасимото Тиканобу, художника школы «укиёэ», позже её наставником стал Накамару Сэйдзюро, занимавшийся европейской живописью. В 1876 г. в Японию прибыл итальянский художник Антонио Фонтанези (1878–1882) для работы в промышленной школе искусств, где впервые в Японии он стал преподавать масляную живопись. Ямасита Рин, судя по сохранившимся ведомостям школы, была лучшей среди учениц.

10 марта 1881 г. Рин приехала в Петербург и поселилась в монастыре, при котором была иконописная мастерская и куда приходил давать уроки ректор Академии художеств Федор Иванович Иордан (1800–1883), знакомый Архиепископа Николая. Ямасита Рин часто посещала Эрмитаж, где делала копии с картин итальянского Возрождения, в основном, с изображений мадонн.

Подробности её пребывания в Петербурге запечатлены в её дневнике. Из него стало известно, как трудно она переносила сырой, холодный климат, часто болела, как нелегко давалось ей мастерство иконописи с его строгими канонами, совершенно отличными от навыков, усвоенных в Токио.

У племянника Ямасита Рин, Ода Хидэо, который по сей день живёт в Касама, хранятся два письма к ней Архиепископа Николая, следившего за её успехами из Токио. Письма Владыки излучают сердечность и заботу о своей подопечной, повествуют о том, какие надежды возлагал он на молодую художницу. В письме от 27 января 1882 г. читаем: «Любезная Ирина Петровна, Божие благословение да будет над Вами!

Благодарю Вас за известия о себе. Очень рад Вашим успехам. Все здесь, слыша всегда доброе и приятное о Вас, радуются и благодарят Бога за Вас; все ждут от Вас со временем большой службы и пользы для церкви...

Постоянный спрос на картинки из Священной истории Ветхого и Нового Завета заставил нас подумать об издании их здесь, так как из России присылают понемногу; теперь режут на меди, а скоро сделаем и выпуск новозаветный... Делаем также опыт литографировать здесь иконы... А вернётесь Вы, станем печатать и иконы святых; здесь вечный спрос на них, а их — нет, а из России-то немногих можно достать. Запасайте, пожалуйста, побольше образцовых рисунков разных святых».

В письме от 10 октября 1882 г. Владыка писал: «Все мы в большой надежде, что из Вас выйдет превосходная иконописица, которая не только сама будет славные иконы писать, но и многих научит тому же искусству, т. е. заведёт здесь, вернувшись, иконописную мастерскую, соберёт учеников и учениц и обеспечит Православную Японскую Церковь иконописью, так что не нужно будет в этом отношении помощи заграничной церкви, каковую помощь, по дальности расстояния, не легко получать. Укрепит Вас Господь на это важное дело!.. Переносите с терпением скуку и тоску, ради той великой цели, к которой стремитесь — принести несомненную пользу отечественной церкви» (56).

Ямасита Рин проучилась в Петербурге два года, она часто болела, трудно переносила сырой и холодный климат, монастырскую жизнь с её строгими правилами. Трудности усугублялись ещё и тем, что Рин почти не владела русским языком. Владыка Николай, беспокоясь о её здоровье, советует ей вернуться на родину. В марте 1883 г. Ямасита Рин покидает Россию.

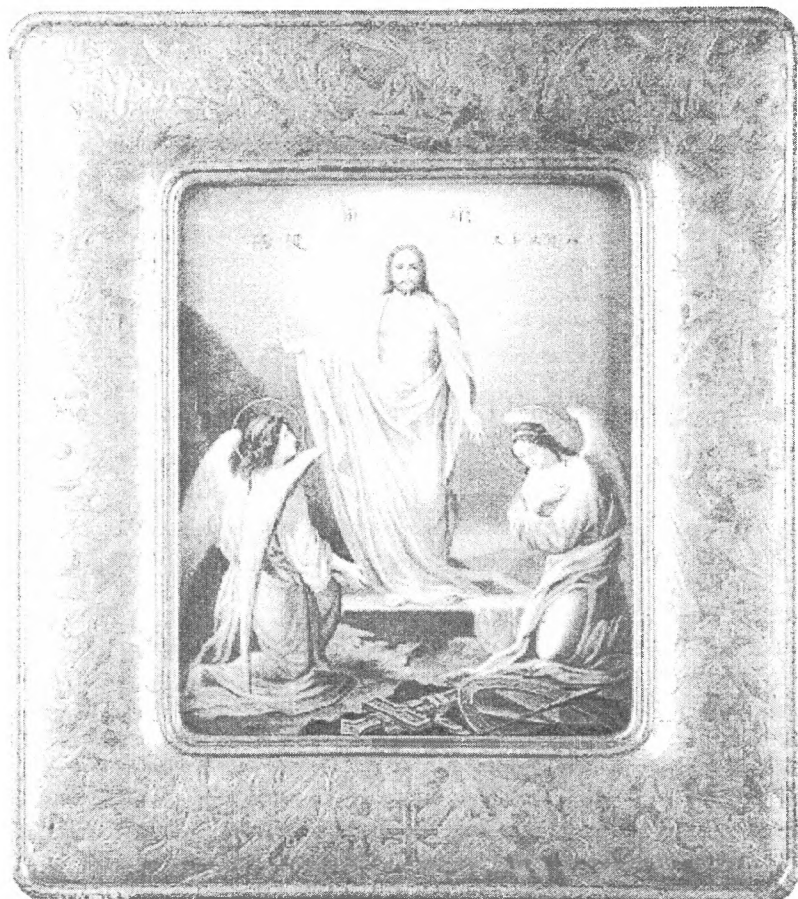
После возвращения в Японию Ямасита Рин стала писать иконы для православных церквей, строившихся по всей стране, работая в созданной для неё иконописной мастерской при миссийском женском училище, где она и жила в предоставленной ей отдельной комнате. Сведений об иконописной мастерской почти не сохранилось, кроме того, что она существовала и её официальное название было «Иконописная мастерская православной церкви». В 1893 г. здесь работала ещё одна женщина — Такахаси Масуко (годы жизни неизвестны), однако вскоре Ямасита Рин осталась одна.

На тридцать лет позже, чем Рин, в 1909–1913 гг., по рекомендации Архиепископа Николая в России, сначала в Петербургской школе искусств барона Штиглица, а затем в Академии художеств, училась Мария Хидэко Сибаяма, в замужестве Ои. В её судьбе горячее участие принимала семья будущего учёного-япноведа Сергея Елисеева, в которой она жила как член семьи. Выйдя замуж за журналиста Ои Канэтака, Мария вернулась в Японию и посвятила себя мужу и детям. «Хотя ожидалось, — как пишет Наганава Мицуо, — что она станет преемницей иконописицы Ямасита Рин, она не оставила заметного следа в церкви и единственным дошедшим до наших дней её произведением является икона в церкви Яматэ в Токио» (57).

Ямасита Рин, не имевшая семьи, полностью отдала себя работе, протрудившись в иконописной мастерской тридцать пять лет, до 1918 г., когда она переехала в свой родной городок Касама. Ею написано около двухсот пятидесяти икон, находящихся в православных храмах по всей Японии, однако общее число их неизвестно, так как она не ставила ни подписи, ни даты, да это и не принято у иконописцев. Писала она темперой, что обеспечило её работам хорошую сохранность. Много её икон было в Токио в Воскресенском кафедральном соборе, но всё сгорело во время Великого землетрясения Канто в 1923 г. На некоторых иконах указана дата их отправки из мастерской Миссии, есть реестры и в различных церквах, что позволяет установить время создания работ, хотя эти даты могут считаться нижним пределом создания икон.

Одна датированная работа Ямасита Рин хранится в Эрмитаже. Это икона Воскресения Христова — дар Японской Православной

Церкви наследнику Российского престола, будущему царю Николаю Второму, во время его посещения Японии в 1891 г. Поездка наследника была омрачена известным событием в Оцу, городке близ Киото, где, по пути из Кобэ в Токио, он подвергся нападению полицейского Цуда Сандзо, нанёсшего ему удар саблей в голову. Икону цесаревичу преподнесла делегация православных японцев, получившая к нему доступ на фрегат «Память Азова» в порту Кобэ.

Икона Воскресения Христова.

На обратной стороне иконы по серебряному полю написан золотом храм Воскресения Христова в Токио и внизу храма золотом сделана надпись по-русски и по-японски: «Его Императорскому Высочеству, Наследнику Российского Императорского Престола, Государю Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу почтительнейшее приношение Японской Православной Церкви, в знак усерднейшей её молитвы о здравии и благоденствии Его. 6 мая 1891, Токио». Для иконы и киота к ней использована доска из дерева хиноки, взятая из разобранного главного буддийского храма Дзодзёдзи в Токио, построенного в XVII в. На золотом поле лицевой стороны киота выпукло изображены золотом цветы четырёх времён года: вишня, лилия, астра, нарцисс. Лак, смешанный с порошком из чистого золота, положен в десять слоёв. Боковые стороны киота, покрытые чёрным лаком, украшены золотыми астрами, и обратная сторона — чёрный лак с золотыми блёстками. Украшения по заказу японских православных христиан сделал в 1891 г. известный мастер лако-золотых дел Такаи Ясухару, унаследовавший своё мастерство от отца и занимавшийся им 41 год.

Из вышесказанного видно, что Архиепископ Николай в своей деятельности стремился к тому, чтобы в созданной им Японской Православной Церкви были свои богословы, свой хор, свои иконописцы, чтобы японцы сами создавали свой духовный мир. Православие, ставшее японским, приобрело реальное значение в культуре Японии.

2.7. МОНАШЕСТВО

Архиепископу Николаю очень хотелось основать монашество в Японской Православной Церкви, так как без этого церковь представлялась чем-то незаконченным. Без монашества Японская Церковь не могла рассчитывать на рукоположение епископа японца, который мог бы стать со временем во главе её. Хотя Владыка Николай и его русские сотрудники были очень озабочены вопросом о насаждении монашества и даже хотели устроить монастырь в горах Хаконэ, в Тоносава, где была миссийская дача с домашним храмом, однако Владыка строго подходил к желающему сделаться монахом. 16 (28) января 1882 г. Святитель Николай оставил следующую запись в своём дневнике: «...приходил Антонин Такамура (22 года от роду) про-

ситься в монахи. Сказано, что раньше 30 лет нельзя сделаться монахом, пусть своё намерение хранит в сердце, и если воля Божия, в должное время может он быть пострижен в монахи, но только пусть это не мешает ему исполнить самое первое и высшее его намерение — служить Церкви проповедником, потому пусть хорошо учится. Ушёл со слезами умиления, видно, что был в истинно хорошем настроении» (58).

В 1880-х гг. Святитель Николай оказался близок к осуществлению своего стремления. Его расположение приобрёл один катехизатор, отличавшийся весьма строгим образом жизни, красноречием, привлекавшим к нему много слушателей, а, главное, желанием стать монахом. Владыка постриг его в иноческий чин и поставил иеромонахом для отправления священнических обязанностей в один из важнейших кварталов Токио, в Кодзимати, где была устроена церковь. Благодаря его усердию в проповеди эта церковь за один год увеличилась вдвое, здесь же, в Кодзимати, иеромонах открыл вторую катехизаторскую школу и женское училище, собрав значительное количество учеников. Со временем иеромонах начал проявлять неумеренное честолюбие, самовластие, нарушил обет целомудрия, и в 1891 г. с него был снят сан. С тех пор, как указывает Позднеев, «Архиепископ не считал возможным ни одного из японцев посвящать в монашество в течение целого ряда лет, и только в 1908 году, по представлению служащего на Хоккайдо священника Романа Фукуи, был рукоположен в иеродиакона уже пожилой катехизатор Моисей Минато» (59). Он стал единственным японцем в то время, носящим иноческий чин.

Архиепископ Николай строил планы создания женской обители, так как среди учительниц и учениц женских духовных школ были желающие принять постриг. 3(16) сентября 1903 г. Владыка записал в дневнике: «Если бы добрая монахиня из России, то как бы легко было завести здесь женскую обитель! Но куда же надеяться на это, когда и монаха для заведения мужской и в отдалённой перспективе не видно!.. Отсюда надо будет послать в женский монастырь в Россию для воспитания в настоятельницы сюда. Вразуми и помоги, Господи!» (60). Об учительнице женской духовной школы в Киото, просившейся в монашество, он писал 17(30) августа 1904 г.: «Пусть учителем; это тоже вроде монашеского послушания; если несколько лет выдержит искус, то будет отправлена в женский монастырь в России для научения настоящему монашеству» (61). Однако русско-японская война и революция 1917 г. в России не позволили осуществиться этим планам.

Отсутствие монашества привело к тому, что накануне Второй мировой войны, когда преемнику Архиепископа Николая Митрополиту Сергию было запрещено возглавлять Японскую Православную Церковь из-за того, что он русский, священника Иоанна Оно развели с женой, постригли в монахи с именем Николай, совершили его епископскую хиротонию, и он возглавил Японскую Церковь. Это произошло в Харбине в 1941 г. Его жену тоже постригли в монахини в одном из харбинских монастырей.

Тридцать лет возглавлял Японскую Церковь Митрополит Феодосий. С его кончиной 7 мая 1999 г. в ней возникла сложная ситуация, когда поместная церковь оказалась без архиерея и его преемника в связи с отсутствием монашества. В июле на Поместном Соборе были избраны три кандидата для пострижения в иноческий чин, и одного из них в 2000 г. изберут главой Японской Церкви.

Их пострижение, а затем епископская хиротония были совершены Патриархом Московским и всея Руси Алексием Вторым в России в октябре–ноябре 1999 г. и в январе 2000 г. Архиереями стали Пётр (Арихара), Епископ Йокогамский, викарий Токийской Епархии (скончался 10 мая 2000 г.); Даниил (Нусиро), Епископ Киото-ский; Серафим (Цудзизэ), Епископ Сэндайский.

Таким образом, накануне XXI в. в Японской Православной Церкви создан институт монашества, сделавший завершённой её организационную структуру.

2.8. ОРГАНИЗАЦИОННОЕ УСТРОЙСТВО ЯПОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В статье П. Прокошева «Русская православная миссия в Японии» приводятся данные, отражающие распространение православия в Японии после учреждения Русской Духовной Миссии с 1871 г. по 1881 г. Согласно им, стараниями двух миссионеров — архимандрита Николая и иеромонаха Анатолия в 1874 г. в Хакодате насчитывалось более 300 православных христиан, а в Токио за два года после основания там миссийского стана о. Николаем было крещено около 100 человек. Благодаря тому, что в Хакодате ещё до учреждения православной миссии существовала русская церковь, и о. Николаем было многое подготовлено для распространения православной веры, успех её оказался внушительней, чем в столице. На северо-востоке

Японии, в Сэндай, в 1874 г. обращённых в православие насчитывалось около 500 человек. Главными сотрудниками архимандрита Николая и иеромонаха Анатолия были катехизаторы Павел Савабэ, Иоанн Сакаи, Матфей Кангэта, Иоанн Оно, Павел Сато и другие японцы. Всех верующих в 1874 г. православная церковь в Японии насчитывала около 900 человек. В 1875 г., когда рукоположением Павла Савабэ во иерея, а Иоанна Сакаи во диакона было устранено главное препятствие к распространению православия в Японии — отсутствие священников-японцев, число обращённых превысило 1000 человек (62).

В 1878 г. численность всех православных христиан в Японии составила 4215 человек, русских миссионеров было только трое: архимандрит Николай, иеромонах Анатолий и священник Гавриил Чаев, сменивший вернувшегося в Россию иеромонаха Евфимия; в Японской Церкви трудились 6 священников, 27 катехизаторов и 51 катехизаторских помощников — все японцы. Для сравнения, согласно рапорту о. Николая совету Православного Миссионерского Общества, в том же году в Японии у католиков трудились 36 миссионеров (из них 3 епископа) и 13 сестёр милосердия, у протестантов — 70 миссионеров (среди них 1 епископ) и 29 миссионерок. Число обращённых «всех в совокупности гораздо менее количества православных христиан (за исключением католиков на Кюсю — возобновлённого остатка бывшего там христианства в 16-м столетии)» (63). В 1878 г. пределы православной проповеди (она велась почти в 150 городах) простирались от Хакодатэ на Хоккайдо до Осака на Хонсю, а в 1879 г. распространились на острова Сикоку и Кюсю.

С возрастающими успехами Миссии увеличивались и её материальные нужды, о чём свидетельствовали рапорты Святителя Николая Святейшему Синоду и письма к сотрудникам Миссии в России. Приводим выдержки одного из них: «...Нужды миссии растут и растут, а средств у миссии никаких... Ну, а своё жалованье куда вы деваете? — скажете Вы. Своё жалованье! А кто же помогает бедствующим христианам? Подобрал оставшиеся крохи, приходится тысячу раз примерить и рассчитывать — нельзя ли чего-нибудь ещё отнять у себя и, при всей ограниченности средств, ещё более себя ограничить» (64). Особенно смущали начальника Российской Духовной Миссии успехи инославных миссионеров, которые «опережают вас везде и во всём, опережают потому, что у них есть средства, а у нас их нет. Не заноеет ли у вас в груди, видя, как инославные миссионеры по всем провинциям рассылают толпы своих катехизаторов, а у вас

нет денег, чтобы отправить их хотя в те места, где прямо желают слышать православного проповедника?.. Вою у тех блестят кресты на храмах, звучно поют колокола. И нам бы нужен храм, говорят наши бедные птенцы... Счастливы те, что идут теперь в церковь! А вот и у нас скоро будет, пришлют же ведь из России. Пришлют, пришлют! Всё основано у нас на этом дорогом для нас слове. И не ждёт так растрескавшаяся от засухи земля дождя небесного, как мы ждём вашей помощи» (65). Катехизаторы, бывшие единственными распространителями православия во внутренних областях Японии, недоступных для иностранцев, почти все принадлежали к самурайству, которое было разорено уничтожением удельной системы с приходом к власти императора. Собственного труда для содержания себя и своего семейства катехизаторам было недостаточно. Особенно тягостное положение сложилось в Миссии во время гонений 1872 г. на православных христиан в Хакодате, Сэндай, где кроме помощи самим проповедникам, заключённым в тюрьмы, требовалось ещё позаботиться о содержании их семейств, оставшихся без средств к жизни. В 1877–1878 гг. материальное положение Миссии осложнилось русско-турецкой войной, стянувшей силы и средства России против Турции и отвлекшей внимание ревнителей православия от нужд русских миссий. Однако Православное Миссионерское Общество не допустило Миссии в Японии свернуть начатое дело, выслав на её содержание в 1878 г. 17000 рублей. Заботу о Миссии проявил Преосвященный Вениамин, Епископ Иркутский и Нерчинский. В 1877 г. он послал на её нужды 700 долларов, которых, по свидетельству иеромонаха Анатолия, достаточно было, чтобы прожить без лишения собственно по Хакодатскому стану почти целый год. Как видно из рапорта о. Николая совету Православного Миссионерского Общества за 1878 г., на нужды Миссии и Японской Церкви в год требовалось 34500 иен или 46000 рублей (66). Несмотря на рост Японской Православной Церкви, денежные перечисления из официальных источников из России не увеличивались, что осложняло её деятельность. Особенно тяжёлое положение сложилось после русско-японской войны, когда частные пожертвования из России резко сократились, и из-за этого Собор 1907 г. был вынужден уволить 30 катехизаторов. По выражению Архиепископа Николая, Собор «плакал», принимая это решение. Назрела насущная необходимость в материальной самостоятельности Японской Церкви, но пока это было невозможно, что видно из цифр, приведённых Наганава Мицуо в статье «The Japanese Orthodox Church in the Meiji Era»: в 1907 г. пожертвования

японских христиан на свою церковь составили 8400 иен, в то время, как самих христиан было около 30000 человек, то есть на одного верующего пришлось 0,27 иен пожертвований. Для сравнения приводится община методистов, имевшая в том же году 4000 членов, но пожертвовавших на церковь 10000 иен, то есть 2,5 иен на человека (67). Можно сказать, что социальный состав Японской Православной Церкви, священнослужители и прихожане которой (учителя школ, врачи, полицейские, почтовые чиновники), в основном, принадлежали к самурайству, то есть обедневшему дворянству, долгое время не позволял обрести материальную самостоятельность.

Японская Православная Церковь в своём внутреннем управлении лишь формально зависела от Святейшего Синода: она управлялась не обер-прокурорскими циркулярами, а канонами первохристианской церкви. Архиепископ Николай всегда стремился к тому, чтобы христианское учение в Японии стало японским православием аналогично тому, как оно стало греческим православием в Греции и русским православием в России. С самого начала своего апостольского служения он установил ежегодное проведение Собора Японской Церкви (как было указано выше, первый Собор состоялся в 1874 г. в день святых Апостолов Петра и Павла, 29 июня по ст. ст. Это стало традицией, и теперь ежегодный Собор всегда открывается на праздник Петра и Павла, 12 июля). Круг деятельности ежегодных соборов был следующим: 1) выбор катехизаторов и назначение им места служения; 2) составление правил для руководства катехизаторам; 3) обсуждение общих вопросов о церковном управлении; 4) распределение материальных средств между церквями. К этому времени все церковные общины присылали на Собор свои прошения, выбирали из своей среды представителей. В Миссию приезжали все священники, диаконы, катехизаторы. Сначала проходили личные беседы Архиепископа Николая со служителями Церкви и мирянами. Затем проводились совещания священников и катехизаторов без участия Владыки. Часть принятых на них решений Святитель Николай утверждал, а наиболее спорные переносил на соборное обсуждение. На Соборе заслушивались доклады каждого священника и катехизатора об успехах проповеди, рассматривались статистические листы всех общин о числе крещений, решались вопросы о перемещениях священников, читались письма — прошения от общин. Решался основной вопрос — соборное избрание национального священства.

Идею Соборности Святитель Николай проводил на всех уровнях Церкви. Главным органом управления служил (и до сих пор

служит) Токийский церковный совет, его председателем был Владыка Николай, членами — токийские катехизаторы. Каждый приход управлялся советом, который собирался еженедельно по воскресным дням для обсуждения различных нужд. После воскресного богослужения на братской трапезе любой верующий мог сказать слово поучения, что очень нравилось японцам. Усердие христиан в вере выражалось в том, что сама проповедь была делом всей церкви, а не только личным делом одних катехизаторов. В каждом приходе христиане избирали между собой старост, преимущественная обязанность которых состояла в том, чтобы расширять для катехизаторов круг знакомств, находить и приводить к ним новых слушателей. Но кроме старост всякий православный японец считал своей обязанностью делать то же.

Успеху своей миссионерской деятельности Святитель Николай обязан тем принципам, которые он положил и которые соблюдал сам и требовал их соблюдения от миссионеров, приезжающих в Японию. Во-первых, то, что он называл «идеалистическими свойствами» или «живой душой». Во-вторых, логический ум, умение вести беседу с японскими рационалистами. Затем — обязательное высшее богословское образование и хорошее знание Японии. И, наконец, проповедь должна быть не умозрительно-отвлечённой, а объединять христиан в единую церковную семью. «Вначале завоевать любовь, а потом нести Слово!» — девиз Архиепископа Николая, при ежегодном объезде японских общин лично посещавшего дом каждого христианина. На это у него всегда отводилось два месяца.

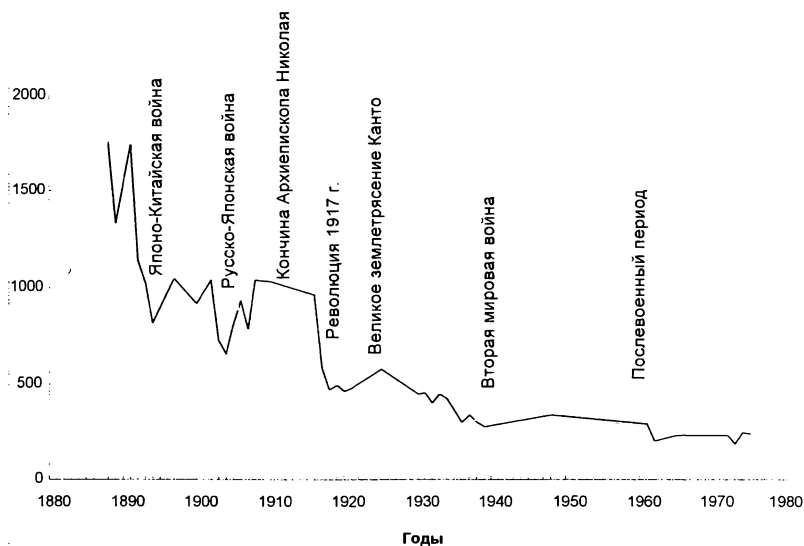
Не смешивать религию и политику — было важнейшим правилом миссионерской деятельности Архиепископа Николая, что снискало ему доверие и уважение японского правительства и стало важным условием распространения православия в Японии. Ещё одно важнейшее правило — он не старался обратить как можно большее число японцев, но стремился к тому, чтобы обращение их имело прочное основание. И, наконец, главный принцип, пронизывавший всю миссионерскую деятельность, став как бы её маяком, — это закладка в нарождающихся христианских общинах того духа Соборности, который отличал первохристианские общины.

Жизнеспособность религиозного общества самым наглядным образом выражается в проповеди и приобретении прозелитов.

Как видно из графика, составленного по статистическим данным Соборов Японской Православной Церкви, в 1888–1902 гг. в православие обращалось, в среднем, 1000 человек в год, только в 1894 г.,

во время войны с Китаем, число крещёных немного сократилось — 811 человек. В 1903–1907 гг. число крещений становится меньше 1000, что объясняется негативным влиянием русско-японской войны и значительным сокращением числа катехизаторов в связи с тяжёлым материальным положением Японской Церкви. В 1908–1910 гг. в православие обращалось, примерно, по 1000 человек в год. Это можно объяснить благоприятной обстановкой, сложившейся вокруг Японской Православной Церкви после войны, а также приездом Епископа Сергия (Тихомирова), ставшего активным помощником Архиепископа Николая. Мenee, чем через год после приезда в Японию Преосвященный Сергий уже мог без переводчика объезжать японские православные общины. После революции 1917 г. в России число японцев, обратившихся в православную веру, не превышало 500 человек в год.

Ежегодное число крещений в Японской Православной Церкви

В год кончины Архиепископа Николая, в 1912 г., в Японии было 34 111 православных христиан и 276 церквей. Всех христиан-японцев

насчитывалось 150 000 человек, в числе которых 62 000 католиков и 45 000 протестантов. Хотя все миссии (православная, католическая и протестантская) почти одновременно начали свою деятельность в Японии в 1860-х гг., однако сами по себе цифры не отражают реального положения каждой разновидности христианства. В Японии существовала целая система католических и протестантских миссий, сообразно числу пославших их государств — Италии, Франции, Испании, Португалии, Германии, Англии и Америки. Они имели в своём распоряжении очень значительные силы и материальные средства. Православная миссия была только одна и в малочисленном составе. Что касается средств миссии, то скудость их не только препятствовала её более широкой организации, но заставляла сокращать и даже вовсе закрывать существовавшие миссионерские учреждения.

По свидетельству Д. Позднеева, японская миссия каждый год издавала карты распространения христианства с точным обозначением местонахождения православных общин. Согласно им, главным центром православия в Японии являлся север страны — Хоккайдо и Тохоку — северо-восточные провинции Хонсю. Маленькая община православных была на острове Сикотан. В церковно-православном отношении Хоккайдо разделялся на три округа, объединявших 30 церковных общин, на которые приходилось только 3 священника и 9 катехизаторов. Хонсю был разделён на 18 православных округов, раскинутых от Аомори до Хиросима, из них большая часть христиан находилась в северных провинциях, и только к началу XX в. православие обнаружило наглядную тенденцию движения на юг. На Кюсю из 9 провинций православных общин не имелось лишь в одной, а на Сикоку православные христиане проживали во всех четырёх провинциях. После русско-японской войны Православная Церковь Японии приняла на себя обязанности удовлетворения религиозных потребностей также и православного населения Южного Сахалина, а расширение власти Японии над Кореей и Формозой создало необходимость отправления православных катехизаторов в эти страны (68).

Таким образом, несмотря на недостаточность и сил и средств, особенно в сравнении с многочисленными и материально хорошо обеспеченными католическими и протестантскими миссиями, православная миссия под руководством Архиепископа Николая доказала свою жизнеспособность и даже распространила православную проповедь за пределы Японии.

Вышесказанное позволяет сделать основные выводы:

1) деятельность Архиепископа Николая, ставшего величайшей фигурой в миссионерской истории Японии, способствовала распространению православия в стране, культурная традиция которой отличалась неприятием христианства, а важным условием этого распространения была свобода православия от связи с политикой;

2) сила японского православия заключалась в том, что оно было построено всецело на японской почве, что его распространителями являлись сами японцы, а главным принципом построения Японской Православной Церкви была Соборность;

3) основав национальную православную японскую церковь, Архиепископ Николай создал православную культуру Японии;

4) Российская Духовная Миссия под руководством Архиепископа Николая сыграла важную роль в установлении и развитии русско-японских культурных связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Платонова А.* Апостол Японии Архиепископ Николай. — Петроград, 1916. С.34.
2. Цит. по: *Шаталов О.В.* Начальный этап деятельности Российской Духовной Миссии в Японии: 1870–1875 гг. //Православие на Дальнем Востоке. Вып.2. Памяти Свяителя Николая, Апостола Японии. 1836–1912. — СПб., 1996. С.36.
3. Цит. по: *Недачин С.* Православная церковь в Японии //Миссионерское обозрение. — С.-Петербург, 1910, №7–8. С.1241–1242.
4. РГИА. Ф.797. Оп.39. Д.155. II-3 стол. 1869–1872. Л.1.
5. Рапорт начальника Российской Духовной Миссии в Японии, архимандрита Николая, Совету Православного Миссионерского Общества. (Далее см. «Рапорт архим. Николая Совету Православного Миссионерского Общества»). АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп.493. Д.1056. Л.62–73об. С.17.
6. Там же. С.18.
7. Письмо архимандрита Николая, начальника Японской Миссии //Домашняя беседа. — С.-Петербург, 1875. С.404–405.
8. Там же. С.405.
9. Цит. по: *Архиепископ Антоний (Мельников).* Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай //Богословские труды, XIV. — Москва, 1974. С.28.
10. Там же. С.28.
11. Дневники Святого Николая Японского. (Далее см. «Дневники»). — Саппоро, 1994. С.350.
12. *Позднеев Д.* Архиепископ Николай Японский. Воспоминания и характеристика. — С.-Петербург, 1912. С.19.
13. Дневники. С.277.
14. Там же. С.391–392.
15. Журнал семинарии 1886–1887 гг. //Частный архив Феодосия, Архиепископа Токийского, Митрополита всея Японии..
16. Дневники. С.290–291.
17. *Шрейдер Д.И.* Япония и Японцы. — С.-Петербург, 1895. С.587–588.

18. Журнал семинарии 1886–1887 гг..
19. Сэджи С. Как я стал христианином //Русский вестник. — С.-Петербург, 1891. Ноябрь. С.407.
20. Там же. С.407.
21. Там же. С.407.
22. Дневники. С.256–257.
23. Там же. С.262–263.
24. Позднеев Д. Указ. соч. С.21.
25. Цит. по: Хохлов А.Н. Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов //Православие на Дальнем Востоке. Вып.2. Памяти Святителя Николая, Апостола Японии. 1836–1912. — С.-Петербург, 1996. С.67.
26. Позднеев Д. Указ. соч. С.20.
27. Дневники. С.259.
28. Там же. С.254–255.
29. Там же. С.256.
30. Там же. С.291.
31. Там же. С.260–261.
32. Там же. С.313–314.
33. Усимару Ясую. Нихон сэйкэси. («История Японской Церкви»). — Токио, 1978. С.58.
34. Дневники. С.248.
35. Шрейдер Д.И. Указ. соч. С.563–564.
36. Цит. по: Кедров Н. Архиепископ Николай в письмах к протоиерею Н.В. Благо разумову //Русский архив. — С.-Петербург, 1912. №3. С.395–396.
37. Сергей. Архиепископ Японский. Освящение Воскресенского кафедрального собора в Токио. — Токио, 1930. С.5.
38. Там же. С.8.
39. Цит. по: Иванова Г.Д. Русские в Японии XIX — начала XX веков. — Москва, 1993. С.73.
40. George Alexander Lensen. Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia. — Токио, 1968. P.50.
41. Недачин С. Указ. соч. С.2047.
42. Дневники. С.294.
43. Там же. С.508.
44. Там же. С.246.
45. Газета «The Japan Weekly Mail», 1903, 22 августа.
46. Сергей. Архиепископ Японский. Указ. соч. С.16.
47. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Москва, 1968. С.175.
48. Nakamura Yoshikazu. Culture and Nationality //A Hidden Fire. Russian and Japanese Cultural Encounters, 1868–1926. Edited by J. Thomas Rimer. — Stanford, 1995. P.238.
49. Иванова Г.Д. Указ. соч. С.59.
50. Позднеев Д. Указ. соч. С.14.
51. Там же. С.14.
52. Там же. С.15.
53. Там же. С.16.
54. Конрад Н.И. Японская литература. — Москва, 1974. С.454.
55. Иванова Г.Д. Указ. соч. С.90.
56. Архиепископ Николай. Письма к Ямасита Рин //Частный архив Ода Хидэо.
57. Наганава Мицуо. Никорай-до-но хитобито. («Люди Николай-до»). — Токио, 1989. С.230.
58. Дневники. С.207.
59. Позднеев Д. Указ. соч. С.31.

60. Дневники. С.298.
61. Там же. С.503.
62. *Прокошев П.* Русская православная миссия в Японии //Странник, 1896. Февраль. С.436–438.
63. Рапорт архим. Николая Совету Православного Миссионерского Общества. С.14.
64. Цит. по: *Прокошев П.* Указ. соч. С.615.
65. Там же. С.615–616.
66. Рапорт архим. Николая Совету Православного Миссионерского Общества. С.23.
67. *Naganawa Mitsuo.* The Japanese Orthodox Church in the Meiji Era //A Hidden Fire. Russian and Japanese Cultural Encounters, 1868–1926. Edited by J. Thomas Rimer. — Stanford, 1995. P.165.
68. *Позднеев Д.* Указ. соч. С.11–13.

Глава 3

ЯПОНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

С началом русско-японской войны 1904–1905 гг. православная Миссия оказалась в крайне тяжёлом положении. Естественно, что Воскресенский кафедральный собор, господствовавший над всем Токио, в разгар страстей, возбужденных войной, стал мишенью злобных атак на православие. Поводом к их возникновению послужил так называемый «Инцидент Ротан», широко известный «шпионский» скандал (ро — «Россия», тан — «шпион»), разразившийся перед самой войной, в декабре 1903 г. Суть его состояла в том, что один мелкий чиновник прислал Архиепископу Николаю письмо с предложением продать ему важные государственные секреты. Владыка отнёсся к этому письму, как к шутке сумасшедшего, но сообщил о нём в полицию, которая провела расследование и ничего серьёзного не нашла. Однако это попало в прессу и сделалось сенсацией. В своём очерке об Архиепископе Николае Д. М. Позднеев приводил выдержки из японских газет, писавших, что Православная Церковь является центральным агентством шпионов, состоящих на русской службе, что японцев раздражает купол русского собора, который, возвышаясь надо всем городом, как бы бросает вызов самому императорскому дворцу, что им ненавистен храмовый колокол, который каждое воскресное утро своим звоном докучает мирному сну жителей. Газета «Нихон», суммировав распространённые в обществе мнения о Японской Православной Церкви, утверждала, что эта Церковь, не порвавшая связи с вражеской Россией и получавшая от неё материальные средства на своё существование, находится в руках русского правительства. Та же самая газета в другой статье, обращённой к православным японцам, советовала им переменить вероисповедание, чтобы избежать тех опасностей, которые сулит им связь с Русской Церковью, фактическим главой которой, по мнению газеты, являлся русский император (1).

Помимо японской прессы, занимавшейся во время войны, главным образом, вопросом о политических отношениях между Православной Церковью и русским правительством, нападки на всё русское проводило шовинистическое общество «Тайро досикай» — «Антирусское товарищество», основной деятельностью которого было распространение ненависти к России. Под давлением этого политического общества, насчитывавшего три с половиной тысячи членов и пользовавшегося сочувствием некоторых влиятельных сановников японского государства, пресса открыто называла православных японцев негодяями, предателями и изменниками, и требовала смерти Святителя Николая, который, несмотря на угрозы, как истинный пастырь своего стада, продолжал свою деятельность с твёрдой верой, что никакая реакция не в силах подавить дело благовестия о Христе в Японии. Незадолго до войны, на Соборе 1900 г., Архиепископ Николай обратился к своей пастве с пророческими словами: «Конечно, японский народ делается богатым; это выше всякого сомнения: он слишком способен для этого. Но если он в то же время не делается добродетельным, то погибнет от своего богатства, как погибли в своё время когда-то Финикия, Греция, Рим... Итак, вы, созидаая среди вашего народа царство небесное, в то же время утверждаете и царство его земное... Итак, ваша служба самая необходимая и для спасения людей небесного и для счастья их земного. Несите же её бодро и неустанно!» (2).

В 1903 г. близость войны уже чувствовалась в Японии, и православные японцы стали беспокоиться, можно ли и должно ли воевать им с русскими, своими братьями по вере? Не будет ли это чёрной неблагодарностью к России, всегда помогавшей всем, чем можно, юной Японской Православной Церкви? Архиепископ Николай дал ответ на эти терзавшие души христиан вопросы на Соборе 1903 г., где прямо сказал, что воевать с врагом — это долг каждого гражданина, верного своему отечеству. Владыка говорил: «Хотя вы, японцы, и приняли православную веру от России, но, несмотря на это, когда будет объявлена война с ней, то она — неприятельница ваша, сражаться с которой ваш долг... Воевать с врагами не значит ненавидеть их, а только защищать своё отечество. Положим, вы захватили поджигателя, но это вы сделали, конечно, не из ненависти, а только, чтобы защитить свой дом от опасного покушения. Или, увидя, что кто притесняет ваших родных, вы окажете противодействие тому, то при этом руководит вами не злоба к этому человеку, а любовь к родным» (3).

В ночь с 8 на 9 февраля 1904 г., не объявляя войны, японский флот под командованием вице-адмирала Того Хэйхатиро атаковал русскую эскадру на рейде Порт-Артура.

Одновременно с началом военных действий Японию покинуло российское посольство во главе с посланником, бароном Розеном, а также жившие в стране все русские люди. Архиепископ Николай, которому русский посланник предложил тоже отправиться в Россию, оказался перед дилеммой: как поступить? — вернуться на родину, где не был больше двадцати трёх лет, или остаться в Японии, как то велит польза церковная? Чтобы дать ответ барону Розену, Владыка решил посоветоваться со своими служащими церкви. Соповещение церковных служащих, в котором приняло участие сорок пять человек, вынесло единогласное решение: просить Архиепископа Николая остаться. 25 января (7 февраля) 1904 г. в дневнике Владыка записал свой ответ сотрудникам: «Меня радует ваше желание, чтоб я остался здесь, так как это показывает вашу заботливость о церкви... Оставшись, я буду делать, что доселе делал: заведовать церковными делами, переводить Богослужения. Но в совершении Общественного Богослужения, пока война не кончится, участвовать не буду по следующей причине: во время Богослужения я вместе с вами молюсь за Японского Императора, за его победы, за его войско. Если я буду продолжать делать это и теперь, то всякий может сказать обо мне: “Он изменник своему Отечеству”. Или напротив: “Он лицемер: устами молится за дарование побед Японскому Императору, а в душе желает совсем противоположного”. Итак, вы совершайте Богослужения одни и молитесь искренно за вашего императора, его победы и прочее. Любовь к Отечеству естественна и священна. Сам Спаситель из любви к Своему земному отечеству плакал о несчастной участи Иерусалима. Итак, начнётся война, служите молебен о даровании побед вашему воинству; одержит оно победу, служите благодарственный молебен; при обычных богослужениях всегда усердно молитесь за ваше отечество, как подобает добрым христианам-патриотам. Я, по возможности, буду приходить в церковь на Всенощную и Литургию и стоять в алтаре, совершая мою частную молитву, какую подскажет мне моё сердце; во всяком случае первое место в этой молитве, как всегда, будет принадлежать Японской Церкви — её благосостоянию и возрастанию» (4).

В добавление к сказанному, Владыка выразил уверенность, что война не принесёт с собой никакой перемены в деятельности Японской Православной Церкви: катехизаторы будут продолжать пропо-

ведовать Евангелие, ученики — посещать школы Миссии, христиане, живущие дома или идущие на войну, — следовать христианским добродетелям. Эту свою речь, произнесённую в Николай-до, Владыка официально подтвердил всей Церкви, разослав «Окружное письмо епископа к японским православным христианам для успокоения Церкви, встревоженной объявлением войны Японии с Россией», датированное 24 января — 11 февраля 1904 г. Подвергая свою жизнь опасности и имея реальную возможность навлечь на себя подозрение русских в том, что он настолько «объяпонился», что даже забыл родину, Архиепископ Николай не бросил свою паству в самое опасное для неё время, когда существовала опасность отпадения от православия и уничтожения самой Миссии враждебно настроенным народом. Оставшись в Японии один, он наглядно доказал, что его проповедническая деятельность не имеет никакого отношения к русской политике. Достоинно особого внимания то, что за всё время войны Архиепископ всю корреспонденцию в Россию отправлял незапечатанной. Уже из этого можно было оценить степень чистоты его дела.

Что касается самого японского правительства, главой которого был Кацура Таро, то, несмотря на постоянные нападки газет против русского народа, русской истории, правительства России, православия в России и православия в Японии, его отношение к Архиепископу Николаю, к делу православия в стране отличалось корректностью и лояльностью. В феврале 1904 г. министерство внутренних дел разослало начальникам всех буддистских и синтоистских сект империи циркуляр, в котором, в частности, говорилось:

«Хотя дипломатические сношения с Россией и прерваны, но представляется ясным, что по отношению к отдельным членам воюющей нации не должно быть никакого чувства ненависти и вражды, и особенно на почве религиозной. Каково бы ни было различие верований и сект, все лица без исключения должны трактоваться равноправно. Нет никаких оснований к уклонению от принципов терпимости, которые до сей поры проводились в жизнь, и это особенно необходимо иметь в виду в отношении к религиозной пропаганде. Пусть все служители культа обратят на это самое серьёзное внимание. Те же, в руках которых находится заведование и управление делами, обязаны дать подчинённым соответствующие указания, чтобы на этой почве не могло происходить никаких прискорбных инцидентов» (5).

Однако инциденты всё же происходили: в Хакодате местные военные власти изгнали из православной церкви священника и его помощника, подозревая их в возможном пособничестве русским, если те высадятся в порту города; в храме города Исиномаки камнями побили стёкла; в Одавара разрушили ворота храма и напали на дом священника.

Для прекращения подобных враждебных проявлений к православным японцам, происходившим в различных местах страны, министерство внутренних дел в апреле 1904 г. разослало провинциальным властям циркуляр, гласивший, что ненависть к Православной Церкви и её последователям не согласуется с правилами цивилизованной нации и набрасывает тень на честь страны. Поэтому циркуляром предписывалось всем должностным лицам, поставленным для охраны порядка, «быть особенно строгими и бдительными». Им надлежало «употребить всю свою энергию в применении к охране спокойствия христиан и их друзей и действовать так, чтобы народ в своём поведении не разлучался с достоинством, приличествующим великой нации» (6).

Уважение к Архиепископу Николаю со стороны японского правительства, не раз имевшего возможность убедиться в отсутствии политики в его миссионерской деятельности, выразилось в том, что с самого начала военных действий между Россией и Японией оно назначило в Миссию сильную военную охрану, остававшуюся там в течение всей войны. А когда японский транспорт был пущен ко дну русскими крейсерами, и в Токио начались по этому поводу волнения, то на дворе Николай-до и в прилегающем к нему районе было поставлено свыше роты солдат. Как признавались сами японцы, православная Миссия и её собор уцелели во время войны единственно благодаря тому, что счастье в войне оказалось всецело на их стороне.

Святитель Николай в письме настоятелю русской церкви в Берлине протоиерею Алексею Петровичу Мальцеву, неоднократно присылавшему на нужды Миссии пожертвования, писал: «Хранимые Божиим Промыслом, мы без обиды пребываем в столь печальное для нас время. Японское правительство принимает все меры к тому, чтобы настоящая война не сочтена была за борьбу между язычеством и христианством и не имела никакого отношения к религии; поэтому разослано всюду по стране предписание, чтобы православным христианам, имеющим отношение к России, не причиняемы были никакие беспокойства. Кое-где от фанатиков возникли некоторые стеснения для христиан, но местные власти тотчас же принимали

самые действительные меры к прекращению сего вида гонения; и наши христиане везде живут мирно, верные своей церкви, а служащие церкви беспрепятственно совершают своё богослужение, хотя, нужно сказать, с весьма скудным успехом по проповеди» (7). (Выражению «с весьма скудным успехом по проповеди» соответствует 656 обращённых в православие в 1904 г., тогда как в 1903 г. число принявших крещение составило 720 человек). Хотя дела с проповедью обстояли неважно, но, судя по отчётам священников, присылаемых в Миссию, богослужения в их приходах проходили, как и до войны, постоянно, христиане исповедовались, причащались, происходили крещения новых членов Церкви. (Любопытно отметить, что в цитируемом источнике рядом с вышеприведённым письмом Святого Николая напечатан призыв к русской армии сражаться с японцами за веру).

Согласно отчётам о состоянии Российской духовной миссии, посылавшимся ежегодно в Святейший Синод Архиепископом Николаем, в годы русско-японской войны, в 1904–1905 гг., оно было следующим: в 1904 г. в Японии существовало 260 церковных общин, христиан в них 28 597 человек, Священнослужителей — 36 человек, из них 28 иереев и 7 диаконов (все японцы), 12 причётников — учителей церковного пения, 151 проповедник, крещено в течение года 656 человек. В Миссии было четыре учебных заведения: в Токио — семинария с 53 учениками, катехизаторское училище с 10 учениками и женское училище с 73 ученицами; в них преподавали 27 человек, из которых трое имели академическое образование и четверо окончили курс в местной семинарии. В Киото действовало женское училище с 24 ученицами, которым преподавали три учительницы и три учителя.

В 1905 г. количество церковных общин оставалось прежним, но число христиан достигло 28 920 человек, а священнослужителей — 39 человек, в том числе один русский епископ и 30 иереев и диаконов — японцев. Число причётников и проповедников не изменилось. В течение 1905 г. было крещено 627 человек. В семинарии при Николае-до обучалось 77 учеников, в катехизаторском училище 17 учеников, в женском училище 75 учениц. В Киото в женском училище обучалось 28 учениц.

13 марта 1904 г. вышло из печати две тысячи экземпляров Второго окружного письма к христианам Японской Православной Церкви по случаю войны. Оно было разослано по церквам, в редакции газет и разным должностным лицам. Архиепископ Николай, обращаясь

к «благочестивым христианам Святой Православной Церкви великой Японии», в частности, писал: «О вас говорят, будто вы, православные, зависимы от русского Императора, который будто бы есть глава Православной Церкви, и потому заподозривают вашу искренность в служении вашему собственному Императору и вашей стране. Какое ложное понятие о Православной Церкви! И какое страшное подозрение основано на этой лжи! ...Сколько мы говорили и писали против этого заблуждения! Сколько книжек издали для уяснения истины! Но все усилия наши были, точно попытки голою рукою разбить твёрдую скалу. И вот, наконец, пришло время рухнуть этой скале и разлететься в прах. Началась война с Россией, — и православные усердно молятся о даровании победы своему Императору, с одушевлением провожают своих воинов на войну, вполне уверенные, что они будут геройски защищать своё отечество против неприятеля; воины с энтузиазмом идут, испросив благословение и молитв у своих священников, чтобы Бог помог им безукоризненно исполнить свой долг относительно отечества; православная семинария составляет и жертвует своему родному воинству десятки тысяч экземпляров японско-русских разговоров, для напечатания которых все воспитанники принесли свои лепты; православная женская школа отделяет из своего состава наставниц для благотворительного служения раненым воинам; все православные христиане по всей Японии с радостью жертвуют, кто сколько может, на военные нужды отечества или на содержание семейств воинов. Не ясно ли как день, что православие не только не вредит патриотическому служению своему отечеству, а, напротив, возвышает, освящает и тем усиливает его?» (8).

О твёрдости в вере христиан свидетельствовали священники, писавшие или приезжавшие в Токио рассказывать о положении в своих приходах Архиепископу Николаю. В дневниковой записи от 1 апреля 1904 г. Владыка приводит красноречивый случай с одним христианином по фамилии Тада из предместья города Одавара. Этот состоятельный человек, отправивший на войну сына, один из первых сделал значительное пожертвование, когда начался сбор средств на благотворение семействам японских воинов. «И вот недавно соседи-язычники, собравшись, начали укорять его в измене своей стране; выслушал Тада, молча, укору и повёл речь, что “вера — верой, она дело души и Бога, а Отечество — отечеством, и христианская вера не только не мешает службе Отечеству, а делает эту службу ещё усердней; вот у меня, христианина, сын пошёл кровь лить за Отече-

ство, а у вас, у кого же сын пошёл на войну? Ни у кого! Вот я пожертвовал столько-то на семейства других воинов, из вас кто же столько дал?» и так далее. Пристыженные слушатели, в свою очередь, молча, разошлись» (9).

С появлением на территории Японии русских военнопленных (в плену оказалось около семидесяти трёх тысяч солдат и матросов) все силы и братская христианская любовь православной Миссии обратились им на помощь. Японские христиане образовали общество под названием «Православное товарищество духовного утешения военнопленных». 7 мая 1904 г. японское правительство, благосклонно относившееся к этому обществу, утвердило его устав, гласивший:

«1. Цель общества — удовлетворять духовным нуждам военнопленных, согласно христианской гуманности.

2. Для осуществления этой цели товарищество поручает известным священникам из японцев, знающим русский язык, отправиться в места содержания военнопленных, совершать для них богослужения и таинства и отправлять требы для больных, раненых и в случае их смерти.

3. Членами товарищества состоят все православные японцы без различия пола. Они обязаны делать известный ежемесячный взнос.

4. Все те, кто одобряет идею и цель товарищества и, так или иначе, оказывает ему содействие или предлагает денежные пожертвования, принимаются в число членов товарищества, без различия нации и вероисповедания.

5. По окончании войны, товарищество постарается ознакомить русское правительство и народ со всем, что касается его возникновения, предприятий и деятельности, составив для этого подробное описание его деяний» (10). Как свидетельствовал С.В. Недачин, выпускник Петербургского университета, посетивший летом 1907 г. Токийскую семинарию, общество оказалось популярным среди японцев. В нём приняли участие многие лица не только из числа инославных христиан, но и из буддистов, среди которых даже был выдающийся государственный деятель Японии Ито Хиробуми. Безусловно, своим существованием общество было обязано японскому правительству.

В том же 1904 г. Архиепископ Николай, которому японские власти не разрешили выезжать за пределы Токио, пока идёт война, назначил трёх молодых и наиболее деятельных священников, знающих хорошо русский язык, служить для удовлетворения духовных нужд пленных. Священник церкви в Осака о. Сергей Судзуки

в мае отправился на остров Сикоку, в город Мацуяма, где было особенно много раненых и больных военнопленных, и в Маругамэ. Священник церкви в Маэбаси о. Павел Морита с июля стал служить в Химэдзи и Фукутияма. О. Симеон Мии из церкви в Киото с октября, каждые две недели, по предписанию Владыки, посещал для богослужений военнопленных в Нагоя и Сидзуока. В начале 1905 г., с переводом военнопленных из Порт-Артура в Японию, отец Симеон стал служить кроме того у поселённых в городке Тэнгатя близ Осака. Для других мест, где были поселены порт-артурцы, Владыка Николай командировал ещё двух священников, знающих русский язык: отец Алексей Савабэ (сын первого японца, принявшего крещение и впоследствии ставшего первым японским иереем Павла Савабэ) из Токио был переведён к военнопленным в Хамадэра близ Осака, а отец Андрей Мэтоки из Хакодатэ отправлен на Кюсю служить у пленных в городах Дайри и Фукуока.

В апреле 1904 г. Владыка Николай отметил в своём дневнике, что министр иностранных дел Японии, зная, как русские благочестивы, намеревался выписать из России священника для пленных, и если военное ведомство не будет против, то сношения с Россией по этому поводу должно было происходить через посольство Франции, представлявшее и защищавшее интересы русских, живших в Японии во время войны. В дневнике 2 мая 1904 г. записано: «От русских матросов с крейсера “Варяг”, находящихся на излечении в госпитале Красного Креста, в Мацуяма, получены фотографии, на которых изображены все они с докторами и сёстрами милосердия около них. ... Фотографии так хорошо представляют добрый уход японцев за нашими больными, что я тотчас же решил послать их к обер-прокурору К.П. Победоносцеву, который, вероятно, покажет их Государю Императору, так милостиво оказавшему заботу об этих больных. В препроводительном письме я известил Константина Петровича и о том, что министр иностранных дел Комура предполагает просить Французского Посланника ходатайствовать о присылке сюда священника для удовлетворения религиозных нужд наших пленных» (11).

К концу мая 1904 г. в Мацуяма было уже 453 пленных, и Владыка отметил в дневнике: «Приготовлены два ящика с книгами для отсылки в Мацуяма нашим военнопленным... Послал также всем 453 пленным по серебряному кресту» (12). Кроме книг религиозно-нравственного содержания посылались учебники по русскому языку для обучения неграмотных, изъявивших желание учиться, а также письменные принадлежности для них, учебники по грамматике,

математике, краски и холст для желающих заняться рисованием. Владыка Николай постоянно посылал пленным ободряющие письма в ответ на их «отчаянно печальные», стараясь поднять их дух и помочь пережить тяжкое время на чужбине.

Несмотря на войну, как обычно, в июле 1904 г., на праздник Святых Петра и Павла, прошёл Собор Японской Православной Церкви. Выслушав пришедших на Собор священников, Архиепископ Николай записал в дневнике: «Везде церкви мирны, гонений от язычников по поводу войны никаких нет по провинциям. Но везде проповедь в упадке, частью по причине войны, отвлекающей внимание людей в сторону, частью от бездеятельности служащих церкви» (13). На Соборе, где заседало двадцать священников, а остальные не пришли по разным причинам, Владыка Николай подвёл итог за 1903 г.: крещено было за год 720 человек, умерло 289, присоединились к христианам 431 человек, всех православных насчитывалось 28 397 человек. 26 июля 1904 г. Архиепископ Николай написал донесение в Святейший Синод и в Совет Миссионерского Общества с кратким отчётом о Соборе и о состоянии Японской Православной Церкви, отметив, что «успехи проповеди по теперешним обстоятельствам бедны, но церковь всё же не в дурном состоянии» (14). В дневнике Владыки за 1904 г. часто можно прочитать записи, свидетельствующие о его постоянном беспокойстве о состоянии юной Церкви. Приведём одну из них: «27 ноября (10 декабря) 1904. Суббота. Из церквей тошье известия; успеха проповеди почти никакого; война овладела всеми душами. Христиане, впрочем, хранят свою веру» (15).

Главной заботой Японской Церкви оставались её братья по вере. Как официально извещала японская пресса, к 15 августа 1904 г. в Японии содержалось всех военнопленных 1408 человек, а 500 человек больных лежали в японских госпиталях в Маньчжурии. Отправляя священников к военнопленным, Архиепископ Николай снабжал их священными сосудами, облачениями, славянскими богослужебными книгами и всем необходимым для совершения богослужений. Во все молитвенные места и в помещения, где были расквартированы военнопленные, посылались иконы, свечи и т. д. Кроме того им для чтения Миссия разослала в 1904 г. из своей запасной библиотеки 2211 религиозных и 1127 научных и светского содержания брошюр, а также различных книг. Таким образом, с самого начала появления в Японии русских военнопленных Миссия взяла на себя обязанность делать для них всё, что позволяли её средства и силы, но они были не безграничны.

В письме, посланном в январе 1905 г. к Преосвященному Тихону, Епископу Алеутскому и Северо-Американскому, Владыка Николай писал: «Как не сделать всё, что только возможно, для наших дорогих соотечественников, на пожертвования которых и миссия существует? Но миссия в этих расходах достигла предела, за который переступить было бы уже посягнуть на своё существование» (16). Чтобы помочь Миссии облегчить участь пленников шли пожертвования из России, Северо-Американской епархии, Берлина, из других мест. Присылались они через французское посольство в Японии или непосредственно через банки.

Святитель Николай считал, что усердное служение японских священников у военнопленных и хорошее обращение японцев с пленными, вообще, принесут немало пользы для Японской Православной Церкви и для сближения Японии и России. Он надеялся, что «больше тысячи пленных, вернувшись, разойдутся в тысячи мест России и везде молвят доброе слово о японцах и Японской Православной Церкви. Нужно надеяться, что с пленными японцами в России также обращаются хорошо, и они, вернувшись домой, молвят не менее доброе слово о России» (17). Из дневника Святителя Николая явствует, что японские пленные содержались в Томске и некоторые из них приняли православие. Об этом ему сообщили из Миссионерского Общества с просьбой послать туда японских книг. Запись от 16(29) декабря 1904 г.: «18 пакетов японских вероучительных книг для японцев-пленных послано в Томск Преосвященному Макарию» (18).

В 1905 г. русская военно-морская эскадра подверглась разгрому в Цусимском проливе: за одни сутки было потоплено 22 боевых корабля, погибло более пяти тысяч русских моряков, тысячи солдат и матросов оказались в плену. Деятельность Японской Православной Церкви в отношении военнопленных ещё более усилилась. Семнадцать священников и шесть диаконов почти весь год были исключительно священнослужителями для русских; даже катехизаторы тех городов, где размещались военнопленные, были отвлечены от своего прямого дела — проповеди — необходимостью так или иначе служить им. В отчёте Святейшему Синоду о состоянии Российской Духовной Миссии в 1905 г. Архиепископ Николай писал, что «священнослужители с великой радостью шли служить духовным нуждам русских братий; местные христиане также со всею готовностью отпускали их на это служение, и сами, где представлялась возможность, старались, в свою очередь, чем и как могли, служить военно-

пленным... Нельзя умолчать, что и обратно, как священнослужители, так и все христиане наши немалую духовную пользу приобрели от военнопленных... Этот запас воочию виденного благочестия и добрых христианских дел, будем надеяться, надолго послужит источником научения для новых христиан и немало перейдёт в жизнь их» (19). Все японские священнослужители пользовались со стороны военнопленных любовью и уважением, о чём свидетельствовали их подписки на иконы, кресты или облачения в подарок своим священникам; множество писем, в которых они благодарили Преосвященного Николая за присылку их, хвалили их усердие, просили наград для них. В дневнике 20 апреля (3 мая) 1905 г. Владыка цитировал письмо самого главного из пленных генерала К. Н. Смирнова, которое он показал посетившим его трём корреспондентам английских и американских газет: «Великое вам спасибо за то, что вы прислали сюда отца Симеона, благодаря которому мы на родном, с детства привычном нам языке выслушали 12 Евангелий и исполнили Святые Таинства исповеди и причастия, а также встретили воскресение Христово на Светлой Утрени... Благодаря неутомимой деятельности отца Симеона, который стал для нас родным пастырем, мы не испытываем оскудения в исполнении наших духовных треб. Эта пастырская заботливость отца Симеона, а также отца Петра примиряет наши души с настоящим нашим положением и утешает горечь нашего временного отчуждения от далёких наших храмов и церквей» (20).

Благодарные военнопленные, сами почти неимущие, жертвовали на нужды Японской Церкви. 2(15) марта 1905 г. Архиепископ Николай записал в дневнике: «Отец Симеон Мии прислал по почте в двух ящиках и двух тючках около трёхсот рублей, почти всё медною монетою, — пожертвование военнопленных в Тэнгатя на выпуск из России иконы Святителя Николая Чудотворца для ближайшей из японских православных церквей на память от них» (21). Эта икона находится сейчас в церкви в Киото.

В библиотеке Николай-до сохранились несколько писем, присланных пленными из Химэдзи (15 апреля 1905 г. и 15 сентября 1905 г.) и из Канадзава (16 мая 1905 г.), в которых они поздравляют Архиепископа Николая с 25-тилетней годовщиной «неустанной деятельности на распространение Веры Христовой и наставлении на путь истины язычников». Пленные благодарят Владыку за присланные к Пасхе свечи, а также книги и крестики: «Впереди же этих св. Книг мы ещё имели счастье получить крестики серебряные со шнурками;

и вот всё это поднимает дух наш, что нас не оставляют, и в чужой стороне и дарят нам со всех сторон и концов той стороны, самые для крестьян неоценённые подарки, чего и они желают». В заключение просят принять пожертвование: «Сердечно просим принять нашу посильную жертву и не отвергните нашу незначительную жертву как и Господь не отверг лепту Евангельской вдовицы». (Орфография и пунктуация сохранены. — Э.С.). Пожертвования присылали по почте в особых конвертах, несколько десятков которых можно и сейчас видеть в библиотеке собора.

Из представленного к вышеуказанному рапорту Архиепископа Николая денежного отчёта явствовало, что в течение 1905 г. от русских военнопленных поступило 11 707 руб. 92 коп., из которых 4 878 руб. 67 коп. специально предназначались на иконы и памятники. (Пожертвования пленных составили почти четверть суммы годового содержания Миссии).

В некоторых местах, например, в Нагоя, Мацуяма, пленные, установив своими силами иконостас, устраивали для себя маленькие церкви, намереваясь при возвращении на родину оставить их своим японским братьям по вере.

Интересно, что для удовлетворения религиозных потребностей военнопленных в Хамадэра, где к середине 1905 г. их было больше 20 000 человек, городская власть в соседнем городе Сакаи решила построить около их казарм, заключённых в три ограды, три часовни, где священник совершал бы службы для них, причём часовни должны были открываться, чтобы тысячи молящихся видели священнодействие, совершаемое им. Этот факт свидетельствует об уважении японского общества к чужим верованиям. Такие богослужения имели ещё и определённое культурное значение, так как, по свидетельству священников, духовное пение русских пленных было гораздо лучше, чем в православном соборе в Токио, и производило особое впечатление на присутствовавших там офицеров-надзирателей и другой японский персонал, мало или совсем незнакомых с европейской музыкальной культурой.

Православные японцы проявили к русским пленным особенно трогательную любовь на празднование Пасхи в 1905 г. Благодаря пожертвованиям, присланным из России, а также от православных из Америки, Берлина, Парижа, каждого военнопленного, а их, согласно дневнику Святителя Николая, к апрелю того года содержалось в Японии пятьдесят восемь тысяч семьсот пятьдесят девять человек, снабдили двумя пасхальными яйцами, свечами, шейными

крестиками. Миссия издала в ста тысячах экземпляров специальную брошюру «Приветствие русским братьям от Японской Церкви», экземпляр которой сохранился библиотеке Николай-до. Брошюра в красивой обложке содержит следующие статьи: приветствие Святителя Николая, приветствие Японской Церкви, Пасхальное слово святого Иоанна Златоуста, Пасхальная песнь святого Григория Богослова и краткие статистические сведения о Японской Церкви и Миссии. В приветствии Японской Церкви входит иллюстрация размером в страницу, изображающая девочку 13–14 лет, одну из учениц женской школы, с подносом в руках, на котором лежит красное яйцо. Японские христиане писали, что соболезнают несчастьем военнопленных, но в то же время видят для себя истинное благо их присутствия в Японии. В приветствии высказывалась мысль, что истинный христианин не отличает эллина от иудея, японца от русского, а во всяком человеке видит брата, нуждающегося в его любви и поддержке, и что пример благочестия русских пленных непременно окажет своё влияние на японцев. «Вы, природные христиане, служите для нас, новых христиан, живым поучением и примером христианского благочестия. Мы воочию видим, как вера Христова глубоко недрится в ваших сердцах, и как общение с Богом составляет главную потребность ваших душ: от генерала до простого солдата, самое первое, чего вы ищете, это — молитвы, самое главное, о чём вы заботитесь, это устроить молитвенный дом; долгим специальным обучением у нас образуются чтецы и певцы для Богослужения, а у вас, военных людей, где бы ни открылось Богослужение, превосходных чтецов и певцов всегда больше, чем потребно; в нужде вы сами ныне, но непрерывно текут ваши пожертвования и на ваши собственные церковные нужды, и на нашу церковь; конечно, многие из вас, как Евангельская вдовица, жертвуют последнюю лепту. Всё это до глубины души трогательно и истинно-поучительно для нас.

Не замедлит время, когда вы оставите нашу страну, но добрый след останется за вами, и, верьте, он будет неизгладимым для нашей церкви» (22).

Это письмо свидетельствует о духовной зрелости православных японцев, о их глубокой вере и о человеческой деликатности по отношению к побеждённым.

Архиепископ Николай, отдавая должное такту окружавших его православных японцев, в одной из речей после окончания войны сказал: «Вы радовались во время побед, дарованных вам Господом, и не могли не радоваться. Но ни разу никто из вас не отягчил моей

печали обнаружением предо мной своей радости и своего торжества. Мы каждый день были вместе, мы не были я — русский, а вы — японцы, а были братья и сестры во Христе, дети одного Отца Небесного. При начале войны вы желали, чтобы я остался с вами и обещались беречь меня, — и вы блистательно исполнили своё обещание, вы сберегли меня не только физически, но и нравственно, за что я особенно благодарен вам. Это всегда глубоко меня трогало» (23).

По окончании русско-японской войны все оставшиеся в живых пленные уехали в Россию, а в Японии остался прах четырёхсот шестидесяти четырёх русских солдат и матросов. На могилах их вечного упокоения Владыка Николай стал строить храмы и памятники, собирая для этого пожертвования и в России, и в Японии. Один из храмов-памятников находился в городе Мацуяма, на Сикоку, где погребены 97 русских воинов. Он был построен на средства одной московской благотворительницы, пожелавшей остаться неизвестной. В июле 1907 г. Архиепископ Николай освятил его закладку, а в следующем, 1908 г., было им же совершено и освящение храма. Этот храм после Великого землетрясения Канто в 1923 г. был разобран и перевезён в Токио, где его установили в ограде Николай-до, и он служил верующим в качестве кафедрального собора, пока не восстановили Воскресенский собор. Сейчас иконостас этого храма находится в церкви в Осака.

Величественный памятник поставлен на кладбище в Нагасаки, где в братской могиле похоронены 243 человека. Он был освящён 14 сентября 1909 г. Владыкой Николаем в присутствии лиц российского дипломатического корпуса и представителей японского правительства.

Восемьдесят девять порт-артурских воинов покоятся на кладбище в Идзумиоцу, близ Осака. Для их поминовения Архиепископ Николай построил храм в Осака, средства для которого собирались в России. Императрица Александра Фёдоровна прислала на его строительство пять тысяч рублей. (По инициативе её сестры, Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, в 1908–1910 гг., в Москве, в память увечных воинов русско-японской войны построен Покровский храм Марфо-Мариинской обители на Ордынке. В 1911 г. этот храм расписал М. В. Нестеров). Торжественное освящение Покровского храма в Осака было совершено в июле 1910 г. (Подробнее об этом см. в главе 5).

Трое молодых воинов покоятся в городе Такасаки. (О посещении их могил я написала в вышеуказанной главе).

В префектуре Симанэ, в городке Гоцу, погребены несколько моряков с транспорта «Иртыш», им поставлен памятник. На всех могилах русских воинов японские православные христиане один раз в год, постоянно, совершают панихиду. Только недавно, в последние шесть-семь лет, на этих панихидах стали присутствовать представители российского посольства.

Японцы, и не только православные, ухаживают за всеми кладбищами и могилами русских, хранят память о них. В некоторых семьях до сих пор берегут фотографии военнопленных, сделанные в местах их содержания. Семья Отани Сёсэй, настоятеля в восемнадцатом поколении буддийского храма Хонтокудзи в Химэдзи, любезно предоставила мне снимки русских пленных и познакомила с помещениями храма, где их проживало более двухсот человек. Настоятель буддийского храма Госиндзи Кидзу Ёсиаки и его семья вот уже много десятилетий заботятся о кладбище русских в Нагасаки.

Таким образом, Японская Православная Церковь за время русско-японской войны исполнила своё высокогуманное общественное служение, какое никто другой не был в состоянии совершить. И до сих пор нам остаётся только благодарить её.

По окончании войны миссионерское дело вошло в прежнюю колею: священники, прикомандированные к военнопленным, возвратились к своим приходам; многие молодые проповедники, вернувшись с театра военных действий, вновь принялись за дело проповеди. Война принесла даже некоторую пользу миссионерскому делу, потому что разубедила японцев в том, что будто русские своей религией хотят завоевать Японию, а правительство стало ещё терпеливее по отношению к православию. Уважение, которое снискал Архиепископ Николай своей чёткой позицией, и деятельность Японской Православной Церкви во время войны с Россией сыграли положительную роль в событиях 5–7 сентября 1905 г., когда после митинга в парке Хибия толпа, недовольная условиями заключения Портсмутского мирного договора, устроила беспорядки, громя полицейские участки, дипломатические учреждения и христианские храмы (10 католических и протестантских церквей были полностью разрушены, другим нанесён значительный ущерб), но Православную Миссию никто не тронул.

Архиепископ Николай считал происшедшую войну результатом незнания Россией Японии и высказал эту мысль в одном из писем Приамурскому генерал-губернатору Унтербергеру: «У всех больших европейских народов давно уже нашлись учёные, которые написали

для своего отечества многие томы об Японии и во всех отношениях познакомили своё отечество с нею. Не говоря уже о научном значении этих трудов, польза от них великая... Не было бы и нашей несчастной войны с Японией, если бы мы глубже знали Японию» (24).

По окончании войны выдающиеся труды Преосвященного Николая и внимательная архипастырская попечительность его о нуждах военнопленных были отмечены Высочайшим рескриптом на его имя 9 октября 1905 г. В этом рескрипте говорится: «От юности посвятив служение своё благовестию Христову, вы избрали себе поприще в чуждом и вере, и духу и языку нашему народу японском. Здесь благословением Божиим, из приходивших к вам и искавших света нашей веры, собралось около вас малое церковное стадо, — и вы явили пред всеми, что Православная Церковь Христова, чуждая мирского владычества и всякой племенной вражды, одинаково объемлет любовью все племена и все языки. В тяжкое время войны, когда оружие брани разрывает мирные отношения народов и правителей, вы, по завету Христову, не оставили вверенного вам стада, и благодать любви и веры дала вам силу выдержать огненные испытания брани и посреди вражды бранной удержать мир веры и молитвы в Церкви, трудами вашими созданной.

Сим привлекли вы к себе уважение не только русского православного народа, но и иноверцев, и иноплеменников» (25).

Война не принесла с собой перемены в деятельности Японской Православной Церкви: катехизаторы продолжали проповедовать Евангелие, ученики — посещать школы Миссии. Богослужения в приходах проходили, как и до войны, постоянно: христиане исповедовались, причащались, происходили крещения новых членов Церкви. Положение Церкви видно из следующей таблицы:

Годы	Крещения	Всех православных
1903	720	28 397
1904	656	28 597
1905	627	28 920

Забота о военнопленных, служивших примером в своём отношении к вере, жертвовавших на свои церковные нужды и на Японскую Православную Церковь, хотя сами были почти неимущие, оказала

благотворное влияние на японских христиан. Этот опыт пригодился им впоследствии, когда Церковь стала самостоятельной материально.

В результате победоносной войны общественное мнение страны изменилось в пользу Японской Православной Церкви, члены которой на деле доказали свой патриотизм и смогли разубедить соотечественников, что русские хотят завоевать Японию.

После войны отношение России к Японии изменилось: из снисходительного оно превратилось во внимательное — создано Русско-Японское общество, Императорское общество востоковедения. Архиепископа Николая в знак признания его как выдающегося японоведа избрали почётным членом этих обществ. Святителю Николаю был пожалован орден Святого Александра Невского. Святейший Синод возвёл его в сан архиепископа с наименованием «Японский».

Русско-японская война ознаменовала заключительный этап в истории Японской Православной Церкви периода Мэйдзи, доказавшей свою жизнеспособность.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) русско-японская война 1904–1905 гг., ставшая серьёзным испытанием для Японской Православной Церкви, не отразилась на её положении, благодаря дальновидной позиции Архиепископа Николая как миссионера и главы Церкви;

2) Архиепископ Николай, не покинув Японии и продолжая свою деятельность и во время войны, оставался русским патриотом, не оскорбив при этом патриотических чувств своих японских прихожан;

3) драматические события русско-японской войны доказали жизнеспособность японского православия;

4) Архиепископ Николай не находил никаких проблем в политической жизни России и Японии, которые не могли быть улажены без всяких конфликтов. Он сохранял убеждение, что рано или поздно между обеими державами наладятся добрососедские отношения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Позднеев Д. Архиепископ Николай Японский. Воспоминания и характеристика. — С-Петербург, 1912. С.39.

2. Недачин С. Православная Церковь в Японии // Миссионерское обозрение. — С-Петербург, 1910. №10. С.1633.

3. Там же. С.1634.

4. Дневники Святого Николая Японского. Сост. К. Накамура, Ё. Накамура, Р. Ясуи, М. Наганава. — Саппоро, 1994. С.366 (Далее см. «Дневники»).
5. Позднеев Д. Указ. соч. С.45.
6. Там же. С.44.
7. Недачин С. Указ. соч. С.1635.
8. Дневники. С.397–399.
9. Там же. С.415.
10. Недачин С. Указ. соч. С.1636.
11. Дневники. С.436–437.
12. Там же. С.451.
13. Там же. С.476.
14. Там же. С.486.
15. Там же. С.543.
16. Письмо к Преосвященному Тихону, Епископу Алеутскому и Северо-Американскому //Прибавление к Церковным ведомостям. — С-Петербург, 1905. №11. С.459.
17. Дневники. С.493.
18. Там же. С.459.
19. Отчёт Святейшему Синоду о состоянии Российской духовной миссии в 1905 г. //Прибавление к Церковным ведомостям. — С-Петербург, 1906. №27. С.356.
20. Дневники. С.612–613.
21. Там же. С.586.
22. Приветствие русским братьям от Японской Церкви. — Токио, 1905. С.7–8.
23. Акафист Равноапостольному Святителю Николаю Апостолу Японии и Житие его. — Токио, 1972. С.18–19.
24. Позднеев Д. Указ. соч. С.38–39.
25. ЦГИА РФ. Ф.796. Оп.75. III отд. 4 ст. Ед. хр. 200.

Глава 4

НИКОЛАЙ-ДО — ЦЕНТР ЯПОНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

4.1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ВОСКРЕСЕНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА

В декабре 1878 г. архимандрит Николай пишет прошение в Святейший Синод об учреждении епископской кафедры, так как основанная им Церковь уже созрела для этого. О. Николай так обосновывал своё прошение: «Епископ необходим для того, чтобы водворить здесь порядок истинного церковного управления... нужно пользоваться годами наибольшей впечатлительности христиан, когда они по юности в церковной жизни готовы слушаться всего (равно, как и наоборот, равно быстры и к уклонению от всего), нужно в это время ясно начертать перед ними путь истинной церковной законности, умело направить на него и твердою рукою повести по нему; с этого времени начинаются в Церкви предания, навыки, примеры, пусть потом являются учителя беспорядка и уклонений — истинные овцы никогда не пойдут за ними, будут говорить: “Не так было прежде, не тому учит пример отцов...”» (1).

О. Николай выражал пожелание, чтобы епископ был прислан из России. Учитывая характер японцев, он писал, какой должен быть архиерей: «Простой, смиренный, всем доступный, всякого готовый принять, всё выслушать; но при этом точный, исполнительный сам и до педантизма требующий исполнения всего законного от других и, следовательно, порядок держащий строго, наконец, благочестивый, молитвенный и вполне самоотверженный, т. е. совершенно забывающий о себе и живущий только для других — такой епископ был бы истинным даром для Японии» (2).

В этом прошении отразилось представление св. Николая о пути и подвиге архиерейском, сочетающим личное подвижничество с общественным служением, отразилась забота о судьбе японской паствы.

Святейший Синод, оценив миссионерские труды о. Николая и его высокие душевные качества, запросил его согласия на хиротонию во епископа, и он ответил, что если из России не может быть назначен в Японию епископ, то тогда он согласен. Ему был предоставлен отпуск в Россию, и архимандрит Николай, в конце лета 1879 г., по его словам, «бросился на первый отходящий пароход, чтобы не опоздать, если Бог даст, спасти Миссию и здешнюю Церковь от разрушения» (3).

Дело в том, что с развитием православной церкви в Японии возросли и финансовые затраты на содержание её священнослужителей, катехизаторов, духовных школ. В своём письме в совет Миссионерского Общества от 1 сентября 1876 г. архимандрит Николай писал: «Ежемесячный расход на проповедничество и школы простирается до двух тысяч рублей. Пятуую часть сей суммы даёт жалованье самих миссионеров, четыре пятых даёт Бог, чрез любвеобильное посредство миссионерского общества. В настоящее время миссия состоит в долгу в один из здешних банков две тысячи долларов (2760 р.). Жалованье самих миссионеров за 1876 год давно уже получено и израсходовано. Текущие нужды миссии, даст Бог, будут удовлетворены отеческими попечениями миссионерского общества. Банкир спокойно верит миссии до 15 000 долларов, так как её постройки, по всеобщим отзывам, стоят больше 30 тысяч долларов. Но нельзя же миссии отдать свои дома за долги, а самой свернуть знамя и со стыдом убраться вспять. Конечно, этому были бы очень рады все здешние католики и протестанты, но каково было бы нам православным? Но вот что особенно тяготит миссию: где достать единовременно значительные суммы для постройки храма и заведения женской школы с вызовом сюда диаконнис? Храм до того тесен, что не проходит службы, чтобы не падали в обморок от тесноты и духоты. На лестнице и в сопредельных комнатах, где можно что-нибудь слышать, всё битком — набито; толпа возвращающихся, по невозможности слышать богослужение, огромная, — кто не успеет к открытию двери (за две минуты до богослужения), тот тщетно будет стараться увидеть или услышать что-нибудь. Храм, храм, храм дайте! — Наша вопиющая всеми силами души и тела, кричащая просьба» (4).

Приехав в Петербург в начале сентября 1879 г. хлопотать по делам Миссии, о. Николай составил следующую схему для представления в различные инстанции в виде меморандума:

«Для Духовной Миссии в Японии необходимы:

Епископ с содержанием каждому	3695
3 миссионера с содержанием каждому 2000 руб., всем	6000
Содержание нынешнему регенту хора	1500
2 певчих, с содержанием каждому 1200 руб., обоим	2400
Содержание для нынешней диакониссы 1200, и другая диаконисса с тем же содержанием, обеим	2400
Иконописец, с содержанием	2500
Итого:	18495
На нужды Миссии и Церкви, как изъяснено в моём рапорте св. Синоду от 18-го текущего генваря	46000
Всего:	64495
Эту сумму предполагается добыть из следующих источников:	
От Рижского викариатства	3695
Обещано	
от св. Синода, из капитульных	3000
от Миссионерского Общества	23800
из Государственного Казначейства	26000
от Александро-Невской Лавры	2000
от Троице-Сергиевой Лавры	2000
от Юрьевского монастыря	2000
от Киево-Печорской Лавры	2000
Всего	64495» (5).

Святейший Синод 17 марта 1880 г. постановил «о бытии архимандриту Николаю епископом Ревельским, викарием Рижской епархии, с откомандированием в Японию» (6). 27 марта 1880 г. было назначено наречение, а 30 марта в Петербурге, в Александро-Невской Лавре — хиротония. Хиротонию совершали митрополиты: Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор, Киевский и Галицкий Филарет, Московский и Коломенский Макарий и епископы: Вятский и Слободской Аполлос, Рязанский и Зарайский Палладий, Рижский и Митавский Филарет, Ладожский Гермоген и Выборгский Варлаам.

При вручении жезла митрополит Исидор сказал новому епископу: «До конца жизни тебе служить взятому на себя делу, и не допусти, чтобы другой обладал твоим венцом». «Да памятуется это мне, — писал преосвященный Николай, — всегда среди раздумья» (7).

Святейший Синод дал епископу Николаю право собирать пожертвования для Миссии и Японской церкви, и тот старался чаще служить и выступать с проповедями и воззваниями о помощи не только в Петербурге, но и в Москве, Киеве, Новгороде и других городах.

Откликнулись, по выражению Владыки Николая, «добрые люди», представители разных сословий, и он собрал более 130 000 рублей для возведения в Токио собора, который стал центром Японского Православия.

В 1880 г. по благословению Высокопреосвященного Исидора, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, профессор архитектуры в Петербурге Михаил Арефьевич Щурупов составил план и нарисовал чертежи для собора. По первоначальному замыслу собор должны были венчать пять куполов, но принимая во внимание часто случающиеся землетрясения в Японии, а также исходя из сметы, митрополит Исидор попросил архитектора переделать план. В дневнике св. Николай так описывал хлопоты по составлению плана:

«15 ноября 1879. Четверг.

Когда я сказал ему (митрополиту Исидору. — Э. С.), что завтра придёт архитектор из Академии Художеств говорить со мною о плане церкви, он вытащил заранее приготовленный листок бумаги, с очерком базилики, и советовал построить в таком роде; я попросил листок, чтобы завтра показать архитектору» (8).

«16 ноября 1879. пятница.

...пришёл архитектор, рекомендованный Резановым (А. И. Резанов — ректор в Академии Художеств по архитектуре — Э. С.), — Павел Иванович Реутов. Базилику Митрополита разбил; свой план византийского храма с куполом начертил весьма отчётливо, после некоторых расспросов у меня о местных условиях. Видно, что архитектор — делец; но за план назначил 600 р. (по проценту с 60 тысяч), — говорит, что месяца два придётся проработать» (9).

«18 ноября 1879. Воскресенье.

В 9-м часу позвал Митрополит и вручил 500 р. на женскую школу; я захватил с собой рисунок плана Реутова; Митрополит рассказал много случаев, как купола в России падали и давили людей; опять мои мысли значительно были поколеблены в пользу базилики; советовал Митрополит поговорить с его знакомым архитектором Щуруповым...» (10).

«21 ноября 1879 года, среда, Введение.

...Щурупов начертил эскиз храма совершенно в византийском стиле. Тяжеловато. Посмотрим, что выйдет» (11). На следующий день, 22 ноября 1879 г., св. Николай отмечал: «С Щуруповым в половине 9-го часа пришли к Владыке. Щурупов показал набросок храма — совершенно в византийском стиле. “Что вы, что вы! Там у них ни копейки; если какой-нибудь богач вздумает строить церковь,

и вы представите этот план, я вам низенько поклонюсь, а в Японии вроде храма Спасителя в Москве — это невозможно"... Вытащил Владыка новый набросанный план храма: "Он хочет, чтобы Церковь крестом была, вот и крестом". Ни базилика, ни византийский стиль, ни тоновский, но очень практичный храм, с тремя престолами. Долго было объяснение, вставлял замечания и я, а архитектору, видимо, не нравилась неопределённость стиля; но как человек практический, он во всём соглашался с Владыкой и взялся сделать карандашом набросок... Хоры, по-видимому, любимые Владыкой, не были забыты» (12). Вечером того же дня св. Николай заехал к Ф. Н. Быстрову, своему близкому другу и помощнику в миссийских делах, «посоветоваться — оставить ли уже совершенно на произвол Владыки стиль храма, или ещё добиваться, чтобы он был правильно византийский. Решили — предоставить Владыке, ибо всё-таки план, конечно, будет хорош» (13).

В марте 1884 г. в Токио, на холме Суругадай, где помещалась православная миссия, началось строительство собора. Для огромного собора места не хватало, поэтому пришлось приложить немало усилий, чтобы искусственно, земляными насыпями, сравняв их с высотой холма, увеличить площадь строительства.

21 апреля (3 мая) 1884 г. совершилась торжественная закладка фундамента собора в присутствии представителей русского посольства и дипломатического корпуса. Под камень в юго-восточном углу фундамента Владыка Николай поместил металлическую коробку с вложенным в неё листом с именами жертвователей на храм. Ввиду частых разрушительных землетрясений в Японии сооружение фундамента производилось особенно тщательно в течение целого года и стоило Миссии около 5000 рублей. Постройка стен и арок длилась пять лет с применением всех достижений современной техники. Всё было основательно и капитально, но, как писал Владыка Николай, «не было ничего рассчитанного на роскошь» (14). Инженерное осуществление проекта выполнял приобретший известность в Японии английский архитектор Дж. Кондор (1852–1920), а все работы велись японскими рабочими из строительной фирмы «Симидзу», существующей и поныне.

Собор, ещё не будучи возведён окончательно, стал достопримечательностью Токио. В то же время его постройка возбудила множество враждебных толков. Многим японцам казалось неприемлемым, что собор окажется выше всех зданий в центре Токио и из его окон

в куполе можно будет свободно взирать на императорский дворец. Одни предлагали воздвигнуть искусственную гору Фудзи, которая закрывала бы императорский дворец от собора, другие советовали обнести собор такой высокой стеной, чтобы с его крыши нельзя было видеть дворца; третьи требовали купить его за миллион и подарить императору.

Наконец, леса были сняты, и все враги постройки убедились, что это не крепость с пушками, о чём открыто писалось в газетах, пока по представлению российского посланника такие писания не были остановлены, как вредные для дружеских отношений России и Японии. Пушки, казавшиеся японцам обращёнными ко дворцу императора, на самом деле, оказались колоколами. Всякий, войдя в храм, мог убедиться, что не только из окон купола, но и из нижних ничего нельзя видеть снаружи и что окна предназначены для света. Недаром впоследствии многие отмечали, что в нём «море света и простора».

В марте 1891 г. семилетнее строительство собора завершилось. Это был величественный храм, украсивший японскую столицу. Он был построен в русско-византийском стиле, в виде креста, площадь его составляла 318 цубо (1 цубо = 3,3 кв. м), высота до верхушки золотого креста на куполе, который был виден за 20 километров, составила 35 метров. Колокольня с восемью большими и малыми колоколами была построена высотой в 40 метров. Внешние стены были оштукатурены, выкрашены в белый цвет и сложены из особо прочного кирпича с металлическим стержнем внутри. Толщина стен в определённых местах достигала 260 сантиметров, то есть выложена в одиннадцать кирпичей. В конструкции купола Кондор для прочности применил металлические балки. Купол и островерхую крышу колокольни покрыли медными листами. Увенчавшие их оба золотых креста были в высоту 2,7 метра. Глубина храма, с востока на запад, достигала 44,5 метра, а ширина, с севера на юг, 36 метров. Над западными дверями храма помещались хоры, а сбоку от притвора располагалась крещальня, квадратная комната с несколькими иконами в киотах, в центре которых был поставлен образ Крещения Господня. Ширина иконостаса составила 15 метров, а высота его трёх ярусов — 13 метров. В иконостас поместили большие и малые иконы и весь его позолотили. Иконы для собора написал по благословию Высокопреосвященного Исидора известный в Санкт-Петербурге придворный живописец В.М. Пешехонов. Из икон, висевших по стенам, особенно выделялись изображения Богоматери

с Предвечным Младенцем, св. Архиепископа Николая, Дмитрия Солунского и Ангела, летящего с кадилом в руках. Вмещал собор около 2000 человек. Во время строительства возникла нехватка средств, и Владыка Николай вновь обратился к добрым людям за помощью. В России на этот раз деятельное участие в сборе пожертвований принял знаменитый адмирал С. О. Макаров. Собрали средства и японские верующие. Стоимость сооружения составила свыше 300 000 рублей.

Преосвященный Николай так писал по окончании постройки собора: «Собор будет памятен, будет изучаем, подражаем — многие, не десятки, а, смело говорю, сотни лет, ибо храм, действительно, замечательнейшее здание в столице Японии, — здание, о котором слава разнеслась по Европе и Америке ещё прежде его окончания и которое, ныне будучи окончено, по справедливости вызывает внимание, любопытство и удивление всех, кто есть или кто бывает в Токио» (15).

8 марта 1891 г. состоялось освящение собора Воскресения Христова, ставшее важнейшим событием в жизни японской православной общины. В рапорте Святейшему Синоду начальника Российской Духовной Миссии в Японии, преосвященного Николая, епископа Ревельского, за 1891 г. сообщалось: «Церковная жизнь в минувшем году, как известно уже, ознаменовалась важным для японских христиан событием: освящением построенного при миссии кафедрального собора. 24 февраля (ст. ст.) было совершено освящение собора и главного алтаря в нём, во имя Воскресения Христова; 28 февраля освящён правый придел, во имя Введения во Храм Пресвятыя Богородицы, 2 марта — левый, во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла» (16). Под престолы главного и левого алтаря поместили частицы мощей великомученика Мардария, а под правый престол — частицу мощей великомученицы Евгении. Ко дню освящения собора со всех уголков Японии стали стекаться в Токио паломники-христиане. (Согласно рапорту св. Николая Святейшему Синоду, к 31 декабря 1890 г. в Японской Православной Церкви насчитывалось 216 общин и в них 18625 христиан). Из 18 японских священников прибыло 16 и 5 диаконов. Среди других пастырей выделялись: первенец Японского Православия Павел Савабэ, обращённые им ко Христу и одними из первых принявших крещение в Японии Иоанн Оно, Пётр Сасагава из Сэндай, Матфей Кангэта из Сидзуока.

Накануне торжества освящения в новом соборе было совершено всенощное бдение, как полагается по уставу, вне алтаря. Присутст-

вовали, главным образом, христиане. В конце богослужения Епископ Николай сказал проповедь о важном значении предстоящего торжества. св. Николай говорил слушателям, расположившимся, по японскому обычаю, на полу и занявшими, таким образом, почти всю ширь собора, как началось сооружение собора, как сочувственно откликнулись на это православные России, как русские люди жертвовали и тысячами, и рублями, и копейками на постройку собора, говорил о значении собора для Японии и для взаимных связей между Русской и Японской Церковью.

В день освящения главного алтаря собора, в 7 часов утра, одним из японских священников было совершено водоосвящение, а в 8 часов раздался первый в Токио удар православного колокола. До тех пор служба совершалась без звона, а на храмоосвящение специально прибыл из России, из Казанского собора Петербурга, русский звонарь по имени Фёдор. Богослужение отличалось особой торжественностью. С Владыкой Николаем служило 19 священников (из них трое русских: миссионеры — отец Арсений и архимандрит Сергей — будущий русский патриарх, а также посольский священник отец Сергей Глебов) и 4 диакона. Пели семинаристы с ученицами женской школы, около 150 человек, и, как писали в газетах, такого хора в Японии ещё никогда не было. Хор исполнял русские церковные произведения Н. Кастальского, Д. Бортнянского, и здесь сказалась заслуга регента Якова Тихая, воспитавшего прекрасных японских певчих.

Епископом Николаем на торжество освящения были приглашены городские власти, члены японского кабинета, известные учёные и литераторы, члены дипломатического корпуса, представители иностранных миссий. Министры не смогли приехать, потому что освящение совпало с закрытием парламента, причём министр внутренних дел граф Сайго сам приехал в Духовную Миссию и выразил Владыке Николаю от имени своих коллег искреннее сожаление по этому поводу. В тот же день министр внутренних дел посетил русского посланника в Токио Д.Е. Шевича и передал ему выражение сожаления членов японского кабинета. Из представителей иностранных миссий не прибыли только католики: французский, австрийский, бельгийский и испанский посланники. Д.Е. Шевич в своём донесении в российский МИД писал: «Эта коллективная демонстрация главных представителей католиков, воздержавшихся как бы по обоюдному соглашению от присутствия в языческой стране на ос-

вящении христианского собора, поразила всех своей крайней неприличностью, тем более, что португальский поверенный в делах Г. Лурейо, католик, ничем не уступающий собратьям своим в искренности религиозных убеждений, счёл всё-таки возможным приехать в православный собор, после того, как предварительно посоветовался, как он сам сказал, со своим духовником и отслушал в католической церкви раннюю обедню» (17).

Большое впечатление и на христиан, и на японцев-зрителей произвёл крестный ход, который обыкновенно совершается при освящении православного храма. По окончании чина освящения храма в нём отслужена была первая литургия.

Несмотря на то, что в собор пускали только по билетам, то есть одних христиан и их близких, весь этот величественный храм был переполнен народом, и кругом миссийской ограды собралось более 4000 японцев-нехристиан, многие из которых даже обнажали головы.

По окончании богослужения для всех присутствовавших было устроено угощение, по-европейски и по-японски. Беднякам, проживавшим в центральной части города, раздали более 3000 коробок праздничных обедов.

Нехристианам раздали около 8000 фотографий храма с объяснением, что это за здание. Семинаристы, несмотря на крайнюю бедность, издали на свои гроши книжку с историей Миссии, и эта книжка тоже раздавалась нехристианам.

На следующий после освящения день в переполненном молящимся соборе Владыка Николай со всеми священниками служил молебен о здравии жертвователей. А на другой день была отслужена панихида об упокоении душ усопших благотворителей и украсителей храма.

В памятном альбоме собора Воскресения Христова, изданном в Токио переводческо-издательским отделом Миссии, помещены фотографии богатой церковной утвари, присланной из России, а под ними собственноручные надписи Владыки Николая, поясняющие, кто что пожертвовал. Так обер-гофмейстер Двора Его Величества, Российского Императора, Ю.С. Нечаев-Мальцев пожертвовал серебряную вызолоченную утварь и все священные предметы для трёх алтарей. Не были забыты и мелочи, до тарелочек для просфор включительно, причём всё было в одном стиле художественно исполнено. Архимандрит Сергей (Старгородский) писал: «Что это за пожертвование, можете судить по запрестольному кресту в главный алтарь, он — величиной в аршин или более и сделан из чистого серебра

(вызолочен) с литым серебряным распятием очень больших размеров, даже носить его тяжело в крестных ходах» (18).

Московские купцы пожертвовали Японской Православной Церкви на строительство собора несколько десятков тысяч рублей, а также серебряные сосуды, серебряный ковчег и вызолоченный на престольный крест (19).

Архимандрит Сергей (Страгородский) отмечал: «Удивительное богатство сосудов в новом соборе. Я думаю, редкий и в России собор может теперь равняться с нашим... Всё это праздничное, пасхальное, а сколько ещё пожертвовано обыкновенных дорогих вещей: Евангелий, сосудов, кадилниц, просто и счёту нет. Вообще, собор достаточно, даже с избытком, снабжён утварью. Мне думается, что не только собор, но даже и все миссийские церкви, какие потом будут открываться лет на сто вперёд, можно будет снабдить утварью, особенно сосудами.

Да, наши православные умеют жертвовать. Навеки останется памятен для японцев этот щедрый дар матери-церкви» (20).

Пример русских братьев по вере, щедро жертвовавших на нужды Японской Православной Церкви, пригодился впоследствии, когда Церковь стала материально самостоятельной, после революции 1917 г.

Каждый приезжающий в Токио считал своим долгом посетить Воскресенский собор, который стали называть «Никорай-до» — «храм-Николая». Собор был открыт для осмотра целый день, и в нём специально назначенный человек давал объяснения посетителям. Если у кого-то возникал более глубокий интерес, то он указывал адрес ближайшего катехизатора в Токио или на родине гостя. Собор поистине оказался самым существенным пособием для проповеди православия. По данным «Православного вестника», с 7 апреля по 31 мая 1891 г., за 55 дней, собор посетили: мужчин — 1361 человек и женщин — 2285 человек. 226 посетителей пожелали стать слушателями православного учения. Таким образом, Воскресенский собор стал играть важную роль в распространении православной проповеди.

В Японской Православной Церкви сохраняется воспоминание о трогательной истории, связанной с собором, относящейся к 1902 г. Её рассказал мне один из старост Николай-до Игнатий Сугано весной 1998 г. В соборе каждый день дежурил христианин Иов Накацукэ Тадаюки, в обязанности которого входило, кроме всего прочего, в конце каждого месяца вскрывать ящик для пожертвований и вести

им учёт. Не раз его внимание привлекал свёрток из газетной бумаги с неизменными десятью иенами внутри, собранными по одной. Он решил проследить, кто приносит такую жертву, так как десять иен по тем временам были деньги немалые, и однажды увидел, как какой-то старик опускает в ящик завёрнутый в газету пакетик. Иов стал расспрашивать его, кто он и откуда, на что старик ответил только, что он крестьянин из Тиба. Иов, тронутый его усердием, посоветовал ему непременно встретиться с Владыкой Николаем.

Несколько месяцев крестьянин не показывался в соборе, и когда он опять пришёл, Иов Накацука отвёл его прямо к Владыке. Крестьянин назвал себя Коно Котаро и передал св. Николаю коробку из-под сладостей, в которой лежали 30 свёртков из газетной бумаги по 10 иен в каждом. Владыка очень удивился такому дару от нехристианина и выслушал объяснение этого поступка. Коно Котаро рассказал, что однажды он пошёл в город в глазную больницу. Возвращаясь под вечер домой, он в горах сбился с пути, так как плохо видел. Быстро стемнело, и он очень испугался, не зная, в каком направлении идти. Вдруг среди деревьев показалось что-то светящееся необычного очертания. Он пошел на этот свет и вскоре оказался на дороге к своей деревне, в душе благодаря своих богов, которые, как он верил, помогли ему вернуться домой.

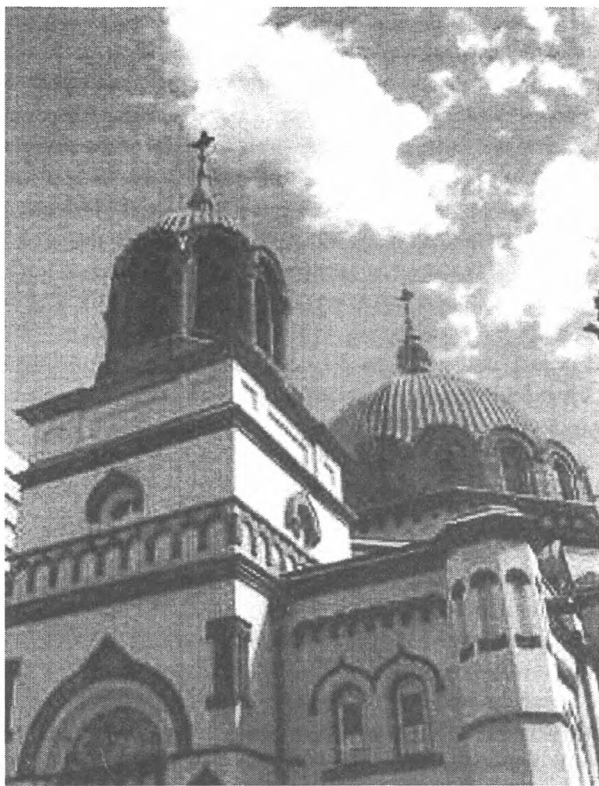
Прошло какое-то время, и Коно Котаро отправился в Токио посмотреть на столичные достопримечательности. Слушая объяснения в Николай-до, он взглянул вверх и увидел на соборе сверкающий в лучах солнца золотой крест. И он вспомнил, что необычного очертания свет, выведший его на горную дорогу, в точности повторял форму этого креста. Крестьянин понял, что в Николай-до молятся тому самому богу, который не дал ему заблудиться в горах, и поэтому каждый месяц он приходил благодарить его.

Владыка Николай был тронут рассказом старика, подарил ему на память благодарственное письмо и познакомил его с катехизатором, проповедовавшим на родине крестьянина.

Эта история может служить одним из примеров плюрализма японской религиозной жизни.

Николай-до упоминается в ряде произведений японской литературы. Например, классик нового времени Нацумэ Сосэки запечатлел в повести «Сорэ кара» («Затем», 1909 г.) празднование Пасхи (21).

Строительство и освящение в 1891 г. в столице Японии собора Воскресения Христова явилось самой яркой страницей в истории Японской Православной Церкви.

Воскресенский собор в наши дни.

4.2. ЯПОНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПЕРЕД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

С самого начала XX в. на Воскресенский собор с каким-то роковым постоянством, каждые шесть-семь лет, стали обрушиваться несчастья.

Русско-японская война 1904–1905 гг. унесла жизни молодых православных христиан и вызвала негативные настроения в России по отношению к Японии, в результате чего значительно сократились пожертвования на Миссию. Это привело к увольнению многих катехизаторов.

Через семь лет после окончания войны, в 1912 г., скончался Архиепископ Николай.

На шестой год после его кончины, в 1917 г., в России произошла революция, и церковь была отделена от государства. Японская Миссия утратила поддержку не только духовную, но и финансовую. Для Японской Церкви, которая почти полностью зависела от пожертвований со стороны православных России, финансовые потери являлись жизненным вопросом. Например, по данным «Сэйкё симпо» («Православный вестник») за февраль 1908 г., в 1907 г. на содержание Миссии из России было прислано более 90 000 рублей, в том числе 22 533 рубля от Миссионерского Общества. В то же время поступления из разных источников Японии составили 4204 иены. (Тогда одна иена приравнивалась к одному рублю. — Э. С.). То есть эта сумма составила всего 4 процента от ежегодного пожертвования из России (22).

Однако с весны 1918 г. все японские приходы в материальном отношении стали самостоятельными и за счёт пожертвований своих прихожан содержали духовенство и катехизаторов, церкви и молитвенные дома. Из-за нехватки средств пришлось закрыть семинарию, женскую школу, в здании которой городские власти устроили больницу. (Существует и поныне).

Через шесть лет после революции в России, в 1923 г., Великое землетрясение Канто уничтожило собор и произвело колоссальные разрушения в Миссии. Однако намного хуже материальных разрушений было постепенное угасание духовной жизни в Миссии, и, по выражению одного верующего, «собор стал грустным». Произошло это ещё до землетрясения в силу вышеуказанных экономических причин. Кроме того, ещё в 1914 г. в Токио существовало более десяти приходов: Кодзимати, Ёдзю, Рёгоку, Асакуса, Канда, Ситая, Усигомэ, Комагомэ, Хонго, Фукава, Сиба. Эти приходы, став в материальном отношении самостоятельными в 1918 г., то сливались в церковные объединения, то разъединялись, теряя прихожан. Можно сказать, своего рода «смутные времена» наступили в Японской Церкви.

Итак, 1 сентября 1923 г. страшное бедствие обрушилось на кафедральный собор Воскресения Христова. Обратился к записям Митрополита Сергия (Тихомирова), приехавшего в Японию в 1908 г. и ставшего преемником Архиепископа Николая на посту главы Японской Православной Церкви.

«Утро 1 сентября (н. ст.) 1923 года (суббота) не предвещало ничего особенного. Время до обеда... В эти часы приходил ко мне по

делу молодой катехизатор Яков Ямагути и, вероятно, желая сказать мне приятное, сказал по-японски: “Давно не было землетрясения, прекрасно”; на что я ему, шутя, ответил: “Наоборот, худо; если теперь и тряхнёт, то уже сильно, и кто знает, не тряхнёт ли и сегодня”. А нужно заметить, что в Токио небольшие толчки и неразрушительные землетрясения бывают часто. В 1923 же году их не было с ранней весны. И это обстоятельство многих беспокоило... 11 часов 58 минут 44 секунды... Я стою у стула в столовой и читаю газету. Затрясло... Я вспомнил совет покойного Архиепископа Николая: “если будет сильно трясти, — становитесь под косяк; стены повалятся, а под косяком Вы можете отделаться царапинами”, — и перешёл к двери, ведущей на корридорик и сразу налево — в мой кабинет. Стал под косяк. Продолжаю читать газету. Однако начало качать так, как я не испытывал ни разу с 1908 года. Стоять на ногах было трудно. Я бросил газету на стул. Сдёрнул очки, и держа их в левой руке, ухватился обеими руками за дверные косяки. Я не упал...» (23).

Далее Владыка Сергей описывает, как он спустился во двор Миссии, где всё было скрыто облаком пыли. Когда пыльное облако рассеялось, то его взору предстала картина повреждений. «С крыш всех миссийских домов спала вниз черепица, вместе с сухой глиной, на которую сорок семь лет назад она была наложена... Трубы или сломаны и лежат уже внизу на земле, или сломаны, но ещё стоят на крышах, на своих местах... Начался второй удар. Земля колебалась, как волны в море. Дома тряслись, как лёгкие ящики. Сломанные трубы на крышах прыгали на своих местах, но не валились вниз, напоминая движения “ваньки-встаньки”. Черепица продолжала лететь вниз. Чугунный забор Миссии раскачивало в стороны на аршин. Шум бьющихся друг о друга телефонных, телеграфных и электрических проводов. Бледные лица собравшихся. Слёзы на глазах. Жуткая картина» (24).

Действительно, Миссия представляла собой жуткую картину: все миссийские дома в трещинах; в доме, где жил покойный Архиепископ Николай, северная стена отделилась от восточной и западной, и от падения её задержали стропила крыш; сорокаметровая колокольня переломилась и упала шпилем на купол собора, пробив его. Раздался колокольный звон, и надломленная колокольня, треснув в сводах окон, громадными столбами, с колоколами языками вверх, развалилась, разрушив ризницу, завалив кирпичами западный вход в собор, всегда открытый для обозрения публики. Крест с купола лежал у юго-западного угла собора.

Владыка Сергей писал: «В окна собора было видно, что иконостас не упал. Но подсвечники, вероятно, все лежали на полу. Но в собор проникнуть не было возможности: и южные, и северные, и алтарные малые двери были закрыты и ключи от них завалены в паперти. А окна, хотя и были открыты, — но они слишком высокие, да и такого устройства, что в них войти было почти невозможно. Взломать двери? Но это значило бы: открыть двери вора́м; а о возможном пожаре тогда никто и не думал» (25).

Однако пожар, спутник землетрясений, не мог не случиться, потому что в 12 часов дня, когда затрясло Токио, в городе не было ни одного дома, где не горела бы плита на кухне, приготавливая обед. 2 сентября, на второй день землетрясения (колебания почвы происходили в течение нескольких дней по многу раз в день), Миссия представляла собой догорающее пепелище: сгорели дотла оба миссийских дома, семинария, женское училище, три деревянных дома служащих Миссии.

Собор сгорел. Архиепископ Сергей свидетельствовал: «Я вошёл в него северными дверями; западные двери и паперть были завалены развалинами колокольни. Уже ни дыму, ни чада. Вот, — догорает над южной дверью рама иконы. Во всём Соборе не осталось ни вершка несгоревшего дерева. А было его много: восьмивершковые балки, везде вершковые полы, дощатые обшивки сводов потолка и купола, деревянные полы и лестницы на колокольню, деревянный 3-хярусный иконостас. Деревянный шпиль. В таком величественном Соборе и столько горючего материала! Как будто нарочито были собраны подтопки!

Железные каркасы купола от жары размякли и обвалились внутрь Собора. Колокола (1-й в 180 пуд., 2-й в 90 и т. д.) расплавились полностью. Металлическая и серебряная утварь вся или расплавилась, или сильно повреждена. Облачения, митры — всё сгорело.

Велик ли убыток? Колоссальный!.. Но “колоссальность” потери нужно измерять не стоимостью вещей, а тем, что всё это 30 лет, с 1892 года выпрашивалось, собиралось, тщательно хранилось; что всё сгоревшее — “жертвы”, “сердца” добрых благодетелей. И вдруг, в один вечер — от всего не осталось ничего. Поистине, огонь произвёл такое “полное изъятие Соборных ценностей”, пред которым бледнеют пресловутые “изъятия” в России... Всё я потерял: иконы, книги, труды, одежду, обувь; дома, библиотеку, школу, Собор... Но не потерял одного: веры в Бога... Много продумал я в эти минуты и решил: “вперёд — свои силы и труды, пока хранит меня Бог, только

для Бога, для ближних; только для проповеди, для возрождения... и материального, и прежде всего, — духовного”» (26).

20 октября 1923 г. состоялся экстренный Собор Японской Православной Церкви, постановивший возродить Токийский Воскресенский собор. Речь шла не просто о восстановлении здания собора. Архиепископ Сергей обратился к собравшимся священнослужителям и представителям верующих с вопросом, так ли уж необходимо поднимать из руин собор, на что потребуются колоссальные расходы? В то время, как указывалось выше, только в одном Токио был десяток церквей, и христиане, кроме больших праздников, редко посещали кафедральный собор. И в ответ на эти слова Владыки православные японцы решили, что возрождённый собор станет местом отправления Божественной Литургии, центром церковной жизни, что возрождение собора станет не просто реставрацией разрушенного здания, а возрождением самой Церкви как Тела Христова.

Это решение возродить собор Воскресения Христова, принятое японцами, многие из которых потеряли всё из-за Великого землетрясения Канто, красноречиво свидетельствует о глубоком укоренении православия в Японии, ставшего по-настоящему японским.

По предложению Владыки Сергея, в городе Мацуяма, на острове Сикоку, продали 294 дубо земли за 15000 иен. На эти деньги разобрали построенную там в 1908 г. церковь в память умерших русских пленных (в городе не было японских православных христиан, и церковь после революции 1917 г., из-за безденежья, пустовала), погрузили на пароход в порту Кобэ, перегрузили на поезд и доставили в Токио, на Суругадай. Все полученные за землю 15000 иен ушли на перенесение церкви, так как в то время цены на всё были крайне высокими.

13 февраля 1924 г. Высокопреосвященный Сергей произвёл на территории Миссии закладку этой церкви и через два месяца освятил её во имя Святого Николая Чудотворца. Всю весну ремонтировали дома Миссии, снеся разбитые вторые этажи повреждённых зданий и уничтожив отделившееся северное крыло главного дома с бывшей Крестовой церковью и с квартирой покойного Архиепископа Николая. В июне Владыка Сергей насадил небольшой сад перед окном архиерейской квартиры, чтобы стало меньше пыли.

В июле 1926 г. Собор священнослужителей Японской Церкви постановил начать сбор денег на ремонт храма Воскресения Христова по смете в 240000 иен. Хорошей подготовкой к сбору денег стал подомовный объезд (на ноябрь 1923 г. их насчитывалось 2700 до-

мов) всех православных Японии, трижды предпринятый Владыкой Сергием в 1924–1927 гг. Он объехал всех верующих, за исключением православных на Курильских островах, Сахалине и Формозе. Владыка Сергей так отмечал свои впечатления: «Принимали меня, как Ангела Божия. Я обильно учил и утешал. Благодать Божия возродила сердца православных, убедившихся, что и сердце Церкви — миссия, Суругадай не парализовано, а живёт» (27). В это же время стараниями Владыки Сергея Миссия стала издавать журнал «Акэбон» — «Заря» (с ноября 1925 г.), чтобы печатным словом объединять верующих.

С сентября 1926 г. по октябрь 1927 г. было собрано 85 000 иен. В июле 1927 г. Собор Японской Церкви постановил начать ремонт, для чего вновь пригласили строительную компанию «Симидзу», возводившую собор в XIX в. План постройки и ремонта собора составил архитектор, православный христианин Илия Окада Синъити. 1 сентября определили «Днём возрождения», и в этот день, в 1927 г., начали восстанавливать храм. В четыре часа дня, ровно через пять лет после пожара, опустошившего Миссию, перед началом работ был совершён молебен. Восстановительные работы осуществлялись по мере поступления пожертвований. Их разделили на три цикла: первым делом возвели новую колокольню и купол, второй цикл — ремонт собора снаружи и внутри, и, наконец, его внутреннее обустройство.

В январе 1929 г. консистория и строительная комиссия попросили Владыку Сергия выехать по приходам для сбора пожертвований в счёт погашения недостающих сумм. Архиепископ Сергей сделал 22 выезда, посетив даже японцев в Маньчжурии и Корее. К 14 декабря 1929 г. весь ремонт и вся реконструкция Воскресенского собора были закончены, и Японская Православная Церковь получила возможность торжественно провести его освящение в назначенный Владыкой Сергием день, 15 декабря.

Собор после реконструкции представлял собой величественное здание в виде креста правильной формы с неширокими крыльями. Высота его от пола до купола составила 26 метров. В западном крыле на высоких колоннах — хоры, в северном крыле, наверху, устроили придел Святой Равноапостольной Елены (имя одной жертвователницы), в южном, также наверху, — придел Сергия Радонежского Чудотворца. Однарусный иконостас, выполненный по рисунку прихожанина Сергия Кавамура, был резной, выкрашенный в две краски — белую и бирюзовую. Иконы, написанные известным иконописцем из

Харбина Н. С. Задорожным, являлись копиями с икон Васнецова (Спаситель, Богоматерь и два шестокрылых Серафима) и Нестерова (Воскресение, Рождество Христово и Крещение Господне). Некоторые вещи для алтаря и церковная утварь были взяты из переставшей действовать церкви Российского посольства. Царские ворота низкие, по плечо иерею. Над ними висела художественно вышитая шелками «Тайная Вечера». Электричества не было, потому что, по выражению Владыки Сергия, «душа любит молиться в полусвете лампадок и ликовать с восковой свечкой в руках» (28). В соборе легко помещалось внизу 2000–2500 человек, а наверху человек 500–700.

12, 13 и 14 декабря 1929 г. в Токио со всех концов Японии стали прибывать православные христиане. Токийские верующие (их было 550 домов, 2002 человека) решили их содержание принять всецело на свой счёт и постановили собрать между собой до 1900 иен. Сняли помещение неподалёку от собора, в здании Общества молодых людей Японии (существует и поныне), отдельно для мужчин, отдельно для женщин. Назначили ответственных распорядителей.

Духовенству и катехизаторам были посланы приглашения прийти на торжество освящения, но, в отличие от прежних времен, «дорожных» никому не посылалось, так как с весны 1918 г. все японские приходы стали в материальном отношении смостоятельны, и духовенство, катехизаторы, церкви и молитвенные дома — все содержались местными общинами. В описываемый период в Японской Церкви служили 36 иереев, 6 диаконов, 27 катехизаторов, — всего 69 человек. (До революции 1917 г. одних катехизаторов было до 120 человек, хотя иереев больше 36 не бывало). Из Кобэ прибыли представители русского Христо-Рождественского молитвенного дома во главе с его настоятелем отцом Александром Бобровым. В то время Кобэ, в котором всегда проживало много иностранцев, являлся (с 1918 г.) основным центром русской эмиграции. Прибыл из Сеула начальник Корейской миссии архимандрит Феодосий, прибыли священнослужители из Харбина. На освящение Воскресенского собора собрались 39 священнослужителей, из них японцев — 31 человек.

Накануне освящения, 14 декабря 1929 г., среди собора была совершена Всенощная, которую ровно в шесть часов вечера возвестил звон колокола. Это был стопудовик, выписанный миссионером иеромонахом Владимиром из Москвы ещё в 1884 г. для церкви Миссийской дачи в Хаконэ. За разрушением церкви он долгое время стоял на земле, а в 1916 г. был послан в церковь в Хакодатэ, восстановленную после Великого пожара 1907 г. В январе 1929 г. этот

колокол был обменен Миссией на шесть небольших колоколов весом в 30 пудов и поднят на новую колокольную, остроконечную крышу которой заменили на круглую. Ещё пять колоколов были получены из Польши в марте 1929 г. Их отлили в Данциге на деньги, наполовину пожертвованные Польской Церковью, наполовину на деньги, «напетые» певчими в Токио. Владыка Сергей писал: «В общем, около 145 пудов гармонично подобранных колоколов извещали всему Токио: “У “Николая” торжество». И все радовались. И язычники радовались: “опять раздался звон “Николая”» (29).

На Всенощной все богомольцы, около 1000 человек (собор не был наполнен вечером), стояли, как в Пасху, с зажжёнными свечами. Присутствовало много иностранцев. Пели два хора: соборный и хор Богоявленской церкви района Ёцуя в Токио, где в то время было пять приходов. В купол неслись величественные песнопения Яичковского, Чеснокова, Архангельского. Напевы были все русские, но переложены на японские слова. По окончании Службы Архиепископ Сергей, обращаясь к молящимся, по-японски приветствовал их: «Христос Воскресе», и все ответили: «Воистину воскресе». А на второй его привет: «Братья, сестры, силою Христовою и наш собор воскресе», раздалось «Воистину собор воскресе» (30).

После Всенощного Бдения были заслушаны адреса и приветствия харбинцев, приславших щедрые дары собору и Архиепископу Сергию: иконы, лампы, архиерейское и протоиерейское облачения, орлец к Престолу. По образному выражению Владыки Сергия, «собор напоминал красавицу-невесту без приданого» (31), поэтому все дары были принимаемы с любовью, и Владыка Архиепископ кратко объяснял верующим по-японски, от кого и что прислано.

В воскресенье, 15 декабря 1929 г., ровно в семь часов утра начался перезвон на Миссийской колокольне. Архиепископ Сергей вспоминал: «Перезвон был для нас необычный, особо торжественный, оживлённый. То звонил Н. Ст. Задорожный, оказавшийся не только прекрасным художником, но и искусным звонарём» (32). В соборе совершалось водосвятие. Во дворе собора были расставлены огромные палатки, везде множество плакатов, хлопотали распорядители. На освящение собралось не менее 3000 человек. После обьязывания Престола шнуром, помазывания стен святым миром и окропления их святой водой состоялся крестный ход духовенства, среди которого шёл в священных одеждах старец, англиканский Епископ Джон Мак Ким, большой друг православной церкви, покойного Архиепископа Николая и Владыки Сергия. Затем на новоосвящённом Престоле

была совершена Божественная Литургия, по окончании которой, по традиции, для всех собравшихся устроили угощение. В тот же день, ближе к вечеру, состоялось торжественное собрание, на котором с приветственным словом к, примерно, 2000 собравшихся обратился Архиепископ Сергей. Ниже приводим выдержки из его речи, определившей задачи деятельности Японской Православной Церкви на будущее. Владыка говорил: «Осуществилось то, о чём страшно было и во сне мечтать! Мы опять имеем Собор: Господу, Благодателю нашему, слава. Господь внушил Церкви нашей в октябре 1923 года твёрдую решимость — восстановить Собор. Ему — слава... Сказал я: “чудо” совершил Бог. Ибо кто из нас мог бы и подумать, что мы, малая и юная Японская Церковь, можем сделать то, что сделали? Но Премудрый Архитектор усмотрел новый, чудный материал для постройки Собора; не гальку, не песок, не цемент, а крепкую, как скала, веру юной Церкви, непоколебимую ея надежду на помощь Божию, и поразительно широкую, жертвенную любовь юной Церкви. Это они — вера и надежда, и любовь, — и все три в атмосфере святого мира, строили Собор. ...Братья и сестры! С верою в помощь Божию, с надеждою на конечный успех, в атмосфере жертвенной любви все до единого поднимаемся на строение живого Собора православных душ. Это наша первая задача. Центром этой великой работы да будет Воскресенский Собор» (33).

Таким образом, восстановленный из руин Николай-до можно было бы назвать и «храмом Сергия» — «Сергий-до».

Были прочитаны адреса министра народного просвещения (заместителем), губернатора Токио (заместителем), мэра Токио (заместителем) и председателя Комиссии по восстановлению Токио после землетрясения и пожара Накагава Нодзому (лично). Он, бывший губернатор Осака, прибыл на праздник храмоосвящения как православный христианин, в то время единственный из «больших людей» Японии в составе Японской Православной Церкви.

В собор, украшенный прекрасными копиями произведений Васнецова и Нестерова, вошла частица русской души, и для русских людей, заброшенных судьбой в Японию в лихолетье, восстановление его явилось вторым Светлым Воскресением.

К вечеру дня храмоосвящения из Москвы пришла поздравительная телеграмма за подписью Митрополита Сергия с Синодом. (В то время Митрополит Сергей Страгородский, проработавший шесть лет в Японии помощником Архиепископа Николая, был заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола). Церковь-Мать,

Русская Православная Церковь, радовалась и молилась за рождённую ею юную Церковь Японскую.

По поводу этой телеграммы необходимо отметить следующее. Рождённая российской церковью церковь японская, существующая в стране, где государство и религия разделены, восприняла от Апостола Японии Архиепископа Николая православное христианство только как «чистое, правое ученье Христа», без всякого политического привкуса и, как писал Архиепископ Сергей, «без всяких прилагательных: греческое, русское, монархическое и т. п. ...Церковь Японская верила и верит: “источник ея чистого Православия, и только его — есть теперь Московская Патриархия и ея иерархи, её возглавляющие”» (34).

Как известно, после революции 1917 г. сношения Японской Церкви с Церковью-Матерью были прерваны, но с 1927 г., с возобновлением официальных почтовых связей с Патриархией, обе церкви, хотя и редко (за три года всего семь раз), но обменивались письмами и телеграммами. При этом, как подчёркивал Владыка Сергей, Японская Церковь не интересовалась политической ориентацией Патриархии или её отдельных членов. Однако ему приходилось выслушивать много упреков в том, что он продолжает общаться с Москвой, несмотря на то, что уже всему миру было известно о тех гонениях, которым подвергается церковь в Советской России. В докладе о положении церкви в Японии, сделанном Архиепископом Сергием в 1928 г. в связи с указом Московской Патриархии о награждении его бриллиантовым крестом для ношения на клобуке (через три года он был возведён Москвой в сан митрополита), подчёркивалось, что «Японская Православная Церковь является не одной из епархий православной церкви русской, но совершенно самостоятельной церковью, чисто японской религиозной организацией, подчиняющейся юрисдикции японского министерства народного просвещения по департаменту религиозных дел, и в нём зарегистрированной» (35).

В Японии знали о появлении в России так называемой «живой церкви», потом «обновленчества», знали о гонениях и преследованиях священнослужителей со стороны советских властей. Но нельзя забывать, что многие японские пастыри сами многократно сидели в тюрьмах, готовые полагать «жизнь свою за овец», и того же они ждали и от своих учителей — русских архиереев. Японские христиане знали о существовании «зарубежной» русской церкви за границей, но не понимали её, так как, по свидетельству Владыки Сергия, перенесение её на японскую почву стало бы «смертельным

ядом» и убило бы в японцах «всякую веру в православие, как “беспримесное ученье Господа Христа”» (36).

Итак, по статистике, в 1929 г. православных японцев, рассеянных всюду, и в Америке, и в Москве, и в других местах, насчитывалось 38 665 человек. (Для сравнения: в то время в Японии на 70 000 000 населения приходилось 300 000 христиан). Но оседло живущих в Японии, посещающих церковь, говеющих, несущих все церковные расходы — только 15 772 человека. На восстановление Воскресенского собора было пожертвовано 135 000 иен (37). Причём жертвовали от двух сен, как четырёхлетний Давид Акадзава из города Токусима на острове Сикоку, до нескольких тысяч иен. Давали жертвы и нехристиане. В том же 1929 г. японские христиане уплатили тридцати шести священникам, шести диаконам и двадцати семи катехизаторам 22 406 иен 90 сен; на содержание Церкви, молитвенных домов — 22 048 иен 63 сен. Всего их ежегодный расход составил 44 455 иен 53 сен. Годом раньше, в 1928 г., они израсходовали 45 355 иен 74 сен. Несмотря на период «безлюдья», происходили крещения, и естественным путём Церковь увеличивалась на 250–300 человек в год, причём половина крещёных были дети (38).

Японская православная община, сумевшая впервые за время своего существования собрать в особо крупных размерах пожертвования на возрождение кафедрального собора, подтвердила тем самым свою жизнеспособность как самостоятельной национальной церкви.

После освящения Воскресенского Собора Японская Православная Церковь вступила в период относительного спокойствия, так как в предшествующие «смутные времена» те, кто должен был уйти из Церкви, ушли, а те, кто должен был остаться в ней, остались. Но, к несчастью, в Японии вскоре стали подниматься милитаристские настроения и развёртываться политика экономической и военной агрессии в отношении Китая.

В 1930 г. Архиепископ Сергей был возведён в сан митрополита Московской Патриархией. На состоявшемся в том же году Соборе Японской Православной Церкви вносится предложение об избрании епископа из японцев, о независимости Японской Церкви, об изменениях в проведении Соборов. Выдвигавшие предложение о полной независимости Церкви увязывали её с государственной политикой Японии, а Соборы должны были стать, по их замыслу, таким же органом, принимающим постановления, как тогдашний парламент страны. Более того, велись дебаты о том, что на следующем Соборе

должно присутствовать равное число делегатов от священнослужителей и верующих. Можно сказать, ситуация в церкви стала отличаться от той, какой была при Архиепископе Николае.

Обстановка в стране становилась мрачной. Людей, посещавших иностранные посольства, обыскивали и нередко арестовывали. Японское правительство ввело ограничения на основные права и свободы граждан. И хотя на Соборе 1936 г. Митрополит Сергей заявил, что в Японии, в отличие от Советской России, конституцией гарантируется свобода религии, но, на самом деле, церковь подвергалась различным регламентациям со стороны контрольного органа, каким для неё являлось министерство просвещения. Христианство считалось религией врагов, нередко можно было увидеть расклеенные по городу плакаты с призывами убивать верующих. Даже в церковном органе, каким был «Православный вестник», стали появляться статьи, проникнутые милитаристским духом. Например, в статье «Принципы создания новой Восточной Азии» призывалось к освобождению азиатских колоний от стран Европы, а в статье «Крепить почитание императора» указывалось на недопустимость неуважительного обращения с фотографиями императора в газетах и журналах и призывалось вырезать их прежде, чем отправить газеты в корзину для бумаг (39). В такой обстановке, в 1936 г., в год 75-летия прибытия в Японию Архиепископа Николая, в память об этом событии в Никорай-до была издана книга «Жизнеописание Николая» с приложением проповедей Апостола Японии. Эта книга имела особый смысл для Японской Православной Церкви, напомилавший о подвиге её Первосвятителя.

В 1939 г. парламент Японии принял закон, по которому всем религиозным организациям страны предписывалось до апреля 1941 г. пройти регистрацию в министерстве просвещения для оформления статуса юридического лица. Без изменений зарегистрировали Англиканскую церковь Японии, Адвентистов седьмого дня, однако восемнадцать других протестантских деноминаций, чтобы пройти регистрацию, вынуждены были слиться в «Объединённую церковь Христа», все католические церкви собрали воедино под названием «Японская общая церковь Отца Небесного». Из множества сект получили регистрацию только 13 синтоистских и 28 буддийских. Японская Православная Церковь была зарегистрирована отдельно как «Религиозная организация Японская Православная Церковь Христова» (40).

Сам факт такой регистрации лишний раз подтвердил, что православная церковь в Японии жизнеспособна, самостоятельна и является неотъемлемой частью японского общества.

Положение Японской Церкви перед Второй мировой войной видно из нижеследующих данных: В 1917 г. было 120 катехизаторов, к 1919 г., за два года, их число резко сократилось до 52 человек. Из рассказов прихожан, чьи отцы были катехизаторами, получившие хорошее образование в семинарии Николай-до и прекрасно владевшие русским языком бывшие катехизаторы отправлялись в Россию или Маньчжурию, где они служили в разных учреждениях либо открывали своё дело. Оставшиеся в Японии, а таких было большинство, тоже находили применение своим силам и, как правило, жили материально хорошо. В 1930 г. всех катехизаторов насчитывалось, примерно, 25–27 человек, а в 1940 г. их было 30 человек. Число священников резко не менялось, оставаясь, примерно, на одном уровне. В 1917–1919 гг. их было 47 человек, но к 1940 г. их число упало до 32 человек.

Новый закон вступал в действие с осени 1940 г. Он запрещал иностранцам стоять во главе всякой религиозной общины, поэтому Владыка Сергей лишился права руководить Японской Православной Церковью и был вынужден покинуть своё место, передав на Соборе 1940 г. временное управление Церковью одному из кандидатов в епископы Арсению Ивасава Хэйкити. Стали пророческими слова Митрополита Санкт-Петербургского Антония, напутствовавшего в 1908 г. Владыку Сергия: «Считайте себя будущим преемником архиепископа Николая и... последним русским епископом в Японии. Поэтому подготовляйте себе преемника из японцев» (41).

А. Ивасава после православной семинарии в Токио в 1884 г. поехал учиться в Московскую духовную семинарию, а затем в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, которую окончил в 1888 г. Возвратившись в Японию, в 1888–1918 гг. преподавал философию и нравственное богословие в семинарии Николай-до и работал в переводческом отделе Миссии, а затем ушёл преподавать русский язык в военную школу сухопутных войск. Он не был священнослужителем, и это вызвало недовольство верующих, расколовшихся на многочисленные группы, каждая из которых выдвигала своего кандидата в епископы. Группа, поддерживавшая Ивасава, после того, как он наотрез отказался стать главой Церкви, а это были, в основном, военные, выдвинула кандидатом в епископы протоиерея Иоанна Оно. Как указано в «Сэйкё дзихо» («Православном бюллетене») от 1 марта

1941 г., в адрес временного управляющего делами Японской Церкви А. Ивасава пришла телеграмма из Югославии от местоблюстителя патриарха митрополита Анастасия о необходимости скорейшего канонического назначения главы Церкви. (Митрополит Анастасий, однокашник А. Ивасава по Санкт-Петербургской Духовной Академии, в то время был главой Зарубежной русской церкви. — Э. С.) Церковный комитет подготовил документы для хиротонии, и 27 февраля 1941 г. Иоанн Оно в сопровождении диакона Эндо выехал в Харбин. Там 14 марта по благословению митрополита Анастасия митрополитом Мелетием и иерархами Зарубежной русской церкви была совершена его хиротония. Главой Японской Церкви стал Епископ Николай (Оно). Его жена Вера Оно (дочь Иоанна Сакаи, одного из первых обращённых в православие японцев. — Э. С.), прожив около 50 лет в браке, была разведена и пострижена в монахини, при наречении став Еленой. Через несколько месяцев она вернулась из Харбина на свою родину, городок Каннари в районе Тохоку. В вышеупомянутом «Православном бюллетене» отмечалось, что «матушка протоиерея Оно покинула дом мужа для счастья Японской Православной Церкви, положив свою жизнь в фундамент её обновления» (42).

Таким образом, Епископ Николай (Оно) стал первым архиереем-японцем в Японской Православной Церкви.

В 1941 г., впервые в истории Николай-до, в нём не служили Пасху. Верующие, настроенные против Епископа Николая Оно, заперли ворота и не пропустили его и пришедших с ним прихожан на территорию собора. Новому епископу ничего не оставалось делать, как проводить пасхальное богослужение в доме диакона.

Мало-помалу страсти улеглись, и повседневная жизнь прихожан Николай-до ничем не отличалась от той, которую вели жители Токио в условиях военного времени: они шили мешочки и посылали в них подарки на фронт, было создано общество по сбору пожертвований на нужды государства, каждое первое воскресенье месяца отправляли специальное богослужение за здравие воинов. В Николай-до, стали отмечать традиционные японские праздники, как то Сити-го-сан, когда трёх-, пяти- и семилетних детей ведут в храм, чтобы помолиться о ниспослании им здоровья, и другие. С ухудшением положения на фронте и из-за нехватки продовольствия стали нерегулярно служить Литургию, потому что трудно было достать вино и пшеничную муку для просфор. Из-за участившихся воздушных налётов на Токио Воскресенский собор выкрасили в чёрный

цвет, что помогло пережить ожесточённые бомбардировки 1945 г., из-за которых погибла почти половина токийских приходов. Война не пощадила храмы в городах Сэндай, Мито, Маэбаси, Нагоя, Окадзаки, Осака, Нагасаки, Кагосима.

Владыка Сергей во время войны нашёл приют в англиканской церкви в токийском районе Сэтагая, где продолжал служить Литургию для русских и немногочисленных японских верующих. В апреле 1945 г. он был арестован жандармерией по подозрению в шпионаже в пользу СССР и подвергнут пыткам. Когда его освободили после сорокадневного заключения, его здоровье было необратимо подорвано, и через три месяца, 10 августа 1945 года, за пять дней до окончания войны, Митрополит Сергей, в одиночестве, скончался в однокомнатной квартире в Итабаси, на окраине Токио. Ему было семьдесят четыре года, из них половину — тридцать семь лет, он посвятил служению Японской Православной Церкви. Митрополит Сергей покоится на кладбище Янака, рядом с Архиепископом Николаем. (За три года войны скончалось 13 православных священнослужителей).

4.3. ПОСЛЕВОЕННЫЙ НИКОЛАЙ-ДО

15 августа 1945 г. война для Японии закончилась, и в сентябре началась её оккупация американскими войсками, выступавшими от имени Союзных держав. В Японии стали проводиться реформы, охватившие все стороны жизни страны и открывшие возможность для её развития по демократическому пути. Были отменены законы о религиозных организациях и об охране общественного порядка, подавлявшие свободу совести, собраний, слова.

27 марта 1946 г. епископ Николай (Оно) и Консистория Японской Православной Церкви обратились к Святейшему Патриарху Алексию I с прошением о воссоединении с Матерью-Церковью. 3 апреля Святейший Патриарх Алексий I сообщил епископу Николаю (Оно) об урегулировании этого вопроса. Однако каноническому устройению положения Японской Православной Церкви воспрепятствовало вмешательство в её жизнь Штаба Верховного командования американской армии, осуществлявшей тогда оккупацию Японии. Дело было в том, что советником главнокомандующего при этом Штабе генерала Д. Мак-Артура служил полковник Борис Паш, сын митрополита Феофила (Пашковского, † 1950), возглавлявшего

Митрополичий округ Северной Америки, находившийся с 1924 года в схизме, вне канонического общения с Матерью Русской Православной Церковью. Борис Паш по заданию митрополита Феофила, который был противником нормализации канонических отношений Митрополичьего округа с Московским Патриархатом, и осуществил отторжение от него Японской Православной Церкви.

Послевоенная история Японской Православной Церкви изложена по:

1) «Токё фуккацу дайсэйдо сюфуку сэйсэй кинэнси» («Токийский Воскресенский собор. В память освящения после реставрации»);

2) «Сэйкё дзихо» («Православный бюллетень»), «Никорай-до даёри» («Новости Никорай-до»);

3) материалам личных бесед автора с главой Японской Православной Церкви, её клириками и мирянами.

5 апреля 1946 г., после пятилетнего перерыва, в Токио, в Воскресенском кафедральном соборе открылся чрезвычайный Собор Японской Православной Церкви, возобновивший её деятельность. Главным на Соборе стал вопрос об отношениях с Матерью-Церковью, с Московской Патриархией. В постановлении Собора указывалось: «Японская Православная Церковь, в соответствии с её традицией и историей, признаёт Московскую Патриархию с её вероучением и обрядами и сохраняет с ней дружеские тесные связи» (43). Но в то же время говорилось, что: «Японская Православная Церковь для восстановления церковной деятельности, возобновления проповеди, образования священнослужителей полагается на руководство и помощь Американской Православной Церкви при посредничестве главного штаба Союзных держав» (44). Таким образом, исходя из того, что Московская Патриархия и Американская Православная Церковь едины, получалось, что Японская Православная Церковь полагалась на руководство ею штабом оккупационных войск.

В постоянно меняющейся послевоенной обстановке в мире нельзя было не учитывать волю штаба генерала Маккартура и при приглашении архиерея. Московская Патриархия отправила в Японию двух архиереев. Они приехали во Владивосток, чтобы оттуда отплыть в Токио, но американские власти не выдали им разрешение на въезд в страну. При посредничестве штаба оккупационных войск в Токио прибыл из Америки Епископ Вениамин (Басалыга). В послании главы Американской Православной Церкви Митрополита Феофила от 4 ноября 1946 г. говорилось: «Исходя из очевидной

необходимости оказать поддержку нашей Сестре Японской Православной Церкви, Архиерейский Собор Американской Церкви единогласно выразил решение направить в Японию Преосвященного Вениамина, Епископа Питсбургского и Западной Вирджинии, для рукоположения священников и ознакомления с внутрицерковными делами» (45). Таким образом, завязались отношения с американской митрополией. Недовольная этим и желавшая возобновления связей с Русской Православной Церковью группа русских верующих вместе с Епископом Николаем Оно и священником Антонием Такаи отошли от Японской Православной Церкви. У подножия южной стороны холма, на котором возвышается Николай-до, на земле, предоставленной Миссией, находилась Пушкинская школа, где учились дети русских эмигрантов. В ней на втором этаже оборудовали помещение для богослужений, поддерживая связи с Москвой.

В январе 1947 г., на Рождество, из Америки прибыл Епископ Вениамин. Согласно записям апрельского, 1946 г., чрезвычайного Собора, территория Воскресенского кафедрального собора, хотя и не пострадала от пожаров, долгое время находилась в запустении, а малый Никольский храм превратили в подобие склада останков обгоревших во время бомбардировок людей, старых гробов и т. п. К тому же во время войны не было постоянных денежных поступлений, поэтому пришлось продать металлическую ограду собора и медные листы, покрывавшие его крышу. К концу войны в Николай-до оставалось всего лишь два священника, и богослужения почти прекратились. Однако к 1949 г., благодаря стараниям священников из токийских приходов Канда, Намбу, Хонго, Хокубу, Тобу, Ёцуя, которые стали приходить в Николай-до, службы возобновились. Изменилась и атмосфера в соборе: с материка прибыло много русских, спасавшихся от коммунистического режима в Китае, среди оккупационных войск были люди с русскими, греческими корнями. Все они способствовали восстановлению церковной жизни. В декабре 1950 г., по благословению Епископа Вениамина, был создан «Комитет трёх стран», куда вошли представители Японии, России и Греции. Целью этого комитета был сбор средств на ремонт собора, на приобретение церковной утвари и облачений для священнослужителей, а также помощь священникам во время богослужений. Средства поступали за счёт продажи в соборе свечей, просфор, щедрые пожертвования делали прихожане — иностранцы. Кроме того в Америке был образован «Комитет помощи Японской Православной Церкви», и оттуда ежегодно присылали ладан, свечи, церковную утварь и другие необходимые вещи.

Благодаря всему этому церковная жизнь наладилась и стала постепенно развиваться. При Воскресенском соборе открыли Никорай гакуин (Никольскую школу), где преподавали русский и английский языки. 13 февраля 1950 г. стало днём основания «Общества утренней зари». После войны, вместе с демократизацией японского общества рос интерес и к христианству, и многие молодые люди стали переступать порог церкви. В «Обществе утренней зари» для такой молодёжи, ищущей истинный путь в жизни, каждую среду проводились занятия по изучению Священного Писания, а каждый четверг изучались догматы православного вероучения. Когда число членов «Общества», где было первоначально всего шесть человек, достигло пятидесяти, началась его благотворительная деятельность, заключающаяся в оказании материальной помощи людям, пострадавшим от стихийных бедствий, довольно частых в Японии. Некоторые члены «Общества» принимали крещение, поступали в духовную семинарию, после многолетнего перерыва открывшуюся в Николай-до 7 октября 1954 г.

В сентябре 1952 г. православная молодёжь приходов японской столицы образовала «Токийское молодёжное общество» и дважды в месяц, по воскресеньям, устраивала в Николай-до собрания, на которых молодые люди изучали Священное Писание и православное церковное пение. Выходивший один раз в месяц орган «Токийского молодёжного общества» журнал «Соль земли» стал связующим звеном православных молодых людей Японии.

Кроме того, по благословению Епископа Вениамина, 24 августа 1950 г. в Воскресенском соборе была проведена «Всеяпонская конференция учителей православных воскресных школ», вдохнувшая жизнь в возобновление их деятельности. Перед началом конференции 85-летний старец, священник Пётр Ямаиэ, отслужил раннюю Литургию, на которую привели много детей. Отец Пётр взял за правило служить Литургию перед занятиями в воскресной школе Николай-до и следовал ему до своего 90-летия.

В Воскресенском кафедральном соборе начало свою деятельность сестричество, основу которого заложили в 1951 г. верующие иностранки. После войны прихожанами Николай-до стали богатые люди, приехавшие с материка, военные из штаба оккупационных войск. Их жёны и русские женщины, жившие в Токио с довоенных времён, объединились в сестричество. К ним присоединились японки из токийских приходов, и 24 января 1952 г. было создано «Объединённое сестричество». Из вступительных взносов, вносившихся

каждой прихожанкой, образовалась довольно внушительная сумма для его деятельности. На Соборе 1951 г. было решено провести праздник в память 90-летия со дня прибытия в Японию Святителя Николая. На праздник, для успешного проведения которого очень постарались женщины Николай-до, собрались православные христиане со всей Японии. С того времени послевоенная церковная жизнь наладилась, и в Николай-до сама обстановка, по выражению прихожан, стала светлее.

Собор 1952 г. вынес постановление о создании религиозного юридического лица «Японская Православная Церковь Христова», и под этим названием она была зарегистрирована 9 июня 1953 г.

28 июля 1953 г. вернулся в США Владыка Вениамин, так много сделавший для Японской Церкви, и на замену ему прибыл Епископ Ириней. Владыка Ириней немедленно приступил к объезду всех японских приходов. По его инициативе 7 сентября 1954 г., как было сказано выше, возобновила свою деятельность по подготовке священнослужителей семинария Николай-до. Для умиротворения обстановки в Николай-до Епископ Ириней 27 мая 1954 г., в Великую Субботу, созвал примирительное собрание прихожан, в результате чего в собор вернулись некогда отошедшие от него верующие вместе с Епископом Николаем Оно. В том же 1954 г., с сентября, в Николай-до каждую субботу стали проводиться занятия по изучению на русском языке Священного Писания и церковного пения.

На Соборе 1957 г. было решено отметить 100-летие со дня прибытия в Японию Святителя Николая и составлен план проведения в 1961 г. торжеств.

На смену Владыке Иринею в январе 1960 г. из Америки прибыл Архиепископ Никон. Он прослужил в Николай-до всего два года и по состоянию здоровья вынужден был вернуться в Соединённые Штаты. При нём был образован «Комитет поддержки собора» взамен распущенного в феврале 1960 г. «Комитета трёх стран», внесшего большой вклад в создание материальной базы Николай-до. Причиной роспуска этого комитета стало резкое снижение числа русских прихожан: в конце 1950-х — начале 1960-х гг. одни русские семьи вернулись в СССР, другие уехали в Америку, либо в Австралию. Многим из них Церковь помогала пройти все формальности, связанные с выездом из Японии.

После Архиепископа Никона в Воскресенском кафедральном соборе короткое время служил американский Епископ Амвросий, а 1 ноября 1962 г. в Японию прибыл из митрополии Владыка Владимир,

назначенный Епископом Киотоским. Он возглавлял Японскую Православную Церковь десять лет, до 1972 г.

В 1962 г., в марте, Воскресенский кафедральный собор получил официальный статус важного памятника культуры Японского государства.

8 сентября 1969 г. из Америки в Токио прибыл известный богослов, священник Александр Шмеман, с целью проинформировать Японскую Церковь-Сестру о нормализации церковно-юридических отношений с Московской Патриархией, в результате чего Американская Православная Церковь получила статус автокефальной. В связи с этим Американская Церковь утратила право руководить Японской Православной Церковью, как было всё послевоенное время.

Таким образом, Японская Церковь, восстановив отношения с Московской Патриархией, должна была, по церковным законам, стать автономной церковью, что явилось главным итогом её послевоенной деятельности.

19 октября 1969 г. собрался внеочередной Собор Японской Церкви, чтобы выдвинуть ряд кандидатов для епископской хиротонии. Были предложены двое: священник церкви в Кагосима Василий Нагасима и диакон Серафим Сиглист. Так началась подготовка к обретению автономии.

2 ноября 1969 г. состоялась хиротония наречённого при монашеском постриге Феодосием Нагасима Синдзи. Через несколько дней, 26 ноября, в Николай-до состоялась трёхсторонняя конференция представителей Московской Патриархии, Американской и Японской Церквей, на которой они приняли официальный документ об автономном статусе Японской Православной Церкви.

Положение Японской Церкви ко времени обретения автономии характеризуют следующие цифры: в 1917 г. было немногим более 250 церквей, к 1940 г. стало 185, а к 1970 г. число их сократилось до 85. Верующих в 1919 г. насчитывалось, примерно, 27 000 человек, а к 1940 г. их число возросло до 40 000 человек, хотя, по данным Соборов, их реальное число, то есть регулярно вносящих пожертвования и регулярно посещающих богослужения, составляло, примерно, 13 000 человек, а к 1970 г. уменьшилось до 8 500 человек.

В 1970 г., 2 апреля, делегация Японской Православной Церкви отправилась в Москву, где 10 апреля получила от Патриарха Московского и всея Руси Алексия Томос об автономии. Тогда же, 10 апреля, был причислен к лику святых Архиепископ Николай, Святитель Японии.

С 1970 г. для укрепления духовных связей с Матерью-Церковью Японская Православная Церковь стала ежегодно направлять в Москву своих паломников. Однако с распадом СССР и в связи с экономическими трудностями в России эта практика прекратилась.

В результате обретения Японской Церковью статуса автономной, образовались три епархии: Токийская архиепископия, епархия Западной Японии с центром в Киото и епархия Восточной Японии с центром в Сэндай. 22 марта 1972 г. Святейший Патриарх Пимен благословил назначение Епископа Феодосия (Нагасима) Архиепископом Токийским и Митрополитом всея Японии. Этим завершился процесс обретения Японской Православной Церковью самостоятельности, о чём мечтал Святитель Николай. Николай-до — Воскресенский собор стал кафедральным собором Японской Православной Церкви. С этого времени начинается новая глава в его истории.

4.4. ЯПОНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ АВТОНОМИИ

Митрополит Феодосий на Соборе, открывшимся 7 июля 1972 г., сказал: «Две стороны составляют основу церковной деятельности. Первая — это связь человека с Богом через богослужение, являющееся конкретным выражением Божией милости в спасении людей, следующих Его зову. Вторая — это связь человека с человеком, когда верующие, следующие Божию гласу, объединяются крепкими узами любви. И эта любовь не ограничивается только внутрицерковными рамками, а выходит за пределы церкви и проявляется естественным образом в конкретных делах служения обществу. Можно сказать, что церковь по-настоящему действует тогда, когда её активная работа проистекает из единого целого, образованного соединением этих двух сторон. Кроме того такая истинная деятельность церкви привлекает к себе людей разных возрастных групп» (46). Сказанное Митрополитом Феодосием на Соборе конкретизировалось в 1974 г. принятием первого пятилетнего плана проповеднической деятельности: «Перспективы активизации проповеди внутри церкви». В 1979 г. был принят второй пятилетний план: «Создание системы по активизации проповеди вне церкви» и, наконец, в 1984 г. появилась программа на десятилетие: «Конкретный вклад в общество. Становление церкви, дающей осязаемые плоды». Эти планы

стали основой повсеместной конкретной деятельности церкви по расширению проповеди, воспитанию церковнослужителей, упрочению материальной базы и созданию внецерковных связей.

Следует отметить, что плановый характер деятельности церкви является одной из особенностей японского православия.

На Соборе 1973 г. за Николай-до был окончательно закреплён статус кафедрального храма, объединившего пять приходов Токио — Канда, Намбу, Сэйва, Тама и Сякудзии, и образован «Объединённый церковный совет», куда вошли их представители. В Никольском доме для собраний, построенном на средства, собранные сестричеством, на месте деревянного Никольского храма (его разобрали, а иконостас передали храму в Осака — Э. С.), прихожане после Литургии стали собираться на чаепитие, возродив, таким образом, обычай совместных трапез, введённый Святителем Николаем для братского общения христиан. В том же 1973 г., в апреле, при семинарии, которая стала официально называться «Токийская православная духовная семинария», открылись подготовительные курсы для поступающих. Преподавательский совет Токийской православной семинарии, обновившей свою деятельность под руководством главы Японской Церкви Митрополита Феодосия, состоит из японских протоиереев и иереев, получивших образование в американской Свято-Владимирской духовной семинарии, либо в той же Токийской. В руководстве для поступающих говорится, что цель православной семинарии заключается в том, чтобы «воспитать сердце, любящее Бога, любящее людей и способное проповедовать как одному человеку, так и многим людям Царство Божие, завещанное Иисусом Христом, а также воспитать священнослужителей, способствующих развитию Японской Православной Церкви».

В семинарию принимаются лица, решившие посвятить себя служению Японской Православной Церкви, как правило, имеющие законченное высшее образование. С согласия преподавательского совета в семинарию могут быть приняты лица, окончившие только школу высшей ступени, но в этом случае они обязаны получить университетское образование заочно.

Обучение в семинарии три года, плюс подготовительный курс с апреля по июль, который проходят все поступающие, независимо от полученного образования. На подготовительном курсе изучаются Ветхий Завет, Новый Завет, история церкви, православный катехизис, литургика, церковное пение. По окончании курса сдаётся экзамен по этим предметам, письменно и устно. Затем преподаватель-

ский совет, учитывая успеваемость, образ жизни, проявления характера, решает, подходит ли данный молодой человек для православного служения и рекомендует его для дальнейшей учёбы.

Учебный год начинается в первой декаде сентября. На первом году обучения проходят следующие предметы: Ветхий и Новый Завет, историю церкви, догматическое богословие, патрологию, литургику, церковное пение, спецкурс. На втором году к вышеперечисленным предметам добавляются церковный устав, нравственное, сравнительное и основное богословие, спецкурс. На третьем году обучения студенты семинарии изучают историю церкви, догматическое и пастырское богословие, литургику, церковное пение, христианскую педагогику, спецкурс. По окончании представляется дипломная работа и проповедь.

Практические занятия предусматривают участие в литургии, в утренних и вечерних богослужениях, церковном пении, чтении молитв и различных работах по храму.

При поступлении в семинарию вносится вступительный взнос в размере 50 000 иен. Лекционный взнос и плата за проживание ежемесячно составляют соответственно 30- и 35 000 иен и, исходя из этих сумм, определяется размер стипендии. Стипендия студентам семинарии назначается особым комитетом Японской Православной Церкви и подразделяется на стипендию 1-й и 2-й степени. Первая — назначается семинаристам, уже имеющим высшее образование. Вторую — получают семинаристы, продолжающие своё общее образование на заочном отделении университета. Часть этой стипендии идёт на оплату заочного обучения.

Желающие получать стипендию подают в канцелярию семинарии заявление и гарантийные письма от двух поручителей, ручавшихся за поступающего и при вступительных экзаменах. Если ученик покидает семинарию, не доучившись, или не служит в Японской Православной Церкви по её окончании, то он обязан возместить церкви средства, полученные в качестве стипендии. Если он не может вернуть необходимую сумму, тогда расходы по выплате её несёт его поручители. Окончившие семинарию и прослужившие в Японской Православной Церкви семь лет непрерывно освобождаются от выплаты вышеуказанной суммы.

Семинаристы с отличными успехами, проявившие себя положительно, могут быть рекомендованы преподавательским советом для продолжения учёбы в Греции, Америке или России. В особых случаях лица, не имеющие законченного высшего образования, по

решению преподавательского совета могут получить возможность учиться за границей по индивидуальному плану, предусматривающему обучение в обычном университете и в духовной академии (47). В настоящее время в Токийской православной семинарии обучаются четверо студентов: двое — в первом классе и двое во втором.

Для оставшихся жить в Японии русских семей был создан «Русский клуб». (Пушкинская школа для русских детей закрылась в конце 1950-х гг. в связи с массовым отъездом русских людей). С ноября 1974 г. стал ежемесячно выходить печатный орган собора «Новости Николай-до».

Закрепление за Николай-до статуса кафедрального храма и образование объединённого церковного совета позволило создать управление делами Токийского архиепископства и решить самую насущную проблему — проблему материального обеспечения священнослужителей: им было установлено определённое жалование и обеспечено медицинское страхование.

Проповедь — главная задача Японской Православной Церкви. Для решения её, в декабре 1974 г., Митрополит Феодосий созвал в Воскресенском соборе конференцию священнослужителей, по решению которой были образованы четыре комиссии по изучению миссионерства, поместных православных церквей, догматов церкви и комиссия по просвещению верующих. В феврале и марте 1975 г. прошли заседания «круглого стола», посвящённые проповеднической деятельности, с участием не только священнослужителей, но и прихожан, высказавших свои мнения относительно развития церкви и проповеди.

Большим событием в жизни Японской Православной Церкви явилось строительство у южной стороны Николай-до часовни в память Апостола Японии Архиепископа Николая, решение о чём было принято на Соборе в июле 1977 г. Строительство было поручено одной из крупнейших японских строительных фирм «Кадзима кэнсэцу», и уже 19 марта 1978 г. священники, приехавшие со всех концов страны для участия в конференции на тему «Будущее проповеди», совершили освящение часовни. В том же году, 21 мая, в Николай-до состоялся праздник в память причисления к лику святых Архиепископа Николая с участием представителей Русской Православной Церкви. На праздник собралось более восьмисот христиан. Митрополит Феодосий выступил с речью, подчеркнув, что причисление к лику святых Архиепископа Николая и дарование автономии Японской Православной Церкви глубоко взаимосвязанные события. «Тем

самым высоко оценивается и вновь подчёркивается великое дело Архиепископа Николая, стремившегося к японизации православной веры. Православными всего мира признаётся самостоятельность Японской Церкви, добавившей к ряду святых и своего святого, признаётся истинность веры Японской Церкви, передаваемой её верующими из поколения в поколение» (48).

Таким образом, часовня Святителя Николая стала символом самостоятельности Японской Православной Церкви, местом, где христиан, молясь Богу, обретает частицу духовности Архиепископа Николая.

Возобновилась установленная при Владыке Николае практика открытого доступа в Воскресенский собор желающих осмотреть его. Со вторника по субботу, с 13 до 16 часов, дежурные, назначенные специально для этого сестричеством, знакомят посетителей с Николай-до.

16–18 мая 1980 г. в Воскресенском соборе торжественно отмечалось 10-летие автономии Японской Православной Церкви с участием представителей Московской Патриархии и Американской Православной Церкви. К празднику была приурочена конференция священнослужителей и верующих, собравшихся со всех концов Японии. Выступивший на её открытии Митрополит Феодосий подчеркнул, что празднование не просто торжество в честь юбилея автономии, а прекрасная возможность убедиться в том, действительно ли за десять лет удалось создать настоящую самостоятельную церковь, выполняющую своё главное предназначение — проповедь православного учения. С докладами о проповеднической деятельности в своих поместных церквях выступили настоятель Успенского монастыря и ректор духовной семинарии в Одессе Митрополит Сергий и Архиепископ Кирилл из Питсбурга, США.

Как отмечалось на Соборе, состоявшимся в июле того же года, активное обсуждение на конференции задач проповеднической деятельности самими прихожанами свидетельствовало об их глубокой заинтересованности в дальнейшем развитии Японской Церкви, и важная работа, проводимая для этого в её центре — Николай-до, оказала большое влияние на все японские приходы.

Николай-до сыграл важную роль и с точки зрения японизации Церкви. В нём стали проводиться богослужения, приуроченные к празднованию Нового года, Дня совершеннолетия, Дня пожилых, детских японских праздников. С 1977 г. вошло в практику проведение «Базара Николай-до», сразу ставшего событием в окрестностях

Суругадай. Например, с июня 1977 г. по июль 1978 г. в кафедральном соборе проводились следующие мероприятия:

июнь — организация иконописного кружка, а также группы сопровождающих по храму;

июль — в Никко прошёл семинар изучающих историю кафедрального собора;

сентябрь — празднования Дня пожилых; всеяпонский семинар по проблемам проповеднической деятельности;

октябрь — благотворительный базар; участие в сборе пожертвований пострадавшим от стихийных бедствий; создание общества по изучению догматов церкви;

ноябрь — пикник прихожан по случаю детского праздника Сити-го-сан;

декабрь — празднование Рождества;

январь — специальное богослужение по случаю празднования Нового года; началась практика подомовного обхода священниками прихожан и отправления в их домах богослужений; всеяпонский съезд проповедников;

февраль — конференция молодёжного общества; при сестричестве создан кружок церковного пения;

март — заседание общества по изучению догматов церкви;

апрель — празднование Пасхи;

май — посещение священниками кладбищ, где покоятся православные христиане. (Посещение кладбищ происходит ежегодно во вторую пасхальную неделю: прежде всего кладбище Янака, где покоятся Архиепископ Николай, Митрополит Сергей, Епископ Николай (Оно), а также другие токийские кладбища — Дзосигая, Сомэи, Аояма, на которых отведены специальные места для православных. Кроме того существует усыпальница, созданная в 1973 г. в одном из помещений на втором этаже Николай-до.)

Каждую неделю проводились занятия в обществе по изучению проповеди, в молодёжном обществе и в воскресной школе. Один раз в месяц регулярно устраивались собрания сестричества, кружка вступающих в брак, кружка церковного пения и собрания хора певчих. Эта практика продолжается по сей день.

Вышеперечисленные мероприятия играли большое значение в укреплении братских отношений между верующими и расширении связей с местным населением и, главное, являлись составной частью проповеднической деятельности Японской Православной Церкви.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что в первое десятилетие автономии, с 1970 г. по 1980 г., японцам удалось создать на-

стоящую самостоятельную церковь, выполняющую своё главное предназначение — проповедь православного учения.

К октябрю 1982 г., ко дню 10-летия служения Митрополита Феодосия как главы Церкви, Японская Православная Церковь стала экономически независимой. В ней действовала семинария по подготовке священников, издавались различные печатные материалы, активизировалась проповедническая деятельность, укреплялись связи с поместными церквями, по всей Японии строились и освящались храмы.

3–5 ноября 1989 г. в Воскресенском кафедральном соборе торжественно отмечалось 20-летие автономии Японской Православной Церкви, явившееся свидетельством её роста как тела Христова. Праздник имел большое значение для подведения первых итогов десятилетней программы проповеднической деятельности: «Конкретный вклад в общество. Становление Церкви, дающей осязаемые плоды». Уже на Соборе, состоявшемся в июле того же года, была определена задача церковного служения обществу под девизом: «Что можно сделать для ближнего?» (49). В рамках торжеств прошёл симпозиум по проблемам проповеднической деятельности, на котором Митрополит Феодосий предложил считать конкретным вкладом в общество участие Церкви в благотворительности. Участники симпозиума, разделившись на шесть рабочих групп по двадцать человек, представляющих все японские православные приходы, создали два действующих органа: комиссию по благотворительности и особый благотворительный фонд.

На симпозиуме выступил представитель Русской Православной Церкви Митрополит Минский и Белорусский Филарет, рассказавший о положении церкви в условиях перестройки. Епископ Герман из Америки в своём докладе привёл различные примеры участия церкви в общественной жизни, исходя из учения Священного Писания.

Последнее десятилетие уходящего века явилось определённой вехой в истории Николай-до и Японской Православной Церкви. В мартовском выпуске «Новостей Николай-до» за 1990 г. была опубликована статья, озаглавленная «О реставрации собора», положившая начало активной деятельности всех верующих по украшению и сохранению их кафедрального храма в XXI в. За два месяца до выхода этой статьи, в январе 1990 г., Воскресенский собор посетили чиновники из министерства культуры, токийского муниципального управления по образованию и отдела по сохранению памятников культуры токийского района Тиёда. После тщательного осмотра собора предста-

вителями властей токийский муниципалитет выдал специальное разрешение на реставрацию важного памятника культуры Японского государства, каким является Воскресенский кафедральный храм. Ремонтные работы, по уже сложившейся традиции, были поручены строительной компании «Кадзима кэнсэцу». Прихожане Николай-до (в 1998 г. их численность составляла 776 домов, хотя регулярно вносящих пожертвования всего 482 дома) создали реставрационный комитет и комитет по сбору пожертвований на восстановительные работы. Кампания по сбору средств началась в ноябре 1990 г., и уже в феврале 1991 г. собор с внешней стороны оделся в леса. Реставрационные работы были запланированы на шесть лет: четыре года — ремонт колокольни, купола, стен, два года — реставрационные работы внутри самого храма. Декабрьский номер «Православного бюллетеня» за 1991 г. вышел с обращением ко всем верующим Японской Церкви присылать имеющиеся у них материалы по истории Николай-до, 100-летие со дня основания которого отметили в марте того же года.

Японская Православная Церковь существует на пожертвования своей паствы: каждая православная семья ежемесячно, а также по большим праздникам делает взнос на церковь. По числу семей, ежемесячно делающих взносы, определяется количество прихожан. Православные христиане со всей Японии активно жертвовали на ремонт и украшение своего кафедрального храма. К 31 марта 1998 г. было собрано 330 713 246 иен: жертвовали от 10 000 000 иен (шесть человек) до 270 иен. На реставрационные работы израсходовано 274 345 698 иен. Остаток в 56 367 548 иен внесён на основной банковский счёт Церкви (50).

В воскресенье, 10 мая 1998 г., произошло торжественное освящение преобразённого собора, а 17 мая — праздник Николай-до. На праздник со всех концов страны прибыло около двух тысяч православных японцев. Был запланирован приезд Патриарха Московского и всея Руси Алексия, но не состоялся.

Во дворе Николай-до установили большие телевизоры, по которым можно было наблюдать за происходящим в соборе, где глава Японской Православной Церкви Митрополит Феодосий вместе со священниками и диаконами со всех приходов Японии служил Божественную Литургию. По окончании службы, по традиции, для собравшихся гостей устроили угощение. Все получили в подарок прекрасно изданный памятный альбом с описанием истории Николай-до.

Отреставрированный собор поражает обилием света. Этому немало способствуют белоснежные стены, высокие окна с витражами,

а, главное, иконостас, который впервые покрыли золотом и платиной. Изменилась и алтарная часть собора: старые витражи, не гармонировавшие с иконостасом, убрали, а на белой центральной стене повесили три круглых иконы: Знамения Божией Матери (диаметром 2,6 метра), Архангела Михаила и Архангела Гавриила (обе по 1,8 метра в диаметре), написанные в Японии ко дню храмоосвящения В. Глазовской, специально приехавшей для этого по приглашению Митрополита Феодосия из иконописной мастерской Троице-Сергиевой Лавры.

Освящение Воскресенского кафедрального собора после ремонта стало важным событием с точки зрения проповеди православия в Японии и открыло новую страницу в истории Японской Церкви.

В настоящее время в Японской Автономной Православной Церкви три епархии: Токийская, епархия Западной Японии с центром в Киото и епархия Восточной Японии с центром в Сэндай. Приведём статистические данные Соборов, характеризующие современное положение Японской Автономной Православной Церкви:

Годы	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Количество церквей:	67	67	69	69	69	69	69

Число священнослужителей:

митрополит	1	1	1	1	1	0	1
епископ	0	0	0	0	0	0	1
священники	23	22	21	22	22	21	18
диаконы	10	11	11	12	12	10	11
катехизаторы	2	2	2	1	1	1	1

Число прихожан по епархиам:

Восточная Япония	3226	3249	3244	3237	3253	3267	3238
Токио	4528	4554	4468	4471	4531	4562	4514
Западная Япония	2058	2046	2069	2069	2078	2074	2083
Всего человек:	9812	9849	9781	9777	9862	9903	9835

Число принявших крещение:

Восточная Япония	90	59	36	24	39	55	39
Токио	74	56	81	33	53	57	61
Западная Япония	27	24	28	19	41	26	31
Всего человек:	191	139	145	76	133	138	131

Вышеизложенное позволяет сделать следующие основные выводы:

1) основанный Архиепископом Николаем и восстановленный Митрополитом Сергием собор Воскресения Христова — Николай-до не только духовный и организационный, но и культурный центр Японской Православной Церкви; Николай-до — важный исторический памятник и культурный центр Японского государства, символ русско-японских духовных связей;

2) судьба собора отразила драматические перипетии истории Японской Православной Церкви, которая в силу политических причин оказалась оторванной от Матери-Церкви, но несмотря на это доказала свою жизнеспособность как национальная самостоятельная церковь, ветвь мирового православия, и благополучно существует в стране дальневосточной культурной традиции;

3) взаимосвязанными фактами обретения автономии Японской Православной Церковью и причислением к лику святых Архиепископа Николая высоко оценивалось и вновь подчёркивалось великое дело Святителя Японии, стремившегося к японизации православной веры. Тем самым православными всего мира признаётся самостоятельность Японской Церкви, добавившей к ряду святых и своего святого, признаётся истинность веры японских православных, передаваемой из поколения в поколение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: *Архиепископ Антоний (Мельников)*. св. равноапостольный архиепископ Японский Николай // *Богословские труды XVI*. — Москва, 1974. С.38.

2. Цит. по: Указ. соч. С.58.

3. Цит. по: Указ. соч. С.99.

4. Странник. — С-Петербург, 1877. Апрель. С.123.

5. Дневники Святого Николая Японского. — Саппоро, 1994. С.33 (Далее см. «Дневники»).

6. *Архиепископ Антоний (Мельников)*. Указ. соч. С.39.

7. Цит. по: *Платонова А.* Апостол Японии Архиепископ Николай. — Петроград, 1916. С.43.

8. Дневники. С.47.

9. Там же. С.48.

10. Там же. С.49.

11. Там же. С.54.

12. Там же. С.55.

13. Там же. С.57.

14. Миссионерское обозрение. — С-Петербург, 1910. №10. С.1623.

15. Тридцатипятилетие русской православной духовной миссии в Японии // *Прибавление к Церковным ведомостям*. — С-Петербург, 1905. №15. С.636.

16. Церковные ведомости. — С-Петербург, 1892. №26. С.267.

17. Цит. по: *Самойлов Н.А.* Страны Дальнего Востока в восприятии русского миссионера //Православие на Дальнем Востоке. Вып.2. Памяти Святителя Николая, Апостола Японии. 1836–1912. — С-Петербург, 1996. С.88.
18. *Архимандрит Сергей.* Освящение собора в Токио //Прибавление к Церковным ведомостям. — С-Петербург, 1896. №31. С.1133.
19. Собор Воскресения Христова в Токио. — Токио, 1904. С.44–47.
20. *Архимандрит Сергей.* Указ. соч. С.1133.
21. *Нацумэ Сосэки.* Сансиро. Затем. Врата. — Москва, 1973. С.199.
22. *Наганава Мицуо.* Жизнь и деятельность митрополита Сергия (Тихомирова) в Японии //Православие на Дальнем Востоке. Вып.2. Памяти Святителя Николая, Апостола Японии. 1836–1912. — С-Петербург, 1996. С.103.
23. *Сергий, архиепископ Японский.* Освящение Воскресенского кафедрального собора в Токио. — Токио, 1930. С.1.
24. Там же. С.2.
25. Там же. С.3.
26. Там же. С.8–9.
27. Там же, с.13.
28. Там же. С.15.
29. Там же. С.15.
30. Там же. С.17.
31. Там же. С.18.
32. Там же. С.18.
33. Там же. С.20–21.
34. Там же. С.26.
35. Цит. по: *Хисамутдинов А.* Зарубежное православие в Азии //Новый журнал. — Нью-Йорк, 1999. №216. С.228.
36. *Сергий, архиепископ Японский.* Указ. соч. С.27.
37. Там же. С.31.
38. Там же. С.31.
39. Токе фуккацу дайсэйдо сюфуку сэйсэй кинэнси. — Токио, 1998. С.84.
40. Там же. С.84.
41. Цит. по: *Хисамутдинов А.* Указ. соч. С.226.
42. Сэйкё дзихо. — Токио, 1941. 1 марта, отд. с.
43. Цит. по: Токе фуккацу дайсэйдо сюфуку сэйсэй кинэнси. — Токио, 1998. С.89.
44. Цит. по: тому же. С.89.
45. Цит. по: тому же. С.89.
46. Цит. по: тому же. С.101.
47. Токе сэйкё сингакуин. Tokyo orthodox theological seminary. 1995 нэндо. Гакко аннай. — Токио, 1995. С.1–5.
48. Цит. по: Токе фуккацу дайсэйдо сюфуку сэйсэй кинэнси. С.109.
49. Там же. С.118.
50. Никорай-до даэри. — Токио, 1998. №241. С.3.

Глава 5

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ И ХРАМЫ ЯПОНИИ: ИТОГИ ПАЛОМНИЧЕСТВА

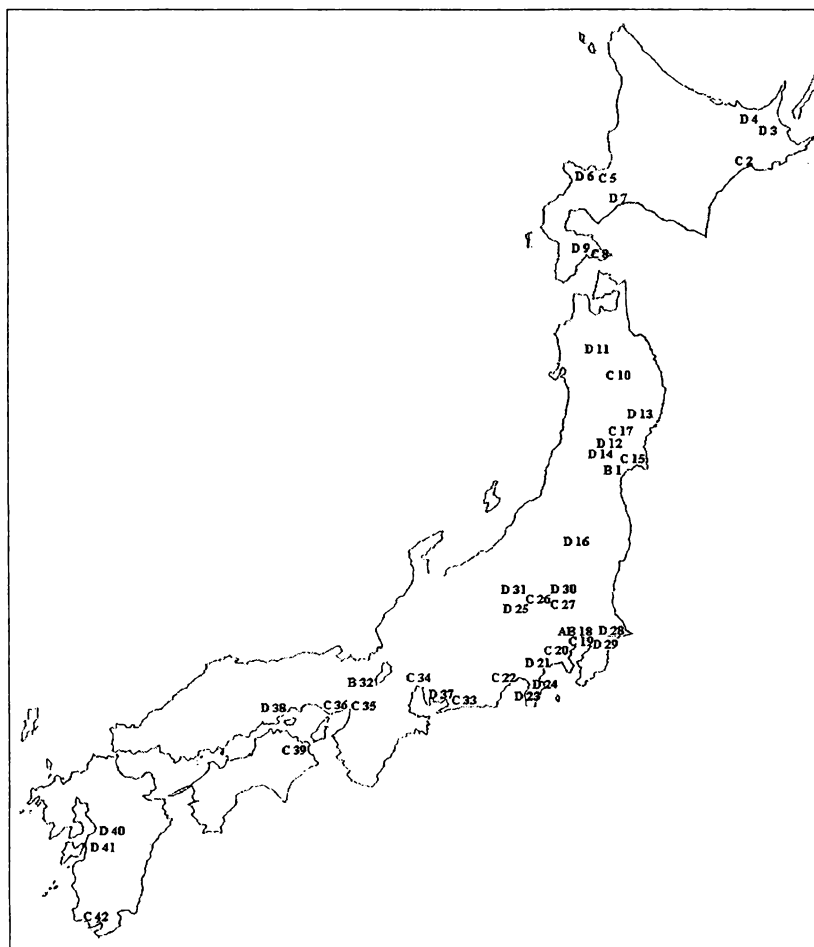
Японская Автономная Православная Церковь состоит из трёх епархий, объединяющих 69 приходов. Кафедральный собор Японской Православной Церкви — Токийский Воскресенский собор или, как его называют японцы, Никорай-до (в японском языке нет звука «л»).

В епархию Восточной Японии входят приходы Хакодатэ, Саппоро, Кусиро, Камимуса, Сяри, Отару, Томакомай, Камиисо (все на Хоккайдо), Сэндай, Мориока, Хокуроку (Магата), Каннари, Сакаи, Наканида, Исиномаки, Сиракава, Итиносэки, Иваядо, Ямада, Кэссэ-нума, Вакуя, Санума, Такасимидзу, Дзёгэдзуцуми. Кроме того в Тоно, Сокэи, Охара, Окутама, Хигата, Цукидатэ, Дзюмондзи, Фурукава и Фукусима богослужения совершаются в частных домах, по очерёдности, приезжающими священниками.

В Токийскую епархию входят Воскресенский кафедральный собор, приходы Яматэ, Йокогама, Одавара, Сидзуока, Сюдзэндзи, Касивакубо. Такасаки, Маэбаси, Асикага, Сука, Тэга, Бато, Сукава, Акуцу, Уцуномия, Канума, Хамамацу, а также Хирацука, Мито и Мисима, где отправляют богослужения в частных домах.

Епархия Западной Японии объединяет приходы Киото, Тоёхаси, Нагоя, Осака, Кобэ, Токусима, Кумамото, Кагосима, Янаихара, Ханда, Хитоёси. В Хиросима, Китакоюсю, Такамацу и Вакаяма служат в частных домах.

Некоторые приходские храмы являются памятниками культуры либо государства, либо префектуры, либо города. Это Воскресенский собор — Николай-до, Преображенский храм в Саппоро, Воскресенский храм в Хакодатэ, Вознесенский храм в Камиисо, Богоявленский храм в Киото, храмы в Магата, Сиракава, Сюдзэндзи, Асикага, Тоёхаси.

Епархия Восточной Японии	Токийская митрополия	Епархия Западной Японии
В 1 Сэндай	АВ 18 Токийский собор Воскресения Христова	В 32 Киото
С 2 Куширо	С 19 Яматэ	С 33 Тоёхаси
D 3 Камимуса	С 20 Йокогама	С 34 Нагоя
D 4 Сяри	D 21 Одавара	С 35 Осака
С 5 Саппоро	С 22 Сидзуока	С 36 Кобэ
D 6 Отару	D 23 Сюдзэндзи	D 37 Ханда
D 7 Томакоман	D 24 Касивакубо	D 38 Янаихара
С 8 Хакодатэ	D 25 Такасаки	С 39 Токусима
D 9 Камнисо	С 26 Маэбаси	D 40 Кумамото
С 10 Морнока	С 27 Асикага	D 41 Хитоёси
D 11 Хокуроку (Магата)	D 28 Сука	С 42 Кагосима
D 12 Каннари	D 29 Тэга	
D 13 Сакари	D 30 Бато	
D 14 Наканида	D 31 Сукава	
С 15 Исиномаки		
D 16 Сиракава		
С 17 Итиноэски		

Примечание:

А — Центр Японского Православия,

В — Центры епархий,

С — Приходы, где есть священник,

D — Приходы с прикомандированным священником,

Е — Частные дома, где по очерёдности совершаются богослужения.

В выделенных жирным шрифтом приходах мне довелось побывать в 1989–2000 гг., особо целенаправленно в 1996–2000 гг. в связи с изучением истории Японского православия.

Воскресенский собор в Хакодатэ, куда в начале июля 1861 г. прибыл из России иеромонах Николай, чтобы служить священником в церкви русского консульства, является важным памятником культуры Японского государства. Вначале храм существовал при Российском консульстве, учреждённом в городе в 1859 г., а когда в 1872 г. в Токио было основано посольство Российской Империи, то

консульство закрыли, а храм передали православным верующим Хакодатэ. Сохранилось описание храма миссионера иеромонаха Анатолия, служившего там в 70-х гг. прошлого века. Первоначальный храм был деревянный, имел форму креста, часть здания — двухэтажная, «с колокольней, соединённой с храмом; стиль русско-византийский. Средина храма обозначается куполом, в основании шестигранным, а сверху закруглённым и, конечно, увенчанным крестом. И внешний вид его производит на русского человека приятное впечатление, напоминая родной край и родные храмы Господни; а внутренностью его восхищаются не одни русские, но и все иностранцы, посещающие и посещавшие его. Иконостас простой, деревянный, окрашен голубою масляною краской; колонки только золотятся несколькими линиями вдоль, а внизу под каждой иконой — простые резные из дерева, вызолоченные украшения. Все четыре местные иконы (Спасителя, Божией Матери, Рождества Иисуса Христа и Его Вознесения) прекрасной академической работы чисто византийского стиля; такой же работы и две иконы на северных дверях Архангела Михаила и южных — Архангела Гавриила. Царские врата резные, вызолочены; на них изображения 4-х евангелистов и Благовещения Пресвятой Богородицы. От клироса по правую сторону стоит большой крест, с изображением Распятого Спасителя, пред которым протестанты с особенным благоговением останавливаются;... по левую сторону северного клироса и в четырёх местах по стенам церкви висят тоже превосходной академической работы иконы: Воскресение Иисуса Христа, искушаемого фарисеями,.. изображение Иисуса Христа, показывающего бедную вдовицу с двумя лептами... На колокольне четыре колокола, из которых самый большой пудов в 50 отлит в Хакодатэ под руководством о. Николая. (Архиепископа Николая — Э. С.). На самом верху колокольни помещение для библиотеки... хакодатская православная церковь смотрит довольно изяшно, особенно внутри, и все иностранцы и иноверцы восхищаются благолепием её. В ней может поместиться около 200 человек, может быть и больше, и в редкое богослужение наша церковь не занята больше, чем половиною или молящихся христиан, или из одного любопытства приходящих японцев... в этой церкви с 1858 г. по 9 мая 1874 года (иер. Анатолий писал 13 мая 1874 г. — Э. С.) обновлены св. купелию крещения 297 человек, и на будущее время ей предстоит,.. забота о принятии в число христиан ещё многих других новых чад из японского народа и воспитании их в духе православия» (1). Мелодичный звон почти пятидесятипудового ко-

локола и нескольких маленьких колоколов храма был слышен далеко вокруг и даже доносился до полей Камисо, куда сейчас на машине нужно добираться минут тридцать. Жители Хакодатэ за красивый звон любовно прозвали храм «Ган-Ган дэра» (Храм «Бом-Бом»). Он полностью сгорел в Великом пожаре 1907 г., почти ничего не оставившим от города, и был заново построен уже из камня в 1916 г. (Строительство началось в ноябре 1914 г., завершено в сентябре 1916 г., торжественно освящён 15 октября того же года). Его так любимый жителями Хакодатэ прекрасный колокол расплавился в огне Великого пожара, и для восстановленного храма был привезён колокол из храма Миссийской дачи в Тоносава, что в Хаконэ. Он весил около двух тонн. Однако звон его плыл над Хакодатэ недолго. В апреле 1928 г. его отослали во вновь отстроенный после Великого землетрясения Канто Николай-до. Взамен из Николай-до отправили одноимённому храму (и в Токио, и в Хакодатэ храмы в честь Воскресения Христова) шесть небольших колоколов. Но обрушилось новое несчастье — Вторая мировая война, и в 1942 г. эти колокола, а также паникадило и церковные подсвечники были реквизированы военными властями для переплавки. Нынешний большой колокол был отлит в 1983 г., а пять малых и средних колоколов в 1985 г. в префектуре Миэ господином Накагава Масакадзу в качестве дара храму. С мая 1986 г. по 31 октября 1988 г. в храме проводились реставрационные работы, а 6 ноября 1988 г. его торжественно освятили. В настоящее время в храме около трёхсот пятидесяти прихожан.

В Хакодатэ много памятных мест, связанных с Архиепископом Николаем. Недалеко от русского консульства буддийский храм Дзи-цугэдзи, где молодой иеромонах Николай снимал нехитрое жильё, запоминал первые японские слова. У подножья горы Хакодатэ, минутах в десяти ходьбы от нынешней церкви, находится ресторан «Готокэн», открытый в первые годы эпохи Мэйдзи неким Госима Эйкити, выходцем с архипелага Гото, что на юге Японии. Некоторое время он работал переводчиком в Нагасаки, в местном отделении министерства юстиции, а затем примкнул к армии сёгуна и дошёл с нею до Хакодатэ. В сражении за крепость Горёкаку сторонники бакуфу потерпели поражение от императорской армии, и Госима Эйкити подвергся преследованиям. Его спас св. Николай, спрятав в алтаре церкви, и некоторое время Эйкити вынужден был жить при русском храме в качестве слуги. «Готокэн» считается в Японии первым рестораном с европейской кухней. Его нынешний владелец, Вакаяма Токудзиро, до сих пор печёт «Никорай-но кэйки» («торт

Николая») — сдобный хлеб, рецепт которого когда-то молодой св. Николай объяснил Гото Эйкити, причём не только строго придерживается рецепта, но специально заказал духовку, разжигаемую дровами, точно такую, какой пользовались в те времена. Вакаяма Токудзиро не является православным верующим, но его дом стоит по соседству с храмом, и много лет его семья поддерживает дружбу с прихожанами. На праздники или когда в храм приезжают гости в «Готокэн» непременно пекут «Никорай-но кэйки». Мне тоже посчастливилось его отведать.

В городской библиотеке Хакодатэ хранится небольшая коллекция документов, связанных с пребыванием в нём русских. К сожалению, все архивы погибли во время Великого пожара 1907 г., а осталась только малая часть, поэтому весьма ценен дар Вассы Като, дочери священника Моисея Сираива, служившего ещё при Архиепископе Николае, передавшей в библиотеку альбомы с фотографиями, хранившимися в её семье. Их комментарии Вассой Като помогли мне уточнить некоторые малоизвестные факты из истории Японской Православной Церкви.

В Хакодатэ, на высоком берегу, у самого моря, расположены рядом два кладбища: на одном покоятся православные японцы, на соседнем — русские, жившие когда-то в городе. Среди них супруга российского консула И. А. Гошкевича Елизавета, псаломщик консульской церкви В. Сартов, моряки с русских кораблей, скончавшиеся от болезней. На православном японском кладбище на могиле Дамиана Игараси, учителя миссионерской школы, стоит надгробный камень, сделанный, согласно надписи на нём, самим св. Николаем.

В полчаса езды от Хакодатэ, в местечке Камиисо, среди полей, находится маленький Вознесенский храм. Сооружённый в 1876 г., первоначально он был деревянным. В том храме бывал Архиепископ Николай. В 1987 г. храм перестроили, сделав его каменным, и 22 ноября того же года состоялось его торжественное освящение. Прихожан насчитывается сто сорок человек. Здесь, как и в Хакодатэ, служит отец Иов Баба.

Первые православные японцы появились в Саппоро, примерно, в 1887 г. и молились в молитвенном доме, а в 1894 г. уже был построен небольшой деревянный храм Преображения Господня, который просуществовал до 1936 г. Почти все иконы в храме написаны Ямасита Рин. Архиепископ Николай посетил Преображенский храм один или два раза, часто в Саппоро приезжал Митрополит Сергей. После 1936 г. храм перенесли из центра города на нынешнее его

место. Последний раз его перестраивали в 1971 г. Верующих насчитывается около пятисот человек. Здесь служит протоиерей Кирилл Арихара.

Помимо Саппоро отец Кирилл служит в Вознесенском храме Отару и Рождественской церкви в Томакомай. Храм в Отару, существующий со времён Мэйдзи, был перестроен в 1975 г. Одноэтажный иконостас — дар Патриарха Московского и всея Руси Пимена. Верующих около семидесяти человек.

В Томакомай православные христиане появились более восьмидесяти лет назад и молились до недавнего времени в молитвенном доме. Рождественский храм построен в 1976 г. на средства прихожанина К. Синанага, а его внук Яков служит сейчас в храме диаконом. Здание храма двухэтажное: внизу — церковь, наверху — помещение для собраний. Сейчас здесь двадцать пять семей верующих.

О православных в Кусиро известно с 1900 г. Службы совершались в специально отведённом помещении в доме у одного из верующих, а в 1932 г. был сооружён храм, перестроенный на том же самом месте в 1992 г. При церкви стараниями отца Алексия Мацудайра устроены курсы русского языка; каждое лето православные Кусиро принимают на отдых детей из России, пострадавших от Чернобыльской катастрофы. Верующих насчитывается восемьдесят пять семей.

Церковь в Накасибэцу, Камимуса кёкай, официальное название «Храм Рождества Пресвятой Богородицы», появилась в период Мэйдзи. Трижды перестраивалась, продолжая оставаться на одном и том же месте. Последний раз её перестраивали в 1978 г. Стены украшены иконами Дванадцатых праздников, написанными Ямасита Рин. Её же письма две иконы в иконостасе: Христа и Пресвятой Богородицы. На левой стене у входа внимание привлекают две большие обгоревшие иконы: оказывается, они чудом уцелели и привезены сюда из храма в Нагасаки, погибшего от взрыва атомной бомбы. Хранительница храма Фёкла Мураками. Верующих насчитывается тридцать пять семей.

В 1869 г. началась православная проповедь в городе Сэндай. Богослужения отправляли в доме кого-либо из христиан в особо отведённом для этого помещении или в специально устроенном молитвенном доме. В ноябре 1892 г. был освящён собор Благовещения Пресвятой Богородицы. Сюда много раз приезжал Архиепископ Николай, служил здесь и проповедовал. В те времена в Сэндае было довольно много верующих, более пятисот человек. Деревянный

трёхэтажный собор в византийском стиле с пятью колоколами на колокольне сделался достопримечательностью города. Во время Второй мировой войны японские власти реквизировали колокола на переплавку. В конце пятидесятых годов собор перестроили, и в апреле 1959 г. он был освящён. Только часть его осталась деревянной, всё остальное сделали из бетона. Однако в 1982 г. потребовался ремонт, по окончании которого, в мае того же года собор освятили. Всё время он стоит на том же самом месте, что и в годы Мэйдзи. 1998 г. ознаменовался полной перестройкой собора (его разрушили и на этом же месте построили новый, более усовершенствованный в техническом отношении). Освящение его произошло в декабре 1998 г. В настоящее время в соборе сто пятьдесят шесть семей прихожан. После переезда отца Иова Баба в Хакодатэ здесь служит священник Исаяя Сакаи.

Недалеко от Сэндай находится город Итиносэки с храмом Вознесения. 26 октября 1871 г. в церкви при Российском консульстве в Хакодатэ приняли крещение несколько самураев. Один из них, Матфей Кагэта (он стал священником в 1878 г.), в декабре того же года пришёл проповедовать в Итиносэки, а через четыре года, то есть в 1875 г., был построен молитвенный дом в честь Преображения Господня. В июне 1881 г. Итиносэки посетил св. Николай. Тогда здесь было двадцать христианских домов. св. Николай записал в дневнике: «Итиносэки — место важное, составляющее центральный пункт для многих других местностей и могущее влиять на них, и поэтому заслуживает особенной заботливости» (2). В 1899 г. число верующих возросло до пятисот человек, старый молитвенный дом перестроили и он просуществовал до 1986 г. В связи с перепланировкой города его разобрали и перевезли на новое место, но строить не стали, а привезли морем из Финляндии деревянный храм, и 13 мая 1990 г. состоялось его освящение. Одноэтажный храм в виде сруба из брёвен светлой древесины (вероятно, карельской берёзы), наполнен солнечными лучами и смолистым лесным ароматом. На крыше возвышаются две колоколенки. Большинство икон в храме написаны Ямасита Рин, и особенно выделяются среди них «Рождество Христово», «Моисей» и «Молитва в Гефсиманском саду». В храме находится покрывало, которым, по свидетельству верующих, был покрыт гроб Архиепископа Николая. Видимо кто-то из прихожан Итиносэки присутствовал на похоронах Владыки и увёз его с собой, тем самым сохранив его от Великого землетрясения Канто. В настоящее время в храме сорок три прихожанина.

На пути между Сэндай и Итиносэки, в окружении широких рисовых полей, лежит деревня Каннари. Её уроженец, врач по имени Сакаи, был одним из трёх первых японцев, принявших крещение в Хакодатэ от самого св. Николая, и когда там в 1868 г. начались гонения на христиан, он вернулся на родину проповедовать православное учение. Очень быстро у Иоанна Сакаи появилось много последователей и они построили деревянный храм, но просуществовал он недолго, потому что в тех краях начались жестокие преследования православных христиан, и в сентябре 1880 г. храм был снесён до основания. Стойкие православные устроили молитвенный дом, но через два месяца его поглотил пожар. Однако проповедь не прерывалась, и в июне 1881 г. здесь побывал св. Николай, а к 1884 г. в Каннари стало уже девяносто два человека верующих. Они собрали 237 иен и в октябре 1905 г. купили старый дом с землёй, перестроили его и оборудовали под собрание для молитв. Это принесло определённые плоды, и в 1913 г. число принявших крещение составляло в Каннари двести семьдесят семь человек. В 1934 г. родственник Иоанна Сакаи — аптекарь Кавамата Мацутаро пожертвовал церкви большой участок земли и на свои средства, выполняя волю Иоанна, построил храм в честь Иоанна Крестителя. Осветили его 17 октября того же года. До сих пор семейство Кавамата заботится о храме. Он стоит на небольшом возвышении, высота его до кончика креста 17 метров, поэтому он хорошо виден из разных концов деревни. Сейчас в храме двадцать девять прихожан. И в Итиносэки, и в Каннари служит отец Марк Коикэ.

К югу от Сэндай находится небольшой город Сиракава. Здесь, уже после кончины Архиепископа Николая, в 1915 г. был построен храм в честь Сретения Пресвятой Богородицы. Строили его по образцу сооружений Асука, колыбели Японской цивилизации, когда брёвна располагали в сторону естественного роста колец, то есть северную часть на север, южную — на юг. В отличие от построек более позднего времени, то есть периода Хэйан (XI–XII вв.), когда строилась столица в Киото, сооружения Асука проигрывали в красоте, зато были более долговечными. Храм в Сиракава ещё ни разу не перестраивали. Внутри он высокий и светлый, иконы для иконостаса написаны Ямасита Рин. В храме сохранилось уникальное напрестольное Евангелие, отпечатанное в типографии в Москве в царствование императора Павла Первого. Его переплёт алого бархата украшен пятью медальонами из разноцветной эмали, изображающими Спасителя и четырёх Евангелистов, а каждое Евангелие пред-

варятся их тончайше исполненными литографическими портретами. Напрестольный крест — серебряный, он также украшен разноцветной эмалью с фигурой распятого Христа. Как попали эти бесценные теперь вещи в церковь небольшого городка, кто их пожертвовал или кем они были приобретены? К сожалению, ответить на эти вопросы невозможно, потому что никаких записей нет. Сохранилось ещё Евангелие XIX в., меньшее по размеру, видимо употреблявшееся намного чаще, чем нарядное напрестольное. Обложка его украшена тонкими чеканными жестяными листами, а текст — прекрасными литографиями, изображающими Евангелистов. В кладовой на чердаке в старинных деревянных ящиках хранятся присланные в начале века из России облачения для священников, расшитые золотыми нитями.

В мае 1881 г. в Сиракава приезжал Архиепископ Николай и совершал богослужение в доме старосты Петра Накано, куда обычно верующие собирались для молитвы. В то время церковь здесь состояла из сорока семи православных, по выражению самого Владыки, «большей частью людей серьёзных, в летах, и кажется в цветущем состоянии по расположению христиан» (3). св. Николай посоветовал им собирать пожертвования на сооружение молитвенного дома, и уже в феврале 1882 г. его известили, что христиане Сиракава приняли его постройку с тем, чтобы к Пасхе он был уже готов.

В своём дневнике Владыка Николай приводит письмо, присланное ему летом 1903 г. катехизатором Моисеем Симотомаэ, в котором тот сообщает об удивительном случае, происшедшем у них в Сиракава. «Есть там очень благочестивый христианин Авраам Хиросава, никогда не пропускающий богослужение, хранящий воскресные дни и праздники, безукоризненный в поведении; сын его — трёхлетний, 22 июля играл на втором этаже, нечаянно сорвался за перила и упал вниз, но платьем зацепился за гвоздь в навесе крыши и повис головою вниз, как будто кукла; на крик его выбежали из дома, поднялись наверх, добрались до него и отцепили, — мальчик оказался без малейшего изъяна; гвоздь оказался едва приметным; а если бы упал мальчик, то о каменные плиты двора, без сомнения, расшибся бы до смерти. Кто же сохранил его, если не Ангел-Хранитель?». И св. Николай заключает: «Действительно, в чудесном охранении нельзя сомневаться. И сколько уже чудесных знамений было в юной и простодушно верующей Японской Церкви!» (4).

В настоящее время в храме Сиракава, который любезно показывал мне его староста, М. Хиросава, внук того неосторожного малы-

ша, около пятидесяти прихожан. Здесь служит отец Исайя Сакаи из Сэндай.

Наряду с вышеупомянутыми храмами в том же районе Тохоку находится Крестовоздвиженская церковь в городе Мориока. Православная проповедь началась здесь в начале 70-х годов прошлого века одним из первых японских христиан, принявших крещение от св. Николая в Хакодате, Иоанном Сакаи. Вскоре ему стал помогать катехизатор Яков Такаи. Верующие молились в специальном помещении в поместье самурая из клана Намбу Сайкайси Кацуми, который впоследствии стал диаконом. В 1876 г. за 170 иен был куплен участок земли, построено здание, в котором устроили церковь и жилой дом. В июне 1881 г. в Мориока, во время своего ежегодного объезда церковью, приезжал Архиепископ Николай. Согласно записи в его дневнике, верующих было сто пятьдесят два человека. Он крестил ещё десять человек, и в Мориока стало сто шестьдесят два христианина. Владыка Николай с удовлетворением записал в дневник: «Все эти христиане усердные; в церковь ходят, исповедуются и причащаются. Есть у них кое-кто, показывающийся в церкви только в такие Праздники, как Пасха и Рождество, но это больше по незнанию ещё, как необходимо соблюдать праздники, и по множеству дел» (5). Сын ставшего диаконом Иоанна (Кацуми) Сайкайси Марк (1868–1939) был учителем семинарии в Николай-до, получив образование в Киевской Духовной Академии. Настоящая церковь, построенная в 1969 г., стоит на невысоком холме в окружении берёз, напоминающих о России. Колокола пожертвованы православными верующими из Америки. В Крестовоздвиженском храме восемьдесят прихожан.

В нескольких часах езды от Мориока, на полпути между Тихоокеанским побережьем и берегами Японского моря, в префектуре Акита, находится деревушка Магата. В начале 70-х гг. XIX в. здесь начали проповедовать православное учение присланные Иоанном Сакаи катехизаторы Стефан Эсасика, Алексей Яманака, Яков Савадэ. Они проповедовали не только в Магата, но и в городке с горячими источниками Ою, в городе Одатэ — бывшей резиденции князя Акита. В июне 1881 г., объезжая церкви Тохоку, по пути из Мориока, эти места посетил св. Николай. В Ою, в маленькой гостинице с горячим источником, которую содержал христианин Тимофей Тиба, он останавливался на ночлег. Вместе с отцом Петром Оикава мы повторили путь, пройденный св. Николаем, в середине октября 1997 г. Нас радушно приняло в той же гостинице семейство Тиба,

уже в шестом поколении хранящее православную веру и продолжающее дело своего прадеда Тимофея.

Деревня Магата, когда её посетил св. Николай, состояла из пятидесяти домов, и проживало там более двадцати православных христиан. Один из них, по имени Хатакэяма Итиносукэ, крестившийся в апреле 1879 г., в 1891 г. присутствовал на освящении Воскресенского собора в Токио. Он был настолько поражён его красотой и величественным видом, что решил непременно построить у себя в деревне его малую копию. Хатакэяма обратился к Владыке Николаю с просьбой прислать к ним Симеона Кандо, плотника, трудившегося на строительстве Николай-до. св. Николай благословил Симеона, и уже к концу мая 1892 г. в Магата стояла деревянная копия Токийского собора — храм Благовещения. Все иконы для него написаны Ямасита Рин. На стене справа от иконостаса, почти под самым куполом (храм небольшой по размерам и невысокий), висит икона Вознесения Христова. Точно такая же икона, написанная Ямасита Рин, но оправленная в чёрный с золотом оклад из японского лака, хранится ныне в Эрмитаже. Как она попала туда и почему Ямасита Рин написала две абсолютно одинаковые иконы?

11 мая 1891 г. в городке Оцу, неподалёку от Киото, было совершено покушение на прибывшего с визитом в Японию цесаревича Николая Александровича, которого в то время очень ждали в Токио. Полицейский Цуда Сандзо нанёс ему саблей удар в голову. Архиепископ Николай очень сожалел о случившемся и писал о чувствах, охвативших всю православную общину, следующее: «Христиане ласкались надеждою в новом храме (только что освящённом Воскресенском кафедральном соборе — Э.С.) встретить дорогого гостя страны, Русского Наследника Цесаревича. Приготовлены были, в изящных киотах, св. иконы для поднесения Его Императорскому Высочеству и сопутствовавшему ему Греческому Королевскому Принцу. Но надежде этой не суждено было сбыться. Удручающее печальное событие, с уверенностью можно сказать, поразило японских христиан не менее, чем русских; к тяжёлой печали о злодейском умысле у них, естественно, присоединился стыд за свою страну, в которой так недостойно оскорблён Высокий Путешественник. С заготовленными иконами и адресами представители христиан отправились в Кобэ, где на фрегате “Память Азова” Государь Цесаревич и Греческий Принц удостоили их благосклонного приёма и от них принятия икон» (6). Сам св. Николай по просьбе императора Японии стал посредником между японским императорским домом и император-

ским домом России в улаживании конфликта, чуть не приведшего к войне между обеими странами, и отправился к Цесаревичу с иконой Воскресения Христова письма Ямасита Рин. Так икона оказалась в России, а для Благовещенского храма в деревне Магата Ямасита Рин пришлось написать ещё одну.

Рядом с храмом растёт высокая раскидистая хурма. По всему его стволу проходит глубокая закольцевавшаяся трещина, как будто шрам от старой тяжёлой раны. Оказывается, в 1927 г. в Магата случился очень сильный пожар, о котором писали газеты. Вокруг храма сгорело дотла несколько домов, и уже огонь вплотную подбирался к нему, но, к счастью, дерево заслонило храм своими ветвями. Однако часть ствола, обращённая к пожару, выгорела.

В Благовещенском храме Магата произошла наша встреча с семьёй Кимура Кэнсай. Она не является христианской, но её глава, Кимура Сёхэй, специально приехал в церковь из соседнего города Одатэ, чтобы показать гостю из России семейную реликвию, хранящуюся у них в доме с середины прошлого века. Кимура Кэнсай, дед Кимура Сёхэй, родился в Акита, стал врачом, уехал на Хоккайдо и там, в Хакодатэ, открыл лечебницу. Как известно, в конце пятидесятых годов XIX в. в Хакодатэ уже существовало Русское консульство, являвшееся к тому же ещё и культурным центром, благодаря которому многие японцы постепенно знакомились с жизнью страны-соседа. Особую известность получили консульские врачи, которые не только бесплатно лечили горожан, но и консультировали местных врачей, интересовавшихся западной медициной. Не исключено, что одним из этих врачей был и Кимура Кэнсай. Когда летом 1861 года в Хакодатэ приехал молодой иеромонах Николай и вскоре приступил к изучению японского языка, его первым учителем стал Кимура Кэнсай. (У св. Николая навсегда сохранился выговор, свойственный уроженцам Акита). Учитель и ученик подружились, и на память св. Николай подарил своему учителю два русских стеклянных гранёных стакана. По сей день они любовно сохраняются в коробке из дерева сакуры, на которой чёрной тушью выведены иероглифы: «1864 год, апрель, Хакодатэ, Русское консульство. Архимандрит Николай. Получил Кимура Кэнсай». В коробку вложена записка — свиток, уже пожелтевшая от времени. Вот её текст, поясняющий эти иероглифы: «Это запись моего отца Кимура Кэнсай. Мой отец умер, когда я был маленьким, и никаких записей его не осталось. Только вот эта, сделанная на крышке деревянного ящика. В 1883 году, семидесяти лет, умер мой отец. Эта коробка, вернее, запись на ней,

сделана в 1864 году, когда отцу исполнился 51 год. В конце правления сёгунов Токугава отец в сопровождении служивого человека из клана Сатакэ уехал на Хоккайдо и в Хакодате открыл лечебницу. В Хакодате он проработал несколько лет врачом и в то же время имел учеников, которым преподавал учение Конфуция. Среди них был необычный ученик, русский, по имени Николай. Николай приходил изучать кансэки (классические тексты на китайском языке — Э. С.) в сопровождении переводчика по имени Яманака Юхаку. Как вспоминает моя мать, Николай был ещё молодым человеком и много спорил с моим отцом во время занятий. Отец очень хвалил и уважал Николая, так как среди русских в консульстве он был высшим духовным лицом. Во время обедов в нашей семье Николай с интересом спрашивал у Яманака названия блюд. Маме это было неприятно.

С тех пор прошло 87 лет. Я не знаю, что сейчас стало с церковью, которую построил Николай. Но в нашей семье остались европейские чаши и они напоминают мне об отце.

Писано в 1950 году, 6 июня. г. Одатэ.

Сын Кимура Кэнсай — Кимура Тайдзи» (7).

(Кимура Тайдзи был председателем Японского банка на Тайване, а его сын Сёхэй и внуки, как и их дед, стали врачами).

В Мориока и в церкви Магата служит отец Пётр Оикава.

Православные верующие появились в Сукава, небольшой деревне, расположенной среди гор префектуры Гумма, в 1885 г., после того, как туда приехала Хонда Маса, тремя годами раньше принявшая крещение в Маэбаси. В 1889 г. верующие деревни построили свой первый храм, а через три года, в 1892 г., Архиепископ Николай посетил храм и проповедовал в нём. Как указано в церковной хронике, в то время в Сукава было пятьдесят семей православных христиан. В 1894 г. случился пожар, и храм сгорел, и долгое время для богослужений верующие снимали разные префектуральные здания. Только в 1987 г. была построена нынешняя небольшая церковь в память Святого Пантелеимона Целителя. В иконостасе можно увидеть десять икон, написанных Ямасита Рин. До осени 1996 г. на стенах храма не было никакой росписи, но в сентябре по приглашению верующих в Сукава из Москвы приехал иконописец Александр Соколов и в течение месяца расписал все белоснежные стены этой маленькой церкви. Теперь здесь можно увидеть не только православных, молящихся в собственном храме, но и обычных посетителей, пришедших полюбоваться непривычными простому японцу росписями. В Сукава служит протоиерей Иоанн Такахаси. Верующих около двадцати пяти человек.

Первыми православными в районе Идзу (префектура Сидзуока) были самураи из клана Нумадзу Одзаки Хироси (1852–1916) и Ямадзаки Кэндзабуро (год рождения не известен — умер в 1926 г.). Одзаки Хироси с 1872 г. учился в школе иностранных языков при министерстве иностранных дел в столице. Как раз в это время из Хакодате в Токио переезжает св. Николай и происходит их встреча. Точная дата крещения Одзаки не известна, но произошло это до 1875 г. Он получил христианское имя Анатолий. По его рекомендации 9 октября 1875 г. был крещён Ямадзаки Кэндзабуро, его нарекли Саввой. Оба до конца своих дней служили катехизаторами. (Интересная подробность связана с отцом Ямадзаки: когда в 1854 г. в заливе Суруга потерпел крушение русский фрегат «Диана», и моряки во главе с адмиралом Путятиным жили на земле клана Нумадзу, он сделал наброски их портретов. Сейчас их можно увидеть в библиотеке Суруга города Нумадзу). Таким образом, православие зародилось в Идзу в 1875 г., а уже в 1876 г., 8 июля, св. Николай окрестил четырнадцать местных мужчин и женщин. В 1878 г. верующих насчитывалось сорок пять человек. Православная проповедь началась в городе Сидзуока в 1877 г., а в 1883 г. был построен молитвенный дом. Нынешний Покровский храм существует с 1959 г., прихожан, примерно, семьдесят семей. Нарядные царские врата храма вырезаны из дерева русскими пленными.

Примерно в двух часах езды на машине от города Сидзуока находятся горячие источники Сюдзэндзи. Преображенский храм в Сюдзэндзи был построен в 1912 г. и является памятником культуры префектуры Сидзуока. Почему префектуральные власти считают его таковым? Как указано в церковной брошюре, для этого есть три причины: «храм красивой формы (в византийском стиле); очень известен в техническом и художественном отношении; внёс большой вклад в историю религиозного развития Идзу» (8).

Более ста лет тому назад в Китае, в Порт-Артуре, был построен православный храм для русских моряков. Русско-японская война 1904–1905 гг. окончилась поражением России, и много русских пленных попало в Японию. Когда они оставляли Порт-Артур, то разобрали и увезли с собой иконостас и паникадило. Возвращаясь на родину после войны, они всё это подарили своим японским братьям по вере. В 1911 г. Архиепископ Николай тяжело заболел, и православные Сюдзэндзи решили как можно скорее построить храм, чтобы молиться о его выздоровлении. Семьдесят человек трудились день и ночь, и храм, на строительство которого обычно уходило три года,

был сооружён за три с половиной месяца. Туда и поставили привезённый из Порт-Артура иконостас. К сожалению, верующие не успели молиться о здравии Святителя Николая в своём новом храме: его осветили 2 июня 1912 г., а несколькими месяцами раньше, 16 февраля того же года, Архиепископ скончался.

На стене слева от иконостаса внимание привлекает большая икона Казанской Божьей Матери необычного письма: лик Богоматери яркий; оклад, обсыпанный драгоценными камнями, не настоящий, а тщательно выписан рукой иконописца. На обратной стороне надпись, сделанная по-русски синими чернилами. В ней говорится, что эта икона — безвозмездный дар русских старцев-иноков из монастыря с Афонской горы для Николая Японского. Икона написана и 4 августа 1911 г. освящена на Афоне, в неё вложена святая частица. Оканчивается надпись просьбой молиться в память Афонской братии, что теперь отец Роман Окава и делает во время богослужения. В Преображенском храме Сюдзэндзи сейчас примерно тридцать семей верующих.

В нескольких минутах ходьбы от храма стоит на горячем источнике гостиница — рёкан «Кикуя», где не раз останавливался Архиепископ Николай во время своих ежегодных объездов церквей. Этой гостиницей управляет уже несколько поколений христианского семейства Нода. Они бережно хранят большой фотопортрет Владыки, а также икону Казанской Богоматери — подарок преемника Святителя Николая Епископа Сергия, приехавшего освящать Преображенскую церковь, о чём свидетельствует надпись на иконе: «Возлюбленному о Господе Эрасту Нода се в благодарение и на память об освящении храма. 2 июня 1912 года. Епископ Сергий».

Неподалёку от Сюдзэндзи, в местечке Касивакубо, находится маленькая деревянная церковь в честь Рождества Христова, построенная в 1886 г. Иконы в её небольшом иконостасе написаны Ямасита Рин. Во время богослужения отец Роман надевает облачение, сшитое ещё в дореволюционной России, о чём свидетельствует фабричный знак, всё ещё видный на обратной стороне у ворота. В Касивакубо около пятнадцати православных семей.

Своим развитием и известностью Маэбаси обязан шелководству и торговле шёлком. В прошлом веке здесь было множество тутовых садов, а воду им давали проведённые каналы. Первая фабрика по изготовлению шёлковой нити была построена в 1870 г. самураем Фукасава Юдзо, и до самой Второй мировой войны Маэбаси оставался центром шёлкового производства.

17 апреля 1879 г. Фукасава Юдзо был крещён приехавшим в Маэбаси св. Николаем. Сохранилось его письмо к другу Хосино Тётаро, тоже владельцу шёлковой фабрики, в котором он делился с ним своей радостью обращения в христианство и сообщал, что 18 апреля к тому в дом направляется св. Николай с целью крестить его. Но, как потом оказалось, родители Тётаро запретили сыну креститься, и крещение не состоялось. (Интересно, что дочь его младшего брата Хосино Рёитиро — Харуко стала женой Э. Рейшауэра, известного американского историка и дипломата, посла США в Японии.)

На память о крещении Фукасава Юдзо получил в подарок от св. Николая икону Иверской Божьей Матери, которая до последнего времени бережно хранилась в его семье, а в 1995 г. его правнук передал её в церковь Маэбаси.

Храм в Маэбаси, построенный в 80-х гг. прошлого века, несколько раз горел, последний раз во время Второй мировой войны, но в начале 70-х гг. был восстановлен, и теперешний его иконостас прислан из Троице-Сергиевой Лавры в 1972 г. В том же году, 19 января, Митрополит Феодосий освятил храм в честь Святого Равноапостольного Николая Архиепископа Японского. Сам св. Николай впервые посетил Маэбаси 16 апреля 1879 г., а на следующий день крестил Фукасава Юдзо и друзей его, всего двадцать четыре человека. Второй раз св. Николай приезжал в Маэбаси в мае 1881 г. и третий раз в октябре 1884 г. Верующих здесь около двадцати семей.

В отличие от храма в Маэбаси у Рождественского храма в Такасаки счастливая судьба: ни землетрясения, ни пожары, ни войны не причинили ему никакого вреда. И хотя во время Второй мировой войны в Такасаки был расквартирован военный гарнизон и поэтому город подвергался воздушным бомбардировкам, храм чудом уцелел, его только перенесли на другое место. Иконы написаны Ямасита Рин. Бережно сохраняются четыре метрики, где рядом с именем принявшего крещение часто стоит имя его крестного отца — Святителя Николая. Православие в Такасаки началось в 1878 г., когда в феврале сюда пришёл катехизатор Андрей Яцуки. В мае 1881 г. приезжал св. Николай. Храм возвели весной 1883 г., и 29 апреля в нём состоялось первое богослужение, пришедшееся как раз на Пасху. Служил первый японский иерей — отец Павел Савабэ. Сейчас верующих в Такасаки примерно пятнадцать семей.

В храме хранится икона Иисуса Христа, которая, как свидетельствует надпись на её обратной стороне, пожертвована русскими пленными, жившими в Такасаки в 1904–1905 гг. Всего их было де-

сять человек, но троем молодым воинам не суждено было вернуться на родину, и они остались лежать в японской земле. Их могилы находятся на кладбище буддийского храма Рюкодзи, а рядом с ними покоятся японские воины, погибшие в инцидентах с СССР на озере Хасан и на реке Халхин-Гол. На старинных светлого камня плитах высечено: Самсон Мельниченко, рядовой Квантунской крепостной артиллерии, умер 7 мая 1905 года, 29 лет; Степан Шеленок, стрелок, умер 18 мая 1905 года, 22 года; Николай Ткачук, младший унтер-офицер стрелкового артиллерийского дивизиона, умер 11 октября 1905 года, 26 лет. Во время Второй мировой войны из-за опасения, что над могилами русских солдат как людей вражеского государства могут надругаться, их скрыли, засыпав землёй. Только в 1976 г. расчистили землю, привели могилы в порядок и установили чёрный мраморный камень, на котором высечены иероглифы: «Могилы бывших русских воинов». Всё это было сделано стараниями городского отделения Ассоциации японо-советской дружбы. Сейчас могилы являются историческими памятниками города Такасаки.

В префектуре Тотиги, в 70-ти километрах к северу от Токио, расположен город Асикага или, как его часто называют, Восточный Киото. С тех пор, как в VIII в. здесь была открыта Школа Асикага — Асикага Гакко, старейшее учебное заведение Японии, знаменитый центр конфуцианской учености при сёгунах Асикага, город играл важную роль в духовной культуре востока страны. В XVI в. около трёх тысяч учеников со всех концов Японии посещали школу, считавшуюся в те времена самым большим и передовым университетом восточной её части, в котором велась и активная издательская деятельность. Школьный архитектурный комплекс сохраняется по сей день. Здесь находится самый древний в Японии конфуцианский храм, а также библиотека, знаменитая «Сокровищница китайских книг», насчитывающая 12 000 томов, среди которых почитаемые священными древние китайские издания пяти классиков конфуцианства, а также произведения древних классиков Кореи и Японии.

История православия в Асикага восходит к началу периода Мэйдзи, когда по приглашению тогдашнего городского головы Аиба Мокудзаэмона сюда прибыл один из учеников Архиепископа Николая Фёдор Мидзуно. Он начал проповедовать в октябре 1878 г. В это же самое время врач Хирацука Сётэй принял крещение у первого японского священника Павла Савабэ и получил христианское имя Лука. В деревне Окубо, у себя в поместье, он построил молитвенный дом и стал приглашать из Асикага катехизатора для проповеди. Уже

к началу февраля 1879 г. в соседнем городке Сано приняли крещение девять человек; среди них был Моисей Сэкигути, пожертвовавший землю на строительство молитвенного дома, который своими силами и средствами возвели эти христиане, собравшие триста иен. Люди трудились днём и ночью, и строительство завершилось очень быстро, всего за месяц с небольшим (с 16-го октября по 26-е ноября 1878 г.). Павел Савабэ сразу же освятил церковь, и проповедь стала проводиться здесь каждый день.

В мае 1881 г. церковь в Асикага посетил св. Николай. Читаем его запись в дневнике от 14(26) мая 1881 г.: «В 5-м часу отправились в Асикага. Местность весьма живописная. По левую сторону кряж гор, выходящий навстречу путнику, по правую — горы в дали. Поля возделаны, — пшеницы и ячменя больше всего, как везде до сих пор. В деревнях везде — против каждого дома почти — мидзугурума (водяная мельница, — Э.С.) для сучения бумажных ниток, приводимая в движение водой, проходящей вдоль селения канавы. Христиане встретили огромнейшей толпой — с детьми и женщинами перед городом, вышедши из ущелья» (9). О молитвенном доме св. Николай пишет, что «вышел очень приличный, чистенький и хорошо украшенный» (10), а о христианах — «все хорошо настроены и воодушевлены» (11). Из дневниковой записи видно, что в Асикага получили крещение девяносто пять человек, местных христиан шестьдесят и христианских домов двадцать один, а всего домов в городе более четырёх тысяч. К Вознесенской церкви в Асикага, как уже сказано выше, относились молитвенные дома в городке Сано, а также в деревнях Окубо, Уэно и Маруяма. Интересно упоминание св. Николая об одном из первых в этих краях православном христианине Луке Хирацука. «Проезжая в Сано, заехали в Окубо (деревня 130 дом.) к врачу старику Луке. Он ждал стоя — далеко за деревню. Перед деревню замечательная дорога, прорезанная в горе, наполовину — скале. Зашли к Луке; он и жена — Анна — не знали чем угостить. Лука — видно — истинно благочестивый; вчера о. П. Савабэ рассказывал, как он нередко даёт ему деньги — раздавать бедным, скрывая его имя, как жалеет дзирикися (человек, запряжённый в повозку, рикша, — Э.С.), ходя больше пешком, как с молитвой делает каждое лекарство» (12).

В середине 80-х годов прошлого века в окрестностях Асикага вспыхнула эпидемия оспы, и деревенские молитвенные дома из-за сокращения числа христиан закрылись, однако храм Вознесения в самом городе продолжал действовать. В 1983 г. он был перестроен

и в июле того же года освящён. Сохранился иконостас с иконами письма Ямасита Рин, которые когда-то подарил храму сам Архиепископ Николай. Нынешний храм по площади немного шире прежнего, примерно 70 кв. м., высота до верхушки креста 14 метров, поэтому он хорошо виден среди утопающего в зелени Асикага, где почти нет многоэтажных домов. Верующие бережно сохраняют две иконы прошлого века, видимо, привезённые из России. Одна из них — Серафима Саровского, которую, согласно надписи на обратной стороне доски, в 43-ем году Мэйдзи (1910 г.) христианин Николай Нагасима Уракити пожертвовал в церковь Маруяма, относившуюся к Асикага. Вторая икона — Николая Чудотворца из Николостолпненской пустыни, приобретена или получена в подарок Владыкой Николаем, когда он посещал Россию. На обратной стороне доски стоит дата, 13 января 1880 г., и помечено, что это копия с иконы, принадлежавшей некоему Ефрему Никифоровичу Сивохину. В настоящее время православных христиан в Асикага примерно пятнадцать — семнадцать семей. Здесь служит отец Давид Мидзугути.

В ведении отца Давида находится также церковь Тэга в префектуре Тиба. Об истории церкви мне рассказал её староста Николай Ивадатэ, до ухода на пенсию возглавлявший местный комитет по образованию. 22 марта 1879 г. в деревне Тэга, земля которой принадлежала семейству Ивадатэ, у отца Павла Савабэ приняли крещение девятеро мужчин и три женщины, тем самым положив начало церкви. Среди крестившихся были Юаса Тёдзаэмон из семьи даймё, Ивадатэ Рокудзаэмон и Ивадатэ Годзо — влиятельные землевладельцы. Для богослужений и собраний семейство Ивадатэ отвело помещение в своём большом доме, а через три года, в сентябре 1882 г., на собрании верующих было решено построить храм и собрано 101 иена 50 сенов. 7 января 1883 г. утвердили церковный устав из девяти пунктов и назвали храм в честь Апостола Иоанна. В мае его строительство закончили и совершили освящение. Этот храм существует по сей день, но не действует, а сохраняется как памятник культуры префектуры Тиба. Он представляет собой обычный большой деревенский дом с тростниковой крышей. Стены его, как во всех японских старинных домах, легко раздвигаются, а внутри одна длинная комната с полом, крытым татами. Эта комната разделена на три разных по величине помещения перегородками из плотной бумаги. В одном из них небольшой алтарь с миниатюрным иконостасом, в нём одна икона. Перед алтарём помещение для молитвы, затем помещение побольше, видимо, для собраний и совместной

трапезы верующих, во время которых помещение для молитвы и алтарь обязательно отделялись раздвижными бумажными стенами. Ямасита Рин, вернувшись из Петербурга, по поручению Архиепископа Николая написала для храма иконы, которые перенесли и во вновь построенную церковь. Это «Тайная вечеря», «Спаситель», а также икона Богородицы с двумя младенцами — Христом и его младшим братом Иоанном. В истории храма Апостола Иоанна особо подчёркивается, что богослужения в нём не прекращались даже во время русско-японской войны 1904–1905 гг. До 1930 г. здесь были и священник, и катехизатор, но впоследствии сюда стали приглашать священника из Николай-до только для отправления треб. Во время Второй мировой войны священники не приезжали. В 1974 г. верующие построили новый храм и дом для собраний, привели в порядок старый храм, и 27 октября того же года состоялось их освящение приехавшим из Токио Архиепископом Токийским, Митрополитом всея Японии Феодосием. К тому времени в церкви Тэга оставалось всего семеро верующих из восьми семей, православных в третьем-четвёртом поколении, но в день освящения все члены этих восьми семей, тридцать один человек, приняли крещение. В настоящее время верующих примерно десять семей. Раз в месяц в Тэга приезжает служить Литургию священник из Николай-до. После Литургии все переходят в дом собраний для совместной трапезы. Такой порядок — богослужение, а потом совместная трапеза, установлен ещё Архиепископом Николаем, и он свято соблюдается во всех без исключения храмах.

В Тэга собрано довольно много, по сравнению с другими деревенскими храмами, старинных печатных материалов. Особый интерес представляет ветхая от времени бумажная коробочка с коллекцией карт, на одной стороне которых сцены из Священного Писания, а на другой — соответствующий им текст. На коробочке надпись: «Дар Епископа Николая. 16 ноября 20-го года Мэйдзи.» (1887 г.) Известно, что Владыка Николай один раз в год объезжал храмы, совершал в них богослужения, проповедовал, общался с верующими. Вероятно, во время посещения храма в Тэга он сделал прихожанам этот подарок, учитывая уходящую вглубь веков любовь японцев к традиционной игре в карты с написанными на них отрывками стихов.

В префектуре Тиба, к востоку от Токио, расположен небольшой город Йоккайтиба, а вблизи него, в деревне Кабусато, находится Благовещенский храм или церковь в Сука. Храм, представляющий

собой небольшой деревенский дом с крестом над входом, белеет среди зелени на самом краю рисового поля, принадлежащего семейству Удзава. В нём маленький простой иконостас с иконами, писанными Ямасита Рин. Пол выстлан татами. О храме заботится староста Михаил Удзава, рассказавший мне его историю. Несколько поколений семейства Удзава владеет землёй в этих краях. В 1886 г. их дед, Удзава Сю, принял крещение и был наречён христианским именем Филипп. Он окончил катехизаторскую школу, основанную Архиепископом Николаем и, вернувшись в Сука, в 1890 г. устроил в своём доме помещение для молитв, а в 1899 г. на средства семьи была построена небольшая церковь, существующая и поныне. Филипп Удзава продолжал заниматься земледельческим трудом и в тоже время, почти пятьдесят лет, бесплатно, объяснял приходившим к нему ученикам православное учение. Он скончался в 1937 г., в восьмидесятичетырёхлетнем возрасте, и теперь уже правнук его, Михаил, вместе со своей семьёй продолжает заботиться о церкви.

Сохранилось интересное свидетельство о церкви в Сука Епископа Сергея Тихомирова, посетившего её в декабре 1908 г., в год своего приезда в Японию в качестве миссионера — помощника Архиепископа Николая: «Среди японских христиан. (Поездка в церковь Сука)». Тогда состоялось годовичное собрание деятелей церкви, на котором присутствовали священник, катехизаторы, староста церкви, приходские депутаты и общество православных молодых людей, — всех собралось около пятидесяти человек. Епископ Сергей приехал из Токио на станцию Йоккайтиба. «При выходе из вагона меня приветствовал от лица всей церкви в Сука один из местных тружеников-катехизаторов. Предъявив при выходе со станции контрольному кондуктору свои билеты, здесь же, за контрольной решёткой, были окружены пришедшими встретить своего гостя старостами и почётными христианами церкви. Были здесь и молодые, были здесь и старики! Я благословил их, и окружаемый новыми, Богом данными мне чадами, пешком отправился к церкви.... Не прошли мы ещё и версты. Впереди, по обе стороны дороги, выстроились дети, человек двадцать. Один из мальчиков держит высокий бамбуковый шест, на котором развевается флаг: по белому полю флага — иероглифы; говорят они, что эти дети — христиане, и встречают они своего “сикё”, епископа. Во главе группы учитель этих мальчиков. “Сикё какка банзай”, — раздаётся “команда”. “Какка” — это почётный титул, вроде нашего “превосходительства”. Дружно разливается среди рисовых полей, на глазах язычников, радостное детское “банзай”!

Задорно подняты кверху, по здешнему обычаю, руки! Вечно памятная встреча!» (13).

Сто лет существует церковь в Сука. Время и древесные жуки оставили многочисленные следы на её деревянном иконостасе и стенах, и на собрании верующих (их около пятидесяти домов) летом 1997 года было решено строить новый. Несмотря на экономический спад в Японии собрали 27 миллионов иен (примерно, 220 тысяч долларов), проявив, по словам старосты Михаила Удзава, «добрую волю и любовь к своей церкви». Семья Удзава под строительство храма и дома для собраний выделила 360 кв. м. собственной земли. Вокруг всего церковного двора высажены молодые деревца и вечно-зелёный кустарник. Это не входило в смету строительства, но многие православные в Сука занимаются профессиональным садоводством, поэтому они посадили сад в дар своей церкви. 30 мая 1999 г. состоялось её торжественное освящение, на котором присутствовало 180 местных христиан и верующих из соседних церквей. Отец Савва Онами, в ведении которого находится приход в Сука, и приехавший из Йокогама вместе со своими прихожанами отец Иосиф Окубо установили деревянный Престол, освятили его и служили Литургию в сопровождение хора певчих из токийского храма Яматэ. Храм возведён по проекту молодой женщины-архитектора Судо Дзюнко. Сюда из старого храма перенесены иконы, писанные Ямасита Рин. Храм Благовещения Пресвятой Богородицы в Сука является важным памятником культуры префектуры Тиба.

Православные появились в Осака в 70-х гг. прошлого столетия. Сюда в 1878 г. приехал из Хакодатэ помощник Святителя Николая иеромонах Анатолий (Тихай). Поначалу возглавляемая им церковь занимала здания, в которых когда-то помещался лучший ресторан в Осака с видом на реку Ёдогава и три её моста, поэтому ресторан и назывался «Санкёро» — «У трёх мостов». Кроме церкви там же располагались архиерейские комнаты, квартиры диакона, катехизатора и других служащих церкви. В августе 1908 г., объезжая приходы Западной Японии, осакскую церковь посетил Архиепископ Николай вместе со своим помощником, недавно прибывшим из Петербурга, Епископом Сергием (Тихомировым). Обратимся к дневнику Преосвященного Сергия «Месяц по Японии. Путевые заметки и впечатления». Запись 8 августа: «Удивительное уменье у Владыки Архиепископа выбирать для миссийских зданий красивые и удобные места! Прекрасен наш Суругадай в Токио, царящий как бы над городом. Красиво наше место в Мацуяме. В лучшей части города — восточ-

ной (а Осака делится на 4 части: восточная, западая северная и южная) находится наше место и здесь!» (14). Церковные здания располагались по соседству с осакским замком, построенным в 1583 г. военным правителем Японии Тоётоми Хидэёси. Сама церковь — во имя Покрова Божией Матери, занимала большую комнату старого японского дома. В дневнике Епископа Сергия упоминается, что алтарь был довольно тесный, а иконостас до потолка церкви, низкого и закоптелого. Так называемые «архиерейские комнаты» представляли собой следующее: «В одной комнате кабинетный столик, койка (устроенная, вероятно, человеком очень низкого роста) и в стене шкафик для одежды. Два окна. Потолок легко достаётся рукой. — Но в комнате есть чугунка, комната оштукатурена, одна стенка её снаружи обложена даже кирпичом. Можно думать, что зимой здесь не столь холодно. Но размеры её не велики: 6 шагов в длину и 6 шагов в ширину. — Другая комната, которую можно назвать гостиной, или залом, или столовой — на всякую потребу (смотря по времени, или по гостям) несколько больше: 6 шагов в длину и, считая нишу с библиотечными полками, 8 шагов в ширину, с низким опять потолком. Но здесь чугунки нет. Вместо окна — стеклянная стенка из раздвижных рам. Едва ли здесь зимой может держаться тепло! К комнате примыкает небольшая галерейка. — Вот и вся архиерейская квартира! — Невелика она! Но утешиться можно тем, что у Владыки Архиепископа в Токио квартира едва ли больше!» (15).

За несколько десятков лет существования осакской церкви её здания сильно обветшали и требовали не ремонта, а замены их новыми. Щедрый дар, 5 000 рублей, на строительство церкви поступил от супруги Николая Второго императрицы Александры Фёдоровны. Кроме того 8 000 рублей пожертвований было собрано архимандритом Андроником (в миру Владимир Никольский, 1870–1919 гг.), много лет трудившимся в церкви Осака и из-за болезни вернувшимся в Россию незадолго до приезда в Японию Епископа Сергия. В промышленном Осака, с населением в 1 200 000 жителей, проживало 300 православных христиан.

Епископ Сергий записывал: «Скоро начнём строить церковь для Осака. В ней будут молиться осакские христиане. В ней будут поминаться погребённые в Японии русские воины. Хотелось бы иметь при церкви всё, что может влечь к ней народ; и прежде всего школу. Сама молодая Царица прислала нам жертву нескудную. Есть жертвы из России, собранные через преосвященного Андроника. Но как

нужны для дела средства ещё, ещё и ещё! Если кто-либо прочтёт эти строчки, и сердце его «расширится», — пусть не колеблется такой! Святое дело будет делаться в Осака; рано ли, или поздно — но это дело широко разовьётся!» (16).

В июле 1910 г. был построен и освящён новый храм. Первоначально это было деревянное здание в византийском стиле с резным дубовым иконостасом, иконы для которого написал московский иконописец В. Гурьянов. Иконостас с иконами выполнили по специальному заказу для церкви русских военнопленных, расквартированных в городе Мацуяма на острове Сикоку. После Великого землетрясения Канто, в 1923 г., эту церковь перевезли в Токио и установили во дворе Воскресенского собора, жестоко пострадавшего от этого стихийного бедствия. В Санкт-Петербурге, в Российской Национальной библиотеке хранится альбом «Храм Покрова Пресвятой Богородицы в г. Осака» (Токио, 1911 г.) В предисловии говорится, что храм был воздвигнут «для молитвы о спасении погребённых близ Осака русских воинов, но также для явления славы Божией среди языческого народа». Приводится план церкви, её фотографии изнутри и снаружи, с панорамой церковного здания из-за реки Ёдогава. Снято кладбище в пригороде Хамадэра (в настоящее время Идзумиоцу — Э.С.), где покоятся порт-артурцы. На альбоме дарственная надпись: «Достолубезнейшей Марии Григорьевне Назаровой с благословением и всеми лучшими пожеланиями архиепископа Николая. 19 января 1911 г. Токио, Суругадай».

Во время Второй мировой войны, в июле 1945 г., осакский храм сгорел дотла. Верующие долго ждали восстановления храма. Им пришлось продать церковную землю, высоко ценившуюся из-за прекрасного месторасположения в центре города рядом с осакским замком. На вырученные таким образом деньги приобрели участок в Суита, и в апреле 1962 г. на нём был возведён храм и сооружён дом для собраний. Из Токио вернули иконостас. Его Царские врата с обычными изображениями Благовещения и четырёх Евангелистов. Над Царскими вратами изображение Тайной вечери. В правой половине первого яруса — Господь Вседержитель, Архистратиг Михаил, Воскресение Христово, Вознесение Господне. В левой половине того же яруса — Богоматерь, Архистратиг Гавриил, Крещение Господне, Рождество Христово. Во втором ярусе — посредине Троица, направо Сретение Господне, Успение Богоматери и на одной доске лики Святого Иоанна, патриарха Цареградского и преподобной Ксении; налево — Введение во храм, Рождество Богородицы и на одной

доске — лики Святителя Николая и преподобного Сергия Радонежского. Иконостас без позолоты, его увенчивает крест. На стене слева от иконостаса висит большая икона Богородицы, на обратной стороне которой написано: «подобие чудотворной Казанской со многой благодатной внутри её вложенной и заделанной святыней, писана и освящена на Афоне и посылается в безвозмездный дар от некоторых беднейших Русских Святогорских иноков (упоминаются более тридцати их имён — Э. С.) глубоко чтимому нами Высокопреосвященному Николаю, Архиепископу Японскому, для японских православных во благословение от Святой Горы Афонской — Земного Удела Царицы Небесной.» Здесь же дата: 1911 года, июля 24 дня. Отец протоиерей Иустин Ямагути теперь во время богослужений обязательно поминает русских иноков. Такая же икона в память Афонских Старцев находится и в храме в Сюдзэндзи, однако на ней имена дарителей не указаны.

Нынешний храм строился по проекту Доити Мии, в деталях он несколько отличается от прежнего, но византийский стиль здания сохранён. Сейчас — это двухэтажное здание из железобетона общей площадью в 340 кв. м. Высота до вершины купола около 20 метров, до вершины колокольни около 23 метров. Отсюда далеко к югу видны районы Осака. Храм обращён алтарём на восток, его внутренняя часть имеет форму креста. На колокольне шесть больших и малых колоколов. В 1910 г. они были переданы в дар прежнему храму от И. А. Колесникова из Москвы, но во время войны два из них верующие вынуждены были передать на нужды государства. Когда строили новый храм, эти два малых колокола были отлиты заново, и теперь вместе с другими четырьмя колоколами, сохранившимися после войны, они созывают верующих к богослужению. На одном из больших колоколов с западной стороны отлито изображение Спасителя, с восточной стороны — изображение Святителя Николая, с южной — Божией Матери и с северной — Преподобного Сергия. Также на нём написано по-славянски: «Благовестите день от дне Спасение нашего Бога», а также, что этот колокол отлит на заводе братьев Сангиных. В войну, во время пожара этот колокол треснул и сейчас издает немного дребезжащий звук. На втором колоколе также можно видеть отлитые изображения Спасителя, Божией Матери и Святителя Николая, надпись по-славянски: «Слава в вышних Богу, и на земли мир». Храм Покрова Богородицы в Осака славится своим прекрасным хором, которым вот уже шестьдесят лет бесценно руководит Като-сэнсэй (Като Наосиро). Благодаря заботам протоие-

рея Иустина Ямагути, сменившего в 1992 г. на посту настоятеля отца Алексия Мацудайра, в храме устроен архив ценнейших документов, отражающих развитие и деятельность Японской Православной Церкви с первых дней её основания. Здесь собраны все печатные материалы, издававшиеся Миссией. Особую ценность представляет семейный архив отца Иустина, дед которого, священник Борис Ямамура, служил при Архиепископе Николае. Главное богатство этого архива — более пятидесяти писем, собственноручно написанных Владыкой Николаем священнику Иоанну Оно в годы русско-японской войны. Они свидетельствуют о том, с какой теплотой Архиепископ Николай относился к пленным соотечественникам, поручая их заботам своих японских помощников. Эти письма бережно хранит матушка отца Иустина — внучка Иоанна Оно, ставшего в начале 40-х гг. епископом, чтобы возглавить Японскую Православную Церковь. В настоящее время в церкви Осака семьсот тридцать восемь прихожан.

«Японская Москва», — так называл Архиепископ Николай Киото, древнюю столицу Японии. Началом православия здесь считается 1878 г., когда принял крещение Накакодзи Дэндзо, житель деревни Тайдзамура, расположенной неподалёку от бывшего столичного города. В 1894 г., учитывая историческую и культурную важность Киото, Собор Японской Православной Церкви направил туда на служение одного из своих лучших священников, отца Симеона Мии, закончившего после выпуска из Токийской семинарии Киевскую Духовную Академию. (На Поместном соборе Русской Православной Церкви в 1917 г. отец Симеон был единственным делегатом от Японской Церкви — Э.С.). Его стараниями число верующих возросло: в 1902 г. была открыта женская духовная школа, а в 1903 г. построили храм в память Благовещения Пресвятой Богородицы.

Деревянный храм в византийском стиле в виде креста, белый снаружи, с особо выдающимся алтарём, крытый медными листами и увенчанный небольшим куполом, был сооружён по проекту архитектора Мацумуро Сигэмицу, выпускника технического факультета Токийского императорского университета. Его площадь составила 217,78 кв. м., глубина 27 метров, а высота колокольни с 7-ю колоколами 22,3 метра. Освящать храм приехал из Токио Владыка Николай. Храмоосвящение происходило 10 мая 1903 г., а днём раньше Архиепископ Николай совершил положение святых мощей в приготовленное для этого место в Престоле. Он сделал это накануне по-

тому, что верхняя плита гранитного Престола оказалась настолько тяжёлой, что нельзя было обойтись без помощи каменщиков, а это, как замечает Владыка, «при освящении составило бы большое затруднение» (17). В дневнике подробно описывается происходящее: «В девять часов священнослужители и много христиан собрались в Храме. Я облачился в мантию, священники в ризы. По прочтении 1-ой молитвы Храмоосвящения я окропил святой водой место положения святых мощей, помазал миром святые мощи, уложил частицу в позолоченный ящичек, этот фарфоровый, нарочно для того сделанный, ящик с крестом наверху, и опустил в четверугольно выдолбленное место в середине Престола под плитой. Певчие в это время пели 144-й псалом, кончивши его — 22-й псалом и повторили последний несколько раз, отдыхая в промежутках пения, так как трое каменщиков над укладкой плиты на цементе работали целый час, в продолжение которого мы, священнослужители, стояли в облачениях и ждали» (18). Вечером того же дня, не зажигая перед иконами свечи, отслужили Всенощную, во время которой, к удовольствию и радости Владыки, превосходно пели певчие. После Всенощной Архиепископ Николай рассказал христианам историю строительства их церкви: «Сам Бог выстроил её; Воля Его свершилась. Ежедневно мы молимся: “Да будет Воля Твоя”, и эта Воля бывает, если мы сами не отменяем её упорством в противлении. Ехал я сюда три года тому назад с приготовленным планом молельни, приехал с мыслью построить Храм, ибо дорогою совесть меня стала упрекать: в банке лежат построчные деньги, достаточные для Храма, и никто не знает про это; Бог дал их, а я скрываю Божий дар, хочу строить не храм во славу Божию, а бедную молельню, что-то вроде шалаша, не грешно ли это?.. Спросил здесь отца Симеона: “Не построить ли нам храм, какой только можем?” Отец Симеон, конечно, был в пользу этого, и о молельне не было больше ни слова, ни мысли, тогда как в Токио я о ней только и думал. Чья же воля свершилась, если не Божия?» (19).

Прекрасным солнечным днём, в воскресенье, 10 мая 1903 г. совершали богослужение Храмоосвящения и Литургию. Как раз, когда звон семи колоколов поплыл над утренним Киото, из своего дворца, который очень близко от храма, выходил японский император в окружении свиты, направляясь на станцию железной дороги. «Он обратил внимание, прислушался — и молчаливым вниманием узаконил православный звон в его древней столице, японской Москве», — записал в тот же день в своём дневнике Владыка (20).

На освящение храма собрались более ста тридцати христиан из близлежащих к Киото церквей, девяносто семь православных из са-

мого Киото, прибыли три священника и катехизаторы восемнадцати церквей, — всего, православных христиан и слушателей православного учения, около четырёхсот человек. Кроме того приехало много инославных, особенно протестантов, но больше всего было нехристиан. Из дневника явствует, что храм построен на пятьсот человек, но в нём присутствовало более шестисот. Вокруг церкви теснились невместившиеся в неё, прислушиваясь из открытых дверей и окон к тому, что читали и пели внутри. Всех собравшихся было свыше тысячи человек. Рядом с церковью находилась (находится и сейчас) средняя школа, где, по распоряжению её директора и с одобрения городского головы, в большом зале были накрыты три ряда столов для угощения гостей. Соседи — нехристиане, хозяева целой линии домов, лежащих через дорогу напротив храма, по-праздничному украсили их и предложили для отдыха христианам в день храмоосвящения. На церковном дворе, где помещались дом священника, дом диакона, дом церковного сторожа и женская духовная школа, всем посетителям раздавали специально приготовленные книжки с изложением сущности христианского учения.

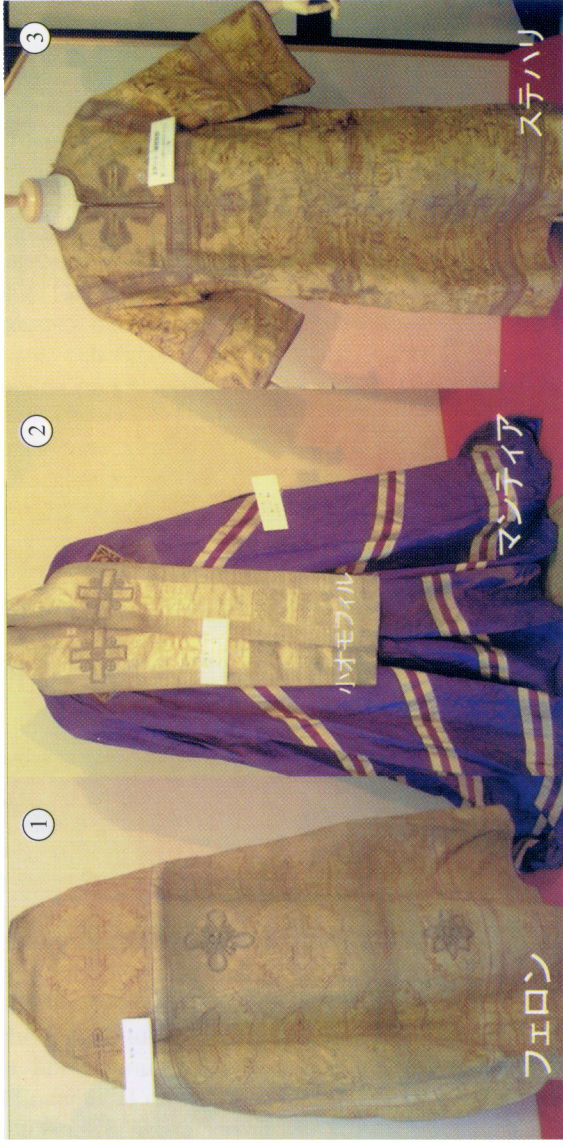
Все восхищались красотой храма, подобающего, по замыслу Архиепископа Николая, великолепию древней столицы Японии. Поэтому и место для него выбрали в одном из лучших кварталов города по соседству с императорским дворцом. Земля была арендована Владыкой на тысячу лет, поскольку иностранцы не имели права владеть ею, а храм и дома при нём куплены. Что касается внутреннего устройства храма и его красивого убранства, то здесь постарались жертвователи из России и прежде всего москвич В.Г. Дудышкин. О его желании благотворить японской церкви сообщил Архиепископу Николаю постоянный сотрудник «Московских Ведомостей», известный публицист, Л.А. Тихомиров. В марте 1901 г. Владыка написал к указанному благотворителю, и вскоре из Москвы были получены иконостас и колокола, облачения и утварь. Об иконостасе известно, что он от Я.Е. Епанечникова, о металлических хоругвях — что от Кремлёвских хоругвеносцев, которые также прислали священные сосуды, о парче для облачений священнослужителей — что от В.Г. Сапожникова. Из Санкт-Петербурга пришли дары от причисленного к лику святых уже в наше время Иоанна Кронштадтского. На напрестольном Евангелии, которым по сей день пользуется во время богослужения отец Иоанн Оно, Владыка Николай сделал надпись, что оно «в благословение Миссии и церкви в Японии прислано, вместе с тремя напрестольными крестами, двумя приборами

литургических сосудов и другими церковными вещами, отцом Протоиереем Кронштадтского Собора, Иоанном Ильичом Сергиевым, при любезном письме его. Получено 8/21 июня 1900 г. Токио, Епископ Николай». Вся церковная утварь, присланная Иоанном Кронштадтским, судя по пробе, изготовлена из серебра. Архиепископ Николай отмечал в своём дневнике, что «больше всех хлопотал о снабжении нашей церкви Василий Геннадиевич Дудышкин, и, должно быть, в пожертвованном есть много лично от него, но что именно, он скрыл» (21), поэтому неизвестно, от кого изящное золочёное с голубой эмалью паникадило и золочёные подсвечники, ковчег, напестольный серебряный небольшой крест, большая запрестольная лампада со стеклянной чашей под ней. Видимо, учитывая влажный японский климат, все иконы, в полном составе которых на иконостасе выражены самые важные догматы православной христианской веры, писаны на металлических листах, и хотя от времени они немного потускнели, но по-прежнему привлекают своим высоким художественным исполнением и красотой иконописи. Особенно выделяется образ Иверской Божией Матери, копия с чудотворной Московской, писанная В. Гурьяновым. Слева и справа от иконостаса висят две небольшие иконы Николая Чудотворца, какие можно часто видеть в России в домах верующих. По сохранившимся на них надписям известно, что пожертвованы они русскими людьми. Та, что слева — «от военнопленных чинов 2-ой Тихоокеанской эскадры 1/14 октября 1905 г. Киото», справа — «от православных военнопленных, находящихся в городе Киото, в помещениях Фусими, 9 мая 1905 г. (праздник св. Николая)». Тёплую уютную атмосферу церкви, оттеняя белизну её стен, создаёт малиновый ковёр, выписанный самим Архиепископом Николаем из Англии, из известной фирмы «Lane and Cranford». В дневнике Владыка упоминает, что за ковёр с пересылкой уплачена большая цена, 926 иен 94 сен, зато он «должен служить, по меньшей мере, лет двадцать» (22). Ковёр в хорошем состоянии сохранился по сей день.

Ни войны, ни время не властны над храмом Благовещения Пресвятой Богородицы, который с такой любовью создавал Архиепископ Николай. В годы Второй мировой войны муниципалитет Киото издал план, согласно которому улицы древнего города подлежали расширению во избежание сплошных пожаров при бомбардировках. По этому плану сносили целые кварталы, среди которых находился и квартал с храмом. К счастью, очередь до него не дошла в связи с капитуляцией Японии. Православные Киото, опасаясь за свой храм,

Архиепископ Николай

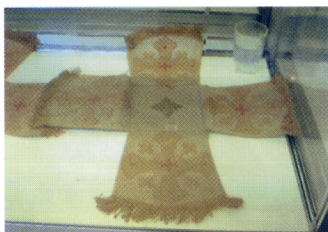
Личные вещи Св. Николая:

1. Фелонь
2. Мантия с малым амфором
3. Стихарь

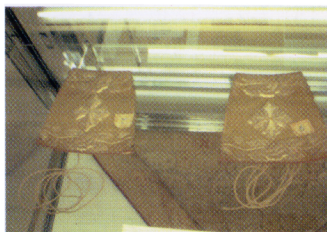

Личные вещи Архиепископа Николая:

Митра

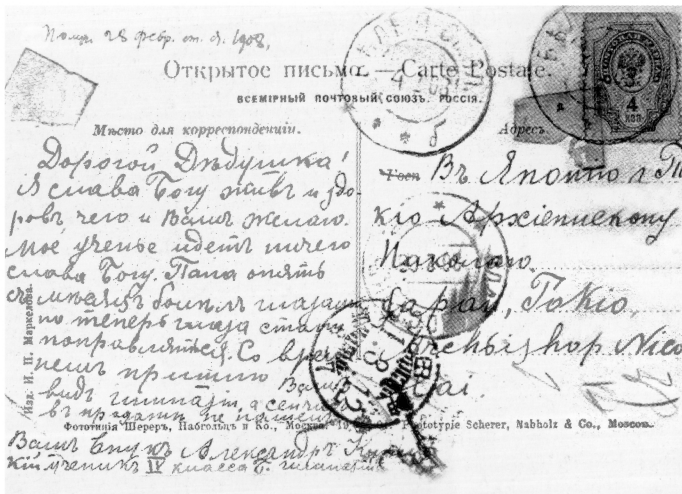

Воздух

Поручи

Открытка от Александра Куницкого, внучатого племянника Архиепископа Николая (оборотна сторона)

Та же открытка - лицевая сторона:
 г. Белый Смоленской губ.
 Духовное училище, где учился Святитель Николай. Здание не сохранилось

Николай-до
при жизни Архиепископа Николая

Кафедральный Собор Воскресения Христова - Николай-до

Так выглядел иконостас Николай-до
при жизни Архиепископа Николая

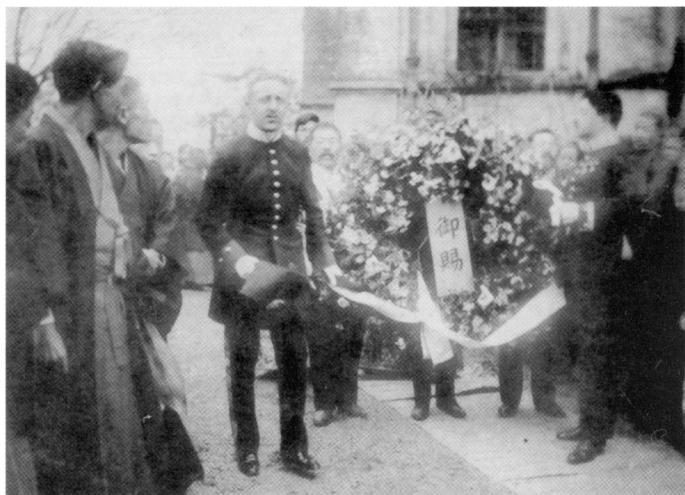
Внутреннее убранство Николай-до.
Современный вид

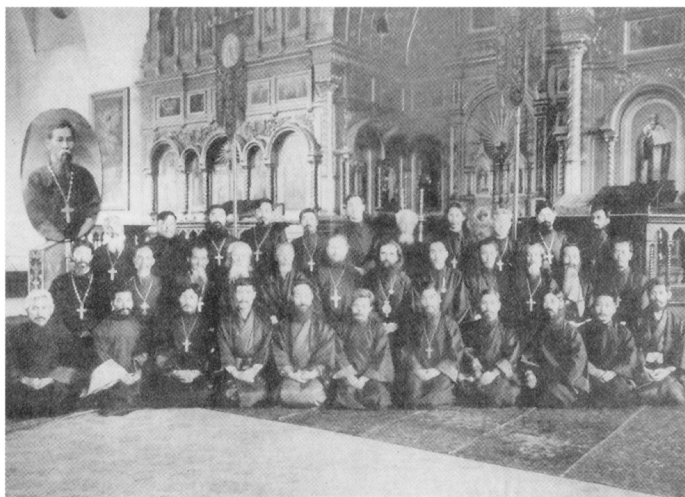
Комната Св. Николая, служившая ему одновременно и спальней и кабинетом, где каждый день в течение строго отведенных нескольких часов Св. Николай вместе с Павлом Накаи трудился над переводом Священного Писания и богослужебных книг.

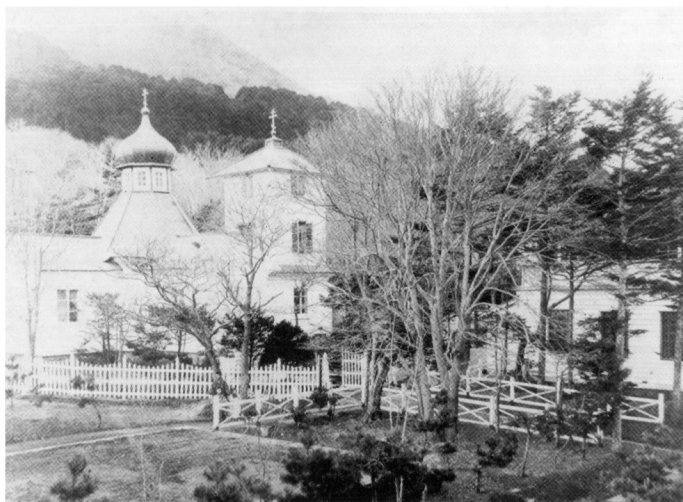
Архиепископ Николай и Павел Накаи

Венок от императора Мэйдзи

Священнослужители Японской православной церкви -
участники похорон Архиепископа Николая

Хакодате. Первый православный храм Воскресения Христова,
построенный в Японии русскими.
(Так он выглядел до Великого пожара 1907 г.)

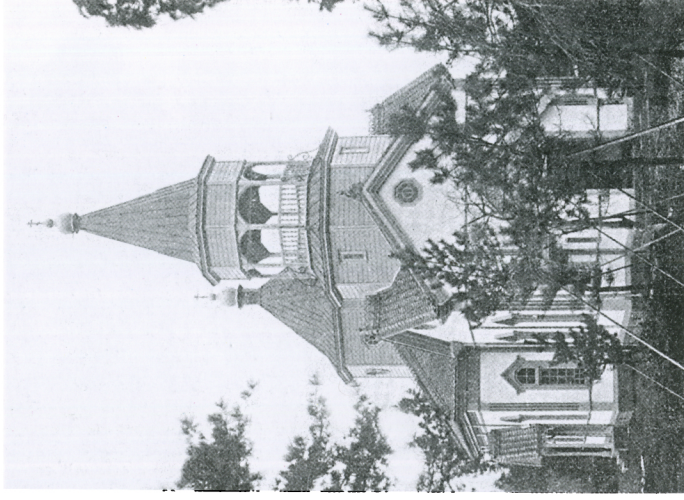

Внутреннее убранство Хакодатского храма

**Сэндай. Храм Благовещения Пресвятой Богородицы.
Первый храм, построенный верующими
Японской православной церкви
(Современный вид)**

**Сэндай. Храм Благовещения Пресвятой Богородицы.
Первый храм, построенный верующими
Японской православной церкви**

16 Августа 1907.

Мокис.

С любовью Г. Кимура.

Кв. Ар. Сержа пишет мне из Востр, что
все высказали ему свою готовность по-
ехать ему вести экономическое дело
по Сеникарин, и просит написать
вам, чтоб все приехали в Мокис
пораньше, некая 21го, чтоб навестить
вас, с ним и устройте это дело
к началу урочья. Будьте добры при-
ехать пораньше, и возьмите на себя
это дело вместе с Т. Сержа,
чтоб вести его на пользу Церкви.

С уважением и любовью к вам,
остаюсь Вашим покорным слугою и благодарным

Архиепископ Николай

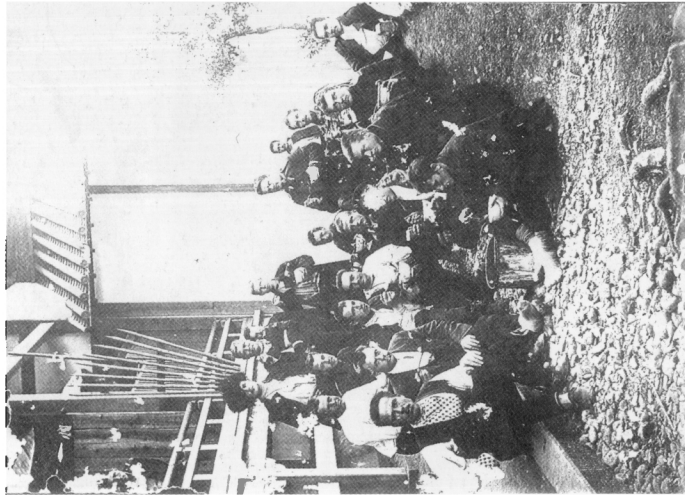

Деревня Магата. Благовещенский храм

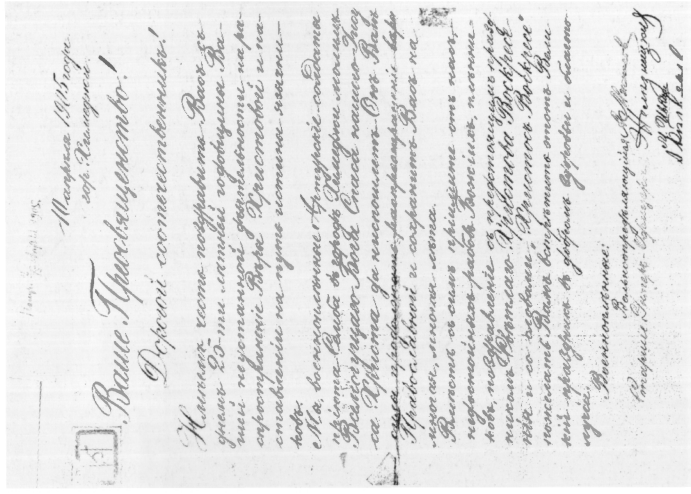

Внутреннее убранство Благовещенского храма

Русские пленные в приюте Камзяма
г. Химэдзи

Письмо от русских военнопленных из г. Химэдзи

Маэбаси. Храм в честь равноапостольного Николая Святителя Японии

Маэбаси.
Храм в честь равноапостольного Николая Святителя Японии.
Фрагмент иконостаса, подаренного Троице-Сергиевой Лаврой в 1972 г.

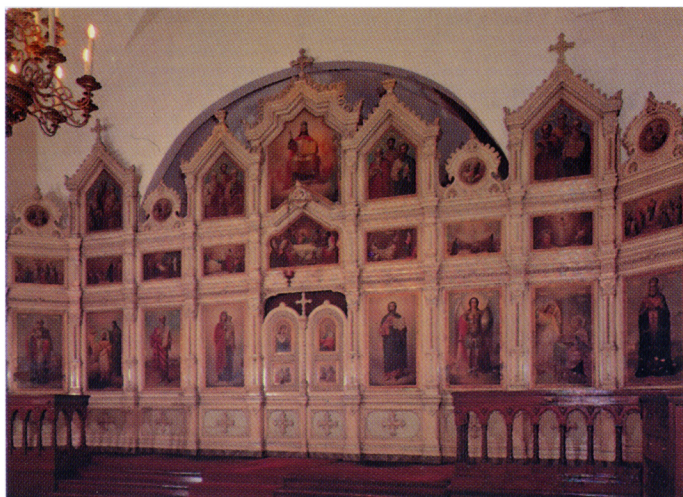
Маэбаси.
Иверская икона Божией Матери, подаренная Святителем Николаем
Фукасава Юдзо при крещении

Киото. Благовещенский храм.
Хоругви - дар хоругвеносцев Московского
Кремля

Киото. Благовещенский храм

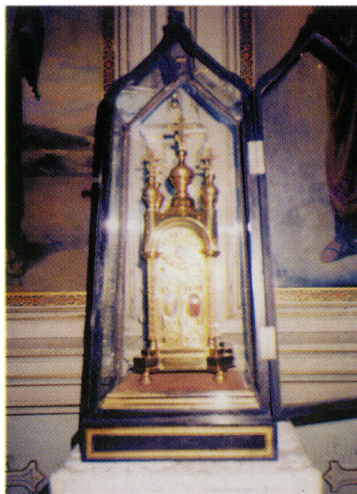

Киото. Иконостас Благовещенского храма

Киото. Благовещенский храм. Напрестольное Евангелие, кресты и богослужebные сосуды - дары св. Иоанна Кронштадтского

Киото. Благовещенский храм.
Дароносица - дар св. Иоанна Кронштадтского

Отару. Храм Вознесения.
На переднем плане протоиерей Кирилл Арихара,
ставший Епископом Петром,
возглавившим Японскую православную церковь в 1999 г.

Отару. Храм Вознесения. Иконостас - дар Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси Пимена.
Будущий Епископ Петр с прихожанином Петром

Деревня Сукава. Храм в честь св. Пантелеймона

Деревня Сукава. Храм в честь св. Пантелеймона.
Фрагмент настенной росписи,
сделанной московским иконописцем
Александром Соколовым в 1996 г.

Протоиерей Петр Оикава и диакон Иоанн Камая
показывают стаканы, подаренные Святителем Николаем
своему учителю японского языка
врачу Кимура Кэнсай

Совместная трапеза прихожан после Литургии - правило, установленное
Архиепископом Николаем, строго соблюдаемое по сей день

разобрали иконостас и в течение всего военного времени хранили в своих домах иконы и церковную утварь. И сейчас верующие (их около трёхсот человек) молятся в своём храме, одном из немногих полностью сохранившимся в том виде, в каком создал его Архиепископ Николай. В 1967 г. храм получил статус памятника культуры префектуры Киото. Здесь служит священник отец Иоанн Оно.

О современном состоянии Японской Православной Церкви позволяет судить нижеприведённая таблица, составленная по материалам Собора 2000 г., любезно предоставленным мне Протопресвитером Иустином Ямагути. (Как правило, на Соборах обсуждается положение Церкви за прошедший год).

ЯПОНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ. 1999 г.

Епархия Восточной Японии

Название церквей	Число семей	Число прихожан	Муж.	Жен.	Число крещенных	Умершие	Коллч. изменения
Кусиро	57/59	239	117	122	3	2	+1
Камимуса	18/18	121	48	73	1	0	+1
Сяри	8/8	32	16	16	0	1	-1
Саппоро	174/174	505	205	300	11	5	+6
Отару	27/22	65	24	41	0	0	0
Томакомаи	29/31	82	33	49	1	3	-2
Хакодате	77/80	354	161	193	7	7	0
Камисо	36/36	144	65	79	1	0	+1
Мориока	23/24	59	27	32	3	2	+1
Тоно	12/12	33	20	13	0	0	0
Хокуроку	12/15	34	14	20	0	1	-1
Иваядо	11/11	34	20	14	0	0	0
Ямада	18/18	27	11	16	0	3	-3
Итиноэски	10/10	41	22	19	0	0	0
Сакаи	32/32	135	59	76	1	0	+1
Сокэи	4/4	18	4	14	0	0	0

Название церкви	Число семей	Число прихожан	Муж.	Жен.	Число крещений	Умершие	Колич. изменения
Охара	4/4	8	2	6	0	0	0
Окутама	5/5	16	8	8	0	0	0
Хигата	8/8	47	27	20	2	0	+2
Каннари	10/9	28	14	14	0	1	-1
Цукидатэ	5/5	17	8	9	0	0	0
Кэссэnuma	2/2	8	4	4	0	0	0
Дзюмондзи	13/13	54	28	26	0	2	-2
Исиномаки	38/35	153	75	78	0	0	0
Вакуя	13/15	45	20	25	0	0	0
Санума	8/8	26	10	16	0	2	-2
Такасимидзу	8/8	25	16	9	0	1	-1
Дзэгэдзуцуми	12/11	47	22	25	0	2	-2
Сэндай	122/124	518	233	285	5	3	+2
Наканида	43/43	199	96	103	0	3	-3
Фурукава	4/4	16	6	10	0	0	0
Сиракава	24/24	85	42	43	4	0	+4
Фукусима	9/9	23	9	14	0	0	0
Всего	871/881	3238	1466	1772	39	38	+1

Токийская Епархия

Название церкви	Число семей	Число прихожан	Муж.	Жен.	Число крещений	Умершие	Колич. изменения
Токио	495/505	2120	951	1169	35	21	+14
Яматэ	198/199	686	270	416	3	12	-9
Сука	20/20	186	85	101	7	1	+6
Иокогама	101/96	332	159	173	9	7	+2
Одавара	65/65	242	111	131	0	3	-3
Хирацука	11/11	48	17	31	0	1	-1

Название церквей	Число семей	Число прихожан	Муж.	Жен.	Число крещений	Умершие	Колич. изменения
Асикага	11/11	47	30	17	0	1	-1
Акуцу	8/8	18	11	7	0	1	-1
Мито	6/5	20	9	11	0	0	0
Тэга	13/12	45	28	17	0	0	0
Уцуномия	7/7	18	10	8	0	0	0
Канума	12/12	43	21	22	0	0	0
Бато	18/19	85	33	51	1	2	-1
Маэбаси	15/14	84	33	51	3	1	+2
Такасаки	13/13	22	9	14	1	0	+1
Сукава	5/5	21	11	10	0	0	0
Сидзуока	49/49	179	72	107	0	1	-1
Сюдзэндзи	21/21	90	43	47	1	0	+1
Касивакубо	11/11	41	21	20	0	0	0
Мисима	4/4	19	9	10	0	0	0
Хамамацу	24/24	168	67	101	1	0	+1
Всего	1117/1111	4514	2000	2514	61	51	+10

Епархия Западной Японии

Название церквей	Число семей	Число прихожан	Муж.	Жен.	Число крещений	Умершие	Колич. изменения
Тоёхаси	70/70	236	113	123	2	3	-1
Нагоя	106/111	326	144	182	14	4	+10
Ханда	20/20	67	37	30	0	0	0
Осака	142/146	739	331	408	5	4	+1
Хиросима	8/8	25	14	11	0	0	0
Киото	50/50	248	101	147	3	0	+3
Кобэ	30/30	142	72	70	2	2	0
Китакюсю	5/5	50	22	28	0	0	0

Название церквей	Число семей	Число прихожан	Муж.	Жен.	Число крещений	Умершие	Колич. изменения
Токусима	16/14	49	20	29	2	1	+1
Такамацу	6/6	21	9	12	2	0	+2
Вакаяма	8/8	27	9	18	0	3	-3
Янаихара	9/8	52	30	22	0	0	0
Кагосима	18/18	56	27	29	1	1	0
Кумамото	3/3	6	4	2	0	0	0
Хитоёси	13/13	39	11	28	0	1	-1
Всего	505/510	2083	944	1139	31	19	+12

Сводные данные

Число церквей	Число священнослужителей					
	архиереи	священники	диаконы	катехизаторы		
69	митрополит	1	18	протодиаконы	0	1
	епископ	1		диаконы	5	
				иподиаконы	6	

Епархии	Число семей (регулярно платящие пожертвования)	Число прихожан	Муж.	Жен.	Число крещений	Умершие	Колич. изменения
Восточная Япония	871/881	3238	1466	1772	39	38	+1
Токийская	1117/1111	4514	2000	2514	61	51	+10
Западная Япония	505/510	2083	944	1139	31	19	+12
Всего	2493/2502	9835	4410	5425	131	108	+23

Для сравнения приводим данные «Кирисутокё нэнкан» («Христианский ежегодник»), согласно которым в 1998 г. в Японии было: католиков — 452 993 человек (священнослужителей — 9613, церквей — 1068); протестантов — 206 002 человека (священнослужителей — 2 184, церквей — 1 726) (23); православных — 9 903 человека (священнослужителей — 31, церквей — 69).

Итак, подводим итоги:

1) Святитель Николай создал в Японии православную цивилизацию, о чём свидетельствуют живые островки православия по всей стране;

2) Японская Автономная Православная Церковь как поместная церковь является составной частью мирового православия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Иеромонах Анатолий*. Церковь Воскресения Христова при русском консульстве в Хакодате (в Японии) // Миссионер. — Москва, 1874, №31. С.280.

2. Дневники Святого Николая Японского. — Саппоро, 1994. С.119 (Далее см. «Дневники»).

3. Дневники. С.87.

4. Дневники. С.281.

5. Дневники. С.130.

6. Цит. по: *Самойлов Н.А.* Страны Дальнего Востока в восприятии русского миссионера // Православие на Дальнем Востоке. Вып.2. Памяти Святителя Николая, Апостола Японии. 1836–1912. — С-Петербург, 1996. С.89.

7. Частный архив семьи Кимура Кэнсай.

8. Брошюра храма Сюдзэндзи. — Б. г.

9. Дневники. С.79–80.

10. Там же. С.80.

11. Там же. С.80.

12. Там же. С.84.

13. *Епископ Сергей*. Среди японских христиан. (Поездка в церковь Сука) // Прибавление к церковным ведомостям. — С-Петербург, 1909. №3. С.146.

14. *Епископ Сергей*. Месяц по Японии. Путевые заметки и впечатления. — С-Петербург, 1909. С.36.

15. Там же. С.37.

16. Там же. С.56.

17. Дневники. С.231.

18. Там же. С.231.

19. Там же. С.232.

20. Там же. С.234.

21. Там же. С.233.

22. Там же. С.282.

23. Кирисутокё нэнкан («Христианский ежегодник») 1998. — Токио, 1998. С.132–133, 122–123.

ДОКУМЕНТЫ

СЁГУНЫ И МИКАДО

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПО ЯПОНСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Об Японии писано в Европе очень много, но всё лишь по внешним наблюдениям, поверхностным расспросам и догадкам. Никто из писателей, начиная от добросовестного Кемпфера и плодовитого Зибольда до Алькока, Линдау, Готцена и легиона им подобных, спекулирующих в настоящее время на интерес, возбужденный Японией, не был в состоянии заглянуть поглубже в душу японца, проследить развитие и разные проявления его духа. Необыкновенные трудности японского языка, при изучении которого только мимоходом, как средство, должен быть изучен китайский, были главным к тому препятствием. Оттого-то Япония до сих пор для Европы terra incognita. У всякого, при напоминании об японце, рисуется в воображении, пожалуй, какая-то фигура в халате, с косичкой на маковке, смешно приседающая и хихикающая. Но это ли японец как он есть? Кто пообещает этой фигуре в близком будущем место в кругу цивилизованных народов? Кому не покажутся загадочными даже эти воочию совершившиеся факты, что японцы, всего пятнадцать лет тому назад казавшиеся такими же непробудно сонными и неподвижными, как китайцы, в настоящее время имеют уже военный флот паровых судов, на котором ни человека европейцев, имеют специалистов ученых, получивших дипломы в европейских школах, механические заведения, могущие собственными средствами соорудить пароход, наконец, либеральную конституцию с выборным началом в основании? А между тем эти факты как нельзя более естественны, и странно было бы, если б их не было. Но чтобы судить так, нужно изучить не костюм и внешние приемы японца, а его дух в историческом развитии, словом, изучить его литературу. Пишущий эти строки, в продолжение восьми лет, употребленных на изучение японского языка, довольно коротко ознакомился с этою литературой и имеет намерение, насколько позволят ему его специальные занятия, знакомить с нею читателей, интересующихся Японией. Настоящий очерк, имеющий целью, главным образом, дать ключ к уразумению современной японской революции, написан на основании японских историй: Дайнихонси, Кокусиряку, Иси и Нихонгайси. Разговоры заимствованы большею частью из последней, как самой достоверной и притом единственной бывшей у меня под рукой, когда, вдали от Японии, я писал этот очерк.

Ко временам Ёритомо, первого сёгуна (1186–1200 по Р. Хр.), династия микадо, царствовавшая с 660 г. до Р. Хр., давно уже успела совершить свою службу Японии. По общеисторическому закону, ей следовало бы сойти со сцены, уступив её другим деятелям, свежим и сильным. Но национальная религия делала это невозможным: по её учению, микадо прямой потомок богини солнца, Аматэрасу-ками, отдавшей Японию во владение никому другому, как своему внуку и его потомству. И вот история находит для себя окольные пути. У престола одряхлевшей династии возвышается сначала фамилия Фудзивара, овладевает всеми важными должностями в государстве, а, к концу концов, вводит обычай: иметь на престоле микадо или малолетних, или таких, которые заведомо неспособны ни к какой самостоятельной деятельности. Этот обычай, длившийся больше двух веков, должен был принести свои горькие плоды. Нашёлся микадо, пожелавший защитить свои права, которые были ему предоставлены, когда он был ребенком, но отняты, лишь только он сделался совершеннолетним. Фудзивара выставили свою креатуру, бесталантного Госиракава; но в неге и роскоши придворной жизни они и сами уже успели изжить свои таланты. Дело не обошлось без участия более воинственных фамилий Тайра и Минамото. Та и другая, славные своими воинскими подвигами, были до сих пор, однако, в крайнем пренебрежении у Фудзивара. Усмирив бунтующие отдаленные провинции и покрытый военной славой, герой, являясь ко двору, если только был допускаем, занимал там самое последнее место и подвергался презрению и насмешкам за незнание всех тонкостей мелочного этикета и за недостаток образованности, которая измерялась, главное, умением в каждую данную минуту сочинить на заданную тему красивый стишок. При восстании Сьютоку, эти фамилии, в лице своих вождей, приняли сторону Госиракава. В самой столице дело императоров решалось мечом. Оно было решено в пользу Госиракава, благодаря талантам Тайра Киёмори и Минамото Ёситомо. Конечно, эти последние не для Фудзивара лили свою кровь; меч на этот раз и при дворе оказался пригоднее мирных стишков и уже не хотел уступить им отвоеванное первенство. Но два медведя в берлоге не уживаются. Вожди своих фамилий, Киёмори и Ёситомо, оба одинаково талантливые и одинаково властолюбивые, став о плечо друг с другом, не замедлили начать и между собою борьбу на жизнь и смерть. Киёмори одержал верх и истребил почти всю фамилию Минамото. Был уже совсем обречен на казнь и тринадцатилетний Ёритомо, сын Ёситомо; но, к счастью, два женских влияния неожиданно помогли ему: прекрасная Токива, вдова Ёситомо и новая страсть Киёмори, заодно с матерью его, благочестивою и кроткою старушкой, упросили Киёмори оставить жизнь ребенку и сослать его в заточение. «Львенка выпустили из клетки», — сказал

тогда кто-то при дворе и, как после оказалось, сказал правду. Тайра теперь неограниченно властвовали в Японии, сменяли императоров по своему произволу, научились даже слагать стишки. Но в разных уголках тихо и незаметно подрастали и молодые побеги срубленного под корень, но не вырванного с корнем дерева Минамото. Вот один из них кликнул клич; смельчака, конечно, тотчас же уничтожили, но его голос не замер бесследно, а послужил для родичей сигналом: все они, скрывавшиеся по разным провинциям, разом подняли своё родовое белое знамя; к ним толпами стеклись многочисленные ветераны, которых некогда это славное знамя водило к победам, и началась кровавая драма. В лице Киёмори, умершего в самом начале борьбы, Тайра лишились своего главного вождя; никто не нашёлся заменить его. Их армии, одна за другую, были разбиты, и сами они, вместе со своим микадо, уничтожены. Истребив Тайра, Минамото начали драться друг с другом; Ёритомо над всеми одержал верх и сделался властителем Японии.

Чем же стал при этом микадо? В сущности, тем же, чем был прежде: венчанным рабом невенчанной власти. Но теперь и по наружности многое изменилось. Фудзивара и Тайра, похитив власть у микадо, не бежали казнить это всему миру, а скромно становились у подножия престола и делали вид, что они лишь покорные исполнители воли своего повелителя. Зато они и были не более как временщики. Ёритомо не хотел этой роли; у него пред глазами прошли события, ясно говорившие, что не обладание особой микадо, а обладание армией может дать прочную власть. И военная диктатура отныне основалась в Японии. Камакура, которую Ёритомо избрал своею резиденцией, стала военным станом, управлявшим Японией посредством разосланных повсюду военных офицеров. Но отчего Ёритомо прямо не провозгласил себя императором? Он восстал первоначально мстителем за свой род и достиг несравненно больших результатов, чем ожидал: чего ему было больше желать? Притом же он был уверен, что с ним симпатии войска и народа, пока он не выходил из должных границ: но было ли бы то же, если б он задел народные верования? А ведь микадо в глазах народа потомок богов. Сёгунская власть потому и возникла, что, в той или другой форме, Япония, уставшая от долгих неурядиц, требовала действительной власти: Ёритомо шёл так далеко, как простирались народные требования.

По смерти Ёритомо, воздвигнутый им сёгунский престол, бесспорно, перешёл к его несовершеннолетнему сыну. К несчастью, Ёритомо, в видах упрочения власти за своим прямым потомством, беспощадно истребил своих ближайших родственников из фамилии Минамото. Сёгунский престол, нуждавшийся теперь в опоре по малолетству детей Ёритомо, сделался игралищем вдовы его, Масако, а через неё её рода — Ходзэ, происходившего от Тайра.

Как двойные рабы (императора и сёгуна), Ходзё, конечно, не смели объявить притязания на престол; но тут с сёгунами стало повторяться то же, что было с микадо. Масако со своим отцом и братом играла детьми и внуками Ёритомо, возводя и низводя их с престола до тех пор, пока все они были истреблены. За неимением ближайших родственников Ёритомо был тогда вызван из Мияко (столицы микадо) один дальний, и, разумеется, ребенок. Удалая Масако продолжала регентствовать и за него, из-за занавеса изрекая приговоры. Все, не исключая военачальников, трусили пред нею и называли ама-сёгун (монахиня-сёгун, потому что Масако, согласно господствовавшей тогда моде, по смерти мужа не замедлила пойти в монахини).

Между тем микадо, на досуге от дел правления, успели сообразить, в какое положение они попали, и захотели возвратить потерянную власть. При Ёритомо и его прямых наследниках они не смели и думать об этом. Но по пресечении его рода, царствовавший тогда микадо Готоба решился приступить к делу. Так как в его распоряжении не было никаких войск, то на первый раз, чтоб иметь с чем начать восстание, он затеял в Мияко праздник и, под видом военных игр, созвал из ближайших мест несколько военных отрядов. Между тем секретные агенты с воззваниями к вооружению разосланы были во все стороны. Один из них прибыл и в Камакура, но был здесь узнан и схвачен; вместе с тем узнаны и действия Готоба. Масако созвала военачальников и из-за занавеса произнесла им речь, в которой рассказала, как «злые люди стараются оклеветать её и её родичей пред микадо, и как микадо, подстрекаемый наговорами, замыслил истребить весь род Ходзё», и заключила воззванием ко всем, кто помнит благодеяния её мужа, помочь ей против «клеветников». Военачальники единодушно вызвались защищать регентшу. Тогда её брат, Ёситоки, в несколько дней собрал более ста тысяч войска и отправил в столицу, после чего отпустил туда же и посланца Готоба, наказав передать микадо от его имени следующее: «Слышно, что ваше величество любите сражения; благопочтеннейше посылаю к вам моих сыновей со стотысячною армией; пусть они подерутся, а ваше величество посмотрите; если ещё ваше сердце не удовлетворится, то есть ещё двести тысяч, с которыми я сам приду». Готоба, услышав это, перетрусил и опустил руки. Войска Ходзё без труда разбили защитников его и овладели столицей; Готоба малодушно хотел свалить всю вину на своих приближенных, но это не помогло: он был сослан в заточение вместе с другими виновными своими родственниками.

С этих пор микадо надолго потеряли охоту гоняться за властью. Ходзё беспрепятственно управляли Японией в качестве регентов, возводя и низводя сёгунов по своему произволу. Между ними были люди, несомненно, талантливые и заслужившие истинную любовь и добрую память народа. Между

прочим, их стойкости и мужеству Япония обязана тем, что избежала позора подчинения Монголам (в 1281 году было нашествие их), тогда как микадо совсем уже готов был подвергнуть отечество этому позору. В самих микадо заметна ещё некоторая жизнь и деятельность, но как она мелочна! Золотая монета совершенно разменялась на медные полушки. Члены фамилии микадо ссорились между собою за честь посидеть на престоле, сплетничали и клеветали друг на друга пред Ходзё и довели, наконец, регентов до того, что последние без церемонии установили им десятилетнюю очередь пользования титулом микадо. Но и Ходзё мало-помалу изнежились и выродились, и в их руках бразды правления ослабли. Хорош был состав правительства в это время в Японии! Микадо поневоле без власти, сёгун поневоле без власти, регент по воле без власти, заброшенной им для забав. Не находящая себе приюта у кого следует власть ютится где-нибудь у тёмного временщика, который, не имея возможности приютить её под каким-нибудь законным предлогом, незаконно извлекает из неё зато всё, что может.

Когда последний из регентов Ходзё, Такатоки (1311–1333), предавался своим любимым забавам: травле собак и слушанью песенников, а его приближённый Такасукэ, страшный взяточник, грабил Японию, на императорском престоле сидел Годайго. Природа, кажется, употребила последние усилия, чтобы произвести в этом микадо всё, к чему была способна истощившаяся и выродившаяся династия, и чтобы раз навсегда заявить, что Японии больше нечего ждать от неё. Годайго скорбел о потере власти; презрев обычаи, стал сходить с военными и делать им попойки, сам слушал жалобы и судил справедливо. Его сын, Мориёси, был тоже не из обыкновенных в императорском роде; его он прочил на престол после себя, чтобы поддержать свои планы возвращения власти. Такатоки, услышав обо всём этом, велел схватить микадо и отправить в ссылку, но Годайго успел убежать и скрыться. Разосланные им гонцы там и сям приглашали людей на защиту микадо, но их никто не слушал. Однажды, занятый своим грустным, безвыходным положением, микадо заснул и, по сказанию летописцев, увидел следующий сон: у дворца, на юге, под деревом, стоит императорское седалище пустое; подходят к нему два мальчика и горько плачут, что во всей Японии нет места для повелителя её. Проснувшись, Годайго стал гадать о значении сна; «дерево» и «юг»: если соединить в один два иероглифа, которыми пишут эти слова, то выйдет название дерева «кусуноки». «Нет ли где поблизости такой фамилии?» — спросил он у бонз, у которых скрывался. Ему указали на некоего Кусуноки Масасигэ. Годайго велел сыскать его и поручил ему своё дело. В нем на историческую сцену выступает одна из самых благородных личностей японской истории. Род Кусуноки возник и уничтожился вместе с Годайго и его родом. Он весь истощился на защиту прав микадо. Вместе с Нитта,

другую благожелательную императорам фамилией, Кусуноки оказывали чудеса храбрости и умственными талантами далеко превосходили своих соперников, но потому только, что они защищали отжившую идею, непопулярное дело, они не имели прочных успехов и принесли отечеству более вреда, чем пользы. Масасигэ начал защищать Годайго с самыми ничтожными средствами: у него набралось всего пятьсот человек против большого войска Ходзэ; но это войско не могло взять и одной занятой им крепости до тех пор, пока Масасигэ, видя бесполезность дальнейшего упорства, сам тайно оставил её, устроив так, чтобы неприятели остались уверенными, что он погиб в пожаре. Распространился слух о его смерти. Годайго был схвачен и сослан. Но Масасигэ явился в другом месте и стал одерживать победу за победой. Деятельным помощником его на этот раз был Мориёси. Годайго успел бежать из плена. Сочувствие к микадо начало пробуждаться. Наконец, Такатоки, чтобы разом уничтожить врагов, послал против них огромнейшую армию, под начальством лучшего из военачальников, Асикага Такаудзи. Но и Ходзэ в это время уже потеряли свою популярность. В решительную минуту боя других сил Ходзэ с войсками Годайго, Такаудзи расположился со своею армией, в виду сражения, на попойку и, видя, что сторона микадо берет перевес, перешёл и сам туда. Между тем, другой военачальник Ходзэ, Нитта Ёсисада, ещё прежде взяв за болезнью отпуск из действующей армии и тайно получив от Мориёси, объявившего себя сёгуном, указ о наказании Такатоки, вернулся в свои поместья неподалеку от Камакура и, дождавшись сборщиков на военные издержки, перебил их, быстро вооружился и напал на беззащитную почти Камакура. Такатоки, чтобы не попасться в позорный плен, распорол себе брюхо, и Ходзэ, таким образом, были низвергнуты; само собою, разумеется, что вместе с ними стухевался и без того едва заметный сёгун их. Годайго из своего убежища, где скрывался после побега из ссылки, с торжеством вернулся в Мияко, объявил Камакура своим владением, наградил своих защитников, и в особенности Такаудзи, которого объявил главным виновником своего возвращения на престол; сам занялся делами правления, а для разбирательства жалоб назначил Кусуноки вместе с другими героями. Всё, по-видимому, пошло хорошо, старым, обычным порядком. Но, увы, только на первые дни. Годайго хотел, как видно, вознаградить себя за прежние лишения: скоро бросил дела, окружил себя любовницами, певицами, актерами; отнятые у Ходзэ поместья, вместо того, чтобы разделить заслуженным и раненым воинам, стал раздавать любовницам и актерам, причём происходила такая путаница, что лишь только поместье назначено одному лицу, как, не отменяя указа, его же назначали и другому: разом являвшиеся в своё поместье два разные владельца затевали тяжбу или драку, что ещё больше увеличивало общую сумятицу в администрации. Придворные, до сих

пор бывшие в унижении, теперь, с падением сёгуна и переходом правления в руки микадо, опять подняли голову и старались всячески унижать военных. Последние почувствовали себя крайне оскорблёнными и ждали только вождя, который бы вновь подал сигнал к восстанию против микадо. Этот вождь явился в лице Такаудзи. Но прежде чем объявить себя против микадо, он постарался отделаться от самого опасного для себя лица, Мориёси. Этот царевич, настоящий *bon vivant*, любивший, чтобы всё вокруг него кутило, пело и шумело, но честный, прямой и храбрый и, разумеется, преданный своему отцу, после которого имел наследовать престол, рассорился с Такаудзи за то, что тот, в качестве губернатора Мияко, казнил за беспорядки несколько солдат из команды его офицера. Такаудзи начал пред микадо всячески чернить поведение наследника престола. В этом ему деятельно помогала любимая наложница микадо, имевшая в виду очистить престол для своих детей. Наконец, Мориёси, понявший намерения Такаудзи, стал сзывать войска, чтоб истребить его. Одно из воззваний попало в руки Такаудзи, который не преминул представить его микадо с подобающим комментарием, из которого явствовало, что Мориёси затевает преждевременно овладеть престолом. Мориёси был позван во дворец, без всякого суда схвачен и выдан головою Такаудзи. В это время, подросший в неизвестности сын Такатоки, Такаюки, собрав остатки преданных своему роду людей, явился под Камакура. Годайго отправил Такаудзи с войском против него. Такаюки был не опасен; его тотчас же уничтожили. Но Такаудзи засел в Камакура и объявил себя сёгуном. Микадо спохватился, но поздно: почти все военные силы были в руках Такаудзи. Микадо объявил его изменником и велел собирать войска; но Такаудзи двинулся на Мияко, принудил микадо бежать и овладел столицей. Все с радостью переходили на сторону нового сёгуна; только Кусуноки и Нитта опять вооружились за микадо. С малыми средствами они выгнали Такаудзи из Мияко, крайне стеснили его и принудили бежать на Кюсю. Там Такаудзи без труда собрал огромное войско и с ним вновь явился пред столицей. Придворные, ничего не понимавшие в военном деле, помешали исполнению планов Масасигэ, вследствие чего он с горстью воинов должен был вступить в сражение с полками Такаудзи, заграждая им путь в столицу; он дрался, как лев; тучи врагов расступались пред ним, давая дорогу бежать; но он предпочёл кончить здесь свою геройскую жизнь и, обнявшись с братом, попросил пронзить его сзади кинжалом в ту минуту, как сам оказывал брату такую же услугу. Такаудзи занял Мияко, переманил к себе одного из царевичей и, изъявив затем притворную покорность пред самим Годайго, попросил и его вернуться в Мияко. Годайго, малодушно бросив единственного своего верного защитника, Нитта Ёсида, явился к Такаудзи, но, увы, его звали только за тем, чтоб отобрать унесённые им знаки императорского достоинства и потом

засадить его в тюрьму. Годайго опять посчастливилось убежать; Асикага на этот раз и не гнались за ним; они, напротив, рады были, что он развязал им руки и что народ не может упрекать их, как прежде Ходзэ, за жестокое обращение с императорами. Такаудзи поставил своего собственного микадо. Но и Годайго, под защитой всё ещё верного Ёсисада, не думал отказываться от престола. Таким образом, явились два микадо: северный и южный (Годайго). Сёгуну был страшен не Годайго, но его защитник Ёсисада; пока последний стоял во главе противников, дело Асикага не могло быть прочным, и потому против него они направили свои главные силы. Ещё была надежда для Ёсисада: он поправился до такой степени, что из оборонительного положения стал в наступательное; к несчастью, вместо того, чтоб идти на юг, где его ожидал успех и где Камакура уже была взята его сыном, он, без особенной нужды, долго оставался пред одною незначительною, но геройски защищавшеюся крепостью, и, наконец, наткнувшись во время рекогносцировки с небольшою свитой на значительный неприятельский отряд, тут же погиб. Все поняли, что это была погибель и дела Годайго. Такаудзи в Мияко торжественно выставил голову Ёсисада на позор и успокоился от военных трудов. Умер и несчастный Годайго, оставив южный престол своему сыну Гомураками и завещав истребить род Асикага. Завещание это разослано было в разные провинции. Затем ещё одна яркая вспышка героизма за права микадо, в лице Масацура, двадцатидвухлетнего сына Масасигэ; вновь Асикага должны были поднять все свои силы. Масацура оказывал чудеса храбрости, но нельзя было стоять за дело, за которое почти никто не хотел сражаться; горсть храбрецов, увлекаемых более личными качествами вождя, чем сочувствием к микадо, недостаточна против симпатий всей нации. После Масацура, погибшего такой же геройскою смертью, как и его отец, южные микадо держались ещё довольно долго остальными потомками Масасигэ, но, разумеется, без дела, власти и, собственно, благодаря тому, что Асикага не обращали на них внимания. Уже спустя пятьдесят семь лет по разделении (1336–1392), Асикага предложили южному микадо перебраться в Мияко, обещав, что его потомство будет чередоваться званием микадо с потомством северного; южный с охотою согласился; но в первый же раз, когда ему приходилось держать свою очередь, сёгун не исполнил своего обещания. Последние Кусуноки, оскорблённые за своего *protege*, старались было поднять восстание, но безуспешно; это было, однако, последнее эхо замолкающего голоса за микадо. С тех пор, до прошедшего года, никто никогда не думал заступаться за них. И в каком жалком положении находится с того времени микадо! Двор Асикага блистал неслыханным великолепием, а микадо часто был в опасности умереть голодною смертью; Асикага воздвигали серебряную башню, а микадо жил в развалинах, и в тронной зале уличные ребятишки собирались

играть в комки грязи; Асикага от своего имени сносились с Китаем и приняли от китайских императоров титул королей, а о микадо его собственные подданные забыли¹. Династию Асикага сменил Ода Нобунага (1573–1582), его — фамилия Тоётоми (1583–1602), за которую восстал род Токугава (1603–1868). Всё это было рядом кровавых междоусобий, но эти междоусобия — драки за сёгунский престол; за микадо не поднималось ни одного голоса. Вновь возникающие властители оказывали им дешёвые ласки: Нобунага построил для микадо новый дворец; Тоётоми Хидэёси в часы отдыха от военных трудов любил иногда устроить блестящую процессию во дворец микадо и посидеть по левую руку у него в качестве кампаку (государственного канцлера, титул, который Хидэёси предпочёл титулу сёгуна, означавшему, в буквальном смысле, генерал); Токугава устроили довольно сносно материальное положение микадо, так что он, хотя не богато, но сытно жил. Но никто из них не давал микадо и тени власти и влияния на государственные дела. Всё, что ему было предоставлено, это: пользоваться почётными титулами тэнси (сын неба), микадо (почтенные ворота), тэй (император), утверждать в почётных чинах тех, кого ему представляют, возводить умерших сёгунов в звание богов и затем всю жизнь читать книги. «Так как для того, чтобы хорошо править государством, нужно быть образованным, то микадо должен иметь первую свою обязанностью прилежное занятие науками», — стоит на первом месте в числе правил, которыми Токугава Иэясу оградил жизнь микадо. И какая злая ирония в этом правиле!

Тот же упадок императорской власти подал повод и к возникновению удельной системы². Сёгуны, крепко стянувшие в одни руки бразды правления, бесспорно, могли бы в первое время уничтожить зародыши этого нового

---

1. Хорошо характеризует положение микадо в этот период, следующий случай. Однажды, в правление ещё довольно сносного сёгуна, заштатный микадо, проходя в носилках по улице Мияко, встретился с одним офицером, который ехал верхом и был навеселе: офицер не думал сворачивать с дороги, между тем, как ему следовало это сделать и, вдобавок, сойти с лошади. Слуги микадо рассердились и стащили офицера с лошади, толкая ему, что проходит по улице никто другой, как сам ин (так называется заштатный микадо, равно как и другие высокие родственники, поступившие в монахи). «Ин или ину (собака), мне все равно, а я выстрелю», — возразил дерзкий офицер, и пустил стрелу в носилки. По жалобе микадо, сёгун, правда, наказал офицера; но интересно знать, как отзывались об этом жители Мияко. «Если при встрече с микадо нужно сходить с лошади, то что же делать при встрече с самим сёгуном?» — в недоумении спрашивали они друг друга. «Следует пойти на голове», — отвечали остряки.

2. В русских газетах, допускающих на свои столбцы известия о Японии, обыкновенно заимствуемые из иностранных газет, удельные князья постоянно называются *даймиосами*. Это имя составлено не верно. Уж если называть удельных князей японским именем, так следует писать *даймё*, не склоняя этого слова. Англичане, по правилам своей грамматики, прибавили к слову даймё во множественном числе букву s, а у нас образовали из этого и в единственном даймёос, даймёоса и т. д.

государственного явления; но они нашли в нём такое верное средство к ограждению себя от императоров и к утверждению своего господства, что никто из них и не подумал о том; напротив, они охотно поощряли и развивали удельную систему. Повременные ослабления власти в руках сёгунов, естественно, способствовали к развитию и укреплению этой системы, которая, наконец, окрепла до такой степени, что уже нельзя было и думать об её уничтожении.

В цветущие времена императоров, Япония, разделённая на провинции, управлялась губернаторами, которые сменялись через каждые четыре года. Губернаторы были чисто гражданские чиновники; знание отечественного и китайского законовещения было непременным условием избрания на эту должность. Избрание производилось под непосредственным надзором самого императора. Вместе с губернатором отправлялись из столицы его ближайшие помощники; второстепенные же чиновники выбирались из местных жителей. Для проверки губернаторов и устранения самовольства с их стороны император часто назначал ревизоров, которые, объезжая провинции, входили в непосредственное сношение с народом. Чиновники, найденные виновными в незаконных поступках, тотчас же вызывались в столицу и подвергались суду. Иногда император и сам выезжал в ту или другую провинцию для ближайшего ознакомления с народным бытом и потребностями. Это был золотой век японской истории! При ослаблении императорской власти выборы губернаторов стали производиться по личным видам временщиков, и четырёхлетний срок службы скоро был забыт; пользуясь протекцией при дворе, многие губернаторы спокойно оставались всё время своей службы в столице и отсюда управляли своими губерниями; иные же, напротив, захав в провинции, жили там, сколько хотели, и делали, что хотели. В последнем случае, в местах, удаленных от столицы, губернаторы скоро стали смотреть на свои провинции, как на вотчины, и, умирая, передавали их, вместе со своими должностями, детям, как законное наследство. Хорошо ещё, если кто заботился о доставлении собранных податей в столицу; многие и того не делали. Так обозначились первые признаки тяготения Японии к удельному устройству, преимущественно на юге, на отдаленном от центра империи Кюсю; там ещё задолго до сёгунов было истинное удельное царство: губернаторы дрались между собою, отнимали друг у друга провинции и знать не хотели никаких указов из столицы. На севере было иначе. С этой стороны Япония граничила со своими исконными врагами айнами, не переставшими тревожить её вплоть до нынешнего столетия. По мере расширения к северу, японцы шаг за шагом оттесняли их. Но, чтоб удержать за собою занятую территорию, японцам постоянно нужно было или воевать, или быть готовыми

к войнам. Между тем в досёгунские времена постоянных войск в Японии не было: империя довольствовалась земскою милицией, собираемою во время особенной нужды, как, например, для походов в Корею, и распускаемую по миновании надобности; для мелких непрерывных стычек с айнами, очевидно, не стоило содержать армию. Какие же были средства защиты от них? Пограничным землевладельцам дозволено было, кто может, иметь у себя достаточный запас вооружённых людей для ограждения своих и соседних полей и деревень. Эта мера, разумная в основании, при ослаблении центральной власти, тоже повела к дурным результатам. Богатые землевладельцы не замедлили обратиться в воинственных помещиков; о земледелии они перестали думать: на них работали уже другие, обязанные оплачивать военную защиту, которою пользовались от них. Любящая праздность и военную силу молодежь стекалась под их знамена; а так как мелочные схватки с айнами не могли занять их праздные силы, то они начали драться с другом; слабые скоро были поглощены более сильными, и, таким образом, на севере, без воли и почти без ведома императоров, образовались множество удельных князьков. Не имея законом определённого положения в государстве, не связанные, поэтому, никакими обязательствами, князьки эти никак не могли определить свои отношения к центральной власти, и более сильные кончили тем, что порвали всякую зависимость от кого бы то ни было. Это, наконец, потребовало сильных мер, и, для приведения севера к покорности, направлена была туда одна из лучших фамилий империи, Минамото, облеченная для этого высшими военными титулами и полномочием везде набирать войска. Ряд героев, предков Ёритомо, прославился в этих войнах, до того упорных, что и несомненные таланты полководцев, и огромные армии едва не оказывались тщетными. Так утверждалась удельная система по окраинам империи. В других местах, в то же время, целые провинции были разобраны временщиками и розданы их родным и друзьям, как поместья, управлявшиеся в таком случае старостами, которых назначали сами владельцы. Чем сильнее был временщик, тем больше провинций раздавал он своей партии, так что, например, фамилия Тайра во времена Киёмори владела тридцатью провинциями, что составляло почти пол Японии. Это подготовило к удельному порядку центральные провинции, и уже борьба Тайра с Минамото носит на себе характер драк удельных князей: за Тайра лили кровь их провинции; у Минамото в это время, правда, не было провинций, но за них стояли их бывшие вотчины, вместе с потомками тех, кто дрался под их славным белым знаменем на севере.

Когда Ёритомо взял верх над Тайра и над своими соперниками из родичей, Япония представляла лишь бледную тень прежних порядков, как заве-

дённых самими императорами, так и образовавшихся независимо от их воли. Слабые губернаторы не имели влияния на народ, потому что источник их собственной силы иссяк с окончательным падением императора; удельные владельцы были бессильны пред обладателем огромной, правильно организованной и уже не распускавшейся армии. Это было лучшее время вновь учредить единоличное правление и устранить на будущее время поводы к удельному раздроблению. Так бы, может быть, и было, если бы Ёритомото решился, презрев народные суеверия, столкнуть призрак императорства с престола и занять его место. Но он на это не решился и должен был поэтому обегать страшное затруднение. Прежние гражданские губернаторы были оставлены им в покое, так что, по наружности, Япония как будто оставалась под управлением императора; но во все провинции и даже в личные поместья императора и придворных он разослал своих офицеров с сильными военными отрядами, посредством которых, собственно, и управлял империей. Это было хорошо и несколько не опасно до тех пор, пока правление находилось в его сильных руках. Но при его преемниках, когда и Камакура, как прежде Мияко, сделалась театром непрерывных интриг, дело не замедлило принять другой оборот. Гражданские губернаторы, как и следовало ожидать, не замедлили бесследно стусеваться; военные же начали один за другим принимать свои провинции за настоящий наследственный удел. Более добросовестные из Ходзэ хотели было поддержать порядки Ёритомото: но им ли было сделать это, когда они сами незаконно пользовались верховною властью и для защиты себя от императоров должны были искать услуг тех же губернаторов? И притом, теперь уже не так легко было справляться с губернаторами, как в былые времена: теперь Япония была покрыта сетью постоянных военных станов, и каждый губернатор мог дать отпор; а если бы в одном и том же деле были заинтересованы все они, то отпор мог превратиться в наступление. Довольно того, что губернаторы ещё допускали над собою контроль Ходзэ, которым и побуждаемы были править своими областями ко благу народа, так что времена Ходзэ ещё были довольно мирны и счастливы для народа.

Приготовленная таким образом к восприятию удельной системы Япония в правление следующей сёгунской династии, Асикага, не только окончательно усвоила её себе, но и испытала все её невыгоды. Асикага на первых же порах, за помощь, оказанную им против микадо, стали платить своим генералам самыми роскошными наделами. Явились князья, владевшие шестою частью Японии в одних руках. Асикага думали эту щедростью обеспечить для себя на будущее время верность людей, казавшихся им наиболее преданными. Они и не подумали о том, как неудобно будет потом управлять этими людьми. Они, впрочем, правду сказать, не думали ровно ни о чём,

относящемся до правления. Кроме Такаудзи, родоначальника династии, все прочие сёгуны Асикага были замечательно бездарные и бездеятельные. При вступлении на престол, большею частью, интриги и коварные убийства, в прочее время пиры, охота, безумные затеи роскоши, вроде постройки серебряной башни и посылки в Корею за драгоценностями, — вот картина жизни Асикага. Правление государством было поручено бессменным регентам (канрё). Но так как это звание было не избирательное, а наследственное достоинство известных вассалов, огромные же лены этих вассалов давали и им возможность кутить не хуже сёгунов, то власть мало — помалу перешла в руки мелких слуг регентов; а это естественным путём привело к тому, что эти мелкие господа начали играть и регентами, и сёгунами, как пешками, и переставлять их по произволу. Регенты и сёгуны иногда понимали невыгоду своего положения и стонали под гнетом, но уже не в силах были высвободиться из-под опеки. При таком положении вещей могли ли оставаться в покое князья, почти не чувствовавшие над собою контроля, а между тем содержавшие огромные армии, как для охранения своих владений, так, особенно, для того, чтобы во всякое время быть готовыми защищать сёгуна, — самое главное и почти единственное, что вменялось им в обязанности при получении ими владительных грамот? Они, естественно, без устали дрались друг с другом; даровитые и храбрые из них расширяли свои владения на счёт слабых; являлись более даровитые и пускали их самих по миру; всякий воевал, кто с кем хотел, и разбирал Японию, кто только мог. Вот Ямана Мотитоё и Хосокава Кацумото, лично ненавидевшие один другого, просят позволения у сёгуна (Ёсимаса) немного подраться друг с другом. Сёгун разрешает с единственным условием, чтоб они дрались один на один, и Кацумото выдвигает своих собственных сто шестьдесят тысяч войска, Мотитоё тоже своих сто десять тысяч: Мияко с окрестностями подвергается на одиннадцать лет всем ужасам опустошительной войны, и это с разрешения сёгуна! Но вот, уже без разрешения, некто Нагаудзи, из фамилии Ходзё, идёт пешком один-одинёхонек в Идзу с твёрдым намерением приобрести себе эту провинцию. Успел он здесь кое с кем познакомиться, подобрал приятелей по душе. Во время возникших вскорости между Масатомо и Нариудзи споров за лен из восьми восточных провинции (Кан-Хассю), составлявший, по завещанию Такаудзи, родовую собственность самих же Асикага, Нагаудзи стал на сторону Масатомо; а когда Масатомо был убит, и по этому поводу произошло смятение, Нагаудзи с партией своих приятелей, всего до пятисот человек, быстро овладел всем Идзу. Но теперь одной провинции ему показалось уже мало: он задумал овладеть всем Кан-Хассю; уже он забрал и другую провинцию, Сагами, но смерть помешала ему идти дальше; умирая, он строго завещал

своему потомству исполнить его план, и его внук уже владел всеми восемью провинциями. Вот сын одного небогатого помещика, Мори Мотонари, был усыновлён тоже небогатым домом Татиhi и получил в наследство деревню, доставлявшую возможность содержать триста солдат. Когда в Аки стал вольничать один князек, Мотонари смело напал на него со своим крошечным войском и разбил. Когда затем два соседние большие князя, Амако и Оути, начали драться между собой, Мотонари явился деятельным сторонником сначала одного, потом другого, а кончил тем, что завладел ленами и того, и другого, и явился, таким образом, обладателем тринадцати провинций. Это родоначальник теперешнего князя Тёсю, приобретшего всесветную известность своим деятельным участием в японских событиях за последнее десятилетие. А там, на западе, два героя-монаха: владетель провинции Каи, Такэда Сингэн, и провинции Этиго, Нагао Кэнсин, вперили друг в друга зоркий взгляд: ежеминутно готовят они друг другу смертельный удар и ежеминутно парируют взаимные удары с непостижимым искусством. Прервём на минуту нить мыслей, чтобы полюбоваться истинным рыцарством этих героев. Каждый из них настолько имел военных талантов, что с уверенностью можно сказать, мог овладеть всею Японией. Но судьба поставила их друг против друга, как будто для того, чтобы связать одну силу другой и не дать обеим свободного движения.

— Как Сингэн воюет? — спросил Кэнсин одного князя, выгнанного Сингэном из владений и пришедшего просить защиты у Кэнсина.

— Он обыкновенно не торопится в военных действиях, — отвечал тот.

— Это значит, — пояснил Кэнсин, — что он гонится за расширением своих владений. Я не так, у меня, чтобы только копье не погнулось в сторону.

И, отложив предпринятую поездку в Мияко, с целью проложить себе путь к сёгунскому престолу, он двинул свои силы на Сингэна, и с этого времени начались их почти непрерывные войны друг с другом. Каких они хитростей не употребляли друг против друга и как искусно разбивали один другого, но только для того, чтобы чрез два-три дня поменяться победами! Поставленные в необходимость изощряться друг против друга, они создали военное искусство в Японии, по крайней мере, первые стали употреблять правильно построенные и твёрдо сомкнутые колонны, для чего нужно значительное развитие военной тактики. И при этой, почти непрерывной, борьбе друг с другом, они относились один к другому истинно рыцарски. Однажды другой неприятель и сосед Сингэна запретил вывоз соли в Каи, чем поставил эту удаленную от моря провинцию в большое затруднение. Кэнсин послал к Сингэну сказать: «Мы сражаемся с тобой оружием, а не хлебом и солью. Бери у меня соли, сколько хочешь», — и велел своему народу поставлять

аккуратно и по дешевой цене соль в неприятельскую землю. Вот Сингэн, в одной битве потеснённый Кэнсином, переправляет свои колонны за реку; уже последняя колонна вступила в воду; Сингэн, замыкавший шествие, останется на минуту один на берегу. Вдруг с неприятельской стороны на него несётся всадник с закрытым лицом, и сабля, как молния, сверкает над головой Сингэна; он не успел выхватить своей сабли: он ранен, изрублен? Нет, он хладнокровно парирует удары железным веером, случившимся в его руках, пока лошадь противника, испуганная направленным на неё копьем, не отпрянула назад, и всадник не ускакал. То был Кэнсин, прилетевший один на один померяться с соперником; но он мог бы прискакать и не один. Сингэн умер раньше Кэнсина, и последний почтил смерть своего благородного противника искренними слезами. Ему советовали воспользоваться малоопытностью наследника Сингэна, чтобы завоевать его владения. Кэнсин отвечал: «Я не мог взять, чего хотел, у Сингэна, стану ли теперь пользоваться слабостью его ребенка?» (между тем этот ребенок давно уже командовал армиями), — и обратил своё оружие против других князей: самые сильные из них задрожали; ничем не могли они остановить страшного врага, уже не видевшего себе соперника; он шёл от победы к победе и неизвестно, где бы он остановился, если бы смерть не пресекла его планов. А в области Микава, в деревне Мацудайра, зародился уже и дом Токугава. Староста этой деревни не забывал, что он потомок Нитта Ёсисада, погибшего в несчастной борьбе с Асикага за права микадо. Сын Ёсисада, Токудзю, принужденный в то время скрываться от ненависти Такаудзи, уже хотел поступить в бонзы: по счастью, он понравился одному случайно встретившемуся крестьянину, который оказался старостою деревни Мацудайра; не имея сыновей, староста пожелал усыновить мальчика, и на его желание с радостью согласились. Токудзю наследовал от своего приемного отца и звание старосты; но он и его потомки помнили своё происхождение и питали твердое намерение добыть себе княжество. Царствовавшая кругом сумятица представила легкую возможность к этому, и вот, староста, при помощи своих сельчан, которых не преминул расположить к себе щедростью и справедливостью, овладел ещё деревенькой, за нею другой, и маленькое княжество родилось на свет. Новый князёк нашёл удобные обстоятельства, чтобы из столицы выхлопотать себе чин и владетельную грамоту; с этими атрибутами Токугав действует уже смелее, и их княжество расширяется. Но вот они приходят в неприятное столкновение с знатным соседом, Имагава Ёсимото, владетелем трёх провинции: Ёсимото грозитя уничтожить их; для умиловлиение его они должны послать к нему заложника своей верности; и этот заложник не кто иной, как сын князя, маленький Изясу, будущий обладатель Японии; но тогда этот обладатель был ещё мал

и слаб: дорогой его попросту украл другой князь, хотевший обеспечить за собою верность Токугава. Чрез несколько времени Изясу передан был Ёсимото и стал коротать своё невесёлое детство в неволе, часто затрудняясь со своею свитой насчет дневного пропитания.

А между тем, ему уже давно следовало бы пользоваться всеми выгодами своего княжеского положения: отец его умер, княжество оставалось за ним; но делами, а главное, доходами распоряжались чиновники Ёсимото. И нужно ещё удивляться благородству Ёсимото, просто не присоединившего это княжество к своему уделу. Оставляем другие примеры, чтобы сказать вообще, что во время Асикага, куда бы мы ни обратили взор, везде война: каждый князь или недоволен своим уделом и добивается большего, или соперничает с соседом в военной силе, или мстит обиду, или помогает соседу, или защищает свои территории, или усмиряет внутренние мятежи, словом, по той или другой причине, непременно воюет. Правда, некоторые останавливаются на время, чтобы воспользоваться достоянием отцов: бранные клики сменяются во дворцах мягкими звуками гитары и флейты, железный панцирь уступает место парче и атласу, весёлые толпы любовниц, танцовщиц окружают князя; театры, пиры, вино — рекою. Но соседи жадною толпой уже обступили сибарита и по пальцам рассчитывают, сколько ещё дать ему времени веселья, скоро ли перемрут герои-сподвижники его отца или деда, и когда настанет окончательный упадок военного духа в его владениях. И будьте уверены, они не дадут ему загуляться, скоро он пойдёт обивать пороги у прежних своих прихлебателей. Смотри на князей, дерётся и простой народ, собираясь иногда огромными скопищами и мстя своим мучителям-князьям; дерутся, наконец, бонзы, собирая целые армии своих последователей и отбивая друг у друга храмы и земли. Словом, дерётся всё, что только способно носить оружие и хочет драться. Но скоро ли же настанет конец этой взаимной резне? Скоро ли придёт тот, кто крикнет на эти разбушевавшиеся волны могучее: *quos ego?* А вот и он идёт...

У одного князька в провинции Овари, Ода Нобухидэ, в числе шестнадцати сыновей был один, по имени Нобунага. С самого детства он отличался от других, по-видимому, далеко не в свою пользу: воспитатели никак не могли подвести его размашистую и своеобразную натуру под мерку общепринятых приличий; ему ничего не стоило, например, идя по улице, грызть конфеты или что случится у него в кармане, или идти, облокотясь на плечо кого-нибудь из приятелей; о платье он также мало заботился, как и о других мелочах; словом, был то, что у нас называется «оригинал». И у нас это название не составляет лестной рекомендации, тем более это в Японии, где мелочным условиям светскости придается особенная важность.

Поэтому неудивительно, что на молодого Нобунага смотрели мало знавшие его просто, как на человека, обиженного природой. Но отец знал его лучше: сквозь небрежность внешних поступков он провидел в нём обширный ум, железную волю и пред смертью не усомнился сделать его своим наследником, несмотря на то, что он был сын наложницы, и притом второй. И Нобунага не замедлил показать, что отец не ошибся в выборе. Пользуясь разными предложениями, чтоб завести войну с соседями, он мало — помалу овладел всем Овари. Оставался один округ; но этот округ принадлежал Имагава Ёсимото, одному из сильнейших в то время князей, владельцу провинций Суруга, Тотоми и Микава. Для Нобунага, с его каким-нибудь трёхтысячным войском, было, по-видимому, неслыханною дерзостью затрагивать в двадцать раз сильнее соседа; но он не задумался и стал забирать одну за другою крепости, принадлежавшие Ёсимото. Последний почти не обратил на это внимание, тем более, что скоро Нобунага остановлен был пред одною крепостью и, после тщетных усилий взять её, должен был снять осаду и вернуться домой. Комендант крепости, по имени Тобэ, был тоже один из героев. Но кого нельзя было одолеть силою, против того у Нобунага был неистощимый запас хитрости. Нобунага велел одному из своих писарей выучиться подделываться под руку Тобэ, писавшего замечательно хорошо. Целый год писарь учился, и, наконец, письмо было написано так, как написал бы только сам Тобэ; а содержанием письма, адресованного как будто к Нобунага, была измена Тобэ своему владельцу и переход на сторону Ода. Один из офицеров Нобунага, переодевшись купцом, отнес это письмо к Ёсимото, и невинный Тобэ без всякого суда был казнен. Скоро Ёсимото узнал, что был обманут, удивился дерзости Нобунага и возненавидел его более прежнего; но он всё ещё до того презирал ничтожного, по его мнению, противника, что не думал иметь с ним серьёзного дела; только, когда задумал идти в Мияко, рассчитывая, как и многие тогда рассчитывали, на сёгунский престол, предположил мимоходом захватить Овари, чрез которое ему лежал путь.

И вот он во главе сорокапятитысячной армии ступил на земли Нобунага. Крепостцы, воздвигнутые Нобунага, падали одна за другой, несмотря на геройскую защиту: они были снабжены слишком малым количеством войск против полков Ёсимото, привыкших к победам. Свободного войска у Нобунага было всего три тысячи. Его офицеры, уже прославившиеся отвагой и мужеством в боях, истощали красноречие, чтобы убедить его покориться на этот раз сильному врагу; но Нобунага оставался непреклонным. В тот день, когда он предположил вести свои три тысячи в битву, он задал своему штабу пир; когда чаша несколько раз обошла пировавших, воодушевлённый Нобунага встал и протанцевал пред собранием, напевая древнюю песню о том, что

жизнь человеческая — сон, привидение, что она и смерть неразлучны, но герой «должен ли сокрушаться из-за этого?». С этими словами он быстро оставил пиршественную залу, вскочил на лошадь и, не оглядываясь, помчался на врагов, сопровождаемый своими воинами. Когда приблизились к неприятелям и увидели в огне только что взятые две крепости, воины Нобунага опять оробели и стали умолять его вернуться. «Слушайте меня!» — громко и грозно крикнул он, — «разве я с ума сошедши веду вас? Неприятели целую ночь складывали подвезённый провиант, все устали и ещё не успели придти в порядок; в настоящую минуту больше, чем когда, верен успех!». Был гром, дождь и сумрак. Незаметно для неприятелей Нобунага спустился с горы и с внезапным криком и барабанным боем ударил на лагерь Ёсимото. Пораженные неожиданностью неприятели не успели опомниться, как отважные из воинов Нобунага ворвались в палатку самого Ёсимото, отрубили ему голову и, воткнув на меч, с победными кликами понесли её по лагерю; тогда для войск Ёсимото настала минута всеобщего смятения и бегства; отрубленных голов была бездна. С триумфом, с предносимой головой Ёсимото Нобунага вернулся домой при огромном стечении народа, смотревшего на него уже, как на героя.

Слава о нём понеслась по всей Японии. Разбитие Имагава ещё не знало, чтобы Нобунага достались обширные их владения; напротив, ему теперь ещё более, чем прежде, следовало опасаться за свои собственные: вместо разбитой армии против него могли выставить в скором времени вдвое сильнейшую; не было ещё недостатка у неприятелей и в искусных вождах; что же касается до наследника Ёсимото, то он должен был пылать мщением за смерть отца и посрамление своей фамилии и идти против Нобунага уже не во имя расширения своих границ, но во имя священного долга, предписываемого, по понятию японцев, всеми законами неба и земли: отмстить кровь отца и успокоить его дух, мятежно блуждающий и стонущий в ожидании крови своего врага. Но молодому Имагава нравилась больше игра в волан, в которой он не имел себе достойных соперников, чем в человеческие головы; его изнеженный слух не любил грубых военных кликов, а ещё более нежное сердце не могло променять полные красавиц дворцы на военный лагерь. Всё это Нобунага принимал в расчёт и, успокоив, на сколько возможно, оскорблённого князя отправлением к нему с честью головы его отца, на время перестал и думать об опасности с этой стороны. Гораздо больше беспокоил его союзник Имагава, молодой Токугава Изясу: он, до сего времени всё ещё проживавший у Ёсимото в качестве заложника, участвовал в войне против Нобунага во главе собственного отряда и тоже был разбит и прогнан; но он не замедлил оправиться. Развязанный смертью Ёсимото от обяза-

тельство, он прибыл теперь в своё княжество, принял в свои руки правление, привёл в порядок войска и стал тревожить Нобунага. Последний успел оценить отвагу и таланты своего молодого соперника и, пока вражда его не разрослась, поспешил помириться с ним и предложить тесный союз. Иэясу, начавший враждебные отношения к Нобунага из-за прежнего своего покровителя, а лично не имевший против него ничего, не уклонился от выгодного предложения. При нарочно устроенном личном свидании два князя поклялись жить в дружбе и действовать с этого времени заодно, с тем условием, что, если Нобунага овладеет Японией, то чтоб Иэясу подчинился ему; если же Иэясу более посчастливится, то чтобы Нобунага беспрекословно отдался под его власть.

Этим союзом Нобунага обеспечил себя со стороны востока, предоставив Иэясу расширять свои владения в этом направлении; сам же обратил внимание исключительно на запад. Не нужно забывать, что будущий обладатель Японии, так самонадеянно разграничивавший её на карте с своим другом, на самом деле, владел в это время одною провинцией. Ему следовало теперь начать со своего тестя Сайто Хидэтацу, владельца пограничной большой области Мино. Значительное неравенство сил и здесь было не в пользу Нобунага, но он и здесь об этом мало думал; его больше всего беспокоили два генерала Сайто, известные своею храбростью, талантами и преданностью дому князя, и он опять употребил хитрость для истребления их. Хитрость на этот раз состояла в следующем: по ночам он стал, как можно чаще, вставать и выходить на крыльцо; жена его, дочь Хидэтацу, мучимая любопытством, пристала к нему с расспросами о значении этого: он долго отказывался поверить ей тайну, наконец, как будто не выдержав, рассказал под строгим секретом, что такие-то генералы Сайто предприняли, по соглашению с ним, извести тестя и обещались по окончании дела дать ему знать зажжением костра. Жена, как он и ожидал, тотчас же тайно известила об этом отца, и ни в чём неповинные генералы были казнены. Скоро после этого Хидэтацу был убит своим сыном: это, сверх чаяния, дало Нобунага самый благовидный предлог начать войну под видом мщения за тестя; дурное правление последних Сайто ускорило развязку, оттолкнув от них сердца их подданных, и Нобунага без особенного труда овладел всем Мино. В это время однажды принесли ему в подарок двух молодых соколов; он возвратил подарок, примолвив: «Некогда мне теперь заниматься охотой; завоевав всю Японию, я приму их; это ещё не будет поздно». Такова была вера его в свои таланты и в своё призвание, несмотря на то, что его замыслы всё ещё могли казаться для всех не более, как самохвальством и дерзостью, в виду множества других князей, вчетверо,

впятеро сильнейших его по материальным средствам и столько же, как он, воинственных и властолюбивых.

Неожиданный случай, как нельзя лучше, помог быстрому развитию его планов. В это время сёгуны дошли до последней степени слабости и уничтожения; при неоспоримости их титула, на который ещё никто не посягал, да и не думал посягать, — до того опошлилось это звание, — у них не осталось и тени власти: ею, безусловно, завладела фамилия Миёси. Миёси только что убили не нравившегося им сёгуна Ёситэру, чтоб отдать сёгунское звание некоему Асикага Ёсицунэ. Два брата Ёситэру, имевшие ближайшее право на престол, тоже обречены были на смерть; но один из них, Ёсиаки, успел бежать. Переходя от князя к князю, он искал себе защиты; но никто не хотел начинать ссору с сильными Миёси, озаботившимися расположить множество князей в свою пользу. Ёсиаки услышал, наконец, о Нобунага и погадал: хорошо ли вручить ему своё дело? Вышло хорошо, и Ёсиаки отправился к нему. Нобунага было это, как нельзя более, на руку. Сёгун всё ещё был, хотя номинальным, но неоспоримым владельцем всей Японии. С ним во главе собственное дело Нобунага в первый раз становилось на твёрдую почву. Сливая своё дело с делом Ёсиаки, Нобунага мог, под предлогом возвращения утраченной власти, во имя самой законной причины, вступить в борьбу со всяким, кто отказал бы Ёсиаки и, следовательно, ему самому в повиновении. Понятно, что Нобунага принял Ёсиаки со всевозможным почётом и взялся защищать его дело с непритворною радостью. На вопрос Ёсиаки: «Какой план действий он предпримет?», — Нобунага почтительно отвечал: «Это уже дело Нобунага; живите спокойно, а Нобунага, не пройдет двух месяцев, как завоюет для вас Мияко».

Собрав вождей, он велел им приготовить войска и ждать его приказаний, а сам с небольшим отрядом отправился на границу своих владений и Оми уговаривать Роккоку Ёсиката, владения которого в Оми лежали на дороге в Мияко, обратиться к своему долгу повиновения сёгуну и способствовать возвращению его в столицу. Но Ёсиката уже был на стороне Миёси. Три раза Нобунага безуспешно отправлял к нему послов; затем вернулся домой, взял войско и в три дня забрал в Оми восемнадцать крепостей. Миёси бежали из столицы, и Нобунага беспрепятственно занял её: всё это сделалось в двенадцать дней, с тех пор, как он вышел с войском из Мино. Жители Мияко, наслышавшись о крутости нрава Нобунага, разбежались; но страх был напрасный. Войскам был отдан строгий приказ не трогать ни волоска чужого; один из военачальников назначен был исключительно для обходов по городу и наблюдения, чтоб солдаты никого не обижали; один солдат заспорил с купцом о цене какой-то мелочи, и этого уже довольно было, чтоб его привя-

зали на многолюдной улице к столбу на позор всем. Жители, видя всё это, вернулись по домам, и спокойствие и порядок, лучше, чем когда-либо, водворились в столице. Нобунага, между тем, пустился преследовать врагов сёгуна и, разогнав их по отдаленным провинциям, вернулся в Мияко и отрапортовал Ёсиаки, уже привезённому туда и водворенному в сёгунском дворце, о своих победах. Ёсиаки не знал, чем достойно возблагодарить своего великодушного защитника, предлагал ему на выбор лучшие вотчины из тех, которыми теперь, по милости его, мог располагать, но Нобунага отказался, прося, вместо того, наградить отличившихся офицеров. Ёсиаки, наконец, придумал написать ему письмо, в котором назвал его своим *отцом*.

Устроив положение сёгуна и взяв на себя и в будущем оберегать его и заведовать всею материальною обстановкой его, Нобунага взял и с него слово заниматься делами, оставил при нем несколько своих офицеров и, как будто исполнив лишь свой долг, вернулся в свою резиденцию (Гифу) в Мино, будучи уверен, что теперь в центре Японии уже не обойдутся без него. Действительно, лишь только он вернулся домой, как Ёсиаки снова был осаждён своими притеснителями. Нобунага опять поспешил на выручку его и опять быстро рассеял врагов. На этот раз он не вернулся тотчас же домой, а занялся наказанием и приведением к покорности окрестных князей, не доставлявших предписанной дани сёгуну или помогавших его врагам. Успех венчал его оружие, куда бы он ни обращался; непокорные смирялись пред именем сёгуна, и последний, по-видимому, должен был более и более проникаться благодарностью к своему защитнику. Но Ёсиаки, как ни был недалек, успел, однако, разгадать смысл опеки, под которую попал: она была ещё стеснительнее той, какую имели над сёгунами Миёси; последние, по крайней мере, не принуждали сёгунов ходить по струнке и заниматься скучными делами правления. А этот строгий и неумолимый Нобунага не позволяет ни полениться, ни побездельничать. Судите сами по следующему укоризненному письму его: «Сёгун обещался прилежно заниматься делами правления, когда шёл в Мияко, а теперь изменяет своему обещанию; наказание неба не преминет постигнуть его, и Нобунага втайне опасается за него; он окружает себя льстецами, а честных слуг гонит; его любимцы теснят народ, за взятки несправедливо судят, под предлогом сборов на Хиэйдзан и другое подобное грабят народ; торгуют милостями. Когда император хотел переменить название года, сёгун не позволил, пожалев расходов на праздник. Народ уже ненавидит его; Нобунага стыдится втайне за сёгуна. Военные, копируя сёгуна, жадничают в деньгах, не заботясь о военных припасах. Нобунага окружил его верными из своих слуг, а сёгун всех их ограбил, отняв вотчины без вины, так что они жалуются, и Нобунага не знает, какими глазами смотреть на них.

В настоящее время сёгун собирает деньги и лошадей, между тем, как Нобунага взялся сам снабжать его всем, что только потребуется, и желание Нобунага лишь одно, чтобы быть заодно с сёгуном и восстановить государственный порядок. Просит теперь Нобунага сёгуна не слушать клеветников, удалить льстецов, покровительствовать честным слугам, заниматься делами правления, не пренебрегать и учеными людьми». Очевидно, что подобные послания, полные весьма справедливых укоров, могли не вразумить неисправимого Ёсиаки, — понимавшего очень хорошо, что, хотя бы он и вёл себя безукоризненно, то всё равно плясал бы лишь под чужую дудку, — а, скорее, ожесточить и побудить к каким-либо ещё большим безрассудствам. На последнее, быть может, и рассчитывал Нобунага, чтоб иметь основательный предлог выбросить за борт ненужный балласт: но для этого пока ещё не пришло время, и Нобунага продолжал наружно оказывать сёгуну все знаки верноподданской преданности. Да и мог ли он поступить иначе? Посмотрите, какая буря поднялась против него со всех сторон ещё только по подозрению, что он метит в сёгуны. Если Ёсиаки понял намерения Нобунага и возненавидел его за них, то тем лучше могли понять их люди, более умные, чем он, и многие, притом сами, не чуждые тех же замыслов, какие питал Нобунага. И вот поднялось страшное движение: многие князья забыли взаимную вражду и подали друг другу руку для совокупной брани против общего врага. Кэнсин и Сингэн, Нагамаса и Ёсикагэ, сильные и воинственные, объявили себя врагами Нобунага на жизнь и смерть. Даже бонзы, которых он имел неосторожность раздражить отнятием у них одной горы под крепость, выставили против него огромные, неистощимые армии. Тут-то настала для Нобунага пора полной деятельности и широкого размета сил. Туда он бросался, как лев, и опрокидывал противников, здесь заискивал дружбы и брачного союза, чтоб хоть на несколько недель разрознить врагов. И нигде ни разу гений его не изменил ему. По мере своих успехов с князьями, он изменял и свои отношения к сёгуну. Ёсиаки, наконец, открыто позвал трёх самых сильных в Японии князей против Нобунага; последний и на этот раз не хотел изменить личины покорности и послал просить мира; но, когда Ёсиаки заносчиво отвергнул просьбу, Нобунага вымолвил: «Мне, наконец, невозможно обойтись с ним без войска», — и быстрым натиском отнял крепость у сёгуна, вошёл в Мияко и обложил сёгунский дворец. Ёсиаки ничего не оставалось сделать, как выслать сказать ему, что «с этих пор он во всём беспрекословно станет слушаться своего нареченного отца». Нобунага извинился пред сёгуном, снял осаду и удалился; но у него уже был рассчитан последний удар фамилии Асикага: он предвидел, что Ёсиаки опять вооружится, предугадывал даже план будущего восстания и, сообразуясь с ним, велел одному из своих гене-

ралов заготовить суда. Действительно, Ёсиаки не замедлил восстать, и Нобунага опять с такою быстротой явился в Мияко, что народ в недоумении спрашивал: «Не на крыльях ли он летает?». На этот раз сёгуну уже не было пощады: он был заключён под стражу, и с тем вместе роль фамилии Асикага, как сёгунов, навсегда кончилась. Её заменила фамилия Ода, хотя Нобунага никак не соглашался принять от микадо звание сёгуна, по виду, как будто из скромности, но, в сущности, гнушаясь этим званием, как до крайности униженным.

В следующий (1574) новый год с поздравлением к Нобунага, как к своему повелителю, собралось отовсюду множество владетельных князей. Когда выпито было по три чаши вина, Нобунага сказал: «У меня есть прекрасная закуска, я попрошу вас выпить с ней», — и велел принести что-то. Все смотрели, что будет. Принесён был ящик, и в нём оказались позолоченные головы Ёсикагэ и Нагамаса, сильнейших из врагов Нобунага, пред тем только что доведённых до самоубийства. Все засмеялись и промолвили: «Как не выпить с такою закуской!». Одушевленную речью Нобунага благодарил гостей за труды за него, при помощи которых он надеется скоро справиться и с остальными своими врагами и объединить Японию. Действительно, теперь врагов у Нобунага стало немного; главные из них были Такэда и Нагао; но первая фамилия уже была не страшна, так как Сингэна не было в живых, а его сын далеко не имел полководческих качеств своего отца, хотя и был храбр и неугомонен; притом же между ним и Нобунага стояла крепкая стена — Изясу, владения которого примыкали к провинции Каи, и Нобунага оставалось только от времени до времени помогать ему. К Нагао Кэнсину Нобунага всё ещё относился с заискиванием и тем успевал хоть несколько развлекать и задерживать этого страшного врага. Между тем, с юга неприязненно высматривал Мори Тэрумото со страшною силой своих тринадцати провинций; но он пока ещё не выступал открыто. Наконец, против Нобунага враждовали ещё бонзы, самые беспокойные из всех врагов. Чтобы показать, что эти враги были вовсе не шуточные, приведем несколько фактов. Ещё прежде они страшными скопищами держались на горе Хиэйдзан, недалеко от Мияко, и в других укрепленных местах, отвергали все мирные предложения Нобунага, смеялись над его угрозами и деятельно помогали его врагам. Нобунага, уловив время, захотел привести в исполнение свою угрозу — выжечь Хиэйдзан и перебить там всех бонз — и отрядил для этого военачальников. Но последние побледили при этом поручении. «Император Камму построил храм на этой горе, и вот уж тысячу лет, как он служит охраной столице, и никто никогда не оскорблял этого места; а теперь внести туда огонь и меч! Как же это?», — возражали они. Но с Нобунага трудно было спорить; он разразился

жалобами и гневом: «Он не знает покоя ни днем, ни ночью; не щадит себя, чтоб уничтожить врагов отечества; прежде он неоднократно просил помощи у бонз, но они всегда отвечали презрением на его просьбы, помогали, напротив того, его врагам, — не враги ли они отечества? И не бремят ли они отечество? Кроме того, они едят запрещённое, держат наложниц, забросили молитвенники, — какие же они хранители императорской резиденции?.. Окружите и жгите, чтоб и остатков их не было!» — заключил он гневную реплику. И вожди буквально исполнили его приказ: главный храм и двадцать одна других кумирен были сожжены дотла; бонзы, женщины, не разбирая ни старых, ни малых, кто захвачен на горе, все перебиты. Но этот урок нисколько не вразумил строптивых поклонников Будды; они заняли и укрепили множество других мест и продолжали наносить Нобунага всевозможный вред. Из своей крепкой позиции в Нагасима они сносились с фамилией Такэда и деятельно помогали ей. Нобунага видел необходимость разорить, наконец, и это гнездо мятежников. «Уже много моих лучших людей истребили разбойники из Нагасима; разорю же я это ненавистное гнездо», — решил он и двинулся сам с огромным войском против Нагасима. По взятии одной второстепенной крепости было убито две тысячи мужчин и женщин, отрезаны у них уши и носы и на лодке препровождены в Нагасима. Вслед за тем подступил к Нагасима и Нобунага и, после страшного кровопролития, в котором потеряли жизнь даже несколько близких родных его, овладел городом, сжёг заживо двадцать тысяч мужчин и женщин, так что запах гари заражал воздух на десятки миль. Но даже и это не образумило бонз. Успевшие бежать из Нагасима приняты были в Осацкой крепости, принадлежавшей также бонзам и сделавшейся с этого времени главным гнездом их; и долго они беспокоили Нобунага, поддерживаемые непокорными князьями и, в свою очередь, поддерживая их, много раз прося пощады, и, при удобных случаях, снова поднимая знамя бунта, пока не были, наконец, частью перебиты, а частью утомлены до очевидной невозможности противиться.

Без устали действуя против врагов оружием и более и более истощая их, Нобунага в то же время заботился о восстановлении потрясённых до основания государственных порядков и о возвращении стране мира и благоденствия, которых она не видала уже сотни лет. Что касается до удельной системы, то она так глубоко укоренилась в японской почве, что Нобунага и в голову не приходило уничтожить её; он только хотел изменить её наружную оболочку. Он задался задачей: уничтожить всех старых удельных князей и вместо их создать княжеские роды из своих полководцев, друзей и помощников. Эта задача естественно вытекала из его главной задачи: в то время, как все дрались один с другим, он предпринял драться со всеми и уже почти всех

одолеет. В течение этой борьбы некоторые князья успели вовремя перейти на его сторону и тем обеспечили продолжение своих родов; все же прочие или истреблены в конце, или загнаны в толпу народа, лишённые титулов и владений. На месте угасших таким образом родов, естественно, должны были возникнуть новые; и вот, сподвижники Нобунага стали стеною вокруг него, возведённые им в достоинство удельных владельцев; он щедрою рукой раздавал им отвоеванные провинции, не справляясь с их родословною, а руководясь лишь справедливою оценкой их талантов и заслуг. Обязанности удельных князей в общих чертах остались те же, какие были прежде; только теперь эти обязанности перешли из теории в самое строгое исполнение. Князья должны были содержать войска и иметь их всегда наготове, чтобы действовать по указанию Нобунага; и мы видим, например, что Сакума, один из лучших и деятельнейших его сподвижников в первое время, за кратковременное небрежение в исполнении этой обязанности получил от него такой строгий выговор, что, в страхе, вместе с сыном, обрил голову и ушёл в монастырь. В мирные дни князья должны были заниматься обучением войск и своим собственным образованием, а не тратить время на пустые забавы; должны были иметь обильные военные запасы, а не издерживаться на затеи роскоши; в отношении к народу быть строго справедливыми и заботливыми о его спокойствии и благе, а не оставаться прежними деспотами или беспечными правителями. И всё это строго исполнялось. Зоркий глаз Нобунага проникал всюду, видел все злоупотребления и беспощадно карал их. Вздохнул свободно, наконец, и народ; настало для него время безмятежья и безопасности; путешественник мог спокойно заснуть под тенью первого попавшегося дерева, отбросив далеко от себя кошелек с деньгами; потерявший дорогу вещь мог вернуться и найти её на том самом месте, где она упала: всякий боялся коснуться чужой собственности, не только воспользоваться ею; все знали строгий уголовный кодекс Нобунага, определивший смертную казнь за копеечную покражу или утайку чужого. Мирные занятия народа процветали; юг с севером, восток с западом стали взаимно меняться своими произведениями, чего давно уже не было...

Счастье, видимо, благоприятствовало Нобунага: самый страшный враг его, Кэнсин, умер, лишь только поднявшись против него. Теперь у него остался один сильный противник, Мори, приютивший у себя экс-сёгуна Ёсиаки и вооружившийся, наконец, на защиту его прав. Против него Нобунага отправил красу своих генералов, непобедимого Хидзёси. Последний стал быстро отбирать у неприятеля провинцию за провинцией и скоро стеснил его до такой степени, что оставалось только нанести окончательный удар. Но этот удар он хотел предоставить самому Нобунага и просил его для этого прибыть

в армию. Нобунага отрядил с собою несколько полков и уже готов был отправиться. Но вместо триумфа нам предстоит описать печальную катастрофу, совершенно неожиданно положившую конец его деятельности. Вышедшему невредимым из неоглядного ряда врагов и уже безопасному от них, потому что их не стало, ему суждено было пасть от своих.

В числе приближённых генералов Нобунага, за способности и усердную службу возвышенных им из низкого звания до княжеского положения, был один, по имени Акэти Мицухидэ. При несомненных военных дарованиях Мицухидэ имел много качеств, обличавших в нём мелкую натуру; по наружности эlegantный, аристократически-вежливый, даже учёный, но невыносимо гордый, обидчивый, мнительный и злопамятный, он был не на месте в кругу безыскусственных, прямых и честных рубаек школы Нобунага. Последний, среди трудов боевой жизни, любил иногда освежить силы веселою пирушкой в кругу своих сподвижников; тогда все церемонии отбрасывались в сторону; герои бранного поля тягались друг с другом количеством выпитых чаш; Нобунага своим примером поощрял всех: он был весь нараспашку, неудержимо весёлый и шумливый. Мицухидэ, как один из военачальников, также обязан был присутствовать на этих пирушках, но плохо было ему здесь: Нобунага, вообще не терявший случая состричь насчёт своего щекотливого генерала, на пирушках особенно зло подтрунивал над ним, не подозревая того, что каждая шутка его принималась за смертельную обиду и никогда не забывалась.

— Пей! — кричал он ему однажды, подавая вино и зная очень хорошо, что Мицухидэ, к довершению всех качеств утонченного японского джентльмена, не может взять ни капли вина в рот.

— Не могу, — отговаривался генерал с самыми вежливыми поклонами.

— Пей, тебе говорят! — горячился Нобунага.

— Никак не могу, — упорствовал Мицухидэ.

— А не можешь, так выпей вот это! — кричал Нобунага, уже сидя верхом на опрокинутом генерале и размахивая саблей, которую как будто готовился воткнуть ему в горло. Оробевший Мицухидэ, сквозь гримасы, выпил вино при хохоте всей компании, после чего удовлетворённый Нобунага схватил под мышку его голову и, похлопывая ладонью по безукоризненно выбритой лысине, промолвил одобрительно:

— Эх, лысина, что твой барабан!

Сцены, подобные этой, нередко повторялись и до крайности бесили Мицухидэ. Он возненавидел Нобунага. Несколько серьёзных выговоров за некоторые служебные ошибки укрепили эту ненависть; а ослеплённый ею Мицухидэ нечувствительно пришёл к убеждению, что и Нобунага, с своей сторо-

ны, ненавидит его, хотя последний продолжал ценить в нём опытного и искусного военачальника. Наконец, один подслушанный у дверей и дурно понятый разговор Нобунага с кем-то окончательно убедил Мицухидэ, что Нобунага замышляет лишить его владений и жизни, хотя последнему, если бы он хотел сделать это, не стоило составлять замыслов, так как ему не труднее было уничтожить Мицухидэ, чем прежде вызвать из ничтожества. Огорчённый до глубины души Мицухидэ стал искать средств предупредить несчастье, готовое, по его мнению, обрушиться на его голову, и в уме его сам собою родился замысел на жизнь Нобунага. Перед отправлением в лагерь Хидэёси Нобунага необдуманно нанёс Мицухидэ новое оскорбление, вызвавшее в нём окончательную решимость. В то время в Мияко прибыл с визитом к Нобунага высокочтимый им Иэясу; принять и угостить его назначено было Мицухидэ; но лишь только последний приготовился к этому, как Нобунага переменял распоряжение, приказав ему с войском немедленно отправиться против Мори. Взбешенный Мицухидэ велел бросить в море всё, что было заготовлено для угощения, и ускакал к своему войску уже с созревшим злым замыслом. Нобунага, готовясь на завтра отправиться в путь, ночевал с сотнею человек своей свиты и телохранителей в храме Хоннодзи, близ Мияко, в то самое время, когда Мицухидэ должен был провести свою, свыше, чем двадцатитысячную, кавалерию на юг дорогою, лежавшею неподалёку от храма. Угрюмый и молчаливый ехал он впереди своих полков, ещё ничего не знавших о его замысле. Вдруг, при повороте к храму, он остановился и, указывая хлыстом по направлению к храму, громким голосом отдал приказ:

— Мой враг вот где. Кто верен мне, за мной! И, не оглядываясь, поскакал к храму. Все знали, что там Нобунага, и изумлению не было границ; но не время было колебаться; все ринулись вперёд; никто не хотел быть предателем своего господина. Страшный шум и военные клики разбудили Нобунага.

— Кто изменник? — крикнул он.

Его люди, успевшие в темноте различить знамена, донесли ему, кто.

— Это ты-то, презренный раб! — воскликнул он и, схватив лук, выбежал защищаться.

Туча стрел встретила его на крыльце: двор и крыши зданий уже усеяны были неприятелями; не оставалось никакой надежды на спасение. Нобунага и его люди дрались только для того, чтобы как можно дороже продать жизнь. Порвав тетиву у лука, Нобунага схватил копьё и ещё убил несколько человек; но, изнемогая и сам от ран, вернулся в комнаты, дал наставление жене, как скрыться, а сам поджёг дом и умертвил себя (будучи сорока девяти лет от роду, в 1582 году). Мицухидэ долго искал в пепле пожарища голову своего

страшного врага: ему не верилось, чтобы Нобунага мог погибнуть, хотя ему представили найденные остатки обгорелого его платья. Первенец Нобунага, Нобутада, давно уже бывший правой рукой отца во всех трудных предприятиях и теперь готовившийся вместе с ним отправиться на юг, занимал в эту ночь со своею свитой другой храм, неподалеку от Хоннодзи. Услышав о несчастной кончине отца, он мог бы спастись немедленным бегством, что и советовали ему приближенные; но, опасаясь, что все дороги уже заняты, он предпочёл дожидаться неприятелей на месте и умереть в честном бою. В полдень и его храм был окружен неприятельскими войсками, и он так же, как отец, устав в неравном бою, кончил жизнь самоубийством. Мицухидэ занял Мияко и получил от микадо сёгунский диплом; но ему ли, запятнанному кровью своего господина, быть повелителем Японии? У Нобунага остался внук, сын Нобутада, прямой наследник верховной власти; осталось также несколько сыновей; но и не им суждено было владеть Японией. Для этого давно уже готовился избранник счастья, питомец военной школы Нобунага, славный Хидэёси.

Тоётоми Хидэёси был сын бедного крестьянина в провинции Овари. Ещё младенцем он лишился отца, и мать его вышла замуж за увечного солдата, служившего в войске отца Нобунага. Маленький Токити, как тогда по простонародному назывался Хидэёси, был в тягость отчиму и матери, жившим в крайней бедности, и они отдали его в монастырь, думая сделать из него со временем бонзу. Но Токити был настолько умен, что не понял бестолковых буддийских молитвенников, и до того шаловлив, что бонзы никак не могли сладить с ним и принуждены были отослать его домой. Тогда родители стали отдавать его в услужение; но неугомонный мальчик нигде не мог ужитья более двух месяцев; всегда бывало так, что в первые дни он усердно займется своими новыми обязанностями, особенно, если определяют его на какой-нибудь завод; в неделю-другую он успеет в точности узнать всё, что представляет ему нового его должность, и затем эта должность делается ему противною, и он ленится и бездельничает до тех пор, пока его с бесчестьем выгонят. Мать была в отчаянии от беспутства сына и считала его совсем погибшим; родные и знакомые беспрестанно корили Токити и читали ему наставления, но ему всё было, как к стене горох. Много лет прошлялся он так из угла в угол; случалось засыпать ему и на грязном помосте между нищими; бывал он (по некоторым сказаниям) и в шайках разбойников. Будучи уже двадцати двух лет он зажился, что-то не в пример долго, у одного богатого крестьянина, которому очень понравился своею расторопностью. Крестьянин этот любил военную науку и имел хорошую коллекцию военного оружия; в то время Нобунага одел свои войска в какой-то новоизобретённый панцирь;

крестьянину захотелось достать этот панцирь для своей коллекции и он дал Токити шесть рё (10 руб. 80 к.) денег и послал его в Овари купить панцирь. Но Токити рассчитал, что ему гораздо лучше употребить эти деньги на собственную экипировку и поискать места получше. В этих видах он отправился домой, показал отчиму шесть рё, как будто заработанные им, подарил тут же одно рё семейству, из остальных на четыре справил себе новое платье и купил саблю, а что осталось, припрятал на чёрный день и отправился к Нобунага проситься на службу вместо своего инвалида-отчима. Чтобы лично изъяснить Нобунага свою просьбу, он подстерг его однажды на дороге и бросился ему в ноги, по всем правилам японского этикета. Расхохотался Нобунага при первом взгляде на него. Нужно заметить, что Токити по виду был совершенный урод: маленького роста, с большою головою, с красным лицом, совершенно обезьяньим; сходство с обезьяной довершали необыкновенно живые его движения, так что с самого младенчества его никто иначе и не называл, как обезьяной; это имя давалось ему каждым при первой встрече, чем Токити никогда не обижался. И теперь Нобунага не мог удержаться от смеха, смотря на вертлявого Токити. «Совершенная обезьяна! Умён, должно быть», — промолвил он и велел зачислить Токити на службу. Токити был вне себя от радости и принялся усердно служить; а служба состояла лишь в том, чтобы при выходе барина подать ему соломенные сандалии, а при входе принять. Но здесь для Токити важна была уже не служба, а сам барин: нашёл он, наконец, по себе господина и всюю душою привязался к нему; трудно было ему показать своё усердие при своей несложной службе, но он умел; своеобычный Нобунага не жил, как другие живут: вставал часто ни свет, ни заря, выходил из дому совершенно неожиданно, но никогда он не мог явиться в передней и не застать там Токити, смиренно сидящего у порога с готовыми сандалиями. Нобунага, впрочем, не обращал на это усердие ни малейшего внимания. Уже другим, посторонним делом, Токити вызвал к себе на первый раз его внимание. В крепостном валу резиденции Нобунага сделался обвал сажень на сто; Нобунага велел починить; но работа шла чрезвычайно медленно по нерадению распорядителей. Нобунага часто проходил мимо этого места, но как будто не замечал. Однажды, проходя, он услышал за собою ропот Токити.

— Что ты ворчишь, обезьянья рожа? — крикнул он с сердцем.

— Как же не ворчать? — отвечал Токити, припав лицом к земле. — Вы теперь в войне, а крепость в таком состоянии. Что, если неприятель вздумает сделать неожиданное нападение?

— А ты разве можешь скорее поправить?

— Да здесь на три дня работы!

— Поручить ему распорядиться! Но если ты не сделаешь в три дня, то ответишь, — пригрозил он Токити.

Последний начал с того, что в первый день всем рабочим задал праздник; но на третий день Нобунага, проходя мимо, увидел, что обвала и следов нет. «Только обезьянья рожа может так сделать!» — удивился он и наградил Токити первым офицерским чином. Скоро после этого Нобунага, недовольный чрезмерными расходами на уголь и дрова в своём дворце, сделал Токити смотрителем дровяных и угольных сараев: расходы сократились на семь десятых. В это время на Токити взведено было обвинение, будто он украл у одного генерала золотую булавку; Токити, со свойственным ему искусством, отыскал покражу, уличил вора и с горькими слезами истинно обиженного пожаловался Нобунага; последний почувствовал к нему сострадание, сделал строгий выговор генералу и, так как необыкновенная бедность Токити была единственною причиной павшего на него подозрения, то прибавил ему жалованья. Это дало возможность Токити, между прочим, завершить законным браком начатую им интимность с одною бедною девушкой, дочерью умершего офицера; но как бедна была свадьба! Сидя на соломе, пили молодые брачную чашу, и простой глиняный сосуд играл роль брачного кубка. Истинная привязанность к господину внушала Токити необыкновенную смелость: часто он предлагал Нобунага разные советы, проекты, но, увы! Ответ ему был всегда в таком роде: «Что ты понимаешь, обезьянья рожа! Убирайся вон!» Или: «За твою дерзость следовало бы тебе голову долой; это и будет, если ты ещё осмелишься сунуться с советом». Но Токити, как ни в чём не бывало, являлся с новым советом, так что при дворе прозвали его «медным лбом» и всячески издевались над ним. Посмеяться над бедным Токити не прочь был и сам Нобунага и на маневрах иногда, для шутки, назначал его генералом и заставлял командовать войском, что Токити, к немалому удивлению толпы, исполнял так, как бы и старому генералу. Подозревать же у Токити истинные военные таланты никому и в голову не приходило, и Нобунага однажды не на шутку рассердился, когда увидел его проделывающим военные артикулы с толпою набранных им для того подростков: Нобунага собственноручно изорвал флаг, сочинённый Токити для этих случаев, и строго запретил ему впредь заниматься подобными вещами. Но пришло, наконец, и для Токити время обнаружить себя. В войне с Сайто для Нобунага чрезвычайно важно было утвердиться на противоположном берегу реки, отделявшей его владения от неприятельских. Нобунага посылал одного за другим всех лучших генералов с отборным войском и со сплавами лесу, чтобы построить на неприятельском берегу крепостцу и сделать её точкой опоры для будущих военных операций. Но труд, по-видимому, был выше сил: едва

только переправятся и начнут строить крепость, как неприятель сильным натиском прогонит войско, разрушит работы, и вновь нужны строительные материалы и свежие войска. Нобунага сильно досадовал и не знал, что делать. Конечно, в этих обстоятельствах он никак не ожидал помощи от Токити, но, тем не менее, однажды обратился к нему за советом с тем видом, с каким иногда добросердечный барин болтает и советуется со своим камердинером, вовсе не ожидая, что камердинер скажет что-нибудь путное. Сверх чаяния, совет Токити оказался, как нельзя более, путным.

— Зачем издерживать свои войска? — говорил он. — Тут нужно действовать против врагов врагами же.

— Как так? — спросил озадаченный Нобунага.

— Очень просто. В уделе Сайто множество недовольных теперешним правлением. Все эти недовольные разбежались по лесам, образовали шайки и разбойничают. Я долго жил в этой провинции и хорошо знаю её, знаю и предводителей шаек (и он по пальцам насчитал до ста шестидесяти). Созвать их; они с радостью согласятся воевать против своего князя; на что лучше войска?

— Но кто возьмётся за это дело?

— Поручите мне, — робко вымолвил Токити.

Нобунага с охотою согласился. Да и отчего было не согласиться? В случае неудачи, он не рисковал ничем; в случае же удачи, приобретал весьма много. Он даже обещал Токити, в случае счастливого начала, пятьсот солдат на помощь. Само собою, разумеется, что прежнее обещание отдать крепость и земли вокруг неё во владение тому, кто построит эту крепость и отстоит её, осталось неотменённым. Токити исчез на некоторое время из лагеря; но через несколько дней под носом у неприятелей, как будто из земли, выросла крепость; неприятели по-прежнему напали, чтобы разрушить её; но нападение не только было отбито с успехом, но в то же время забрана у самих неприятелей близлежащая укрепленная местность. Нобунага, вне себя от радости, переправился в новые свои владения и осыпал Токити наградами: дал ему аристократически звучащее имя Хидээси, подарил знамя и с тем вместе право на командование войском и утвердил за ним отвоеванную местность в виде лена. С этих пор начинается славная жизнь Хидээси. В сражениях он всегда был первый, в отступлениях прикрывал другие войска; где была неминуемая опасность, где поседелье в боях генералы теряли голову, туда посылался Хидээси, и нигде ни разу он не потерялся и не проиграл. После каждой победы он нашивал новую золотую тыкву-горлянку на значки своей кавалерии и хвалился, что доведёт число горлянок до тысячи; теперь уже не смеялись над его словами, а принимали их за оракул. «Тысяча

горлянок» стало прозвищем его и командуемого им войска, и где виднелись золотые горлянки, оттуда неприятель заранее бежал, зная, что тщетно противиться непобедимому Хидэёси. Нобунага ценил своего дивного генерала, осыпал его ласками и вотчинами и с гордостью указывал на него другим вождям, если кого хотел укорить в недостатке энергии или умения. «Что за большая печень у этого Токити», — говаривал он, осматривая дань, которую слали ему непокорные прежде провинции, куда пред тем только что послан был Хидэёси со своею кавалерией. А Хидэёси, осматриваясь кругом, уже находил число врагов слишком бедным для себя.

— Когда я приведу в покорность вам юг, тогда позвольте мне переправиться в Корею; а когда покорю и её, дайте помериться с Китаем, — говорил он, прощаясь с Нобунага пред отправлением против Мори.

— Хидэёси, не много ли будет? — возразил Нобунага. Ему казались странными эти легкие порывы его живого и пылкого Токити. Он сам уже значительно устал в этой непрерывной борьбе с князьями, и венцом его трудов казалось ему объединение и умиротворение отечества. Эта была заветная мечта его с самой ранней юности; когда в первый раз у него, крошечного князька, родилась эта мечта, пред ним стеною возвышались тысячи преград; на них постоянно устремлен был взор его, выше их он не простирался и не мог простираться. Не то с Хидэёси: он не задавался задачей при вступлении в жизнь; у него не было личных великих забот; попав на свою дорогу, он шёл туда или сюда по чужому указанию; путь его так легок; куда ни обращается он, всё расступается пред ним и даёт дорогу. Его гений так светел и легок, что он, как будто играя, идёт от победы к победе; и едва он почувствовал в себе присутствие этого гения, едва ощутил жажду широкой, многообъемлющей деятельности, как, озираясь кругом, он уже почти не видит врагов, и его быстрый взор скользит вдаль по глади океана и там ищет пищу для своего гения. Неизвестно, что было бы, если бы Нобунага и Хидэёси, за недостатком общего дела, которое, видимо, клонилось к концу, стали друг против друга: вступили ли бы они в борьбу друг с другом и, если бы вступили, кто одолел бы: поседелый в победах, опытный и твёрдый, как сталь, в своих предприятиях Нобунага или гибкий, живой и, до невероятности, находчивый и изобретательный Хидэёси; можно сказать только то, что Японии пришлось бы плохо от этой тяжбы. К счастью, судьба заранее очистила путь для Хидэёси.

Положение Хидэёси было весьма затруднительно, когда он получил известие о смерти Нобунага: он был один среди неприятелей; в центре империи верховную власть захватил убийца Нобунага и личный враг его самого; от других полководцев Нобунага он также не мог ждать ничего хорошего для

себя: они давно успели возненавидеть его за быстрое возвышение и необыкновенные успехи. Но Хидэёси не смутился; никто не прочёл на его лице и тени тревоги, и его лагерь сохранил то же грозное спокойствие, как накануне. В это время Мори уже просили пощады и мира: Хидэёси не кончал с ними только потому, что ждал прибытия Нобунага; теперь ему приходилось действовать самому. В неприятельском лагере ещё никто не знал важной новости, и послы с мирными предложениями по-прежнему явились в ставку Хидэёси. Чтобы, на всякий случай, показать неприятелям спокойную самоуверенность, он отослал их назад; когда же они снова явились, он прежде всего объявил им о смерти Нобунага, изложил затем свои условия мира и отпустил домой. Молодой князь Мори обрадовался неожиданному известию и хотел снова открыть военные действия; но опытные дяди остановили его. «Небо, видимо, предназначило этому человеку владеть Японией», — говорили они. «Посмотри кругом: где властелин? Дети Нобунага — поросята (sic); его генералы не настолько талантливы, как Хидэёси. Если мы теперь заключим с ним мир, мы обеспечим себе его дружбу на будущее время». Условия Хидэёси были приняты; с ним заключён самый дружеский союз и даже предложена помощь против Мицухидэ. Чтобы не отвергнуть любезного предложения, Хидэёси взял у Мори несколько ружей, снял лагерь и с быстротою, свойственною ему одному, явился в столице. Похититель власти всего тринадцать дней пользовался титулом сёгуна; на четырнадцатый он был разбит и убит, а Хидэёси, в качестве опекуна над внуком Нобунага, принял в свои руки правление. Сподвижники Нобунага, с его сыновьями во главе, восстали против этого, но Хидэёси без труда одолел их, после чего уже прямо объявил себя верховным повелителем¹, наделив лишь ленами детей и внука Нобунага и поставив их

---

1. Мы решительно затрудняемся определить положение Хидэёси другим словом, да и невозможно. Сами Японцы, в продолжение семи веков существования сёгунов, не могли придумать приличного названия для этого странного положения людей власти без титулов. Слово *сёгун* обращалось в практике с самой глубокой древности, усвоенное, согласно его буквальному смыслу, начальникам войск, и Ёритомо справедливо назывался сёгуном, лишь только собрал армию для борьбы с Тайра; но коль скоро он сделался повелителем Японии, в самом строгом смысле этого слова, названием сёгуна никак не могло выразиться его положение. А какое другое название усвоить? Императорские титулы должны были остаться неприкосновенными: посягнуть на них значило бы окончательно низвергнуть императорскую династию, на что Ёритомо не решился. Вводить какой-нибудь новый титул, например, короля, тоже довольно опасно: неизвестно, как принял бы это народ, народ восточный, у которого, что освящено временем, то и свято. Не надежнее ли было остаться, по наружности, при всём старом? Император уже давно был без власти, это не тайна ни для кого, стало быть, забирая в свои руки Японию, Ёритомо не делал ничего нового; сёгун, тоже слово, известное всем и каждому... Так или иначе, только Ёритомо не счёл нужным ломать голову над придумыванием титулов себе и остался с названием, определявшим его отношение лишь к армии, но никак не к Японий вообще. Недостаток этого названия отчасти искупался тем, что с того времени его уже не усвоили собственно начальникам

в ряд простых удельных князей. Большая часть провинций бесспорно покоилась ему: князья спешили обеспечить за собой лены принесением присяги на верность новому повелителю. В правах Хидэёси на верховную власть, основанных на его талантах и, особенно, на его образцовых войсках, по-видимому, никто не сомневался, и перемена правящей династии на этот раз далеко не стоила Японии такого потрясения, как прежде. Но ещё были у Хидэёси враги, не склонявшиеся пред ним, и между ними человек, которого одного во всей Японии Хидэёси несколько боялся: это Токугава Иэясу. Отношения Хидэёси к нему заслуживают особенного внимания.

Иэясу верой и правдой служил Нобунага и всегда был отличаем последним пред другими князьями. Своими блестящими военными талантами и опытностью, так как почти постоянно вёл войну, он был страшен врагам;

войск: *генерал* стал единственным лицом в Японии. С течением времени титул сёгуна в глазах народа более и более освящался, и Такаудзи, основатель новой династии верховных повелителей, уже тем более не счёл нужным придумывать какое-нибудь новое название для себя. Нобунага не хотел принять сёгунского титула, но и он не мог придумать ничего лучшего и так и умер без титула. Хидэёси тоже не хотел назваться сёгуном (японские историки говорят, будто император не соглашался дать ему этот титул на том основании, что-де только потомки фамилии Минамото могут пользоваться им; но это, конечно, писано лишь в угоду последней сёгунской династии, Токугава; Нобунага происходил от Тайра, а император предлагал же ему титул сёгуна; Мицухидэ — самая тёмная личность, а микадо поспешил же с угодничеством выслать ему сёгунский диплом, лишь только он совершил своё преступление). Но нужно же было назваться как-нибудь. Ему кто-то посоветовал принять титул кампаку.

— А что такое кампаку? — спросил он.

— Это первое после императора лицо; высший сановник в государстве, — объяснили ему.

— А! Идёт! — ответил он.

Должность кампаку оказалась занятою каким-то Фудзивара: разумеется, это лицо почтительно и торопливо подало в отставку, и Хидэёси принял титул кампаку. Но, конечно, этот мирный гражданский титул ещё менее мог выразить значение верховного повелителя Японии. И потому следующий за Хидэёси, такой же повелитель, Иэясу, не мудрствуя лукаво, опять вернулся к титулу сёгуна. Между тем, сами японцы постоянно сознавали недостаточность этого титула, и некоторые писатели, ещё при первых династиях, покушались назвать сёгуна *тайкуном*; но другие решительно восставали против этого на том основании, что слово тайкун есть лишь китайский перевод слова *оогими* (великий господин), тоже одного из императорских титулов; и это название никогда не могло получить официального значения; его можно было встретить только в немногих, самых ластивых сёгунам сочинениях. Уже при заключении трактатов с иностранными державами, когда японским дипломатам нужно было уравнивать сёгуна в названиях с их величествами разных европейских держав, они поторопились усвоить сёгуну титул тайкуна. Но и это как бедно в сравнении с пышными европейскими титулами коронованных особ! Японские официалы много ломали голову, чтобы придумать что-нибудь равнозначашее им, но так и не придумали, с тем сёгунство и покончило своё существование. Кстати, заметим, что усвоенные европейцами наименования микадо — *духовным* императором, а сёгуна — *светским*, решительно неудачны. Уж лучше бы назвать одного — *номинальным* императором, а другого *действительным*.

верностью слова и честностью он заслужил всеобщее уважение; строгостью дисциплины и в то же время простотой в обращении и умением войти в положение каждого он возбуждал неподдельную любовь своих офицеров и солдат; а его справедливость, добросердечие и заботливость о благе народа, — качества очень редкие тогда между князьями, — делали его идолом его подданных. Всё это, взятое вместе, давно уже поставило Иэясу в общественном мнении Японии выше всех князей, и в настоящее время, если кого-нибудь, то именно его считали способным помириться с необыкновенным баловнем счастья Хидээси. Он и сам не прочь был от этого. По смерти Нобунага, Иэясу, бывший на ту пору с небольшою свитой в Мияко, вдали от своих владений, подвергнулся опасности разделить участь Нобунага. В первые минуты он считал свою гибель до того неизбежною, что хотел сам порешить с собой, чтоб избежать позорной смерти от руки врагов; к счастью, его уговорили отложить операцию харакири (разрезывание живота), пока испытаны будут все средства к побегу. Своею добротой он приобрел себе много друзей в разных местах, кроме своих провинций, и теперь эти неведомые друзья помогли ему ускользнуть от опасности: он благополучно вернулся домой и тотчас же стал готовить войска для похода на Мицухидэ. Но это было сделано уже прежде его быстро поспевающим Хидээси. Вместе с тем повод к походу на столицу сам собой уничтожился; а так как там начались смуты по поводу притязаний Хидээси, то Иэясу счёл за лучшее, не пускаясь за журавлём в небо, приобрести синицу, и занялся округлением своих владений: в самое короткое время он приобрел три провинции, так что у него составилась довольно почтенный лен в пять провинций. Народ других князей всегда был рад попасть под управление справедливого Иэясу; войска завоеванных провинций также с охотой поступали под его победоносные знамена; таким образом, пока Хидээси определял своё положение в столице, и Иэясу стал на своей почве твердою ногой, готовый принять вызов на какую угодно борьбу. Долго Хидээси ждал визита Иэясу в столицу, но последний не двигался; непокорные князья с Сикоку слали послов к Иэясу, прося его союза против Хидээси, но он и от этого уклонялся: он не хотел связать своё дело с делом ненадежных союзников; он предпочитал стоять одиноко, чтоб иметь во всякое время полную свободу выбора. Наконец, Нобуо, старший из оставшихся сыновей Нобунага, желавший во что бы то ни стало добиться своих прав на первенство в Японии, убежал к Иэясу, отдавая своё дело с Хидээси в его руки. Иэясу принял его и обещался защищать, но всё-таки не хотел выступить из своих владений, предпочитая вести борьбу на родной почве. Хидээси волею-неволей должен был принять очевидный вызов. С сильным войском вступил он в неприятельские владения и тотчас же встретился лицом к лицу

с Иэясу; противники смерили друг друга взорами и остановились: ни тот, ни другой не хотели начинать первый; каждый из них знал, что ставил здесь на карту весьма многое, если не всё, и потому каждый, для большей верности, хотел по первым действиям угадать план противника и сообразоваться с ним. Нетерпеливому Хидэёси надоело, наконец, это критическое положение.

— Нужно послать к Иэясу письменный вызов, — сказал он однажды в кругу своего штаба.

— Не следует, — заметил на это один из его приближённых. Можно предвидеть, чем кончится в таком случае. Иэясу ответит колкостью; вы выйдете из себя и второпях наделаете, пожалуй, непоправимых глупостей.

— Как можно, чтоб я в таких случаях горячился! — возразил Хидэёси и велел изготовить письмо в самых вежливых выражениях. «Князь, начинайте», — гласило оно; «нужно же нам кончить наше дело; вы видите, я огородился частоколом и не имею ни малейшего намерения двинуться отсюда, пока мы не сразимся». Письмо было отнесено на неприятельский вал и прибито к столбу. Ответ не замедлил, но он был не от Иэясу, а от начальника авангарда, и заключался в следующих выражениях: «Не угодно ли вам начинать, князь? Вы огородили своё войско частоколом, чтоб оно не разбежалось, а у нас без всяких загородей войско стоит, готовое во всякую минуту отразить вас». Как порох вспыхнул Хидэёси, прочитав этот ответ.

— Ну, так и есть! Не говорил ли я, что быть беде? — поспешил заметить его друг. Но Хидэёси, не слушая ничего, выбежал, в чём был, из палатки и пустился к неприятельскому валу. Перепуганная свита бросилась за ним, не зная, что будет; а он бегом взлетел на вал и вслух обоих лагерей обругал Иэясу самыми резкими словами. Неприятельские аванпосты, узнав его, подняли пальбу, но пули летели мимо. «Небом данного повелителя и пуля не берет!» — прокричал он и, повернувшись, неторопливым шагом отправился в свою палатку. Облегчив, таким образом, душу, Хидэёси опять стал ждать, но, наконец, его терпение окончательно истощилось, и он решился последовать совету некоторых генералов: отделить часть войска и зайти неприятелю в тыл. Совершенно незаметно, по-видимому, сделан был этот маневр под начальством тех самых генералов, которые подали совет; но лишь только они подошли к крепости, на которую предположено было напасть, как опять очутились лицом к лицу с самим Иэясу: произошло сражение, и войска Хидэёси не выдержали. Иэясу, отразив нападение, опять остановился, готовый, по-видимому, встретить неприятеля в каждом пункте своей территории. Хидэёси не решился продолжать опасную борьбу и, чтобы дать благовидный предлог к отступлению, разрушил несколько незначавших крепостей и, как будто сделав всё, что хотелось, вернулся с войсками в Мияко. Тот же Нобуо,

который вызвал Иэясу на защиту своих прав, принял на себя, конечно, не без внушений со стороны Хидзэси, посредничество между враждующими партиями, и формальный мир был заключён. Но Иэясу всё-таки не хотел явиться в столицу: он продолжал быть в тех же гордо-холодных и независимых отношениях к Хидзэси, какие принял до начала войны. Хидзэси решил во что бы то ни стало сломить эту гордость. Не раз уже его послы возвращались от Иэясу ни с чем, наконец, он отправил посольство с решительным приказанием не являться обратно, если Иэясу не будет уговорен прибыть в столицу. Послы долго убеждали Иэясу согласиться на желание их повелителя, представляя все выгоды союза с ним и все невыгоды борьбы; Иэясу по-прежнему отвечал им или холодным молчанием, или вежливыми, но решительными противоречиями, и, наконец, бросив их, уехал на соколиную охоту. Послы последовали за ним и туда, и опять пристали с уговорами.

— С Хидзэси уже вся Япония, а вы, князь, один: можете ли вы бороться с ним, когда у вас всего пять провинций? Само небо, видимо, покровительствует ему, и вы, не покоряясь Хидзэси, возбудите против себя мщение неба. Не лучше ли посетить столицу? Дайте нам решительный ответ.

Держа сокола на локте и готовясь пустить его, Иэясу отвечал сухо и решительно:

— Сколько уж раз я говорил вам, что мы не сходимся с князем. Я был в столице, когда мы оба с ним служили у общего нам повелителя; а теперь мне больше, чем столичные виды, нравятся вот эти дикие поля и эта охота. Что же касается до угроз, то я понимаю своё положение лучше, чем кто-нибудь. С Хидзэси вся Япония, а со мной мои владения, но зато здесь каждый клочок земли мне известен, а ему придётся вести войну на незнакомой почве. Идите и передайте всё это князю, и если опять явятся ко мне послы, то я уже не буду так снисходителен к ним, как доселе. И он отвернулся от них и спустил сокола.

Со страхом и трепетом передавали послы этот ответ Хидзэси, ожидая вспышки необузданного гнева; но тихо выслушал он их, дал знак удалиться и глубоко задумался. Уже поздно вечером он очнулся от своей задумчивости и велел позвать послов. Встретил их весёлый и радостный.

— Иэясу, наконец, явится ко мне, — сказал он. — Слушайте: у него умерла жена; я предложу ему жениться на моей сестре; в заложницы же, на то время, пока он будет в Мияко, отправлю свою мать.

План был оригинален: никто ещё в таких случаях не отдавал в залог родную мать; что же касается до сестры, то она давно уже была замужем за другим князем. Но это не смутило Хидзэси: он велел князю развестись с женой, после чего бедный князь должен был от печали и позора распороть себе брюхо, и отправил сватов к Иэясу.

Не выдержал на этот раз неуступчивый противник; отказать и теперь значило бы уже возбудить смертельную вражду Хидэёси; Иэясу предпочел почётный союз и родство и обещался прибыть в столицу лично благодарить наречённого шурина. Хидэёси, не медля, отправил к нему мать, а Иэясу не замедлил вместо неё явиться в Мияко. Хидэёси был в восхищении от успеха своего предприятия. Ему важна была покорность Иэясу не только как опасного соперника, но и по другой причине. Окружающие его князья, по невозможности бороться с ним, конечно, покорились ему. Но никто из них не забывал, кто такой Хидэёси по своему происхождению; сын раба подчинил себе всех их, гордых и сановитых вассалов, — дело неслыханное и беспримерное в японской истории; но чем чувствительнее было ранено их самолюбие, тем грубее были проявления их неудовольствия: многие старались дать своим отношениям к Хидэёси вид фамильярности, иные позволяли себе колкие замечки насчёт его; всё это не могло нравиться Хидэёси, не потому, чтоб он был щепетилен и безрассудно горд, но потому, что это отзывалось неповиновением и могло во всякое время послужить зерном раздора и больших беспорядков. Хидэёси, не без основания, рассчитывал, что покорность гордого Иэясу, первенца между князьями, по сознанию самих князей, поможет ему в этом щекотливом деле.

— Как быть? Князья фамильярничают со мной и держат себя слишком вольно на том основании, что я такого низкого происхождения. Чем помочь в этом? — спросил Хидэёси на первом же частном визите, которым поспешил приветствовать давножданного гостя, лишь только он прибыл в Мияко.

— Одно средство: учредить строгий этикет; я завтра же покажу им пример, — отвечал Иэясу.

Назавтра назначен был официальный приём Иэясу; все наличные князья и вельможи должны были участвовать в церемонии. Иэясу с глубоко почтительным видом и со всеми признаками самого покорного вассала представился Хидэёси, который, согласно условию, держал себя на этот раз особенно гордо и церемонно. Смотря на эту сцену, все прикусили язык и почувствовали урок. Если непобедимый Иэясу так смиряется, то как же должны быть низки пред Хидэёси они сами, не смевшие и думать о сопротивлении ему в открытом поле! Чтоб ещё более подействовать на князей, разыграна была, по предварительному условию, следующая сцена. Однажды Хидэёси, в сопровождении блистательной свиты вассалов, делал визит Иэясу. На нём был белый военный плащ. По окончании визита, когда Иэясу, с видом глубокой почтительности, проводил Хидэёси из внутренних покоев в приёмную, где оба они очутились пред огромною толпой князей и сановников, Иэясу, вдруг, как бы по внезапному вдохновению, обратился к Хидэёси

с почтительнейшею просьбой, и когда последний пожелал узнать, в чём дело, попросил подарить ему одежду с плеча.

— Да ведь это военный плащ, — возразил Хидэёси.

— Его-то я и прошу. Мой высокий шурина может теперь освободить себя от военных доспехов. Иэясу сумеет защитить его, если то потребуется.

— Какого славного зятя я приобрел себе, — с весёлым смехом заметил Хидэёси, обращаясь к свите и отдавая плащ Иэясу. Две-три сцены в том же роде, и самое строгое соблюдение этикета воцарилось при дворе Хидэёси.

Поладив с Иэясу, Хидэёси уже не боялся более никого в Японии. Из оставшихся непокорными князей самыми главными теперь были два: Симадзу Ёсихиса, предок теперешнего Сацумского князя, и Ходзё Удзимаса, владетель восьми восточных провинций. Первый, владея леном на самом отдаленном от центральной власти конце Японии, на юге Кюсю, давно уже безнаказанно бил соседних князей и отнимал у них владения, на требования покорности отвечал Хидэёси самыми грубыми письмами и не думал признавать над собою ничего контроля. Хидэёси, наконец, потерял терпение и сам отправился усмирить бунтующего вассала. Ёсихиса хотел противиться, но это оказалось безумием; скоро он кончил тем, что обрил голову, надел монашескую рясу и, с заранее приготовленным для себя гробом, явился в лагерь Хидэёси. Последний смягчился таким необыкновенным видом покорности и оставил жизнь и владения роду Симадзу, отобрав у него всё то, что было захвачено незаконно.

Ходзё Удзимаса тоже долго упорствовал в неповиновении Хидэёси. Много раз они обменялись взаимными посольствами, и Ходзё совсем не прочь был явиться с повинною в столицу; он только ждал, чтоб ему предложена была такая же честь, как Иэясу. Но он, хоть и владетель восьми провинций, по своим личным качествам далеко не был так опасен, как Иэясу, и Хидэёси не намерен был кокетничать с ним. Видя безуспешность дружеских вызовов, он объявил, что идёт усмирить его силой. Между прочими князьями он пригласил на этот раз участвовать в походе и Иэясу. Последний, находясь по брачным связям в близком родстве с Ходзё, видел необходимость обеспечить доверие Хидэёси каким-нибудь важным залогом и отослал к нему с этою целью своего старшего сына. Хидэёси принял мальчика совершенно по-родственному, повел его к своей жене, велел нарядить по-столичному, сам заткнул ему за пояс дорогую саблю и вновь вывел к послам: укорил Иэясу в излишней мнительности, рассыпался в уверениях, что он без всяких залогов твёрдо надеется на Иэясу и, обняв мальчика, возвратил послам для доставления отцу. Но Иэясу не совсем по душе пришлась эта любовь милого шурина: он совершенно понял смысл её.

— Это значит, что он хочет занять мои крепости на время войны с Ходзэ, — пояснил он.

Действительно, таково было намерение Хидэёси. Многие генералы Иэясу подозрительно взглянули на эту политику; но он лучше их знал рыцарский дух Хидэёси и со всею готовностью обещался посланцам его очистить нужные крепости.

— Вы этак, пожалуй, и жену свою уступите другому, — угрюмо и ворчливо заметил тут же один из старых советников.

— Вот, он всегда так грубит, этот несносный дядька мой, — отшутился благодушный Иэясу, сильный, между прочим, тем, что никогда не стеснял своих советников в выражении их мнений.

В награду за помощь Иэясу в войне против Ходзэ Хидэёси ещё наперед обещал отдать ему лен Ходзэ. Но, увы, и это было вовсе не к радости Иэясу. Хидэёси нужно было не наградить его, а разлучить с его народом, который обожал своего князя, что было вовсе невыгодно для всякого, кто захотел бы враждовать с ним. Те восемь провинций расстроены дурным управлением и войной: когда ещё Иэясу приведёт их в порядок и приобретет любовь народа! А между тем, восемь, вместо пяти, которыми до сих пор владел Иэясу: как не считать этого наградой! Скрепя сердце, Иэясу благодарил своего щедрого шурина (как будто оба они не разумели своей взаимной комедии!) и усердно дрался с Ходзэ.

— Где думаешь основать свою резиденцию? — спросил однажды Хидэёси у Иэясу в лагере при Одавара, отлично укрепленной резиденции Ходзэ.

— Да где же, как не здесь?

— Нет, я советую тебе занять другое место. Миль двадцать отсюда, по восточному берегу, есть прекрасный залив с небольшим городком Эдо: вот, где место для твоей резиденции.

Иэясу принял совет и, по получении лена, действительно, основался в Эдо, хотя, по низменности места, ему стоило необыкновенных трудов сделать его удобообитаемым и построить укрепления.

По уничтожении Ходзэ вся империя была у ног Хидэёси; воля одного повелителя беспрекословно исполнялась всеми: давно уже не было этого в Японии. Будучи гениальным полководцем, Хидэёси был не менее гениальным администратором: все части управления подверглись при нем преобразованию и улучшениям; особенно же великую услугу своему народу оказал он поверкой и перемеживанием земель, причём, обращено было самое строгое внимание на распределение полей по классам, смотря по производительности почвы, и, сообразно с этим, с разных полей определены неодинаковые повинности.

Но ни внутренние войны, ни заботы по управлению не могли истощить богатых сил гениального Хидэёси. Куда деть избыток их? Не забыл он своего плана внешних завоеваний, заявленного им ещё при Нобунага. Занятый объединением Японии, он, от времени до времени, давал знать окружавшим его, что этот план носится в его душе. Так однажды, осматривая Камакура и зашедши в храм, где стояла статуя Ёритомо, он, поглаживая по спине первого сёгуна, говорил вслух своей свите: «Приятель, ты голою рукой взял империю; только ты да я способны на это. Впрочем, ты приходишь от знатного рода, а я сын раба; да притом, порешив с домашними делами, я доберусь до Китая. Как ты думаешь об этом?» Теперь Хидэёси решился, наконец, осуществить свою долговременную мечту. Предлог к начатию войны был готов. При первых сёгунах династии Асикага Япония была в самых дружеских отношениях с Китаем и Кореей; китайские императоры любезничали с Асикага, называя их королями; Корея служила посредницей этих любезностей. В последнее время Асикага, когда в Японии настала страшная безурядица, японские пираты начали грабить берега Китая и Кореи, за что последние почувствовали самое неприязненное расположение к японцам, хотя правильные торговые сношения между Кореей и Японией, чрез посредство японского острова Цусима, не прекращались. Хидэёси давно ещё чрез двойных данников Китая и Японии, Рюкюйцев (жителей Лючу), пытался возобновить сношения с китайским императором, но последний не считал нужным даже отвечать ему. Этого уже достаточно было для начатия войны. Так как в Китай ближайший путь был чрез Корею, данницу Китая, то Хидэёси хотел прежде всего склонить её на свою сторону. В любезном письме по этому поводу к корейскому королю Хидэёси, известив его о прекращении беспорядков в Японии и объединений её, продолжал: «Хидэёси низкого происхождения; но его мать, забеременев им, видела во сне, что будто солнце вошло в её чрево. Гадатели объяснили, что все страны, куда достигает солнечный свет, наполняется славою его оружия, и что с кем бы он ни воевал, непременно победит, что бы ни захотел взять, непременно возьмёт». Он просил дальше короля открыть ему свободный путь в Китай и даже оказать ему деятельную помощь. Но король счёл всё это самохвальством и отвечал грубостью и прямым вызовом на войну. Тогда Хидэёси созвал князей, объяснил им свои сношения с Китаем и Кореей и свой план относительно завоевания их, и требовал их совета. Князья, зная, что война заранее решена, единогласно одобрили его предприятие и обещались, безусловно, следовать его предписаниям. Тогда он назначил, кому, с каким количеством войска и военных запасов, явиться к походу, и распустил всех по домам для скорейшего приготовления. Сборным пунктом назначена была Нагоя, в области Хидзэн, на Кюсю. Когда войска

собрались, Хидэёси, сообразно разделению Кореи на восемь дорог, разделил их на восемь дивизий, назначил начальников и составил превосходный план кампании, в котором, по-видимому, всё было предусмотрено и наперед устроено. В заключение, для лучшего исполнения этого плана, он предположил отправиться во главе войск сам. Но это встретило решительное противоречие со стороны как искренних приверженцев его, так и всех, желавших блага отечеству. На совете по этому поводу Хидэёси долго спорил с князьями, старавшимися деликатно уговорить его остаться дома.

— Да что попусту тратить слова? Когда человек спятит с ума, тогда его ничем не урезонишь, — хватил с плеча, наконец, один старый князь, любивший говорить правду.

— Я спятил с ума? Доказательства! — вспыхнул Хидэёси, выхватив саблю.

Князь, несколько не смутившись, резко и смело представил ему эти доказательства. Он говорил, что «для Японии, только что отделившейся от внутренних мятежей, очень тяжела эта новая война, которая будет поглощать пот и кровь народа, что народ всё-таки молчаливо перенесёт её, но не иначе, как если сам Хидэёси останется с ним и своим присутствием будет обуздывать людей, злонамеренных и наклонных к мятежам; в противном же случае, лишь только Хидэёси покинет берег, как в разных концах государства непременно вспыхнут бунты, и отечество снова подвергнется всем ужасам междуусобий; Хидэёси, не окончив дела, всё-таки принужден будет вернуться домой, но ещё неизвестно, как его примет отечество». Хидэёси казалось всё это недостаточным, чтобы назвать его сумасшедшим, и он порывался своеручно изрубить князя, безропотно подставлявшего голову под саблю; но, к счастью, между ними стали другие князья, кивнули виновному, чтоб он ускользнул, а разгоряченному Хидэёси представили всё недостойнство самоличного труда в этом случае и вызывались каждый заменить его саблю своею. Князь, затворившись дома, несколько дней ждал приказа совершить харакири, но этого не последовало; резоны же его, кстати, подкрепленные письмом матери Хидэёси, извещавшей его о своей болезни и умолявшей не отлучаться из отечества, всё-таки сделали своё дело: Хидэёси решился отпустить войско без себя. Князь был, как нельзя более, прав: когда он был ещё в неизвестности касательно своей участи, здесь же, на Кюсю, в одном месте вспыхнул бунт; Хидэёси позвал князя, извинился пред ним в запальчивости и поручил его сыну усмирению бунта, а сам ещё более утвердился в решимости не оставлять отечества. Между тем легионы его благополучно высадились в Корею (в 1592 г.) и шли от победы к победе: корейские крепости падали, города почти беспрекословно сдавались. Корею ли, веками прирученной

к подчинению и ослабленной от двойного гнета Китая и Японии, воевать с гордыми духом японскими войсками, особенно, когда ими командовали такие птенцы гнезда Хидэёси, как Като Киёмаса и Кониси Юкинага? Корейский король слал послов за послами в Китай, требуя помощи. Китайский император увидел, что с Хидэёси, в самом деле, шутить не следует, и спешил выслать огромные армии в Корею: ему хотелось во что бы то ни стало вести эту войну на чужой почве, чтобы не подвергать своих земель всем ужасам неприятельского нашествия. Уже недалеко от своих пределов китайские войска встретились с японскими и тоже были разбиты на всех пунктах. Тогда китайцы заговорили о мире, обещаясь согласиться на всевозможные уступки. Между японскими вождями также нашлись сторонники мира. Хидэёси, управляя издали экспедицией, не мог устранить соперничества между генералами. Они старались щеголять друг пред другом победами и не упускали случаев ставить друг друга в очень затруднительное положение, словом, мешали один другому. Это было причиной, что война, хотя и победоносная для японцев, всё-таки не шла так, как ожидал Хидэёси, а между тем, для неё истощался весь японский народ, и потому сам Хидэёси не прочь был от мира, разумеется, выгодного для себя; именно, он хотел, чтобы всё то, что забрано его войсками в Корее, осталось за ним, Китай же должен был поднести ему титул своего короля. Китайский император с радостью согласился на эти условия, и потому военные действия были остановлены и из Китая отправлено к Хидэёси блистательное посольство с королевским дипломом и платьем. Назначен был день для торжественной аудиенции послам; Хидэёси, в присланном королевском одеянии, сидел на троне во главе блистательнейшей свиты своих вассалов и вельмож двора; послы представились ему со всеми признаками подобоострастия и поднесли диплом, который велено было тут же торжественно прочитать. «Итак, за всё это», — заключал высокопарный диплом, перечислив высокие достоинства и заслуги Хидэёси, — «мы жалуем ему титул японского короля».

— Японского короля! — вскрикнул Хидэёси, вскинувшись с места. — Титул Японского короля! — кипел он, швыряя с себя королевскую шапку и мантию. — Я и без того в Японии всё, что хочу: император, так император, король, так король! Кто же смеет давать мне японские титулы?

Все в зале были ни живы, ни мертвы: послы ждали, что им сейчас голы с плеч; но Хидэёси велел просто прогнать их, и сейчас же закипели приготовления к новой войне. Опять японский народ понёс трудовую лепту на военные расходы, опять несчастная Корея застонала под двойными ударами, а слабодушные китайцы, неподражаемо способные лишь на обман, стали пятиться от храбрых врагов. Но, к счастью для всех, престарелый Хидэёси

уже стоял на краю гроба: ему было шестьдесят два года, когда началась эта вторая корейская война (в 1597 г.). По смерти его, последовавшей в ближайшем году, войска из Кореи немедленно были отозваны, и его предприятие рухнуло, к общей радости всех трёх держав. Единственным плодом этого предприятия для Японии осталось, и то на короткое время, восстановление древних даннических отношений корейского короля к Японии.

Хидэёси долгое время был бездетным; однажды порадовало его рождение сына от одной из наложниц, но и тот скоро помер; это крайне печалило его, особенно, под старость, когда нужно было подумать о преемнике себе. Отчаявшись иметь детей, он, ещё пред первым походом в Корею, назначил своим преемником своего племянника Хидэцугу. Но после этого у него неожиданно родился сын, названный Хидэёри. Хидэёси был вне себя от радости. Для новорожденного, конечно, нужно было очистить место, отданное племяннику; кстати, этот племянник оказался совершенным негодяем, способным лишь на самый необузданный разврат и тиранство. Хидэёси долго терпел его и ждал исправления; наконец, когда Хидэцугу затеял было восстание против дяди, Хидэёси решился обуздать милого племянника. Последний, видя свой замысел открытым, пришёл в такой страх, что, не дожидаясь разделки, порешил сам с собою. Хидэёри предстояло наследовать титулы и власть отца. Но он был ещё ребенком, когда Хидэёси почувствовал приближение смерти. Умирая, Хидэёси сделал всё, что мог, дабы обеспечить власть за сыном. Самых сильных князей и самых преданных своему дому людей он сгруппировал вокруг Хидэёри, разделив между ними дела правления и устроив так, что, по-видимому, никто не мог взять опасного преобладания. Пять главных князей (Токугава Иэясу, Маэда Тосиэ, Мори Тэрумото, Утида Хидэиэ и Уэсуги Кагэацу) составили верховный совет, имевший ведать самые важные государственные дела; пять важных сановников назначены для заведования текущими делами; в случае недоразумений и несогласий между этими двумя инстанциями должны были посредствовать между ними особо для того назначенные три советника (тюро); войско расформировано на семь дивизий и получило начальников, на верность которых Хидэёси твердо надеялся; воспитателями и наставниками наследника назначены особенно преданные вельможи. Все обязаны были клятвою в неупустительном исполнении предначертаний Хидэёси, пока его сын не будет в состоянии взять в свои руки кормило правления. Но, увы, всё это не спасло его династии, как он сам когда-то не спас династии Нобунага.

Однажды, ещё при жизни Хидэёси, когда у него по какому-то случаю собралась все князья, он вышел к ним с маленьким Хидэёри на руках.

— Ну что? Кого боишься? Кто страшней всех? — спросил он, шутя, у малютки, тарашившего глазенки на незнакомые лица. Хидзэри указал на Мори Тэрумото, страшного видом.

— Нет! Этот-то что! Ты вон, кого бойся, вот того чёрненького, с небольшою головой, — сказал, смеясь, отец, указывая на Иэясу, сидевшего первым в ряду князей.

Шутка была пророчеством. Действительно, для Хидзэри всех опасней и страшней оказался Иэясу. Не успело остыть тело Хидзэси, как между правительственными лицами родились поводы ко взаимным неудовольствиям и завязались интриги: у всех всплыли наверх личные симпатии и антипатии и своекорыстные замыслы. Иэясу стоял высоко над всею этою толпой, и потому за ним следили с особенною ревностью, в намерении предупредить всякие попытки к самовластию с его стороны. Но он, как будто не замечая этого, и не думал стесняться, а делал то, что хотел. Первые самовластные действия его касались вещей не особенно важных, вроде заключения брачных союзов, вызова или отсылки домой того или другого князя; но так как, по завещанию Хидзэси, и это не могло производиться иначе, как с общего совета, то уже всякий мог видеть, что Иэясу ставит себя выше своих товарищей. Против него поднялся крик неудовольствия соправителей, а один из них, Уэсуги, прямо укорил его по пунктам в десяти преступлениях против данной им клятвы на верность Хидзэри. Тогда Иэясу собрал войско и пошел наказать дерзкого князя, как своего оскорбителя. Но лишь только он оставил столицу, здесь образовалась страшная коалиция против него под предводительством неугомонного интригана и бездарного человека, Исида Мицунари. Положение Иэясу было очень затруднительно: он попал между двух огней. Но его спасало то, что ещё никто не мог укорить его открыто в прямых замыслах против верховной власти. Хидзэри стоял в стороне; тут было дело удельного князя Иэясу с его личными врагами, и потому многие князья охотно приняли его сторону. Он оставил против Уэсуги своего сына, приобрета ему надёжного союзника в предке теперешнего Сэндайского князя, Датэ Масамунэ, с которым заключил секретный договор¹, а сам обратился против союзников. На пути

---

1. За помощь против Уэсуги Иэясу обещал Масамунэ лен в миллион коку (в коку больше семи пудов рису), когда сам овладеет Японией. Из этого видно, что у Иэясу в то время уже было определённое намерение устранить Хидзэри и овладеть верховною властью. Но это намерение он мог открывать только таким людям, как Масамунэ. Последний был тоже одною их замечательнейших личностей этой эпохи. С юных лет он без устали воевал со своими соседями; его мечты далеко не заносились; он не заявлял претензий на сёгунский престол; он лишь хотел добыть себе такой огромный лен, какой только можно, и отдаленность поприща его действий от центральной власти, как нельзя более, способствовали ему. Уже Хидзэси овладел почти всею Японией и требовал, между прочим,

к Осака, местопребыванию Хидзэри и сборному пункту союзников, к нему один за другим присоединялись князья, или лично расположенные к нему, или находившие для себя более безопасным стоять заодно с ним. Союзники сочли для себя более удобным встретить Иэясу в открытом поле, чем в стенах Осакской крепости, и потому выступили к нему навстречу. При Сэкигахара обе армии сошлись. Союзники значительно превосходили Иэясу числом войск, в опытных и искусных генералах у них также не было недостатка. Но звезда Иэясу горела ярко: он одержал полную и решительную победу. Эта победа, уничтожившая личных врагов Иэясу, в то же время была и решительным ударом, нанесенным династии Тоётоми. Некоторые даже из сторонников Иэясу и многие князья, не принявшие участия в борьбе, считавшие её частною враждой между Иэясу и его личными врагами и не имевшие намерения изменять Хидзэри, спохватились теперь, но поздно, и потому должны

и Масамунэ явиться с покорностью, но этот не обращал внимания на призыв до последней крайности: он не то чтобы хотел противиться, а ему некогда было, — у него были свои счёты с соседями, которых он немилосердно обшипывал. Впрочем, он всегда умел вовремя явиться с повинной головой, причём, обыкновенно, давал обязательство не обижать соседей; но никогда не думал, без особенной крайности, исполнять это обязательство; в случае же обвинений, умел удивительно ловко вывернуться из беды. Так, однажды он был обвинён пред Хидзэси в нарушении спокойствия соседей: без явных улик обвинение, конечно, ничего не значило бы: к несчастью, Хидзэси вдруг неожиданно показывает запирающемуся Масамунэ его собственное письмо, которым он подбивал другого князя соединиться с ним против одного из соседей; письмо было скреплено именно печатью виновного. Пристально рассматривает уличенный Масамунэ письмо своим единственным глазом, видит, точно, его печать.

— Удивительно ловко подделано, — замечает он с неподражаемою невинностью.

— Как? Будто печать не подлинная?

— В этом-то не может быть сомнения; только изумительно как хорошо нынче подделывают печати; вот тут лишь одна чёрточка не так.

Потребовал Хидзэси для сличения его печать, и точно, чёрточка почему-то оказалась непохожею. В другой раз, когда не было уже никакой надежды на пощаду, Масамунэ явился к Хидзэси с раззолоченным столбом, на котором распинают и умершвляют самых важных преступников. Кто же станет казнить такого покорного? Из подобных фактов видно, между прочим, что Масамунэ не мог иметь особенной симпатии к династии Хидзэси, постоянно стеснявшего его. Но в то же время он не имел и особенных причин ратовать за Иэясу и очень холодно принял его посланца, присланного с предложением союза. Уже когда посланец объявил, что есть особое секретное условие, и когда оказалось, что оно заключается именно в обещании миллиона коку, тогда Масамунэ заинтересовался и выразил согласие помочь сыну Иэясу против Уэсуги. Иэясу дал письменное обязательство выполнить это условие. Но, увы! По мере успехов, память Иэясу насчет обязательства постепенно делалась слабее, а Масамунэ почему-то не напоминал. Уже при внуке Иэясу, Иэмицу, он решился напомнить. Поморщился Иэмицу при этой неожиданности: отказать — скандал, а исполнить почти не было средств. Отправился один из сановников двора к Масамунэ, попросил показать акт; но лишь только акт выпущен был из рук доверчивым Масамунэ, как сановник, со словами: «Этот-то? Да это не больше, как клочок старой бумаги!» — быстро разорвал его и бросил в жаровню. Горько засмеялся старый князь и тут же выбрал себя за опрометчивость.

были, для личной безопасности, припрятать подальше свои чувства. Иэясу, вслед за победой, сбросил с себя маску и стал перетасовывать князей по своему. Все сторонники его, деятельно помогавшие ему, награждены или прибавкой ленов, или чинами и почестями; все противники, кто не успел вымолить пощаду, лишены владений; даже те князья, которые, имея на месте готовое войско, не присоединились к врагам его, но в то же время не помогли и ему, понесли тяжкое наказание; так у Мори Тэрумото, простоявшего всё время сражения в нерешительности, к какой стороне присоединиться, по окончании же сражения тотчас принесшего повинную Иэясу, за одну эту нерешительность отобрано шесть провинций.

Не встречая оппозиции от примолкнувших князей, Иэясу счёл своевременным облечь себя и титулом, который бы узаконял его самовластие. Он не побрезговал титулом сёгуна, которым так пренебрегали Нобунага и Хидэёси. Таким образом, династия Тоётоми, и de facto, и de jure, была устранена от верховной власти; Хидэёри обратился в простого удельного князя с довольно значительным, но и не особенно богатым леном (в шестьсот тысяч коку). Впрочем, и после этого Иэясу продолжал ласкать Хидэёри и оказывать ему знаки особенного внимания; так, в том же году, в котором сам принял титул сёгуна, он выдал за Хидэёри свою внучку. Но, увы! Это похоже было на украшение жертвы, обречённой на заклание. Сын Хидэёси, законный наследник верховной власти, не побеждённый в войне, не лишенный своих прав за какую-нибудь вину пред нацией, а обойдённый, единственно, потому, что по малолетству не в состоянии был защищать себя, мог быть впоследствии весьма опасным для Иэясу и его династии. Что, если по возрасту, он или даже его дети вздумают заявить свои права? И что, если у них окажется хоть малая доля талантов их предка? Пока сам Иэясу жив, он, пожалуй, в состоянии будет защитить себя и свой род; но он сам уже на краю гроба; он добился верховной власти исключительно своими талантами, но кто поручится, что первый же его преемник, его сын Хидэтада, не проиграет всего добытого им? Как сам он, Иэясу, не может и думать о равенстве с Хидэёси, так и сын Иэясу станет во мнении всей Японии гораздо ниже своего соперника Хидэёри, лишь только последний вздумает заявить свои права и вступить с ним в борьбу. Его невинность и оскорбления, причиненные ему отнятием у него законного наследства, громко возопиют к совести всех и, вместе с памятью о достоинствах и заслугах его отца, которого вся Япония признала даром неба, возбудят к нему самые искренние симпатии, тогда как несправедливый захват и явное коварство Иэясу, и многие обиды, нанесенные им князьям, отвратят симпатии Японии от его сына. Не гораздо ли лучше отделаться навсегда от опасного соперника?.. В Осака, разумеется, знали все эти сооб-

ражения и старались вести себя так, чтобы не подать Иэясу ни малейшего повода придрататься и начать войну: умный и верный воспитатель Хидээри, Катагири Кацумото, был ангелом-хранителем своего питомца. Но предложения ли стесняться, когда дело идёт о таком важном предмете, как утверждение на престоле своей династии? Можно прицепиться к самому незначительному обстоятельству. В 1614 году Хидээри окончил постройкой, по обету, один храм; на праздник освящения его предположено было просить дзэнсёгуна (прежнего сёгуна, как в это время назывался Иэясу, так как передал уже своё звание сыну Хидэтада) и сёгуна; приглашено было множество и других знатных гостей. Дзэнсёгун с первых же слов охотно согласился почтить своим присутствием праздник и уже отпустил обратно Кацумото, присланного просить его. Но, вдруг, ему почему-то захотелось взглянуть на надпись, которая была вылита на замечательно большом колоколе нового храма. Прочитав надпись, Иэясу пришёл в сильный гнев: там были употреблены два знака, которыми пишется имя Иэясу. «Что это, Хидээри вздумал проклинать меня?» — молвил он. Тщетно Кацумото, вернувшись с дороги, представлял ему, что Хидээри и понятия не имел об этой надписи, что она писана каким-то бонзой. Иэясу ничего знать не хотел и требовал, чтобы колокол перелили; все приготовления к празднику обратились ни во что. Тут уж было не до праздника. Из Осака отправлено новое посольство уверить Иэясу в невинности Хидээри, но он и слушать не хотел. Между тем, в то же время, искусною интригой в Осака возбуждено было подозрение в предательстве Кацумото. Иэясу знал, что с устранением его дело успешнее пойдёт к развязке. Действительно, мать Хидээри, властолюбивая и своенравная Ёдогими, уже не сдерживаемая мудрыми советами Кацумото, решила лучше умереть, чем долее выносить своё унижительное положение. Хидээри, хотя ему в это время было уже двадцать лет, во всём беспрекословно слушался матери; фавориты Ёдогими, по неразумию и из угодливости ей, поддержали вспышку её гордости, и приготовления к войне закипели. Многие князья сочли своим долгом вступить за Хидээри и привели свои войска на защиту Осака. Но не замедлил явиться сюда и Иэясу во главе ещё большего числа князей и огромнейшей армии. Осакая крепость, построенная Хидээси, была в то время лучшею крепостью в империи. План осады её, сохранившийся доселе, достаточен был бы, если бы не существовало других доказательств, убедить всякого в необыкновенных полководческих талантах Иэясу; но и осаждённые не имели недостатка ни в мужестве, ни в искусстве, и часто Иэясу, для воодушевления своего войска, готового упасть духом от бесплодных усилий, должен был сам являться среди свиста неприятельских пуль. Наконец, осаждённые принуждены были сдаться; но они могли ещё выговорить в условиях, кроме своей

личной неприкосновенности, то, чтобы внутренняя крепость осталась нетронутою, тогда как наружные укрепления отдавались на разрушение. Иэясу, рассчитав уже последний удар Хидээри, счёл за лучшее, впрочем, не стесняться условиями и отдал тайный приказ разрушить всё. Когда его солдаты принялись засыпать внутренние рвы, испуганные противники бросились искать суда на нарушение условия: но сёгун отсылал их к дзэнсёгуну, этот к такому-то начальнику под предлогом, что это по его части, тот ещё к другому, другой отзывался больным и посылал к пятому, а, между тем, усиленная работа шла, и прекраснейшая из крепостей была разрушена прежде, чем успели найти, кто отдал ошибочный приказ. Расчёт Иэясу был верен. Едва он успел вернуться с войском домой, как в Осака затеялось новое восстание. Ближайшая причина его, на этот раз, состояла в недостатке продовольствия для тех сбродных войск, которые со всех сторон стеклись в Осака для защиты Хидээри, и которым Иэясу не мешал и по окончании войны остаться там. Когда почувствовался этот недостаток, из Осака обратились к Иэясу за пособием, но он, естественно, имел полное право не обратить внимания на это требование. Тогда осакский сброд вновь предпринял домогаться восстановления прав Хидээри. Ёдогими и сам он, как будто неизбежным роком влекомые на гибель, беспрекословно поддались недостойным советникам. И между князьями нашлись люди, решившиеся, с видимою опасностью для себя, защищать сына своего прежнего повелителя. На скорую руку возобновлены были, по возможности, укрепления, и вновь Иэясу стоял пред ними, но уже грозный и неумолимый. Осаждённые дрались на жизнь и смерть, зная, что теперь не будет пощады; но уже не те были твердыни, скрывавшие их. Хидээри сам, наконец, вышел в битву с остатками своей дружины, но тотчас же должен был вернуться в крепость, преследуемый по пятам неприятелем; он затворился с матерью и приближенными в кладовой, отправив жену умолять Иэясу о мире и наперёд соглашаясь на какие угодно условия. Иэясу с гневом принял свою внучку и не дал ей ответа; впрочем, велел военачальникам пощадить жизнь Хидээри; но они, как видно, по недостатку дисциплины, оставшемуся, впрочем, почему-то без дурных для них последствий, выстрелами из ружей в дверь кладовой дали знать Хидээри, что для него всё кончено.

— Таково определение неба! — решил он и зарезался. Ёдогими, обхватив его голову, долго рыдала и, в заключение, попросила одного из присутствовавших убить её. Более двадцати человек генералов и придворных Хидээри последовали примеру своего господина, а десять фрейлин Ёдогими сделали ту же честь своей госпоже. Князья, помогавшие Хидээри, лишены владений; главные зачинщики восстания казнены; Осацкая крепость сделана личным владением сёгуна; лен Хидээри роздан защитникам сёгуна. Таким

образом, династия Тоётоми, со всеми своими сторонниками, исчезла с лица Японии.

Теперь князья стояли пред Иэясу безгласные и покорные, без тени строптивых замыслов. Иэясу мог теперь предписать им какие угодно законы и он не упустил случая сделать это. Вот знаменитые тринадцать правил, которыми, в общих чертах, определены обязанности князей. Князья должны:

- Заботиться о процветании в их владениях наук и военного искусства;
- Не позволять распушенности нравов и кутежей;
- Не оставлять без наказания нарушителей законов;
- Доносить о зачинщиках мятежей и убийцах;
- Не переселять своего народа с места на место;
- Не строить крепостей без разрешения сёгуна;
- Доносить об измышляющих какое-нибудь новое учение и составляющих общества;
- Не заключать самопроизвольно, без сёгунского разрешения, брачных союзов;
- Соблюдать предписания этикета;
- Не носить запрещённого платья;
- Кому по чину не дозволено, не употреблять паланкинов;
- Не быть расточительными;
- На должности в своих владениях избирать людей достойных¹.

При этом определении обязанностей князей, разумеется, были приняты самые действительные меры к тому, чтоб эти обязанности в точности исполнялись и, вообще, чтобы князья соблюдали самую строгую подчинённость сёгуну. Меры эти состояли в следующем: 1) у князей, по возможности, обрзаны лены, так что особенно больших и сильных вассалов, всегда опасных для центральной власти, не стало; 2) лены всех прежних князей (названных *тодзама* — внешний, то есть не принадлежащий к дому Токугава) окружены ленами новых (*фудай* — домашний), возведённых в княжеское достоинство из потомственных слуг Иэясу, ознаменовавших себя заслугами и преданностью его дому; 3) всем князьям вменено в непрременный долг всегда содержать в сёгунской столице заложника, которым долженствовало быть лицо,

---

1. Нихонгайси. 22 кн. 31 л. Нам случалось встречать у новейших европейских писателей об Японии указание, будто Иэясу вошёл лишь в союз с князьями, в котором он был почти совершенно равен им, так что Япония представляла в то время что-то вроде конфедерация почти независимых одно от другого княжеств; в доказательство этой конфедеративности, писатели указывают именно на приведённые тринадцать правил, называя их договором Иэясу с князьями, но, не приводя самих правил, заключённых в недоступных японских книгах. Пусть судят читатели, похожи ли эти правила на договор между двумя свободными сторонами.

дорогое для князя, то есть сын его или другой ближайший родственник. Впрочем, Иэясу продолжал ещё оказывать князьям-тодзама некоторые знаки особенного внимания; при приезде их в столицу, например, он выезжал за город навстречу им; при дворе всегда отличал их от фудаяев: это была позолота пилюли, очень горькой.

Устанавливая свои отношения к князьям, Иэясу в то же время преобразовал государственное управление, стянув весьма искусно все нити административной сети в одни руки сёгуна. Он умер семидесяти пяти лет (в 1616 г.), счастливый тем, что успел сам окончить государственное устройство так, как желал. Его сын, Хидэтада, долгое время бывший деятельным участником во всех его военных и административных предприятиях и давно уже носивший титул сёгуна, как нельзя лучше понял планы отца и, по смерти его, ни в чём не отступал от них. Сын Хидэтада, Иэмицу, вырос также на глазах Иэясу и особенно радовал его богатыми умственными способностями и геройским духом. В осаду Осака, ещё ребенком, он уже рвался в сражение и плакал, что дед не пускает его.

— Вам всего четырнадцать лет, ещё будет время отличиться, — заметил ему один из приближённых Иэясу.

— Но четырнадцать лет разве мне будет опять? — обидчиво возразил Иэмицу, не переставая плакать.

— Это одно твоё слово лучше всякого военного отличия, — заметил ему с улыбкой дед, довольный, как нельзя более, и порывом храбрости, и находчивостью своего внука-ребенка.

Заступив место отца, Иэмицу вновь выказал и свой геройский дух, и свой ум, и довершил подчинение тодзама сёгуну, отняв у них и последние ничтожные привилегии и знаки превосходства пред фудаями. При самом вступлении на престол он созвал всех тодзама и произнес им следующую речь: «Мой дед был такой же князь, как вы, но вашей помощью подчинил себе государство; поэтому он обращался с вами почтительно и отнюдь не смешивал вас с фудаями. Что же касается меня, то я с самых пеленок повелитель империи и этим отличаюсь от моего деда. Теперь я вступил на престол, но права мои по отношению к разным лицам неодинаковы: это не хорошо. Отныне я уравниваю вас во всё с фудаями. Кому это не нравится, тот пусть отправится в своё княжество. Даю три года сроку: пусть каждый зрело обдумает и решит, подчиниться мне или не подчиниться». Князья тут же единогласно отвечали уверением в самом безусловном подчинении, после чего Иэмицу, чтобы ещё более произвести на них впечатление, удалился из тронной залы в один из внутренних покоев, оделся по-домашнему, потребовал связку сабель и, вызывая князей одного за другим, подарил им из собственных

рук по сабле, причём советовал каждому вынуть клинок из ножен и испытать его качество. Князья должны были оценить отвагу сёгуна, только что оскорбившего их и тут же остававшегося с глазу на глаз с каждым из них, давая обнажённую саблю в руки. При Иэмицу же окончательно установился обычай, обратившийся скоро в обязательство для князей, постоянно пребывать в Эдо. Началом этого обычая послужило указанное выше обязательство князей давать сёгуну заложника. Ещё при жизни Иэясу один князь в угоду ему предложил представить в Эдо, в залог своей верности, всё своё семейство. Когда же Иэясу выразил ему за это своё величайшее удовольствие и одобрение, тогда за этим князем потянулись и другие, за семействами стали и сами селиться в Эдо. Кончилось тем, что Иэмицу велел всем князьям, без исключения, навсегда поселиться в Эдо, и это было приведено в исполнение в таком буквальном смысле, что даже в свой загородный дом, за чертою Эдо, князь уже не смел выехать без разрешения сёгуна. Каждые два-три года князю позволялось на несколько месяцев отлучиться в свои владения, но без семейства, которое безвыездно жило в Эдо; отпуска князей распределяемы были так, что два соседние по своим владениям князя никогда не отправлялись домой разом.

После Иэмицу только один сёгун, Ёсимунэ, царствовавший с 1716 по 1745 год, подражал доблестям своих славных родоначальников. Все прочие сёгуны династии Токугава были не лучше Асикага. Но удельные князья, скученные в Эдо и опутанные многосложными обязательствами, никогда не выходили и не могли выйти из пределов самого строгого повиновения им. Распушение князей из Эдо, случившееся семь лет тому назад, было началом революции, приведшей в прошлом году к падению династии Токугава и к ниспровержению сёгунского престола. Но ход этой революции должен быть предметом особой статьи.

Иеромонах Николай

«Русский Вестник». 1869. № 11. С.207–227. № 12. С.414–460.

Примечания

Кемпфер Энгельберт (1651–1716), немец, служил врачом в голландской фактории в Японии.

Фон Зибольд Филипп Франц (1796–1866), немецкий естествоиспытатель, служил врачом в голландской компании в Японии.

Алькок (Олькок) Рутерфорд (1809–1897), первый генеральный консул Великобритании в Японии.

Линдау Рудольф (1829–1910), дипломат и журналист, в 1860–1869 гг. служил консулом в Йокогама.

Готцен — установить, кого имел в виду Архиепископ Николай, не удалось.

ИЗВЕСТИЕ О ПРИХОДЕ КАЗЕННОЙ ЯПОНСКОЙ ШХУНЫ
В ЗАЛИВ ДЕ-КАСТРИ 1-ГО ИЮНЯ 1861 Г., СООБЩЕННОЕ ИЗ ТОГО ЖЕ ЗАЛИВА
С ПАРОХОДА «АМЕРИКА» ИЕРОМОНАХОМ НИКОЛАЕМ, ОТПРАВИВШИМСЯ
В ЯПОНСКИЙ ПОРТ ХАКОДАТЭ, ОТ 6-ГО ИЮНЯ 1861 ГОДА

*Возвращено от Государя Императора
19 октября 1861 г.*

Теперь я сообщу Вам очень интересную новость, для которой, собственно, я и пишу к Вам это письмо. В день Вознесения Христова (1 июня), в полдень, показалась на здешнем рейде шхуна с Японским флагом.

У нас (на пароходе «Америка») произошло всеобщее движение: все выбежали на палубу смотреть, и удостоверились в действительности. Японская шхуна, ловким маневром переменявши галс, чтобы подойти к стоявшей вдаль от нас шхуны «Восток», со всего ходу вдруг уселась на риф. Спустя несколько минут, от действия отлива, она лежала почти на боку, так что видна была килевая часть. Со всех судов, в том числе — и с «Америки», полетели туда шлюпки — узнать: что такое случилось. Японцы сидят себе покойно и покуривают трубочки, как будто не их дело. Много было суеты, шуму, криков между всеми, кроме японцев; кончилось всё тем, что «Америка» развела пары и уже в полночь стащила японцев с их некомфортного гнезда. И вот до сих пор (6 июня) в 200-х саженьях от нас развевается японский флаг на судёнышке (впрочем, довольно хорошо), где, когда угодно, можно видеть довольно смышленные и даже плутоватые, но нельзя сказать, чтобы не симпатичные физиономии милых затворников, решившихся, наконец, выглянуть из своей затхлой кельи на свет Божий. Они приезжали благодарить «Америку», которая, в свою очередь, также делала им визит. Были и взаимные салюты. — Для чего они идут в Николаевск? — Ответ их был: «цель, — пока ещё ученая, — узнать и описать дорогу в Николаевск, чтобы потом завести, если можно, торговлю; разумеется также, — отдать прошлогодний визит Казакевичу (которого, впрочем, они теперь не найдут в Николаевске, — он уехал на Уссури)». Переводчик (наш мальчик от Хакодатского Консульства) говорит, впрочем, что у них есть и ещё какая-то цель, которую они не обнаруживают. Так или иначе, — только добро пожаловать, милые гости! Капитан (имеющий быть вице-губернатором, если только благополучно окончит навигацию в Николаевск, — между тем как теперь он только ещё 4-е по Губернаторе лицо в Хакодате; знать — Японское Правительство придает немалое значение этому путешествию!) сам говорил нам ещё, что, если

не нынче (нынче у них отправляется посольство в Лондон и Париж), так на следующий год непременно будет отправлено официальное посольство в С. Петербург. Важно! Вот развернулись! Я решительно в восторге от моих приятелей! Года два тому назад можно ли было ждать от них такой прыжки? Завтра, 7 июня, Японская шхуна с нашим лоцманом пойдет дальше; мы также отправимся из Де-Кастри далее, и, быть может, через неделю, придём в Хакодатэ.

Примечание. В документе Казакевич, но правильно Козакевич Пётр Васильевич (1814-1887), в описываемое время контр-адмирал, военный губернатор Приморья.

И В ЯПОНИИ ЖАТВА МНОГА... ПИСЬМО РУССКОГО ИЗ ХАКОДАТЭ

Крайняя несостоятельность японских религиозных учений, дух японского народа и правительства, — всё предвещает здесь близкие и быстрые успехи христианской веры. Японская народная религия (Синто), поклонение духам предков, не могла отстоять себя и против буддизма; в сопоставлении же с христианскою верою она падает в прах пред самым начальным догматом: существования единого Бога, Творца и Промыслителя вселенной. Буддизм также дошел в Японии до последних нелепостей, до диаметральных противоречий себе самому, и легко опровергается на основании самых простых суждений здравого смысла.

Японский народ в религиозном отношении можно разделить на четыре класса: верующих в бесчисленное множество будд и бодхисаттв и молящихся им, без всякого разумного отчета, кроме единственного натолкованного бонзами, побуждения — по смерти избежать ада, — это старухи и старики из простонародья; очень слабо верующих, но не считающих себя обязанными молиться, — это вся, далёкая от смерти, молодежь из простонародья; презирающих буддизм, но стоящих горюю за Синто, хотя и не верующих, — это всё горячие патриоты из образованного класса; наконец, презирающих и буддизм и Синто и не верующих ни во что, кроме Конфуциева безличного неба, или самоизобретённого жизненного духа и т. п., это образованный класс вообще.

Японское правительство во все времена отличалось примерною веротерпимостью, и христианскую веру, распространённую здесь католиками миссионерами во второй половине 16-го столетия, изгнало отсюда совсем не как веру, но как «волшебное искусство, обманывающее народ, возбуждающее его к неповиновению властям и имеющее конечную целью лишь приго-

товление Японии к покорению её иностранцами»¹. Это слишком несправедливое понятие о христианской вере, по-видимому, давно уже было оставлено правительством Сёгуна, и если ещё официально стоял не отмененным древний закон смертной казни за принятие христианства, то он не имел и применения, хотя случаи к тому не могли не представляться.

В настоящем году правительство Сёгуна пало и власть перешла к Микадо. Переворот этот был сделан несколькими удельными князьями, ненавистниками сёгунской власти, во имя возвращения Японии к древнему величию и древнему благоустройству, упавшим будто бы в правление Сёгунов. Князьям и увлеченным ими патриотам, во чтобы ни стало, нужно возвысить Микадо, находившегося до сих пор в совершенном порабощении у Сёгунов, и дать ему прежний блеск: и вот Синто, по которому Микадо есть прямой потомок небесных богов, поднимает голову; все древне-национальное высоко ценится; даже буддизм, как религия, пришедшая извне, подвергается оскорблениям.

---

1. Из нескольких рукописных очерков христианства в Японии, которые я успел достать и прочесть (много нельзя достать, так как писать об этом предмете запрещено), подтверждаемых народными преданиями, а также краткими указаниями и намёками авторитетных исторических сочинений, видно, что католические миссионеры, в самом деле, без зазрения совести и очертя голову, пользовались, как вспомогательным средством к обращению народа в католичество, превосходством европейских технических и физических наук перед японскими, выдавая разные фокусы за чудеса. Показывают, например, японцу зеркало, на котором, под политурой, искусно нарисована, видимая только при известном освещении, голова лошади. «Смотри», говорят, «на что ты похож». Японец приходит в ужас от своего душевного безобразия. «Молись же», продолжают, «если не хочешь остаться скотом». Японец усердно начинает твердить: «сэнсубари, сэнсубари», (должно быть: Jesus Maria или Sancta Maria). Когда затем, по прошествии назначенного срока, проведённого в молитве, он снова является к миссионерам, то, к несказанной радости, видит себя в зеркале уже не лошадей, а ангелом. Умели также миссионеры, под видом сверхъестественных чудес, показать в комнате море, гору и т. п. Всё это принесло очень горькие плоды! Стоит послушать в настоящее время признания японцев и особенно японок, с каким страхом они, в первое время по прибытии иностранцев, прятались от них, воображая в них, как в христианах, колдунов, способных на всё. Меня самого многие японцы упрасивали показать им какой-нибудь сверхъестественный фокус, никак не веря, чтоб я не был чернокожишкой. И до сих пор чернь, даже в Хакодате, после шестнадцатилетнего знакомства с иностранцами, ещё не утратила того же мнения о христианах. Когда, в начале нынешнего года, здесь явилась шайка поджигателей, целый месяц беззаконно тревоживших весь город, до невероятности ловких и прытких, народ прямо порешил, что это — чародеи — христиане. В прочитанных мною сочинениях есть также прямые указания и на то, что, при непрерывных государственных смутах, бывших во время христианства в Японии, когда Сёгунский престол то и дело переходил из рук в руки, миссионеры не сумели удержаться сами и удержать своих прозелитов от политических интриг. А Симабарское восстание под христианским знаменем, страшная, вполне историческая катастрофа, кончившаяся поголовным истреблением восьмидесяти тысяч инсургентов?.. Наконец, есть следы и того, что кое-кому из христианских прозелитов здесь не чужда была, очевидно, не ими самими изобретенная, мысль предания отечества во власть иностранцам.

Христианству, в это время первого пыла, конечно, хорошего ждать нечего; и действительно, в числе трёх первых и самых важных указов Микадо, один — запрещает принятие христианской веры. Но это запрещение не страшно; оно не вытекает из таких достаточных побуждений, какие имели древние Сёгуны к гонению христианства; оно — результат усилий возвести историческое учение, без системы и толку, в веру, а исторических людей в богов. Если это правительство и удержится, что почти невероятно, так как в настоящее время только что загорается серьёзная междоусобная война, с одной стороны за Микадо, с другой за Сёгуна, — это запрещение едва ли будет причиною серьёзного гонения на христиан.

Одним из первых принципов нового правительства поставлена дружба с европейскими державами и заимствование всех европейских наук: можно ли защититься от христианства, когда все европейцы христиане и когда христианская вера — альфа и омега всех наук? Я не говорю уже о том, что европейские дипломаты, при серьёзных побуждениях к тому, конечно, не преминут хлопотать о свободе вероисповеданий.

В видах скорой и обильной жатвы, католические и протестантские державы давно уже выслали сюда толпы миссионеров. В Йокогаме живут три иезуита, в Нагасаки четыре, если не больше, в Хакодате два, в Хёго, открытом в прошлом году, основывается пост. Протестантских миссионеров почти столько же, за исключением Хакодате, где их ещё нет.

Из Йокогамы я имею положительные сведения об одном американском миссионере, который уже многих приготовил к крещению и в последнее время, вместе с американским доктором, строит дом, который будет совмещать приёмную для больных и молельню для открытых проповедей японцам. Успехи и надежды на будущее других миссионеров, особенно иезуитов, отличающихся своею деятельностью и искусством, конечно, не меньше.

В Нагасаки и окрестностях его, по японским официальным известиям, до тысячи католиков, по народным толкам, до трёх тысяч, по сказанию одного из живущих здесь иезуитов, до тридцати тысяч. Если остановиться на первой цифре, то и это успех огромный. Он объясняется тем, что к миссионерам примкнули тайные христиане, хранившие с 17-го столетия из рода в род, под глубоким секретом, некоторые остатки христианского учения.

Прежнее правительство, всё основанное на шпионстве, без сомнения, не могло не знать об этих успехах запрещённой веры; но лишь в прошлом году нашлось вынужденным¹ посадить в тюрьму несколько человек, которые

1. Дело началось так: у Английского консула, человека женатого, была служанка, а у неё мать — христианка и, следовательно, по понятию японцев, не-христиан, колдунья. Соседи, проведая об её вере, стали грозить, что сожгут её дом, если она не бросит христи-

скоро и выпущены были по ходатайству французского министра. Министр при этом дал слово, что французские миссионеры остановят свою деятельность, но не прошло трёх месяцев, как, при перемене правительства, два миссионера захвачены были, на деле пропаганды, в одной деревне далеко от Нагасаки, и, следовательно, нарушившими не только данное за них обещание, но и трактат, запрещающий иностранцам далеко отлучаться с места их жительства. Пойманные миссионеры, впрочем, ушли, как говорят, не без содействия поймавших. Тысяча христиан, обнаруженных новым правительством, отдана под надзор соседних князей, как у нас отдают под надзор полиции; пятьдесят из них, в острастку другим, правительство грозит сослать на Сахалин в каменноугольные копи, существующие, впрочем, пока только в соображениях здешних администраторов.

В Хакодэтэ ровно год как поселились двое иезуитов — миссионеров. По приезде сюда, они в несколько месяцев воздвигли дом, чуть не лучший во всём городе, и теперь готовятся к постройке церкви. Со мною они всячески избегают знакомства, обращаясь даже в не совсем приличное бегство из дома, где нечаянно меня застают, и всё это несмотря на то, что я знаком уже с одним из них, сделав, в бытность мою в Йокогаме, три года тому назад, визит, между прочим, и в католическую миссию.

Но, живя здесь о бок с ними, я имею случай наблюдать их интересные действия, которые, разумеется, подчинены строгой системе. Приехав в Хакодэтэ, они прежде всего старались наружно познакомить с собою город и сами познакомиться с ним: почти во всякое время дня их можно было встретить, чуть не разом во всех пунктах города, идущими всегда вдвоем, мягкою, вкрадчивою походкой, в черных рясах с капюшонами, с важностью на лице, со взором, готовым каждое мгновение устремиться в небо; иногда они вооружались миниатюрными молитвенниками и читали их во время прогулки по городу, к немалому удивлению японцев. При прогулках они не упускали случая заговаривать с японцами и приглашать их к себе, обещаясь показать «очень почтенного бога». Таким образом, в несколько недель, после их прибытия, уже все в Хакодэтэ, от мала до велика, знали, что это именно французские бонзы, приехавшие учить народ своей вере, и многие охотно вызывались слушать их. Так много значит одно имя миссионера! Познакомив с собою город наружно, они не замедлили идти далее: во время прогулок стали

анской веры, и, стало быть, по их понятиям, не перестанет колдовать. Дочь, испугавшись за мать, нажаловалась консулу, а этот — японским властям. Власти начали разбирать дело и должны были, в исполнение закона, посадить обнаруженных следствием христиан в тюрьму. Так как некоторые из христиан во время следствия найдены укрывавшимися у французских миссионеров, то и французский министр должен был вмешаться в дело.

заходить в японские дома; многим, конечно, не нравится такая навязчивость; мне случалось слышать изумление и даже ропот на эту бесцеремонность; но расчёт верен: если из пяти домов, в которые они зайдут, в одном их примут и ответят визитом на их любезное приглашение, то и это добыча огромная: в год с сотней домов можно свести знакомство.

Мало-помалу, они нашли агентов для зазывания к себе людей слушать о вере. Как этим агентам, так и всем желающим, они раздают для чтения христианские книжки на китайском языке, легко понимаемом образованными японцами, и, между прочим, Евангелие. Только к Евангелию они прибавляют отдельно и крупнейшими буквами напечатанный известный текст, служащий краеугольным камнем папства, — где Иисус Христос говорит ап. Петру о создании церкви на камне его веры. Скромность шрифта и издания самого Евангелия бледнеют пред листом этого евангелия евангелий. Видно, по этой мерке нужно судить о важности догмата о главенстве папы сравнительно с прочими догматами, почерпаемыми из Евангелия! Ко всем этим действиям, иезуиты, по своему обычаю, не могли не присоединить кое-каких прикрас, вытекающих из правила: «цель оправдывает средства». Немедленно по приезде в Хакодате, они пустили молву, что, по постройке церкви, будут говорить проповеди японцам и «при этом угощать всех хлебом и чаем», а «тем, которые примут их веру, будет отпускаться по 200 рё (больше 350 руб)». Первое, пожалуй, не трудно делать при деньгах, хотя неблагоприятно; а второго невозможно исполнить даже при богатствах иезуитов; но цель достигается: молва разносится по городу, возбуждая у многих порицание и негодование; а ещё у больших желание слушать проповеди и принять веру.

О нашей православной вере они стараются распускать между японцами ту клевету, общую всему западу, что у нас император глава церкви: успех между японцами, впрочем, у них ещё нет. Японцы, заходя к ним, остаются недовольны тем, что они обращаются с ними, иные выражаются, как с детьми, другие, — как буддийские бонзы со своими прихожанами: подводят постепенно ко всем религиозным картинам, без числа навешанным в разных углах комнат, и заставляют кланяться, приговаривая лишь, что «это очень почтенное лицо»; или объясняют веру, показывая альбом с библейскими картинами и делая пояснения, мало-мало понятные японцам, хотя один из миссионеров прожил уже двенадцать лет в Японии, а перед тем восемь лет в Китае... На днях старший из иезуитов отозван для занятия поста в Хёго, а на место его ожидается другой.

Восемь лет тому назад я заявил желание занять место при здешнем консульстве тоже с миссионерскою целью (да и кто бы из-за академической парты решился ехать сюда только для того, чтобы раз в неделю отслужить —

зачастую в совершенно пустой церкви, так как здесь русских православных и с младенцами не больше десятка?). Тогда же, кстати, много говорено было о необходимости миссионерской академии в России и даже, если не ошибаюсь, преступлено было к основанию её, так что я мог надеяться, что в случае нужды, не останусь здесь один.

Приехав в Японию, я, насколько хватало сил, стал изучать здешний язык. Много потрачено времени и труда, пока я успел присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в один.

Недаром когда-то католические миссионеры писали, что японский язык изобретён самим дьяволом с целью оградить Японию от христианских миссионеров. Сколько родов разговорного языка, начиная почти от чисто китайского диалекта до вульгарной речи, в которой, однако, неминуемо вплетаются китайские односложные слова! Сколько разных способов письма, начиная тоже от чисто китайской книги до книг, писанных фонетическими знаками, между которыми опять-таки неизбежно путаются китайские иероглифы! От взаимной встречи и переплетения этих двух языков, принадлежащих к двум различным семействам, с грамматическими конструкциями, совершенно не похожими одна на другую, какое огромное количество выродилось самых невероятных грамматических сочетаний, форм частичек, хвостиков, часто, по-видимому, ничего не значащих, но требующих, однако, большой деликатности в обращении с собою!

И такие люди, как пресловутый quasi-знаток японского языка, француз Рони, осмеливаются писать грамматики японского языка! Хороши грамматики, которые приходится бросить в угол, как не нужный хлам, спустя неделю по приезде в Японию! Видно, долго ещё изучающим японский язык придётся изучать его инстинктом, через чтение книг и механическое приучение себя к тем или другим оборотам разговорной и письменной речи.

Так инстинктивно и я научился, наконец, кое-как говорить и овладел тем, самым простым и легким, способом письма, который употребляется для оригинальных и переводных ученых сочинений. С этим знанием я немедленно приступил к переводу Нового Завета на японский, — переводу не с русского: отыскивать китайские знаки для каждого русского слова — труд далеко ещё не под силу мне, да и бесполезный, — а с китайского; дело, по-видимому, легкое: японец, хорошо понимающий китайскую книгу, переводит Евангелие на японский, причём почти каждое слово выражено китайским знаком, но около него поставлено японское чтение, и затем все грамматические формы выражены также японскими фонетическими знаками; моё дело

было — с другим учёным японцем проверять и поправлять перевод. Работа шла очень быстро, пока я, постепенно знакомясь с китайским текстом, не дошёл до окончательного разочарования в авторитетности его самого. Я выписал из Китая другой перевод Нового Завета. Оказывается, что один буквален до шероховатости языка и часто до непонятности, другой изукрашен — очень часто до совершенной перефразировки и до пропуска или вставки многих слов. Это заставило меня тщательно следить за текстом по русскому и славянскому переводам. Изредка встречающиеся несогласия между тем и другим (всегда, сколько я заметил, не в пользу первого) побудили меня заглядывать ещё в Вульгату и в английский текст. Наконец, я достал и греческий Новый Завет. Просматривая каждый стих во всех этих чтениях, а в трудных местах прочитывая и толкование Златоуста, я, наконец, дошёл до такой медленности в переводе, что в пять часов, которые посвящались в сутки на эту работу, переводил не более пятнадцати стихов.

Переводить в последнее время я уже стал сам, отдавая текст лишь после на просмотр ученому японцу. Так переведены: Соборные послания, Послания ап. Павла к галатам, ефесеям, филиппийцам и колоссянам и половина Послания к римлянам. Оглядываясь теперь на эти переводы, я снова вижу в них бесчисленные неисправности. Переведённые же сначала четыре Евангелия и Деяния требуют нового перевода. В промежутках этой работы переведены с китайского: Православное Исповедание св. Димитрия Ростовского, Катехизис для оглашенных, Краткая св. История Вет. Завета, Утренние и Вечерние молитвы; со славянского: Обряд присоединения иноверных и крещения.

Между тем я старался делать, что возможно, и для непосредственной миссионерской цели. На первый раз, конечно, нужно было искать людей, которые, приняв христианство, способны были бы, в свою очередь, сами служить к распространению его. Хакодате, к несчастью, слишком дурное место для этого: это небольшой город в северной части Японии, получивший значение лишь со времени открытия его для иностранцев, с тех пор мало-помалу расширяющийся, но в составе своём решительно не имеющий требуемых элементов; нет здесь ни ученых, которые массами праздно шатаются в Эдо или в других значительных местах, ни образованных бонз, ни вообще людей не занятых.

Уж четыре года спустя, по прибытии моём сюда, Бог послал мне одного человека... Познакомившись с Верою, он почувствовал отвращение к своему служению, бросил его и решил посвятить свои силы на служение Богу истинному. Спустя год, он нашёл себе товарища, а ещё в продолжение года они нашли себе третьего собрата. Из этих людей и подобных им я льстился

когда-то образовать настоящих миссионеров: увы, надежды мои давно разлетелись в прах! Они, правда, умные, образованны в японском смысле, высоко нравственны, искренно верующие и готовые жертвовать собою для успехов принятой ими веры.

Чего бы, кажется, недоставало для миссионерства? Очень важного для Японии, где даже простолюдина нужно философски убеждать, — логического склада ума, способности систематически усвоить вероучение¹ и, наконец, просто памяти, которая у всякого образованного японца с детства забита изучением китайских иероглифов. С одним из них, например, я два раза прочитал Новый Завет, толкуя всё непонятное; два раза рассказал ему Свящ. историю Ветхого Завета, по руководству Богословского, причём раз почти вся история с моих слов была записана (к несчастью, список потом сгорел); из догматического, обличительного богословия и литургики едва ли найдется что-нибудь, чего бы я не толковал ему несколько раз; почти всё, по моему настоянию, он записывал.

Чего бы, кажется, недоставало для богословского образования? И что же у него в голове? Кое-какие отрывочные сведения, без связи и порядка; всё слышанное от меня и даже записанное сто раз забыто, сто раз опять спрощено и снова забыто или перепутано. И при всем этом отличное умение пользоваться теми знаниями, которые он действительно усвоил, редкое одушевление в речи, замечательное красноречие. Но к чему всё это без научного образования? В пылу речи, вдруг слушатель возражением; хорошо, если то общая мысль: блестящим сравнением или примером оратор опрокинет возражение, и снова полетит живая увлекательная речь; но если на возражение требуется отвечать научным сведением, если, например, попросят уяснить какое-нибудь кажущееся противоречие в Евангелиях, а то сведение или толкование улетело из головы: оратор сконфужен, противник торжествует и, в конце концов, вместо пользы выходит вред; вопрь суеверия или неверия, не поражённый насмерть, лишь раздражается от раны, — а тогда он страшен! (Ниже будет пример, отчасти идущий к подтверждению этого).

Другие два по способностям значительно ниже первого, и, следовательно, ещё менее годны к миссионерскому делу. И не их одних я знаю. У меня в доме школа, в которой я со своим ближайшим помощником учим японцев русскому языку; хороших знатоков языка мы, правда, ещё ни одного не вы-

---

1. Автор понимает здесь, как он сам только что пояснил это, приготовление миссионеров православных, имеющих действовать на язычников в борьбе с другими христианскими иноверными миссионерами, а не первоначальное просвещение верою: иначе когда бы и где бы удалось любому миссионеру действовать на простой народ или на детский возраст, если бы он хотел иметь дело только с людьми логически и систематически подготовленными...

пустили, но молодых людей пришлось много наблюдать вблизи; у всех одно и то же: отсутствие всякого навыка к систематическому построению своих знаний и недостаток памяти. Да и может ли быть иначе, когда фундаментальное образование японца состоит в бессмысленном заучивании китайских знаков по Конфуцию и в чтении разных пустых книжонок без связи и направления? Словом, опыт меня убедил, что на миссионеров из японцев надеяться нечего; когда появится на японском языке полная богословская литература, тогда, с нею за плечами, японец может идти на проповедь, но до этого ещё далеко. Теперь же японцы могут быть полезны только как катехизаторы под непосредственным руководством действительного миссионера.

В этом смысле я и решился воспользоваться ими в прошлую зиму, чтобы несколько расширить круг действий. Составлена была инструкция, с точным распределением занятий катехизаторов; часть времени определена была на дальнейшее изучение ими самими веры, из чтения книг и из личных бесед со мною, другая часть — на распространение веры между народом. Мало-помалу нашлось до двадцати человек, мужчин и женщин, готовых слушать христианское учение. Катехизаторы делали у себя собрания для них или ходили на дом. Так продолжалось до весны, когда случилось одно обстоятельство, заставившее нас на время прекратить наши занятия. Выписываю это из моего дневника¹.

Положено было прекратить собрания, отобраны из города книги, на случай обыска, (не для того, чтобы запереться при следствии, а оттого, что все переводные книги — рукописные, и потеря их была бы очень чувствительна).

Прошло две-три недели: всё было тихо. А между тем, со дня на день ждали нового губернатора, со всем правительственным штатом, от Микадо, на замену сёгунских чиновников. Вместе с тем стало известно, что некоторые чиновники, отчасти чтоб избежать нареканий со стороны ожидаемого губернатора, отчасти по ультра-патриотическому чувству, ищут человека, который бы взялся убить моего катехизатора, как главного виновника зарождения здесь запрещенного христианского общества. Но бояться всякого убийства из-за угла было бы слишком малодушно, и мы было стали продолжать наши занятия по-прежнему, хотя большая часть из начавших учиться вере, по боязни, отказалась продолжать.

Но вдруг в Хакодате получают указы нового правительства: третьим из них — запрещение принимать христианскую веру; вслед за тем приезжают передовые нового губернатора, и получается известие, что в Нагасаки

---

1. Выписка опущена по уважительным причинам.

новое правительство, успевшее раньше занять пост, чем в Хакодате, гонит христиан. (Это были слухи о вышеозначенном исследовании, обнаружившем до тысячи христиан).

Между тем и в Хакодате, как ни скромно старались мы действовать, молва о христианах проникла в народ. Если бы и не нашлось прямых доносчиков, новое правительство не могло бы не узнать о них. И как оно отнеслось бы к ним? Императорский указ начертывал действия правительства. А в таком случае, мои катехизаторы были бы посажены в тюрьму и, быть может, казнены. Не колеблясь долго, я решился избавить их от этой участи. Так как они давно уже приготовлены были к крещению, то я (восемнадцатого мая) крестил их, нарекиши имена; снабдил книгами и отправил в разные стороны... Целью их путешествия, кроме ближайшей — скрыться от опасности, поставлено ещё то, чтобы они хорошенько разузнали везде направление умов, постарались найти людей, нужных для нашего дела, и, наконец, если можно, положили по местам хоть начатки христианских обществ. Для всего этого они снабжены подробными наставлениями, сообразными с важностью дела и с личным характером каждого. Но всё это на всякий случай; в глубине души я очень мало питаю надежды на их успехи; пусть бы хоть сами остались целы, да не компрометировали себя.

За отправлением их из Хакодате, кроме тех, которые из боязни решительно прекратили учиться вере, и некоторых сомнительных, остались ещё... На всякий случай, я до времени остановил катехизаторские занятия и с ними. Опасения мои, впрочем, как оказывается, были напрасны...

Всё, что новое правительство сделало в Хакодате против христиан, заключается в следующем: ровно неделя тому назад, в исполнение предписания из столицы, последовавшего, как видно, по поводу нагасакского расследования, здесь вновь подтверждено запрещение принимать христианскую веру: «конечно, милосердное правительство не будет отнимать за это преступление (принятие христианской веры) жизни у граждан, но... на Сахалин, копать уголь» и проч., сказано в официальных предостережениях, сделанных некоторым лицам письменно, некоторым словесно.

Из всего, сказанного доселе, кажется, можно вывести заключение, что в Японии, по крайней мере, в ближайшем будущем: *жатва многа*. А деятелей с нашей стороны нет ни одного, если не считать мою, совершенно частную, деятельность... Пусть бы я и продолжал свои занятия в прежнем направлении, но силы одного человека здесь почти то же, что капля в море.

Один перевод Нового Завета, если делать его отчётливо (а можно ли делать иначе?) займёт ещё, по крайней мере, два года исключительного труда. Затем необходим перевод и Ветхого Завета; кроме того, если иметь хоть

самую малую христианскую церковь, решительно необходимо совершать службу на японском языке; а прочие книги, как Свящ. история, Церковная история, Литургика, Богословие? Всё это тоже предметы насущной потребности. И всё это, и другое подобное нужно переводить на «японский», о котором ещё неизвестно, дастся ли он когда-нибудь иностранцу так, чтобы на нём можно было писать хотя на половину так легко и скоро, как иностранец обыкновенно пишет на своём. Когда же заниматься проповедью? А и заниматься проповедью в одном каком-нибудь пункте Японии, когда другие обхватывают её со всех возможных пунктов, — как это бедно и тоще плодами и надеждами!

Католичество и протестантство заняли весь мир; почти нет на свете островка и уголка, где бы не виден был или патер со своим учением о папе, которого он ставит чуть не четвёртым лицом пресвятой Троицы, или пастор с Библией под мышкой и готовый раздвоиться в толковании Библии чуть не с самим собою; а православие, наше безукоризненное, светлое, как солнце, православие таится от мира!

Вот и ещё страна, уже последняя в ряду новооткрытий: хоть бы здесь мы могли стать наряду с другими, не для соперничества и брани, — это не свойственно православию, — но для того, чтобы предложить людям прямую истину, вместо искаженной, — и ужели станем позади, сложа руки, или ограничась ничтожными действиями?

«В России», говорят, «денег нет»! А в Иудеи разве больше было денег, когда она высылала проповедников во все концы мира? А в Греции разве больше нашего было средств, когда она просвещала Россию? «Людей тоже нет»! У каких-нибудь моравских братий, которых и самих-то не больше пяти-шести тысяч, есть люди, чтоб идти на проповедь к лапландцам, а у семидесятимиллионной России людей нет! Боже, да когда же у нас люди будут? И разве люди могут сами твориться, если их не вызовут к бытию? Отчего же их не вызывают? Где творческие силы? Или они иссякли?.. Нет, нет, там, вдали, виднеется живое, полное непчатых сил движение. По мановению Царя, освобождаются миллионы, вливается дух новой исторической жизни в великий организм... Загорается заря новой деятельности и для сердца этого организма — духовенства; та деятельность будет не отечественная только, она будет общемировая! Буду, даст Бог, не заброшен и я здесь один, обречённый на бесплодный одиночный труд. С этою надеждою я ехал сюда, ею семь лет живу здесь; об осуществлении её самая усердная моя молитва, и в это осуществление, наконец, я так верю, что: подал прошение об увольнении меня в отпуск и, по получении разрешения, еду в Петербург ходатайствовать пред Святейшим Синодом об учреждении здесь миссии.

Одно обстоятельство в настоящее время облегчает это дело в отношении издержек: наше консульство переводится из Хакодатэ в Йокогаму, или в Хёго (пока ещё не решен выбор между этими двумя местами, так как неизвестно, где установится центр правительства: в Эдо, подле Йокогамы, или в Киото, подле Хёго). Таким образом, два миссионерские стана обеспечены: один в Хакодатэ, где от двукратного пожара русского консульства уцелело именно столько зданий, сколько нужно для миссии: церковь, дом при ней, в котором жил священник, и ещё небольшой домик; другой — там, где будет консульство и, следовательно, будет построена церковь. Первые два-три года, т. е. пока научатся немного говорить по-японски, миссионеры могли бы и жить лишь в этих двух пунктах; но затем им необходимо разделиться и занять ещё два: Нагасаки, где уже и в настоящее время такие огромные успехи христианства, и Хёго, или Йокогаму, смотря по тому, который из этих пунктов останется незанятым консульством, так как оба они, по своему положению у столиц Микадо и Сёгуна, самые важные во всей Японии.

Таким образом, север Японии подлежал бы деятельности хакодатской миссии, юг — нагасакской, восток и запад — йокогамской и хёгоской. Только необходимо, чтобы выбор миссионеров сделан был тщательно. Нет сомнения, что скоро откроется для иностранцев вся Япония, и тогда католики и протестанты вышлют сюда целые легионы своих миссионеров; в количестве мы, во всяком случае, не можем идти в уровень с ними, — пусть же хоть качеством восполнены будут до некоторой степени наши количественные недостатки.

15 июля 1868 г.

Хакодатэ

Дневники Святого Николая Японского. Изд. Хоккайдского университета. 1994. С. 705–717.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ИЕРОМОНАХА НИКОЛАЯ
ДИРЕКТОРУ АЗИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА П. Н. СТРЕМОУХОВУ.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Отправившись в Японию в звании настоятеля консульской церкви, но с миссионерской целью, я старался, в продолжение моего восьмилетнего пребывания там, изучить Японскую историю, религию и дух Японского

народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы там надежды на просвещение страны Евангельскою проповедью. Конечно, в миссионерских видах я никак не рассчитывал на одни собственные силы, но мне казалось святотатством просить себе сотрудников прежде, чем я уверюсь, что их силы, отвлечённые от непосредственного служения России, не будут потеряны для людей вообще. Чем больше я знакомился со страной, тем больше убеждался, что очень близко время, когда слово Евангелия там громко раздастся и быстро понесётся из конца в конец империи. Беру смелость изложить перед Вашим превосходительством те наблюдения, которые привели меня к этому убеждению.

В этой тридцатипятимиллионной империи крайнего Востока всё как-то чудно, всё не по-нашему, но вместе и не по-восточному. Как мы понимаем Восток? Абсолютный деспотизм сверху и безответное раболепство снизу, невежество, отупение и, вместе с тем, невозмутимое самодовольство и гордость, а вследствие этого неподвижность: вот понятия, которые у каждого из нас неразрывно связаны с понятием о восточных государствах. Тем более, по-видимому, означенные качества должны бы принадлежать Японии, как стране очень древней и, во всё время своего существования, имевшей сношения почти исключительно с одним Китаем, отсталость и неподвижность которого вошли в пословицу. И что же мы видим на самом деле в Японии?

Императорская династия здесь, правда, имеет, как почти везде на Востоке, божественное происхождение, но деспотами, в том смысле, который мы привыкли соединять с этим словом, императоры никогда не были. Я встретил в истории лишь одного императора (в период наиболее цветущего состояния Японии), который взглянул было на свою власть, как на принцип полнейшего самовольства, и, вследствие того, стал охотиться на людей с луком и стрелами, бросать людей в реку, бить их острогою, как рыбу, и делать тому подобные дурачества; но и его постигла внезапная смерть, и история очень недвусмысленно говорит о причине этой внезапности. Другой, наследник престола, показывал склонность сделаться подобным императором, но за эту склонность государственный совет прямо лишил его права на престол. Вообще, об императорской династии в Японии (она одна с самого основания империи, то есть с 667 г. до Р. Хр.) можно, не обвиняясь, сказать, что она блистательно исполнила свой долг: рядом героев и мудрых администраторов она завоевала страну для своего народа, дала ей очень хорошее гражданское устройство (лучшее, чем то, которое существует теперь не по вине императоров), доставила народу военную славу завоеванием Корейских государств, ввела его в сношение с Китаем и через то даровала стране хоть то образование, которое выработал до неё Китай, и, наконец, жертвуя собой, своим божественным

авторитетом, внесла в империю Буддизм, более обширную и высшую форму религиозного сознания, чем древнейшая религия Японцев — Синто (обожание духов предков). Кончив свою миссию и как будто истощенная ею, императорская династия впала в бездеятельность и в апатию, и Япония, не задумываясь долго, создала себе новую форму правления. Это вышло нечто очень оригинальное: император, по-видимому, продолжает быть тем же императором; титулы и почести на словах и в книгах остались за ним, но власть перешла к более живым и сильным деятелям — сёгунам (сёгун в буквальном переводе генерал). С этими, на свежей памяти и самопроизвольно поставленными, своими властелинами, Япония уже немного церемонилась: Сёгунских династий, менее, чем в продолжение семисот лет (с 1186 г. по Р. Хр.), у неё перебивало шесть, причём, только те из сёгунов держались крепко и прочно, кто удовлетворял национальным потребностям.

Это ли деспотизм? И где же безответность и раболепство? Начните говорить с людьми разных сословий, спуститесь до крестьянина самого глухого околотка, и вы удивитесь здравому и вместе независимому образу мыслей народа о своём правительстве. Самый строгий образ правления был установлен последнею, низверженною в прошлом году Сёгунскою династией: Япония была опутана сетью шпионов; самые суровые меры были приняты для устранения сношений с иностранцами; но первое относилось почти исключительно к обузданию удельных князей, второе (по понятию сёгунов, очень основательному 300 лет тому назад) предупреждало страну от завоевания её иностранцами. Что же касается до народа, то он имел условия к сознанию своей гражданской свободы гораздо более, чем народы многих государств в Европе. И при всём том, как народ был недоволен существовавшим порядком вещей! Интересно было послушать, как купец негодовал на такие и такие пошлины (правду сказать, вовсе не обременительные), как крестьянин роптал за взимание повинностей, по его мнению очень тяжёлых, как все презрительно отзывались о чиновниках («которые почти все даже взятки берут — такие они негодные»), как весь вообще народ корил правительство за бедность страны, между тем как нищих почти не видно, а каждую ночь в любом городе улицы увеселительных домов стонут от музыки и пляски. Это ли восточное, безгласное раболепство перед властелинами?

Из сказанного уже отчасти видно, что Японцы вовсе и не отупелый и не невежественный народ. Об образовании Японцев сравнительно с Европейцами можно сказать то же, что обыкновенно говорят относительно Америки, сравнивая её с Германией. Здесь образование не высоко и не глубоко, зато оно разлито почти равномерно по всем слоям народа. Конфуций здесь альфа и омега учёной мудрости; зато он, будучи задолблен до последней буквы

учёным Японцем, не безызвестен и последнему простолюдину, который по нему большею частью учится читать и писать. Про другие страны мира до последнего десятилетия и сами ученые Японцы почти ничего не знали; зато и в отдалённой деревушке вы не найдёте такого невежду, который бы не знал, кто такой Ёритомо, Ёсицунэ, Кусуноки, Масасигэ и прочие исторические деятели, или не сумел сказать, на Север или на Запад от него лежат Эдо, Мияко и другие важные местности. Весной вы идёте по улице и видите толпы ребятишек, пускающих змея; вас заинтересовала чудовищная рожа, намалёванная на змее; спросите у ребятишек, кто нарисован: они наперерыв друг перед другом поспешат рассказать, что это Киёмори или Такаудзи или кто другой, и будьте уверены, они расскажут историю удовлетворительно: мать или старший брат, готовя им змея, позаботились в тоже время ознакомить их с этими историческими лицами, а часто короткая повесть о них напечатана тут же на обороте листа. Вот остановились на улице две девушки и рассматривают картинки в книжке; одна из них хвастает своей подруге покупкой, которую только что сделала: это какой-нибудь исторический роман. Покупать книги здесь, впрочем, нет особенной надобности: здесь такое множество общественных библиотек и так баснословно дешёво берут за чтение книг, причём, даже не нужно трудиться ходить в библиотеки, потому что книги разносятся ежедневно по всем улицам и закоулкам. Полюбопытствуйте заглянуть в эти библиотеки, и вы увидите почти исключительно военно-исторические романы: таков вкус народа, воспитанный вековыми междуособными смутами, и книги вы не найдёте в девственной чистоте; напротив, они истрепаны так, что в ином месте и невозможно прочесть написанное: несомненный признак, что Японский народ читает. Да, число грамотных и читающих в Японии не уступит количеству таковых в любом из Западных государств Европы (о России я и не говорю!); и это несмотря на то, что самые простые Японские книги писаны наполовину Китайскими знаками. Ведь чтобы только овладеть процессом чтения их, нужно убить три-четыре года! И при всём том Японцы прилежно учатся читать. Этот ли народ можно назвать отупелым?

Что же касается до гордости, самодовольства и неподвижности, то события последнего пятнадцатилетия служат наглядным доказательством того, что Японцам чужды и эти качества в тех размерах, в каких мы приписываем их восточным народам. Правда, у Японцев много национальной гордости, и они не могут не иметь её: в продолжение двадцати пяти веков существования их империи, они ни разу не согнули своей шеи под чужое ярмо, ни разу даже переменчивый жребий войны не дал им случая усомниться в своём превосходстве перед другими нациями; напротив, всякий раз, когда они

сталкивались с Айнами, с Кореей и даже с Китаем, они лишь торжествовали успехи своего оружия, и первые окончательно покорились им или ушли от них на Курильские острова, вторая целые века несла им дань; самый Китай по временам заискивал и пресмыкался пред ними; словом, их история внешних сношений до последнего времени, всегда неизменно оставалась лишь историей побед и торжества. Прибавьте к этому учение их национальной религии, остающейся и до сих пор и заверяющей их, что они произошли от богов, что Япония вечная любимица богов, что прочие страны что-то вроде пустырей, созданных богами как бы случайно и потом заброшенных без всякого внимания. Удивительно ли, что Японцы до последнего времени смотрели на иноземцев как на варваров, не очень высоко ценили их силы и даже строили планы подчинения себе всего света? Но увы! Даже в те времена самодовольства и гордости, в параллель к партии, слишком высоко мечтавшей о Японии, находилась партия, совершенно противоположная ей. Напуганным католическими пропагандистами в семнадцатом столетии Японцам глубоко запала в душу мысль, что Европейцы непременно имеют намерение завоевать их страну, и в каждом китобое, случайно появлявшемся у их берегов, им беспрестанно мерещился шпион, подглядывающий что делается у них. А сколько тревоги наделали когда-то наши Хвостов и Давыдов! Как Япония зашевелилась и стала вооружаться! Какую громкую славу приобрели себе здесь эти два немного взбалмошные лейтенанта и какой ужас навели на всех, начиная от Кунашира до Кюсю! И как они подняли кредит России в глазах Японцев! И Англия очутилась одною из Русских губерний, и весь свет предпринял завоевать царь наш заодно с Турецким султаном! Наконец, чему я не хотел верить, пока сам не прочитал в очень серьёзной Японской книге, были Японцы, до того боявшиеся иностранцев, что предлагали проект провести по всем побережьям Японии каналы, чтобы избежать плавания по морю, где ходят иностранные суда; и правительство уже приступило к исполнению этого проекта, по крайней мере, посылало инженеров осматривать места, удобные для проведения каналов. Это ли гордость и самонадеянность?

А что говорят события последнего времени? Едва прошло пятнадцать лет с открытия Японии, и посмотрите, как изменился дух и правительства и народа. Не говоря уже о правительстве, почти каждый удельный князь выбивается из сил, чтобы завести у себя пароход, достать Европейское военное оружие, обучить солдат Европейской военной тактике, приобрести молодых людей, сведущих в Европейских языках и науках. Как восторженен народ, как все ясно увидели свою отсталость и как искренно и энергично стараются поправить дело! Как все хотят видеть, знать, изучить Европейское! Живущие в Японии знают, с каким самоотвержением молодые люди добиваются случая

попасть за границу. Без преувеличения можно сказать, что, если бы была материальная возможность, пол-Японии уехало бы за границу учиться. Похоже ли всё это на Китай, который целые столетия знаком с Европейцами и при всем том до сих воображает, что не ему следует учиться от Европейцев, а напротив, Европейцы приезжают позаимствоваться от него светом мудрости? Когда-то Япония со всею готовностью и охотою приняла Китайскую цивилизацию; шестнадцать веков она неизменно была под ферулою этой цивилизации и прониклась ею, по-видимому, до мозга костей: везде, начиная от постройки дома до религиозных убеждений, везде и во всем копия Китая; своего собственного Японцы не изобрели ровно ничего, кроме разве Сёгунского звания, и то оправдываемого ими на основании подходящих примеров из Китайской истории; даже под сомнением, их Синто не есть ли тоже заимствование древнейшей Китайской религии.

Всё это, если хотите, доказывает мелкость Японского народного гения (а быть может и то, что гений народа вообще не может развиваться без взаимодействия других народов); но вместе с тем даёт случай убедиться, что Японцы одарены удивительною упругостью духа. Весь наплыв Китайской цивилизации был как будто чем-то допущенным по уговору на время: теперь она не нужна, и Японцы легко и свободно бросают её, как сбрасывают устарелое платье, и смелою, можно сказать, дерзкою рукою хватаются за всё Европейское. Взгляните, что делается в настоящую минуту: они, ни более ни менее, как трудятся пересадить на свою почву Английскую конституцию, с её выборными, с её парламентом, с её лишь для мебели королевскою властью; да говорят, и того ещё мало: «Хотели-де ввести Американский образ правления, да не могли справиться с ним, немного раненко для страны». Конечно, ещё сомнительно, вовремя ли им и Английская конституция; их возня с нею что-то очень напоминает мартышку и очки: в одно полугодие прошлого года они уж успели два раза редактировать свою конституцию, не считая разных подскрёбок и подчисток, встречающихся в официальных газетах. Но я хочу указать лишь на то, как Японцы живы и свежи духом и как быстро они откликнулись на призыв Европейской цивилизации.

Какая же у этого народа религия и как он относится к ней? Японский народ, наравне с Китайским, справедливо укоряют в атеизме или в индифферентности к делам веры. Но что за причина этих качеств, по-видимому, совершенно несвойственных народам полуобразованным? Тот ли это атеизм, что по временам охватывает и Европейское общество, приводя в смущение благочестивые души и возбуждая горячую деятельность апологетов веры? Нет, совершенно другой. В Европе атеизм всегда служит характеристическим указателем успеха в науках, поднятия умов на высшую ступень разви-

тия. Первые, поставившие ногу на эту ступень, в порывах безотчётной радости, венчающей успех, провозглашают на все лады торжество ума человеческого, его всемогущество, его высшую авторитетность, не хотят оглянуться на что-то другое, хладнокровно взвесить свою находку и указать ей приличное место в кругу знаний человеческих. Толпа сбегается на зов этих глашатаев и вторит им, часто не понимая, в чём дело. Но вот на ту же ступень взошли и люди более хладнокровные, ступили туда, наконец, хранители и истолкователи богооткровенной истины, рассмотрели, в чём дело, сличили новое открытие с учением веры, и (к удивлению массы) это открытие оказалось не только не противоречащим вере, но подтверждающим её истинность: принимают народы плоды науки в круг своих знаний, ещё крепче привязываются душою к своей неизменной спасительной истине и продолжают свой путь, и целые века будут идти они. Много раз слабодушные будут иметь случай претыкаться на этом пути, но не исчерпают народы безбрежного океана божественной мудрости, не возвысятся, не покинутся человеческое знание над истинами религии и не истощит человеческая нравственность её идеалов святости.

Не то в языческих странах вообще, не то и в Японии. Здесь атеизм высших обществ и индифферентизм низших происходят прямо и положительно от недостаточности религиозных учений, оттого, что народ исчерпал их до дна, и они больше не удовлетворяют его. Вот Синто. Что это за религия? Поклонение духам предков, начиная с самых первых богов в мире. Что же это за боги? Видны в них могущество, мудрость, величие и тому подобные качества? Ни одного; это просто слабые смертные, даже без тех чувственно-привлекательных качеств, которыми боги Греции когда-то вдохновляли поэтов и художников к созданию неподражаемых образцов классического искусства. Если Японские боги иногда творят, то этот акт совершенно не вяжется с другими их действиями, обличающими в них образцовое тупоумие.

Самый первый бог явился в мире случайно, уже после того, как хаос разделился и образовал небо и землю; о действиях этого бога и следовавших за ним пяти поколений неизвестно ровно ничего. Уже боги седьмого поколения начали творить. «Внизу, должно быть, есть земля», — сказал Идзанаги, стоя вместе с богиней Идзанами на небесном мосту, и он погрузил небесный жезл вниз. С поднятого жезла канула капля и образовала остров. Идзанаги и Идзанами сошли на него и стали обходить кругом; он в одну сторону, она в другую. Когда сошлись, она первая сказала приветствие; Идзанаги рассердился за непочтительность, так как ему должно было принадлежать первое слово, и боги обошли остров снова. На этот раз Идзанами придержала язык. После первых объяснений оказалось, что они могут быть мужем и женою; но

как? К счастью, откуда-то взялась очень живая птичка, известная в России под именем синицы, села перед ними и своими движениями научила их супружеству. Тогда они стали рождать Японские острова. Перворожденным они были недовольны, так как он оказался весьма небольшим (Авадзи); они родили побольше и так далее; наконец, родили горы, леса, моря и животных. Из всех их детей Амаэрасу оказалась самую красивую, и они послали её управлять небом: это богиня солнца. Но их сын Сусаноо, к неудовольствию родителей, оказался совершенным грубияном и забиякой; бить, сокрушать, приводить в слезы было его любимым занятием; родители за это послали его в ад. Перед отходом туда, Сусаноо попросился сходить на небо, повидаться со своей старшей сестрой. Сестра испугалась его прихода, думая, что он замыслил отнять у неё владения, и встретила его вооружённая с ног до головы. Но Сусаноо успел уверить её в невинности своих намерений, и оставлен был погостить. Ему, однако, не терпелось без проказ: то он вытопчет рисовые поля сестры, загнавши на них лошадей; то, подкравшись к окну, у которого она сидит за ткацким станком, нечаянно испугает её до того, что она до крови уколет себе руку челноком. Наконец, он решительно вывел её из терпения, когда сделал одно крупное неприличие в её парадной комнате, в которой она приготовилась праздновать осенний урожай; без малейшей опаски она вошла и села, но, о ужас! запах пренесносный, и новое платье всё испачкано! Огорченная до глубины души, богиня солнца ушла в пещеру и затворилась навсегда. Можно себе представить, что случилось с несчастным миром: всё погрузилось во мрак, ни дня, ни ночи, все бродят ощупью. Боги думали было, что Амаэрасу посердится и выйдет; не тут-то было! Она не на шутку рассердилась. Боги были не глупы, знали, чем выманить свою любимицу: они собрались у входа пещеры, насадили зелёные деревья и увешали их разными прелестями, заманчивыми для женского глаза, как то: зеркалом, ожерельями; тут же посадили петуха, заставили его петь, а сами ударили плясовую. Не вытерпела богиня, отодвинула камень, чтобы взглянуть в отверстие, но в ту же минуту её рука очутилась в сильных дланях бога силы, который заранее поставлен был на страже у входа. Как ни упиралась богиня, но была вытащена; тут её окружили соломенной веревкой и пристали с просьбой: «Не уходи, не уходи опять», — и тут же обещались примерно наказать негодяя Сусаноо. Амаэрасу не заставила себя долго упрашивать, и вот мир до сих пор наслаждается солнечным светом. А Сусаноо пришлось плохо: ему скрутили руки назад, выщипали его длинную бороду и сбросили с неба. Он, впрочем, не потерялся и на земле. Он упал в теперешнюю провинцию Идзумо, здесь набрёл на плачущих старика и старуху; при вопросе, о чём плачут, они объяснили, что семиголовый змей переел всех их детей,

теперь очередь за последней дочерью. Сусаноо обещался убить змея, если они потом отдадут за него дочь; старики с радостью согласились. Тогда Сусаноо велел построить семь шалашей и в каждый поставить по бочке вина, а сам спрятался и стал ждать. Змей пришёл, ощутил запах вина, вложил в каждый шалаш по голове и натянулся допьяна, так что заснул. Тогда Сусаноо изрубил его в куски; когда рубил хвост, его сабля вызубрилась; он осмотрел хвост внимательно и нашёл в нём меч, который и препроводил в подарок сестре Аматаэрасу. Затем женился, построил домишко и стал жить-поживать, даже сложил песенку про своё веселое житье, известную и доныне. В Идзумо он пользуется особенно усердным почитанием. А Аматаэрасу продолжала жить по-своему. Воспитав сына Сусаноо и усыновив его, она хотела было отправить его на землю, но этот отказался, предоставив свои права сыну Ниниги. Аматаэрасу и послала Ниниги в Японию, отдав ему эту страну в потомственное владение. С ним она отправила большую свиту, наказав ей хранить господина и верно служить ему; вручила также внуку, при прощаньи, зеркало, меч и восьмигранный драгоценный камень, как знаки его достоинства.

Ниниги сошел на землю, заблудился было здесь, но, по счастью, встретившийся без путей Сарудахико проводил его в Хюга (на острове Кюсю), где он и поселился. Его дети Хоносусо и Хоходэми разделили между собою занятия: первый удил рыбу, второй охотился за зверями, и каждый из них был очень счастлив в своей ловле. Однажды они, для пробы, поменялись орудиями охоты; но Хоносусо ничего не достал в горах и возвратил лук и стрелы брату; а Хоходэми не только не поймал на рыбной ловле, но и уду потерял. В вознаграждение он сделал брату новую уду, но тот ничего не хотел вместо своей прежней и настойчиво требовал её. Хоходэми, в горести бродя по берегу моря, встретился с одним стариком, который, узнав причину его печали, сделал короб и в нём спустил Хоходэми на дно морское. Здесь Хоходэми нашёл великолепный дворец морского бога, который хорошо принял его и женил на своей дочери. Чтобы найти удочку, собраны были рыбы; у одной замечен был рот пораненным, и удочка оказалась у неё. Три года прожил здесь Хоходэми и когда, наконец, захотел отправиться на землю, морской бог снабдил его на всякий случай двумя шариками, имевшими свойство, когда бросить тот или другой в море, возвышать или уменьшать прилив. Возвратясь на землю, Хоходэми, при помощи этих шариков, одолел старшего брата, закрепил за собою власть и стал мирно царствовать. При рождении сына он лишился своей жены. Тоётоми, почувствовав приближение родов, сказала мужу: «я беременна; выбрав бурный день, построй мне на берегу родильный шалаш и ожидай». Входя в приготовленный шалаш, Тоётоми

запретила мужу идти за ней, но Хоходэми, подстрекаемый любопытством, пробрался к шалашу и стал подсматривать. Он увидел лежащего свёрнутым дракона, обхватившего ребенка. Заметив, что за ним подсмотрели, дракон быстро ушел в море. Так как шалаш ещё не успели покрыть, когда Тоётоми пришло время родить, то новорожденный назван был Фуки-авасэдзу (непокрытый). От Аматэрасу до него включительно пять поколений: это и есть так называемые поколения земных богов. Вот нить главных событий Синтоистской космогонии.

Но генеалогия богов этим далеко не оканчивается, а скорее только здесь начинается. К семи поколениям небесных богов Японцы почти не обращаются; земных богов, за исключением высокопочтимой Аматэрасу, тоже редко утруждают молитвами: эти области очень высоки и неподходящи для обыденного богопочитания. При всем том Япония полна богами^{*)}. Откуда же они? Очевидно, откуда. С сыном Фуки-авасэдзу, Дзимму (первым в ряду микадо), начинается достоверная история Японии. Дзимму перешёл с Кюсю на Ниппон, которым тогда владели Айны, дрался с этими последними, был на первый раз отеснён ими, потом успел отнять у них значительную часть территории и утвердился на Ниппоне. Всё это действия очень обычные для простых смертных завоевателей; но в тоже время Дзимму был сын бога, потомок Аматэрасу и через неё небесных богов, очевидно, что он и сам бог. За ним в той же степени боги — все его преемники, до нынешнего микадо, о котором если Японцы выражаются, что «только пожелай он, небесный огонь сейчас же падёт и попалит всех иностранцев», то имеют полное право так выражаться. И вот, следовательно, ряд богов, уже более доступных для каждого, потому что эти боги более знакомы с земными делами. Из ряда императоров микадо, ознаменовавшие себя чем-либо особенно полезным для отечества, чтутся с особенным усердием. Например, Хатиман.

Кто же такой Хатиман, которому такое множество храмов в Японии и в честь которого делаются такие великолепные военные процессии? Это бывший микадо Одзин. Вы разворачиваете историю, прочитываете про Одзина и, правду говоря, не находите ничего особенного: был из очень обыкновенных микадо. Но вы забыли главное; загляните в историю предшествовавшего микадо: это была мать Одзина, Дзингу, завоевавшая Корею; а завоевала-то собственно не она, а Одзин, которым она была беременна в ту пору. Всякому известно, как это было. Императрице совсем уж приходило время родить, когда она собиралась в Корею, но она взяла на берегу простой камешек, заткнула его за пояс и сказала: «да не родится дитя, пока я с победою не

---

^{*)} В числе Японских богов был и наш доблестный Иван Семенович Уньковский. Перед его портретом ставились чашечки с рисом, производились возлияния и пр.

вернусь в отечество», и дитя не родилось, оно только переместилось на более удобную, по его мнению, квартиру. Дзингу во время похода была вооружена; между прочим, один из рукавов её платья замечали постоянно наполненным чем-то; все думали, что там у неё нужные в походе вещи (ремешки, веревочки и подобное), но все ошибались: там и был Одзин, только не в рукаве, а в руке. Итак, не великая ли услуга отечеству и вместе не дивная ли сила божественная — завоевать государство, будучи ещё в теле матернем? Понятно после этого, отчего Хатимана так усердно чтут военные, считающие его по преимуществу своим богом. Предки микадо — боги и самого микадо и всего народа вообще.

Но с неба, вместе с Ниниги, пришло много великих мужей; их потомки живут и доселе и чтут их, как своих фамильных богов; деяния тех мужей принесли пользу всему отечеству, поэтому и весь народ, за исключением самого микадо, обязан чтить их и чтит. Наконец, весь Японский народ, если разобрать его родословную, божественного происхождения: все, в конце концов, происходят от Идзанаги и Идзанами, поэтому все боги, и каждый человек обязан чтить своих предков, как богов, молить их о покровительстве, приносить им жертвы; степень богопочтения к предкам обуславливается для каждого домашнее счастье или несчастье. Входя в Японский дом и любопытствуя взглянуть на божницу, вы всегда найдёте бумажку с именами и жертвы перед нею; на вопрос о значении бумажки, вы узнаете, что на ней имена домашних пенатов. Иногда тут же стоит безобразный, закопчённый идол: то непременно предок, чем-нибудь особенно хорошим ознаменовавший себя для рода. Часто этот предок заинтересует вас своим карикатурным, уморительным видом; вам хотелось бы приобрести его для коллекции редкостей: не стесняйтесь, предложите цену подороже, чем за обыкновенную куклу, вам продадут его. Чем ниже общественное положение человека, тем больше у него богов, потому что, кроме своих пенатов, он чтит знаменитых предков людей высших сословий; наоборот же не бывает. Для императора было бы постыдно воздавать поклонение предкам какой-нибудь другой фамилии, какими бы заслугами они ни были ознаменованы; некоторые императоры, правда, унижали себя до этого, но это всегда считалось скандалом и возбуждало народное осуждение. Для членов знатной фамилии, например Фудзивара, Минамото, Тайра, было бы постыдно чтить богов какого-нибудь купца. Но есть боги и из низких сословий, чтимые всем народом: это люди, ознаменовавшие себя особенно великими заслугами, например, Хидзёси. Есть также множество местных богов, возникших из невысокого звания; например, такой-то открыл в горе золотую руду и потруился для разработки её; натурально, что и по смерти он покровительствует этой горе и работаю-

щим на ней; местные рудокопы строят ему храм и приносят жертвы; от рудокопов мало-помалу почитание переходит в народ, и вся местность незаметно приобретает нового бога-протектора. Это делается особенно легко и скоро, если бог заявит себя каким-нибудь чудом; а мало ли средств чудодейства? Присниться кому во сне и сказать нравственную максиму или пропеть стихок, блеснуть под вечер синим огоньком в окрестности, окликнуть кого нечаянно в уединённом месте, прошуметь странным звуком между деревьями, когда нет ветру: бог может быть уверен, что всё это примется в должном смысле, быстрою молвою пройдет в народе, и слава его упрочится.

Наконец, чествуются и боги зловредные, для того, чтобы умолить их не делать зла. Например, в эпоху, предшествовавшую возникновению Сёгунов, когда придворные сановники завели прекрасный обычай играть особами микадо как пешками, употребляя для удобства в игре микадо-малолеток, или и взрослых, но слишком явно тупоумных, был один микадо, по имени Сютоку: пока он был ребенком, он царствовал, но лишь только достиг совершеннолетия, его убрали с престола. Сютоку был строптив: он поднял бунт, привёл в смятение столицу и окрестности; но он не был настолько талантлив, чтобы одолеть врагов: его разбили, взяли в плен и заточили. Спокаялся бедный в своём неповиновении, в знак раскаяния переписал один молитвенник вместо туши собственною кровью и послал его в столицу; но ему с презрением отослали этот дар обратно. Тогда он, исполненный отчаяния и неописанной злобы, изрёк: «молю богов, чтобы мне переродиться дьяволом, на мучение Японии»; со скрежетом зубов, с насупленными бровями, из-под которых сверкали самые зловещие молнии, с отросшими волосами, в лохмотьях, он бродил с этого времени одинокий по дебрям и, наконец, умер в таком состоянии духа. Смерть его не замедлила обнаружиться для Японии самыми бедственными ударами: бунты, голод, наводнения, — всё свидетельствовало, что Сютоку начал свой страшный расчёт с отечеством. Очевидно, что ему немедленно должны были построить храм, учредить богослужение и едва только этим успели унять его свирепость.

Между самими богами существует субординация, так что есть боги начальствующие, есть боги, служащие у других на посылках и побегушках. У некоторых богов служат исполнителями их воли те или другие животные, так что если бог сердит на кого-нибудь, то насылает на него своих посланцев, обезьян, оленей и т. д., которые у наказуемого разрушают дом, портят сад, опустошают поле.

Вот сущность Синто. Очевидно, что эта религия может принадлежать лишь очень грубому и невежественному народу, народу, стоящему на той ступени умственного развития, когда он, побуждаемый присущим человеку

религиозным чувством, ищет предмета поклонения, но не в состоянии возвыситься своим умом над окружающим миром и готов воздать божеские почести всему, что его поразит и возбудит его удивление; в нём умственного сознания пробудилось лишь настолько, что он не кланяется первой попавшейся на глаза старой ели или причудливой формы камню; он безотчётно понял существование другого мира, духовного, и превосходство этого мира над материальным; но дух поразил его лишь в частных, близких к нему явлениях, и он падает и преклоняется пред ними, а себя самого и всю природу ставит в зависимость от них.

Неудивительно, поэтому, что Синто не оказал почти никакого сопротивления Буддизму, при переходе сего последнего в Японию. Японцы в то время завоевали Корею (в 200 г. по Р. Хр.) и познакомились с Китаем; через эти столкновения умственный горизонт их невольно расширился, и Синто оказался неудовлетворяющим более религиозным потребностям народа. И каким высоким учением здесь должен был показаться на первый раз Буддизм, эта лучшая из языческих религий, Геркулесовы столбы человеческих усилий составить себе религию, руководствуясь теми темными остатками богооткровенных истин, которые сохранились у народов после рассеяния Вавилонского! Синто почти без ропота и сопротивления уступил своё место новой религии и, не будь особого обстоятельства, его и следов до сих пор не было бы в Японии. Это обстоятельство заключается в гибкости Буддизма и способности его приноравливаться к обычаям страны, куда он является; а всё это вытекает из его основного догмата перерождения. «Клянусь, что буду рождаться в разных невежественных странах для привлечения их к спасению», — клялись Будды и Бодхисаттвы. Итак, Аматаэрасу была тот же Будда, Хатиман тот же Будда, все Японские боги — Будды и Бодхисаттвы, рождавшиеся, применительно к умственному и нравственному состоянию Японского народа, совершенно в других видах, чем в Индии, рождавшиеся для того, чтобы «завязать связь с народом» и чрез то приготовить его к восприятию истинного учения Будды. «Связь» (инь-ян) тоже есть основное учение Буддизма; не завязавши связи, Будда не спасает никого, а чтобы завязать её, он может рождаться во всевозможных видах. Таким образом Буддизм нарёк Японским богам свои имена, под этими именами принял их даже в свои храмы и зажил роскошно в Японии. Но Синто от этой снисходительности и покровительства приходилось нелегко. Он конфузился пред своим шеголевым соседом, пред его высокоумием, пред пышностью его храмов, пред обилием его молитвенников; и вот он начал из кожи лезть, чтобы поправиться: построил себе храмы наподобие Буддийских, сочинил великолепные церемонии, живописные костюмы; но самое главное: принял толковать

своё учение на всевозможные лады. Если в Буддизме поражают вас иногда толстые молитвенники, наполненные ничем иным, как похвалами заглавию этих же самых молитвенников, то у Синтоистских экзегетов вы найдете целые тома толкований на отрывки из древней Японской истории, толкований, где каждый слог, каждая буква исторического текста дали случай к сплетению самых хитрых и невероятных аллегорий. Но увьи! по этому скользкому пути со своей легкой ношей Синтоистские экзегеты не замедлили спуститься до полнейшего отрицания всего. Самое отъявленное безверие было результатом их пытливости. «Был довременный хаос; в нём случайно зародились искра огня и капля воды; от взаимодействия этих двух элементов хаос сгустился и принял шаровидные формы; от прилёка огнеобильного шара (солнца) на водообильный (землю); в последнем, когда он был ещё в состоянии грязи, зародились разные живые существа; человек, как самое высшее существо, образовался в лучшем из болот, т. е. более мягком и обильном грязью». Вот сущность учения Японских материалистов, смею уверить, ни в логике, ни в силе аргументов ничем не уступающих Европейским. Синто, по-видимому, должно бы было не поздоровиться от этих дружески-медвежьих услуг, но ничуть не бывало. Дело в том, что, во-первых, нельзя встретить ни одного экзегета, который бы, при решительном отрицании всего содержания Синто, тем не менее не направлялся к поддержанию его и к сплетению ему самых выпрєнных похвал. Факт, с первого взгляда, странный, но в сущности весьма простой и естественный: Синто из религии обратился у экзегетов в национальное, чисто гражданское учреждение; всем мельчайшим подробностям его приписано самое высокое значение для поддержания народного духа, для развития гражданских добродетелей и утверждения могущества Японии на веки вечные. В этих видах превозносятся похвалами предки, выдумавшие такое мудрое учреждение и, в конце концов, Синто рекомендуется для вечного хранения и последования. Во-вторых, те же самые приверженцы Синто рассмотрели хорошо и Буддизм и нашли в нём Ахиллесову пята, и не одну; с тою же разрушающей критикой они обратились и к нему, но уже не для подражания, а для разрушения и поругания его, как иноземного учреждения, зловредного для Японии. Все Буддийские чудовищные чудеса, все его безобразные легенды, его скучнейший рай и ни с чем несообразный ад, всё это подвергнуто насмешкам и отрицанию, и, таким образом, для Буддизма сделалось, наконец, и невозможным, хотя бы он желал того, окончательно подавить и уничтожить своего противника. В таком виде Синто существует и теперь, т. е. по наружности как будто религия, облечённая во все внешние атрибуты религии; но в сущности, для рационалистов, как народная школа добродетелей. Эти рационалисты в тоже время хотят, чтобы

народ верил в Синто, как в религию, но народ настолько же верит, насколько они сами; а вдобавок, не возвысившись до заносчивых тенденций рационалистов, не видит в нём и школы, и вышеприведённое выражение: «пожелай микадо, и небесный огонь поглотит всех иностранцев», — в устах Японца имеет самый иронический смысл.

Буддизм, возникший на почве Индии, как противодействие Браминской кастальности и угнетению низших классов высшими, был, в этом отношении, проповедью духовного равенства и любви в языческом мире. С другой стороны, как проповедь человека, из наследника престола сделавшегося нищим, он, натурально, явился проповедью суетности всего земного, нестяжательности и нищенства. Эти две характеристические черты, с которыми Буддизм явился в устах первого своего проповедника, обеспечили для него будущие успехи: первая влекла к нему сочувствие народных масс, вторая доставила ему множество способных приверженцев и деятелей. В дальнейшем развитии эти черты приняли другой вид и доведены до крайности и нелепостей. Существовавшее в темном предании между Индийцами понятие о имеющем явиться на земле любвеобильном Искупителе рода человеческого мало-помалу отнесено было к самому Шакьямуни: в его лице Буддисты нашли своего богочеловека, сошедшего с неба и воплотившегося для научения людей. Но так как Буддизм явился на почве Браминского пантеизма и сам оказался бессильным отрешиться от него, то и в Будде Индийская фантазия не могла выработать единоличного владыку мира. Он, правда, является с чертами, свойственными Богу, но, вместе с тем, таких, как Будд, бесконечное множество, и каждый из них дошел до этого блаженного состояния своими заслугами; каждому человеку, в его очередь, также предстоит, рядом множества градаций, выродиться в Будду. Эта лестница, идущая от человека вверх, ведёт к состоянию Будды. Но почему же не продолжать её и вниз? И вот, при склонности к пантеистическому воззрению на мир, при непонимании природы и её отношений к человеку и при бессознательном, свойственном человеку, сострадании к низшим существам, окончательно определяется идея метампсихоза. Весь животный мир по существу отождествляется с Буддой; мало того, лестница простирается ещё ниже: изобретаются разных степеней ады, населяются живыми существами и тоже ставятся в связь с Буддой. Дурной человек, в наказание за свои грехи, рождается животным или посылается в ад; спустя известное время, положенное для очищения грехов первого рождения, он снова рождается человеком и, если живет на этот раз добродетельно, то, по смерти, может опять родиться на земле уже царем или другим великим лицом; если опять ведёт себя хорошо, то идёт в рай, откуда вновь может придти на землю Бодхисаттвой или Буддой. Таким образом, небесный,

земной и преисподний мир делаются огромной лабораторией, в которой бесчисленные роды существ кишат, рождаются, перерождаются и, в конце концов, все делаются Буддами. Так далеко зашли последователи Шакьямуни, развивая его простую первоначальную идею любви и равенства.

В развитии другой, столь же простой и естественной, идеи нестяжательности они тоже не замедлили придти к самым крайним и неожиданным выводам. Труд и везде наказание Божье за прародительский грех; особенно же труд тяжел на Востоке; там склонность к стяжанию не мучит человека; было бы чем утолить голод и жажду, а затем нет больше наслаждения, как лежать или сидеть под тенистым деревом, предоставив течение мыслей воле фантазии. Но мысли тоже могут иногда или причинять огорчение, или волновать; поэтому ещё лучше, если они как бы останавливаются и замирают в своём течении, или, одним словом, человек погружается в бесчувствие, в бессознательность; тогда он погружается в ничто, и в этом ничто, вместе с тем, целостное существование человека. Такое бессознательно спокойное состояние называется созерцанием; ему приписываются высокие качества непосредственного ведения всего и сила управлять всем, так как в этом состоянии, будто бы, человек, отрешась от себя, сливается в одно со всем, а тогда он может и владеть тем, с чем слит. Это состояние поставляется целью всех и всего; Будды потому и Будды, что достигли возможности во всякое данное время погрузиться в это состояние, и оно считается их высшим блаженством. Мимоходом, на пути развития этих главных своих начал, Буддизм сочинил для своих последователей правила нравственности, поражающие иногда своей чистотой и строгостью, иногда своей чудовищностью; сочинил также чудовищные и самые невероятные легенды и чудеса. Всё это, взятое вместе, облеклось в огромную литературу и в правильное религиозное общество, со своим богослужением, со своими храмами, монастырями, наконец, со своими искусствами, живописью, скульптурою и архитектурою. Всё это, в период гонения на Буддизм в Индии, хлынуло на Север и затопило Китай и Корейские государства, откуда не замедлило перейти в Японию.

Мы уже видели, что Синто без сопротивления отступил на первый раз перед новой верой, и Японцы с радостью приняли её. Да и могло ли быть иначе? Вместо слабых, сомнительного авторитета богов, Буддизм представлял для поклонения высочайшее существо, сошедшее на землю для спасения людей; грубым, почти неоформленным понятиям нравственности, Буддизм противопоставил свою тончайшую казуистику; пред такими же грубыми формами наружного богопочитания Буддизм щегольнул великолепием своей богослужебной обстановки; устным преданиям Синто противопоставил Буддизм свою широкую литературу, тогда уже переведённую на Китайский язык.

Последнее обстоятельство имело двойную выгоду для Буддизма в Японии: с одной стороны, оно убеждало Японцев к принятию Буддизма примером Китая, пред цивилизацией которого тогда преклонялись Японцы; с другой, оно пресекало для Японцев всякую возможность скептического исследования обстоятельств происхождения самого Буддизма, так как Китайские буддисты переводили на свой язык, натурально, лишь то, что служило Буддизму, а не против него. Буддизм, однако, не вполне пришелся по духу Японцев. Это обнаружилось скоро же по введении его, когда Японцы начали развивать его по-своему, выдумывая одна за другою секты, что, очевидно, обнаружило стремление выработать учение, согласное с коренными свойствами народа. В этой работе Японцы не останавливались ни пред какими затруднениями и дошли, наконец, до совершенных противоречий друг другу. Многие секты и в Японии уже забыты. Я укажу из существующих на более важные.

Вот Дзэнсю. Как секта, перешедшая из Китая, она любит хвалиться своим православием, своею иеиспорченностью. Очень странная претензия; всё, чем Дзэнсю может похвалиться, это разве древностью. Секта эта, очевидно, есть порождение переходной эпохи в Буддизме, когда простота первоначального учения Шакьямуни была уже утрачена, но окончательно Буддизм ещё не определился, ещё не выяснилась личность Будды, как не только учителя, но и деятельного помощника людей в созидании спасения. Дзэнсю составляет проповедь самоумерщвления, в видах достижения способности созерцать; но этот акт приурочен к тому состоянию Будды, когда он сам ещё не был Буддой, а только упражнялся в подвиге самоумерщвления; таким образом, здесь человек берет на себя своими силами, по примеру лишь Будды, а не при содействии его, достигнуть верховного блаженства. В практическом применении суть этой секты: «дзадзэн», сидение, по примеру Будды, в известном положении, для упражнения в самозабвении и приобретения способности созерцать; чтобы содержать себя во всегдашней готовности к этому подвигу, сектанты ограждены самыми строгими предписаниями касательно лица и внешнего поведения; дисциплинарная сторона здесь развита до мельчайших тонкостей. По теории всё не дурно. Но как на деле? Может ли народ предаваться дзадзэну? Это немисливо. Займись Япония дзадзэнном неделю, в другую она умрет с голоду. Соблюдается ли дзадзэн хоть в монастырях? Говорят, будто есть такие монастыри, где назначается в году несколько недель или дней для дзадзэна; в это время монахи, ежедневно по несколько часов, сидят, собравшись в одной комнате, и предаются созерцанию, причём, так как под тяжестью блаженных ощущений головы монахов, особенно молодых, начинают клониться, то игумен с одним орудием, очень чувствительным для бритой головы и плеч, беспрестанно ходит между ними

и вызывает созерцателей к действительности. И на эту ничтожную формальность сведено всё учение Дзэнсю. При всем том это одна из самых распространённых сект в Японии!

Монтосю, другая весьма распространенная секта, обязана своим происхождением Японии и составляет совершенное противоречие Дзэнсю. Монтосю отбросила весь Буддийский аскетизм и ухватилась лишь за идею любви Будды к миру. Здесь о самоумерщвлении и помину нет: сами бонзы женятся, едят мясо и всё что угодно. Все подвиги человека представляются ничтожными; для спасения требуется лишь вера в Будду; будь человек неслыханнейшим злодеем, но скажи только раз: «Наму-Амида-Буцу» (поклоняюсь Будде Амиде), и он спасён. Учение о любвеобилии Будды, о готовности его спасти человека по первому призыву, о недостаточности собственных сил человека для спасения и о благодати (тарики) невольно изумляет; слушая в храме иную проповедь, можно забыть и подумать, что слышишь Христианского проповедника. Уж не от Христиан ли заимствовано это учение; при исследовании же оказывается, что оно решительно самобытное в Японии и составляет лишь развитие идеи об искупительной миссии Будды. Но, при этом возвышенном учении о любви Будды к миру, сам Будда несколько не изменяется: он остается тем же мифически безобразным и невероятным лицом. Оттого-то Монтосю, со своим высоким учением о благодати, принесла Японии гораздо больше зла, чем все другие секты. Допустив семейное состояние бонз, эта секта тем самым разрешила им все материальные заботы и поставила их наравне с мирскими людьми. Это, по-видимому, не важно; при возникновении секты всем даже представлялась лучшая сторона её именно в этом, так как здесь устранялась зазорность поведения бонз всех других сект; но никто не предложил вопроса: что будет, если бонзы Монтосю выступят на поле деятельности во имя освященных сектой и народным сознанием материальных интересов, но с неверием в душе ни во что? Никто не подумал, как страшна в устах бонз может быть фраза: «Сколько ни греши, скажи только “Наму-Амида-Буцу”, и всё прощено». Действительно, в период долгой неурядицы, бывшей пред династией Токугава, бонзы Монтосю двигали целыми армиями и, притом, под собственным флагом; «шаг вперёд — в рай, шаг назад — в ад», — кричали они своим войскам и производили страшные битвы, страшные грабительства и опустошения; сами не веруя ни во что, но, двигая невежественными массами увлеченных фанатиков, они грозились ниспровергнуть всё государство. Только Нобунага мог унять их, и то какими средствами! Раз две шлюпки были наполнены отрезанными ушами и носами у побеждённой их армии и отправлены в их главную квартиру, а когда взята была и она, то двести тысяч бонз и их защитников сожжено разом!

Вот ещё секта, *Хоккэсю*, тоже получившая начало в Японии. Эта составляет дань хвалы и удивления Японцев одному молитвеннику, по имени мёхорэнгэкё, тому самому, молитвеннику, в котором Будда, собираясь умирать, объявил торжественно, что «всё, чему он прежде учил, всё это ложь, что он старался лишь красивым сплетением обманов привлечь к себе людей, как завлекают детей игрушками, что истинно только то, что он скажет теперь, а теперь он скажет вот что: “Все люди сделаются Буддами”»; «что это учение до того важно, что стоит только назвать имя молитвенника, в котором оно изложено, и человек спасен». Молитвенник наполнен самыми нелепыми чудесами, вроде следующего. К Будде, когда он преподавал это учение, прилетели с неба, в своих великолепных дворцах, два другие Будды, давшие клятву всегда слетать на землю для слушания учения, к изложению которого теперь приступил живой Будда. Сидят они рядышком, и живой Будда проповедует. Когда он высказался, ученики, естественно, были ошеломлены и казались неверившими. Вот трое Будд, для подтверждения истины, высунули языки, которые оказались до того длинными, что пронизали десять тысяч мировых сфер; в таком положении они просидели перед учениками десять тысяч лет; затем втянули языки обратно и крикнули все разом, от чего потряслись все миры; в заключение щелкнули пальцами, от чего также потряслись все миры. Могли ли после этого сомневаться слушатели и можно ли не обожать книгу, учение которой засвидетельствовано такими чудесами?

И каждая из сект опирается на незыблемом для Буддиста основании: каждая имеет свои символические книги в каноне священной Буддийской литературы. Эта литература так обширна и разнообразна, что в ней есть книги, совершенно противоположные одна другой, или даже прямо отвергающие истинность учения других книг, как только что упомянутый молитвенник мёхорэнгэкё. Это как нельзя лучше обличает происхождение Буддийской литературы от многочисленных авторов, часто враждебных друг другу; но каждый автор, стараясь придать вес своему произведению, озаботился приписать его Будде, так что по наружности всё и вышло учением Будды, изреченным лишь в разные времена и при разных обстоятельствах. Таким образом, на основании одного и того же учения Будды можно воздвигать самые противоречащие секты, и никто не смеет укорить за это, так как каждая секта укажет на непререкаемый довод в священной книге. Нет ничего резче, например, этого нововведения, как женитьба бонз в Монтосю, тогда как до монаха Синрана никто из бонз никогда не думал жениться; но посмотрите, как легко было сделать и этот шаг на основании Буддийской литературы. В одной из священных книг, перечисляющих обеты Бодхисаттвы Каннона, есть обет его: «буду воплощаться и в теле женщины, чтобы руководить

смертных». Правда, этого ещё недостаточно, чтобы Синрану жениться; но в каноне есть также неисчислимое множество примеров явления Будд и Бодхисаттв святым людям во сне для сообщения им своей воли. Отчего же и Синрану не увидеть чудесного сна? Он и увидел: является ему Бодхисаттва Кусэ (другое имя Каннона) и вручает четыре стиха, значение которых следующее: «Подвижник, женись в награду за твои подвиги! Я сделаюсь телом драгоценной девицы и сочетаюсь с тобой; изукрашенная, я буду вести людей к рождению в рай». Синран в то время был ещё послушником и не имел особенного авторитета. Но нужно же было так случиться, что в ту же ночь и его учитель, всеми уважаемый старец Хоонэн, увидел во сне то, какой сон снится Синрану. Нужно же было такое стечение обстоятельств, что на следующее утро Хоонэна посетил один из первых придворных сановников и завёл разговор такого свойства, что в заключение сам предложил одну из своих дочерей в замужество какому-нибудь монаху, и нужно же было этой дочери называться именно «драгоценная девица» (Тамахиомиа)! Разве во всём этом не ясно, как день, промышление Каннона о спасении людей? Конечно, Синрана женить, как он ни уклоняется от этого! И новая секта пошла щеголять по свету. Вообще, в Буддийском каноне столько чудес и столько нелепости в этих чудесах, что мало-мальски смыслящий человек не может не считать их за басни; а так как он видит, что эти басни позволены себе самим Буддою, который прямо высказывает и иезуитское правило: «обманывать людей, чтобы привлекать их к себе», то и он, на том же основании, считает себя вправе делать всевозможные благочестивые обманы во благо ближним. Я не говорю уже о тех, которые, как большинство бонз, обманывают народ чисто злонамеренно и своекорыстно. Возьмем ещё пример «Нэмбуцу» (спасение чрез благодать) в той обширности, в какой оно развито Хоонэном и Синраном; правда, учение новое, по всё же оно довольно твердо может быть основано на некоторых молитвенниках из самого канона, если взять их безотносительно к другим. На что бы, кажется, искать других оснований? Но посмотрите, на чем оно больше всего опирается. Вот один послушник, сгоравший желанием узнать, каким путём легче всего достигнуть блаженства будущей жизни, затворившись в кумирне Аматаэрасу, молится об откровении ему этого пути; после семидневной молитвы, ночью, он видит наяву: открываются дверцы кивота, где была статуя богини, выходят два мальчика и говорят ему: «Аматаэрасу теперь нет дома, но она нам наказала, что если в её отсутствие кто станет молиться об указании верного способа к избежанию будущих перерождений и смерти, то чтобы мы учили: отвергнув собственные тысячеобразные действия, всем сердцем призывать Амиду, всюю душою подвизаться в Нэмбуцу; этим непременно достигнется рай будущей жизни

и высочайшее успокоение». Вот другому является сама Аматаэрасу и поёт: «Кто призывает Будду Амиду, тот не говори, что я богиня этого государства». Вот во время спора Хоонэна с другими бонзами о своём Нэмбуцу, статуя Амиды издает ослепляющий блеск; вот чётки одного последователя Хоонэна сияют лучезарным светом в ночной темноте; вот Хоонэн своим: «Наму-Амида-Буцу», — вызывает из озера дракона, и прочее. Нет возможности перечислить всех выдуманных чудес, снов, песен богов. Все секты наперерыв одна перед другой стараются шеголять чудесами, одни других нелепее, одни других фантастичнее. Наглость дошла до того, что указывают чудеса там, где каждый собственными глазами может видеть или ушами слышать, что чуда нет. Там на морской воде написаны Китайские знаки: «Мёхорэнгэкё»; здесь птицы поют: «Наму-Амида-Буцу»; там в небе, при заходе солнца, постоянно является фигура Амиды и прочее. Бонзы до того привыкли к выдумкам и обманам, что расточают их даже там, где нет никакой нужды в них: я читал одно жизнеописание Будды, где автор преблагочестиво уверяет, что за мать Будды в приданое даны были, между прочим, семь полных возов «Голландских» редкостей; а когда она забеременела Буддой, то другая жена царя, из зависти, чтоб убить младенца в ней, обратилась к одному из Христиан, которые, как известно, все колдуны, чтобы при помощи его волхвований испортить свою соперницу; и с мельчайшими подробностями описан способ волхвования Христианина, приложен даже его портрет и изображено, как он погиб среди волхвования, поражённый небесными силами.

Кроме Синто и Буддизма, в Японии существует ещё Конфуцианизм, хотя не в виде особой религиозной секты, а в виде нравственно-богословской школы. Я считаю не лишним сказать несколько и о нём. Конфуций привлекает прежде всего красотой своей литературной речи; его фраза исполнена лаконизма и силы и по временам блещет красками остроумных метафор. Всё это делает Конфуция неподражаемым образцом литературного языка в Китае, вот уж более двадцати веков. Если заглянуть под эту привлекательную оболочку, то вы увидите почти всегда какую-нибудь мысль, прямо или непрямо направленную к утверждению системы пяти отношений. Эти отношения (господина и слуги, отца и сына, мужа и жены, брата и брата, друга и друга) и составляют сущность Конфуциева учения, то, что доставило Конфуцию славу величайшего мудреца, неподражаемого учителя, полубога. Вкруг этого столпа мудрости толпятся тысячи комментаторов, принося ему в дань свои таланты и всю свою жизнь; каждое слово его учения разобрано и истолковано на тысячу ладов; в каждой фразе, случайно вымолвленной им, найден глубокий, многообразный смысл, и вы, читая, невольно и сами находите его и удивляетесь глубине мудрости, сами не замечая того, что удивляетесь,

быть может, не Конфуцию, а его остроумному толкователю. Это дерево Конфуцианизма, питаемое постоянно приливом свежих соков и разросшееся в течение веков до невероятного объёма, составляет, действительно, нечто величественное и грандиозное: так мы любуемся устарелым вековым дубом, обросшим десятками плющей, с их обильной и свежей листвой. Но что в самом деле сделало Конфуция таким великим в Китае? Он жил в одну из самых тревожных эпох Китайской истории, когда государство, бывшее прежде монархическим, разделилось на множество независимых княжеств; князья беспрерывно ссорились между собою, народ стонал от опустошительных войн и всякого рода безурядицы. Такие времена всегда сопровождаются нравственным упадком: вероломство, эгоизм всех родов; забвение даже кровных отношений и связей самые обычные явления в это время, и никто не думает горячо восставать против них, потому что всякий думает о себе и готов для ограждения собственных интересов употребить те же орудия. В такое-то время явился Конфуций. Он не был творцом какого-нибудь нового учения, да Китай и не был расположен тогда слушать что-либо новое. Он лишь тронут был до глубины души бедственным состоянием своего отечества, грозившим из хронической болезни обратиться в смертельную, и старался вызвать к сознанию соотечественников времена здорового состояния Китая. Как великий человек, он не только инстинктивно понял, но и сознательно выразил духовные потребности и идеалы Китайской нации; но, как истинный Китаец, неспособный к высоко-идеальному мышлению, он не дал своему отечеству системы учения, построенной строго логически, по всем законам формального мышления; он, напротив, держался всегда самой твёрдой, практической почвы. Он изучил и изложил древнюю историю Китая и древние обычаи, которыми, по его понятию, поддерживались добрая нравственность и благосостояние государства, церемонии, музыку, поэзию (народные песни); ученики же его, кроме того, постарались записать его нравственные афоризмы, которыми он постоянно обмолвливался, и представили таким образом в более наглядной форме его учение, почерпнутое из изучения древнего быта Китайцев. Таким образом, в книгах Конфуция выразился не частный человек, но выразился сам Китай в его характеристических хороших чертах, в том, что он выявил доброго из своей природы и что, следовательно, может и должен хранить, как своё собственное. В эпоху материального и нравственного истощения Китая пред ним поставлен был живой портрет его самого во времена физического и нравственного здоровья. Мог ли Китай не узнать сам себя и не полюбить себя в прежнем виде, а полюбив, не поставить себя пред собою, как образец, на вечные времена? С течением веков, быть может, характер Китайцев мог бы принять новые оттенки, нравственность определить-

ся точнее, формы жизни измениться; но уже писания Конфуция успели сделаться канонически непогрешимыми, их предписания обязательными, сам Конфуций — предметом религиозного поклонения.

В конце третьего столетия по Р. Хр., при первом знакомстве Японии с Китаем, Конфуций с братией не замедлил переплыть в Японию. Но странно было бы думать, что он займёт здесь то же место, как в Китае. Здесь его учение было пересадным растением, и сам он явился не как представитель народа и истолкователь его мыслей ему самому, а просто как знаменитый учёный, пред которым, конечно, не могли не благоговеть необразованные в то время Японцы, но который не поразил их до забвения личных чувств и мыслей. Его творения, по совершенству языка и нравственному направлению, легли в основу школьного образования, его легенды дали начало кое-каким суевериям; но школа у Японцев вовсе не имеет такого великого значения, как у Китайцев, где всё государство управляется школярами; суеверий у Японцев своих и Буддийских так много, что два-три Конфуциевы в этом числе — как капля в море. Таким образом, влияние Конфуция собственно на народ в Японии очень слабо. Гораздо больше его влияние на так называемый класс ученых (Дзюся), существующий здесь хотя не в виде правильно организованной корпорации, но с правом наследственности и с некоторыми особенными гражданскими правами. Этот класс, можно сказать есть дань Японии Китайской мудрости и особенно Конфуцию. Для «учёных» писания Конфуция имеют, или, по крайней мере, должны иметь, такую же силу непререкаемого авторитета, как для бонз Буддийские молитвенники, для Синтоистских жрецов кодзики (самая древняя история). Главная обязанность этих ученых — быть преподавателями в дворянских гимназиях. Здесь-то, в этих гимназиях, молодые Японцы по кодексу Конфуциевых церемоний научаются тем приёмам вежливости и внешнего благоприличия, которые нас так удивляют в них и которые дают им право с честью занимать место между образованными Европейцами; здесь они научаются слагать Китайские песенки, что также считается необходимым для образованного человека; наконец, здесь же уясняются в их сознании правила нравственности и гражданских добродетелей, начертанные в человеческом сердце. Но даёт ли Конфуций ответы на разные теоретические вопросы, так же присущие душе человеческой, как и понятия нравственности? Учит ли он о начале мира и человека, о Высшем Существо, о назначении человека? Нисколько. Известно, что, при вопросах своих учеников о подобных предметах, он отделялся самыми уклончивыми ответами, вроде следующего: «мы не знаем и земного, какая же польза говорить о небесном?». Его «небо», употребляемое им для выражения всего высшего, имеет до того неопределенный смысл, что невозможно по-

нять, разумеет ли он под ним что-либо личное или безличное. Итак, его последователи, пробуждаемые к умственной деятельности разными сентенциями, вызывающими на размышление, но оставляемые без руководства в самом начале умственного самоопределения, берут каждый для себя, что кому нравится; то случай, то жизненный дух, то личное или безличное небо и, варьируя на разные лады свой принцип, решают сами, как умеют, философско-богословские вопросы о мире и человеке. Благодаря Конфуцию, они стали выше Синто и Буддизма; он дал им оружие диалектики, развил в них критический дух, побуждающий их относиться с насмешкою и презрением к этим учениям; но, разрушив древние религиозные верования, Конфуций в то же время ничего не дал в замену их: ум его последователя — пропасть, покрытая сверху лёгким хворостом его собственных умствований; при первом прикосновении здравого смысла хрупкая поверхность ломается и открывает пустоту. Оттого-то в Японии никто так не способен к принятию Европейских учений, как последователи Конфуция. Веками приученные ставить себя высоко над другими по своему умственному превосходству, они, обыкновенно, свысока относятся и к Европейцам, пока не попадет в их голову какая-нибудь Европейская мысль: тогда их теории разом летят вверх дном, их прежний кумир разбивается вдребезги, они смиренно низводят себя на степень учеников и делаются искренними и горячими приверженцами нового учения.

Всё, сказанное доселе, можно формулировать в следующих словах: Японский народ слишком умён, развит и свеж, а его религии слишком отсталы и нелепы, чтобы могли удовлетворить его.

Но показывает ли Японский народ склонность к принятию Христианской религии? Обратимся к фактам, прямо отвечающим на этот вопрос.

В 1570 г. в первый раз Испанское судно пристало к берегам Японии. Японцы так хорошо приняли иностранцев и показали им так способными к принятию Христианства, что Франциск Ксаверий, друг и сподвижник Игнатия Лойолы, при первом известии о них, вскипел желанием посвятить себя апостольскому труду между ними. Блестящий успех сопровождал его труды. По следам его нахлынули толпы монахов разных орденов и все имели успех: в двадцать пять лет Христианство охватило весь юго-восток Японии. Уже Европейские проповедники стали вести себя, как дома, уже прелаты с пышностью являлись среди народа, уже они отправили Японских князей к его святейшеству, в качестве смиренных поклонников, и по пальцам рассчитывали время, когда вся Япония будет у подножия престола заместителя Христова. Вдруг страшное гонение, и в Японии — ни души Христианской. Что за причина? Взглянем на тогдашние события Японской и Испанской истории.

До появления Европейцев Япония долго была терзаема непрерывными междоусобиями: то было несчастнейшее для неё время правления Сёгунской династии Асикага; императоры давно были заброшены, и о них никто не думал; Сёгуны наслаждались выгодами своего положения и не имели ни времени, ни охоты вникать в дела правления; канрё (регенты), на попечение которых оставлены были дела правления; но которые, как богатые князья, и сами имели средства жить не хуже Сёгунов, тянулись за последними; забытая и заброшенная власть не находила себе приюта. А между тем в стране уже определилась удельная система: Япония была полна князьями, имевшими свои собственные поземельные доходы, свои армии и свои широкие права; почти не чувствуя над собою контроля, князья, естественно, дрались кто с кем хотел и кто с кем мог, дрались без устали и без всякой жалости к народу. За князьями дрались и бонзы, и как дрались! Горе тому, против кого они вооружались: это были самые злые и неотвязчивые враги. В это время всеобщей драки и сумятицы, в незаметном уголке Японии, явился крошечный князёк, который, когда все дрались один на один, задал себе задачей драться со всеми и всех одолеть, и он дрался со всеми, одолел всех и сделался властителем Японии, хоть и не принял титула Сёгуна, который тогда был слишком опошлен, чтобы интересоваться Нобунага. При этом-то Нобунаге показались в Японии Европейцы. Он оценил пришельцев, понял выгоду сношений с ними и приветствовал их. Скоро между этими пришельцами замечены были проповедники новой веры. Нобунага, конечно, не верил ничему из отечественных религиозных учений; он не был расположен принять и Христианскую веру (его боевая натура была неспособна к мирным религиозным размышлениям), но он не мог не понять неизмеримое превосходство Христианской религии пред Японскими суевериями. Притом же ему так надоели его вечные враги бонзы, и из-за них он так возненавидел Буддизм, что, не думая долго, он со всею охотою дал Европейским миссионерам полное право распространять новую веру, даже сам построил для них Христианский храм в столице (в 1574 г.). Преждевременная смерть положила конец деятельности Нобунаги. Ему наследовал Хидзэси, сын простолюдина, пробивший себе дорогу к верховной власти. Он также на первый раз казался покровительствующим Христианству; между тем он зорко следил за пропагандистами и изучал их. А последние уже успели выявить все те качества, которые были причиною изгнания католических миссионеров в разные времена из многих стран. Выходя из правила: «цель оправдывает средства», миссионеры, без зазрения совести, показывали народу разные фокусы под видом чудес; необразованный народ верил чудодейственной силе патеров и толпами вербовался в Христиане, а образованные люди сомнительно качали головой, и иные прямо

угадывали обман, иные же окрестили патеров названием колдунов, продавших душу дьяволу. С умножением Христиан, высшее общество вдруг почувствовало присутствие в стране нового рода аристократии и было до глубины души возмущено и оскорблено; от князей стали поступать жалобы, что Христианские епископы, при встречах, не уступают им дороги и, вообще, ведут себя крайне заносчиво и гордо. Наконец, не ограничиваясь делами религии, католические епископы стали являться и на поприще политических интриг; ещё Нобунага пользовался их сладкоречием и нравственным влиянием для привлечения на свою сторону князей-противников. Но всё это ещё не составляло особенной важности: при всех своих непривлекательных качествах, Христианские проповедники стояли ещё гораздо выше туземных бонз, и их не выгнали бы из страны, если бы не особого рода соображения.

Тот век был веком непрерывного открытия новых стран и вместе веком ужасающих политических неправд. Испания, одна из самых могущественных держав того времени, была особенно бичом Божиим для новооткрытых народов. Вспомним, для образчика, разрушительные подвиги Кортеса и Пизарро. В 1522 г. пала Мексиканская империя, а в 1533 Перуанская. Обе эти империи в цивилизации и силе малым чем уступали Японии и с таким же гостеприимством, как последняя, приняли Испанских рыцарей, за что эти рыцари отплатили им бессовестнейшим коварством, попранием всех прав туземцев, подчинением их иноземному владычеству и обращением всех граждан в самых несчастных рабов. Не забудем при этом, что с завоевателями всегда неразлучно были миссионеры религии любви и мира и что даже сами завоеватели действовали, главным образом, во имя креста. Мог ли гениальный Хидэеси не узнать и не оценить как должно этот дух Европейской и, по преимуществу, Испанской политики, не вывести из примера других новооткрытых стран назидательного урока для своего отечества и, вследствие того, не принять решительных мер к ограждению его от участи завоеванных государств? Европейские писатели взваливают вину изгнания Христианства из Японии то на одного Испанского капитана, расхваставшегося пред Хидээси обширностью владений своего короля и объяснившего ему способ завоевания Нового Света, то на Англичанина Адамса, интриговавшего против Испанцев^{*)}; мы думаем, что ни тот, ни другой не заслуживают

---

*) А ультра-католические писатели, например, Шарльвуа, не стесняются объяснять перемену расположения Хидээси к Христианам следующим образом. «Хидээси был до крайности развратен. Во время походов, когда неудобно было возить с собой гарем, он назначал особых чиновников, обязанностью коих было собирать каждый вечер по окрестностям молодых и красивых девиц. Когда он был на Кюсю, в походе против Симадзу, чиновники по обычаю отправились на ловлю, но были с бесчестием выгнаны из деревень, населённых Христианами. Вечером они доложили об этом Хидээси, который по обычаю

чести или бесчестия считаться виновниками такого важного исторического события. Хидэёси и следовавший за ним другой гонитель Христиан Иэясу были вовсе не такие лица, у которых можно перевернуть всю систему убеждений одним хвастливым разговором или пустой интригой. Хидэёси, для которого было мало Японии, который ещё генералом в армии Нобунага строил планы расширения Японского могущества завоеванием иноземных государств (планы, впоследствии отчасти и приведённые им в исполнение завоеванием Кореи), конечно, с первого появления иностранцев не мог не заинтересоваться ими, не изучать их нравов, намерений и их политики. «Христианская религия хороша, но она не годится для моей страны», — был короткий ответ Хидэёси одному епископу, протестовавшему против его запретительных эдиктов. И этот ответ достаточно характеризует образ мыслей Хидэёси. Он знал Христианство и ценил его, но в тоже время находил нужным изгнать его. Какая причина? Иной не могло быть, кроме той, что он считал Христианство опасным для страны. Ему нужно было не собственно изгнание Христианства, а изгнание Европейцев, прекращение интимных сношений с ними и, чрез то, ограждение страны от их алчности. Будь в Японии истинные проповедники истинной веры Христовой, их дело не было бы смешано с политикой и, при изгнании Европейцев, они были бы оставлены в стране; не остались бы и они, осталась бы вера между туземцами. Пожаловаться на безрезонность и самодурство Японских гонителей Христианства нельзя: это не были взбалмошные Нероны, Галерии; они считали обязанностью сами знакомиться с Христианством и изучали его так беспристрастно, что прямо находили его хорошим и не стеснялись говорить это самим врагам. Но что же делать, если из-за Христианства они увидели ещё Католичество? Чья вина, что Христианство являлось им наполовину политической интригой самого опасного свойства? Или это неправда? К несчастью, существуют некоторые факты очень недвусмысленного характера.

Вот наиболее известный и достоверный из них. По смерти одного удельного князя, когда, имущество его, за некоторые вины, было конфисковано, в его доме совершенно неожиданно найден был сундук, наполненный драгоценными заграничными подарками и корреспонденцией, открывшей, что князь был в самых интимных сношениях с папой и собирался предать своё отечество во власть иноземцев. Итак, пусть Католики кланут Хидэёси, как изверга; мы, не стесняясь, скажем, что он, напротив, заслуживает уваже-

---

(sic!) был пьян, и взбешенный деспот сейчас же велел изготовить к подписи эдикт об изгнании Христианства из страны». Бессовестная ложь! Во всей жизни Хидэёси, изученной нами по лучшим Японским историям, мы встретили всего один факт, когда он недобросовестно завладел дочерью своего разливателя чая; но и этот разливатель чая не был Христианин.

ния, как орудие Промысла Божия, видимо, сохранившего Японию от ужасной участи стран Нового Света. А кто возразит, что, при всех гражданских несчастьях, которым Япония могла бы подвергнуться от Испанцев или других Европейцев, она всё-таки имела бы выгоду быть страной Христианской, тому мы укажем на состояние Христианства между современными Мексиканскими туземцами: если кому нравится иметь таких Христиан, то, в добрый час, сетовать на Хидэёси и на Иэясу, так как Христианство далеко не было подавлено строгими эдиктами первого, и Иэясу, сподвижник и наперник Хидэёси, хорошо понявший его планы, издал новые эдикты против Христиан. При Иэясу Европейские пропагандисты принуждены были окончательно удалиться из страны; но туземные Христиане ещё находили возможность скрываться на Юге Японии. В правление внука Иэясу, Иэмицу, спустя двадцать пять лет по изгнании Европейцев, несколько авантюристов, бежавших на Юг большею частью от политических преследований, вздумали затеять восстание против правительства. Местные обстоятельства как нельзя лучше благоприятствовали им: удельный народ двух местных князей был раздражен против последних за дурное управление; множество тайных Христиан, разбросанных по ближайшим округам, было крайне недовольно правительством за религиозное гонение. Предположив одинаково воспользоваться двумя этими обстоятельствами, зачинщики восстания озаботились дать своему делу, для большей его прочности, чисто религиозный характер: из-под руки сделаны были некоторые чудеса и пущено в ход подложное пророчество, указывавшее на это время, как самим Богом определённое для завоевания Христианами себе религиозной свободы. Когда такими способами народ был достаточно наэлектризован, зачинщики дела открыто взялись быть его руководителями, и Симабарское восстание вспыхнуло. Против горсти христиан, построивших себе крепость и затворившихся в ней с женами и детьми (всего до восьмидесяти тысяч), двинуты были регулярные войска сначала ближайших князей, потом более отдалённых, наконец, Сёгун должен был послать самых опытных и искусных своих генералов и огромные военные силы; но и тут осажденные уступили скорее голоду, чем силе и искусству противников. Наконец, крепость была взята, и восемьдесят тысяч человек, все до одного казнены, так как никто не хотел пройти по образу Богоматери с младенцем и тем засвидетельствовать своё вероотступничество. С этих пор на Христианскую веру легло новое нареkanie, будто она учит противлению властям, и она запрещена под строжайшими угрозами: «пока солнце восходит с Востока, Христианский проповедник не явится более в страну»; «хоть бы сам Бог Христианский пришёл в Японию, и ему голова долой». В таких и подобных выражениях написаны последние эдикты против Христиан. Таким образом,

Христианская вера — искусство колдовать, Христианская вера возмущает народ против правительства, она открывает иностранцам путь к завоеванию страны: вот понятия, которые каждый Японец соединял с понятием о Христианстве. Под этими видами Японец два с половиной века глумился над Христианством; под этими видами оно жило в сознании Японца вплоть до последнего открытия Японии. Сообразим конец с началом. Японец предстал пред Христианскою верой чистый, свободный от всяких предубеждений против неё и готовый всей душой принять её, потому что давно тяготился пустотою своих религий; но в сознании его отразилась не истинная вера, которой он жаждал, а Католичество, и Католичество XVI-го столетия, и он с негодованием и гневом отверг его. Бог, суди нас, мы считаем Японца правым^{*)}.

При появлении Американской и Русской эскадр у берегов Японии в 1853 г., вся Япония, естественно, была крайне встревожена: люди более образованные ждали от иностранцев неприятельских, завоевательных действий, народ же с ужасом смотрел на каждого иностранца, как на колдуна, и поминутно ждал от него чудес. Но, волею-неволею, Японцы должны были вступить в сношения с иностранцами. При заключении трактатов, они покушались, по крайней мере, выговорить запрещение распространять в их стране Христианскую веру; но им отвечали, как гр. Муравьев-Амурский: «если я убеждён в истинности моей веры, я не могу не говорить этого; от вас же самих зависит слушать меня или не слушать». И Японцы принуждены были дать иностранцам полную свободу в постройке их храмов и отправлении богослужения. Таким образом пришёл в их страну Христианский Бог, явились и проповедники. Католические миссионеры, вслед за заключением трактатов, толпой нахлынули из Китая. Из трёх открытых портов, Йокохамы, Хакодате и Нагасаки, они обратили особенное внимание на последний. В окрестностях его они ожидали найти следы древнего Христианства и не ошиблись: несмотря на все ужасы предшествовавших гонений, в народе сохранились ещё темные Христианские предания. Таким образом, католические миссионеры нашли уже подготовленную почву, и здесь был основан их главный пост, под управлением епископа. Чтобы судить об их успехе, выпиываю из Японской брошюры: «Тоё тьява дзякё симацу»^{**)} следующие данные,

---

^{*)} Пётр Великий знал о том. Он находился в Голландии, когда ему прислали известие о том, что в Японии наши священники проповедуют Христианство. В ответе своём управлявшему Посольским Приказом Винуусу, Пётр выразил своё удовольствие, но прибавил: надо, чтобы там попы были *подкладные*, а то не вышло бы как с Иезуитами.

^{**)} Автор брошюры поклонник Конфуция, изучал Христианскую веру под руководством одного из протестантских пасторов в Нагасаки. Он адресовался к пастору с заднею мыслью — узнать Христианство для того, чтобы потом успешнее напасть на него. Из этого сорта Японцев обыкновенно образуются самые ревностные Христиане. К несчастью,

относящиеся к 1867 г.: «В Ураками (по соседству с Нагасаки) свыше 2000 обращенных; в поместьях Омура свыше 100, в Фукабори, в области Хидзэн, свыше 1500, в Такахата, Симабара, Амануса, Хирано — сколько тысяч, в точности неизвестно». В Йокохаме и окрестностях количество обращенных также неизвестно. В Хакодате миссия основана с 1867 г., и особенных успехов пока не видно. Протестантские миссионеры далеко отстали от католических; они стали наезжать лишь с 1859 г. и насколько успели в бытность Тайкунов, данных тоже нет; но что успехи были, об этом свидетельствует та же брошюра: «В то время как католические миссионеры обращали людей низшего и среднего классов, протестантские обращали большею частью людей среднего и высшего классов», — говорит автор. Но что же Тайкунское правительство? Чтоб оно, всё основанное на шпионстве, не знало об этих действиях миссионеров, нельзя предположить; что же оно сделало во имя своих страшных законов против Христианства? Выписываю из вышеупомянутой брошюры то, что служит ответом на этот вопрос. Но прежде считаю нужным объяснить начало дела.

Мать служанки Английского консула (в Нагасаки) сделалась Христианкой; когда её соседи по деревне узнали об этом, то стали грозиться, что сожгут её дом, если она не бросит колдовства, т. е. Христианства. Мать пересказала это дочери; дочь пожаловалась Английскому консулу, а этот губернатору. Последний должен был исследовать дело и, волею-неволею, найти множество Христиан. «За вероотступничество, в Ураками, несколько жителей, по приказанию губернатора, были арестованы, 13-го ч. 6-го месяца прошлого (1867) года, и заключены в тюрьму. При этом в часовне в Ураками были конфискованы образа и прочие вещи и сданы деревенскому старосте. Полицейские служители вернулись с 70 человеками в место жительства губернатора; 6 или 7 из них, однако, остались в доме старосты в Ураками. Остальные вероотступники, в числе нескольких сот, учинили восстание: напали с бамбуковыми копьями на дом старосты, взяли обратно свои образа и захватили двух чиновников и двух полицейских служителей, о которых объявили, что будут держать их заложниками и не выдадут до тех пор, пока им не будут возвращены их товарищи, заключённые в тюрьму. В этом положении дел, остальные вероотступники были предоставлены себе самим, и аресты прекратились. 14-го числа на Козима была поспешно сооружена большая тюрьма, и в неё посажены вышеозначенные 70 и несколько других арестантов»...

протестантский миссионер не сумел воспользоваться им; зато Японец хорошо пользуется полученными уроками: выставляет в самом непривлекательном свете действия протестантских и католических миссионеров и на чём свет бранит Христианство, которого он, разумеется, ни на волос не понял.

«Так как в поместьях Омура, в Ураками, также оказались вероотступники то, 7-го месяца прошлого года, свыше ста человек их было арестовано и посажено в тюрьму. Арестованные и заключённые в тюрьму были ежедневно, по приказанию губернатора, призываемы, и перед ними излагаемо всё зло извращенной религии, но без всякого успеха: твёрдые в своём упорстве, они не показывали никакого знака перемены мыслей; напротив, они просили, чтобы им было позволено свободное и беспрепятственное исповедание Римско-католической религии. При таком положении дел, когда губернатор и чиновники не знали, что делать, 14-го ч. 8-го месяца были поспешно позваны губернатором жрецы семи храмов Синсю и двух Дзэнсю и, когда они явились, у них было спрошено, нет ли какого-нибудь средства заставить этих отступников в Ураками переменить их мысли. Жрецы сказали, что они дадут ответ по внимательном обсуждении предмета. На следующий день они сказали, что употребят всё своё старание побудить отступников разом переменить их мысли. 19-го ч. дайкан и судьи сопровождали жрецов в Ураками; но, несмотря на все их увещания, отступники, упорные до крайности, не обратили на них никакого внимания. Их упорство происходит от снисходительности, с которой до сих пор обращались с ними. В половине 9-го месяца заключённые притворились переменившими свои мнения и были выпущены на свободу; но они опять обратились к прежнему, и число их ежедневно возрастает. Выпущенные были просто лишь отданы на поруки в Ураками, и ничего больше. Пользуясь снисходительностью, которую оказывали им, они запаслись из часовни деньгами, разошлись секретно по всем направлениям и делают обращение, или раздавая милостыню бедным, или совершая чудеса, так что в короткое время сотни новообращенных были приобретены в разных местах»...

И вот всё, что сделано Тайкунским правительством против Христианской веры, в продолжение четырнадцати лет. Где прежняя ненависть к Христианам, как к колдунам, как к противникам власти и изменникам отечеству? Её и в помине нет. Ненависть эта отражается ещё в сознании частного лица, автора брошюры, предубежденного против Христианства; Нагасакский же губернатор, как видно, теснил Христиан просто потому, что, в виду закона, строго запрещающего Христианство, не мог не сделать что-нибудь после того, как его так неделикатно и необдуманно натолкнули на Христиан сами же Христиане, и сделал он, нужно признаться, очень мало (за принятие Христианства, по древне-Японскому закону, полагается казнить распятием на кресте и прободением копьями). Всё же это (и смотрение сквозь пальцы на умножение Христиан, и милостивое обращение с обнаруженными Христианами) было, разумеется, не личным делом самого губернатора Нагасаки, а лишь исполнением инструкций, данных из Эдо.

Новое правительство, образовавшееся в начале прошлого года, также запретило Японцам принятие Христианства; но здесь основная причина запрещения совершенно другого свойства, чем все прежние побуждения. Тайкуна уничтожили; нужно поднять императора, поднять из праха, в котором он пресмыкался доселе пред тайкунами. Но чем подпереть эту дряхлую развалину минувшего величия? Средство под рукой: стоит лишь придать больше блеска и торжественности древней религии, по счастью, ещё не совсем погибшей; предмет этой религии — прямые предки императора и, в лице их, сам он. Самый важный и торжественный пункт учения её — вручение власти над Японией, на веки вечные, праотцу микадо и всему его потомству. Слушая это учение, кто же станет сомневаться в правах императора на власть? И вот громко грянул Синтоистский барабан, звонко звякнули литавры, приосанясь и смело взглянув кругом, затанул свою неизменную героическую песню жрец. Думал ли «путь богов» иметь эту минуту торжества, он, почти издохнувший под ударами Буддизма? А теперь им приходится поменяться ролями: Буддизм, как тоже иностранная религия, испытывает к себе презрение и пренебрежение, и какое презрение! Императорским указом велено выбросить из Синтоистских кумирен все Буддийские принадлежности, в течение веков вкравшиеся в них, а Буддийским бонзам предписано не сметь молиться Синтоистским богам и даже иметь у себя в храмах их изображения. И какое пренебрежение! В новой конституции, разосланной для руководства по всей империи, значится, между прочим, «департамент духовных дел», и его попечениям адресованы исключительно дела Синто; о Буддизме хоть бы слово! И это несмотря на то, что в Японии все, начиная от самого императора до поденщика, Буддисты, что Буддийскими храмами усеяна Япония, что Буддийских бонз сотни тысяч, что, словом, не замечать Буддизма в стране может разве сумасшедший. Есть ли же какая возможность Христианской вере ждать для себя приязни в это время? И можно ли удивляться, что и новым правительством повторено запрещение принимать её? Не нужно ли удивляться, напротив, тому обстоятельству, что правительство, почти в то же время, как запрещает, даёт весьма ясно понять, что оно вовсе не имеет в виду серьёзно преследовать свою мысль? А факты, как нельзя лучше, подтверждают последнее. Укажу эти факты.

Указ, которым новое правительство запретило Христианство, начинался так: «Христианская нечестивая вера по-прежнему запрещается». Слово «нечестивая», по всем правилам грамматики, относилось к Христианской религии. Когда указ был вывешен публично на досках, иностранные министры подали протесты против названия Христианской религии нечестивою. Министр иностранных дел, Хигаси-Кузэ, отвечал им. Вот ответ Прусскому

поверенному в делах, г. фон-Брандту: «Я имел честь получить ваше письмо от прошедшего 5-го мес., 26-го числа. Вы выражаете неудовольствие по поводу текста того из указов, обнародованных новым правительством после совершившихся весной наших государственных перемен, в котором говорится, что “Христианская религия по-прежнему запрещается” и проч. Но так как это смешение понятий произошло оттого, что до сих пор у нас о запрещённых нашими законами Христианской религии и нечестивой религии (нечестивою религией, дзясю, называется та, которая колдовством и подобными средствами развращает человеческое сердце и проч.) говорили заодно, не разделяя их, то прошу понять, что нечестивою религией не названа именно Христианская религия». Между тем, ещё до отправления ответов к иностранным министрам, новым распоряжением велено было по всей Японии переменить текст указа на публично вывешенных досках, отделив весьма ясно Христианскую религию от «нечестивой». Вот другой факт. При сдаче Нагасаки правительству Микадо, прежний губернатор сдал и нерешенное дело о нескольких Христианах, содержащихся ещё в тюрьме. Новый губернатор решил разослать их по ближайшим княжествам и отдать там под надзор местных властей. Когда с этой целью Христиане (11 июля прошлого года) посажены были на судно, в Нагасаки разнеслась молва, что их увозят с тем, чтобы часть утопить в море, часть обезглавить, а остаток отвезти на один из соседних островов в каторжную работу. Иностранные консулы, живущие в Нагасаки, послали к губернатору коллективную ноту, спрашивая, с какими намерениями вывезены Христиане, и выражая надежду, что с ними не будет поступлено бесчеловечно и бесславно для Японии в глазах образованного мира. Губернатор отвечал, что Христиане вывезены в территории Тёсю и Бинго, с тем, чтобы отдать их под надзор, что Японское правительство не намерено оскорблять человечество истреблением невинных людей, что прочие Христиане, оставшиеся в городе, не будут притесняемы, что те Христиане вывезены с тем, чтобы предупредить беспорядки, могущие возникнуть от столкновения их с последователями других сект в соседстве, что Японское правительство благодарит консулов за их добрые внушения и человеческие побуждения». («The Nagasaki times». 1868. July 6-th/18. №4). Иностранные министры в Йокохаме, встревоженные вестями из Нагасаки, также подали несколько протестов против жестокого обращения с Христианами. Хигаси-Кузз, в том же письме, часть которого приведена выше, отвечал г. фон Брандту следующее: «Вы несколько раз писали мне касательно Христиан, появившихся в области Хидзэн, в деревне Ураками, и я до сих пор не отвечал вам. Военные смуты, мешавшие обсуждению дела, были причиною этого невольного замедления. Прошу великодушно извинить».

Нечестивая вера, употребляющая колдовство, развращающая человеческое сердце, подрывающая основы нашего государственного быта, всегда была запрещается нашим правительством; но принявших Христианство ссылать в заточение, топить, жечь, варить в масле, такие бесчеловечные поступки никогда не были в намерениях нашего правительства, и ваши представления об этом, как я догадываюсь, возникли из вышеупомянутого смешения понятий (о Христианской и нечестивой верах), или же из неосновательных слухов. Отложите же ваши сомнения и представьте это дело в настоящем свете вашему правительству».

Решаюсь привести и ещё письмо Хигаси-Кузэ к г. фон-Брандту, относящееся одинаково к объяснению вышеуказанного указа и к оправданию Нагасакского дела. «В тексте недавно обнародованного указа касательно Христианской религии подряд поставлено: “Христианская нечестивая религия”. Отсюда произошло ошибочное понятие, будто именно Христианская религия названа нечестивою. После этого та и другая разделены на двое, как вам это известно. Религия, называвшаяся Христианскою 300 лет тому назад, употребляла колдовство, развращала человеческое сердце, производила беспорядки, за это она и была строго запрещена; а по всему этому и народ с того времени смотрит на неё, как на нечестивую веру. Подобную веру и в настоящее время наше правительство никак не может допустить. Того же, что Христианская вера — правильная вера, народ до сих пор не понимает; а в то время, когда он ещё находится в таком неведении, вдруг разрешить её, не согласно с правительственными пользами. Нужно бы было рассудить, разобраться, что правильно и что нечестиво; но этому помешали военные смуты. Поэтому, относящиеся к этому предмету постановления не приведены в точность, и нельзя поручиться, чтоб в разных местах государства не был неодинаковый образ действий. Но так как с этого времени мы имеем войти в ещё более дружественную связь с вашим государством, и так как подвергать жестоким преследованиям наших людей, принявших веру вашего государства, было бы несогласно с дружественностью отношений, то в настоящее время наше правительство рассудило и решило с этих пор не постановлять крутых законов против Христиан, а обращаться с ними милостиво». (Письмо от 27 ч. 11-го мес. прошлого года).

В каком смысле нужно понимать и в каком, действительно, понимают эти и подобные декларации нынешнего Японского правительства представители иностранных держав, миссионеры и Японский народ, видно из следующих, небывалых до прошлого года, фактов: уже в Христианских церквях, наравне с иностранными министрами и другими иностранными Христианами, открыто молятся Богу Японские Христиане (я сам видел это в минувшую

католическую и протестантскую пасху, в Йокохаме); уже о принявших христианскую веру Японцах сами миссионеры извещают во всеуслышание в периодических изданиях, называя Японцев по именам или описывая их так, что всякий, кто пожелает, тотчас может найти их. (См. The Record of the Presbyterian church in the U. S. of America, for. June 1869. The Foreign Missionary. June 1869. New York.).

Что же значит, что Японское правительство и запрещает Христианство и в тоже время игнорирует заведомых Христиан? Что другое, как не то, что Японское правительство сознает всю слабость и бесполезность своих собственных указов. В самом деле, стоящие теперь во главе правительства несколько удельных князей и масса молодежи (успевшей или нет побывать за границей, но, во всяком случае, знакомой более или менее с иностранными науками и порядками), разумеется, ещё не знают хорошо Христианской веры (да и когда было узнать её в пятнадцать лет, в продолжение которых Японцы не успели придти в себя, ослепленные блеском наружных атрибутов Европейской цивилизации?), но они видят и чувствуют, что им не защититься от этой могучей силы, которая так властно господствует над Европой и Америкой. Как атеисты, они, по всей вероятности, удивляются последнему факту и готовы предложить иностранцам тот вопрос, который некогда задал Нобунага католическим миссионерам: «Ужели вы в самом деле веруете?». Но много ли нужно для того, чтобы убедиться, что в Европе и Америке действительно веруют и веруют искренне и глубоко? Те, которые так быстро перешли от презрения иностранцев к уважению и от ненависти к глубокой симпатии, и которые с таким лихорадочным нетерпением стараются перенимать и заучивать всё иностранное, разве замедлят окончательно убедиться, что Христианская вера вовсе не колдовство, не учение противоправительственное, не орудие к завоеванию чужих стран, а напротив, чистое духовное учение, основа государственного благоденствия, словом, единственная истинная религия на земле? Предположим даже медленный, постепенный ход. Вот взор Японцев пока прикован к оболочке Европейской цивилизации, пароходам, пушкам, внешней постройке конституций; но все эти молодые люди (их тысячи), изучающие теперь Европейские языки, ужели все они и вечно будут заниматься лишь пушками и пароходами? Не пойдут ли они дальше? Не заглянут ли они глубже и в Европейскую историю, и в юридическое право, и во внутренний строй Европейских государств? И что же они встретят? Везде Христианскую религию! И могут ли они отделаться от знакомства с нею — основою всех наук и всего государственного быта Европы, предприняв пересадить к себе и эти науки, и этот быт? Они, если бы и захотели, не могли бы этого сделать; но они и не захотят: Японцы очень далеки от рас-

кольнического упорства в невежестве и нежелании знать резоны противной стороны; живущие в Японии знают, как Японец рад всегда приобрести Библию и с каким удовольствием он показывает её и читает из неё тирады своим друзьям. Хотя бы ни он сам, ни его приятели не были нисколько расположены веровать в написанное: уж одно то, что эта книга почитается Европейцами, магически влечет к ней Японца. Что же касается до запрещения Христианства во имя Синто из-за необходимости поддерживать авторитет Микадо, то это запрещение не устоит долго, как не продлится долго настоящий порядок вещей, если только не ждать окончательного расстройств Японии.

Чтобы убедиться в этом, взглянем на характер современной Японской революции. Сёгуны дома Токугава долго были предметом ненависти князей: больно не по нраву пришлось последним железная рука Сёгунов, затворивших их в Эдо, как в клетке. Но князья должны были сносить свою участь: на стороне сёгунов была вся нация; пора же ей было, наконец, осушить кровь и перевести дух, после долгих кровопролитий, которыми угощали её князья во взаимных распрях при предшествовавших Сёгунских династиях. Но вот Япония входит в сношения с иностранцами: явились у Сёгуна другие дела, повеяло новым духом; оказалось далее невозможным держать на привязи около трехсот удельных князей, скученных в Эдо; они были распушены. Некоторые из них, вздохнув вольною грудью, скоро расправили онемелые члены, и пошла работа! Тодзама (князья, не созданные династией Токугава, а добывшие себе лены ещё прежде её) особенно не могли простить своего унижения; им нужно было, во что бы то ни стало, рассчитаться с Сёгунами. И вот выступили на сцену все те громкие принципы, которые, обыкновенно, и прежде пускались в дело при подобных случаях: и восстановление прав ограбленной и униженной императорской династии, и беспорядки правления, и стон будто бы страждущего народа. Было бы ни с чем не сообразною ошибкой полагать, что современной революцией Япония обязана вторжению к ней иностранцев. Эта революция давно уже подготавливалась: ещё задолго до Европейцев князья, сколько возможно было, интриговали против Сёгунов, подкупами, под видом подарков, завлекали на свою сторону двор Микадо, живший в нищете, старались, как будто ненамеренно, развращать и идиотить Сёгунов; приход иностранцев лишь на несколько лет ускорил взрыв. В начале прошлого года, наконец, произошло открытое столкновение Тайкуна и его приверженцев с коалицией враждебных князей, завладевших императорским флагом; несколько незначущих комбинаций доставили победу последним. Никто не приписал на первый раз этому сражению решительного значения. Сёгун обладал огромной собственной армией и довольно большим флотом, на его стороне были его гофудаи (князья, получившие лены от Токугава)

и даже значительная часть Тодзама; за него готов был душу положить его удельный народ и особенно его Эдо; сам Сёгун на этот раз, как нарочно, был человек известных талантов. Все ждали, что он за стыд первого поражения заплатит врагам сторицею. Но, к общему изумлению, он сложил с себя власть, велел разойтись войскам, оставить Эдо и, в виде смиренно кающегося в своих преступлениях перед императором, удалился на свою родину, в княжество Мито. Глубокое огорчение и даже ропот большей половины Японии сопровождали его. А враги торжествовали: они великодушно оставили ему жизнь, отнятую было у него императорским указом, и принялись распоряжаться Японией: сочинили конституцию, потом другую, написали к народу множество указов и приказов, показали своего пятнадцатилетнего Микадо иностранным министрам, переменили правительственные штаты в Тайкунских городах, выслал, на место прежних знавших своё дело чиновников, каких-то недоделков. По-видимому, всё пошло своим чередом. Пред именем Микадо всё поникло, все, кроме части армии Сёгуна, его флота и одного князя, самого рьяного из его защитников. Флот стоял в бездействии; строптивые войска стали действовать врассыпную, но они не страшны были без главы и без определённого плана; страшен был князь, «этот враг отечества, разбойник, изменник, злодей», как возвеличило его правительство. Но вот и он смирился, подал покорное прошение и наложил на себя арест, вне ворот своей крепости. Множество северных князей, его соседей, стали ходатайствовать за него; умильным «слезным челобитьем» не было конца. Чего бы, кажется, лучше? Простить его, доставить мир потрясенной Японии и оставить её наслаждаться плодами либеральной конституции. Но не то нужно было коноводам движения; не об отечестве они хлопотали. Я уже сказал, что во главе современного движения стоят несколько сильных удельных князей и образованная молодежь, сбродная из разных княжеств. Сию последнюю вполне можно назвать авангардом Японии на поле цивилизации: она полна платонических мечтаний о будущем величии своего отечества и в самом деле думает ввести сюда Аглицкую конституцию. Но она сама лишь слепое орудие в руках другой силы; а эта сила два-три удельные князя (Сацума, Тёсю, Тоса), из которых каждый питает самые существенные надежды на преемство упраздненной единоличной власти. Но овладеть верховною властью одному из трёхсот претендентов, особенно, когда многие из них равны между собою по материальным силам, трудная задача. Древняя практика указала превосходное средство в этом затруднении: нужно ослабить опасных совместников, натравив их друг на друга. И вот начинается травля: Аидзу, несмотря ни на какие просьбы, не прощается; Сэндай, Ёнэзава, Сёнай и другие сильные северные князя, несмотря ни на какие отговорки, посылают на

Аидзу; послы за послами от этих князей скачут в Мияко и обратно. Уже князья готовы были против своей воли идти на своего собрата: грозное имя Микадо нудило их к тому; но одно обстоятельство изменило всё. Совершенно случайно открыт был план коноводов революции, имеющий основную мыслью именно ослабить северных князей друг другом. Роли быстро изменились: северные князья казнили или выгнали Микадских послов, разосланных для понуждения к скорейшему вооружению, провозгласили со своей стороны южных князей врагами отечества, соединили свои силы с Аидзу, все вместе заключили клятвенный союз против южан; и полилась кровь. Обе воюющие партии клеймили друг друга самыми позорными именами, и обе в то же время провозглашали своим принципом восстановление императорской власти, очищение отечества от бунтовщиков и возведение его на высокую степень могущества и славы. Долго разыгрывалась эта кровавая драма. Южные имели на своей стороне все шансы превосходства; в их руках был император: его имени беспрекословно подчинялись четыре пятых Японии, по его зову шли огромные армии на Север, по его приказу все покорные князья предоставили в его распоряжение свои пароходы и парусные суда, его именем выпускались кредитные билеты, и купцы принуждались менять на них серебро и золото, нужные правительству на военные издержки. Но не столько всё это, сколько недостаток общего плана действий у противников помог, наконец, южанам взять перевес. В конце прошлого года северные князья одним за другим покорились. Только Энмото, адмирал Тайкунского флота, выдержал свою роль: с одиннадцатью судами, во главе пяти тысяч отважнейших воинов Японии, он выгнал из Хакодате императорское правительство, а из Мацумая князя, и завладел всем островом Эдзо.

Что будет дальше, трудно угадать; но то, кажется, несомненно, что всё это лишь начало страшного потрясения. Если южане принудят к покорности и последнего из своих противников (что весьма вероятно), то война не замедлит загореться на другом пункте. Южных до сих пор связывает общий интерес — общие враги; для общего дела каждый из них пока нетерпеливо прячет своекорыстие под благовидную мантией империализма; не стань этих врагов, они не замедлят перессориться между собою; не перессорься они, выступят на сцену ещё другие князья. Кажется, можно сказать наверное только то, что начавшееся волнение уляжется лишь тогда, когда выступит на сцену человек с печатью яркого таланта на челе и в своё собственное имя, а не в чьё-либо другое, станет во главе движения, властною рукою укажет всем и всему приличное место и поведет свою нацию вперёд. Но такого таланта пока не видно ни на той, ни на другой стороне, и это отсутствие вождя ещё заставляет взоры многих обращать на прежнего Сёгуна; ещё не

верится, чтобы он погиб бесследно, ещё приписывают ему глубокие планы и ждут, что он выступит на сцену, но уже выступит грозно и славно. Или пусть бы этим талантом оказался сам Микадо; это было бы истинным благословением Неба для Японии; тогда не нужно было бы ни ходить Синтоизма, ни каких других искусственных приемов; тогда и без того князя скоро и послушно утихли бы, как утихают расшумевшиеся дети перед грозным учителем...

Пройдут ещё три-четыре года, придёт ещё несколько тысяч католиков и протестантов в Японию; случатся опять какие-нибудь столкновения по этому поводу у иностранных министров с Японским правительством и довершат первые своё дело: побудят Японское правительство к отмене и последнего слабого стеснения Христиан. Ещё шире раскинут тогда свои сети католические и протестантские миссионеры...

* * *

В письме моём к высокопреосвященному митрополиту Исидору, которое его высокопреосвященству угодно было напечатать в Февральской книжке «Христианского Чтения» текущего года, на страницах 247–255 изъяснено, чем я занимался, живя в Хакодате, и что сделал. К изложенным там сведениям о трёх крещёных, которых я тогда отправил из Хакодате для безопасности их, имею прибавить следующее. Один из них, Павел Савабэ, испытал все трудности путешествия по стране в военное время и убедившись в невозможности пройти до Эдо, презрев все опасности, вернулся в Хакодате ещё в то время, когда оно занято было правительством Микадо; но как оказалось, страхи наши были напрасны: Савабэ никто не думал тревожить, хотя все знали, что он Христианин; до последнего времени (я получил от него известие несколько дней тому назад) он живёт благополучно в Хакодате и занимается катехизаторством. Другой, Иоанн Сакай, благополучно достиг своей родины в княжестве Сэндай и живёт там, стараясь (и небезуспешно, как видно из его писем) обратить ко Христу своих родных и ближайших знакомых. Третий, Яков Урано, хотел пробраться также на свою родину в княжество Кага, но был задержан на пути в одном большом селении княжества Намбу своими родными и друзьями, которые, до последнего времени, когда я имел сведения от него, не хотели выпустить его, пока он не передаст им о Христианской вере всё, что сам знает. К тем семи человекам, о которых я извещал тогда высокопреосвященного митрополита, как о имеющих сделаться Христианами, прибавился ещё один. Из них два молодых человека, которые начали тогда учиться Русскому языку с тем, чтобы посвятить потом своё знание служению вере, как подданные Сэндайского князя (объявившего

себя в то время противником партии южных князей, занимавшей Хакодатэ) должны были, в скорости же после того, вместе со всеми Сэндайскими, оставить Хакодатэ. Я боялся, что вдали от меня они забудут те немногие уроки, которыми воспользовались; но опасения мои, по крайней мере, на счёт одного из них, по фамилии Кангэта, оказались совершенно напрасными. Так как северные князья положили оружие пред южными вопреки желанию большинства своего народа и своих войск, то из последних, кто только мог, примкнул к Эномото и переправился на Эдзо; в числе последних оказался и Кангэта. Тотчас же по прибытии в Хакодатэ, он явился ко мне, в форме полкового адъютанта, и первые его слова были: «до двадцати пяти человек из наших офицеров желают учиться вере; я передал им всё, что мог». Молодой Японец, среди тревог военной жизни, хранит в памяти немногие полученные им уроки о новой вере, и у бивачного огня, забыв труд и опасности только что минувшего боя, говорит своим товарищам о неведомом им Боге, о тайне искупления и спасения!.. И эти слова его не падали на бесплодную почву; у меня были двенадцать из этих офицеров, т. е. все те, которые имели случай быть в Хакодатэ: каждый из них горит желанием продолжать начатые уроки, а некоторые изъявляли полную готовность посвятить себя делу распространения веры. Их учитель перелил в них не только все свои сведения, но и свой энтузиазм. Я оставил Хакодатэ напутствуемый их сердечными желаниями, чтобы то дело, для которого я еду, возбудило в России хоть малую часть сочувствия, которое имеют к нему они: «тогда бы», по выражению одного из них, «успех поездки был также несомненен, как несомненно то, что Сын Божий сходил на землю».

Дело, для которого я приехал, состоит в том, чтобы просить себе, по крайней мере, *трёх сотрудников*. Когда они будут даны, то называться ли нам миссионерами, или только причтом церкви консульства, для сущности дела — всё равно, если только позволено будет нам жить в разных местах. Но, мне кажется, гораздо лучше назвать нас прямо миссионерами. В Японии, кроме моего предместника и меня, ещё не было ни одного Христианского священника, который бы не был миссионер, и Японский народ так привык соединять с понятием о священнике понятие миссионера, что из всей империи только в Хакодатэ, и тут не все, знают, что может быть и священник не миссионер. Итак, относительно народа, то или другое название ничего не значит: лишь бы быть духовным лицом, в глазах народа неизбежно будешь миссионером. Но относительно Японского правительства различие в названии имеет значение: так как мы будем заниматься распространением веры, то мы и в глазах правительства будем те же миссионеры, как другие. Только, если мы будем и называться миссионерами, наши действия будут согласны

с нашим званием; если же не будем, то в наших действиях и звании будет противоречие и в нас самих двуличность. Японское правительство тотчас же поймет это и взглянет на нас не совсем лестно; между тем оно не подало никакого повода думать, чтоб оно смотрело нелестно на современных миссионеров вообще. Не лучше ли и нам быть миссионерами, как все другие, и пользоваться теми же правами, как другие?

Миссионеры должны быть образованные и развитые люди, иначе они не могут приобрести кредит между Японцами. Хорошо бы было, если бы в духовных академиях нашлись желающие посвятить себя делу миссионерства; если же не найдутся, то можно удовольствоваться и способными молодыми людьми, кончившими курс семинарских наук. О добрых нравственных качествах я и не говорю: без них миссионер немислим.

Миссионеры могут быть монахами, женатыми или неженатыми священниками, даже, на первый раз, пока научатся языку, светскими людьми, как кто пожелает; это для сущности дела не составит большой разности. Но непременно условием, без которого никто не может быть отправлен в Японию в качестве миссионера, должна быть поставлена решимость посвятить свою жизнь на служение православной вере в Японии. Было бы несчастьем, например, если бы миссионер, проживши пять или десять лет, соскучился Японией или соблазнился желанием получить высшее место, большее жалованье, и оставил страну. Такие перемены нигде не могут быть так чувствительны, как именно в Японии, где, по крайней мере, пять лет нужно употребить для изучения разговорного языка, и, по крайней мере, десять для изучения письменного. Женатых миссионеров, обязанных заботиться о воспитании своих детей, это условие не может смущать: теперь пути сообщения так хороши.

Жалованье миссионеру, по дороговизне всего в Японии, никак не может быть положено меньше двух тысяч рублей, при обеспеченной квартире.

Четыре миссионера должны поселиться в четырёх разных пунктах, именно: в Нагасаки, где колыбель Христианства в Японии, в Йокохаме, или в самом Эдо, бывшей столице Сёгунов и теперешней восточной столице Микадо; в Хёго, близ Мияко, столицы Микадо и центра самой населённой части Японии, и, наконец, — в Хакодате, где теперь находится Русское консульство и есть церковь и откуда удобно действовать на северную часть острова Нипона. Тот из миссионеров, который останется в Хакодате, будет вместе с тем и священником консульства. При консульстве же имеет оставаться и псаломщик. Миссионеры в Нагасаки, Эдо и Хёго могут быть в первое время без церквей; но дома для них необходимо построить теперь же: на это потребно, по крайней мере, по три тысячи рублей для каждого. В первый год, пока дома будут построены, им нужно нанимать квартиры, на что потребуется,

считая, что квартиры будут до последней возможности скромные, тысяча рублей для троих.

Лет в пять новые миссионеры научатся Японскому языку, а я успею перевести самое необходимое из богослужебных книг. Тогда же, быть может, найдется возможность построить небольшие церкви и в прочих трёх пунктах. (Если же консульство переведется в Хёго или Йокохаму, то в одном из пунктов постройка церкви, по всей вероятности, войдёт в общий план постройки консульства, что значительно сократит расход собственно на миссию).

Таким образом, мы все будем в состоянии начать совершение богослужения на Японском языке. Если к тому времени дана будет свобода вероисповеданий, то служба может совершаться при помощи Японцев; если же нет, то от времени до времени псаломщик может отправляться поочередно в то или другое место для службы, или сами миссионеры с этою целью посещать друг друга. При непрерывном пароходстве и при недалекости расстояний эти поездки весьма легки и в денежном, и во всяком другом отношении.

Четыре человека, разумеется, очень малое число для распространения веры в тридцатипятимиллионной империи. Но они мало-помалу могут образовать каждый для себя помощников из туземцев; если каждый из них приобретёт себе пять катехизаторов, то уже будет двадцать пять проповедников, число не совсем незначительное, а его можно постепенно удвоить и утроить. Катехизаторы, конечно, могут действовать не иначе, как под непосредственным руководством миссионера: послать их далеко, для самостоятельной деятельности, нельзя. Но миссионеры могут со временем найти способных мальчиков из туземцев, научить их Русскому языку, попросить (и верно для этого не найдется препятствий) воспитать их в духовных заведениях в России, так чтобы они могли сделаться священниками. В них миссионеры уже приобретут себе собратьев, равных им во всём и способных действовать самостоятельно. Таким образом, маленькое общество из четырёх человек может мало-помалу разрастись и сделать, если Богу угодно будет, многое.

Итак, для основания духовной миссии в Японии нужны:

Трое молодых человека с богословским образованием;

Десять тысяч рублей единовременного расхода для устройства помещения им;

Шесть тысяч рублей ежегодно на содержание их.

Обращаюсь к вашему превосходительству с усерднейшею просьбою: окажите ваше содействие к основанию этой миссии.

Настоятель Японской консульской церкви,

иеромонах Николай.

1869 г. Июля 12.

«Русский Архив». 1907. № 4., С. 570–615.

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ НАЧАЛЬНИКА РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ЯПОНИИ.

Начальник миссии, по положению обязанный давать направление всем действиям миссионеров, должен руководствоваться следующими правилами:

§ 1

По приезду в Японию миссионеры должны ревностно заняться изучением языка страны, при чем для них должно иметь одинаковую важность изучения как устной речи, так и письменного языка. Им надлежит не только устная проповедь, но и положение основы православной христианской литературы в стране, начиная от перевода Священного Писания и Богослужбных книг, до составления детских по Закону Божию учебников.

§ 2

По мере изучения языка, миссионеры входят и более близкие сношения с туземцами, при чем всегда и при всех обстоятельствах строго соблюдаются ими правила благоприветливого, кроткого и осторожного сообщения, как свойственно людям благовоспитанным и образованным.

§ 3

Приступая к делу миссии, в числе туземцев прежде всего надо искать таких людей, которые способны были бы принять христианскую веру, сами в свою очередь, и сами могли послужить для распространения веры. На них, как скоро они найдены — по преимуществу не должен шадить ни своего времени и труда, ни своих материальных средств, какими может располагать: это его будущие помощники в делах проповеди, катехизаторы. В первое время, пока христианскому проповеднику не дозволено ещё открыто являться перед народом с проповедью на этих-то катехизаторах, по существу, основывается надежда на возможное расширение пределов проповеди. Достаточно наученный вере и для большей свободы в употреблении времени и сил своих на дело служения вере, обязанный дневным пропитанием, катехизатор под руководством миссионера может делать у себя веропробоведнические собрания для своих знакомых, входить в другие дома с проповедью и даже, по мере возможности, отправляться для проповеди в другие города и селения.

§ 4

Разделяя свой труд с катехизаторами, миссионер в то же время должен всегда держать свои двери открытыми для всех, кто пожелает послушать его самого, равно как идти всюду, где будет видеть надежду на успех проповеди.

Ни от каких требований в пределах его обязанностей, он не должен уклоняться; равно ни какие вопросы и возражения, касающиеся предмета его проповеди, не должен оставлять без ответов.

§ 5

Из поучаемых вере, требующих крещения, миссионер должен тщательно испытывать и не прежде крестить, как совершенно убедившись в твёрдости и искренности принятых ими религиозных убеждений.

§ 6

Что касается до степени знания вероучения и разных предметов христианской науки, то она не может быть для всех одна и та же. Например, для старика простолюдина, чтобы быть допущенным к крещению, достаточно, если он отчётливо и ясно усвоит общее катехизическое учение и важнейшие события из Священной Истории и выучит наизусть главные христианские молитвы; молодому человеку из учёного класса вероучение должно быть преподавано гораздо обширнее; с ним следует разобрать и возражения против христианской веры, поставляемые как туземцами, так и европейскими неверными, истолковать ему важнейшие и более трудные места из Священного Писания, дать понятие об инославных христианских исповеданиях в сопоставлении их с истинною верою и прочее. Опытность миссионера в этом отношении укажет ему, что кому преподавать и от кого каким знанием удовлетвориться.

§ 7

О новокрещенных миссионеры должны иметь ревностное попечение, как о юных чадах Церкви, требующих непрерывного руководства, чтобы укрепиться в новой жизни по духу Христову. Миссионеры обязаны поучать их, внушая им неуклонное исполнение принятых ими заповедей и установок Церкви, отправлять для них Богослужение, совершать церковные требы, словом, быть для них истинными пастырями стада Христова.

§ 8

Дети японцев, принявших христианскую веру, должны быть воспитываемы в христианском духе. Миссионеры должны заботиться о составлении или переводов на японский язык готовых христианских учебников. Учителями могут быть катехизаторы, под тщательным присмотром миссионеров. Когда же дана будет свобода вероисповедания, тогда при миссиях должны быть заведены открытые школы для детей. Если к тому времени не найдены будут местные средства для содержания школ, то начальник миссии должен заботиться о приобретении средств из России.

§ 9

Приготовляя в катехизаторы подручных помощников, миссионеры в то же время должны быть озабочены приготовлением из японцев равносильных себе проповедников. Для этого, между японцами, крещеными и изъявляющими готовность посвятить себя на служение Церкви, должны быть избираемы наиболее способные молодые люди, не свыше 20-ти лет от роду, но с литературным японским образованием, научаемы немного русскому языку и отправляемы, смотря по развитию, в Духовные Семинарии или Академии в Россию. По окончании здесь курса наук, лучшие из них по нравственности и уму могут быть удостоены священнослужительских степеней; прочие же будут вполне надёжными катехизаторами, наставниками в школах и переводчиками религиозных книг.

Примечание. В духовно-учебных заведениях в России, означенные японцы будут воспитываться на казенные средства; пересылка же их в Россию может быть производима на экстраординарные суммы миссии, если таковые будут иметься; или же для этого могут быть приобретаемы из России особые средства. Инструкция эта утверждена в виде опыта на пять лет определением Священного Синода, состоявшимся 14/22 Мая 1871 года.

АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп.493. Д.1056. Л.33–35.

ПОЛОЖЕНИЕ для Российской Духовной миссии в Японии

§1.

Духовная миссия наша для распространения православной христианской веры в Японии состоит в полном распоряжении и заведывании Святейшего Синода.

§2.

Она образуется из четырёх иеромонахов, (а в случае ненахождения таковых из вдовых, по возможности, бездетных священников) и причетника. Иеромонахи (или вдовые священники) должны иметь академическое образование и при отправлении в Японию не больше 33 лет отроду.

§3.

Местом жительства миссионеров предполагается назначить 4 города в Японии, которые признаны будут удобными в миссионерском отношении,

в том числе г. Хакодатэ, где находится русское консульство и есть церковь. Но духовная миссия и отдельные ее члены избирают для своего жительства тот или другой город не иначе как по согласию с русским дипломатическим агентом. Причетник помещается в Хакодатэ при церкви.

§4.

На одного из миссионеров, кроме общих миссионерских обязанностей, возлагается управление и руководство миссии, со званием начальника миссии. Он будет давать ход и направление всем действиям ее: заботиться о ее интересах, изыскивать средства для удовлетворения справедливых нужд ее и иметь постоянно в виду благо ее и честь православного имени. Ему принадлежит надзор за действиями, занятиями и поведением прочих членов миссии; он должен иметь ревностное попечение о них, содействовать их усердию и употреблять при нужде приказанья и настояния или убеждения и советы.

§5.

В случае отсутствия куда-либо или тяжелой болезни начальника миссии заведывание миссией переходит к старшему по ней, если вследствие особого распоряжения духовного начальства не будет назначено для того особое духовное лицо.

§6.

Члены миссии обязаны повиноваться начальнику оной, как своей законной власти. Добровольно избравшие жребий служения, они должны неуклонно исполнять сопряженные с ними обязанности и во всем сообразоваться с указаниями и наставлениями своего начальника. Они не должны по делу своего призвания предпринимать ничего без его ведома и согласия.

§7.

Начальнику миссии поручаются ассигнованные на постройку домов для миссионеров 10.000 руб. Постройки должны быть произведены им в присутствии тех миссионеров, для которых они предназначаются и по окончании представлены Святейшему Синоду подробные отчеты об израсходовании суммы.

§8

В то время, когда производится постройка, начальник миссии, пользуясь совместным жительством с вновь прибывшим миссионером, обязан приискать для него учителей Японского языка и направить его на первоначальные занятия. Когда же все миссионеры будут водворены на своих местах и начальник миссии возвратится к своему собственному посту, он должен оставаться в постоянных письменных сношениях с ними.

§9

Для безбедного и независимого существования миссии члены её обеспечены следующими окладами: начальнику оной и причетнику усвоится жалованье, бывшее до сих пор содержанием настоятеля консульской церкви и псаломщика: первому 2.500 руб., второму 800 р. в год, прочим миссионерам назначается по 2.000 р. в год.

Примечание. Означенные суммы в виде крупной серебряной монеты или кредитивов, будут высылаемы через Пекин, или другим путём, который в последствии окажется более удобным, на имя Российского генерального консула в Японии для передачи начальнику миссии, который должен быть озабочен своевременною рассылкою жалованья миссионерам. По дальности расстояния высылка денег будет производиться по полугодиям за каждое вперёд. Расходы на пересылку серебра или убытки от курса при размене кредитивов будут принимаемы на счёт казны.

§10

В ведении миссии будет состоять церковь Императорского Консульства в Хакодате. На ремонт здания церкви, а равно на приготовление просфор, на вино, свечи, ладан, уголь и другие потребности, будет отпускаема ежегодно также сумма, какая отпускалась до сего времени, именно 200 руб., каковые деньги в виде крупной серебряной монеты или кредитива будут приобщаемы к сумме содержания миссионеров при отсылках сего последнего.

§11

Начальнику миссии предоставляется, по усмотрению, поселиться самому в Хакодате и соединить со своим званием обязанности настоятеля консульской церкви, или назначить на этот пост одного из миссионеров. Божественная служба должна быть отправляема в церкви во все воскресные, праздничные и высокаторжественные дни; церковные требования членов консульства должны быть совершаемы безвозмездно.

§12

Если Правительству угодно будет построить церковь при вновь учреждаемом генеральном консульстве в Иокогаме, то исполняющий должность настоятеля консульской церкви и причетник должны быть поселены при ней; церковная утварь и прочая принадлежность Богослужения, если окажется надобность, также должны быть перенесены из Хакодате в церковь генерального консульства. Хакодатская же церковь остается в ведении местного миссионера, а Богослужение в ней будет совершаемо по мере возможности и надобности, по его усмотрению.

§13

Миссионеры должны прилагать все старание к тому, чтобы быть в состоянии, как можно скорее, начать совершение Богослужения на туземном языке.

Если к тому времени объявлена будет свобода вероисповедания, то чтецы и певцы могут быть приготовлены из японцев, в противном случае, по соглашению начальника миссии и консула, причетник может быть от времени до времени посылаем из одного стана в другой для помощи при Богослужении; или же сами миссионеры могут с этой целью посещать один другого. Если к тому времени не найдена будет возможность построить при всех станах церкви, то Богослужение может совершаться в миссионерских домах. Запасные освященные антиминсы в числе трёх вверяются начальнику миссии теперь же. Что касается до прочих принадлежностей Богослужения, то он озаботится приобретением их из России в то время, когда будет предвидеть в них скорую надобность.

§14

Причетнику как прямому помощнику миссионеров также вменяется в обязанность изучение разговорного и письменного языка японцев. Его же долг преподавать русский язык японцам, если найдено будет нужным иметь при миссии училище русского языка. Наконец, он исполняет должность письмоводителя для официальной переписки начальника миссии.

§15

Начальник миссии озаботится приобретением приличной библиотеки из книг как богословского, так и общенаучного содержания, равно как выпискою повременных изданий, и миссионеры среди своих занятий обязаны будут уделять часы для поддержания и расширения своего образования. Чтение книг и трактатов богословского содержания необходимо для преуспевания в разумении православного вероучения и для того, чтобы быть всегда готовым на разрешение вопросов, возражений и недоумений: чтение научное также необходимо в стране, где на миссионеров будут смотреть не только как на представителей религии, но и как на представителей европейского образования.

§16

Изучение языка и близкое сношение с туземцами коротко ознакомят миссионеров с образом жизни туземцев, их нравами, религиозными верованиями и литературой. Советуется миссионерам, насколько будут дозволять им прямые обязанности их, делиться своими сведениями с Россией через газеты, журналы или особые издания, или сообщать таковые сведения в русские учреждения.

§17

Вменяется в обязанность миссионеров всячески избегать неприязненных столкновений с инославными веропроповедниками в стране и таких действий в отношении к ним, которые были бы несообразны с духом истинной веры; при свидании с ними благоразумнее воздерживаться от религиозных словопрений.

§18

В случае предпринятия каких-либо мер или начинаний, касающихся всей миссии, начальнику оной предоставляется письменно или лично советоваться с прочими миссионерами, при чем должна быть составлена записка за общей подписью.

§19

Если встретятся какие-либо недоумения или вопросы, подлежащие разрешению, то самое свойство и степень важности подобных затруднений укажут, можно ли решить их самой миссии, нужно ли испрашивать разрешения у Святейшего Синода или обратиться к Камчатскому Епархиальному Начальству, которому миссия подчиняется по делам общепархиальным.

§20

В означенных случаях представления Святейшему Синоду или Епархиальному Начальству делаются начальником миссии; разрешения на эти представления или донесения даются также на имя начальника миссии.

§21

Все дела, подлежащие обсуждению и решению, должны быть вносимы в особый журнал, равно необходимо иметь при миссии журналы для входящих и исходящих бумаг и приходорасходную книгу.

§22

По окончании каждого года начальник миссии представляет Святейшему Синоду отчет о положении вверенной ему миссии и течении дел её и о занятиях и действиях членов её, а требуемые Консисториями ведомости препровождаются в Благовещенскую (на Амуре) Духовную Консисторию.

По истечении первого года пребывания миссионеров в Японии начальник миссии должен представить Святейшему Синоду вместе с собственным формулярным списком таковые же о службе членов Японской Духовной миссии: в последующее же затем время – доставлять только сведения о переменах.

§23

Во всех тех случаях, где действия и распоряжения начальника миссии будут соприкасаться с Государственными постановлениями страны, или

политическими отношениями России и Японии, он обязан обращаться к начальнику дипломатической миссии, как единственному представителю русских интересов, имеющему ближайшие сношения с Японским правительством.

Вообще миссия должна устраняться от политического или дипломатического вмешательства и не начинать ничего, выходящего из границ её назначения. В тех случаях, когда будет нужно оградить права, безопасность и спокойствие миссии от Японских властей или Японских подданных, начальник миссии обращается к защите и покровительству г. генерального консула, как законного покровителя Российских подданных. Консульство не откажет также миссии в посредстве своем относительно сообщений с начальством ее. Со своей стороны миссия должна сообразоваться с общими правилами, установленными консульством для всех русских в Японии, и оказывать ему возможное содействие и услуги, по желанию г. генерального консула, в духе миролюбия и приязни.

Все официальные отношения консульства с миссией будут происходить через начальника оной, как представителя её.

§24

Дабы не причинить ущерба успешному действию миссии частыми и срочными переменаами комплекта оной, миссия отправляется в Японию на бессрочное время, каковое правило будет постоянным и на будущее время.

§25

Начальнику миссии предоставляется составлять миссию или избирать некоторых членов, смотря на то: сколько требуется для пополнения прежней, в случае нахождения его в России – под личным своим надзором и об избранных представлять Святейшему Синоду. Имея нужду пополнить новыми членами, из-за выбытия некоторых из них, начальник миссии в Японии должен донести о том Святейшему Синоду с ходатайством о назначении достойных и способных кандидатов и отправления их в Японию.

§26

Если по каким-либо особым обстоятельствам кто-либо из членов миссии принужден будет оставить службу в миссии и возвратиться в отечество, то начальник миссии обязан заблаговременно испросить разрешения Святейшего Синода. В случае безотлагательной необходимости выезда члена миссии из Японии, начальник миссии распорядится немедленно его уволить при содействии г. генерального консула и отправить его в Россию, а Святейшему Синоду донести о том подробно.

§27

Произвольные поездки и отпуск членами миссии в Россию воспрещаются, исключая тех случаев, когда Святейший Синод признает нужным

вызвать на время кого-либо из членов миссии по известным ему причинам, или начальник миссии по соображениям своим найдёт полезным отправить кого-либо из миссионеров для объяснений, во всяком случае с разрешения Святейшего Синода. Впрочем, так как подобные поездки в Россию крайне затруднительны, то они могут быть весьма редки, а потому нет нужды устанавливать для того особых распоряжений.

§28

Святейший Синод будет ходатайствовать о награждении пожизненным пособием тех миссионеров, которые возвратились в отечество, по истечении не менее 15 лет, при болезненном состоянии или старости, за примерную жизнь и полезные труды. Кроме того, Святейший Синод пристроит таковых на будущее время в отечестве.

§29

Отправляя миссию, с благословением, Святейший Синод считает не бесполезным внушить членам, что они, как благовестники слова Божия, единственные представители Российской православного духовенства в отдаленных странах среди многочисленного населения и пастыри новообращенных христиан, должны служить для них живым примером проповедуемой ими евангельской нравственности, прославлять имя Божие не только словом, но и делом, и безукоризненную жизнь, отвращать соблазны от христиан и нареkania язычников. Мир и согласие должны царствовать между сотрудниками в общем подвиге как необходимое условие единого действия, при котором только возможно достижение указанных им святых целей.

§30

На поприще своей деятельности миссия может встретить препоны, затруднения, но она не должна унывать и ослабевать от того, памятуя высокие примеры Апостольских мужей. Если только она будет трудиться усердно и искренно во славу Божию и Церкви Христовой, то рано или поздно Божие благословение посетит возделываемой ею вертоград и деятели, как достойные подвижники, за самоотвержение получают сторичную мзду.

§31

Положение сие вручается начальнику миссии, с тем, чтобы оно было объявлено и в копиях сообщено прочим миссионерам для точного и строгого исполнения и в постоянное руководство миссии.

Положение сие утверждено в виде опыта на пять лет определением Святейшего Синода 14/22 Мая 1871 года.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ О ПРАВОСЛАВНОЙ
ЯПОНСКОЙ МИССИИ: ПИСЬМО АРХИМАНДРИТА НИКОЛАЯ, НАЧАЛЬНИКА
ЯПОНСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ, К ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,
ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ ВЕНИАМИНУ, ЕПИСКОПУ ИРКУТСКОМУ
И НЕРЧИНСКОМУ¹

Ваше Преосвященство, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Ждал я у судьбы милости: не пошлёт ли она мне времечка составить, как следует, отчёты за прошлый год, чтобы с ними явиться пред Ваше Преосвященство. Кому же не хочется явиться на первый раз в почётное место умытым, причесанным и прилично одетым. Но тщетно я ждал вот уже несколько месяцев. Сердце ноет всякий раз, как подумаю, как может представиться Вашему Преосвященству моё молчание. Наконец, не видя конца недосугам и не находя меры душевным мучениям, я решился последовать Вашему слову буквально: «писать к Вам не официально», и с этого начинаю мою переписку, которая, лишь бы не была воспящена Вашим Преосвященством, не замедлит явиться обильною и многословною. Что же сказать мне на первый раз? Когда, в прошлом году, я получил письмо Вашего Преосвященства и вместе от о. Анатолия описание Вашего пребывания в Хакодате, я не нашёл других слов к выражению моих чувств, как повторить слова о. Анатолия, сказанные им незадолго пред тем, по поводу освобождения из тюрьмы Хакодатских христиан: «Да, бывают на земле радости, подобные небесным!» Действительно, я никогда так не радовался. Миссия! Двенадцать лет я носил это слово в моём уме и сердце; привёл Бог, наконец, видеть его осуществление: Японская миссия стала существовать, но что это было за существование! Одинокое, заброшенное, пренебреженное всеми, бедное и чахлое! Не было для миссии на земле солнышка, которое бы пригрело её, ни откуда ласки, одобрения, участия! Знал я, что она в порядке епархиальном подчинена Вашему Преосвященству, но, — простите мой грех, — привычки

---

1. Письмо это написано 8 июня, когда в Японии неизвестно ещё было о перемещении Преосвященного Вениамина на Иркутскую кафедру. Его Преосвященством, по просьбе редакции, разрешено напечатать письмо вполне, несмотря на частный характер некоторых известий и суждений, потому что, в целом, они яснее характеризуют положение миссии. Отец Архимандрит Николай пишет с сердечною искренностью и полною откровенностью, как сын к отцу, которому самому известно положение Японской миссии. Редакция Иркутских Епархиальных Ведомостей покорнейше просит редакции других газет и журналов перепечатать это письмо для привлечения усердных христиан к участию в вопиющих нуждах Японской миссии. Пожертвования удобнее всего адресовать: в Москву, в Совет Православного Миссионерского Общества.

встречать везде холодность и несочувствие, я и отношения миссии к Вашему Преосвященству не представлял иначе, как в пределах обычных формальностей, не идущих дальше консисторской отчетности. Мог ли я думать, что Ваше Преосвященство примете до того серьезное участие в миссии, что захотите лично взглянуть на её положение! А уж один этот факт — как он дорог для миссии! Я его ставлю наравне с первоначальным актом учреждения миссии Святейшим Синодом. В самом деле, миссия была учреждена: но кто знал о ней! Мы с о. Анатолием могли писать: но кто был обязан верить нам! «Мало ли что можно написать из такой дали, когда нет возможности проверить», — может думать всякий, читая наши отчёты и письма. Теперь же о существовании и какой бы то ни было деятельности миссии будет свидетельство уж не наше, а авторитета, которому ещё никто из христиан не осмеливался не верить. Словом, читая письма Ваше и о. Анатолия, я впервые почувствовал, что стал, наконец, твердою ногою на твёрдую почву. «Есть, наконец, и у нас, на кого надеяться, на кого опереться, у кого просить помощи, защиты или наставления, руководства, разрешения недоумений»... О, вникните в эти простые мысли и представьте душу, настрадавшуюся от одиночества и всегдашнего представления своей беспомощности и беззащитности! На кого, в самом деле, миссия могла прежде располагать? На Святейший Синод? Далеко и высоко! На своего Епархиального Архиерея? Но скажите, Ваше Преосвященство, была ли бы основательна и эта надежда, если бы Бог не судил миссии начать своё существование именно в Ваше управление? «Станет Преосвященный заботиться о нас, когда у него бездна своих миссионеров и дел!» — думалось мне иногда; а о том, чтобы Преосвященный удостоил лично взглянуть на миссию, я и мечтать не смел. — Да будет же благословен Бог, судивший миссии начать свои первые слабые опыты в Ваше время и под Вашим надзором! А Вас, Преосвященнейший Владыко, миссия усердно просит навсегда оставить за нею уголок в Вашем сердце! Да будет оставлено за нею и право всегда обращаться к Вам просто, как дитя обращается к отцу, со всеми своими печальями и радостями, и, главное, с надеждою, что всегда найдет нужный ей отзвук в Вашем сердце! Не просим у Вас только ласк и милостей, но ещё больше отеческих наставлений и руководства, и даже строгости и гнева, лишь бы не сухих и официальных, а идущих от сердца. Бога призываем в свидетели, что всякое Ваше наставление и приказание и вся воля Ваша будут всегда исполняемы здесь со всем усердием и тщательностью. Мы счастливы повиноваться, лишь бы было приказываемо нам: в таком служении, как наше, как опасно быть предоставленным одному себе, а не опираться на надежный авторитет! В одном только наперед просим снисхождения, — если иногда будем медленны и не аккуратны во времени.

Что станешь делать, если здесь непрерывные столкновения одних обязанностей с другими! И, разумеется, ближайšie побеждают. Запоздалое тоже будет исполнено и исполнено так, что запоздалость и не особенно послужит во вред, (например, для составления отчетов я воспользуюсь имеющими наступить с 10 июля каникулами; придут же отчеты в Петербург и Москву как раз в то время, когда Петербург и Москва вернутся из-за границы к себе домой); но запоздалость может иногда казаться признаком небрежения и лени, между тем, как этим здесь меньше всего повинны. Ваше Преосвященство убедитесь в том, если вникнете в крайнюю несоразмерность рабочих сил миссии с подлежащим ей трудом.

Скажу кое-что о положении миссии.

Отношения здешнего Правительства к христианской Вере всё более и более улучшаются. После того, как в прошлом году преследование наших христиан в Хакодате и Сэндае дало повод правительству издать запрещение провинциальным властям преследовать за принятие христианства, в нынешнем году издано уже новое повеление: снять вывешенный в публичных местах указ, запрещающий принятие христианской Веры. Интересно, чем правительство в глазах народа мотивировало такое повеление: «Так как оный указ долгое время висел-де пред глазами народа, — все успели заучить его наизусть, то можно и снять». Вообще, кажется, нельзя сомневаться, что правительство не прочь бы разрешить и полную свободу вероисповедований, но, принимая во внимание образ мыслей всего народа, нужно сознаться, что такое разрешение, действительно, было бы несколько неблагоприятно. Здесь недавно в одной из западных провинций (Эттю) было народное возмущение из-за того только, что народ, не разобравши, в чём дело, принял присланных из Эдо проповедников новосоставляемой в Министерстве Духовных Дел (Кёбусё) на чисто национальных основах религии за проповедников христианства. Первой причиной к возмущению послужил даже любимый до того времени народом туземный бонза-оратор. В числе других и он был вызываем в Эдо для изучения новой религии. Усвоив всю новую мудрость и вернувшись в провинцию, он объявил начало сезона своих проповедей; народ в огромном количестве стекся слушать: но, каково же было изумление его, когда, вместо знакомых буддийских имен, возвания, сердечных воздыханий, из уст бонзы слышалось что-то новое, неудобоприемлемое: помесь грубой философии на ещё более грубом Синто! Не дав себе труда уразуметь, что это всё же его собственное, родное, веками нажитое им самим, народ заговорил: «Да это кристансю (христианство)! Нынче и Кёбусё начинает проповедовать кристансю! Не быть же тому!» И постарались наперед очистить все срочные обязательства Правительству, т. е. уплатить подати, чтобы

Правительство не приняло возмущения за нежелание народа повиноваться ему в гражданских делах, народ забунтовал до того, что нужно было призывать войска. Вообще, Правительство, хотя и враг христианской религии, но действует так, как будто бы находилось в самом искреннем заговоре с христианскими проповедниками. Здесь, если что может мешать христианству, то буддизм, в который народ ещё верует; а Правительство систематически, шаг за шагом, компрометирует его, отнимает у него силу, словом, преследует на тех же самых основаниях, на каких желает в то же время защититься и от христианства, т. е., что буддизм — иностранная вера, хотя он, вошедши сюда полторы тысячи лет тому назад, давно уже успел всосаться в плоть и кровь народа. Чтоб не распространяться, представлю один наглядный пример того, как Правительство обращается с буддизмом. Здесь, в Эдо, было знаменитейшее гнездо буддизма: Сиба Дзодзёдзи. Вся буддийская мудрость и всё буддийское великолепие сосредоточивались в Сиба: здесь погребались Тайкуны, и потому здешние храмы буквально залиты золотом; здесь было всегда свыше сорока училищ, где, под руководством мудрейших дипломированных бонз, воспитывались молодые бонзы для страны. Всё, вообще, это место, похожее на отдельный маленький городок в центре Эдо, считалось до того святым, что до последней революции иностранцы не дерзали мечтать даже о том, чтобы лишь взглянуть на внутренность его. В прошлом году, когда я прибыл в Эдо, я нашёл ворота в Сиба — увы! уже настезь отпертыми: большая половина храмов и домов бонз были отобраны под помещение матросов; здесь же и многие иностранцы из состоящих на службе у японцев имели свои квартиры; да и мне самому, когда я стал искать квартиру, прежде всего указали на Сиба. Но главный обширнейших размеров храм всё ещё блистал своею ослепительною роскошью; наполнявшие его будды всё ещё хранили печать ненарушимого спокойствия на лицах, как будто вовсе не тревожась начинающеюся вокруг них вознею и разрушением; буддийские проповеди всё ещё гремели в нём, и проповеди до того красноречивые и умные, что, надо признаться, я сам, как провинциал, впервые слышавший столичных ораторов, невольно восхищался ими: «Вот так говорят! Не по-Хакодатски!» — думал я, слушая разливавшихся соловьев буддизма, и, по комбинации мыслей, доходил до убеждения: «Да, этот храм ещё порядочное бревно для страны на пути к христианству». В этих мыслях я даже счел обязательным для себя принять несколько уроков от светил Сиба. Но, можете представить себе, все тревоги мои оказываются совершенно напрасными, все мероприятия бесцельными: знаменитого сего храма уже не существует для буддизма; министерство духовных дел обратило его в кумирню для поклонения Дзимму, первому по времени микадо Японии. Не далее, как пять дней тому назад,

совершалось великое торжество: перенесение туда священного ихай этого микадо (известным образом нарезанные лоскутки бумажки). Под вечер в день праздника пошёл и я, как обязанный следить за всеми этими вещами, взглянуть, что вышло: в храме — увы! ни единого будды и ровно ничего, напоминающего буддизм, ни следа прежних украшений и роскоши; грубая синтоистская соломенная веревка обвила его красивые карнизы, а по полу расставлены рогатки, напоминающие разделение конюшни на стойла, — то места, где каких сект бонзы должны находиться при поклонении Дзимму. Долго было бы описывать печальную участь Сиба. Когда я молча осматривал всё, волоча за собою толпу глазевшего на меня народа, передо мною, где бы я ни останавливался, становился какой-то полупомешанный или напустивший на себя дурь японец и, принимая всевозможные позы и рьяно жестикулируя, кричал во всё горло: «Глупы! Все японцы глупы! Все до единого, все глупы!» Пробовал я вразумлять его: «Пусть-де и глупы, да невежливо же говорить это всем прямо в глаза», — не слушал факир и кричал всё одно, а толпа оставалась совершенно равнодушною к этому укору, как будто над толпою и над всем здесь совершается чья-то высшая воля, — и толпа, и все идут туда, куда указан путь. Действительно, в книге судеб, конечно, Божиих явно написано: довлеет этой стране коснеть во тьме и сени смертной; пора увидеть этому народу, доброму по природе, живому к принятию и усвоению всего хорошего, пора увидеть ему свет Христов! Облака, застилавшие для него небо, раздвигаются как будто чьею-то высшею силою, и лучи нового света уже пробиваются из-за мрака. Немного времени пройдёт, — и вся страна засияет в новом блеске. Каков будет свет — истинный или примрачный — Богу одному известно. Двадцать католических миссионеров стоят здесь на своих постах и работают с свойственною им энергией; столько же протестантских стараются не уступить им первенства. Нас всего двое. И потому, судя по-человечески, нам не будет стыдно, если не на нашей стороне окажется преобладание. Если бы мы, хотя немного, могли равняться с ними в числе, если бы не были сдавлены физическою невозможностью занимать более двух пунктов, чтобы везде, где являются с своим примрачным светом те, мы могли противопоставлять ему истинный свет Христов, несомый нами, — пусть бы мы были в каждом данном пункте один против многих, — о, тогда мы не имели бы причин сомневаться и отчаиваться за себя! Не двоилось бы наше сознание неизбежным и невольным вопросом: быть или не быть? Когда, усталые, мы останавливаемся на минуту, чтобы перевести дух и утереть пот с лица, и в то же время обернуться на пройденное поприще, не разъедало бы нашу душу сомнение: не тщетно ли всё это? Не лишний ли наш труд и не обречен ли он роковому ничтожеству? Мы собираем крохи, мы маним себя

успехом, выражающимся в единицах, много, в десятках, но близится час, — вот он уже при дверях, когда направление страны решится все разом, — тем шагом, которое делает правительство! А к чему, к какому шагу правительство склонно? Каких вер представителей оно видит и слышит везде, на всех пунктах, куда только обратит внимание и взор? Увы, других, а не православной! Бог сам, конечно, решает такие великие вопросы, как принятие Веры всей страной: но Бог решает не без нас, а через нас же, людей; поэтому и мы должны принимать все меры, чтобы сделаться достойными орудиями воли Божией, должны делать и с нашей стороны всё возможное, всё зависящее от нас. Для настоящего времени возможно, по крайней мере, следующее: собрать полный комплект православных проповедников — такой, какой утвержден волей Святейшего Синода и Государя. Четвертого миссионера я считал обеспеченным в лице одного студента Киевской Академии, давшего мне слово по окончании курса приехать сюда; но и от него получил письмо, содержащее, под предлогом болезни, полное отречение от своего слова. Таким образом, решительно не предвидится конца нашим здесь ожиданиям — увидеть себя, наконец, в полном составе. Ваше Преосвященство, исполните усерднейшую просьбу миссии. В прошлом году, оставляя Хакодатэ, Ваше Преосвященство обещались вновь посетить миссию через два года, — о, заклинаем Вас Богом Всевышним, исполнить это обещание! С этим сопряжено весьма многое для миссии, чтоб не сказать всё. Извольте выслушать. Хотя о. Анатолий в Хакодатэ насчитывает уже до двухсот своих японских прихожан, а мне здесь пришлось окрестить человек около пятидесяти, но не Хакодатэ и не Эдо — главная надежда миссии. Хакодатэ, как Вашему Преосвященству известно, незначительный и погруженный в меркантильные интересы город, с ничтожными окрестностями; Эдо пока тоже оказывается совершенно нечувствительным к христианской проповеди, и крещённые мною почти все принадлежат по рождению не иной какой местности, как Сэндаю. На этой провинции, собственно, покоятся в настоящее время надежды миссии. Да будет благословен Бог! Здесь не чьими-либо трудами, а одним Его произволением растет и ширится слово Евангелия. В истекшую Пасху в город только насчитано было молившихся в доме катехизатора до трёхсот человек. В окрестностях, по разным селениям, тоже немало верующих. Прошлогоднее гонение, как нельзя более, послужило к славе креста Христова: предубеждение против христианства в провинции исчезло и движение в пользу его сделалось до того заметным, что министерство духовных дел, в видах противодействия ему, назначило бывшему Сэндайскому князю одну из важнейших по духовному ведомству должностей, надеясь примером и действиями его удержать сэндайцев в пределах повиновения себе. Такой

манёвр навел лишь наших на мысль обратиться ко Христу самого князя, чтобы вышло совершенно противное ожиданиям министерства. Но вот, в чём беда: религиозное движение в Сэндае привлекло внимание католической миссии и направило её действия туда. В общем смысле последнее не новость: католики давно уже привлекли к себе здесь (в Эдо) нескольких сэндайцев, посредством которых и старались действовать на провинцию; но старания их до сих пор оставались совершенно бесплодными. Пусть бы и вперёд они действовали, как доселе: мы издали и они издали, шансы равны, а при этом условии православию никогда и нигде бояться нечего. Но потерпит ли католичество такой порядок вещей, когда у него в запасе всегда множество уловок чтоб извернуться! Сэндай — провинция, ещё не открытая для иностранцев. Я не знаю, чем бы пожертвовать, чтобы побыть там и преподавать крещение нашим верующим, но это решительно невозможно. Пробовал я просить разрешение пройти сухим путём чрез Ниппон в Хакодатэ, чтобы, хотя на несколько дней, остановиться в Сэндае, но успеха никоим образом не добился. Поневоле приходится оставаться спокойным и лишь отсюда делать кое-что. Но католики нашли средство поступить иначе: один из их сэндайцев заключил контракт с одним из миссионеров в том смысле, будто он нанимает миссионера преподавать у него в Сэндае латинский и греческий языки. Контракт, как все подобного содержания документы, благополучно прошёл чрез здешнее министерство просвещения, и на днях католический миссионер отправился в Сэндай. Надо признаться, миссия не пощадила силы: уступила Сэндаю лучшего из своих деятелей, хорошо говорящего по-японски и усердного. Окружающие меня сэндайцы с большою тревогою следили за течением дела по заключению контракта и в настоящее время сильно приуныли. Да и есть отчего. Вот их рассуждения: «Все верующие в Сэндае, кроме катехизаторов, не знают ничего о различиях православия и католичества; они имеют лишь общие понятия о Христовой вере, и притом, конечно, недостаточные, не глубоко укоренившиеся; но все имеют жажду узнать больше и сподобиться св. Таинства. Не естественно ли, что все они хлынут гурьбою к прибывшему христианскому проповеднику-священнику, — и, увы! Православная нива будет опустошена, овцы стада Христова расхищены!» Это, к несчастью, до того вероятно, что надеяться на противное было бы ожидать явного чуда Божия. Что ж! Мы и не сомневаемся, что Бог может явить чудо! За невозможностью сделать что-либо, мы положили ждаль, сложа руки, что Бог даст? Конечно, мы принимаем слабые меры, от нас зависящие: вызываем туда лучшего из наших катехизаторов, Павла Савабэ, делаем и ещё, что можем, но всё это, в пределах человеческих расчетов, мало ободряет нас и к единственной нашей надежде на Бога не придаёт ничего. Одно средство помочь

делу, противопоставив силу силе и авторитет авторитету (хотя с нашей стороны и тогда будет нечто недостающее, но правда православия, даст Бог, уравнивает шансы): поставить в Сэндай священника из японцев. Это до такой степени необходимо, что ещё гораздо прежде, безотносительно к тревоге по поводу нападения католиков, мы с о. Анатолием решили всячески просить Ваше Преосвященство посвятить несколько японцев в сан священника. Возьмите во внимание особенность здешних обстоятельств. Иностранцам открыты здесь только несколько портов: вся прочая Япония для них недоступна. Значит, и христиан в собственном смысле не может быть нигде, вне резиденции иностранцев: многие ли в состоянии совершать далёкие путешествия, чтобы удостоиться св. крещения, как то сделали некоторые сэндайцы, приходившие сюда? Для Сэндая, вообще, священник положительно и безусловно необходим в настоящее время. Но не лишне удостоить священнического сана и одного или двух катехизаторов для рассылки по разным другим провинциям. У о. Анатолия разсланы теперь несколько катехизаторов по острову Эдзо. Что же будет? Найдут они людей, желающих слушать их, поучать, но, не запечатлев благодатию св. Духа, оставят, и доброе впечатление пропадет, в большинстве случаев, по всей вероятности, бесследно. У меня один катехизатор на острове Кюсю извещает, что нашёл людей, внимающих слову Божию, но придёт время ему уйти, и результат будет тот же. Другой катехизатор только что вернулся из внутренних провинций; малоплодно было его путешествие не по его вине, но всё же, по крайней мере, трем человекам он мог бы преподать св. крещение, и начатки церкви Божией были бы положены в разных местах. Вашему Преосвященству, как проходившему миссионерское служение, известно чудное действие Духа Божия на новопросвещаемых; по собственному признанию их, от принятия таинств они как будто перерождаются, делаются крепкими в вере, получают отвращение к порокам языческой жизни. Не грех ли же будет, если мы станем воспящать принятие этой чудотворной благодати для тех, кто желает и достоин сподобиться? Знаю я, что нужна крайняя осторожность в таком деле, как удостоверение священнического сана недавно просвященных из язычества. св. Апостол Павел внушал это Тимофею и чрез него всему христианскому миру. Высокопреосвященный митрополит Иннокентий то же самое представлял Вашему Преосвященству: Ваше Преосвященство, в письме из Хакодате, указывает это мне. Я, как нельзя более, чувствую всю важность предмета и великость ответственности, если по моей вине будет удостоен священного сана такой, который после окажется недостойным его. Для избежания этой вины я всячески стараюсь изучать моих катехизаторов; некоторые из них кажутся мне надёжными, и я с дерзновением представляю их пред Ваше

Преосвященство. Если при всем том, с течением времени, они не оправдают возлагаемых на них надежд, что делать? Велик Бог! Из двух опасностей нужно всегда избирать меньшую: без японских священников миссия рискует остаться и без христиан, — опасность смертная для миссии не быть миссией; с японскими священниками миссия рискует быть иногда компрометированною; а может, Господь и не допустит её до этого. Значит, нужно избирать второе. Но как приобрести японских священников? Ваше Преосвященство писали «присылать к Вам достойных для рукоположения». Это решительно невозможно. Во-первых, на проезд нужны большие деньги, а их миссия не имеет; во-вторых, при отсутствии правильного сообщения Японии с нашими портами, из двух — одно: или нет возможности поехать, или нельзя рассчитывать на то, чтобы приехать. Положим, найдется случай доехать до Амура, а что, если обратного случая нужно будет ждать год или полтора? Ведь с японцами необходимо ехать одному из нас, мне или о. Анатолию; на кого же будет покинут один из станов? Словом, проект положительно неисполнимый. Остается одно: умолять Ваше Преосвященство привезти к нам благодать священства. Ради Господа, найдите возможность исполнить обещание посетить Хакодате в будущем году весною или летом! Ко времени Вашего прибытия я приеду в Хакодате с теми, которые будут приготовлены для принятия рукоположения. К тому же времени будет переведено из требника и служебника всё необходимое для служения и совершения таинств на японском языке. Таким образом, устроится всё, даст Бог, во славу имени Христова. Умоляем Ваше Преосвященство не оставить этой столь существенно необходимой просьбы миссии! О времени Вашего прибытия благоволите почтить нас предварительным уведомлением.

Просьбы миссии дозвольте заключить глубочайшею благодарностию её Вашему Преосвященству за доброе, полное участия и незаслуженных похвал, слово о ней пред Святейшим Синодом и миссионерским обществом! Последнее уже и принесло плоды: копия отчета Вашего Преосвященства из миссионерского общества сообщена была одному московскому сотруднику здешней миссии, и с этим непререкаемым свидетельством в подкрепление к моему письму он успел собрать и уже выслать сюда на нужды миссии 3000 рублей (в виде 1777 долларов 77 центов). Уже благодетельность Вашего покрова миссия начинает ощущать! Да хранит Господь и впереди Ваше сердце отверзтым на любовь и милость к ней, а Ваши уста и перо, готовыми на слово о нужде пособия ей!

Книг для русской школы, о которых изволите писать, Ваше Преосвященство, благоволите пожертвовать всяких, каких найдете возможным, начиная с азбук до книг для чтения. У обоих нас здесь русские школы, и у меня

одного до восьмидесяти учеников, разделенных на три класса, а учебников всего по одному экземпляру: учатся читать по листкам старых газет; грамматику, арифметику, географию, историю — всё пишут под диктовку и потом уже учат; в старшем курсе для перевода приходится разрывать книги и раздавать по листкам. Из России никак не могу добиться книг, сколько ни просил. Ваше Преосвященство осчастливите нас, если пришлете. Прислать же через Пекин, я думаю, весьма удобно. Нужно только, чтоб ящики были не больше пуда.

Адрес: В Кяхту. Для пересылки, через Пекин, в Японию.

Iokohama (Japan)

Reverend Nicholas, Russian Missionary.

Care of Russian Imperial Consulate at Iokohama.

Этот же путь самый удобный и для писем. Другого способа пересылки, впрочем, и не существует. Посылать через Николаевск, значит, заранее обрекать посылку или письмо на гибель: из ста девяносто девять за то, что завляется; нам здесь известно это по многочисленным опытам.

За присланные формы усерднейше благодарю Ваше Преосвященство. По данным указаниям всё будет исполнено в точности. Ради Бога, простите только за медленность! Каждый Божий день три класса и катехизация, кроме разных других дел: нет сил собраться с официальной перепиской; непростительно, хотя и не без причин, опустил святки, единственное удобное время для исправления годовой отчётности; впредь это не повторится.

Испрашивая Архипастырского благословения и молитв для миссии и себя, имею честь быть

Вашего Преосвященства

усерднейшим богомольцем и почтительнейшим послушником,

Начальник Японской Духовной Миссии,

Архимандрит Николай.

Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 27 октября 1873 года. № 43. С. 669—686.

РАПОРТ

НАЧАЛЬНИКА РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ЯПОНИИ,
 АРХИМАНДРИТА НИКОЛАЯ,
 СОВЕТУ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСКОГО ОБЩЕСТВА

Преосвященным Мартинианом, епископом Камчатским, 19(23) июля текущего (1878) года, рукоположены в священники, во Владивостокской Успенской церкви, избранные японской церковью в прошедшем году пять ставленников. Ныне всех *священников из японцев*, вместе с рукоположенным в 1875 году от Преосвященного Павла, епископа Камчатского, *шесть*. Распределены они по следующим местам:

Павел Савабэ в Хакодате, для христиан на острове Эдзо; *Иоанн Сакай* в Мориока, для христиан Крестовоздвиженской церкви (Дзюдзикай), а также городов: Хатинохэ, Саннохэ, Фукуока, Санбонги и провинции Акита; *Матфей Кангэта* в Санума и *Тимофей Харуи* в Такасимидзу — для христиан в 25 городах и селениях Преображенской церкви (Кэнэйкай), а также в Сэндае, Исиномаки, Минато, Такаги и других ближайших местностях; *Яков Такая* в Осака, для христиан Осака и провинции Вакаяма, а также для Окаяма, Токусима (на острове Сикоку) и Кагосима (на Кюсю); *Павел Сато* в Токио, для христиан здешней церкви и ближайших местностей.

Каждый священник имеет из *местных христиан одного причетника*, предварительно несколько обучавшегося здесь, в Токио, церковному пению и чтению; каждый также снабжен необходимою церковною утварью и священными облачениями. В городах Мориока, Санума и Такасимидзу местными христианами уже построены храмы; в Осака богослужение совершается во временно приспособленном для того помещении.

Проповеднических округов по всей Японии в настоящее время тридцать один. Проповедников, утвержденных собором нынешнего (1878) года, 30 июня (4 июля), семьдесят три; принятых на службу после собора церковным советом Токио из прежде служивших проповедниками и временно оставивших службу по болезни, или по другим обстоятельствам, пятеро; всего: семьдесят восемь; из них — двадцать семь в звании катехизаторов, прочие — катехизаторских помощников. *Городов и селений, где есть христиане* или верующие и производится проповедь, *до ста пятидесяти*. Христиан во всей Японской церкви ко времени собора нынешнего (1878) года состояло четыре тысячи сто пятнадцать душ. Ныне это число значительно увеличилось, так как в Токио со времени собора крещено девяносто два человека¹; в прочих церк-

1. До отправления сего рапорта ещё крещено 4, присоединён из протестантства 1.

вах, по известиям от священников, недавно прибывших на свои места после обучения священнослужению в Хакодатэ, также весьма часто совершаются крещения.

Проповеднические округа в настоящее время	Проповедники в настоящее время	Число христиан до собора
1) Котанкай (Рождественская церковь) в Токио.		
Приходы в кварталах:		
Кодзимати	Павел Ниидзума ¹	234
Ёцуя	Яков Кубо	
Рёгоку	Павел Кодзаки	100
Асакуса	Пётр Кавано	53
Канда	Роман Фукуи	60
Ситая	Павел Сано	30
Усигомэ	Григорий Мацуяма	21
Комагомэ		16
Хонго	Фома Мэката	65
Фукагава	Давид Ямамото	60
Сиба	Павел Татибана	20
Христиан, живущих вне означенных приходов		38
В миссийских школах и на службе миссии		88
Всего		785
2) Кэнэйкай, в провинциях Ивадэ и Мияги.		
Приходы в городах:		
Санума	Иов Мидзуяма	299
Тоёма		28
Такасимидзу	Никанор Муракама	148
Вакуя	Савва Кимура	92

1. Кроме того, Павел Ниидзума занят проповедью в тюремных рабочих домах, к чему приглашён начальником тюремной части в Японии, который и сам православный христианин.

Проповеднические округа в настоящее время	Проповедники в настоящее время	Число христиан до собора
Тэрэдзак		4
в селении: Отамура	Борис Ямамура	26
в селении: Нодзуно		43
в городе Вакаянаги	Павел Кангэта	57
в селениях: Дзюмондзи		93
Исикоси	Анисим Накано	23
в городе: Кадзава		12
в городах: Каннари	Илья Родо	87
Мияно		20
в городах: Савабэ		16
Цукидате	Варнава Имамури	29
Ивагасаки		15
в городах: Яманомэ	Никита Мори	95
Итиносеки	Евфимий Ясиро	
в округе Хигасияма в семи местах	Антоний Удзиэ	122
	Пётр Охара	
Всего		1209
3) Фукуинкай (Благовещенская церковь) в провинции Мияги. Приходы:		
в городе Сэндай и окрестностях	Пётр Сагава	360
	Павел Тадэ	
в городе Фурукава	Павел Такахаси	73
	Павел Исии	
Всего		423
4) Фуккаукай (Воскресенская церковь) на острове Эзо. В городе Хакодате и окрестностях, и в городе Фукуяма		
	Алексей Яманака	260
	Дамиан Игараси	

Проповеднические округа в настоящее время	Проповедники в настоящее время	Число христиан до собора
5) Дзюдзикай, в провинции Ивадэ. в городе Мориока в селениях: Каманси и окрестных Одзуги и окрестных Цутидзава и окрестных	Иоан Сайкайси Яков Конги Стефан Нараяна Павел Эсасика Павел Фудзиока	230
6) В провинции Аомори в городах: Саннохэ Фукуока Санбионги	Пётр Бан	101
7) В той же провинции в городе Хатинохэ	Савва Ямадзакки Пётр Сато	32
8) В провинции Акита в городах Кэманай Дзюнисэ Одатэ Кубота	Стефан Эсасика Иоанн Омори Павел Минамото	92
9) Сансякай (Троицкая церковь), в провинции Тотиги. В городе Сано В селениях: Уэно Окубо Оми Тотимото Тонага и др	Иоанн Такзиси	73
10) В провинции Мияги в городах: Исиносаки Минато и окрестностях	Пётр Кудзики Пётр Авано Иоанн Отокодзава	110

Проповеднические округа в настоящее время	Проповедники в настоящее время	Число христиан до собора
11) Той же провинции, в городе Такаси в селениях: Фукуда Дзэгэцудзуми	Павел Кодзима Иоанн Такахаши	88
12) Провинции Фукусима, в городе Фукусима и окрестностях	Иоанн Катакура Пётр Касай	38
13) Той же провинции, в городе Сиракава	Тит Комацу	8
14) Провинции Тотиги, в селении Нисидзава и окрестностях	Николай Цутия Пётр Сэки	14
15) В той же провинции, в городах.: Кицурэгава Сакуяма	Александр Ито	21
16) Провинции Гумма, в городе Мазбаси и окрестностях	Матфей Нива Аполлос Китагава	60
17) Той же провинции, в городе: Такасаки Асикага	Павел Камияма Федор Мидзуно	19
18) В провинции Симоса, в городе Сакура, в селениях: Мацудзаки, Фунао и др. в селениях: Омори Киороси в селении: Канаити в городе Тёси в селении Цукасаки	Мефодий Цутия <hr/> Иов Судзуки <hr/> Павел Хосономэ <hr/> Пётр Фудзита	63

Проповеднические округа в настоящее время	Проповедники в настоящее время	Число христиан до собора
19) Провинции Канагава, в городе Одавара и окрестностях	Пётр Кано Фома Мацуда	137
20) Той же провинции, в городе Хатиодзи	Иоанн Ямасэ	5
21) Провинции Идзу, в городе Мисима в селениях: Сюдзэндзи Татино Нираяма Эма и др.;	Павел Окамура Даниил Онами Семен Одзаки	45
22) Провинции Айти, в городе Оказаки и окрестностях	Стефан Огоэ Иоанн Онгивара	76
23) Той же провинции, в городе Нагоя	Павел Цуда	4
24) Той же провинции, в городе Тоёхаси	Андрей Сасагава	52
25) Провинции Сидзуока, в гор. Фукурои в гор. Мори Амэномия	Андрей Такахаси Василий Мацуи	29
26) Провинции Вакаяма, в городе Вакаяма	Павел Накада Андрей Канамори	20
27) В городе Осака	Андрей Яцуки	41
28) Провинции Бизэн, в городе Окаяма	Спиридон Осима	
29) На острове Сикоку, в провинции Ава, городе Токусима	Павел Накакодзи	Посланы на п проповедь Собором нынешнего года
30) На острове Кюсю, в провинции Кагосима, в городе Кагосима	Иоанн Оно	
31) В гор. Йокохама	Тихон Сунгияма	С минувшего октября.

Для руководства проповедникам и церквям составлено несколько правил, ежегодно на соборе пересматриваемых и утверждаемых с большими или меньшими изменениями. На текущий год эти правила утверждены в следующем виде.

1-е правило. Могущий быть отправленным на проповедь, в отдельное место один, называется катехизатором (дэнкёся).

2. Могущий быть отправленным не иначе как при катехизаторе, в помощь ему и под руководство его, называется катехизаторским помощником (фукудэнкёся).

3. Содержать катехизаторов и их помощников обязаны местные церкви; если же не могут, то Токийская церковь (т. е. миссия) помогает им.

4. Токийская церковь имеет власть перемещать катехизаторов. Если катехизатор сам пожелает переменить место проповеди, или если обстоятельства заставляют его оставить службу, то он должен подробно известить обо всём Токийскую церковь и сообразоваться с её указаниями.

5. Катехизатор должен быть всецело посвящен проповеди Слова Божия и распространению Веры. Но если у него остается свободное время, то он должен заниматься каким-либо приличным ремеслом, подавая другим пример трудолюбия.

6. Если наученный Вере пожелает принять оглашение, то катехизатор может совершить оное.

7. Если между верующими находятся люди, желающие сделаться впоследствии проповедниками и способные к тому, то катехизатор должен извещать о том Токийскую церковь и ждать её указаний.

8. Избиение людей для приготовления к проповедничеству — дело существенной важности. Таковые должны быть не моложе 18 лет, благочестивые и с хорошими умственными способностями, а также с обеспеченными домашними обстоятельствами, чтобы иметь свободу отправляться на проповедь всюду, куда укажет церковь.

Примеч. Дотяку-дэнкёся (местные катехизаторы, т. е. те, которые, живя дома и продолжая свои занятия, служат проповеди, насколько позволяет время), не подлежат последнему требованию сего правила.

9. Приём учеников в Катехизаторскую школу производится два раза в год: 15-го числа 1-го месяца и 15-го числа 9-го.

10. Катехизаторы должны заботиться о заведении по церквям христианских школ для мальчиков.

11. Должны также заботиться о заведении христианских школ для девочек и о приготовлении из местных христианок учительниц для этих школ, а также помощниц себе для христианского руководства женщин.

12. Из местных христиан катехизатор избирает два-три, или четыре-пять человек для составления местного церковного совета.

13. Церковный совет вместе с катехизатором заботится о распространении Церкви и об утверждении христиан в истинной вере и доброй нравственности. В отсутствие катехизатора он заботится и о семействе его.

14. По крайней мере, раз в месяц катехизатор рапортует Токийской церкви о состоянии своего проповеднического округа, о том, что им рассуждено вместе с церковным советом.

15. Катехизаторы и местные церковные советы должны побуждать христиан жертвовать на содержание духовной семинарии в Токио.

16. Ежегодно к 11-му числу 7-го месяца (29 июня), т. е. к празднику св. Апостолов Петра и Павла, катехизаторы и представители местных церквей собираются в Токио для общего рассуждения о делах церкви.

Временем составления собора избрано 29 июня, как для того, чтобы почтить св. Первоверховных Апостолов и совоюкою молитвою всей Церкви испросить их представительства о просвещении сей страны светом Евангелия, так и потому, что в это время оканчиваются училищные занятия перед каникулами, и собравшейся церкви дается возможность на экзаменах видеть состояние преподавания и вообще обревизовать училища, так, наконец, и потому, что в это время, с умножением сельских работ, занятия проповедью в провинциях, по недосужности слушателей, наименее удобны, между тем, как при наступающих жарах, самое удобное время самим проповедникам отдохнуть от годичного труда и взаимно соутешиться свиданием и собеседованием с собратьями.

Чтобы показать порядок и содержание соборных заседаний, беру смелость сделать краткое извлечение из миссионерского дневника о соборе нынешнего года.

26 июня, при участии собравшихся катехизаторов и представителей церквей, произведены экзамены в семинарии, 27 — в катехизаторской школе и женском училище, и учащиеся распущены на каникулы. К празднику св. Апостолов Петра и Павла имевшие прибыть на собор все собрались.

На соборе были: архимандрит Николай, священники: Павел Савабэ и Гавриил Чаев, 49 катехизаторов и катехизаторских помощников и 39 представителей разных церквей, всего 91 человек с правом голоса; было много и слушателей.

30 июня. Пятница. В 8 часов прозвонил колокольчик собираться в церковь. Дано было четверть часа на то, чтобы все расселись по местам по списку, читаемому секретарем Миссии; порядок мест — катехизаторов — по времени поступления на службу Миссии, представителей церквей — по старшинству последних. По извещении, что все заняли свои места, вошли священнослужители. Начальник Миссии в эпитрахили произнес молитву и речь. Затем катехизаторы по очереди рассказали о своей деятельности в продолжении года и о состоянии своих церквей и настоящих потребностях их. По окончании, прочитаны были письма от отсутствующих; заявлены новые места, куда

неотложно требуются проповедники и прочитаны письма из этих мест. Когда таким образом для всех уяснилось общее состояние всей церкви и нужды проповеди, предложено было катехизаторам заявить каждому лично перед собором своё желание служить церкви в продолжении следующего проповеднического года, т. е. до собора будущего 1879 года, или, если у кого есть причины к отказу, отказаться. Все единодушно изъявили желание продолжать служение. Этим окончилось заседание первого дня, продолжавшееся, с перерывом от 12 до $\frac{1}{2}$ 2-го, до 6 часов вечера. После молитвы заседавшие разошлись.

1 июля. Суббота. В 8 часов, после обычного начала молитвою и речью, десять из катехизаторских помощников возведены, большинством голосов, в звание катехизаторов; восемнадцать из окончивших ныне курс в катехизаторской школе, из коих тринадцать уже показали опыты своих проповеднических способностей в городе и окрестностях, зачислены катехизаторскими помощниками. Таким образом, штат служащих церкви до собора будущего года, кроме членов Миссии, священника Павла Савабэ и пяти кандидатов священства, отправленных, в сопровождение иеромонаха Анатолия, во Владивосток, определен составом: 27 катехизаторов и 46 помощников. Секретарём Миссии по церковным делам утверждён служивший доселе в этой должности ученик катехизаторской школы. Так как с званием секретаря сопряжена и обязанность редактора «Церковного Вестника», для одного же, по множеству церковной переписки, весьма трудно исполнение обеих этих обязанностей, то положено выбрать из младших учеников катехизаторской школы помощника секретаря.

Когда приступлено было к предмету распределения катехизаторов, то прежде всего возник вопрос: иметь ли в виду при распределении новые места? Тремя четвертями голосов определено: иметь. Первою названа была Кагосима, куда неотложно следует послать проповедника. При вопросе: кого? выкликнуты были четыре из лучших катехизаторов; большинство голосов между ними оказалось за Иоанна Оно, который и утверждён проповедником для Кагосима. Затем, при дальнейших попытках распределения, возникли такие неразрешимые затруднения, такие несогласимые требования со стороны представителей церквей, что не предвиделось конца прениям. Наконец, для упрощения дела, собор определил назначить комитет, с поручением распределить катехизаторов по церквям. В комитет избраны: архимандрит Николай, священник Павел Савабэ, катехизаторы: Павел Ниидзума, Иоанн Оно, Спиридон Осима и секретарь Стефан Кунгимия. Затем после молитвы, в 5 часов, пред всеношней, собрание разошлось.

2 июля. Воскресенье. Утром обычное воскресное богослужение. После полудня, в 2,5 часа, комитет собрался для исполнения возложенного на него поручения, и к 8,5 часам вечера окончил свою работу.

3 июля. Понедельник. В 8 часов, после молитвы и речи, прочитана перед собором вчерашняя работа комитета. Начались долгие просьбы представителей разных церквей ещё уделить катехизатора; за невозможностью удовлетворить их, сказано, чтобы после обращались к Токийской церкви. Явилось множество разных других возражений и совещаний, в следствие которых, однако, сделаны были некоторые изменения в распределении, единодушно одобренные всеми. Наконец, предложено было произвести голосование «за» и «против» составленного распределения. Если бы большинство голосов оказалось «против», то собор имел назначить новый комитет для более удачного распределения. Уже после 2 часов пополудни состоялось голосование, и все подали голос за распределение, исключая двух Токийских депутатов, очень огорченных отнятием у них любимых катехизаторов. Для Токийской церкви, вообще, кроме, собственно, одного Павла Ниидзума, оставлены проповедники или недостаточно знающие вероучение, как Павел Татибана, Пётр Кавано, служившие здесь последовательно секретарями Миссии и потому не имевшие времени усердно заниматься учением, или очень молодые и неопытные, как только что выпущенные из катехизаторской школы: Григорий Мацуяма, Яков Кубо и другие. Распределение Токийских катехизаторов по приходам предоставлено имеющему после состояться частному собранию Токийской церкви.

Предложено катехизаторам иметь особенное попечение о нахождении людей для катехизаторской школы в возможно большем количестве, тогда, быть может, откроется возможность, — чего так все желают, — держать учеников в школе два года и ввести в круг преподавания, кроме ныне преподаваемых предметов, другие, как то: Каноническое Право, Обличительное Богословие, Литургику.

Подтверждено искать людей для певческой и причетнической службы, лет с шестнадцати возрастом. Сказано, чтобы находили молодых людей четырнадцати-шестнадцатилетнего возраста для семинарии, которых должно быть собрано не менее тридцати человек к 1 сентября будущего года.

Читаны катехизаторские правила, утвержденные собором прошлого года; из них кое-что выпущено и кое-что прибавлено. (Они выше изложены.)

В 6 часов пополудни заседание окончено молитвою, и все разошлись.

4 июля. Вторник. После обычного начала распределено содержание катехизаторов на следующий год. Церкви, более давние и многочисленные, как Преображенская и Крестовоздвиженская, имеют уже возможность сами

содержать своих катехизаторов, и из Миссии назначается катехизаторам помощь собственно на дорожные расходы, так как они должны постоянно ходить из селения в селение для проповеди.

Принято и сосчитано тэйзэй, — пожертвование христиан всех церквей на Миссию, состоящее в 5 «сэн»^{*)} ежегодно с каждого мужчины от двадцати до шестидесяти лет, и в 3 «сэн» с каждой женщины от шестнадцати до пятидесяти лет. Оказалось в нынешнем году более 50 «йен». Предложено было начальником Миссии оставить тэйзэй местным церквям на свои собственные нужды; но против этого все восстали, говоря, что каждая церковь на свои местные нужды и без того жертвует, и что этим малым знаком все церкви желают выразить Миссии свою признательность.

Сказано о необходимости здесь архиерея. Все согласились. Положено ходатайствовать перед Святейшим Синодом об учреждении здесь епископской кафедры.

Предложено заявить желающим, если кто что имеет, повергнуть на рассмотрение собора.

Около полудня заседание окончилось. После речи, молитвы и благословения собор закрыт, и все разошлись.

В продолжение года главный орган церковного управления заключается в Токийском церковном совете, который состоит из Токийских катехизаторов, с начальником Миссии во главе. Он собирается каждое воскресенье после обедни, и рассмотрению его подлежит всё, что накопится важного в продолжении недели из писем провинциальных катехизаторов и из постоянных источников; в случае нужды созывается немедленно.

Миссийских училищ в Токио четыре: 1) Катехизаторское, 2) Семинария, 3) Женское, 4) Причетническое; в Хакодатэ два: отдельные училища для мальчиков и девочек.

1. Катехизаторское училище.

Поступают в него, под личным ручательством местных катехизаторов за добронравственность и прочие качества, потребные для будущего проповедника, люди от восемнадцати до шестидесяти лет, имеющие желание служить церкви распространением веры. Курс годичный. Преподаются: Догматическое Богословие, Толкование Священного Писания, Священная История Ветхого и Нового Завета и Церковная История. Ежедневных классов два; кроме того, имеющие хорошие голоса обучаются пению, а в церкви испол-

*) В преобразованной японской денежной системе основными единицами приняты: 1 «сэн», приравненный к 1 центу, — сотой части мексиканского доллара, более всякой другой монеты обращающейся на крайнем востоке, — и 1 «йен»: равный 1 мексиканскому доллару.

няют обязанность псаломщиков. Ежедневные устные ответы заданных уроков и непрерывное писание сочинений на заданные темы дают возможность судить, как кто успевае́т; годичное же пребывание на глазах Миссии с обязательством соблюдать определённую школьную инструкцию совершенно достаточно для уверения в добропорядочности будущего проповедника. Начиная с полугода, лучшие ученики посылаются по вечерам в город для практического приучения к проповедыванию; затем, по мере отсылки городских катехизаторов в провинции, так как требования на них никогда не прекращаются, ученики занимают их места, так что к концу года, обыкновенно, вся здешняя проповедь остаётся на их руках, причём, однако, они и сами продолжают проходить училищный курс, ежедневно приходя в Миссию на классы. В настоящее время в катехизаторском училище двадцать восемь учеников.

Имена учеников	Лета от роду	МЕСТО РОДИНЫ	
		Провинция	Город или села
1. Симеон Симада	22	Хизэн	Симабара
Елисей Кадо	29	Мияги	Такасидзу
Яков Савадэ	25	Акита	Кэманай
Матфей Юкава	26	Вакаяма.	Вакаяма
5. Яков Мацуда	21	Вакаяма	Вакаяма
Афанасий Миядзима	22	Симоса	Омори
Пётр Сато	25	Мияги	Митакэ
Андрей Ина	30	Идзу	Нираяма
Иеремия Сибата	51	Айти.	Окадзаки
10. Фома Маки	22	Иё (на Сикоку)	Китано
Пётр Окава	26	Идзу	Нагахама
Василий Окава	20	Идзу	Нагахама
Тимофей Мурасава	25	Мияги	Вакуя
Василий Мияда	19	Хитати	Мито
15. Андрей Икава	21	Аомори	Хатинохэ
Фома Оно	20	Айти	Окадзаки
Яков Ямаути	20	Мияги	Сокэймура
Иоанн Такахаси	19	Мияги	Исикоси
Никанор Ивафути	19	Мияги	Исиномаки
20. Павел Кита	18	Бизэн	Окаяма
Иоанн Кон	18	Мияги	Митакэ
Павел Кимисима	36	Тотиги	Сакуяма
Симон Хирано	50	Бизэн	Окаяма
Павел Суда	22	Мияги	Сэндай

Имена учеников	Лета от роду	МЕСТО РОДИНЫ	
		Провинция	Город или села
25. Яков Хата	18	Мияги	Сэндай
Пётр Сато	19	Мияги	Сэндай
Иосиф Судзуки	26	Симоса	Омори
28. Павел Митакура ^{*)}	16	Ивадэ	Мориока

Преподаватель *архимандрит Николай*.

2. *Семинария*. В видах обеспечения прочности успехов проповеди и будущего процветания церкви, а также освобождения России от обязанности неопределенно долгое время высылать сюда миссионеров, самое важное здесь училище — семинария. В последние два года в ней не было приёма учеников за неимением достаточного количества учителей, а также за недостатком средств содержания; но ныне преподаватели для низших классов подготовлены из самих семинаристов; средства так или иначе должны найтись. И потому неоднократно уже объявлен по церквям приём к 1 сентября будущего, 1879 года, тридцати воспитанников. Программа семинарии, изданная во всеобщее сведение церкви, следующая:

1) В семинарию принимаются мальчики — христиане не менее четырнадцати и не более шестнадцатилетнего возраста.

2) При поступлении представляют надлежащие документы от родителей и местных церковных советов^{**)}.

3) Принимаются по испытанию в достаточном приготовлении по предмету китайского языка. Немогушие читать по крайней мере четырёхкнижия Конфуция не принимаются.

4) Врач свидетельствует о вполне удовлетворительном здоровье принимаемых.

5) Приём производится однажды в году, — к 1 сентября.

6) Курс обучения в семинарии — шестигодичный.

7) Преподаваемые предметы и распределение оных по годам следующее:

^{*)} Принят по особенным просьбам и представлениям о способностях мальчика для дальнейшего научения вере и для испытания, годится ли для будущего приема в семинарию.

^{**)} От родителей — прошения о воспитании их детей для служения церкви, от церковных советов — заявления желанья, чтобы означенные мальчики были воспитаны для служения церкви, и свидетельства о том, могут ли быть они содержимы на средства родителей или местных церквей, или не могут; в первом случае, советы делают ручательство, что деньги воспитанников будут неукоснительно высылаемы в Миссию, в последнем — просят принять их на содержание Миссии. Формы документов имеются всеми церквями.

I-й год	IV-й год
Русский язык. Китайско-японский язык. Китайско-японское писание. Арифметика. Православное исповедание.	Китайский язык. География. Всеобщая история. Психология. Церковная история.
II-й год	V-й год
Русский язык. Китайско-японский язык. Китайско-японское писание. Алгебра и геометрия. Свящ. История Ветхого Завета	Всеобщая история. История философии. Догматическое богословие. Толкование свящ. Писания. Литургия.
III-й год	VI-й год
Русский язык. Китайский язык. География. Физика. Свящ. История Нового Завета.	Толкование свящ. Писания. Нравств. и Пастырск. богосл. Обличительное Богословие. Церковное законоведение. Патрология.

Ежедневных классов пять: четыре по 1 часу, один в 45 минут. Кроме того, ежедневно преподается церковное пение.

8) Лучшие из окончивших курс в семинарии будут оставляемы наставниками при ней; другие, по прохождении ими должностей чтецов и катехизаторов, с одобрением от церквей, будут возводимы в сан дьякона и священника.

Ныне воспитанников в семинарии тридцать:

III-й курс		
	Лет от роду.	На чьем содержании.
1. Иоанн Конно	19	Родители платят 2 иены в месяц.
Арсений Ивасава	15	На содержании родителей.
Григорий Юхара	18	Тоже.
Герасим Аибара	18	Тоже.
5. Павел Морита	15	На миссийском содержании.
Пантелеймон Сато	15	Тоже.
Павел Кимура	17	На содержании Кэнэйкай.
Сергий Номура	14	На миссийском содержании.
Евгений Таира	16	На содержании родителей.
10. Эраст Нода	16	Тоже.
Даниил Кидо	14	На миссийском содержании.
Павел Фурута	14	Тоже.
13. Афанасий Судзуки	14	Мать платит 2 иены в месяц.

IV курс

	Лет от роду:	На чьём содержании.
Симеон Мии	20	На содержании Токийской церкви.
Михаил Хакугоку	19	На миссийском содержании.
Матфей Уэда	19	Тоже.
Иоанн Овата	20	Тоже.
5. Павел Сакауси	20	Вносит за себя 25 сэн в месяц.
Андрей Уэно	15	Вносит за себя 83 сэн в месяц.
Алексей Савабэ	16	На миссийском содержании.
Моисей Тэруи	17	Тоже.
Иоанн Исида	16	На содержании матери.
10. Пётр Мурата	15	На миссийском содержании.
11. Коитиро Катаока ^{*)}	16	На содержании родителей.

V курс

1. Анатолий Одзак	26	На миссийском содержании.
Василий Кикүти	20	Тоже
Андрей Имада	21	Тоже
Виссарион Авано	18	На содержании Токийской церкви.
5. Александр Мацуи.	17	Тоже
6. Николай Кикүта	18	Сэндайская церк. внос. 1 иен в мес.

Преподаватели: священник Гавриил Чаев, архимандрит Николай, лучшие из старших воспитанников для младших и три учителя китайско-японского языка (и вместе китайско-японской истории).

3) *Женское училище.* Долго здесь девочки — христианки и язычницы — тшетно стучались в дверь Миссии, прося дать им христианское образование. Наконец, в исходе 1875 года, необходимость иметь для церковного хора дискантов и альтов заставила Миссию завести маленькую женскую школу. Но раз школа заведена, при всех преградах к поступлению в неё, заключающихся в неимении достаточного и приличного помещения и средств содержания, женский элемент Церкви не мог не вторгнуться в неё и не выразить своих качеств. Так, во-первых, здесь приют для дочерей и родственниц наших священников и, по крайней мере, главных катехизаторов; во-вторых, здесь, быть может, начало будущего женского монашества в Японии; так, два года тому назад, одна девица, при первом ознакомлении с христианством, не зная и имени монашества, возгорелась желанием оставить мир и посвятить

^{*)} Сын одного придворного, принят по настоятельной просьбе отца для исправления его нравственности.

себя Богу на всю жизнь, — для чего и пришла из провинции сюда, чтобы отдать себя под руководство Миссии; она помещена была в школу, и ныне, оставаясь неизменно своему обету, служит отличной учительницей для детей. В третьих, здесь, даст Бог, начатки живописной церковной школы в Японии; у одной из учениц замечены были необыкновенные способности к рисованию, и она определена приходящею ученицей в Правительственную рисовальную школу, где преподаёт рисование выписанный из Италии профессор; ныне она второю ученицею в школе; первую ученицу она также обратила в христианство, — и мечта их обеих служить церкви живописью. В четвёртых, здесь наши молодые катехизаторы, решившиеся жениться, помещают своих невест для дальнейшего религиозного образования, чтобы иметь потом в жене хорошую помощницу для преподавания христианства женщинам; так, здесь почти два года училась невеста катехизатора Павла Окамура, ныне после собора обвенчанная с ним; теперь учится невеста катехизатора Павла Цуда. Преподаются: Закон Божий, т. е. смотря по возрастам, Краткий Катехизис или Православное Исповедание или Толкование Священного Писания, и Священная История Ветхого и Нового Завета; Арифметика, японская и всеобщая География, японская и всеобщая История, китайско-японский язык, китайско-японская каллиграфия и из рукоделий — шитье. Кроме того, почти все ученицы ежедневно приходят на класс пения. Состав школы в настоящее время следующий.

Начальница школы и вместе учительница — вдова Анна Канно, пятидесяти лет.

Помощница начальницы и учительница девица Елизавета Котама, двадцати лет.

Ученицы, живущие в школе:

---

1. Варвара Ямасицу 17 лет, учащаяся живописи.

Мария Кобаяси 20 л., невеста катехизатора П. Цуда.

Юлия Савабэ 14 л., дочь священника Павла Савабэ.

Вера Кангэта 14 л., дочь священника Матфея Кангэта.

---

5. Надежда Кангэта 11 л., тоже.

Тэкуса Сакай 12 л., дочь священника Иоанна Сакай.

София Сато 16 л., дочь священника Павла Сато.

София Такая 12 л., дочь священника Якова Такая.

Дарья Кудзики 13 л., дочь катехизатора Петра Кудзики.

---

10. Агния Огоэ 11 л., сестра катехизатора Стефана Огоэ.

Евфимия Ниидзума 11 л., племянница катехиз. Павла Ниидзума.

Ольга Сунгиномэ 11 л., тоже; вносит на содержание 1 йен 50 сэн.

Вера Фудзита 15 л., дочь миссийского литографа Иринея.

Анисья Миура 15 л., вносит на содержание себя 3 йены.

15. Вера Нэида 12 л., вносит на содержание себя 3 йены.
 Мария Мадзима 14 л., вносит на содержание себя 2 йены 50 сэн.
 Римма Нисимура 13 л., вносит на содержание себя 2 йены 50 сэн.
 Варвара Накадзава 11 л., вносит на содержание себя 2 йены 50 сэн.

---

19. Домна Сэнсуи 15 л., вносит на содержание себя 2 йены 50 сэн.

Приходящих учениц: шестеро. Всего учащихся: двадцать пять.

Преподают: вышеозначенные учительницы, один из учеников катехизаторской школы, двое из старших семинаристов и двое из семинарских учителей китайско-японского языка.

4. В Причетнической школе, состоящей в заведывании регента при Миссии Якова Тихая, до последнего времени состояло пять учеников; ныне, по возвращении троих к своим церквям для служения при священниках, остаются двое: Роман Тиба, он же и причетник при Токийском священнике Павле Сато, и Пётр Отаки. Ученики причетнической школы, кроме специального изучения церковного пения, чтения и порядка отправления Богослужения, слушают лекции в катехизаторской школе.

В Хакодате, в двух Миссийских школах, основанных и руководимых членом Миссии, иеромонахом Анатолием, преподаются: Краткий Катехизис, Православное Исповедание св. Димитрия Ростовского, Священная История Ветхого и Нового Завета, Арифметика, Японская и Всеобщая География, китайско-японский язык, китайско-японское писанье; для девочек, кроме того, шитье и вязанье.

Преподают: в школе мальчиков учителя: Сергей Нумабэ, — он же и начальник училища мальчиков, — Николай Макино, Николай Мэтоки и старшие певчие тамошнего хора; в школе девочек: вдова Анна Докэ, она же и начальница школы, русская резидентка в Хакодате, вдова София Алексеева, и вышеозначенные учителя. Преподающие в свою очередь слушают лекции иеромонаха Анатолия.

Всех учащихся в Хакодатских школах: сорок мальчиков и тридцать одна девочка, итого семьдесят один; из них: двенадцать мальчиков и шестеро девочек живут при Миссии, на её содержании, прочие — приходящие.

Богослужение в Японских церквях совершается на японском языке. Пение в Токийской церкви четырёхголосное. Хор певчих из семинаристов и учениц женской школы очень стройно поёт, благодаря старанию и способностям регента Миссии, Якова Тихая. В прочих церквях пение одноголосное. Ноты, написанные на японский текст г. Тихаею и отлитографированные, разосланы по всем церквям, где есть знакомые с употреблением их.

В Токио при Миссии состоят образованные ею переводчики: 1) Савва Хориз, переведший Священную Историю Нового Завета и Догматику преос-

вященного Платона Костромского, уже напечатанные, и записки по Церковному Законоведению, ожидающие средств для напечатания; ныне переводит Нравственное Богословие преосвященного Платона; 2) Пётр Оно, переведший Священную Историю Ветхого Завета и Церковную Историю Рудакова, последняя половина которой тоже ещё не напечатана по неимению средств; ныне переводит Православное Исповедание Петра Могилы; кроме того, занимается изучением греческого языка; 3) переводческий ученик Григорий Накамура, ещё не имеющий своих трудов в печати, хотя, если бы были средства, можно бы напечатать его перевод о Семи таинствах свящ. В. Михайловского; ныне переводит Церковную Историю Бахметевой.

К переводчикам, имеющим свои труды для печати, можно причислить и всех семинаристов 5-го курса, и старших по возрасту 4-го; потому что все они, упражняясь в переводах с русского, успели перевести много серьёзных вещей, которые с тем и даваемы были им, чтобы потом употребить их труд на пользу церкви. Так переведены и приготовлены к печати: «Пространный Христианский Катехизис», «Указание пути в Царствие Небесное», «Об обязанностях христианина», много житий святых и проч.; из мелких же статей, которые выбираемы были для перевода из журнала «Воскресное Чтение», можно составить огромный сборник для назидательного чтения христиан. (Для помещения в таком сборнике приготовлено и много оригинальных статей, состоящих из лучших сочинений учеников катехизаторской школы, так как все таковые сочинения удерживаются и хранятся для напечатания их при случае).

В последней половине прошлого года Миссией начато и регулярно ведётся периодическое издание «Церковный Вестник» (Кёкай-Хоти); в нём помещаются, главным образом, извлечения из донесений катехизаторов о состоянии их церквей и событиях в оных, а также действия и распоряжения Токийской церкви; таким образом он даёт возможность всем катехизаторам и христианам постоянно знать подробно состояние всей православной церкви в Японии. Выходит каждые две недели литографированными брошюрами в двадцать-тридцать страниц.

У Миссии есть свой литографский станок, который и служит для печатания «Церковного Вестника», сборных протоколов, календаря и прочих нужных брошюр.

Недвижимое имущество Миссии составляют: в Токио: 1) два новые, весьма прочно построенные каменные дома, в которых помещаются: церковь и крещальня, катехизаторское училище и семинария, с двумя большими комнатами для классов, а в праздничные дни для сбора христиан; живут: два миссионера, регент с семейством, переводчики, причетники, учитель китай-

ского языка; помещается также миссийская канцелярия с состоящими при ней секретарем и его помощником. Дома снабжены полною школьною мебелью на шестьдесят учеников; поместиться же в них могут, в случае нужды, если удалить из дома переводчиков, до девяноста учеников. Кухни и прислуга помещаются в этих же домах. Между домами — деревянная постройка для ватер-клозетов, соединяющая наверху вторые этажи обоих домов крытою галереей.

2) Три весьма ветхие японские небольшие дома, из коих в двух смежных помещается женская школа, в которой дети зимою очень страдают от холода; так что вечно бывают с кашлем, с посинелыми лицами и растрескавшимися руками, так как, по тесноте домов, в них прежде были сломаны внутренние перегородки, и защитой от стужи во всякое время служит только один лист сквозящей бумаги в наружных щитах. В третьем помещается литография со служащими при ней.

В Хакодате: 1) церковь; 2) дом, в котором живет миссионер, — учителя школы и большие певчие; 3) небольшой дом, в котором помещается школа девочек: все три здания очень ветхие, оставшиеся от сгоревшего в 1865 году консульства и отданные Миссии Азиатским департаментом; 4) дом для школы мальчиков, построенный Миссией в 1873 году, по способу постройки японских домов, т. е. досчатый; 5) два крошечные домика для помещения катехизаторов, перестроенные Миссией заново из кое-каких оставшихся консульских служб.

Расходы Миссии на содержание священно-церковнослужителей, проповедников, училищ и других учреждений.

А. ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ РАСХОД.

1. На священно-церковнослужителей.

	Йен	Сэн
Священник Павел Савабэ с семейством	30	—
“ ” Иоанн Сакай “ ”	25	—
“ ” Матфей Кангэта “ ”	25	—
“ ” Тимофей Хариу “ ”	25	—
“ ” Яков Такая “ ”	30	—
“ ” Павел Сато “ ”	30	—
Причетник при Хариу, Василий Такэда.	3	—
“ ” Сато, Роман Тиба	2	—
Семейство Романа Тиба, в Такасимидзу	4	—
Итого	174	—

Священников с семействами положено обеспечивать содержанием в 30 йен ежемесячно, полагая в том числе 15 йен на семейство, о котором священник не имеет никакой возможности заботиться сам, так как почти всегда в разлуке с ним*), и 15 йен на самого священника. Но Сакай, Кангэта и Хариу попросили себе не более 10 йен, так как прочее недостающее восполняют для них местные христиане. Нужно иметь в виду, что священники вечно в разъездах для совершения треб по очень большим пространствам, так что и 15 йен для них было бы мало без пособия от христиан. Мало-помалу, христиане совсем примут священников на своё содержание, хотя это делается не в год и не в два; но и после того расход Миссии по этой статье едва ли сократится, — напротив, гораздо вероятнее, что увеличится, так как священников уже и в настоящее время недостаточно для церкви, и для предоставления к посвящению в будущем году один кандидат уже избран; вероятно, прибавится и ещё не один; а с ними, по новости, будет то же, что с настоящими, т. е. Миссия должна будет содержать их сама, пока церкви в состоянии будут исполнять это.

На проповедников

Катехизаторы:	Йен	Сэн
1. Павел Ниидзума	4	—
Семейство его в Сэндай	6	—
Стефан Огоз	5	—
Семейство его в Токио	7	—
Андрей Сасагава	8	—
Павел Окамура с семейством.	13	50

*) Из настоящих священников: Сато в Токио, его семейство в Сэндай, Кангэта в Санаума, семейство в Токио; Сакай в Мориока, семейство в Хакодате; Такая в Осака, семейство в Сэндай. Только Савабэ и Хариу при семействах; но первый больше потому, что болен, — здоровье же расстроил на службе церкви, — второй, состоя в Такасимидзу, где его семейство, должен, однако, не переставая кружить по разбросанному на многие десятки верст своему приходу. Миссия имеет в виду, когда священники устойчиво укрепятся на своих местах, перевести к ним семейства, но они сами не желают этого. Всецело преданные своему теперешнему служению, они, естественно, видят в семействах некоторого рода помеху себе, и потому, не переставая быть хорошими мужьями и отцами, — что доказывают письменными заботами о семействах, — они тем не менее убеждают своих жён оставаться дома, вдали от них, и заботиться о воспитании детей. Нужно прибавить, что и жёны наших священников, насколько это известно, образцово-хорошие женщины-христианки; они совершенно понимают положение своих мужей и всячески успокаивают их, предоставляя им полную свободу посвящать себя более обширному кругу занятий, чем хлопоты семейственные.

5. Матфей Нива	7	50
Семейство его в Токио и Кувана	6	–
Пётр Кано	4	–
Семейство его в Токио	6	–
Павел Цуда	10	–
Павел Тадэ	8	–
Спиридон Осима	10	–
Семейство его в Сэндай	6	–
10. Иоанн Оно	18	–
Семейство его в Сэндай	10	–
Иоанн Катакура	7	–
Семейство его в Сэндай	6	–
Пётр Сасагава	9	–
Пётр Кудзики	7	–
Семейство его в Сэндай	9	–
Павел Кангэга	9	–
15. Савва Кимура.	2	50
Никанор Мураками	5	50
Алексей Яманака с семейством	14	–
Павел Накакодзи	10	–
Илия Додо	8	–
20. Иов Мидзюяма	4	–
Никита Мори	4	–
Семейство его в Токио	8	50
Борис Ямамура	4	–
Савва Ямадзаки	10	–
Семейство его в Идзу	2	–
Андрей Яцуки	9	–
Семейство его в Сэндай	5	–
25. Тит Комацу	7	50
Семейство его в Токио	10	–
Андрей Такахаси	8	–
27. Иоанн Сайкайси	4	–
Помощники катехизаторов:	Йен	Сэн
1. Павел Татибана	8	25
Иоанн Ямасэ	7	–
Евфимий Ясиро	4	–
Пётр Бан	8	–
5. Давид Ямамото	8	–
Иоанн Такэиси	8	50
Павел Эсасика	7	–
Павел Минамото	9	30
Семейство его в Хатинохэ	6	–
Феодор Мидзуно	7	50
Семейство его в Кувана	3	–

10. Пётр Кавано	7	25
Аполлос Китагава	7	50
Павел Кодзима с семейством	12	–
Стефан Эсасика с женой	10	50
Павел Сано	8	–
15. Даниил Онами	5	–
Павел Хосономэ	8	–
Семейство его в Сэндай	6	–
Иов Судзуки с семейством	10	–
Мефодий Цуття	9	–
Онисим Накано	4	–
Семейство его в Хатинохэ	3	–
20. Николай Цуття	7	50
Иоанн Онгивара	8	–
Павел Такахаси	7	–
Семейство его в Этинго	3	–
Василий Мацуи	8	–
Павел Исии	7	–
25. Александр Ито	7	50
Варнава Имамура	4	–
Фома Мацуда	6	–
Антоний Удзиэ	4	–
Пётр Фудзита	6	–
30. Павел Накада	9	–
Андрей Канамори	9	–
Семейство его в Сэндай	4	–
Иоанн Отокодзава	8	–
Павел Фудзиока	6	50
Павел Кодзаки	4	50
Семейство его в Сэндай	3	–
35. Стефан Нараяма	7	–
Яков Конги	4	–
Иоанн Такахаси с семейством	12	–
Пётр Авано	7	–
Дамиан Игараси с семейством	10	–
40. Григорий Мацуяма	7	62
Павел Камияма	7	50
Яков Кубо	5	50
Фома Мэката	7	–
Роман Фукуи	8	–

45. Пётр Сато	1	–
Иоанн Омори	3	–
Пётр Касай	3	50
Пётр Сэки	7	50
Тихон Сугияма	12	–
50. Пётр Охара	4	–
51. Симеон Одзаки	7	–
Итого на 78 проповедников ежемесячно	673	42

Столько в расходе за текущий декабрь, так как содержание выдается или высылается в начале месяца; следовательно, с такою расходною сметою Миссия вступает в новый 1879 год. Но с 1-го июля этот расход увеличится, потому что нынешние ученики катехизаторской школы после собора поступят на службу. В начале учебного года учеников обыкновенно бывает больше, чем в конце, так как всегда оказывается несколько ленивых или неспособных, которые постепенно и выбывают; так и из нынешнего курса давно уже возвратилось по домам четверо; но из остающихся теперь налицо не предвидится больше ни одного к выбытию: все так усердно учатся и оказываются такими способными, что заниматься с ними составляет истинное удовольствие, и можно с уверенностью предрекать, что, даст Бог, все двадцать семь человек сделаются проповедниками. Если ныне на семьдесят восемь проповедников расходуется 673 йены 42 сэн, т. е. средним числом по 8 йен $63\frac{1}{3}$ сэн на каждого, то на двадцать семь новых, считая по 8 йен $63\frac{1}{3}$ сэн на каждого, потребуется ещё: 233 йены 10 сэн в месяц.

Итак, с 1 июля 1879 года ежемесячный расход на проповедников будет: 906 йен 52 сэн.

3. *На Катехизаторское училище.* Содержание воспитанника в месяц стоит 4 йены. Итак, на двадцать восемь учеников, ныне находящихся в катехизаторском училище, и два причетнических ученика, живущих там же, всего на тридцать человек, расходуется ежемесячно 120 йен.

На основании §9 вышеизложенных катехизаторских правил, к 15 января наступающего года должен бы состояться приём учеников для составления младшего курса катехизаторской школы. Но приём этот отложен был под тем предлогом, что желающих поступить из разных церквей по 15 ноября заявлено было не более двадцати двух человек, тогда как к приёму предполагалось не менее тридцати, о чём церквям в своё время дано знать, но после того уже получены заявления ещё от шести; нет сомнения, что до полного комплекта тридцати очень скоро дойдёт, вероятно, и перейдёт, так как церкви безоста-

новочно растут, одушевление в христианах с приездом священников удвоилось, и Миссии совсем не сделать узаконенного приёма — было бы то же, что самой показать пример нарушения церковных правил. И ныне уже слышится ропот на то, что приём отсрочен, тем более, что для решающихся поступить в катехизаторскую школу, — не то, что для детей, — это составляет весьма важный шаг в жизни, иные, как извещают теперь, уже сдали свои семейства на попечение родным, иные с большим трудом добились у язычествующих или не вполне проникнувшихся христианством родителей дозволения поступить в школу. Словом, приёма не сделать нельзя; и по церквям уже вновь разослано оповещение, что он состоится к Пасхе, т. е. к 1 апреля. Итак, с апреля расход на катехизаторское училище удвоится, т. е. составит ежемесячно 240 йен.

Этот расход на содержание шестидесяти учеников в катехизаторском училище делается регулярным ежемесячным расходом на неопределённое время, потому что, хотя нынешний курс после собора выбудет, но на место его, согласно с правилами, тотчас же составится новый, — и учеников в школе не убудет. Так как после каникул состоится ещё приём тридцати воспитанников в семинарию, то здесь, в Миссии, не будет места для нового курса учеников катехизаторской школы. Но после каникул откроется, даст Бог, катехизаторская школа в Осака, что давно пора сделать. Иеромонах Анатолий останется в Хакодате только до Пасхи; после Пасхи он отправится, начиная с севера Ниппона, посещать церкви, постепенно дойдёт до Осаки и останется там в жительство. Первым же делом там должно быть заведение катехизаторской школы. В самом деле, до сих пор труды Миссии сосредоточивались почти исключительно на северной половине Японии; но пора позаботиться и о южной, — она настоятельно требует нашего внимания. В Кагосима, Окаяма, Токусима сотни собираются слушать наших катехизаторов, — следовательно, церкви в этих местах, несомненно, будут основаны в скором времени; а это тотчас же поведет к расширению проповеди по окрестностям, — потребуется большое количество катехизаторов. Но северные катехизаторы, кроме того, что они нужны на севере, и по особенностям языка, и по многим другим неудобствам, мало пригодны для юга; там должны быть образованы свои; и в изобилии учеников для катехизаторской школы отсюда сомневаться нельзя: юг Японии по преимуществу богат дворянством, и с тем вместе — избытком сил, не находящих себе доброго употребления; из этого-то избытка всё лучшее должно быть привлечено на служение церкви. И оно само собою привлечётся; на Сикоку ещё и крещёных нет, так как священник ни разу не успел побывать там, а уже катехизатор представляет двоих к принятию в катехизаторскую школу с твёрдым ручательством за благонадежность их; в Каго-

сима катехизатор едва успел открыть проповедь и уже предвидит многих, имеющих послужить впоследствии проповедничеству.

4. *На Семинарию.* Содержание тридцати воспитанников, по 4 йены на каждого в месяц, составляет 120 йен. В счёт сей суммы от своекоштных и вносящих кто что может поступает: 50 йен 8 сэн; Миссия же от себя расходует 69 йен 92 сэн.

К 1 сентября будущего года, как выше сказано, состоится приём вновь тридцати воспитанников, из коих шестнадцать уже имеются кандидатами по заявлениям от церквей, остальных выберет иеромонах Анатолий при обзоре церквей после Пасхи. Содержание семинарии Миссия особенно старается как можно скорее предоставить попечению самой Японской церкви, тем не менее, невозможно надеяться, чтобы за будущих тридцать воспитанников было вносимо более, чем за настоящих. Итак, с 1 сентября и на семинарию расход Миссии удвоится, т. е. будет составлять ежемесячно 139 йен 84 сэн.

5. *На женское училище* Содержание девятнадцати воспитанниц, по 4 йены каждой, составляет 76 йен. Они вносят за себя 17 йен 50 сэн; Миссия расходует ежемесячно 58 йен 50 сэн.

6. *На школы Хакодатского стана.* Содержание двенадцати мальчиков и шести девочек, воспитываемых Миссией, всего восемнадцать человек, по 4 йены на каждого в месяц, составляет 72 йены.

7. *На учителей и учительниц.*

В Токио:	Йен	Сэн
Марк Ходзэ	12	—
Матфей Сато	10	—
Тёхо Сакай	10	—
Анна Канно, с содержанием её при Миссии и пособием на воспитание сына в рисовальной школе	11	—
Елизавета Котама, с содержанием при Миссии	5	50
В Хакодате:		
Сергий Нумабэ, с содержанием его при Миссии и семейства его в Сэндай	16	—
Николай Макино, с содержанием при Миссии	6	—
Николай Мэтоки, “.....”	6	—
Анна Докэ, “.....”	7	—
Двое певчих — они же и учителя, с содержанием их при Миссии	12	—
Итого:	96	50

На училищную и миссийскую прислугу.

В Токио	45 йен	50 сэн
В Хакодатэ	28	—
Итого:	73 йен	50 сэн

9. На переводчиков.

Савва Хориз, с содержанием его	14 йен	—
Пётр Оно “.....”	14 йен	—
Григорий Накамура “.....”	6 йен	—
Итого:	34 йен	—

10. На литографию

Литографу Иринею Фудзита, с содержанием	10 йен	50 сэн
Литографу Фоме Сигахама, с содержанием	5 йен	50 сэн
На бумагу и прочие материалы	8 йен	—
Итого:	24 йен	—

На Канцелярию.

Секретарю Миссии, Стефану Кугимия, с содержанием его при Миссии и помощью его семейству	11 йен.	—
Помощнику его, Иоанну Кавасаки, с содержанием	5 йен	50 сэн
На канцелярские материалы и рассылку писем	4 йен	50 сэн
Итого:	21 йен	—

Всего по 11 статьям ежемесячный расход:	Йен = 1 м. д. = 1 р. 33 1/2 к. *) Сэн = 1\100...).		Руб. Коп.	
Текущий	1415	84	1888	78
С 1 апреля 1879 г. (см. стат. 3)	1536	84	2047	78
С 1 июля “.....” (см. стат. 2)	1768	94	2358	56
С 1 сентября “.....” (см. стат. 4)	1838	86	2451	81

*) Рубли — русскою серебрянную монетою.

Б. ЕЖЕГОДНЫЙ РАСХОД.

1. На проповедников.

а) На платье. Полное снабжение катехизатора летним, осенним и зимним весьма простым платьем обходится в 21 йен, — какого платья достаточно бывает на два года. Некоторые катехизаторы не нуждаются в платье от Миссии, будучи снабжены оным из своих домов, зато других, кроме платья, приходится обзаводить, смотря по обстоятельствам водворения на месте, спальными принадлежностями и всяким домашним скарбом; при отправке же на места всех вообще — снабжать дорожными принадлежностями, а слабым здоровьем покупать шерстяные рубашки, фуражки, шарфы и прочее, — что всё взятое в совокупности, более чем уравнивает ежегодный расход на каждого проповедника, средним числом в половину вышеозначенной суммы, т. е. в 10 йен 50 сэн, как действительно в текущем году по этому отделу и издержано 836 йен 40 сэн.

б) На путевые издержки. В нынешнем году расход на путевые издержки особенно значителен по случаю поездки иеромонаха Анатолия с пятью ставленниками во Владивосток, но так как этот случай экстренный, то он не принимается здесь в расчёт. Следующий же расход регулярно повторяется ежегодно. К собору катехизаторы приходят, имея на путевые издержки содержание седьмого месяца. Но при обратном пути пришедших на собор, а равно при отправлении на места вновь, всем выдаётся на дорогу до места служения. Некоторые, после собора, просят на короткий срок в отпуск, повидаться с родными или устроить семейные дела; таковые увольняются, и на дорогу им тоже даётся, хотя этот расход особенно труден для Миссии, как непредвидимый и неопределимый заранее. Путешествуют катехизаторы пешком, исключая слабых здоровьем, а также случаев, когда отправка на пароходе или в дилижансе значительно сокращает время и труд путешествия. Дорожные расходы не определены точно, и трудно определить их, по разнообразию путей; минимум расходов до сих пор было: 25 сэн на 10 японских миль (37 верст).

В нынешнем году по этому отделу издержано 382 йен.

в) На снабжение катехизаторов христианскими книгами, покупаемыми от иностранных миссий, а также рукописными записками толкований на Священное Писание и других лекций, преподаваемых в Миссии, издержано за год 76 йен.

г) На лечение болеющих катехизаторов издержано 64 йен 35 сэн.

Итого, по четырём отделам статьи, в течение года на семьдесят восемь проповедников издержано 1358 йен 75 сэн, что составляет средним числом по 17 йен 42 сэн на каждого. В будущем, 1879 году, с прибавлением двадцати

семи новых проповедников, расход увеличится на соответствующую цифру: 470 йен 34 сэн, что составит всего в год 1829 йен 9 сэн.

2. На училища.

а) На платье. Детям священников и катехизаторов, а также беднейшим воспитанникам и воспитанницам, которых родители не в состоянии снабжать платьем, по мере необходимости, справляется оно от Миссии. В нынешнем году на этот предмет издержано 246 йен.

б) На покупку японских учебников и книг для ученической библиотеки издержано 52 йен.

в) На лечение болевающих учеников и учениц 127 йен 30 сэн.

Итого, по статье, на девяносто семь учащихся, живущих при Миссии здесь и в Хакодате, издержано за настоящий год 425 йен 30 сэн, что составляет по 4 йены 38 сэн на человека.

В будущем, 1879 году, с принятием к 1 апреля тридцати воспитанников в Катехизаторское училище и после каникул тридцати в семинарию, всего: шестидесяти новых воспитанников, расход соответственно увеличится на 262 йен 80 сэн, т. е. составит в год 688 йен 10 сэн.

3. На ремонт миссийских зданий.

а) В Токио. Во время каникул нынешнего года произведены были: окончательная отделка большого каменного дома штукатуркою внутри и обзаведение его ученическою мебелью на шестьдесят человек; тот и другой расходы, как экстренные и не имеющие повториться, не принимаются здесь в расчёт; затем — ремонт крыш обоих каменных домов: 154 йен 44 сэн, ремонт всех малярных работ, масляно-покрасочных в обоих домах и деревянной постройке между ними: 273 йен 51 сэн, и покраска цветною извёсткою внутри малого дома: 29 йен 52 сэн.; всего на сумму 457 йен 47 сэн.

Подобный ремонт должен быть производим каждые три года. В него, кроме означенных работ, должны войти: покраска извёсткой внутри большого дома, что, по смете, будет стоить 75 йен, и покраска масляною краскою ограды вокруг Миссии: 92 йен. Итого на весь ремонт в три года: 624 йен 47 сэн. Он может быть производим или единовременно полный, или по частям, ежегодно на третью часть ремонтной суммы. Во всяком случае, ежегодно на оный потребно 208 йен 15 $\frac{2}{3}$ сэн.

О ремонте старых зданий, где помещаются женское училище и литография, не может быть речи: они так ветхи, что стараться поддержать их было бы бесполезною тратою; даже рабочие отказываются приступить к ним и тронуться за что-либо.

б) В Хакодате. Тамошние миссийские здания, по ветхости своей, требуют ежегодно ремонтного расхода, по крайней мере, в размере суммы, издержанной в нынешнем году, 125 йен.

Итого, по статье, в нынешнем году издержано 582 йен 47 сэн.

На будущий год потребно 333 йен $15 \frac{2}{3}$ сэн.

Всего по 3 статьям ежегодный расход:

	Йен	Сэн	Рубли	Коп.
за истекающий год	2366	52	3155	36
на наступающий 1879 й потребно	2820	34 $\frac{2}{3}$	3800	46

Сделаю очерк нынешнего состояния Японской церкви, не могу не сказать несколько слов и о внутреннем. С точки зрения главных христианских добродетелей, любви к Богу и к ближним, японские христиане заслуживают ли название хороших христиан? Что до служителей церкви, священников и катехизаторов, то если бы не любовь к Богу и ближним, какое бы другое побуждение могло одушевлять их к самоотвержению и несению креста? Все приманки мира сего, как то: богатство, почести, лёгкая и спокойная жизнь, — совершенно не для них. Они, будучи почти все дворянами по происхождению, и притом люди умные, развитые, с прекрасными нравственными качествами, словом, со всеми вероятностями выгодно служить во всякой другой службе, предпочитают служить церкви без жалованья, получая лишь скудное пропитание и одеяние, не имея в виду никаких чинов и повышений, между тем как огорчений и трудов сколько у каждого из них и в настоящем и впереди! Уже одно то, что они порвали духовную связь с окружающим их миром и стали в отношения к нему неприязненные, хотя и на время, но это время может продлиться дольше жизни каждого из них, — сколько причиняется страданий и огорчений! Их злословят, называют отступниками, врагами отечества, инде бросают в них камнями, бьют их, заключают под разными предлогами в тюрьму^{*)}, — не мало нужно твердости и сознания правоты

*) Японское правительство нисколько не мешает распространению христианства и не позволяет никому собственно за христианство преследовать кого бы то ни было. Но буддизм в стране ещё довольно влиятелен, и бонзы причиняют проповедникам немало огорчения. Так, в начале нынешнего года в городе Кофу, они, собравшись толпою, избili до полусмерти катехизаторского помощника Павла Накада; в прошлом году, в Акита, настояли, чтобы катехизатор Алексей Яманака был посажен в тюрьму на том основании, что прописал одному больному лекарство, не имея докторского свидетельства, и Яманака почти год просидел в заключении, был выпущен, наконец, с буквальной резолюцией: «по невинности освобождается»; в Исиномаки катехизатор Петр Кудзики в нынешнем году посажен был в тюрьму и осужден на 100 дней тяжёлой работы за то, что осмелился похоронить христианина без свидетельства от бонз на кладбищенское место, которое ему бонзы, несмотря ни на какие просьбы и настояния, не хотели выдать. И в настоящее время

своего дела, чтобы переносить всё это. А в исполнении службы, чтобы не упасть духом, сколько нужно живой веры и любви к Богу и ближним! Вот после собора катехизатор отправляется на место своего служения; всё имущество его заключается в платье на плечах и нескольких книгах за плечами; впереди ждут его несколько друзей, призывающих его, и кругом тёмная, непроглядная масса язычества, редко где тронутая любопытством к нему, почти везде совершенно безучастная, а инде враждебно настроенная. Для всех он должен быть в своём месте светильником горящим и светящим, т. е. устами неустанно проповедовать, поведением же неленостно осуществлять свою проповедь. А между тем он и сам, три-четыре года или никак не более пяти-шести лет тому назад, был тёмным язычником, окутанным суевериями, и жившим по стихиям мира сего. Что, как не благодать Божия, совершила с ним такое дивное превращение, что он ныне стал учителем для язычников? И что, как не укрепляемая тою же благодатью любовь к Богу и ближним, поддерживает его на высоте его служения и даёт силу преодолевать трудности оного? А что он достоин своего служения, тому свидетельница Японская церковь, потому что не дело она миссионеров, не имеющих и возможности проповедывать вне двух мест, Токио и Хакодате, а дело катехизаторов. Едва ли погрешу, сказавши, что, конечно, и сам Апостол языков с высоты небесной одобрительно взирает на наших тружеников проповеди и молитвенно призывает на них благословение Божие. «Подражайте мне, как я Христу», — учил он своих последователей (1 Кор. 4, 16). И вот здесь целое стадо подражающих ему, насколько кому даёт благодать; все они оставили свои дома: отца, мать, жену, детей, братьев и всё, что в мире сем, «вменили тщету быти, за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа своего» (Филип. 3, 8). Недостает им, по-видимому, физического труда, чтобы черты подражания Апостолу были полнее; но и он есть, хотя в другом виде. Почти нет ни одного катехизатора, у которого место проповеди было бы одно, а непременно — два, три, иногда четыре; кончивши поучение в одном месте, катехизатор должен спешить к назначенному часу в другое, отсюда в третье и т. д., немалый физический труд — такое хождение, особенно в провинциях, где иногда катехизатору приходится ежедневно, несмотря ни на какую погоду, делать двенадцать-пятнадцать верст. Некоторые другие проповедники ездят в таких случаях на лошадях, их миссиями для того содержимых; но православный проповедник не может позволить себе этого облегчения и роскоши, так как Апостолы нигде не показали примера к тому. Что самоотвержение наших катехизаторов — не пустое слово, а дело, что они действи-

---

в Акита и Вакаяма наши катехизаторы подвергаются таким нападениям и преследованиям со стороны рьяных буддистов, что только полиции обязаны сохранением от побиения и возможностью продолжать катехизации для желающих слушать.

тельно не шадят себя для своего служения, — много бы можно рассказать в доказательство тому; укажу на ближайшие по времени примеры. В настоящее время катехизаторский помощник Пётр Фудзита лежит опасно больной в одном из здешних госпиталей; прежде чем поступить в катехизаторскую школу, он изучил портное мастерство и, быть может, этим повредил себе грудь; от его мастерства вышло мало пользы, так как в деревнях портному работы мало; от слабости же груди, при его ревности к проповеди, произошло вреда много; человек, заботящийся о своём здоровье, конечно, простирает бы говоренье поучений настолько, сколько позволяют силы; но Фудзита соразмерял проповедь не со своими силами, а с требованиями постепенно возрастающего круга слушателей; так и произошло, что у него, вслед за начавшимся и постепенно усиливавшимся кровохарканием, вдруг однажды, во время проповеди, кровь хлынула горлом; он и тут, не распуская слушателей, усиливался остановить припадок, чтоб договорить начатую катехизацию; но, чуть не изошедши кровью, принужден был назавтра, совсем ослабленный, притаться в Токио, откуда место проповеди его недалеко, чтобы просить кого-нибудь на время на своё место. Едва дотащившись до миссии, он слёг и не мог двинуться, и в таком виде отправлен в госпиталь; но оттуда теперь, почувствовав некоторое облегчение, рвётся идти на свой пост, повторяя, что церковь на него даром издерживается, что он должен исполнять свою обязанность. Пётр Кавано, Токийский катехизатор, недели четыре тому назад отправлен был на десять дней в один город, на день пути отсюда, где всего один христианин и несколько человек, немного слушавших вероучение от случайно заходивших туда катехизаторов; по недостатку катехизаторов проповедник там не помещён; между тем христианин известил, что там поселился католический патер, что он поносит православие, называя оно фотиевой ересью, и совращает расположенных к Православию^{*)}, вследствие чего христианин убедительно просил прислать, хоть на время, катехизатора для

---

*) Католичество и протестанство, исконные враги друг друга, не могут не быть оба вместе и врагами Православия; но только последнему, — не как взаимно друг другу, — они наносить вреда не могут; напротив, они полезны ему тем, что в сопоставлении с ними истинность православия скорее и яснее открывается. Если же они ещё, по невежеству или злонамеренности, начинают клеветать на Православие, то, сами не ведая и не желая того, служат истинную службу ему. По адрес-календарю, изданному к началу нынешнего года, католических епископов в Японии состояло 3, патеров-миссионеров 33, сестёр милосердия 13; протестантских епископов 1, миссионеров разных сект, преимущественно епископальной, 69, миссионеров 29. В текущем году число всех их значительно увеличилось. К этой армии нужно присоединить соответственное количество патеров-пасторов и катехизаторов из Японцев. Число католических и протестантских христиан в Японии в точности неизвестно; несомненно, кажется, одно, что их всех в совокупности гораздо менее количества православных христиан (за исключением католиков на Кюсю — возобновленного остатка бывшего там христианства в 16 столетии). Не нужно ли принимать это за явный признак, что Господу угодно просветить Японию истинным христианством?

охранения православного стада от расхищения; кроме письма, пришла ещё женщина, из слушавших учение, неотступно умолять о том же. По предварительному знакомству с этим местом послан Кавано. Недавно водворённый на своём нынешнем посту в Токио и усталый от забот о нём, Кавано тотчас же отправился, и десять дней проповедывал; в эти дни должно было твёрдо поставить Православие и оградить его от будущих нападков. Человеку, который бы формально отнесся к своему делу, много ли тут напряжения и труда? Но не формально относятся к своему служению здешние катехизаторы; Пётр Кавано десять дней, или лучше десять суток, горел свечой пред Богом и людьми и вполне успешно кончил свою миссию; но и для людей, как он, совершенно здоровых органически, есть предел душевных и физических напряжений; простившись с ободренными им верующими и оставшись в пути один, Кавано тотчас же от усталости и ослабления потерял сознание и сам не знает, как потом доставлен в город на свою квартиру. Когда на завтра, смертельно бледный и исхудалый, он скромно рассказывал мне об исполнении поручения и обратном пути, я не мог удержаться от выговора, что не следует так безрассудно много трудиться, и велел ему отдохнуть, дав из школы помощника на время; но через три дня помощник был возвращён по ненадобности. Пред собором здешний катехизатор Павел Ниидзума отправлен был на три недели в Троицкую церковь, в Сано; там в то время не было катехизатора, но ревностные христиане сами проповедывали и приготовили ко Крещению несколько человек; просили только катехизатора поверить их и окончательно приготовить. Церковным советом назначен был Ниидзума, имевший здесь в то время ежедневно четыре проповеди в своём приходе, кроме того, в свободные часы занимавшийся изучением русского языка, значительную же часть ночи всегда посвящающий молитве (что мне, как духовнику, не может не быть известно). Слушать Ниидзума, как проповедника довольно известного везде, где есть верующие в Японии, собрались, кроме готовящихся к Крещению, многие и другие, и он в двадцать дней изложил, насколько возможно, полное вероучение Церкви. Он исполнил возложенное на него поручение так хорошо, что, кроме предварительно приготовленных к Крещению, оказалось и несколько новых; но из Сано привезли его сюда едва живого от страшного ослабления и головных болей, что врач тот час же назвал последствием усиленного душевного напряжения. Чтобы лучше пользоваться его, он взят был в Миссию, причём христианки его прихода едва не перессорились из-за очереди сидеть у его постели, — так всем хотелось служить уважаемому катехизатору. Немало уже суток он пролежал почти без движения, страдая в то же время от невыносимых головных болей, как вдруг, в один вечер, он возгорелся желанием совершить свою обычную ночную молитву; он отослал сиделку, чтобы остаться одному,

с усилием приподнялся до сидячего положения и стал изливать свою душу пред образом Богоматери; в течение молитвы он нечувствительно заснул, видел один сон, а на утро изумил меня, пришедши в мою комнату без посторонней помощи и прося приобщить его св. Таин, как Евхаристии, — сердце его горело благодарностью к Богу за исцеление, так как головных болей не было и следа, оставалась лишь небольшая слабость, чрез неделю потом совершенно прошедшая. Да будет благословен Бог! Дела Божии подобает поведать! Как духовный отец, я дал Ниидзума наставление благодарить Бога за своё исцеление, но не думать больше о видении (хотя бы то было и действительно от Бога, но по Апостолу, нужно «задняя забывать, в предняя же простираться», — Филип. 3, 13); но в душе я убеждён, что то было действительное, осязаемое чудо, — болезнь Ниидзума была вовсе не из таких, чтобы разом исчезать. Не менее разительна помощь Божия, оказываемая, конечно, не недостойным, является там, где в деле проповеди менее всего бывает надежды на человеческие силы. Например, четыре года тому назад был в Катехизаторской школе ученик по имени Стефан Эсасика, самый слабый из всех тогда бывших; ответы его всегда возбуждали улыбку у товарищей; сочинения, высказывавшие его религиозность, были очень плохи в смысле стройного изложения мыслей; ко всему тому он оказался чахоточным, почему до окончания курса и отослан был домой. Дома, в Саннохэ, он всегда усердствовал служить церкви, насколько мог. Но в прошедшем году, когда посланный из Хакодатэ в Акита катехизатор Алексей Яманака потребовал себе помощника, и оного не оказалось, он призвал себе на помощь Стефана Эсасика; скоро после того Яманака заключён был в тюрьму, и вся проповедь оказалась на руках Эсасика; кто из нас мог ожидать, что будет какой-либо заметный успех? А между тем, в Акита, ко времени собора, состояла одна из видных по численности церквей. Или в прошлом году, в Катехизаторской школе был ученик Николай Цутя, в умственно-нравственном отношении много похожий на Эсасика, всегда серьёзный, трудящийся и до того религиозный, что и ответы свои в классе он всегда начинал молитвенным крестным знамением; при всем том, изучение догматики ему решительно не давалось; он всё время так и оставался с тем начально-катехизическим знанием верования, с которым пришёл в школу. Между тем, из одного места (Нисидзава) несколько жителей коллективным письмом в Миссию попросили проповедника; так как некого было послать, то церковный совет решил отказать на время. Но Николай Цутя попросился сходить туда частным образом, представляя, что у него, кстати, там есть знакомые. Так как дальнейшее пребывание его в школе не представляло для него никакой пользы, то ему позволено было идти и дан первоначальный катехизис, чтобы по нему объяснял учение, насколько может. К удивлению всех, он ещё к Пасхе привёл сюда двоих для

принятия Крещения, из которых один был деревенский старшина; пред временем же собора просил, чтобы туда пришёл священник и крестил приготовленных; в том и другом случае, по тщательном испытании, приготовленные найдены вполне достойными Крещения, и там к собору уже состояла маленькая церковь; да кроме того, к собору оттуда пришедший депутат просил, чтобы для той церкви при назначении двух катехизаторов, так как учение желают слушать и во многих окрестных местах, одним непременно назначен был Николай Цутя.

Что касается простых христиан, то дай Господи, чтобы и всегда здесь были такие усердные христиане, как теперь! Христианство ещё не успело у них обратиться в навык, в бессознательно практикуемый элемент жизни, зато тем живее и действеннее оно. Христианство теми, кто принимает его, принимается вполне и возможно полно осуществляется. Учится, например, что как можно чаще нужно испытывать свою совесть и обновляться душою в таинствах Покаяния и Причащения св. Таин, и христиане исповедуются и причащаются — не однажды в год и не четыре раза, по числу постов, а действительно, так часто, как кто только имеет физическую возможность: каждое Воскресенье здесь бывает толпа исповедников и причастников; учится, что посты нужно соблюдать, и посты действительно соблюдаются в такой степени, что, если человек не может лишить себя мяса или рыбы, потому что и без того никогда не ест их, то лишает себя завтрака, ужина или чаю, табаку и тому подобное; учится, что молитва за умерших спасительна для умерших, — и христиане после обедни, кто только видит приготовление к панихиде, все остаются молиться за умершего, к какому бы приходу он не принадлежал; смерть же в своём собственном приходе принимается, точно смерть в семье: все, кто только может, непременно собираются проводить умершего и помолиться за него; общее молитвенное взаимноучастие простирается до того, что и к совершению таинства Бракосочетания в церкви собираются все, кто только заметит вывешенное при церкви объявление об имеющем быть венчании. Учится, что надо помогать бедным, — и между христианами заброшенных бедных, бесприютных вдов и сирот положительно нет; что надо посещать больных, и для больного христианина весь приход его, мал или велик он, действительно, как родная семья; в госпиталях, где христианам случается лежать, для язычников всегда составляет предмет изумления, отчего к такому-то больному ходят так много и заботятся о нём так усердно; «должно быть, это важный человек», — думают они; действительно, важный для христиан, в смысле «младшего брата Христова»; и тем важнее, чем большей беднее; в последнем случае, если болезнь идёт к смерти, любовь и предупредительность христиан простирается до того, что они втихомолку от

больного заранее готовят сумму и на случай погребения. Усердие христиан к вере выражается и в том, что самая проповедь не есть дело личное одних катехизаторов, а — всей церкви; в каждом приходе христиане избирают между собою старост, дело которых преимущественно состоит в том, чтоб расширять для катехизаторов круг знакомства, находить и приводить к ним новых слушателей; но, кроме старост, и всякий христианин и христианка считают своею обязанностью делать то же. Побуждаемые тем же усердием, христиане, коль скоро число их увеличивается до нескольких десятков, тотчас же заботятся о построении храма, причём обыкновенно рассчитывается и на устройство при храме помещения для катехизатора или священника. Так, в Преображенской церкви, без всякого участия Миссии, кроме рассмотрения и одобрения планов, построены уже два храма, в Такасимидзу и Санума, и устроены молитвенные дома в разных других городах; с некоторым участием Миссии построены церкви в Сэндае и Мориока, без всякого участия в Сано, Одавара и Хатинохэ. Усердствуют христиане и в попечении о содержании своих катехизаторов и священников. В помещенной выше ведомости, везде, где содержание катехизатора обозначено в шесть йен и ниже, — знак, что местные христиане обеспечивают его квартирой и пищей; посылается же ему от Миссии, как выше замечено, на его путешествия для проповеди по окрестностям и на необходимые мелочные расходы; где обозначено меньше восьми йен, — знак, что обеспечивают квартирой. В Преображенской церкви христиане по деревням отделили от своих полей небольшие участки и сообща обрабатывают их; деньги же, вырученные за продажу плодов, или плоды в натуре обращают на содержание катехизаторов и священников; в других местах христиане прямо жертвуют деньгами; словом, везде делают, что могут. По весьма скромному расчёту, японские христиане в настоящее время жертвуют на церковь не менее двух тысяч йен в год, что, при юности и малочисленности церкви и при отсутствии в ней заметных богачей, не может быть названо малою жертвою. Есть здесь между христианами евангельские вдовицы; так, например, пришедши на нынешний собор, один из катехизаторов (Андрей Такахаси), проповедывавший в довольно глухом месте, принёс в церковь пять йен; «от кого?», — «от одной вдовы, которая просила не сказывать её имени; она продала всё, что было ценного в её имуществе, и это вырученная сумма». Есть жены благовестницы, — немало их, — не имеющие другой речи ни с кем, кроме речи о Христе и Его учении, — так душа их полна ими; есть жены, искупающие древний грех израильских жен, пожертвовавших свои украшения на золотого тельца, пожертвованием своим на истинного Бога; так, ещё три года тому назад, в Санума, когда однажды жена священника Павла Савабэ, беседуя с собрав-

шимися христианками, упомянула, что нужно завести священную утварь: христианки, которые имели, тотчас же сняли с себя головные серебряные украшения, другие принесли из домов и, собравши всё в кучу, сдали о. Павлу, прося позаботиться об отливке св. утвари. Есть исповедники и исповедницы, — много их; гонения преимущественно домашние, иногда от соседей и бонз. Например, в Идзу, в одной деревне, года два тому назад, стало распространяться христианство от школьного учителя, православного христианина; одним из первых приклонил к нему ухо молодой человек, уже семейный, наследник богатого и, ещё со времен Ёритомо (первого сёгуна), известного в округе дома; отец его, суевернейший из буддистов, был крайне рассержен, узнав, что сын склоняется к христианству, и не замедлил прибегнуть ко всем отцовским мерам, чтобы переобратить его; но, видя, что сын стоит твёрдо и ещё жену свою склонил тоже к христианству, лишил их наследства и прогнал из дома вместе с их грудным ребенком; сын пришёл в Токио, принял здесь св. Крещение и стал жить своим трудом. Старик расположился сделать наследником третьего сына, так как второй отдан в приемыши в посторонний дом; но гневу его предела не было, когда он узнал, что и этот в душе христианин; прошедши и с ним весь курс отцовских уроков и внушений, он и его прогнал на все четыре стороны, и этот пришёл в Токио, сделался христианином и стал жить с братом. После каникул оба они приняты в катехизаторскую школу (Пётр и Василий Окава) и обещают сделаться ревностными проповедниками. В настоящее время особенную жалость возбуждают истязания над одною молодою девушкою в Окадзаки; прежде, чем сделаться христианкой, она была просватана в богатый дом за любимого человека; жених от неё отказался по приказанию своего отца; родители бьют и всячески тиранят каждый Божий день, — и всё, бедная, выносит за Христа, и, конечно, Господь подкрепит её; быть может, чрез неё обратит и её жестоких родителей. От соседей сильно пострадал, например, в Санума крестьянин Пётр Сато. На его земле стоял небольшой храм с древним идолом, бывшим в большом уважении по всей округе. Пётр, сделавшись христианином, не мог выносить, чтобы на собственной его земле был притон суеверия; и потому, однажды, собравшись с местными христианами, разрушил храм и изрубил в щепки идола; он ещё не успел докончить последней работы, как сбежавшиеся язычники напали на него и избili почти до смерти; да затем ещё подали на него жалобу и полтора года таскали по судам разных инстанций; кончилось, однако, тем, что Петра оправдали, а врагов его обвинили за самоуправство с ним; впрочем, из врагов большая часть в течение суда успела сделаться христианами и братьями Петру. Ныне преследованиям от соседей подвергаются все христиане в Акита и Вакаяма; озлобленные язычники, подстрекаемые

бонзами, злословят их, всячески притесняют, грозятся разрушить или сжечь их дома; и, действительно, иногда, собравшись толпой, врываются в дома во время катехизаций, ломают и бьют всё, пока подросевшая полиция не оставит беспорядка и насилия.

При всём своём усердии к церкви, японские христиане до сих пор не могли и долго ещё не будут в состоянии собственными средствами удовлетворять все здешние церковные и миссийские нужды. Да и может ли быть иначе? И простое дитя, пока находится в младенческом возрасте, как проживет одно, без попечений отца и матери? И если будет брошено ими, какого натерпится горя и каким подвергнется нравственным и физическим уродствам! Но не бросает своё дитя — Японскую церковь — Отец её Небесный, и не оставляет без попечений родная мать её церковь Русская. Здесь пред нами опять светлое утешительное явление — постоянно продолжающегося чуда милосердия Божия, воочию видимого и исповедуемого нами здесь. «Не печытесе душою вашею, что ясте или что пиете... воззрите на птицы небесныя... смотрите крин сельных»... — сказано в Слове Божиим (Мф. 6, 25–28), — вот причина дерзновения Миссии, с которым она не останавливается перед необходимостью заводить церковные школы и умножать число катехизаторов, не имея предварительно ни копейки, определённой на то. «Упование не посрамит», — подтверждено ещё в Писании (Рим. 5, 5), и оно действительно не посрамляет. На вопрос: «кто обеспечивает Миссию со всеми её учреждениями?» не иначе и отвечать можно, как: «Бог, неведомыми ей самой путями!» В самом деле, при речи о благодетелях Миссии, во-первых, большую часть имен их Миссия и назвать не может, они известны одному Богу; во-вторых, каким образом такая, по-видимому, неопределенная помощь, как случайные пожертвования, даёт возможность Миссии точно и определённо вести своё дело с постепенным правильным расширением его, без всяких перерывов и задержек, действительно, необъяснимо. Да будет же благодарение Богу за Его милосердное промышление о Миссии! Да будет благодарность и всем благодетелям Миссии, видимым орудиям благопромыслительной воли Божией! Яркую звездою горит для Миссии внимание к ней Ея Императорского Величества, Государыни Императрицы, а также Ея Императорского Высочества, Великой Княгини Александры Петровны. Надежным якорем спасения служит ей любвеобильная попечительность и благотворительность Православного Миссионерского Общества. Высокие иерархи русской церкви: митрополиты С.-Петербургский, Московский и Киевский удостоили её щедрых благотворений. Многие архиепископы и епископы оказали ей внимание и благодеяния. Епископы Камчатские, в епархиальном заведывании которых состоит Миссия, всегда являли к ней истинно отеческую любовь:

преосвященный Вениамин, ныне епископ Иркутский, в бытность свою Камчатским, в 1872 году, посетив Хакодатэ и благословив начатки Миссии, до сих пор не оставляет её истинно трогательною отеческою заботливостью об удовлетворении её материальных и нематериальных нужд. Да воздаст Господь на небесах, по слову Своему, сторицею покойному преосвященному Камчатскому Павлу за его отеческую любовь к Миссии! Посетив Хакодатэ в 1875 году, чтобы поставить ей первого японского священника, он вместе с тем сделал и немалое пожертвование на нужды Миссии. Да хранит Господь Своею любовью нынешнего епископа Камчатскаго, преосвященного Мартиниана, совершившего немалый труд для Миссии нарочитым прибытием в нынешнее лето во Владивосток для поставления для неё священников! Глубоко признательна Миссия многочисленному сонму служителей Божиих — иереев русской церкви, и за их личные, иногда очень крупные, жертвования, и за собрание пожертвований в их приходах! Помощь их особенно драгоценна тем, что она поддержала Миссию в годину, трудную для неё, когда разгоревшиеся Славянские дела отвлекли благотворительность Русского Православного народа почти исключительно к страждущим братьям по крови, и Миссия думала было, что она совсем забыта и заброшена. Великою благодарностью Миссия обязана графу Евфимию Васильевичу Путятину: он беспрестанно с любовью заботится о ней и оказал ей бесчисленное множество благодеяний как своими собственными жертвованиями, так и разъяснением нужд её и побуждением к жертвованию других; нынешние каменные здания Миссии, основание которым положил своим жертвованием Его Императорское Высочество, Великий Князь Алексей Александрович, в бытность свою в Японии в 1872 году, никогда не были бы окончены, если бы граф Евфимий Васильевич не принял на себя заботливости собрать жертвования для того. Да благословит Господь щедрого благотворителя Миссии, московского купца первой гильдии и почётного гражданина, Онисима Пименовича Тюляева за великую помощь, оказанную ей: всё, что есть напечатанного в Миссии по части вероучения, напечатано, благодаря ему; дара его достало и на много других церковных нужд в то время. Да воздаст Господь и всем многочисленным благотворителям Миссии в Москве, Петербурге и по всему лицу России, от Кутаиса до Архангельска и от Варшавы до Иркутска! Кроме материальной помощи, все эти жертвования сколько нравственной силы придают Миссии! Чрез них именно миссионеры убеждаются, что дело их есть дело, несомненно, желаемое всем православным народом и любезное ему, что они посланцы не нескольких лиц только, а именно всей церкви. Сколько лиц, у которых, по-видимому, помощь миссионерству — благотворение, особенно излюбленное! Открывая лист пожертвований, невольно

ищешь и почти всегда находишь давно знакомые любезные имена: г. Ю. Струйского из Кутаиса, полковника П. А. Вердеревского из Варшавы, неизвестных благотворителей из г. Белева, графини Е. Г. Ламберт, Е. А. Свербеевой и много, много других. Да ущедрит Господь Своею любовью этих особенно дорогих Миссии незнаемых знакомцев и друзей её! Немалою благодарностью Миссия обязана и здесь вблизи всем бывшим и настоящим членам Русского Посольства и Консульств, а также всем бывающим в здешних водах русским морякам и случайным путешественникам; все они, видя на месте состояние и нужды Миссии, оказывают ей любовь и всевозможные пособия. Особенно благодарна Миссия нынешнему начальнику эскадры Тихого Океана, контр-адмиралу барону О. Р. Штакельбергу, за любезную помощь, оказанную Миссии в нынешнее лето по поводу путешествия иеромонаха Анатолия с пятью ставленниками во Владивосток: доставлением их на одном из судов эскадры обратно из Владивостока в Хакодатэ он избавил Миссию от значительных расходов на переезды их чрез торговые суда и от большой потери времени священниками, так как без этого участливого содействия они должны бы были сначала отправиться в Нагасаки и оттуда уже в Хакодатэ; кроме этой важной помощи, адмирал и офицеры эскадры сделали Миссии и непосредственно денежное значительное пособие.

Из учреждений, оказавших помощь Миссии, особенную благодарность её заслуживает Обитель св. Великомученика Пантелеимона на Афоне. Сколько раз и какую обильную помощь присылала она Миссии и деньгами, и иконами, и крестиками, и свящ. изображениями, и книгами, и даже лекарствами, приготовляемыми в обители св. Целителя! Да осеняет вечный покров Божий св. обитель во славу Пресвятой Богородицы и св. Великомученика Пантелеимона Целителя, и на благо православным Миссиям!

Из России также немало пожертвований делается иконами, крестиками, книгами и другими вещами, полезными церкви или Миссии: все они здесь своевременно получают, и за всё Миссия чувствует глубокую признательность благотворителям.

Особенную же и вечную благодарностью Миссия обязана её добрым сотрудникам: в Петербурге — священнику Благовещенской, на Васильевском острове, церкви о. Иоанну Демкину и священнику Михайловского инженерного замка о. Феодору Быстрову; в Москве — священнику Вознесенской, на Большой Никитской, церкви о. Гавриилу Сретенскому. При самом основании Миссии, взяв на себя труд заботиться о её нуждах в России, они до сих пор так усердно и с такою любовью исполняли это, что Миссия не находит слов выразить им свою признательность! Они составляют истинно живую связь Миссии с русской церковью, жизненную артерию, чрез которую

люются в Миссию и материальная помощь, и поощрения, и ободрения; их драгоценное участие в цели Миссии так важно и благотворно, что без них, мне кажется, Миссия не могла бы и существовать, или, по крайней мере, никак не была бы тем, что она есть в настоящее время. Да воздаст им Бог за их труды и любовь!

* * *

При начертанном состоянии здешней Миссии и церкви, принимая во внимание, что Миссия учреждена Святейшим Синодом не ранее 1870 года, и что только в 1871 году прибыл на место первый миссионер, что, следовательно, не протекло и полных восьми лет действительного существования её, что во всё это время Миссия, состоящая из четырёх членов, почти никогда не имела полного состава их налицо, что она к тому же, кроме жалования миссионеров, не имела никаких определённых средств обеспечения, нельзя не видеть в успехах Миссии Десницу Божию, явно хранящую её и чудесно помогающую ей. Да будет же благодарение Богу за прошедшее! Обращая взор на будущее, при твердой вере, что Бог и впредь не отнимет Свою помощь у Миссии, можно предрекать ей успехи и в будущем, соразмерные с прошедшими, но только под тем неперменным условием, чтобы Миссия сама не задерживала этих успехов своею неприготовленностью к ним и неспособностью иметь их. Миссии, очевидно, пришло время вступить в новую фазу существования: во главе её необходим епископ, нужно увеличение числа миссионеров, потребно правильное обеспечение её учреждений. Мною послано в Святейший Синод прошение об удовлетворении этих неотложных нужд Миссии; причём, в приложенном к прошению рапорте, выражено по этому поводу следующее.

Епископ здесь необходим, во-первых, для того, чтобы прежде всего поверить, правильно ли Миссия до сих пор учила и учит, утвердить своим авторитетом всё, что правильно, исправить, пока не поздно, если в чём погрешила, и затем стать навсегда верным хранителем и щедрым раздателем и источником истинного христианского вероучения. Да будет принято во внимание, что миссионеры, на многие годы оторванные от православного мира и стоящие одиноко среди язычества и инославия, бессознательно для самих себя могут впасть в погрешности даже и в учении, и для них самих нужна поддерживающая и направляющая их сила в авторитетном слове епископа. В этом смысле да будет обращено самое серьёзное внимание на то, что для поставления в епископа никак не должно иметь в виду кого-либо из самих миссионеров; епископ непременно должен быть прислан непосредственно из среды православного мира.

Во-вторых, епископ необходим для того, чтобы вместе с водворением его открылся здесь на месте источник священнодействующей благодати. Такие неудобства, как только что испытанное Миссией, именно, что для поставления избранных во священники, она, и без того нищая, должна была напрягать все усилия, чтобы необычайно расходовать на переезды ставленников в Россию и обратно, и без того бедная рабочими силами, должна была лишаться миссионера и лучших своих людей на целые месяцы их отлучек с предварительными выжиданиями судов, такие неудобства, пока не водворится здесь епископ, будут бедствием, непрерывно угнетающим Миссию, так как и в будущем году нужно будет поставлять священников, в следующем затем опять, и т. д.

В-третьих, епископ необходим для того, чтобы водворить здесь порядок истинного церковного управления. В детском возрасте образуются черты будущего характера человека, и если детские годы пренебрежены, и человек не приучен к законности, несчастен будет он сам и много несчастий рассеет вокруг себя. Так же, конечно, и с церковью: нужно пользоваться годами наибольшей впечатлительности христиан, когда они по юности в церковной жизни готовы слушаться всего (равно как наоборот, быстры и к уклонению от всего); нужно в это время ясно начертать пред ними путь истинной церковной законности, умело направить на него и твёрдою рукою повести по нем; с этого времени начинаются в церкви предания, навыки, примеры; пусть потом являются учителя беспорядка и уклонений, истинные овцы никогда не пойдут за ними, — будут говорить: «не так было прежде, не тому учит пример отцов» и проч. В этом отношении также чрезвычайно важно то, чтобы в Японию епископ был прислан непосредственно из России. Здешние христиане привыкли слушаться своих отцов — учителей, но, вместе с тем, они и слишком привыкли к отцам, так что и не послушаться, — когда чувствуют искушение к тому, в силу ещё остающихся в душе следов язычества, — не считают особенно важным; словом, послушание у них совершенно детское, безотчетное и необеспеченное на следующую же минуту. Совершенно иное будет, когда их теперешние учителя веры станут учить их на собственном примере послушанию епископской и всякой другой, законно поставленной, власти в церкви. Теперь даже нельзя сказать здесь ясно и отдельно: «слушайся», потому что вслед за тем нужно прибавлять: «меня», — что только может порождать подозрение во властолюбии; и вперёд всегда будет совершенно то же, если некому и не на кого будет указать перстом и прибавить твердо: «слушайся его, потому что голос его — голос церкви, воля Бога», — и вслед за тем самому на себе показать пример послушания, до того беспрекословного и быстрого, чтобы буква *о* бросалась наполовину недописанною при зове и приказании епископа.

Считаю излишним говорить, что выбор епископа должен быть сделан весьма тщательно, так как от него, после Бога, будет исключительно зависеть, быть здесь церкви цветущей или плохой, даже совсем — быть церкви, потому что без епископа собственно ещё и нет её, — или не быть, и всем трудам, расходам и всему доселешнему обратиться в призрак и рассеяться дымом.

* * *

Из миссионеров один должен быть посвящен исключительно переводу священных, богослужбных, религиозно-научных, учебно-научных и нравственно-назидательных книг. Книги Священного Писания здесь употребляются: китайских переводов: старого — английских миссионеров, нового — американских, и перевода Русской Пекинской миссии, — последнего в очень ограниченном числе экземпляров; японских — Нового Завета, насколько он переведён (переводов Ветхого ещё нет), — четырёх разных родов: хираганой, — тоже в исправленном виде, катаканой с китайскими знаками, и — китайскими знаками с подставными значками чтение по-японски. Во всех этих переводах почти все христианские термины и слова, даже слово Бог (дзэтэй, ками, тэнсю), читаются различно; о собственных именах и говорить нечего; словом, христиане, пользующиеся разными переводами, не в состоянии понять друг друга во взаимном разговоре об одном и том же предмете. В этом отношении Японская церковь — именно едва начинающее лепетать дитя. Но лепет дитяти продолжается не долго; возрастая, оно получает готовый язык от своих родителей или воспитателей. Непростительный грех будет нам, если и мы не поспешим дать христианам определённый и вразумительный священный язык. Но по Священному Писанию хоть что-либо для пользования есть; по части же Богослужения почти ровно ничего нет; переведено только самое необходимое для отправления всенощной, литургии и совершения таинств; и это переведённое остается в сыром материале по неустановленности терминов, так что даже при совершении литургии многое один священник говорит так, другой иначе, третий ещё иначе. Оставаться долее при этом нет никакой возможности, иначе в церкви явится протестантский произвол и безурядица. Словом, перевод Богослужения — дело существеннейшей, не терпящей ни малейшего отлагательства необходимости. Для перевода, как Священного Писания, так и Богослужения, на переводчиков из Японцев рассчитывать нельзя, тем более, что последнее всё — на славянском языке, которого они не изучали и не понимают; оба эти перевода должны быть делом самой Миссии; из Японцев при этом могут быть полезны только хорошие знатоки китайско-японского языка. Для катехизаторской школы нуж-

ны дальнейшие учебники; для священников и катехизаторов — преимущественно религиозно-научные книги, для всех вообще христиан — книги религиозного содержания для чтения, для семинарии — научные учебники, с переводом полного круга которых может быть устранено преподавание на русском языке, что ныне обуславливает для учеников убийственно великую потерю времени и сил, которые могли бы быть употреблены гораздо с большею пользою при преподавании и учении уроков на их родном языке, с оставлением изучения русского языка только для чтения книг. Для всей этой серии тоже неотложно-необходимых переводов японские переводчики могут служить, для того они и воспитывались, но под условием тщательного пересмотра и выправки их переводов миссионером, по крайней мере, в течение ещё многих лет вперёд. Чтобы успешно заниматься переводами, особенно такой великой важности, как перевод Священного Писания и Богослужбных книг, миссионер, назначенный для того, должен быть решительно устранен от всяких других обязанностей и занятий по Миссии. Служение это, за неимением пока лучше знающего японский язык, может и должно быть возложено на нынешнего начальника Миссии, который и потщится, насколько Бог поможет ему, исполнить оное добросовестно.

Другой миссионер должен быть поставлен благочинным японских церквей. Наши японские священники, бесспорно, прекрасные люди и достойные пастыри; но они сами ещё такие недавние христиане и, как священники, так мало знают многообразные церковные правила и христианские обычаи, словом, так юны в церковной жизни, что им положительно необходим постоянный руководитель и живой образец пред глазами, — тогда только можно надеяться, что они и сами постепенно и безостановочно будут возрастать в более и более глубоких и всесторонних христиан, и пасти, и воспитывать стадо Христово достойно своего звания. Иначе, разбросанные и потерянные среди едва заметных островков на необъятном море язычества, с неведением и неопытностью за плечами, они могут наделать много несообразных вещей, в конце концов, потерять духовную бодрость и сделаться бездушными исполнителями нескольких известных им священных треб и отправлений, что тотчас же отзовется мертвящим влиянием на их юные паствы и преградит расширение церкви. Поэтому-то один миссионер, и притом миссионер опытный и достойный, непременно должен быть назначен исключительно на непрерывные разъезды по церквям, для посещения священников, наблюдения, как они исполняют свою службу, дальнейшего руководства в том, чего они по новости ещё не знают, показания им на деле, как исполнять то или другое, ободрения и одушевления их. Этому миссионеру прилично быть вместе и духовником священников. Посещать священников

он должен не мимолетно, а останавливаться с ними на некоторое время, если нужно, на несколько недель; состояние приходов, отношения христиан к священникам, деятельность катехизаторов, служащих под рукою последних, — всё должно подлежать тщательному наблюдению и проверке благочинного, для того, чтобы везде, в чём нужно, поруководить и направить. Словом, уже и в настоящее время единственно для этого только дела, с освобождением от всяких других занятий, требуется один миссионер; в непродолжительном же времени, вероятно, одного сделается недостаточным. Обязанность благочинного японских церквей может быть возложена на члена Миссии, иеромонаха Анатолия, с уверенностью, что этот прекрасный миссионер, и без того ныне исполняющий оную, с тем большим усердием и пользою для церкви будет исполнять тогда, когда ему предоставлена будет возможность посвящать себя исключительно одному этому делу.

Третий и четвёртый миссионеры — для ведения катехизаторских училищ в Токио и Осака. Касательно Осака, к тому, что выше сказано, необходимо присовокупить следующее. Этот город, вместе со смежным Сэйкё (Мияко, бывшая столица Микадо с древнейших времен до последнего десятилетия), центр и сердце Японии, совершенно то же, что в России Москва. Христианство не будет прочно водворено в Японии, пока оно не водворится там. Поэтому-то инославные миссионеры так напрягают усилия утвердить свои знамена там, не жалеют ни количества рабочих сил, ни капиталов на великолепные храмы и школы. Впрочем, мы не опоздали, равно как не имеем ни нужды, ни намерения отбивать у них поле действий. Но будет непростибельным грехом и непоправимою ошибкою, если мы долее будем медлить завести там катехизаторское училище и водворить миссионера. Миссионеры, занятые катехизаторскими школами в Токио и Осака, не будут иметь ни времени, ни сил заниматься чем-нибудь другим; во-первых, потому, что они должны будут ежедневно сами готовиться к классам, в остальное же время перечитывать и выправлять ученические сочинения; во-вторых, потому, что, кроме теоретического преподавания в школе, миссионеры будут обязаны давать практические уроки катехизаторства будущим проповедникам, т. е. каждый вечер выходить в город, в тот или другой приход, по предварительному соглашению, на проповедь, причём их должны сопровождать ученики катехизаторской школы, в количестве и очереди также заранее определённых. Всё это уже так заведено и так исполняется, хотя весьма плохо, по недостаточности здесь рабочих сил; с учреждениями же епископства должно придти в строгий и точный чин и безукоризненно держаться в оном. О важности катехизаторских школ не считаю нужным распространяться; это орган для передачи христианства миллионам, это же родник для неоскудеваемого и,

если иметь должную заботу о нём, обильного и славного священства в стране. На катехизаторскую школу здесь не должно смотреть как на временное и требуемое только настоящими обстоятельствами учреждение; она не имеет кончиться; только преобразится мало-помалу в специальное богословское высшее училище или в Духовную Академию. По всей вероятности, чрез выпуск или два откроется возможность держать учеников в катехизаторской школе два года, причём увеличится количество преподаваемых наук и умножатся классы, тогда и специально назначенного для школы одного миссионера не достанет, потребуются помощники из самих катехизаторов. С течением времени станут поступать в катехизаторскую школу окончившие курс семинаристы для специального приготовления к катехизаторству и дальнейшему служению, и так далее; последующее легко начертать, оно ясно пред глазами, и Бог поможет его осуществлению, как помог положить начало; но для того нужно, чтобы начало было продолжено, для сего же два миссионера потребны исключительно для катехизаторских школ.

Пятый миссионер — для ведения семинарии. И доселе уже один из миссионеров постоянно употребляем был на это; и притом его никогда не доставало, так что начальник Миссии всегда должен был помогать ему. Ныне для преподавания младшим воспитанникам могут служить помощниками старшие; но старшим и средним должен преподавать миссионер, так как изучаемые ими науки преподаются в первый раз, изучение же иных ещё даже не начато. Как можно судить по программе, для семинарии одного миссионера, собственно, далеко недостаточно, чтобы преподавание было поставлено как должно; для двоих, даже для троих, было бы довольно работы, так как по всем классам преподавателю самому нужно глубоко готовиться. Но боясь просить о трудно осуществимом, т. е. о двух или трёх миссионерах для семинарии, я тем более надеюсь, что необходимость одного будет признана несомненною, и он будет дан с исключительным назначением его для семинарии и с устранением от всяких других занятий по Миссии.

Шестой и седьмой миссионеры — для Хакодате и Нагасаки, севера и юга Японии. Оставить тот и другой пункт без миссионеров было бы то же, что в организме допустить болезненное охлаждение конечностей; причём, хотя бы сердце и голова были в нормальном состоянии, очевидно, калечества избежать нельзя. Довольствоваться же помещением в этих пунктах одних японских священников невозможно, во-первых, по удалению этих мест от центра Миссии и, следовательно, по трудности наблюдать за священниками и руководить ими; во-вторых, потому, что в открытых портах, где много иностранных миссионеров, японский священник решительно не будет иметь никакого значения для распространения церкви; он так вечно с теми хри-

стианами и останется, которых примет; из новых же людей, имея пред глазами на выбор целую толпу заграничных кёси (учителей), кто захочет идти учиться у японца? Православие только тогда берёт перевес пред католичеством и протестантством, когда сопоставлено с ними, а здесь никто и сопоставлять не позаботится, потому что никто не спросит о православии. Поэтому-то иеромонах Анатолий до сих пор никак не может оставить Хакодатэ, хотя ему давно уже следовало бы быть или в Осака, или, по крайней мере, в Нагасаки, где место несравненно важнее, чем Хакодатэ. Протестантских миссионеров в последнее время в Хакодатэ поселяется всё более и более; католическая Миссия также постепенно усиливается, построила огромный храм, купила лучшее в городе место с иностранными зданиями для женской школы и поселила сестер милосердия для ведения оной, и прочее. При таких обстоятельствах оставить Хакодатэ значило бы то же, что заведомо отдать всю проповедь на Эдзо и северной оконечности Ниппона на руки инославные. С приездом четвёртого миссионера, иеромонаха Владимира, священник Чаев, уже познакомившийся с японским языком, сдав ему занятия по семинарии, уедет в Хакодатэ, и тогда только иеромонах Анатолий будет иметь возможность отправиться для посещения церквей и учреждения стана затем в Осака. В Нагасаки также возможно скоро нужно поселить миссионера, иначе весь юг Японии безвозвратно будет в руках инославия.

Итак, потребно семь миссионеров. Ныне состоят налицо четыре, считая в том числе ещё неприбывшего иеромонаха Владимира. Да даст Господь для блага своей Церкви здесь, чтобы остальные трое были назначены и присланы в возможно скором времени!

Что касается до выбора и назначения миссионеров, то, конечно, их нужно выбирать из окончивших курс в Академии, кто сам пожелает того, — людей со свежими силами, с только что возгоревшимися всеми лучшими душевными стремлениями и с живою жаждою деятельности. На случай же, если бы крайность заставила делать выбор в монастырях или из вдовых священников, усерднейше прошу назначать не иначе, как за твёрдым личным ручательством соответствующих начальств, а не по одному формально-поверхностному отзыву. Иначе может случиться то же, что здесь уже было: приедут люди, не имеющие ни малейшего миссионерского призвания и неспособные войти душою в нужды и потребности Миссии, а потому только вносящие в Миссию разлад и нестроение, и похищающие у неё то драгоценное благословение, которое Спаситель даровал словами: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Иоанн 14, 27); само собою разумеется, что такие люди не столько помогают здесь, сколько мешают, и что гораздо лучше никого, чем их.

* * *

О содержании епископа, не имея компетентности судить, замечу только, что, хотя епископу долго ещё не придется здесь иметь ни многих комнат для помещения, ни кареты для разездов и тому подобного; что всё прилично в церкви благоденствующей, какова Русская, но было бы неприлично и даже соблазнительно в церкви, едва зарождающейся, где христиане для образца себе жаждут видеть в епископе возможно близкое подражание Тому, Кто не имел «где главы подклонити» (Мф. 8, 20), и тем, кто писал о себе и других, что они были «во алчбе и жажде... в зиме и нагоде» (2 Кор. 11, 27), тем не менее, нужно иметь в виду, что епископу придётся много благотворить, также для образца христианам, на что тоже нужно иметь средства^{*)}.

Относительно содержания миссионеров, считаю долгом сказать, что, хотя из 2000 рублей жалованья, получаемого нынешними миссионерами, они имели возможность до сих пор жертвовать половину на нужды Миссии (с чем и ехали сюда, и о чём пред отправлением им обстоятельно было объясняемо сотрудниками Миссии), и, следовательно, с назначением определённой суммы на нужды Миссии, жалованья в таком размере, по-видимому, будет много, но нужно иметь в виду, что и вперёд также миссионеры вместе с епископом должны будут служить для христиан образцами благотворительности; для чего в собственном имуществе необходимо иметь некоторый избыток сверх того, чем питаться и во что одеться. Кроме того, каждый миссионер, приставленный к одному определённом делу, будет иметь свой круг нужд, совершенно частный относительно Миссии, и о котором, следовательно, Миссия не будет обязана заботиться, но без заботы о котором миссионер не будет иметь возможности исполнить свою обязанность как должно: миссионер-переводчик должен будет нанимать японских учёных, корректоров, переписчиков; благочинному при разъездах, вероятно, мало будет и 2000

---

*) У меня предносится пред глазами образ покойного преосвященного Павла Камчатского; приехал он в Хакодате в старой рясе и очень старой шляпе; скромно пришёл в Миссию; но, преподав благословение христианам и вошедши в приготовленную для него комнату, тотчас же отозвал в сторону иеромонаха Анатолия и, передавая ему тысячу рублей, промолвил: «Примите на Миссию от неизвестного»,— т. е. без сомнения, из собственного жалованья его преосвященства. И относительно этой черты, и относительно всех других качеств, как желалось бы, чтобы именно такого преосвященного дал Бог Миссии! Простой, смиренный, всем доступный, всякого готовый принять, все выслушать; но при этом точный, исполнительный сам и до педантизма требующий исполнения всего законного от других, следовательно, порядок умеющий держать строго; наконец, благочестивый, молитвенный и вполне самоотверженный, т. е. совершенно забывающий о себе и живущий только для других,— такой епископ был бы истинным даром Божиим Японии! Пожилые лета и сопряженная с ними трудность изучения языка при этом не могут служить препятствием; к услугам епископа здесь найдутся переводчики.

рублей жалованья, и епископу придётся восполнять недостаток его из других источников; преподаватели должны будут выписывать себе книги для пособия при преподавании; в Хакодате и Нагасаки найдутся свои экстренные нужды.

Кроме миссионеров, в Токио при Миссии должен состоять регент хора. Ему следует определить жалованья не менее 1 500 рублей в год. Нынешний регент, состоя вместе и псаломщиком Посольской церкви, получает от Посольства в год 1 200 рублей; от Миссии же пользуется квартирой и столом; но он человек семейный, ему неудобно жить в Миссии; отдельной же квартиры и стола Миссия при нынешнем положении доставить ему не может; во всяком случае, ему расходов гораздо больше, чем одинокому миссионеру. Если же, со временем, нынешний регент возвратится в Россию, то на 1 500 рублей жалованья в год можно найти другого, безотносительно к псаломщицкой должности при Посольстве, на сочетание которой с регентством при Миссии не всегда можно рассчитывать.

Что касается до содержания японских священников, катехизаторов, училищ и других учреждений Миссии, то, если взять только тот момент, на котором учреждение епископской кафедры застанет Миссию, т. е., вероятно, не ранее 1 сентября 1879 года, потребно, как выше показано:

	Йен — 1	Сэн — $\frac{1}{100}$	Руб.	Коп.
на ежемесячные расходы	22066	32	29421	76
на ежегодный расход	2850	$34\frac{1}{2}$	3800	46
Итого в год	24916	$66\frac{1}{2}$	33222	22

Но к этому необходимо присоединить, по крайней мере, содержание на катехизаторстве тех шестидесяти учеников катехизаторской школы, которых епископ застанет ещё в школе, но которые не замедлят выйти в катехизаторы, именно: тридцать человек к Пасхе 1880 года, тридцать — к 1 июля того же года, потому что японская церковь к тому времени, конечно, ещё не соберётся с силами принять их на своё содержание.

Итак, на шестьдесят катехизаторов:

	Йен	Сэн	Руб.	Коп.
ежемесячный расход	6216	—	8288	—
ежегодный расход	1045	20	1393	60
Итого в год	7261	20	9681	60

Наконец, на экстренные расходы, как-то: на разъезды благочинного и поездки по епархии самого епископа, насколько им будет недоставать для того их собственного жалования, на пособия церквям, например, при устройстве храмов, — училищам, при недостатке штатного положения, — катехизаторам, например, при продолжительных болезнях или при женитьбе их, при смерти их родителей, и т. п., по меньшей мере 2,322 йен 131½ сэн, что составляет 3096 руб. 18 коп.

Всего на нужды Миссии и церкви в год потребно 34 500 йен, или мексиканских долларов, что равно — 46 000 руб. Эта сумма может быть принята, как окончательно и навсегда, пока потребуется помощь, ограничивающая регулярный расход Русской Церкви на Японскую. Всё, что сверх сего, о том пусть последняя промышляет сама. И ей, конечно, не придется быть ленивой и тунеядной. Постепенное и безостановочное возрастание числа священнослужителей, а также катехизаторов и учеников семинарии, в которых, очевидно, зародыш православного духовенства в Японии, необходимость заводить духовные училища, строить храмы, благотворительные заведения, наконец, посылать и от себя миссионеров, например, в Корею, — на всё это потребуется постепенно возрастающие великие расходы, которые понесёт сама Японская церковь.

С ассигнованием вышеупомянутой регулярной суммы на Миссию для частных благотворений из России здесь не закроется кружка, и преосвященный не задремлет, прося пожертвований.

Во-первых, здесь, в Токио, нужен храм. Правда, японские христиане не замедлят по своим приходам построить церкви и в этом не попросят посторонней помощи; но я говорю о храме для самой Миссии и вместе кафедральном соборе для всей Японской церкви. Храм нужен с поместительностью тысячи на две человек, возможно простой, но в то же время правильной храмовой архитектуры для образца и подражания всей церкви. Этот храм единственный, который попросит Японская церковь у Русской; но он должен быть дан, как дар от матери своей дочери, без которого другие дары не были бы полны. Храм этот должен быть прочный, каменный, чтобы не сгорел от первого соседнего пожара и долго сохранялся, пока не повторится в подражаниях во многих местах по лицу Японии. На него по смете требуется всего, и со внутренним устройством, не более 60 тысяч рублей.

Во-вторых, нужно здание для женского училища в Токио; но при этом нужны ещё из России, по крайней мере, две диакониссы для ведения училища. На здание потребуется единовременный расход, на содержание же диаконисс, в продолжение их службы здесь, правильный ежегодный.

В-третьих, нужны миссийские здания в Хакодате, Осака и Нагасаки. На эти здания ещё хранятся в С.-Петербурге 5000 рублей из ассигнованных в 1870 году десяти тысяч; но этой суммы, очевидно, недостаточно для всех трёх мест.

В-четвёртых, требуется много иконостасных икон, а также священной утвари и облачений для японских церквей, — что всё нужно выписывать из России, и в чём, по крайней мере, на первые годы, японцы не в состоянии удовлетворить себя собственными средствами.

В-пятых, нужно печатать религиозные книги, расход на что не окупается продажей, так как имеется в виду не денежная прибыль, а возможно широкое распространение книг и с ними религиозных знаний.

О всех этих нуждах я не осмеливаюсь утруждать просьбою Святейший Синод. Они предоставляются будущей заботливости здешнего архипастыря и частной благотворительности благочестивых русских христиан.

Но, возвращаясь ещё раз к существенному и неотложному, я повторяю, что здесь необходимы: епископ, семь миссионеров и регент с содержанием их, и вышеозначенная сумма 46 тысяч рублей в год на нужды Миссии и церкви, что не проект с мечтательными выкладками, а живое дело с его кричащей нуждой.

*Начальник Российской Духовной Миссии в Японии,
архимандрит Николай*

«Миссионер». 1879. № № 28–29. С. 1–24.

РЕЧЬ

СВЯТЕЙШЕМУ СИНОДУ, СКАЗАННАЯ НАЧАЛЬНИКОМ ДУХОВНОЙ МИССИИ
В ЯПОНИИ, АРХИМАНДРИТОМ НИКОЛАЕМ, ПРИ НАРЕЧЕНИИ ЕГО
В ЕПИСКОПА РЕВЕЛЬСКОГО, ВИКАРИЯ РИЖСКОЙ ЕПАРХИИ,
27 МАРТА 1880 ГОДА

Ваше Святейшество,

Богомудрые архипастыри и отцы!

Если бы настоящее собрание не касалось лично меня, я сказал бы, что очень радуюсь наречению епископа для заграничной миссии. Но я слишком хорошо знаю предстоящие мне трудности, чтобы чувство страха и печали не

смушало меня. Вашему Святейшеству не благоугодно было принять мои представления, чтобы для руководства Японской миссии и церкви дан был готовый или поставлен вновь действительно достойный епископ. Обет монашества заставляет меня подчиниться вашей воле. Дай Господи, чтобы она совпала с волей Божиею! Буду утешать себя крепкою надеждой, что Господь, по молитвам вашим, не отнимет из-за моего убожества Свою помогающую руку от миссии и вперёд, как Он не отнимал доселе. Такую надежду внушает мне и само положение православной миссии среди миссий инославных относительно язычников. Тем язычникам, которых Господь уже приготовил к принятию христианства, как представляются многочисленные и разнообразные христианские миссии? Употреблю общеизвестное сравнение. Вот корабль, самим Богом построенный и невидимо управляемый; для Богом данного человеку разума всё на этом корабле чинно и глубоко разумно, для сердца всё безукоризненно, стройно и привлекательно, для воли всё прочно и успокоительно. Вот и подражание этому кораблю: посудина с виду большая, но расшатанная и с пробоинами, которые стараются замаскировать; виднеющееся у руля подобие Небесного Кормчего само по временам кричит, что корабль его близок к потоплению. Вот и множество других самодельных и ещё менее надёжных посудин, устроенных людьми, заметившими опасность плаванья на той большой посудине и поспешившими усадиться с неё. Для людей, гибнущих на море житейском, каковы язычники, если только они пришли к сознанию, что гибнут, и пожелали спасения, и если они имеют пред глазами и тот корабль, и подражания ему, не труден выбор; не нужно с корабля никаких искусственных приемов, к каким не церемонятся прибегать пловцы посудин, ни самовосхвалений и клевет на других, ни закупаний и задобриваний; Небесным Кормчим и не дозволены все подобные меры: Он велел только звать, — и больше простого зова и готовности принимать на корабль ничего не нужно: все, кого невидимо коснулась призывающая ко спасению благодать Божия, сами изберут корабль; другие же, по неосмотрительности раньше взошедшие на ненадёжные посудины, поспешат сойти с них и взойти на корабль. Вот простое объяснение успехов православной миссии в Японии, далеко превосходящих успехи миссий инославных, несмотря на то, что у последних и средств, и миссионеров множество, и очарование европейской цивилизации за ними, и современная пресса страны под их влиянием; вот объяснение и того, почему там сделавшиеся протестантами раньше, чем православная миссия открыта была в последнее время, всё чаще и чаще начинают переходить в православие. Православной миссии нужно только быть поставленной там, где есть католическая и протестантская — и она, несомненно, будет иметь преимущественный успех, если только народ готов

к принятию христианства. Одному Богу известно, действительно ли для Японии наступило время сделаться христианскою; мы, несомненно, знаем, что «Евангелию», конечно, истинному, «подобает быть проповедану во всём мире»; но когда какой стране нужно озариться светом его, такие большие дела Господь держит в Своей деснице и не позволяет никому ведать их: «не ваше есть разумети времена и лета». Мы можем сказать только, что если Японский народ пред судом Божиим достаточно созрел для восприятия спасающей благодати, то время признания его не укусит: Русская церковь заботится дать ему возможность быть призванным. Слава и благодарение Богу!

Но в качестве заграничного миссионера, я не могу не выразить желания, чтобы то, что Русская церковь делает для Японии, она начала делать и для других языческих стран. Ей по преимуществу вверены глаголы жизни вечной. Что же она так долго оставляет народы, сидящие во тьме и сени смертной без слуха и ведения о них? Что вынуждает её к тому? Недостаток ли средств? Действительно, всего чаще приходится слышать это возражение: «Нам ли жертвовать за границу, когда у нас бездна своих собственных нужд!» Но судящие так, если они хотят ревновать о пользах России, сделали бы гораздо лучше, если бы громче и сильнее вопияли против непроизводительного ухода за границу миллионов русских денег на предметы роскоши, например, вместо того, чтобы жалеть малых расходов на содержание заграничных миссий, полезных всегда и в политическом отношении, так как ими завязываются духовные связи с народами, прочнейшие всяких дипломатических и торговых сношений. Впрочем, судящие так едва ли и могут ревновать о каких-либо пользах России: кто не чувствует живой потребности поделиться с другим, хотя бы при некотором пожертвовании для себя, духовными благами, которыми обладает, кто равнодушен к вечной гибели миллионов человеческих душ, тот обнаруживает чёрствость сердца безотрадную. Подобный-то эгоизм, напротив, и виной тому, что в России мало средств на добрые дела: он стесняет её и мешает дальнейшему развитию в ней духа христианской любви и благотворительности. Некоторый расход на содержание заграничных миссий не только не убавит средств на удовлетворение внутренних нужд, напротив, возвысит эти средства: если мы станем благотворить дальним, тем более возгорится у нас желание и ревность благотворить присным. Пожертвование, куда бы то ни было, сделанное с доброю целью, похоже на благовонное миро, чудно зародившееся в сосуде, которое, и по излиянии, продолжает благоухать в сосуде. Делают и такое возражение, что у нас ещё много язычников внутри Империи и что о внешних нам рано заботиться, а нужно сначала обратить своих. Но если бы так рассуждали св. апостолы, то христианства до сих пор нигде бы не было, кроме разве

Иудеи, потому что апостолы и их преемники никуда не должны были выходить на проповедь, не обратив прежде Иудеев, а последние и до сих пор не принимают Мессии. «Сия подобает делати и оных не оставляти». Все люди — чада Божии и все одинаково нуждаются в руководстве Божиим ко спасению. И если нам вверено Слово Божие к людям, то в высшей степени грешно и недобросовестно намеренно воздерживаться от возвещения его одним, пока услышат другие. Пусть всякий, желающий посвятить себя на проповедь — внутри или вне Империи — напутствуется с такою же любовью от Церкви во всех её членах, с какою напутствуете вы, ваше Святейшество! Кто болит о заблуждениях внутренних язычников, пусть проповедует им; кто желает проповедывать внешним, пусть к ним несёт слово благовестия. Мне, как одному из внешних миссионеров, да позволено будет желать и молить Бога, чтобы поскорее и побольше явилось собратий и соратников на внешнем поле. А какое оно обширное, неоглядное! Тут же около России Китай — четырёхсотмиллионная империя. Сотни других миссионеров работают там сотни лет. Мы-то что же? Малочисленная, едва заметная миссия, что может сделать для такого народа? Следует немедленно усилить её и дать ей возможность шире раскинуть сеть евангельской проповеди. Пора послать проповедников и к народам Индийского полуострова. Во времена апостолов — не по благодати, а по численности — было несравненно меньше проповеднических средств, чем теперь в России, и однако же двенадцать апостолов нашли возможным отделить одного из своего лика для посещения Индии, и св. апостол Фома не только проповедывал Индийцам, но и жизнь свою положил за спасение их. Память вселенского проповедника укоряет нас за медленность и зовёт возобновить и продолжить его дело.

Но, говоря о язычниках, как мы можем забыть ещё более близких нам, чем они, заблуждающихся наших собратий — католиков и протестантов? Проведши двадцать лет за границей, я видел немало весьма благочестивых католиков и протестантов: но между этими благочестивыми людьми, иногда высокообразованными, не встретил ни одного, рассуждающего в религиозных вопросах последовательно: это потому, конечно, что и невозможно быть последовательным католиком или протестантом, что католицизм и протестантство по природе своей, как смесь богооткровенных истин и человеческих измышлений, тех и других, точно глина и железо, не имеющих никогда слиться в одно целое, находятся в непримиримой вражде с самыми элементарными приёмами логики и, при последовательном рассуждении, непременно приводят или к православию для тех счастливых, которые имеют внутреннюю и внешнюю возможность узнать его, или к измышлению какого-либо нового толка, или же, при недостатке терпения, к отвержению всего разом

и атеизму. Благочестивые католики и протестанты обыкновенно с усердием исполняют то, что их религия даёт им чисто божественного, о человеческих же измышлениях, включенных в число догматов, избегают и говорить, по инстинктивной склонности к охранению своих верований. Господь да спасёт их! Своё доброе чувство к ним я доказал на деле тем, что в продолжение восьми лет, живя в городе, где были католики и протестанты и ни одного патера и пастора, с любовью исполнял по их просьбам все требы, какие мог, без нарушения наших церковных правил. Не об обращении таких я говорю, — они и теперь бессознательно православные; я говорю о тех началах в католичестве и протестантстве, которые делают католичество и протестантство неправославию. «Горе миру от соблазнов, но и соблазнам подобает прийти», — предрёк Спаситель. И вот эти соблазны непрерывною цепью тянутся со времён апостолов: к гностикам примыкает арианство, к нему едва заметным звеном — латинство, от него протестантство; цепь эта, к несчастью, продолжится до конца мира; явятся ещё новые, нам теперь неведомые соблазны. Но с давно явившимися и ныне продолжающимися существовать соблазнами наш долг бороться, а не оставлять их почти безо всякого внимания. Тени великих святых борцов с древними ересями укоризненно смотрят на нас из глубины истории. Не так равнодушны были Иринеи, Афанасии, Григории Дамаскины к современным им извращениям христианства! Притом же, если мы будем оставаться равнодушными, то зараза, возникающая из того, что есть гнилостного в католичестве и протестантстве, будет расслаблять и нас самих. Нынешнее безверие, на которое так много жалуются, разве не есть последовательный продукт нездоровых испарений от язв на огромном теле католичества и разметанных, еле живых, телах протестантства? К чему прицепится и что найдет неразумного или фальшивого философский анализирующий ум в православии, когда в нём всё неподражаемо — разумно и свято, когда оно, точно блистающий шар, идеально-правильный, вполне законченный и неуязвимо-крепкий? А между тем, ныне провозглашают на Западе конец христианству: «оно отжило свой век!» Что там под именем христианства разумеют католичество и протестантство и что, прицепившись к тому, что в них неразумного и фальшивого, разбивают их и поют им вечную память, нужно ли удивляться? Невзгоды католичества и протестантства, законно постигающие их, в сущности, истинного христианства вовсе не касаются. Разве западная философия родилась и возросла на почве православия? И разве с православием она имеет дело? Придёт время, философия возникнет и разовьётся среди православного мира, при понимании, насколько дано человеку, богооткровенной веры вполне, а не в отрывках: тогда она, без сомнения, будет такою же послушною рабой религии, какою была у Иустинов,

Афинагоров, Василиев. А что ныне дочь инославных учений добивает одряхлевших, оказавшихся несостоятельными пред нею, своих родителей, это значит только, что здравый смысл стряхивает с себя надоевшие ему оковы католического гнета или отдаёт достойное жалкой разнузданности протестантства. Но грех и вред для самих себя нам сидеть при этом, сложа руки, и ждать, пока философия добьёт в конец свои жертвы. Если мы не поспешим на помощь философским умам Запада и не предложим им, вместо ниспровергаемых ими заблуждений, истинного Христова учения, то там вполне сформируется и примет ужасающие размеры новый языческий культ естественного разума и вместе всех оскототворенных страстей. С воздвигнутых уже во множестве алтарей этого культа не тянется ли и к нам угарный чад и не одуряет ли множество ни в чём неповинных голов? И если у нас всё будет продолжаться затишье, то чаду найдет ещё больше, и ещё больше погибнет по нашему нерадению людей. Поэтому-то нам нужна живая деятельность, от которой бы дохнуло живым, освежающим ветром не только у нас, но и на Западе, — деятельность, прямо направленная против самих причин безверия — извращений Божественной истины в католичестве и протестантстве. Мы довольно усердно стараемся рубить головы гидры, и в этом помогают нам сами католики и протестанты: у нас немало превосходных сочинений, большею частью переводных, по новейшей христианской апологетике против безверия; а дельных сочинений против католичества и протестантства нет. И безверие продолжает расти, как на Западе, так и у нас, и будет расти до тех пор, пока мы не озаботимся вырвать корень безверия; а это невозможно, если мы не выделим из своей среды людей, даже не составим общества со специальной задачей борьбы устным и письменным словом с католичеством и протестантством, — борьбы, конечно, исключаящей и мысль о каких-либо приёмах, несвойственных истинной христианской любви, но, тем не менее, горячей, как сама любовь, потому что из-за христианской любви она и будет ведена. Дай Бог, чтоб это состоялось поскорей!

Теперь же да позволено мне будет повергнуть пред вами, богомудрые архипастыри и отцы, глубокую благодарность от лица миссии и всей Японской церкви за всё, что сделано и делается вашим Святейшеством для Японии. Позвольте в лице вашем выразить признательность и ко всем сынам и дочерям Русской церкви, оказавшим и оказывающим своё сочувствие и содействие миссии. Да не оскудеет и отныне к нам, японским миссионерам, любовь дорогой нашей матери — Русской церкви! И да хранит и невидимо оберегает она нас на далекой чужбине своими теплыми молитвами, чтобы нам, удостоенным высокой чести быть представителями и проповедниками её учения среди язычников, исполнять наше служение во славу ея и Божию!

По молитвенному же предстательству матери нашей нам поможет Отец наш небесный!

«Православное обозрение». 1880. № 4. С. 646–653.

СООБЩЕНИЕ ОБЕР-ПРОКУРОРУ СВ. СИНОДА
КОПИЯ С ДЕПЕШИ ПОСЛАНИКА В ТОКИО
ОТ 25 ФЕВРАЛЯ / 9 МАРТА 1891 ГОДА ЗА № 19
17 АПРЕЛЯ 1891 Г.

Как я имел честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства моей вчерашней телеграммой, 24 февраля / 8 марта состоялось в Токио торжественное освящение Православного Собора в Суругадае.

В 8 часов утра при колокольном звоне Преосвященный Николай начал обряд освящения, после чего была отслужена соборне Божественная Литургия при участии 20 иереев и огромном стечении христиан, число коих в одной церкви простиралось приблизительно до 3 тысяч человек.

К торжеству освящения были приглашены Епископом Николаем городские власти, Члены Японского Кабинета и Иностранные Представители. Благодаря непредвиденному обстоятельству закрытия в это самое утро в 11 часов в Императорском Дворце Японского Парламента, Министры, Токийский Губернатор и Обер-Полицмейстер, которые уже приняли было приглашение Преосвященного Николая, должны были в последнюю минуту извиниться, причём Министр Внутренних Дел, Граф Сайго, приехал в Духовную Миссию и выразил Епископу от имени своих коллег и от своего собственного искреннее сожаление по этому поводу. В тот же день Граф Сайго был также у меня и передал мне выражение сожаления Членов Кабинета.

В 10 часов начали съезжаться к Литургии Иностранные Представители и прочие приглашённые лица. В числе первых были Германский, Английский, Американский и Китайский Посланники, Нидерландский Министр-Резидент и Поверенные в Делах — Португальский, Итальянский и Корейский. Французский, Австрийский, Бельгийский и Испанский Посланники (последний был болен) отказали: первый — под предлогом мнимого своего отсутствия из Токио, остальные — просто «по невозможности приехать».

Эта коллективная демонстрация главных представителей-католиков, воздержавшихся как бы по обоюдному соглашению от присутствия в языке-

ской стране на освящении христианского собора, поразила всех своей крайней неприличностью, тем более, что Португальский Поверенный в делах Г. Лурейо, католик, ничем не уступающий собратьям своим в искренности религиозных убеждений, счёл всё-таки возможным приехать в православный собор, после того как предварительно посоветовался, как он мне сам сказал, с своим духовником и отслушал в католической церкви раннюю обедню.

После Литургии Преосвященным Николаем был предложен в помещениях Духовной Миссии роскошно сервированный завтрак, на котором все приглашенные лица единодушно пили за здоровье нашего достоуважаемого Епископа, достигшего, наконец, столь счастливого и блистательного результата своих многолетних и неустанных трудов.

В заключение настоящего донесения я должен упомянуть, что порядок на улицах и вокруг собора был весь этот день примерный. Несмотря на необычные для Токио трезвон восьми колоколов и зрелище торжественного крестного хода, публика за оградой Миссии вела себя как нельзя приличнее и спокойнее. Правда, вследствие посланной мною перед тем Министру Иностранных Дел ноты, в коей я уведомлял его о предстоящем торжестве и просил о принятии предохранительных мер, полиция обнаружила большое рвение и деятельность, что, конечно, много способствовало общему удовлетворительному результату.

С глубоким почтением и проч.

АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп.493. Д.1056. Л.95–96.

Речь, произнесенная Епископом Николаем
2 июня 1891 на праздновании 30-летия со времени
ЕГО ПРИВЫТИЯ В ЯПОНИЮ С ЦЕЛЮ ПРОСВЕЩЕНИЯ ЯПОНСКОГО НАРОДА
СВЕТОМ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРОПОВЕДИ*

Возлюбленные мои братья и сестры!

Я считаю себя недостойным принимать от вас те выражения похвалы, в которых вы описываете мою, в действительности, более, чем скромную, деятельность в продолжении тридцатилетнего моего пребывания в Японии. Но как для всякого человека сладостно благоухание цветов, так и для меня

---

* Приводится полностью в переводе её текста, помещенного в японских «Церковных Ведомостях».

в высшей степени приятны и радостны ваши теперешние слова, ибо они, я хорошо знаю, выходят из самого вашего сердца. Но эта радость не есть радость, принадлежащая мне одному, а есть вместе с тем и ваша. Ведь мы ныне радостно празднуем не что иное, как устройство нашей православной японской церкви; а это дело — не моё личное, но общее с вами. Мы теперь ясно видим и торжественно приветствуем факт существования здесь, в Японии, православной церкви. Да, она здесь уже не в зачаточном состоянии, и хотя ещё слишком юна в своём возрасте, тем не менее уже получила некоторую свою форму и устройство. Но если мы обратимся своим взором назад, за тридцать лет, и посмотрим на то, что представляла из себя эта церковь тогда, то нас невольно изумит то, что мы видим теперь пред своими глазами, и у нас невольно вырвется радостный клик в честь знаменательного сегодняшнего дня. Но это именно и показывает, что не мы, два-три русских миссионера, — личные виновники этих отрадных плодов — дела устройства православной японской церкви. В этом деле, возлюбленные братья и сестры, необходимо было большое содействующее усердие и с вашей стороны. Но безмерно превышающую наши совместные труды, главнейшей двигающей силой в этом деле должна была явиться милость Божия, великая благодать Его. Да, лишь с Его всеблагою помощью, которая очевидно неустанно споспешествовала в наших трудах, последние могли получить такой успех. Итак, мы во всём приносим благодарение Господу.

Моё прибытие в Японию, как вы уже напомнили, совершилось ровно тридцать лет тому назад. Я назначен был тогда священником для отправления богослужебных обязанностей при консульской церкви в Хакодате. Но не эта служба была личною и главною целью моего приезда сюда; цель моя была — распространение здесь, в Японии, православной христианской веры. Поэтому, когда я был ещё в русской духовной академии и нам предлагали ехать в Японию для исполнения священнических обязанностей при консульстве, я не имел желания занять эту должность, и только после того, как со стороны некоторых лиц, стоявших во главе управления российской церковью, неофициально разрешалось иметь в виду и миссионерские попытки, я решился отправиться на дальний и неведомый Восток. Тогда я был молод и не лишён воображения, которое рисовало мне толпы отовсюду стекающих слушателей, а затем — и последователей слова Божия, раз это последнее раздастся в японской стране. Каково же было моё разочарование, когда я, по прибытии сюда, встретил совершенно противоположное тому, о чём мечтал! Тогдашние японцы смотрели на иностранцев как на зверей, а на христианство — как на зловредную секту, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи. Тем не менее, я уже не мог отречься от своей пер-

воначальной мысли, и только на время, до наступления более удобного момента, отложил попытки её практического осуществления. Я принялся тогда изучать буддизм, синтоизм, китайскую философию и, наконец, историю и дух японской страны. Это изучение продолжалось восемь лет. После всей этой подготовки, которая была для меня лучшей миссионерской школой, мне впервые удалось обратиться в христианскую веру г. Савабэ, т. е. нынешнего нашего возлюбленного отца Павла. Это было началом православной христианской проповеди в Японии. О. Павел Савабэ является, таким образом, главою христиан японской церкви, её старейшим иереем.

Но я опять обращаю ваше внимание на очевидное участие в наших делах Божественной силы, так ясно сказавшейся и в истории обращения о. Павла. О. Павел Савабэ был в то время жрецом одного большого синтоистического храма. Он был дворянин и весьма славился в искусстве фехтования. Вследствие этого, наш консул приглашал по временам его к себе для обучения в этом искусстве наших русских. Здесь-то я впервые увидел о. Павла и затем продолжал встречаться с ним довольно часто. Но при каждой такой встрече меня постоянно поражало какое-то сердитое, почти озлобленное выражение его лица. Раз как-то он зашел в мою комнату и с таким же точно выражением, исполненным негодования, начал злословить христианскую веру. Я тогда спросил его, знает ли он ту веру, которую так поносит. Ответ был отрицательный. Тогда я заметил, что было бы более справедливо предварительно познакомиться с учением этой веры и тогда уже произносить такой или иной приговор, и тут же предложил выслушать изложение этого учения. Моё предложение было принято охотно. И что же? Какова была моя радость, когда я стал замечать, что мой слушатель с напряженным вниманием стал прислушиваться к изложению нового, неведомого ему учения, и его дотоле горделивая мысль стала смиренно склоняться пред его поражающей истиной! Видно Сам Бог направил его мысли на истинный путь. Это был первый и самый главный шаг по пути обращения о. Павла в христианскую веру; остальное явилось само собою. Таковы были обстоятельства первого обращения в православную христианскую церковь.

Вторым христианином был у нас г. Сакаи Иоанн. Это был местный врач и близкий друг г-на Савабэ. Обращённый в христианство г. Савабэ старался склонить к тому же и своего друга, но г. Сакаи был силен в диалектике, и трудно было победить его; тогда г. Савабэ стал почаще приглашать его ко мне, и мы вдвоем убеждали его. Наконец, и Сакаи был крещён и даже посвящён в сан священника, в каковом сане скоро, по болезни, и скончался.

Третьим христианином был г. Урано Яков, также бывший врач. За ним было совершено св. крещение в Хакодате над нынешним отцом Иоанном

Оно, а затем крестились и некоторые другие. Но означенные лица были главными из первых наших христиан.

После того всё более и более увеличивалось число принимающих св. крещение, и стала уже предвидеться возможность систематического распространения христианской веры в Японии. С этой именно целью, для получения на это официальных полномочий, я отправился на время в Россию и, получив там на это разрешение и благословение у Святейшего Синода, опять возвратился в Японию. По моём приезде, скоро меня навестил г. Савабэ и между прочим сообщил мне о странном во время моего отсутствия из Японии поведении г. Сакаи, который проводил всё время в заботах о возможно большей вырубке денег из своих занятий, тогда как остальные христиане старались, напротив, всем делиться с своими братьями. Услышав об этом, я хотел было обличить г. Сакаи; но, с приходом последнего, дело тотчас объяснилось. Явившись ко мне, г. Сакаи представил собранные им сто с лишком иен (около двухсот рублей), которые пожелал употребить на дела церкви. Так разъяснилось недоумение г. Савабэ относительно странного, по видимому, поведения г. Сакаи. — Другой, подобный по своей видимой странности, случай произошел с г. Томи Петром. В одно время все заметили его внезапное исчезновение куда-то. Никто не знал, куда он скрылся. Я спросил его жену, но и она этого не знала, хотя его лицо не выражало ни горя, ни даже особенной озабоченности. Всё это было весьма загадочно и продолжалось довольно долго. Но вот, спустя одиннадцать дней после этого, однажды вечером, около одиннадцати часов, г. Пётр Томи является ко мне в сопровождении брата г. Сакаи. Вижу — худ до невероятности, кости сильно выдались на совершенно изменившемся в своём цвете лице; просто жалко было смотреть на него. На мои вопросы, где он был и почему так сильно исхудал, он ответил, что всё это время он проводил в воздержании от сна и пищи и в молитве о скорейшем просвещении братьев, язычников, тем светом истины, которого он сам недавно сподобился. Оказалось, что местом для его подвигов служил чердак его же собственного дома. После этого он просил меня сподобить его божественного причащения. Услышав обо всём этом, я был очень изумлён столь трогательным проявлением горячей ревности по вере. Но всё-таки я должен был заметить ему, что такое дело впредь нужно совершать согласно с установлениями церкви, ибо иначе можно принести сильный вред своему здоровью.

Итак, и в вере, и в деяниях первых христиан в Японии не было недостатка в таких явлениях, которые во многом могут служить образцами для нас, нынешних христиан; и мы не должны, потому, забывать, что наша современная японская церковь во многом обязана первым нашим христианам,

их благочестивым и горячим молитвам о спасительном просвещении японского народа. Ныне же, когда у нас образовалось уже целое общество христиан, целая церковь, как бы ни были невелики её силы и незначительно число её членов, нам, возлюбленные братья и сестры, также следует всё больше и больше воспитывать в себе чувства благочестия и любви к Богу и приносить постоянную горячую молитву Ему о скорейшем просвещении язычников светом истины. Надеемся, что Божия благодать и сила и впредь не оставит нас в наших благих целях и стремлениях.

Прибавление к Церковным ведомостям. № 40. 1891. С.1391–1394.

ОСВЯЩЕНИЕ ХРАМА В КИОТО В ЯПОНИИ

Освящение храма в гор. Киото назначено было на 4-е воскресенье после Пасхи, 27 апреля.

Я прибыл в Киото в четверг, 24 апреля, и нашёл храм совершенно готовым к освящению. Снаружи он блистал свею чистотой, так как вновь только что покрашен был масляной белой краской; на колокольне виднелись колокола, сиявшие своим новым металлическим блеском. Внутри храм ещё более блистал своим великолепным иконостасом. Повреждений на иконах, произведённых дорогой от непрочной упаковки в ящиках, и следа не было: наша искусная иконописица Ирина Ямасита отлично исправила их. Я застал её в храме списывающей икону Архангела Михаила, а иконы Благовещения и Тайной Вечери она уже списала и намерена срисовать все иконы, так они понравились ей и так они хороши; с них потом будут делаются списки для других церквей, куда потребуются. Изъяны на киотах тоже исправлены, однако так, что их можно заметить, рассматривая вблизи: мастера не могли их подделать под фарфоровый вид иконостаса.

Пятница, 25 апреля, прошла в окончательных приготовлениях к храмосвящению. Производилась спевка в женской школе и потом в храме. Из Токио прибыли регент миссийского хора и по два лучших певчих всех четырёх голосов; кроме того, Киотоская женская школа, напрактикованная в двухголосном пении, давала обильный состав дискантов и альтов; четырехголосный хор образовался превосходный. Резонанс в храме оказался таким, что лучшего желать нельзя: досчатые стены, точно деки скрипки, отражают звук.

Киотоские христиане, ещё раньше составившие из своей среды комитет, отлично устроили дело приёма приходящих из разных церквей катехизаторов и христиан и размещения их в ближайших гостиницах, а также приготовили им угощение в день праздника.

Но замечательнее всего было то, что соседи наши, не будучи христианами и без всякой просьбы с нашей стороны, самым радушным образом предложили своё доброе участие в нашем празднестве. Именно: хозяева целой линии домов, лежащих чрез дорогу против Миссии, предложили свои дома и по-праздничному украсили их для отдыха христианам в день храмоосвящения, а директор городской школы, имеющей 900 учащихся и находящейся по другую сторону Миссии, у самой стены её, с одобрения городского головы, предложил залы своей школы, чтоб устроить угощение христианам.

Суббота, 26 апреля. Так как в Киотоском храме престол гранитный, верхняя плита очень тяжела, и при укладке её без каменщиков обойтись нельзя, то мы решились заранее совершить положение святых мощей в приготовленное для того место в престоле под плитой. Сегодня и сделано это.

В 9 часов утра священнослужители и христиане собрались в храме. Епископ облачился в мантию, священники в ризы. По прочтении первой молитвы храмоосвящения, епископ окропил святою водой место положения святых мощей, помазал миром святые мощи, уложил частицу в позолоченный ковчежец, этот в фарфоровый, нарочно для того сделанный ящик с крестом наверху, и опустил в четверугольно выдолбленное место в середине престола, под плитой. Певчие в это время пели 144-й псалом, кончив его, 22-й псалом, и повторяли последний несколько раз, отдыхая в промежутках пения, так как трое каменщиков над укладкой плиты на цементе работали целый час, в продолжение которого священнослужители стояли в облачениях и ждали. Конечно, всё это было бы весьма неудобно в самый день освящения.

Так как пред иконами свечи сегодня ещё не могут быть зажжены, то положено было начать всенощную в 5¹/₂ часов, чтобы, по возможности, засветло окончить её. Служил её среди церкви старший из иереев, Киотоский иерей, кандидат богословия Киевской Духовной Академии Симеон Мии. Певчие пели прекрасно. Храм наполнен был христианами.

После всенощной, кончившейся в начале восьмого часа, я с облачального места рассказал христианам историю построения этой церкви. Начал я тем, что Сам Бог выстроил её; Его воля свершилась. Ежедневно мы молимся: «да будет воля Твоя», — и эта воля бывает, если мы сами не отменяем её упорством в противлении. Ехал я сюда три года тому назад с приготовленным планом молельни, приехал с мыслью построить храм, ибо дорогой совесть стала меня упрекать: в банке лежат построечные деньги, достаточные для храма,

и никто не знает про это; Бог дал их, а я скрываю Божий дар, — хочу строить не храм во славу Божию, а бедную молельню, что-то вроде шалаша, — не грешно ли это?..

Спросил здесь отца Симеона: не построить ли нам храм, какой только можем? Отец Симеон, конечно, был в пользу этого; и о молельне больше не было ни слова, ни мысли, тогда как в Токио я о ней только и думал. Чья же воля совершилась, если не Божия?

Выбран был план храма из книги планов, почти случайно взятой мною из Токио, призван архитектор Мацумуро, — и вот существует ныне храм, на который Бог дал деньги, который Бог внушил строить и который Бог помог построить.

Что касается внутреннего устройства храма и такого красивого убранства его, то здесь ещё яснее видна рука благодетельного нам промысла Божия. В одном письме, полученном мною из Москвы от постоянного сотрудника «Московских Ведомостей» Льва Александровича Тихомирова в марте 1901 года, было упомянуто: «Не нуждаются ли ваши приходы в облачениях и утвари? Если да, то не напишите ли письма на имя Василия Геннадьевича Дудышкина?» А в это именно время я очень озабочен был мыслью об иконостасе и колоколах для Киотоского храма: делать ли их здесь или заказать в России? И вот самое ясное указание. Я написал к указанному благотворителю, но попросил не облачений и утвари, а иконостаса и колоколов, и оные ныне у нас пред глазами. Облачение и утварь тоже пришли, и всё такое изящное, такое благолепное! Не дар ли это Божий руками угодных Ему людей?

За колокола, правда, ещё не заплачено; но, вероятно, найдутся благотворители, которые не допустят Миссию саму уплатить стоимость их, 1700 рублей. И благотворят добрые христиане так, что имена их, большей частью, остаются неизвестными. Об иконостасе известно, что он от Я. Е. Епанечникова, о металлических хоругвях, — что от хоругвеносцев московских кремлёвских и ближайших соборов и монастырей, о парче на облачения известили меня, что она от В. Г. Сапожникова. Но от кого это прекрасное золочёное с эмалью паникадило, эти золочёные подсвечники, другой полный прибор облачений и проч. и проч.? — Бог знает, а мы не извещены, потому что истинные благотворители поступают так, чтобы левая рука не знала того, что творит правая.

Принимали участие в снабжении нашей церкви всем необходимым: вышеупомянутый Лев Александрович Тихомиров, также редактор «Московских Ведомостей» Владимир Андреевич Грингмут, один из почетнейших протоиереев в Москве, мой товарищ по Академии и ныне сотрудник по Миссии Николай Васильевич Благоразумов; больше всех хлопотал о том Василий

Геннадьевич Дудышкин; и, должно быть, в пожертвованном многое от самих сих лиц, но что именно, — они скрыли. Из «Московских Ведомостей» я узнал также фамилии нескольких других жертвователей: г. г. Боткина, Заглодина, Расторгуева, Пуговкина, Четвериковой, но там даже и имена их не были означены, и ни о ком не сказано, кто что пожертвовал. Добрый это пример для здешних христиан: так-то благочестивые христиане не жалеют для Бога, но не желают, чтоб их добрые дела были известны людям.

Тут же рассказано было, кстати, в назидание слушающим, о некоторых весьма замечательных пожертвованиях на постройку Токийского собора.

Потом рассказано было о святом мученике Мардарии, частица святых мощей которого положена сегодня в престол. Молитву сего святого мученика христиане всегда слышат при богослужениях, на третьем часе.

В заключение, обращаясь к христианам Киото, я сказал, что, «так как ныне их храму прилично иметь и диакона, то из двух здешних катехизаторов, старшего, Акилу Хирота, я намерен завтра же рукоположить во диакона; со священником я уже совещался об этом, и он очень желает этого, находя Хирота достойным диаконского сана. У вас я спрашиваю, не имеет ли кто-либо что-нибудь против сего рукоположения? Если кто знает что-нибудь воспрепятствующее, то пусть скажет мне, здесь ли открыто или наедине».

По некотором молчании, я спросил о том в другой и третий раз. Так как не последовало никакого возражения, то я объявил, что «завтра Акила Хирота будет рукоположен во диакона Киотоской церкви». О другом катехизаторе, Иоанне Исохиса, сказал, что он завтра будет посвящён в стихарь.

Один из старших священников, Иоанн Оно, поисповедал Акилу Хирота и сказал мне, что по исповеди тоже нет никаких препятствий к рукоположению его; и он вместе с нами, священнослужителями, выслушал канон ко причащению и молитвы на сон грядущим.

Воскресенье, 27-го апреля. День освящения Киотоского храма. Погода все эти дни стояла прекрасная, и сегодня день был отличный, солнечный и тихий. С раннего утра церковный двор пестрел группами собравшихся христиан. Собрались же христиане из 23 ближайших на севере и юге церквей, всего 134 человека; кроме того, прибыли катехизаторы 18-ти церквей, и три ближайшие священники нашли возможным оставить на несколько дней свою паству. Вместе с 97 киотоскими христианами это составило довольно большое общество для новой, в центре язычества возникающей, церкви. К сему нужно присоединить немалое число слушателей учения, почти уже христиан, из среды киотоских жителей и из соседних церквей, собравшихся к торжеству освящения.

С 8 часов совершенно было в храме одним из иереев водоосвящение.

В 9 часов раздался звон к богослужению храмоосвящения и Литургии. Первый звук православного колокола торжественно прокатился в чистом, светлом утреннем воздухе Киото и достиг уха Японского императора, который с недавнего времени гостил в своей древней столице и в эту минуту, окружённый 280-ю высшими лицами империи, готовился отбыть из своего дворца, неподалеку от которого находится миссийское место, на станцию железной дороги для следования в Токио. Он обратил внимание, прислушался и молчаливым вниманием узаконил православный звон в своей прародительской столице, японской Москве.

По трезвону в 7 колоколов изящного производства г. Финляндского в Москве, произведённому опытным звонарем из Токио, епископ вошёл в церковь с обычной торжественной встречей, облачился, и начат был чин освящения храма. Всё совершалось, конечно, на японском языке, в переводе, вразумительном для всех предстоящих, и совершалось вполне по чину, кроме подробного печатного текста, уясненному ещё собственноручно писанными наставлениями начальнику Миссии незабвенного благодетеля Миссии высокопреосвященного Исидора, покойного митрополита С.-Петербургского.

Храм был буквально переполнен. Он построен на 500 человек, но в нём было далеко за 600. Кроме христиан и оглашенных христианским учением, которых было до 400, здесь было много инославных, особенно протестантов, и больше всего нехристиан. Из последних наиболее почётные занимали большое место за левым клиросом, — место, назначенное для них, и к которому они были проводимы.

Приглашены были к освящению все власти города, числом до 45 лиц, начиная с губернатора Киото; но тоже начиная с губернатора, наиболее важные лица все должны были находиться в это время при императоре, почему и не могли быть у нас; все же прочие приглашенные, в обязанность которых не входило находиться при императоре во время его отъезда, были у нас в церкви. Невместившиеся в церкви нехристиане теснились у церкви, прислушиваясь из открытых дверей и окон к тому, что поется и читается внутри. Всех собравшихся на освящение христиан и нехристиан было свыше тысячи человек.

Во время чтения часов двое Киотских катехизаторов были посвящены, как предположено было, один в чтеца, другой в чтеца и иподиакона, а на Литургии последний рукоположен был во диакона.

Молитвенное настроение христиан и священнослужащих во время освящения храма и первой совершенной в нём по сем освящению божественной Литургии видимо было самое теплое и усердное. Инославные и нехристиане всё время соблюдали тишину и внимательно следили за всем совершаемым.

По окончании Литургии епископом произнесено было слово, соответствующее случаю. В нем не столько имелось в виду наставление христиан, которым известны истины вероучения, сколько вразумление инославных и язычников, соблазняющихся внешностью и зло толкующих её. Кончилось богослужение почти в 2 часа пополудни.

Отпустив отца Симеона тотчас по окончании богослужения принимать и угощать почётных гостей из христиан и нехристиан, я остался на солее, пока все христиане подошли ко кресту, после чего выслушал окончательные молитвы, разоблачился и, вышед из алтаря, был приветствован, кроме множества своих христиан, американцами епископальной церкви, всё время бывшими и при богослужении. Их было четыре миссионера и две дамы, из которых одна — жена епископа Партриджа, живущего в Киото. Один из них подал мне приветственное письмо епископа, в котором он, между прочим, извинялся, что не мог быть при нашем богослужении, получив приглашение слишком поздно для того, и говорил, что вместо него будут у нас несколько священников. Я пригласил их на приготовленную для почётных гостей закуску в соседнюю школу, где уже угощались другие гости. В то же время в миссийских домах производилось угощение христианам по японскому обычаю; а язычникам, толпившимся на дворе у храма, киотоские христиане накупили и роздали до 300 сладких «мандзю». Кроме того, всем посетителям розданы были книжки, специально для того отпечатанные, с изложением сущности христианского вероучения.

Всё вышеозначенное продолжалось до 3-х часов. А в 3 часа храм опять наполнился церковнослужашими и христианами, собравшимися для чтения присланных из разных церквей и от разных лиц приветственных писем и телеграмм, что также началось и кончилось пением молитв. Некоторые адреса были очень пространны, другие весьма красноречивы; во всех благодарное слово обращалось, после Бога, к благодетельной материнской церкви, любовью и щедротами которой построен и изукрашен храм.

Праздничное настроение всех вновь перешло в молитву, когда в 6 часов началась всеношная. Провинциальные христиане особенно старались не пропустить ни одного момента совершавшихся богослужений. Им в первый раз приходилось молиться в таком благолепном храме, при таком торжественном богослужении и прекрасном пении, и потому они всё время были в самом высоком молитвенном настроении и восхищении: «Истинно мы не знали, как говорит о себе Апостол, в теле ли мы или вне тела, на земле ли или уже перенесены в царство небесное», — простодушно говорили многие из них после богослужений.

Истинно благочестивое настроение всегда рвётся перейти в благочестивое дело. Здесь было тоже. Собравшиеся христиане, видя ликование киото-

ских, что у них такой прекрасный храм, давали себе обеты всеми мерами отныне стараться поскорее и у себя построить такой же. И это не праздно.

После всенощной у меня был разговор, между прочим, с христианином из Тоёхаси Петром Танака, приёмным сыном благочестивых стариков Симеона и Нины: он видимо возгорелся желанием поскорее осуществить давно уже возникшее у христиан Тоёхаси намерение построить храм. Правда, церковь эта состоит из людей зажиточных, между которыми Танака считается одним из первых богачей в городе, и им не трудно осуществить это (место под храм у них уже и куплено за 3 тысячи иен); но и возбужденная ревность других при помощи Божией принесёт со временем такие же плоды. А пока этот возженный и ярко пламенеющий в душе огонь сколько осветит и очистит темных уголков в душе и сколько вообще сотворит нравственного блага!

В промежутках между богослужениями храм постоянно был наполнен как христианами, старавшимися поближе рассмотреть иконы и весь такой прекрасной работы иконостас, так и любопытствовавшими язычниками. Последним давал объяснения и знакомил их с вероучением, указывая на иконы, назначенный для того благочестивый пожилой христианин города Киото, пожелавший служить Богу именно этим: всегда состоять при открытом храме и любопытствующих посетителей из язычников знакомить с христианским вероучением, иллюстрируя свои слова указанием на святые иконы, в полном составе которых на иконостасе выражены самые важные догматы православной христианской веры.

Нужно ещё сказать, что иконы сами по себе привлекают всех своим высоким художественным исполнением, а христиан, кроме того, своим истинно церковным характером. Все они, особенно иконы нижнего яруса, так прекрасны, что взор не хочет оторваться от них. И тут-то сказывается, особенно для христиан, как важна хорошая иконопись для храма, в котором всё предназначается к тому, чтоб очищать и освящать душу, умилять её и возбуждать к молитве. При взгляде на этого ангела в иконе Благовещения так и просится на уста благодарение Богу, что у каждого из нас есть ангел-хранитель; но, перенося взор на святой лик Пречистой Девы, чувствуешь стыд, что несохранением своей души в чистоте отгоняем от себя этого прекрасного стража, так любовно пекущегося о нашем спасении. От взгляда на кроткий лик Богоматери с Богомладенцем и на учащего, точно живого, Спасителя льются в душу умиление и радость, что Бог стал так близок к нам, но и печаль при мысли, что мы ограждаем себя от Него стеною грехов. Строгий и вместе милующий вид святителя Николая, Мирликийского чудотворца, важный и вместе ободряющий лик святителя Иннокентия, Иркутского чудотворца, святой пророк Моисей, святой архистратиг Михаил, — все привлекают к себе красотой иконописи и возбуждают соответствующие чувства и мысли, освежающие и очи-

шающие душу у смотрящего на них. А как поразительно хороша присланная В. П. Гурьяновым Иверская Царица Небесная, драгоценная святая вратарница престолярной Москвы.

Понедельник, 28 апреля. Пред Литургией положен на жертвенник Синодик, в который вписаны имена всех известных нам благотворителей и жертвователей, содействовавших построению и украшению святого Киотского храма, для всегдашнего поминовения их на проскомидиях.

С 9 часов началась Литургия, отслуженная соборно епископом с тремя иереями. Во время малого входа на киотского священника о. Симеона Мии возложен был набедренник. Четвёртый из иереев о. Иоанн Оно, лучший наш проповедник, после причастного сказал слово о важности настоящего торжества, о необходимости храма для христиан и о том, как пользоваться им для душевного спасения. Храм почти так же, как вчера, наполнен был христианами и нехристианами.

По окончании Литургии отслужен был благодарственный молебен, заключившийся молитвой о жертвователях и благотворителях святого храма сего и многолетием им.

Вечером в храме была проповедь для язычников, говоренная одним из катехизаторов, потом епископом. Слушателей было человек двести, кроме христиан. На следующий день то же. Ещё на следующий день епископ и прочие прибывшие оставили Киото, чтобы возвратиться ко своим местам.

Всё торжество храмоосвящения совершилось вполне благополучно и доставило чистую радость как участвовавшим в нём, так и всей, по лицу Японии рассеянной, православной церкви. Да благословит же Бог всеми радостями и отдаленных братий наших, своєю любовной заботой о нас и своими пожертвованиями сделавшихся виновниками нашего духовного торжества!

Епископ Николай

Прибавление к Церковным Ведомостям. № 29. 1903. С. 1105–1111.

ОКРУЖНОЕ ПИСЬМО К ХРИСТИАНАМ ДЛЯ УСПОКОЕНИЯ ВСТРЕВОЖЕННОЙ ЦЕРКВИ

Благочестивым христианам Святой Православной Церкви великой Японии. Возлюбленные о Господе братия и сестры!

Господу угодно было допустить разрыв между Россией и Японией. Да будет Его святая воля! Будем верить, что это допущено для благих целей и приведёт к благому концу, потому что воля Божья всегда благая и премудрая.

Итак, братия и сестры, исполните всё, что требует от вас в этих обстоятельствах долг верноподданных.

Молитесь Богу, чтоб Он даровал победы вашему императорскому войску, благодарите Бога за дарованные победы, жертвуйте на военные нужды, кому придётся идти в сражения, не щадя своей жизни, сражайтесь не из ненависти к врагу, а из любви к вашим соотчичам, помня слова Спасителя: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15, 13). Словом, делайте всё, что требует от вас любовь к отечеству. Любовь к отечеству есть святое чувство. Спаситель освятил это чувство Своим примером: из любви к Своему земному отечеству, Он плакал о бедственной участи Иерусалима (Лук. 19, 41).

Но, кроме земного отечества, у нас есть ещё отечество небесное. К нему принадлежат люди без различия народностей, потому что все люди одинаково дети Отца Небесного и братья между собою. Это отечество наше есть Церковь, которой мы одинаково члены и по которой дети Отца Небесного действительно составляют одну семью. Поэтому-то я не разлучаюсь с вами, братия и сестры, и остаюсь в вашей семье, как в своей семье. И будем исполнять вместе наш долг относительно нашего небесного отечества, какой кому надлежит. Я буду, как всегда, молиться за Церковь, заниматься церковными делами, переводить Богослужение; вы, священники, усердно пасите подручное вам от Бога словесное ваше стадо; вы, проповедники, ревностно проповедуйте Евангелие ещё не познавшим истинного Бога — Отца Небесного; все христиане, мирно ли живущие дома или идущие на войну, возрастайте и утверждайтесь в вере и преуспевайте во всех христианских добродетелях. Все же вместе будем горячо молиться, чтобы Господь поскорее восстановил нарушенный мир. Да поможет нам во всём этом Господь!

Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святого Духа, буди со всеми вами! Аминь.

30 января (12 февраля) 1904 г. Пятница.

Дневники Святого Николая Японского. Саппоро: издательство Хоккайдского университета. 1994. С.373–374.

ПИСЬМО ПРЕОСВЯЩЕННОГО НИКОЛАЯ, ЕПИСКОПА ЯПОНСКОГО,
К ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ТИХОНУ, ЕПИСКОПУ АЛЕУТСКОМУ
И СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКОМУ¹

31-го января 1905 года.

Настоящее письмо напечатать в нашем Вестнике. О свечах и книгах мною сделано распоряжение. Для удовлетворения духовных нужд русских пленников послать преосвященному Николаю пятьдесят долларов из прибылей епархиального склада, пятьдесят долларов из нештатных сумм и сто долларов из переходящих.

Епископ Тихон.

Преосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите искреннюю глубокую благодарность за братский привет и за доброе, истинно ободряющее, известие о расширении православной Церкви в пределах Америки. Ещё более благодарен вам за разрешение отпускать свечи для Японской миссии по уменьшенным ценам.

Ныне я прошу ваше духовное правление выслать сюда 970 фунтов свечей и посылаю на то, приходящуюся по расчёту 60 центов за фунт, сумму 572 американских доллара.

Но, должен признаться, это крайне недостаточное количество для удовлетворения теперешних здешних нужд! Не буду говорить о японских церквях: скажу только о наших военнопленных здесь. Кроме прежних, больше трёх тысяч человек, ныне несравненно большее количество их перевозят из Порт-Артура и размещают по разным городам; уже поместили: в Хаматэра, близ Осака 6000, в Тэнкатяя, там же, 5000, в Химэдзи 1300, в Даири на Кюсю 2000, в Фукуока, на Кюсю, 1000, в Мацуяма, на Сикоку, 2500 и прочее, и прочее, — всего до 20000. В Порт-Артуре останется больных 18556 человек, которые, по мере выздоровления, тоже будут перевозимы в Японию. Ни в одном городе такого большого количества людей нельзя поместить в одном здании, а размещаются в нескольких, иногда значительно удалённых одно от другого. Например, в Мацуяма православные пленные помещены в девяти отдельных зданиях, рассеянных по городу. Все здания от миссии снабжаются иконами, в киотах с лампадами, а иные, кроме того, временными престоломи и жертвенниками, на которых назначенные для того японские священники, знающие русский язык, совершают литургию. На престоле и жертвеннике

---

1. Перепечатывается из журнала «Американский Православный Вестник». №4. 1905 г. (Епископ Тихон — впоследствии Патриарх Московский и всея Руси — Э.С.).

горят свечи, по 8, по 20 на фунт. Сколько же этих свечей нужно для всех зданий и для всех богослужений у военнопленных! И надолго ли хватит ныне выписываемых от вас? А затем придут Страстная неделя и Пасха. Горячо желал я приготовить малых свечей столько, чтобы бедные наши пленники имели утешение держать свечу в Вербное воскресенье и, особенно, при чтении Страстных Евангелий и в Пасху. Но возможно ли это для миссии? Где же ей взять такую большую сумму? Со скорбью в душе, пришлось ограничиться далеко меньше, чем третью частью потребного количества свечей, и то наперёд решившись оставить японских христиан на этот раз без радости имеет свечу и в Пасхальную заутреню. Имейте в виду, что, кроме расхода на свечи для военнопленных, миссия делает ещё множество других расходов для них из своего скудного бюджета, рассчитанного только на миссийские нужды. На одни крестики для военнопленных издержано уже 370 рублей; а на церковное вино и елей, разное богослужбное обзаведение, экстренные расходы на содержание и разъезды священников, служащих у военнопленных, на учебники и письменный материал, для обучения безграмотных между ними, — на всё это расходуется миссиею (личных средств епископа, конечно, давно уже и в помине нет); да и как же иначе? Как не сделать всё, что только возможно, для наших дорогих соотечественников, на пожертвования которых и миссия существует? Но миссия в этих расходах достигла предела, за который переступить было бы уже посягнуть на своё существование: Не смею я просить у вашего преосвященства какого-либо расхода из ваших церковных сумм, чтобы помочь миссии в том, что уже бессильна делать она; но нет ли у вас добрых благочестивых христиан, которые бы пожалели бедных наших пленных и доставили им утешение, которого не в состоянии доставить им миссия? С этою просьбою мне не к кому более обратиться. Россия далека, и ныне поздно обращаться к ней; раньше же нельзя было этого сделать; самая нужда ведь возникла так неожиданно. Если бы Христолюбивыми жертвователями прибавлено было к выписываемому мною количеству свечей по 40 на фунт ещё столько, то наши пленные имели бы утешение держать свечу и в Страстные Евангелия; а если бы и ещё столько, то и в Вербное воскресенье. А какая была бы душевная польза! Сколько человек почувствовало бы облегчение от своего горького положения! Сколько искр Божественной благодати заронилось бы в души! Сколько светлых мыслей засияло бы в душах! Быть может, кто-нибудь прибавил бы ещё свечей и на престолы и жертвенники. Простите, владыко, что беспокою вас этим; но ведь это наша общая боль душевная! Соболезнуйте же, ради Господа, если и что можете!

Ещё маленькая просьба: если у вас имеется в запасе книжки Пасхального Богослужения, то пришлите столько, сколько можете на эту только Пасху; по миновании ея, собравши книжки, я возвращу вам в полной сохранности;

рассылая их здесь в помещения военнопленных, я накажу, чтобы с ними бережно обращались.

И ещё: нет ли у вас пения всенощной и литургии Бахметева? Со всех сторон и очень просят пленные. Если есть, одолжите, — возвращу или же взамен новые пришлю, выписавши из России.

В заключение, усердно прося извинения, что беспокоиваю вас всем этим, и испрашивая ваших архипастырских молитв и благословения для себя, здешней Церкви и всех военнопленных здесь, с глубочайшим почтением и душевною преданностью имею честь быть вашего преосвященства низжайшим послушником и богомольцем.

Начальник Русской духовной миссии в Японии

Николай, епископ Ревельский

Токио 10/23 января 1905 года.

Прибавления к Церковным Ведомостям. № 29. 1905 г. С.1221–1224.

ПИСЬМО ПРЕОСВЯЩЕННОГО НИКОЛАЯ, ЕПИСКОПА ЯПОНСКОГО,
К ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМУ ТИХОНУ, АРХИЕПИСКОПУ
СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКОМУ

Высокопреосвященный владыко, отвечаю на ваш праздничный привет, надеясь, что этот радостный отзвук дойдет до вас ещё во дни пения Пасхальных песней.

Слава Богу, свечи для военнопленных не запоздали придти к Страстной неделе и особенно к Пасхе. В 12-ти ящиках свечи получены были 7–20-го апреля, немедленно распределены на 22 места, где обитают пленные, с соблюдением пропорциональности с числом людей, и разосланы; только для Мацуямы, где госпиталь со множеством больных и раненых, особенно нуждающихся в утешении, и где наибольшее число офицеров (423 офицера было из 3795 всех пленных там), вне пропорции отделено было 5 пудов и прежде всего послано туда. Свечи в 21 ящике, переданные в Сизтле о. Владимиром Александровым на пароход, шедший сюда, пришли в Йокогаму 12–25 апреля, в Великий вторник, но только в пятницу нам удалось получить их с парохода и провести сквозь таможду; зато к моменту, когда они вышли из таможни, их уже ожидали высланные из Токио несколько молодых учителей семинарии и учеников для того, чтобы взять ящики из таможни прямо на станцию железной дороги и развезти по заранее определённым местам, так

далеко, как только возможно было, чтоб не опоздать к Пасхальной службе. На острова Кюсю и Сикоку никак нельзя было успеть, но на Ниппоне свечи достигли и таких отдаленных мест, как Химэдзи и Канадзава. Всего послано 15-ть ящиков, из которых 9 в Хаматэра, близ Осака, где содержатся 28012 порт-артуровцев. Остальные 6 ящиков привезены были в Токио, и на завтра, в Великую субботу, с самыми ранними поездами 3½ из них отправлены на север от Токио, — в Сэндай и другие места, и тоже получены были вовремя. Правда, такая экстренная рассылка потребовала и экстренных расходов. Из Йокогамы первый поезд, с которым можно было отправить, был скорый: все должны были взять билеты 2-го класса, за неимением первого, и за ящики платить, как за своё личное имущество. Словом, на развоз свечей истрачено 145 иен 50 сэн. Зато везде свечи успели придти вовремя, к большой радости христиан, — которые и до сих пор не перестают присылать в миссию благодарственные письма за это утешение их в Светлый праздник, — и самих священнослужителей, из которых, например, о. Алексей Савабэ из Хаматэра пишет: «Когда я, отслуживши в 4-м дворе Пасхальную утреню и обедню, проходил со святою водою для окропления праздничных яствий, расставленных прямолинейно в два ряда на площади двора, а по обе стороны стояли 8000 человек, все со свечами в руках, то вид был чудный, волшебный, точно огненный тоннель».

Ящик с книгами, пришедший вместе с вышеозначенными 21 ящиками, открыт был только в Токио, и в нём оказались книжки Пасхального Богослужения и Обиходы четырёхголосного пения Бахметева. Первые опоздали к рассылке в дальние места, а ближние были снабжены заранее; впрочем, и все дальние места получили предварительно по экземпляру или по два Пасхальной службы, или отдельно напечатанной, или в Цветных триодях. Обиходы Бахметева отданы в переплёт и будут посланы в Мацуяма, для тамошних двух хоров, солдатского и офицерского.

К. П. Победоносцеву я вслед за сим буду писать и благодарить его за необыкновенно тёплое участие, доставившее такое количество свечей в пользу военнопленных и книги, как вышеупомянутые, так и множество других для чтения пленным.

27 апреля — 7 мая получены миссией ещё, в 3-х ящиках, свечи, 150 фунтов, тоже оплаченные жертвователями. Прошу ваше высокопреосвященство принести сим жертвователям глубокую благодарность мою и военнопленных, а больше всего принять оную для себя.

С последними свечами получен и ящик религиозных книг и мелких брошюр, посланный сюда старцами Святой горы Афонской. Благодарность и им! Книжки распределены и рассылаются военнопленным.

Теперь о денежных пожертвованиях от вас. Кроме 200 долларов, о получении которых я уже имел честь писать вам, получены мною 4–17 апреля, при отношении Северо-Американского духовного правления, 440 долларов — 886 иен 65 сэн, «собранных причтами церквей Алеутско-Северо-Американской епархии на духовные нужды русских военнопленных в Японии». Затем 19 апреля — 2 мая, во вторник Светлой седмицы, при письме вашего высокопреосвященства, получены два чека: один на 360 долларов — 725 иен 44 сэн, в состав каковой суммы, кроме пожертвований церквей и прихожан вашей епархии, входят на духовные нужды пленных: от преосвященного Трифона, Московского викария, 108 долларов, из Берлина чрез протоиерея А. П. Мальцева 50 долларов и от священника Кексгольмского полка (в Варшаве) Садина 25 руб.; другой на 496 долларов, полученных от «Московских Ведомостей», округлённый вашим высокопреосвященством в 500 — 1007 иен 56 сэн.

Да воздаст Господь вашему высокопреосвященству и всем добрым жертвователям вашей епархии и другим за это усердие к утешению наших пленных братьев здесь! Кроме молитвы о сем, больше ничем мы не можем и не смеем выразить нашей благодарности.

Немало и других пожертвований получено в миссии для военнопленных, частью чрез французское посольство, частью непосредственно чрез банки. Большая часть всех пожертвований ещё хранится нетронутую, часть же издержана на снабжение больных в Мацуяма бельем и платьем, а главное, на Пасху. О сем последнем скажу несколько слов.

В прежнем письме я упоминал, что французским посланником обещано на Пасху доставить по одному яйцу каждому военнопленному на имеющиеся у него из России средства для них. Дело вышло гораздо лучше. Французский посланник разослал по всем местам военнопленных деньги, которых каждому нижнему чину досталось копеек по 25. Снабдить же их Пасхальными яйцами взяла на себя миссия: с купцом, торгующим яйцами, заключён был контракт, которым он обязался во все депо военнопленных доставить на каждого человека по два яйца, а к японским начальникам депо написаны были письма с просьбою принять яйца и передать военнопленным, предоставив им самим сварить и окрасить их, для чего в то же время в каждое депо послан был красильный порошок, с наставлением на русском языке, как употребить его. Контракт был хорошо исполнен: разослано 118333 яйца (на сумму с рассылкою 3588 иен 63 сэн 4р.), к сему прибавлено 2036 недостававших по первоначальному расчёту; если где оказалось несколько разбитых яиц, то они на месте заменены вновь купленными: таким образом, все пленные, не исключая иноверных, получили по два красных яйца, чем были немало порадованы.

Кроме того, все военнопленные в Пасхальное утро получили по книжке «Пасхальное приветствие японской православной Церкви русским братьям». В прежнем письме я упоминал, что мы готовимся в ста тысячах экземпляров напечатать эту книжку. К счастью, военнопленных оказалось не так много, как объявлено было в газетах сразу после Мукденских сражений. Мы напечатали книжку только в семидесяти тысячах экземпляров и разослали её к Пасхе по всем местам военнопленных в таком количестве, чтобы решительно все, и грамотные, и неграмотные, получили по экземпляру. Все и получили, и были очень довольны этим: из всех мест приходили и доселе приходят ответные их приветствия японской Церкви, иногда очень трогательные. Препровождаю к вашему высокопреосвященству три экземпляра этой книжки.

Дальше, чем занять военнопленных? Между ними значительный процент неграмотных; сим нужно учиться и писать; никогда у них не будет более удобного времени для этого: никаких нет у них теперь служебных обязанностей, — время совершенно свободное. Образованные же и, вообще, грамотные, между ними должны быть их учителями. Но где взять целые тысячи букварей? В японских лавках здесь бывшие мы до последней книжки скупили, из России ждать долго. Мы и решились сами здесь напечатать букварь, который и печатается, и, пока это письмо дойдет до вашего высокопреосвященства, он уже будет в деле. Из русских букварей мы выбрали наиболее краткий, без всяких картинок, для чтения, состоящий из молитв и нескольких басней; но мы прибавили к нему ещё 25 страниц басней Крылова, чтоб он мог служить и для упражнения в чтении малограмотных. Оттиснем его десять тысяч экземпляров и оставим стереотип, чтоб печатать больше, если понадобится. Письменные упражнения для обучения писанию миссия также будет высылать во все места и в таком количестве, в каком потребуется, — средства на это есть в пожертвованиях из России. Но дальнейших учебников: грамматик, арифметик и проч. здесь нельзя ни купить, ни напечатать, — они ожидаются из России, куда я послал воззвание о пожертвованиях ими, а также книгами для чтения; и дай Бог, чтобы на воззвание был ответ скорыми и обильными приношениями! Бедные пленные томятся скукой чрезвычайно от неимения, чем наполнить время и занять душу.

Я вам писал прежде, что для военнопленных из Хаматэра городская дума города Сакаи построила три часовни. Прилагаю здесь вид одной из них. Внутри часовня украшена иконами, вынесенными из Порт-Артура, из коих иные очень драгоценные; на столе положена плащаница. Священник, стоящий там, — Алексей Савабэ, сын о. Павла Савабэ, первого по времени христианина в Японии и первого иерея, живущего и поныне в Токио. Кругом Порт-Артурцы, во время Богослужения они занимают, конечно, и переднюю часть площади.

По наружности препровожаю фотографию, снятую с этой же часовни ночью, во время Пасхального Богослужения, где особенно интересно видеть, как Порт-Артурцы поусердствовали изукрасить место своего Богослужения в Пасху; там же видны и свечи в руках, где можно их видеть.

Пользуясь вместительностью конверта, берусь смелость вложить здесь отношение к Северо-Американскому духовному правлению с просьбою выслать сюда ещё свечей 500 фунтов и с приложением чека в уплату за них. Прошу вашей любезности передать это в правление и разрешить исполнение моей просьбы.

Принося вашему высокопреосвященству глубочайшую благодарность за всё, вами сделанное для миссии и для военнопленных, и прося ваших святительских молитв за себя, за японскую Церковь и за всю нынешнюю русскую паству здесь, с истинным почтением и душевною преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства покорным послушником и богомольцем.

(Дата не указана, но, судя по содержанию письма, оно написано в 1905 г., в мае-июне. — Э. С.)

Япония.

ПАСХАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

ЯПОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ РУССКИМ БРАТЬЯМ, ТОКИО,
17/30 АПРЕЛЯ 1905 Г.

Христос Воскресе! Дорогие мои соотечественники!

Поздравляю вас с всерадостным праздником Воскресения Христова, и словами Святой песни церковной приглашаю вас: Возрадуемся и возвеселимся в сей день! Соединимся мысленно в радостных чувствах с нашими братьями в далекой отчизне, и не только с ними, но со всеми православными христианами, рассеянными по всему лицу земли, потому что ныне сердца всех исполнены радости Воскресения Христова. И не на земле только ныне радость; несравненно более и безмерно светлее веселятся ныне в духовной радости святые праведники на небе. Вы слышите в церковных песнях часто упоминаемые ныне имена святых пророков: Давида, Аввакума, Исайи и других. Все они, живя до Рождества Христова, провидели духовными очами Воскресение Христово и радовались ему, но их радость была тоже в сравнении с нашею, что заря в сравнении с солнцем; небо ещё было заключено для них, и, умирая, они сходили в преисподняя земли. Христос Спаситель, со креста «снисшедши в преисподняя земли», извел оттуда их, а равно и всех,

ожидавших Его явления, и своим Воскресением отверзши небеса, ввёл их в царство небесное; где ныне они, славословя это событие, радуются радости неизглаголанною. С ними радуются и другие небожители, святые Ангелы Божии, служители нашего спасения, первые возвестившие людям радость Воскресения, как повествует Евангелие. Сольём же наши радостные чувства с этим безбрежным океаном духовной радости и веселия на небе и на земле. Как от соединения многих светильников увеличивается свет, так от соединения чувств бесчисленно многих, радующихся вместе, радость безмерно возрастает и делается неисчерпаемым источником духовного веселия. И да сгорят в этом огне Божественной радости, как сухая трава в пламени, все наши земные скорби и печали!

Любезные соотчичи! Будем твердо надеяться, что наши братья, положившие живот свой на поле брани, исполняя свой долг любви к отечеству, участвуют ныне в общей радости Воскресения, что Господь принял их пролианную кровь и предсмертные страдания как очистительную жертву за их человеческие грехи и ввёл их в небесные селения, и нам нужно не печалиться о них, а, напротив, радоваться за них и вместе с ними. Будем надеяться, братие, что и ваше временное несчастье, которому вы подверглись в служении отечеству, будет иметь в очах Божиих ту же цену; только не увеличивайте его добровольно излишнею скорбью, что уже было бы противно Божию изволению. Бог попускает несчастья, но Он же обращает их в душевную пользу для всех, хотящих творить волю Его: несчастьем очищается душа, как золото огнем, в несчастьи укрепляется душа, как тело взрослого от питания не детской, а твердой пищей, в несчастьи теснее соединяется душа с Богом, видя, как ненадежно всё земное и человеческое; словом, несчастье может быть источником многих душевных благ, если только сам человек не отказывается почерпать из него эти блага. Да будет же оно таким для всех вас, любезные братие! Бодрой душой и с светлым взором на будущее переносите ваше временное злосудие, и да соделает оно всех вас более любимыми чадами Отца небесного и более присными братьями Его Единородного Сына, воскресшего Спасителя нашего Иисуса Христа! Ныне же забудем и самые слова эти: несчастье, злосудие, скорбь, печаль. Да не падает и тени от них на нашу высокую праздничную радость, ибо «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!»

Епископ Николай,

начальник Российской Духовной Миссии в Японии.

17/30 апреля, день Пасхи 1905 года. Токио.

Из брошюры «Пасхальное приветствие Японской православной церкви русским братьям». Токио. 17/30 апреля 1905 г. С.1—4.

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ К РУССКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ В ЯПОНИИ

Русские христолюбивые воины, достопочтенные мои соотечественники и возлюбленные братие во Христе!

Мир и благословение вам от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа!

Бог судил мне быть временно вашим архипастырем, и Он видит, что я не пренебрег этим велением Его, а старался по мере сил моих служить вам. Знаю, что служение моё было недостаточно для удовлетворения ваших духовных потребностей, совесть мне говорит это, но совесть и не укоряет меня в нерадении: я делал то, что мог. И делание моё было с любовью к вам, братие. Свои письма к вам я большею частью подписывал словами: «ваш брат во Христе», и я истинно чувствовал братскую любовь к вам, питаемую особенно соболезнованием к постигшему вас несчастью плена. Любовь эта возвышалась и укреплялась вашим добрым христианским поведением. Я с радостью видел, что вы, как природные христиане, во многом представляете для новых чад церкви Христовой в сей стране пример христианских добродетелей. И эти новые чада Церкви видели это и с своей стороны также полюбили вас братскою христианскою любовью, которую и старались по мере возможности являть вам. Всё это было хотя некоторым утешением для вас среди тягостей пленной жизни. Так было до последнего времени. И уже настал конец вашего плена, и предстояло радостное возвращение в Отечество, к дорогим сердцу вашим родным и друзьям, и для дальнейшего вашего служения Отечеству.

Но что при этом открылось ещё? Увы, с печалью и стыдом только можно говорить о том, что открылось! «Спящим человеком прииде враг, и всея плевелы посреде пшеницы» (Матф. 13, 25). Вознерадели некоторые из вас, и среди этого душевного усыпления пришёл враг и посеял в их души семена раздора, противления, возмущения. Какой это враг? Тот же, которого указывал Спаситель в притче о сеятеле и от которого устами Своего Апостола предостерегает христиан: «Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш — диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» (1 Пётр. 5, 8). Им руководимые и невидимо научаемые уже видимые враги вашего душевного мира и нашего общего Отечества земного и Отечества небесного приходят к вам и говорят свои речи, или присылают свои сочинения, те и другие исполненные душевного яда, и стараются отравлять вас ими. Своими коварными внушениями они стараются посеять вражду между вами, влить озлобление в ваши сердца, сделать вас врагами своего Отечества земного, затворить для вас Отечество небесное и разверзть под вашими ногами ад душевных терзаний на земле и вечных мучений за гробом. И есть уже отравленные этим ядом

и тщасиися отравлять других. Между вами, жившими доселе везде мирно, происходят в некоторых местах ссоры, драки, побоища, доходящие до смертоубийства, — и это в чужой стране, на позорище всему свету! О горе и стыд! Но что же это значит? Из-за чего всё это? Отравленные развратителями в душевной слепоте своей мнят себя тоже хотящими добра и служащими Отечеству. Это добро-то и служение Отечеству в забвении товарищества и братства и во вражде, ссорах и даже убийствах? В попрании всякой дисциплины и дерзких возмущениях? В разрушительных замыслах и наглости вторжении в дела государственного управления, в котором ничего не понимают? Какое безумие! Поясню примером. У каждого из вас, братие, есть дом, а в нём отец, у многих же и старший брат; в доме, быть может, нужно произвести поправки и улучшения; кто же когда видел на земле что-либо такое совершенное, что уже не требовало бы улучшений! Итак, отец с старшим братом советуется, как всё в доме исправить и улучшить. Но представьте, что в это время к вам украдкой подходит кто-то и шепчет на ухо: «Твой отец и брат ничего не смыслят в домашнем деле; ты сам возьмиись за поправки; разрушь дом, подожги ригу, — а чтобы тебе свободней было, свяжи отца и убей брата». Что бы ты сказал на это? Конечно, сказал бы: «Твой совет дьявольский; отойди от меня, сатана» (Матф. 16, 23). Вот точь-в-точь подобное теперь творится в России. Нужны исправления и улучшения по управлению в России, никто не отрицает этого. Об этом и думает, и заботится ныне наш возлюбленный Государь с своими советниками, старшими в государстве. Но враги нашего Отечества, точно змеи, прокравшись всюду в нём, вливают яд возмущения и злых замыслов во все неосторожные сердца, особенно, в сердца людей, по своей малообразованности не могущих уразуметь их коварных целей, — и в России теперь сколько смуты, разладицы, взаимной вражды, убийств! Отравленные ядом возмущения обратились в братоубийцы и с остервенением творят своё дело: бросают бомбы, от которых гибнут ни в чём не повинные люди, стреляют, режут, жгут... И вас, братие, эти озверевшие люди хотят обратить к этому преступному, противогосударственному и противочеловеческому служению диаволу. К несчастью плена, оставляющему вас чистыми в вашей совести и пред людьми, так как честный плен никогда не считался позором, эти коварные слуги диавола хотят присоединить несчастье, которое опозорит вас пред людьми и растерзает впоследствии вашу душу угрызениями совести, хотят сделать вас бунтовщиками и изменниками своему долгу и присяге, врагами своего Отечества, хотят обратить вас в людей-зверей, терзающих утробу своей матери России.

О, братие, да не будь сего! Опознайте скорей в людях, смущающих вас, волков, хотящих прикрыться овечьей одеждою, а в их речах и писаниях —

яд, убивающий навеки. Вы, отравленные уже, слезами раскаяния смойте заражение и осквернение с ваших душ, очиститесь и исцелитесь; это можно, это легко с помощью благодати Божией, которую призовите сердечною молитвою; если же останетесь нераскаянными, то знайте наперед, что ваша участь — ужасная участь братоубийцы Каина. Вы, ещё не успевшие до дна души впитать в себя яд участь братоубийцы Каина. Вы, ещё не успевшие до дна души впитать в себя яд речей и писаний, ради Бога, поскорее изблюйте этот яд из души и будьте по-прежнему добрыми воинами, верными своей присяге служить верою и правдою Царю и Отечеству. Вы, остающиеся доселе чистыми и здоровыми душою, «блюдите, како опасно ходите, не яко не мудри, но яко же премудри» (Ефес.5, 15), трезвитесь и бодрствуйте, чтобы не впасть в сети невидимого врага, расставляемые видимыми слугами его. Помните, братие, что если вы станете мутить и бунтовать, то своим скопом, своею численностью можете много зла причинить дорогому нашему Отечеству и самим себе, но добра никакого, ни малейшего, не можете сделать никому, потому что в ослеплении своём послужите врагам нашего Отечества, своим собственным злым врагам. Да удержит же Господь от сего всех вас!

Примите, дорогие мои соотечественники, слова мои с такою же любовью, с какою они направляются к вам. Усердною молитвою призываю на всех вас благословение Божие и остаюсь любящим вас вашим братом во Христе, слугою и богомольцем.

Епископ Николай. 1 (14) декабря 1905 г.

Токио.

Архив Николай-до. Листовка.

ПРАЗДНОВАНИЕ 50-ТИЛЕТИЯ БЛАГОВЕСТНИЧЕСКИХ ТРУДОВ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО НИКОЛАЯ В ЯПОНИИ.

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ СВ. НИКОЛАЕМ, НА ПРАЗДНОВАНИИ

Мы ныне празднуем наше общее церковное дело. Взглянем же на него во свете Промысла Божия.

Господь Иисус Христос сказал: «*Я есмь лоза, а вы ветви... без Меня не можете делать ничего*» (Иоан.15, 5), разумеется, доброго. Итак, что нами в служении церкви сделано доброго, то не мы сделали, а Бог через нас; мы были орудиями Божиими и делали, насколько благодать Божия помогала

нам. Это не то значит, чтобы мы были бессознательными или невольными орудиями; это значит, что мы хотели делать, но мы не могли бы ничего доброго сделать, если бы Бог не помогал нам. Что до меня, то я сознаю это твердо и ясно и не приписываю себе дела, которое здесь сделано; это — дело Божие, дело помогающей благодати Божией.

Но ещё больше, чем на себе самом, возлюбленные мои братья, я вижу это действие благодати Божией на вас, — действие явное, действие чудесное.

Пятьдесят лет тому назад я приехал сюда проповедывать учение Христово; но тогда не только никто не был расположен слушать его, а все с враждою относились к нему. Один из тогдашних врагов христианства здесь, пред нашими глазами, ныне один из почетнейших между нами. Он тогда известен был в Хакодате, как замечательный фехтовальщик; поэтому приглашен был давать уроки фехтования сыну русского консула в Хакодате. Каждый день я там встречался с ним, и всегда он молча смотрел на меня с враждебным видом; наконец, враждебное чувство привело его ко мне. Пришедши, он грубо начал:

— Вы, варвары, приезжаете высматривать нашу страну; особенно такие, как ты, вредны; твоя вера злая.

— А вы знаете мою веру, что так отзываетесь о ней? — спросил я.

— Ясно не знаю.

— А не зная вещи, поносить её, — разумно ли?

Это несколько остановило его; но он с прежнею грубостью произнес:

— Так что же за вера твоя? Говори.

— Изволь слушать, — ответил я.

И стал говорить о Боге едином, Боге Творце вселенной, Боге Искупителе. По мере того, как я говорил, лицо моего слушателя прояснялось, и он, не переставая внимательно слушать, одною рукою достал из-за пояса тушницу, другою — из рукава бумагу, и стал записывать мою речь. Чрез час или полтора он был совсем не тот человек, который пришёл.

— Это совсем не то, что я думал, — сказал он, когда я кончил говорить. — Поговорите ещё, — попросил он уже ласково.

— Приходите, — пригласил я.

И он стал приходить каждый день; а через неделю был уже в душе христианином.

Скажите, что его обратило ко Христу? Когда-то сильный противник христианства Савл был внезапно обращен светоносным явлением ему Господа Иисуса Христа. Там было великое чудо. Здесь я вижу также чудо, только прикровенное. Тот же Христос невидимо Своєю благодатию коснулся сердца Своего врага, сердца чистого, только пребывавшего во мраке, блеснул на

него лучом Своего света, — и врага не стало; он обратился не только в верного последователя, но и в горячего проповедника Христа.

Дальнейшее также полно указаний на помогающую благодать Божию. У Савабэ был друг, доктор-конфуцианист, которому он стал сообщать свои познания о Христовом учении и старался передать ему свою веру. Сакаи, друг его, сначала только смеялся над ним и опровергал его; но недолго это длилось; Сакаи тоже коснулась благодать Божия, — и он сделался не только последователем и проповедником Христа, но и великим постником и молитвенником. Старые христиане, конечно, помнят, как он здесь, будучи диаконом, иногда во время ектении, которую произносил, в молитвенном восхищении припадал на землю и долго так оставался, умиля всех и возбуждая глубокое молитвенное настроение.

Когда Савабэ и Сакаи сделались христианами, то я увидел, что время для проповеди здесь настает, и потому отправился в Россию, чтобы просить Святейший Синод основать здесь миссию и дать мне сотрудников. Когда я снова прибыл в Хакодате, то нашёл, что ревностный Савабэ уже образовал у себя маленькую церковь: у него собралось из Сэндая несколько молодых хорошо образованных «сизоку» (дворян); то были: ныне ещё здравствующий о. Матфей Кангэта, о. Пётр Сасагава, уже скончавшиеся о. Яков Такая, о. Иоанн Оно, только что отшедший в другой мир Павел Цуда и некоторые другие; всех я нашёл уже довольно наученными в вере и в душе христианами. Кто же им указал путь из Сэндая в Хакодате и кто обратил их в христианство, если не Сам Господь таинственным действием Своей благодати? Этими людьми началась катехизаторская школа в Хакодате, и они, вышедши из неё, сделались первыми проповедниками, основавшими церкви в разных городах и селениях северной части Ниппона. Когда потом в Токио основалась катехизаторская школа, а с течением времени и семинария, то число проповедников увеличилось, а с тем вместе и число наших церквей умножилось. Лучшие из проповедников на соборах избирались для поставления во иереи и диаконы, — так образовалось наше священство. И иереи, как распорядители благодати Божией, особенно ясно могут свидетельствовать о явлениях её в нашей церкви: у каждого из них, вероятно, есть на памяти случаи чудесной помощи Божией, явленной через преподаваемые ими таинства крещения, причащения св. Тела и Крови Христовых, особенно же таинства елеосвящения, — исцеление болезней, облегчение страданий, внезапное умирение души и прочее.

Как в первоначальной Церкви проповедь Христова учения сначала была устною, а потом в помощь и утверждение ей явилась проповедь письменная, так точно было и у нас. В помощь проповеди с первых времен Церкви осно-

валось общество переводчиков, первоначальником которых явился сэндайский молодой ученый Савва Хорие; трудами переводчиков образовалась наша уже весьма значительная богословская литература. Явились издатели журналов и писатели, произведения которых составили порядочную литературу оригинальных сочинений, по преимуществу, брошюр.

Женская половина нашей Церкви также являет на себе ясные следы попечения Божия о ней. Учащие наших женских школ в главном составе своём суть жены, навсегда и всецело посвятившие себя Богу, те же монахини, кроме монашеского одеяния; без помощи воодушевляющей благодати Божией невозможны такая решимость и такая преданность в служении Божьему делу. Воспитавшиеся под их влиянием ныне жены церковнослужащих или ещё девицы везде по церквам ревностно и разнообразно помогают церковному делу, то есть благочестивые жены японской Церкви совершают то же служение, которое совершали благочестивые жены Церкви первоначальной.

Женское же усердие и искусство украшает наши храмы иконами, как вот эти, что на стенах собора, и как множество других во многих иконостасах провинциальных церквей.

Наконец, Господь наш Иисус Христос, Сам воспевавший со Своими учениками в Сионской горнице, украсил Свою Церковь таким прекрасным пением, которое мы слышим здесь и которым возбуждается и питается наше молитвенное настроение. Не без Божией помощи наставники и руководители его ведут это дело и все участвующие в нём исполняют его. Отсюда оно, вместе с кончающими здесь учение и поступающими на церковную службу, переходит в другие церкви и приносит духовную пользу.

О наших служащих Церкви, вообще, я должен сказать следующее. Наши священнослужители и проповедники, наставники и наставницы, переводчики и писатели, учителя пения и псаломщики суть люди таких нравственных качеств и, большею частию, таких способностей и образования, что могли бы с большими мирскими выгодами для себя служить на гражданских поприщах; на церковной службе у них нет решительно никаких мирских выгод; у каждого из них едва струится тощий дымок из кухни; они с своими семьями едва питаются, едва имеют, во что одеться; ни наград, ни повышений, никаких приманок у них впереди нет. Что же удерживает их на сей службе, заставляя пренебрегать всеми мирскими благами из-за неё? Что, как не Бог Своим таинственным благодатным внушением! И, кстати сказать, счастливы они, что есть у них в душе то чистое и высокое, к чему может коснуться Перст Божий, чтобы возбудить их, возжечь их ревность и делать их светочами для людей. Да хранит их Бог и впредь так! Они делают великое

дело не только для царства Божия, но и для земного царства, для своего любезного Отечества, которое со временем почтит всех их доброю памятью.

Наши служащие Церкви, посвятив себя на служение делу Божию, трудятся для созидания Церкви Христовой. Их весьма мало для всех открывающихся нужд, и притом нет у них для помощи и руководства им опытных иностранных сотрудников; одни они, рассеянные по всему лицу своей земли, проповедуют Слово Божие. Скудна и малосильна их проповедь, судя по-человечески; и однако же Церковь наша безостановочно и видимо для всех возрастает и укрепляется. Что даёт ей силу возрастания и укрепления? Не сами проповедники, конечно, — они только сеят слово Божие, *«насаждают и поливают»*, как говорит апостол Павел; *возращает же Бог. Насаждающий и поливающий*, по слову апостола, *суть ничто, а всё Бог возращающий*. (1 Кор. 3, 6–7). В сем случае особенно оправдываются слова святителя: *«Без Меня не можете делать ничего»*.

Что действительно Сам Господь Бог созидает наши церкви орудием проповеди церковнослужащих и возвращает их Своею благодатию, этому убедительные доказательства дают сами церкви. В каждой из них есть добрые верующие, видимо облагодатствованные Богом. Наш почтенный и возлюбленный преосвященный Сергей вот уже три года почти непрерывно путешествует по церквам и везде находит истинно ревностных и благочестивых христиан и христианок всех возрастов и состояний, сам радуется этому и радуется меня своими письмами о них. Радуйтесь и вы все этому истинно радостному свидетельству, что Бог обитает в нашей церкви и помогает ей.

Итак, мы купаемся в волнах благодати Божией и благодеяний Божиих, точно так же, как в этом солнечном свете. Это для нас так же очевидно, как этот солнечный свет..

Возблагодарим же Бога за Его великую любовь и милость, явленные нам.

Прибавления к Церковным Ведомостям. № 41. 1911. С.1752–1755.

КРАТКАЯ РЕЧЬ

ПРЕД ОТКРЫТИЕМ СОБОРНЫХ ЗАСЕДАНИЙ 18 ИЮНЯ 1911 Г.

Всё, что происходило здесь в предыдущие два дня, показывает, что церковь наша не вялая и сонная церковь, а полная жизни и одушевления. Такое состояние церкви налагает на нас, служителей ея, обязанность служить ей бодро, ревностно, и также с одушевлением. Так вообще в служении; так

преимущественно в предстоящем нам ныне деле соборных рассуждений о нуждах ея и о средствах удовлетворить оныя. Все нужды уяснятся постепенно. Мне же в настоящее время представляются три главные: 1. нужда в катехизаторах. Для многих мест неостанет их. Но так как в нынешнем году Семинария выпуска не даёт, и взять больше негде, то придется лишь употребить все старание на то, чтобы возможно разумнее и полезнее для церкви произвести распределение имеющихся на лицо катехизаторов. 2. нужда в священниках. Эту удовлетворить мы можем, избрав для рукоположения из катехизаторов, нужно лишь прилежно обсудить, куда и кого поставить, чтоб была действительная польза для церкви. 3., по распределении всего, дальнейшая и самая важная нужда состоит в точном и ревностном исполнении распределенного, т. е. в ревностном служении церкви. В этом отношении священники должны подавать пример катехизаторам... Но об этом можно поговорить после. Теперь же приступим к уяснению настоящего состояния церкви...

Архив Николай-до. Собственноручно написанная речь Архиепископа Николая.

Из ДОНЕСЕНИЯ
начальника РОССИЙСКОЙ Духовной Миссии
О СОСТОЯНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЯПОНИИ ЗА 1911 ГОД

К 1 января 1912 года в Японии состояло: православных церковных общин 266, христиан в них 33 017, в том числе 1082 человека крещены в 1911 г.; священнослужителей 43; в том числе 1 архиепископ, 1 епископ (оба русские), 35 иереев — все японцы, 6 диаконов — один русский (Дмитрий Львовский), остальные японцы и в числе их один иеродиакон; учителей церковного пения и вместе причетников церковных 14 и 116 проповедников (катехизаторов).

В течение 1911 года из священнослужителей выбыли за смертью два катехизатора, один диакон и один иерей., а именно престарелый Тит Комацу, один из самых первых и почетных японских иереев, прослуживших Церкви 39 лет.

В учебных заведениях миссии состояло:

А) в Токийской семинарии — 94 ученика, из них 82 японца и 12 русских, принятых по просьбе воинских начальств в Харбине и Хабаровске для образования из них переводчиков японского языка;

Б) в Токийском женском училище — 53 ученицы;

В) в женском училище в Киото — 27 учениц.

Учащиеся в этих заведениях было 37, из них 3 наставника с академическим образованием, 6 из окончивших курс местной семинарии, 12 учителей и 25 учительниц. В семинарии в этом году выпуска не было, на младший курс принято 24 ученика.

В иконописной мастерской при Токийском женском училище снабжающей православные храмы в Японии, работала одна иконописица.

При миссии продолжало существование и работу общество переводчиков религиозных книг, в которых состояло 8 переводчиков и 2 редактора периодических изданий: двухнедельного «Сэйкё-Симпо» (Православный Вестник), с официальным отделом, и ежемесячного «Сэйкё Ёва» (Православная Беседа). «Сэйкё-Симпо» издавался названным обществом, а «Сэйкё-Ёва» одним из членов общества, с небольшой субсидии миссии. За год переведено на японский язык и издано 6 книг, в том числе Триодь Постная, в переводе архиепископа Николая и Павла Накаи, Толкование на послание к Галатам епископа Феофана, в переводе Матвея Уэда, беседа на псалмы св. Иоанна Златоуста и другие.

Оригинальных сочинений издано 17, из них большинство (14) — сочинения катехизатора Исаи Мидзусима: Начальное Православное христианское учение, 2-я и 3-я книжки, изд. 2-е, Побуждение к слушанию Христова учения, Женская проповедь и рассказы о св. Нине Грузинской, Необходимые сведения о церкви, Воспитание верующего, Религия мира и другие.

С 5 по 7 июля 1911 года состоялся в Токио ежегодный собор, в составе всех служителей церкви в Японии. Собор был занят своим обычным делом: уяснением положения Церкви во всех подробностях, распределением священнослужителей соответственно сему состоянию и рассмотрением разных прошений и предложений. Между прочим, в удовлетворение давней просьбы японских христиан на острове Формоз, поставлен для них иерей, и вследствие такой же просьбы японских христиан в Корее поставлено в обязанность священника города Нагоя несколько раз в году посещать сих христиан.

Что касается денежных средств миссии, то главные статьи прихода составляли ассигнования от Святейшего Синода, Православного Миссионерского Общества, пожертвования из России и некоторые суммы, полученные из местных источников. Всего на приходе за 1911 год оказалось 105053 руб. 22 коп. Главные статьи расхода: содержание и рассылка японских священнослужителей — 49535 руб., училища миссии — 24362 руб. и книжное дело с иконописанием — 10678 руб.

Донесение архиепископа Японского Николая, из которого извлечены настоящие заметки, есть последнее, полученное от него Святейшим Синодом.

Оно помечено 30 января, а 3-го февраля Владыка в Бог почил. Вместе с тем, за все 50 лет его службы это едва ли не единственная из полученных от него в Святейшем Синоде бумага, написанная не его рукою. Обычно все бумаги на имя Святейшего Синода он писал собственноручно, почерком удивительно сохранявшим свою твёрдость, отчётливость и красоту. Но в последние дни жизни силы его оставили, и рука, очевидно, отказывалась работать. Однако, он не оставлял дела до последнего часа, ибо составлял последний отчет по миссии уже приговорённый врачами к смерти.

Автограф Высокопреосвященнейшего Николая с последнего донесения его Святейшему Синоду от 30 января 1912 года:

*Начальник Российской Духовной Миссии в Японии,
Николай, Архиепископ Японский.
30 Января 1912 г. № 6.
Япокия.*

ОСВЯЩЕНИЕ СОБОРА В ТОКИО

В июльской книжке «Богословского Вестника» помещено продолжение интересных и поучительных сообщений архимандрита Сергия (Страгородского, в будущем Патриарха Московского и всея Руси. — Э. С.) о пребывании его на Дальнем Востоке. Заимствуем из них сообщение о вновь сооружённом соборе в Японской столице Токио и его освящении.

Получил письмо от преосвященного Николая с приглашением по возможности скорее явиться в Токио; 24 февраля предположено освящение собора, нужно, следовательно, подготовиться.

Я быстро собрался и приехал сюда. До освящения оставалось ещё три недели, но они пролетели совершенно незаметно среди разных приготовлений и сборов. Переносили в новый собор ризницу, сосуды. Толковали богослужение, особенно обряд освящения всем священнодействующим и прислуживающим в храме, обучали, что каждому нужно делать при освящении

и т. п. Много дела было, и все, конечно, мелочи, которые решительно не давали ничем другим заняться.

Удивительное богатство сосудов в новом соборе! Я думаю, редкий и в России собор может теперь равняться с нашим. Особенно драгоценны пожертвования Нечаева-Мальцева. На все три престола он заказал Овчинникову полный прибор священных сосудов. Не забыты и мелочи, до тарелочек для просфор включительно. И всё это в одном стиле, и всё это в высшей степени художественно. Что это за жертвование, можете судить по запрестольному кресту в главный алтарь, он — величиной в аршин или более и сделан из чистого серебра (вызолочен) с литым серебряным распятием очень больших размеров, даже носить его тяжело в крестных ходах. Великолепна также панихидница: на серебряном больших размеров подножии, которое всё занято шандалами для свечей, возвышается литая из серебра Голгофа с таким же распятием (вершков пяти величиной), а по бокам литые изображения Божией Матери и Иоанна Богослова. Хороши также ковчеги на все три престола. Сколько всё это могло стоить?!..

Другой благодетель, Самойлов, пожертвовал на главный престол ещё ковчег, огромного размера, серебряный вызолоченный, с прекрасными рельефными изображениями, с эмалью. Какая-то Московская барыня жертвовала кувшин для хранения мира. Это тоже редкость в своём роде: серебряный, покрыт эмалью, прекрасное изображение Сошествия Святого Духа на апостолов. Стоит 5,000 рублей.

Всё это праздничное, пасхальное, а сколько ещё пожертвовано обыкновенных дорогих вещей: Евангелий, сосудов, кадилниц, просто и счёту нет. Вообще, собор достаточно, даже с избытком снабжен утварью. Мне думается, что не только собор, но даже и все миссийские церкви, какие потом будут открываться лет на сто вперёд, можно будет снабдить утварью, особенно сосудами.

Да, наши православные умеют жертвовать. На веки останется памятен для японцев этот щедрый дар матери-цёркви.

Наши христиане тоже собирали между собой жертвования на храм. Беда только, что первый сбор пропал вместе с сборщиком. Они, впрочем, собрали ещё, и теперь на эти исключительно деньги будет устроена при соборе крещальня.

Понемногу стали сходитья священники. Пришёл о. Павел Савабэ. Он теперь уже довольно пожилой человек, хотя состарили его не столько лета, сколько недомоганье. Дух у него и теперь ещё бодр, особенно, когда чем-нибудь воодушевится, но плоть немощна. Теперь он управляет маленькой церковью на севере.

Пришёл с самого севера большого острова о. Борис Ямамура, замечательно благообразный иерей, высокого роста, с большой седой бородой и с совсем кроткими и вместе умными глазами. Это теперь один из самых усердных пастырей японской церкви. Приход у него громадный, и он почти непрерывно путешествует.

Мой знакомый о. Иоанн Оно встретил в Токио своего давнишнего приятеля о. Петра Сасагава из Сэндая. Оба они обращены ко Христу о. Павлом Савабэ и приняли крещение одними из первых в Японии. Проповедывать открыто тогда ещё нельзя было, и вот эти два друга удалялись с о. Павлом гулять в горы, которых очень много около Хакодате, и там слушали начатки Христова учения. Преосвященный Николай был в то время в России, хлопотал об открытии миссии. Возвратясь, он крестил их и потом приготовлял к катехизаторскому служению. Теперь и тот, и другой усердно проповедуют.

Из Сидзуока прибыл о. Матфей Кагэта. На вид он какой-то сердитый, насупив брови, мрачный. Горе увлекшимся ораторам на соборе: о. Матфей бесцеремонно обрежет каждого, кто чуть-чуть выкажет намерение повторить одно и то же в третий и четвёртый раз. Отличается вообще замечательной прямолинейностью. Как пастырь, очень хороший, горячо верующий и усердный. Недаром в его приходе известно несколько случаев исцелений при совершении таинства.

Собралось вообще 16 японских священников. Двое не приехали (самый северный и самый южный, всех 18). Дяконов — 5.

Накануне освящения совершено было в новом соборе всеношное, вне алтаря, как полагается по уставу, — присутствовали, главным образом, христиане. После богослужения епископ вышел на середину для проповеди. Все христиане сели на пол, заняв почти всю ширь собора. Епископ говорил, как началось сооружение этого собора, как откликнулась на это святое дело православная Россия, говорил о значении собора для Японии и для взаимных связей между русской и японской церковью.

Часов до одиннадцати продолжалось движение в миссии, т. е. главным образом, в квартире преосвященного Николая, без которого не делается здесь никакая самая незначительная мелочь, а в два часа он уже велел себя разбудить: готовиться к освящению. Нужно было прочитать ему целую книгу китайских иероглифов (обряд освящения совершался на японском языке). Конечно, весь чин переведён был самим же преосвященным Николаем, но просмотреть пред службой было необходимо. Нужно было также приготовить для такого важного случая соответствующую проповедь. Времени нужно много, а в семь часов утра назначено уже водоосвящение. Жаль только,

что непрспанная ночь дала себя знать: голос пропал. Поэтому и от проповеди за богослужением пришлось отказаться.

В семь часов одним из японских священников совершено было водоосвящение, а в восемь часов раздался первый в Токио удар православного колокола. До сих пор служба совершалась без звона, а теперь даже звонарь русский был на лицо (Феодор, приехавший с нами). Не нужно и говорить, с каким интересом слушали японцы эту неслыханную ими музыку. У японцев есть колокола, и даже огромные, не уступающие нашим. Они имеют несколько иную форму, продолговатые, звонят в них, ударяя бревном по наружной стороне колокола. Звук получается густой, очень мягкий. Во всяком случае, таких искусных звонарей, как наш Феодор, у них нет.

Богослужение отличалось небывалой торжественностью. Служило с епископом 19 священников (трое русских) и четыре диакона. Пели семинаристы с ученицами женской школы и, нужно отдать им честь, пели прекрасно. Потом в газетах особенно удивлялись этому хору. Пело человек 150, такого хора не бывало, я думаю, в Японии ещё никогда.

Гостей на освящении было очень много. Все члены дипломатического корпуса, представители почти всех миссий (за исключением, конечно, католической), много разных здешних знаменитостей, учёных, литераторов и пр... Министры не могли быть, потому что освящение совпало с закрытием парламента. Все гости приглашены были потом на закуску в миссийские здания.

Собор был переполнен народом, хотя пускали только по билетам, т. е. одних христиан и их близких. Язычников кругом миссийской ограды собрались целые тысячи: опасались было какой-нибудь демонстрации во время крестного хода вокруг собора; но все эти опасения оказались совершенно напрасными: народ вёл себя чинно, многие снимали даже шляпы при проходе священнослужителей.

Не успели мы кончить с гостями и уборкой храма, как снова зазвучал колокол — ко всенощной. На следующий день после обедни епископ со всеми 19 священниками служил молебен о здравии жертвователей. Собор был опять переполнен молящимися, добрая половина которых на этот раз состояла из язычников. Эти последние ведут себя вполне хорошо. Бывают, конечно, некоторые казусы вроде следующего. Войдет какой-нибудь «одзисан» (дядюшка — Э.С.) в первый притвор, снимет свои «гэта» (деревянные сандалии — Э.С.) и, вдруг, в раскрытую дверь видит золотой, блестящий иконостас; это его так поражает, что он несется стремглав чрез притвор и весь собор к солее, точно бабочка на огонь. Конечно, не знающий может

подумать, что где-нибудь, если не в самом храме, сильный пожар. Иногда ребяташки затеют в углу какую-нибудь игру. Или среди службы вдруг раздастся свист: это японец-язычник выражает своё восхищение при виде иконостаса. Случается и так, что наши богомольцы (конечно, язычники), затерявшись в толпе, начинают отыскивать друг друга, как в лесу, чуть не ауканьем. Впрочем, это только на первых порах, посетители быстро освоились с нашими порядками, тем более, что при дверях вывешено объявление, а в соборе есть особые надзиратели.

При всяком удобном случае собор наполнялся народом. Теперь толпами, конечно, уже не ходят, но народ в соборе всегда есть. Собор открыт для осмотра целый день, и вот беспрерывно приходят маленькие партии, человек по пяти, по десяти. Городские перебивали все, за ними идут провинциалы со всех концов Японии. Всякого, кто приезжает сюда осматривать городские достопримечательности (в Японии такие путешествия очень развиты), извозчики везут и в наш собор. Народу, как видите, очень много, — и все они смотрят на наш храм, на наши иконы, на наше богослужение. Не может у них не зародиться вопрос, зачем всё это, что эта за вера? Прекрасный предлог начать с язычником разговор о вере. Собор оказался самым существенным пособием для проповеди. Необходимо только воспользоваться им, как следует. Нужно было назначить человека, который бы постоянно был в соборе и объяснял язычникам всё, что будет им нужно. Если у кого возбудится интерес к вере, тому наш гид указал бы адрес ближайшего катехизатора в Токио или на родине язычника.

Теперь к этому делу приставили одного старичка Иону, который и сидит в храме с утра до ночи. Человек попался очень словоохотливый, и его объяснения выходят целыми проповедями. Случаются, конечно, у него и диспуты, особенно с молодежью, со студентами. Только наш старик угощает их такими длинными опровержениями, что бедные возражатели не знают потом, как и уйти.

Иона потом рассчитывал, что на каждый день круглым счетом придется по одному, по два человека, которые настолько заинтересуются проповедью, что спрашивают адрес катехизатора.

Прибавление к Церковным Ведомостям. № 31. 1896. С.1133–1136.

По Японии (записки миссионера)

Остров Эдзо

Преосвященный Николай давно собирался посетить город Нэмуру и особенно курильцев, бывших русских подданных, живущих теперь на о. Сикотан. Это едва ли не единственный уголок Японии, который до сих пор остался непосещённым, хотя бы проездом. Летом этого года (1898) желание можно было исполнить, причём Владыка взял в спутники меня. Это, вместе с тем, было и началом моего действительного служения Японской церкви. Прежде чем переписывать свой путевой дневник, скажу несколько слов об острове Эдзо, на северо-восточном конце которого стоит Нэмуру.

Этот большой и богатый остров многим напоминает нашу Сибирь. Он так же не возделан, также обещает многое в будущем. Его климат также слышит между японцами за суровый, даже береза есть в изобилии в его девственных лесах. По политическим правам остров этот ещё не уравниен с остальными частями империи, только в самое последнее время говорят о предоставлении избирательных прав старым городам вроде Хакодатэ. До сих пор он только ещё колония, управляемая по особым законам. К довершению сходства с Сибирью, здесь находятся главные японские тюрьмы, сюда с давних пор идёт избыток населения старой Японии.

По условиям жизни, характеру населения и прочего остров можно разделить на две, весьма непохожие друг на друга, области: прибрежную, довольно узкую полосу (с которой одинаковы по условиям жизни и промыслам Южно-Курильские острова) и всю внутренность острова. Побережье Эдзо и Южные Курильские острова давно заняты японцами-рыбаками. Море кругом изобилует рыбою, морскою капустою, устрицами и пр., что служит предметом выгодной торговли со старой Японией и с границей. Неудивительно, если предприимчивый народ стремится к этим краям. Теперь побережье почти непрерывно всё застроено рыбацкими избушками, промысловыми сараями, поселками и целыми городами. Всё это носит на себе печать временности, непрочности. Промысла, конечно, стоят большую часть года запертыми, пустынными, оживают только на время ловли. Города же и поселки всецело зависят от моря. Есть рыба, не пропадает на взморье капуста и устрицы, есть и народ в этих городах, бойко идёт торговля, на улицах шумно илюдно, гавань полна рыбацких судов. Но вот почему-нибудь прекратился на несколько лет, а может быть, и навсегда улов рыбы (как, напр., в Нэмуру теперь), городские богачи разоряются, промысла стоят без дела, город зати-

хает, хиреет, население его рассеивается. Исключения представляют только местности на юго-западном конце, можно сказать, хвосте острова, где находится Хакодатэ: там японцы живут уже давно оседлой жизнью, тамошние города не зависят в такой степени от рыбной ловли, поэтому уже успели сложить свой собственный быт, дать своим жителям особый определённый характер, столь же, может быть, определённый, как и города старой Японии. Но это только на юго-восточном побережье.

С настоящей Сибирью мы встречаемся во внутренней области Эдзо. Обширные равнины и горы покрыты ещё не тронутым, вековым лесом, где не редкость встретить и нашего знакомого медведя. Богатая почва равнин ждёт ещё земледельца, который бы расчистил её и возделал. В недрах гор лежат нетронутыми минеральные богатства, особенно много, говорят, каменного угля. Наконец, и самый лес мог бы служить предметом обогащения, если бы были какие-нибудь средства переправлять его к морю. Среди этих дремучих лесов кое-где живут прежние обитатели японских островов — айны, бедное, забитое племя, которое кое-как влачит последние дни своего существования. Айны не выше японцев ростом, с большими, красивыми глазами, как-то кротко смотрящими из-под густых чёрных бровей. Мужчины немного напоминают наших мужиков, у них длинные волосы и большие, широкие бороды, скрашивающие монгольские черты их лица. Женщины имеют странный обычай наводить себе тёмно-синей краской усы. Лачужки их невзрачны, сами они грязны и ленивы, как и все вообще охотничьи народы, более любят брать от природы готовое, чем трудиться над возделыванием её. К земледелию особенной склонности они не обнаруживают, хотя правительство и старается всячески их к этому приучить. С японцами айны (или наоборот) как-то не сходятся, взаимных браков, вообще говоря, мало. Разделённые по острову на отдельные племена, удалённые одно от другого, айны, естественно, обречены на вымирание. Число их, действительно, с каждым годом уменьшается. Из христианских миссий, работающих в Японии, на этот народ обратила особенное внимание миссия англиканская, в частности, миссионер Бачелер, до сих пор здравствующий. Он составил для айнов азбуку, завёл для них школы, где, сначала на айноском языке, а потом на японском, обучает их вере и всему необходимому. Нечего и говорить, какое это благодеяние для племени. Благодаря ему многие становятся христианами и несколько поднимаются над низким уровнем их охотничьей, полудикой жизни.

Японское население внутри острова тоже ещё не многочисленно и довольно рассеяно. Но колонизация, особенно в последнее время, идёт усиленно и систематично. Изданы даже особые книги с прекрасными фототипическими картинками, в них описывается богатство острова, его ещё незанятые

земли, рудники, рыбные ловли, политические права, климат, вообще все условия тамошней жизни, с указаниями, куда и к кому обратиться, если пожелают переселиться. Правительство позаботилось разбить доступную обработке землю на участки по 10 тысяч цубо (цубо равняется приблизительно 36 квадратным сажением) и предлагает эти участки даром всякому желающему. На двадцать лет поселенцы свободны от податей, через десять лет участок становится собственностью земледельца (впрочем, с некоторыми ограничениями на первое время относительно права продажи и передачи земли). Можно занимать и более одного участка, ограничений на этот счёт, по-видимому, нет, только обязательно нужно занятую землю расчистить и обработать. Участок, не разработанный или заброшенный, после известного срока отбирается в казну и может быть получен во владение кем угодно. Конечно, и тут есть исключение: некоторые аристократические фамилии, которые землю не обрабатывают и сельским хозяйством не занимаются, тем не менее владеют чуть не целыми губерниями, раздавая участки уже от себя и в свою пользу.

Поселенцы на остров идут довольно охотно: в старой Японии становится тесно. На новом месте предстоит им труд громадный. Их будущая нива покрыта непроходимым девственным лесом. Хорошо ещё, что прорублены везде просеки и устроены более или менее сносные дороги-тропы. Необходимо свалить весь этот девственный лес своими руками, убрать его тоже без посторонней помощи. Да и убрать некуда и не на чем, его тут же на месте сжигают, хотя и это нелегко с домашними средствами: какой-нибудь столетний великан не скоро поддаётся и огню. Поселенцы на первое время строят себе из соломы дом-лачужку, чтобы можно было, при неудаче, бросить и уйти без особенных убытков. Зимой в этих лачужках приходится мёрзнуть: климат немногим теплее сибирского. Многие не выдерживают всех этих бедствий и непомерного труда и, отчаявшись когда-нибудь видеть более ясные дни, возвращаются на родину в полном разорении и разочаровании: дома тоже уже всё продано и истрчено. Зато те, кто перетерпит, начинают жить хорошо, труд и лишения вознаграждаются. — На таких же условиях раздаются различные копи, минеральные источники и пр., открывший может хлопотать и получает право на владение и разработку. Чтобы ускорить колонизацию и несколько помочь военному бюджету, правительство завело было военные поселения, думая, что насаждает казачество. Каждая семья, обязавшаяся выставлять одного солдата (отец, после отца сын, внук и т. д.), получает участок земли и даже готовый домик на нём, податей за это не берётся, несколько лет выдается даже субсидия. Но эти поселения, говорят, не удались и, кажется, близки к закрытию.

Если назвать такие военные или простые поселения деревней, точного представления о них не получится. Дома стоят каждый на своём участке, следовательно, на расстоянии 50-ти, а иногда и 100 сажень один от другого. Вы едете прямой, как стрела, дорогой, по сторонам густые заросли чередуются с только что вспаханной новиной, на ней торчат высоко, на сажень и более, срезанные пни дерев-великанов, между ними пробиваются всходы (родятся здесь ячмень, кукуруза, просо, гречиха, пшеница, пробуют сеять и рис и, говорят, в иных местах урожай хороший), то и дело валяются огромные, кое-как обрубленные стволы, которых убрать не под силу хозяину, видны курящиеся костры, жгут лишний лес. Тут же где-нибудь ютится и невзрачная лачужка поселенца с её соломенной крышей, с грядками овощей, с цветником. Далее, сквозь заросли из-за золотистых подсолнечников выглядит соседний двор.

В военном поселении порядка, конечно, больше: дома также далеко один от другого, но уже несколько выравнены в линию, к каждому ведёт с дороги прямая тропинка, иной раз на дорогу выходят и ворота с толстыми столбами (леса здесь жалеть не приходится). Есть и деревни, которые так тянутся на 15, на 20 верст. В каждой деревне есть свой «сигаи», т. е. то, что можно назвать деревней в собственном смысле: здесь домики собрались в улицу, живёт жандарм, стоит нечто вроде областного правления, почта, кузница, есть лавки, мастерские и несколько гостиниц или постоялых дворов. Это административный и общественный центр деревни, около которого группируются окрестные земледельцы, этому поселку присваивается собственное имя деревни, отсюда ведётся счёт расстояний и пр.

Для нас эта колонизация интересна, в частности, в том отношении, что сюда переселяются многие из наших христиан с островов старой Японии. В рыбацких поселках или в деревнях иной раз образуется церковь, которая уже от себя начинает распространять влияние на окружающую среду. Условия же такого влияния на Эдзо, можно сказать, весьма благоприятны. Приходят сюда выходцы из разных провинций, с разных концов Японии, селятся они рядом, образуют одну общину. От этого, во-первых, нет здесь такого разнообразия в говорах, крайности, провинциализмы, естественно, сглаживаются, а во-вторых, нет здесь такого связывающего влияния среды, преданий, как это во всех старых городах и селах. Здесь каждый себе господин, соседи ему не указ. Получается своего рода Америка на японский лад. Оттого и перемена веры никого не удивляет, не вызывает ненависти или преследований. Никто не имеет ни права, ни желания навязывать своих обычаев или своего образа мыслей другому. Для христианской проповеди — одним препятствием меньше. Впрочем, есть и обратная сторона. Тяжёлая борьба

с природой, лишения, какими сопровождается первое поселение сюда, — с другой стороны, общая погоня за работой, за наживой, при видимой возможности каждому скоро разбогатеть на промыслах или рудниках, всё это многих совершенно отвлекает от вопросов духовных, не располагает к слушанию проповеди. Земледельцы, впрочем, как и в России, более близки к вере и более в ней постоянны, чем рыбаки и рабочие на фабриках. Теперь, по словам некоторых, на острове Эдзо нет местечка, в котором не было бы христиан. Некоторые из них неизвестны священнику, таких нужно отыскать. Иной раз совершенно неожиданно железнодорожный собеседник оказывается православным христианином, тут же, конечно, узнается от него, где он принял крещение, где теперь живет и всё остальное. Иной раз местопребывание христианина известно, но священник до сих пор не может добраться до его села. Вообще нужно сказать, что острове Эдзо обещает для христианства очень многое, может быть, гораздо больше, чем области старой Японии, где господствуют разные предания.

В церковном отношении остров Эдзо разделён на три прихода. Один священник живет в Хакодате и управляет небольшой общиной этого города и пригородной деревни Арикава. Второй священник живет в главном городе всего Эдзо — Саппоро, где находится всё высшее управление колоний. К этому приходу принадлежит, собственно говоря, всё Хоккайдо, как называется остров на официальном языке. Приход получился очень обширный по пространству и по количеству христианских общин. Причина такой несоразмерности в том, что хакодатские христиане несколько содержали церковь на свой счёт, т. е. платили жалованье священнику, расходовались на отопление и освещение храма, мелкие ремонты; миссия давала содержание катехизаторам, несла все земельные и пр. сборы за место и производила капитальные поправки в церковных зданиях, если такие поправки были нужны. Чтобы поощрить и других христиан к таким жертвам на церковь, для хакодатских христиан и дан особый священник. Третий священник живет в Нэмуру, на северо-восточной оконечности острова, там, где к нему примыкает гряда Курильских островов. Приход этот тоже небольшой по количеству христиан, но очень разбросанный. К нему принадлежит Нэмуру с военным поселением Вата (недалеко от города), Кусиро, город на южном берегу острова, куда нужно ехать из Нэмуру верст 160 верхом на лошади через горы. Есть, конечно, и морской путь, но пароходы из Нэмуру весьма редко, случайно только, заходят в Кусиро; чтобы попасть туда, необходимо сначала проехать мимо Кусиро в Хакодате (около полутора суток) и потом уже вернуться в Кусиро (сутки). К этому приходу относится и остров Сикотан с живущими на нем православными курильцами. Собственно, для этих последних и решили

прошлый год определить особого священника в Нэмуру. Сикотан лежит от Нэмуру миль на 60, на пароходе приблизительно 8 часов ходу. Но пароход ходит туда три и даже два раза в месяц, притом, если не помешают туманы, — а туманы в этих морях некоторые месяцы бывают почти постоянно. Кроме этих, столь трудно достижимых главных мест, о. Игнатий (священник Нэмуру) заведует всей вообще северо-восточной частью Хоккайдо и Курильскими островами: кое-где по посёлкам живут христиане, по одному и по двое, их необходимо по возможности от времени до времени посещать. — Целью нашей настоящей поездки и был этот новый, недавно образованный приход отца Игнатия Като.

Хакодатэ

Мы отправились из Токио в 7 часов утра 5 августа нового стиля по северной железной дороге. До Аомори, портового города (на берегу залива того же имени), езды 25 часов. Первая половина дороги, почти до Сэндая, идёт по замечательно красивой и тучной равнине, которая просто поражает своим плодородием, — другая половина идёт в местности уже не так густо населенной и не столь старательно возделанной. Часто встречаются обширные пустыри; здесь разводятся японский скот, особенно лошади. По всему протяжении этой дороги рассеяны наши православные общины, разделенные между пятью-шестью священниками. Это самая значительная часть православной Японии. Есть небольшая община и в самом Аомори с катехизатором во главе. На этот раз мы никуда не заезжали: наша цель была далеко впереди. В субботу 6 августа (25 июля) мы были в Аомори в 8 часов утра. Отсюда 6–7 часов ходу на пароходе по заливу Аомори и Сунгарскому проливу до Хакодатэ. Пароходов ходит много, но лучшие, конечно, принадлежат «Ниппон Юсэн Кайся» (Японскому Почтово-пароходному Обществу), которое содержит здесь ежедневные (иногда даже два раза в день) рейсы. На пароходах этих чисто, стол японский, но очень хороший, — можно заказать себе и европейскую пищу, только это не необходимо.

В 4 часа вечера в тот же день мы уже обходили характерную Хакодатскую гору, которая совершенно закрывает собою от моря рейд, а немного погода поднимались по широким улицам города наверх, в верхний ярус хакодатского амфитеатра, где столпились кучей огромные здания различных миссий, а среди них из-за зеленой листвы скромно поднимался небольшой крестик нашей старенькой деревянной церкви. Хакодатэ — мать наших церквей. Здесь тридцать семь лет тому назад преосвященный Николай первый раз ступил на японскую почву, здесь крещены первые наши христиане, разнес-

шие потом весть о Христе по всей Японии. Теперешнее церковное место принадлежало прежде русскому консульству. Оно очень обширно, имеет много зелени, деревьев и цветов и было всё застроено: был очень большой дом для консула, дома для секретарей, священника, доктора и пр. Рядом стоял морской русский госпиталь. Но сильный пожар уничтожил почти все эти постройки, остался только консульский храм, дом священника и ещё кое-что. Опять строиться уже не пришлось: с переменной правительства и консул наш переехал в Токио, место же это занято нашей миссией. Храм и теперь ещё цел, в нём собираются для Богослужения хакодатские христиане. В уцелевших постройках размещены катехизаторы, священник и прочие лица, служащие церкви. Прежде была здесь школа для детей без различия вероисповеданий, но теперь в Хакодате хорошо поставлены и правительственные школы, которые притом дают своим питомцам и определённые права. Наша школа, как не признанная правительством, конечно, этого давать не может. Поэтому за недостатком учеников (общий удел школ мужских всех миссий) её, к облегчению миссии, оказалось возможным закрыть. Теперь осталась только школа шитья, в которой ученицы всегда есть. Зелень разрослась ещё больше (некоторые деревья посажены преосвященным Николаем), деревья почти скрывают и храм, и дом священника (в нём есть и комната, в которой жил преосв. Николай). В общем, получается впечатление оставленной помещицьею усадьбы: главного дома уже нет, сад запущен, двор порос травой, остался только приземистый флигель, да разные постройки, в которых редко-редко покажутся признаки тихо протекающей жизни. Всё это остатки прошлого, полные пережитых дум, теперь будящие воспоминания. Много можно передумать, бродя и по нашему хакодатскому двору, под его тенистыми деревьями, около храма и домов. Вспоминается тихая незримая работа, думы, в которых зачиналась история православной церкви в Японии.

В настоящее время в Хакодате около 300 человек христиан. Крещено с основания японской церкви 1122 человека, более 200 из них уже умерли, человек 800 разбрелись по Хоккайдо и старой Японии. На место ушедших переселились христиане из других церквей, но, конечно, в гораздо меньшем количестве. Таковую текучесть приходится замечать по всем церквам и объяснить её не трудно: скорее принимают крещение, конечно, те, кому менее к этому препятствий, кто не так связан окружающей обстановкой, а в таком именно положении и находятся люди, пришедшие в известный город со стороны. Вот почему их всегда много между принимающими крещение. Но пришельцы также легко и оставляют место своего временного поселения. Конечно, в видах распространения христианства такая текучесть полезна, зато для частной церкви от этого немало урона, хотя бы в одном том отноше-

нии, что временные жильцы не могут так радеть о церкви, не так охотно и щедро жертвуют на её нужды и пр. Хакодатская церковь, впрочем, имеет в себе и довольно значительное постоянное ядро старых христиан, некоторые из которых приняли крещение ещё от самого преосв. Николая (таких, правда, уже очень немного) и от архимандрита Анатолия. Они держат церковь собою, хранят церковные обычаи, которым они могли научиться от русских миссионеров, почти постоянно живших здесь. Особенно это нужно сказать о женщинах, которые, как и везде, усерднее к церкви и богомольнее мужчин. Женщины составляют здесь братство, собираются три раза в месяц для взаимного назидания, сообща жертвуют на церковь, помогают бедным и пр. Богослужение совершается в храме более исправно и с большим соблюдением церковного устава и разных православных обычаев, чем где бы то ни было в Японии. Небольшой храмик, конечно, уже стар, но ещё долго послужит, да и перестраивать его не хочется: это родоначальник японских храмов. У него есть и колокольня, с которой всегда раздаётся звон перед и после Богослужения. Колокола же отлиты во время оно самим преосвященным Николаем (конечно, при помощи японца — литейного мастера), отлиты на век: стенки толстые-претолстые. От этого звук получается, может быть, и не такой, какой мог бы получиться, зато они прочны и дороги для японской церкви по воспоминаниям.

Помолившись с христианами в тот вечер и на следующий день (воскресение) за обедней (причём проповедь говорил оба раза сам владыка), устроивши кое-какие церковные дела, мы вечером, провожаемые священником и христианами, перебрались на пароход той же почтовой компании. Он выходил в Нэмуру ровно в полночь. Была ясная лунная ночь, спать не хотелось, и мы долго любовались восхитительным видом туманного рейда и города с его разноцветными огнями, тихонько шумевшего под сенью горы.

Нэмуру

Весь следующий день 8 августа (27 июля) мы благополучно шли на нашем «Муцу-мару». День был ясный, море спокойно, хотя это и был уже Великий океан. В полдень миновали Эримо-дзаки, мыс, лежащий приблизительно на половине нашего пути. На пароходе в первом классе только и было нас двое. Был ещё европеец, должно быть, пассажир второго класса. Он почему-то нас сторонился, так заговорить и не пришлось. После узнали, что это баптистский миссионер, который ехал в объезд острова Эдзо и, кажется, к айносам. Баптисты вообще не особенно нас долюбивают, может быть, даже меньше, чем католики. Впрочем, в личных отношениях, конечно, никакой неприязни

не обнаруживается. Всего лучше относятся к православным епископалы высокоцерковной партии, иной раз они уже слишком настойчиво стараются убедить и наших, и своих христиан, что вера у нас с ними одна. Между прочим, узнав, что в Корее основывается наша миссия, один из тамошних англиканских миссионеров выражал в миссионерском журнале свою радость по этому поводу: придут-де наши союзники.

Утром 9 августа (28 июля) я рано вышел на палубу, надеясь скоро увидеть и Нэмуру. Но не видно было ничего, море покрыто было лёгким туманом, пароход шёл самым тихим ходом, меня несколько раз курс и иногда останавливаясь. Было совсем свежо, несмотря на лето. «И что они тащатся черепахой? Неужели и в своём-то море дороги не знают?», — досадовал я, ёжась от холода в своём летнем подряснике. Вскоре забелел бурун слева, это подводная скала, её-то, должно быть, и искали. Пароход сразу же прибавил ходу, и через несколько времени показался длинный и низкий мыс с белым маяком на конце. Эта одна из развилок, которыми оканчивается восточный угол Эдзо. Пароход должен пройти между окончностью мыса и небольшим островком (здесь много их рассыпано кругом); проход очень узкий и при туманах очень опасный. Из-за одного этого места (Носяпу, по-айноски) иной раз приходится сидеть в Нэмуру по нескольку дней. На этот мы раз прошли благополучно, полюбовавшись на какой-то пароход, в виде поучения сидевший крепко на скале немного вправо. Он, говорят, сел несколько дней тому назад, поэтому наши кормчие и были особенно осторожны. — Отсюда не более полутора часов до Нэмуру. Всё время шёл довольно низкий, зелёный берег, почему-то напомнивший мне берега около Одессы. На нем было как-то пусто: ни жилья, ни деревьев. Да и могут ли они расти на этом мысе под постоянно бушующими ветрами? Но вот и деревья, а вслед за ними и самое Нэмуру, однообразная, неопределенная масса серых домиков. Не видно ни церквей, ни других каких-либо выдающихся зданий, которые так красят европейские города. Мы вошли на небольшой рейд, слегка прикрытый островком. В ветер здесь, конечно, очень плохо.

Скоро подъехал на лодке полицейский, осмотрел наши паспорта, записал в книжку. За ним пошли и другие посетители. На большой лодке приехали о. Игнатий с катехизатором Моисеем Минато и несколькими христианами. Первый был в подряснике с цветным поясом (наша официальная одежда здесь), а второй, ещё не старый человек, но уже с седыми волосами, для торжества облачился даже в настоящий чёрный сюртук. Катехизатор этот не отличается особенной ученостью, поэтому не гонится за какими-нибудь красноречивыми поучениями, но пользуется очень хорошей репутацией и как человек, и как проповедник. Особенно любят его в ближней деревне, где

большая часть христиан и обращена к Христу, благодаря его усердию. О. Игнатий здесь человек ещё новый: служит не более полутора лет. Родом он из провинции Тиба около Токио, а на службе был до сих пор в Кюсю, самом южном и самом теплом из японских островов. Он с удивлением рассказывал нам, как у них в Нэмуру замерзает гавань, да не как-нибудь, а настоящим мостом, даже ходить по льду можно. На довольно примитивном моле нас ожидала целая толпа христиан. Многие из них в первый раз видели Владыку, а может быть, и вообще, иностранных священников. Все ещё издали начали кланяться. Приняв же нас на берег, все стали подходить к Владыке за благословением и потом всей толпой, захватив наши вещи, повели нас в гостиницу, лучшую в городе, которая и стоит тут же, на берегу. Здесь мы должны были принарядиться, а христиане все ушли в церковный дом, где предполагалась настоящая встреча.

Мы надели рясы, Владыка панагию, я крест, и, в сопровождении о. Игнатия, отправились по улицам города тоже в церковный дом, находящийся почти на самой окраине. Улицы прямые, широкие, постройки не так воздушны, как в старой Японии; несколько, пожалуй, напоминают наши. Вся середина города назад тому года два выгорела, и теперь стоит застроенной только наполовину. Вообще город, очевидно, засыпает, падает. История его весьма характерна для здешних городов. Лет 20 тому назад это была маленькая, невзрачная айноская деревушка в несколько хат с одним-двумя десятками японских жителей; лет пять тому назад это был весьма шумный, деятельный город, привлекавший к себе народ со всей Японии и быстро богатевший. Теперь его история кончилась: рыба перестала ловиться, и делать в Нэмуру больше нечего. Торговля затихла, народ ушел, теперь это глухой городок, наполовину уже пустой и всё ещё продолжающий пустеть.

Наш церковный дом, как я сказал, стоит на окраине города. Это очень хороший новый домик, нарочно построенный для этой цели христианами. На нём есть и деревянный восьмиконечный крест. Земля нанимается, причём хозяин, брат одного из христиан, язычник, берет только половину платы. Скептики, впрочем, говорят, что ему всё равно не пришлось бы эту землю сдать никому, так как город запустел. Внутри дома очень чисто, везде новые "татами" (толстые циновки). Вход прямо в обширную комнату, где обычно собираются христиане, направо квартира о. Игнатия, куда недавно переехала с родины и матушка с тремя детьми. Налево молитвенное помещение. Это очень большая комната с высокой солеей, огороженной резной решеткой. На солее престол, жертвенник. По стенам висят очень хорошие иконы, писанные уже в Японии. Иконостаса ещё нет, да, пожалуй, для начинающих христиан гораздо поучительнее без иконостаса: они могут таким образом видеть совершение величайшего из таинств.

Отец Игнатий облачился в фелонь и начал обедницу. Пели несколько ребят под управлением усердного Моисея (катехизатора), который, признаться, больше всех и рознил. После обедницы Владыка надел эпитрахиль и омофор, сел на табурет и обратился к христианам с поучением. Темой его были начальные слова молитвы Господней: «Отче наш». Мы постоянно должны радоваться, ибо знаем истинного Бога, нашего Небесного Отца. Что может быть выше и чище этого неоценимого счастья? Но будет ли наша радость совершенна, если в ней не примут участия наши близкие, наши братья, окружающие нас? Поэтому, благодаря Бога за себя, будем стараться и наших неведущих братьев просвещать истинным светом, чтобы и они приняли участие в нашей вечной радости. Это долг наш, долг любви и благодарности. — Христиане все сидели на полу, чинно сложив руки на коленях и наклонив голову. Большинство было из соседней деревни Вата, городские разъехались по разным промыслам: время было горячее для рыбаков. Зато ребята были, очевидно, все в наличности, целый угол был занят ими. Владыка после проповеди и обратился к этому углу, и начал их испытывать в знании молитвы «Отче наш». Задача была не особенно легкая, так как ребята ужасно стеснялись невиданного ими иностранца и старательно отодвигались в задние ряды. Впрочем, некоторые выходили и довольно порядочно читали молитву. По этому поводу преосвященный долго беседовал о долге родителей воспитывать своих детей в вере и страхе Божиим, об ангелах-хранителях и пр. От чтения молитв естественный переход к пению. Владыка похвалил Моисея за старание, но всё-таки сказал, что можно петь и ещё лучше. Чтобы научиться так петь, нужно купить фисгармонию для спевков. Тут же решили и это дело: фисгармония стоит 20 иен, 15 жертвует преосвященный, а остальное должны доложить уже сами христиане. Это, конечно, было принято очень охотно. Бог даст, на следующий раз мы услышим совсем хорошее пение. Далее приступили к просмотру здешней метрики. Всего крещений было здесь 206 (за всё время существования церкви); но из них 145 человек умерло или переселилось куда-нибудь в другое место, 10 человек ослабело и к церкви уже не имеют отношения, 7 — неизвестно где и в каком состоянии. Теперь в самом городе, не считая деревни, 62 человека, вместе с пришедшими сюда из других церквей. — Церковь эта прежде была очень состоятельная; по рассказам, на один «симбокуквай» о Рождестве тратили по 50 и более рублей. Тогда был построен и молитвенный дом. Но общее обеднение распространилось и на христиан: многие из них тоже разорились, многие переселились в другое место. Прежнего достатка в церкви нет. А это, в свою очередь, не могло не отразиться и на церковной жизни, в ней нет той живости, как прежде. На вопрос: «Есть ли симбокуквай?» — нам конфузливо

отвечали, что нет. А причина самая простая: тратить на угощение по 50 иен теперь уже никто не в состоянии, а устраивать по-бедному стыдно. Преосвященный по этому поводу говорил о том, как нужно христианам собираться и для чего: не угощение должно быть целью, а взаимное назидание, чисто церковная, братская любовь. Поэтому такие собрания нужно устраивать как можно проще, чтобы богатому нечем было кичиться перед бедным, а этому стыдиться перед богатым. В наших церквах есть прямо даже правило не тратить на симбокуквай больше известной, очень ограниченной суммы, иногда всего несколько иен; притом, на угощение расходуется не хозяин дома, где бывает собрание, а сами же гости. Это нужно соблюдать и здесь. Тогда из-за бедности не будет повода лишаться этих весьма полезных для оживления церковной жизни собраний. — Беседа эта прошла далеко за полдень, потом мы пошли со священником в свою гостиницу обедать, а христиане разошлись по домам.

Остаток дня прошёл в посещении христианских домов. К сожалению, как я уже говорил, очень многих христиан не было дома: разъехались по рыбным промыслам, кто на Курильские острова, кто куда. Мы посетили только 14–15 домов. Между прочим, были у одного адвоката Филиппа Эгути, давнишнего знакомого Владыки. Это было ещё в самые первые времена японского христианства. Преосв. Николай только что поселился в Токио, не был ещё и епископом. Тогда Филипп был учеником в катехизаторской школе, в которой преподавателем и был один Владыка, других миссионеров тогда ещё не было. Часов с восьми начинались в школе уроки и шли, с небольшим перерывом около полудня, едва не до вечера. Вечером же, когда стемнеет, Владыка отправлялся на катехизацию, куда-нибудь на другой конец города, где нанимался или просто кем-нибудь уступался дом для этой цели. Там собирались желающие слушать учение. Владыка им и проповедовал, обычно следуя порядку Символа Веры (по «Зеркалу Православия» св. Дмитрия Ростовского). Народ был, по большей части, небогатый, занятой, поэтому могли собираться только после своих дневных занятий поздно вечером. Путешествие ночью по пустырям, которыми изобиловало тогда Токио (только что упразднено было сегунство, многочисленные дворцы даймё были откуплены правительством и снесены), да ещё для иностранца было далеко не безопасно. Вот ученики катехизаторской школы и решили приставить к епископу своего рода стражу, которая бы сопровождала его в ночных путешествиях. Таким стражником, как наиболее сильный, и назначен был наш Филипп. Сам он впоследствии катехизатором, кажется, не был, и если был, то недолго, теперь он адвокат. Между прочим, японские адвокаты отнюдь не скрывают своей принадлежности к христианству, равно как и доктора (по

крайней мере, некоторые), и это не только не препятствует их занятию, но даже доставляет больше практики: народ привык ожидать от христиан больше честности, добросовестности, чем от своего брата, язычников. Репутация очень хорошая, дай только Бог, чтобы от этого пришли к сознанию истины самого нашего учения.

Обходя христианские дома, получаешь некоторое представление и о всём вообще состоянии здешней церкви. Признаться, церковь Нэмуро удовлетворительного впечатления не произвела. Есть, конечно, очень хорошие христиане, усердные к церкви, исправно посещающие Богослужение, хорошо, по-христиански, воспитывающие своих детей, но очень много и ленивых, как-то опустившихся. Много, конечно, влияет на их состояние их обеднение, особенно после прежнего достатка. Во многих домах только половина семьи христиане, остальные ещё язычники. Это тоже признак не особенно хороший: конечно, принуждений или чего-нибудь в этом роде не допускается, только искренне верующий делается христианином, но хороший христианин уже самым примером своим, своим постоянным исповеданием веры должен влиять на своих родных и обычно приводит их в церковь. Поэтому в хорошей семье обычно все христиане. Впрочем, в нэмурской церкви то хорошо, что христиане довольно исправно исполняют долг причастия св. Таин. Из 62 человек более сорока человек исповедников, а кроме них немало, конечно, и младенцев.

Вата

На следующий день, 10 августа (24 июля), часов в восемь утра отправились в Вата, военное поселение, «тондэн» по-японски. С нами пошли священник с катехизатором, потом несколько ребят в качестве певчих. Поселение растянулось на много верст вдоль прямой, как стрела, дороги. Сажены через пятьдесят один от другого стоят совершенно одинаковые маленькие домики, построенные на казённый счёт. Верстах в восьми от города находится «си-гай», т. е. деревня в собственном смысле. В Вата у нас 12 христианских домов, и все отличаются усердием к церкви. Оттого почти ни в одном доме нет язычников, семьи вполне христианские. Особого катехизатора в этой деревне нет, она причислена к городской церкви, там же записываются и все крещения, хотя бы они и происходили в деревне. По большим праздникам христиане ходят к Богослужению в город, а по воскресным дням в свой деревенский молитвенный дом, куда по вечерам в воскресные дни приходит и катехизатор Моисей для проповеди и молитвы.

Целью нашего путешествия был молитвенный дом, где должны были собраться христиане. До него идти нужно было верст шесть. По дороге зашли в четыре христианских дома. Народ вообще очень небогатый. Обычно в военные поселения переселяются больше бывшие самураи, люди военного класса, которые, кроме своего военного искусства и китайской словестности, ничего не могли делать. Неудивительно, что и их первые опыты земледелия не были из самых удачных. Потом, этот поселок оказался весьма неудачным и в климатическом отношении. Здешние туманы совершенно уничтожают хлеб, только корнеплодные растения и могут родиться хорошо. Как бы то ни было, христиане здесь сидят на земле, а это очень важно для церкви: они не могут так легко бросить место своего жительства и переселиться куда-нибудь. Оттого и церковь здешняя не терпит столько от переселений, как, например, та же церковь в Нэмуру.

Молитвенный дом ничем от остальных домов не отличается. Это тоже небольшой казенный домик, выстроенный для одной солдатской семьи. Он принадлежит одному из христиан, Акиле, который сам состоит учителем в каком-то селе, дом же свой, как пустой, предоставил для молитвенных собраний своих односельчан. В доме очень неуютно, бедно. Старые «татами», стены оклеены газетами, потолка нет. К довершению всего, и кухня находится тут же, т. е. в полу сделано отверстие в сажень длины и половину того ширины, по-японски называется «ирори». Это отверстие наполнено землей и тут постоянно горит огонь для варки кушанья или для тепла. В старой Японии я видал только небольшие «хибати», в которых без запаха и дыма тлеет древесный уголь, здесь же жгли прямо дрова, да ещё в самом примитивном необделаном виде; положат обрубок дерева, целый ствол, и зажгут его с одного конца, потом только пододвигают его, по мере того, как он сгорает. Дым выходит в окно, проделанное в крыше, но, понятно, добрая половина этого дыма наполняет комнату и преобильно ест глаза, особенно нам, непривычным. На стене висит икона Спасителя и иконы четырёх евангелистов.

Христиане ещё не собрались, поэтому мы, отдохнув немного в «квай-доо» (молитвенный дом), пошли опять по домам христиан. Все живут более или менее одинаково, все составляют однородную массу, не то, что в Нэмуру: все христиане хорошие. Являлся естественно вопрос, зачем их оставлять без особого катехизатора, зачем присоединять к Нэмуру, с которым у них мало общего? Решили поэтому устроить в Вата самостоятельную церковь; поселить тут катехизатора, дать особую метрику и пр. Это необходимо и для слушающих учение, которые здесь есть: из Нэмуру, при всей близости, ходить сюда катехизатору затруднительно, особенно в зимнее, очень морозное время. У о. Игнатия есть ещё город Кусиро, в расстоянии вёрст 160, там же

есть христиане, и очень усердные, есть и много желающих слушать учение, а катехизатора для них нет. Священник может посещать их только от времени до времени, и, конечно, может только поддерживать веру в старых христианах, новым же проповедовать не имеет времени. Чтобы не оставлять их совсем без всякой помощи, решили послать туда нэмурского учителя пения Александра Морокоси. Он и в Нэмуру был собственно на положении катехизатора (учение он знает достаточно для этого). Теперь он ещё не приехал из Токио, решили сейчас же послать ему письмо в Хакодатэ, чтобы подождать там до возвращения епископа; ему дана будет инструкция, и он прямо из Хакодатэ направится в Кусиро. В Нэмуру же останется один о. Игнатий. Для него особого труда это представлять не может: церковь небольшая. Если будут слушатели, он сам должен их и оглашать: это тоже одна из главных обязанностей священника. Когда же о. Игнатию придется отлучиться для объезда по церквам, Моисей на это время может придти из Вата.

Конечно, хорошо бы иметь для всех этих мест особых катехизаторов, но на нет и суда нет. Мы переживаем теперь своего рода катехизаторский кризис: народ совсем не идёт в катехизаторскую школу, а если и приходят, то такие, что лучше бы не приходили, приходится отказывать в приёме, несмотря на всю снисходительность. Катехизатор при начале службы до последнего времени получал 8 иен, потом 10 и 12, некоторые, особенно обремененные семьей, получали и больше этого, но норма была такая. В старые годы это было вполне достаточно, хотя и не роскошно. Но китайская война, а ещё более последовавшее за ней вооружение, устройство громадного флота, армии и пр. так возвысили на всё цену, что положительно мелкие чиновники стонут при своих скудных окладах. Поэтому и в катехизаторы идти охотников уже не находится столько, как прежде. Кроме этого, влияет здесь и общая холодность к вопросам религиозным, реакция, которая ещё не прекратилась. Наконец, многих удерживает от катехизаторской службы и необходимость быть на содержании от иностранцев, особенно, русских. Это представляется унижительным для национального сознания японцев. Лично, может быть, всякий не прочь бы смириться с этим, но перед глазами других этого сделать не может. Вот почему особенно нужно приветствовать всякую попытку к самостоятельности церквей в материальном отношении. Церковь, независимая материально извне, имеет в себе прочную гарантию на долговечность, да и более привлекает к себе людей. Притом и проповедник перед глазами внешних свободен от лишнего нареkania. Это начинают сознавать и сами японцы; то и дело среди христиан раздаются голоса о необходимости самим содержать церковь, немало уже и разных опытов сделано в этом отношении. Только до сих пор все эти опыты ещё не достаточно серьёзны (за немногими

исключениями), всё ещё сказывается привычка пользоваться готовым, а не жертвовать своим на церковь. В этом немало виноваты и сами иностранные миссии со своим всегда открытым кошельком.

Около часу пополудни собрались в молитвенный дом христиане, все нарядились в свои лучшие платья, с почтением принимали благословение епископа, вообще для них этот день был большим праздником. Отец Игнатий начал вечерню. Пели опять ребята под управлением Моисея, пели, главным образом, пришедшие с нами из Нэмуру и с таким же успехом, как и вчера. Впрочем, христиане, наполнившие всю комнату, молились очень усердно, истово крестились, серьёзно и просто. После службы епископ говорил поучение, по обыкновению, сидя (на этот раз табуретки не оказалось, её заменил собою низенький японский столик), говорил на тему: «Всё, что ни делаете, делайте во славу Божию. Есть люди, призванные на служение церкви или сами себя посвятившие Богу, эти прямо совершают дело Божие и тем спасаются. Но и всякий, оставаясь при своём деле, может точно так же делать дело Божие. Для этого необходимо своё служение совершать не для славы, не из корысти, а для Бога, совершать как долг, возложенный Богом. Земледелец, учитель, воин, купец — все они необходимы для человечества, для общества, всем им быть повелел Господь. Пусть они трудятся в сознании этого и для этого, тогда одним исполнением своего служения они получают Царство Небесное». — После проповеди, сняв омофор, Владыка просто стал беседовать с христианами, знакомился с каждым из них, спрашивал, когда кто крещён и т. п. И, наконец, объявил им самое главное: вы часто просили катехизатора независимо от Нэмуру, теперь вашу просьбу можно исполнить. С этих пор любимый вами Моисей будет жить у вас, в Нэмуру будет уходить разве только во время отлучек о. Игнатия. С этих пор в Вата образуется самостоятельная церковь, будет особая и метрика, и пр. Теперь вы должны особенно стараться для преуспевания веры, должны находить слушателей для вашего катехизатора; ещё усерднее, чем прежде, привлекать своих друзей, соседей, родственников к слушанию веры. Это здесь гораздо легче, чем где бы то ни было: все вы неподвижно живёте на своих местах, живёте помногу лет вместе, постоянно за одним делом. Естественно всем вам быть весьма близкими между собой, тем легче в дружеской беседе раскрыть перед язычником свою веру, — слову приятеля всякий больше даст цены, чем даже катехизатору, проповедующему по должности. — Крайне необходимо также придать и молитвенному дому более или менее приличный вид. Этот вопрос немедленно и был решён. С согласия присутствовавшего тут же хозяина, «квайдоо» решили внутри оклеить хорошей бумагой, переменить «татами», устроить потолок, вынести кухню наружу и т. п. Таким образом, и молиться будет гораздо

удобнее, да и катехизатор может пригласить к себе кого угодно, не стесняясь убогой своей обстановки. На постройку епископ пожертвовал 30 иен, остальное же вносят христиане. — Также и здесь Владыка убеждал христиан поддерживать «симбокуквай». Летом, конечно, все они заняты в поле, но зимой свободного времени много. Вот тогда и нужно собираться для взаимного назидания в церкви или поочередно в домах христиан.

Было более трёх часов, пора была бы и перекусить. Кто-то из христиан принёс целый узел яиц, начали их уже и варить (рису-де европейцы не едят), как вдруг катехизатор вспомнил, что сегодня среда. Молчаливая сигнализация, и яйца моментально исчезают со сцены, прежде чем Владыка успел их заметить: зато сварили картофеля — а он здесь родится очень хороший. Удивительно как вкусно показалось!

Поблагодарив христиан за угощение, мы пошли дальше: нужно было закончить обход христианских домов. Пошли в «си-гай», где собралось домов сорок, есть и лавки, и мастерские и пр. На полдороге туда, совершенно в поле, стоит большой одноэтажный дом, это — сельская школа. Мы зашли в неё, потому что тут жило двое наших христиан. Школа — человек на 200 с лишком при четырёх учителях. Из последних двое православных, а третий епископал, зять одного из православных, тоже склоняющийся к православию. Религия, таким образом, не служит препятствием к учительской должности. Но правительство заставляет учителей воздерживаться от всякого намека на религию, даже у себя на квартире (если она тут же, в здании школы) запрещается иметь икону и пр. Это однако не мешает учителям-фанатикам ругать в классе христианство, распространять среди детей самые нелепые басни о нём. До чего доходит эта боязнь христианства, можно видеть хотя бы из следующего маленького факта: написано настоятелем посольской церкви о. Сергием Глебовым руководство к изучению русского языка для японцев, руководство очень хорошее и подробное. Но правительственная торговая школа затруднилась принять его в качестве учебника: там-де есть элемент религиозный. А элемент этот только и состоял в нескольких примерах наклонение слов Христос, Иисус и пр. Как видите, и здесь свобода от религии переходит в гонение на религию, т. е. христианство (потому что буддизм гонению не подвергается).

Мы зашли в квартиру учителя, а потом осмотрели и всю школу, которая теперь, по случаю каникул, стояла пустой. В ней несколько классов, каждый человек на 40, есть особый гимнастический зал с деревянными ружьями. Всё это устроено чрезвычайно просто, некрашенные стены, такие же парты, всё, очевидно, стоит недорого. Но учиться можно, и учиться в этой школе народу очень много.

В «си-гай» мы зашли в дом самого замечательного из здешних христиан Петра Танака. Это очень высокий, здоровый человек, настоящий казак, к довершению сходства и борода у него рыжеватая, что у японцев встречается весьма редко. Он и воевать молодец: за последнюю войну чем-то отличился, имеет медаль и пенсию. Теперь он «инкё», т. е. на покое, устранился от всяких официальных отношений, земельный участок предоставил брату, а сам с женой и приемной дочерью обрабатывает только свой, довольно большой огород. Христианин он очень хороший, усердный, равно как и вся его семья. Прежде он был епископалом, и даже в молодости хотел сделаться проповедником, но обстоятельства потом сложились иначе. Принявши православие, он не позабыл своего первоначального намерения и вместо себя решил посвятить на служение церкви кого-нибудь из детей, если будут. Поэтому он и просил епископа принять свою приёмную дочь в нашу женскую школу с тем, чтобы по окончании курса девочка могла или выйти замуж за кого-нибудь из проповедников, или же и сама могла стать проповедницей. Кроме того, Пётр жертвует на церковь участок земли для «квайдоо». Участок этот находится в «си-гай», что очень удобно; место очень видное. Дай Бог, чтобы это намерение потом пришло в исполнение.

Посидев у Петра в домике, поговорив с ним, мы пошли в обратный путь. Идти пришлось ещё больше, чем до сих пор: нас повели другой, окольной дорогой, чтобы посетить ещё некоторых христиан в деревушке под самым городом. Только к семи часам вечера добрались мы, наконец, до своей гостиницы. Устали порядочно, особенно, конечно, устали сопровождавшие нас ребята; сначала они и прыгали и бегали, далеко опережая нас, а к концу еле-еле тащились позади, повесив носы и раскрыв рты. Да и не удивительно устать: в общей сложности, со всеми заворотами и крюками, мы прошли добрых двадцать верст если не все 25. Недаром Владыка потом говорил, что тридцать лет несут человека, а его шестьдесят два ему самому приходится нести.

Вечер прошёл в совещаниях, что купить в подарок нашим курильцам (пароход уходил туда в субботу утром). Уговорились купить по 1 фунту японского чаю, по 1 фунту — китайского табаку, сахару 10 фунтов, по платку для женщины, ниток и пр. Таков уж обычай. Даже когда едет на Сикотан о. Игнатий, христиане непременно отправляют с ним гостинцев для курильцев. И эти последние, как дети, радуются этому.

Кладбище и Симбокуквай

Пароход уходил только 13 августа, оставалось ещё целых двое суток сидеть без определённого дела в Нэмуру. Мы за это время посетили здешнее кладбище. Оно стоит на юру, постоянно под ветром. Деревья здесь не растут, зато трава всё глушит собою, высокая, вечнозелёная. А из неё как-то странно поднимаются могильные памятники, которых совсем не ожидаешь среди этих зарослей. Памятники больше самые простые: только тоненький столб с чернеющей сверху вниз китайской или санскритской (у буддистов) надписью. Есть, впрочем, и каменные памятники богачей. Язычники в Нэмуру по большей части сжигают своих мертвецов: зимой весьма трудно копать замёрзшую землю. — Могилы наших христиан расположены особо от языческих, бок о бок с протестантами. Только протестанты не имеют на своих могилах никакого признака христианского, даже надпись ничем не отличается от языческой. Православные могилы все украшены небольшим деревянным крестом, на котором, кроме имени усопшего, значатся знаменательные слова: «Перешли от смерти в жизнь». Среди протестантских могил мы обратили внимание на один гранитный памятник с английской надписью. Это могила баптистского миссионера Карпентера. Он 23 года служил в Бирме и около полутора лет в Нэмуру. С ним вместе приехала и его жена, которая и доньше миссионерствует в Нэмуру, притом на своём содержании. Она очень ревностная миссионерка, не жалеющая ни сил, ни средств на проповедь, но, говорят, успеха её миссия в Нэмуру имеет немного. Народ её хорошо знает, величает «бапугезма-но обаасан» (баптистская бабушка); ребята охотно принимают от неё перед проповедью лакомство (однажды даже и одежду раздавали), но к вере не склоняются. Кроме баптистов, есть, или лучше, были в Нэмуру епископалы, но и они тоже плодов не имели. После этого нельзя не подивиться, что наши японские проповедники имели всё-таки столько обращенных здесь.

Мы отслужили на кладбище литию по всем схороненным там. Владыка советовал христианам почаще приходить на могилы своих родных, украшать их, например, цветами, молиться, всё это дело нашей любви, которая не может прекратиться и смертью. На обратном пути зашли было к баптистской обаасан, но она уехала в Вата, на этот раз с ней не повидались.

Вечером произошел следующий довольно курьёзный случай. Пришёл к нам «кэмпэй», т. е. жандарм, — в штатском платье. Спрашивал о цели нашего приезда, о вере. Владыка долго ему раскрывал необходимость для человека религии, и именно истинной, а не созданной лишь человеческим воображением; необходимость для человека вечных целей, в которых бы находила удовлетворение его бессмертная душа и пр. Жандарм внимательно и долго

слушал, а потом неожиданно заявил, что он принадлежит собственно к тайной полиции и на службу выходит всегда в штатском платье, теперь бы ему очень любопытно посмотреть наши паспорта. Вот тут и толкуй с ним о вере! Впрочем, может быть, он и в самом деле заинтересован верой, потому что и прежде не раз обращался к катехизатору, да и теперь спрашивал и про книги и пр. Может быть, и придет со временем в церковь. Среди полицейских у нас много христиан.

12 числа устроили «симбокуквай», чтобы положить начало для восстановления его в здешней церкви. Назначили три часа после обеда, но к нам пришёл бонза, состоящий здесь проповедником при тюрьме, и задержал нас несколько. В японских тюрьмах, по образцу европейских, есть особые увещатели, обязанность которых проповедовать заключённым каждый день по часу и более. Предметом проповеди не должна быть религия, а только нравственность. Впрочем, желание как-нибудь исправить арестантов иногда заставляет начальников тюрьмы снисходительно смотреть и на религиозную, даже христианскую, проповедь. Несколько лет тому назад в той же нэмурской тюрьме проповедником был наш православный, который, действительно, и обратил нескольких преступников ко Христу. Особенно памятно всем обращение двоих лихих разбойников, приговорённых за многие свои грехи к смертной казни. Оба они уверовали, приняли крещение, глубоко покалялись в своих грехах, и уже не только не возмущались своим осуждением, но считали его даже ещё слишком лёгким для себя. Мы должны-де пострадать несравненно более. И вот они решили сами умертвить себя. К общему сожалению, проповедник не успел отговорить одного из них от этого безумного шага. Другой же, самый главный, был спасён, и, спустя несколько времени, умер истинным христианином с молитвой на устах, хотя и на гильотине. Христиане не могли, конечно, присутствовать при этой казни: она совершалась на тюремном дворе. Они в это время собрались в церковном доме и усердно, как только можно в такую великую минуту, молились за своего отходящего брата. Потом его похоронили по-христиански. — После, должно быть, переменялся начальник тюрьмы, или свыше повеяло несколько иным ветром, только в настоящее время в тюрьме проповедует бонза свою буддийскую мораль, притом ещё более тошую, чем обыкновенно, потому что религиозной стороны проповедовать ему не приходится.

Когда мы пришли в церковный дом, христиане, несмотря на проливной дождь, были уже в полном сборе, много пришло и из Вата. Наружные двери стояли настежь, на улице собралось несколько язычников, которые, то уходя, то приходя, всё время толпились там. Пропели «Царю Небесный», прочитали «Святыи Боже», «Отче Наш», о. Игнатий сказал краткую сугубую ектению

и отпуст, а потом первый и начал говорить своё поучение. За ним Владыка рассказал историю Товита и раскрыл учение об ангелах-хранителях, о необходимости постоянно блюсти себя от греха, который удаляет ангела, о молитве ангелу и пр. Обе речи продолжались 1 час 20 минут. Слушатели заметно утомились, поэтому после речи Владыки сделали небольшой перерыв. Потом говорил я на тему: «Праведник верою жив будет», о необходимости, пуще глаза, беречь свою веру, потому что, только веруя, мы можем следовать Христу, без веры же пропадет вся наша духовная жизнь. Нужно постоянно бодрствовать по слову Спасителя. Для этого церковь наша предлагает много средств: это различные церковные правила, заповеди, праздники, посты. Все эти различные средства призваны воспитать и поддержать в христианине веру. Особенно важно соблюдать ежедневную молитву, только практика может создать навык, а молящийся постоянно уже на самом деле недалёк от Царства Небесного, потому что постоянно находится с Богом. Говорить пришлось очень не долго, да и то мои слушатели едва ли в просонках что разобрали: подряд три проповеди не многие могут выслушать, да ещё с непривычки к нашему, во всяком случае, своеобразному японскому языку.

Этим, собственно, назидательная часть «симбокуквая» и закончилась. Пропели «Достойно есть», о. Игнатий сказал отпуст. Началась часть угостительная, подали чай, японское печенье. Собрание оживилось, пошли общие разговоры, иногда и смех. Обычно таким, так сказать, неофициальным разговором и заканчивается всякий «симбокуквай»: наговорившись вдоволь, иногда решивши какой-нибудь вопрос из церковного хозяйства, христиане расходятся по домам. Но на этот раз порядок вышел не тот. Среди чая и сластей общую беседу прервал упомянутый прежде адвокат и старинный приятель Владыки Филипп Эгути. Он встал и начал длинную речь о преосвященном Николае, тут же присутствовавшем, вспоминал, как он (Филипп) был в школе, как тогда слушал учение епископа и пр. Владыка терпеливо прослушал Филиппово красноречие и сам рассказал несколько случаев из прежней токийской жизни Филиппа, про его силу характера и пр., а потом как-то невольно перешёл к воспоминанию всей первоначальной истории христианства в Японии, рассказал об обращении о. Павла Савабэ, о. Иоанна Сакаи, наших первых христиан, о разных трудностях, лишениях, даже прямых гонениях, какие приходилось тогда христианам переносить и от правительства, и от общества. Савабэ и многие с ним (некоторые и теперь ещё здравствуют, как, например, о. Матфей Кангэта, о. Пётр Сасагава и др.) сидели и в тюрьме. Воспоминания, дорогие для действовавших тогда и весьма назидательные для теперешних. Владыка более часу продолжал свой рассказ, да можно было говорить и дольше, но становилось уже поздно, а деревенским христианам

приходилось ещё идти далеко; волей-неволей беседа окончилась, и мы, в сопровождении Петра Танака, его дочки и брата-купца, пошли в гостиницу.

Архимандрит Сергей

«Богословский вестник», издаваемый Московской Духовной Академией. Апрель 1899. Том I.

ОСВЯЩЕНИЕ
ВОСКРЕСЕНСКАГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА В ТОКИО.
С ИСТОРИЧЕСКИМ ПРЕДИСЛОВИЕМ
PER CRUCEM AD PACEM
1930 ГОДА

Весь чистый доход от продажи брошюры поступит на дальнейшее украшение Собора.

Вместо предисловия

Утро 1 Сентября (н. ст) 1923 года (суббота) не предвещало ничего особенного. Сильный южный ветер. Летняя жара. Временами редкие, но крупные капли дождя. Время до обеда (всегда, во всей Японии, в 12 ч.) я разбирался в своей исторической работе: ещё три месяца «посидеть сиднем», — и всё будет готово, утешал я себя... И сидел у письменного стола, не разгибая спины, до 11.50 утра. В эти часы приходил ко мне по делу молодой катехизатор Яков Ямагути и, вероятно, желая сказать мне приятное, сказал по-японски: «Давно не было землетрясения, прекрасно»; на что я ему, шутя, ответил: «Наоборот, худо; если теперь и потряхнет, то уже сильно; и кто знает, не потряхнет ли и сегодня». А нужно заметить, что в Токио небольшие толчки и неразрушительные землетрясения бывают часто. В 1923 же году их не было с ранней весны. И это обстоятельство многих беспокоило.

Моя квартира находилась на 2-м этаже Миссийского дома. Угловая комната — зал, с прекрасным видом на Собор, город, Дворец. Здесь я редко бывал, — обычно здесь я принимал гостей. Следующая комната в два окна — столовая. Здесь мы, т. е. я и Преосв. Михаил (Богданов, быв, Владивостокский, живший у меня с 22 Октября 1922 года) пили утром и днем чай, в 12 ч. обедали и вечером ужинали... Следующая комната полукруглая, — мой кабинет, моя спальня, моя молезна, моя библиотека, — словом «моя» комната, в которой я жил, обжился, к которой привык и без которой было бы «не по себе».

Поработав в «кабинете» до 11.50, я вышел в столовую, где был уже накрыт обед. Помню и меню: яички в сметку, молочный суп из макарон и гречневая каша. Яички лежали уже на тарелках.

Пользуясь 10-ю минутами до обеда, я раскрыл «Japan Advertiser», чтобы окончательно просмотреть его и передать на 2-ю половину дня Преосв. Михаилу. А он жил рядом с моим кабинетом, и нас разделял лишь тёмный маленький коридор. Против Преосв. Михаила временно жил студент-восточник практикант М. М. Бергер. По всему дому работали маляры, и двери были из-за них открыты. Открыт был и мой «чёрный» ход (соединявший меня с соседями: Пр. Еп. М-м и М. М. Б-ом).

11 часов 58 минут 44 секунды... Я стою у стула в столовой и читаю газету. Затрясло... Помню, я улыбнулся и сказал: «А суеверная бабушка сказала бы: “С слова сталося”»...

Однако землетрясение (всегда они кончаются в 15–30 секунд) не только не кончается, а всё более усиливается. Я вспомнил совет покойного Архиепископа Николая: «Если будет сильно трясти, становитесь под косяк; стены повалятся, а под косяком Вы можете отделаться царапинами», — и перешёл к двери, ведущей на коридорик и сразу налево — в мой кабинет. Стал под косяк. Продолжаю читать газету...

Однако, начало качать так, как я не испытывал ни разу с 1908 года. Стоять на ногах было трудно. Я бросил газету на стул. Сдёрнул очки и, держа их в левой руке, ухватился обеими руками за дверные косяки. Я не упал...

Землетрясение молниеносно развивало силу... Что-то трещит постоянно... Что-то скрипит, не прекращая... С перегородки, отделяющей столовую от прихожей, выскакивают из пазов раздвижные рамы, летят вниз, стёкла бьются вдребезги. Посудный шкаф размахивался на аршин, не упал, но раскрылся... Летит посуда, бьётся, черепки катятся ко мне. А я «балансирую», чтобы не упасть...

Вот с страшным шумом посыпались из шкафов в кабинет мои книги... Навстречу им падают святые иконы из божницы-угольника... Мелькают какие-то предметы в окнах... Ни души около... Один... Было ли страшно? Нет: «пожил 52 года, довольно!» Было ли сознание смертной опасности? Было: «ещё секунда, — и я “там”, и — о, если бы у Бога, в Обителях Его Святых»!.. В это время, видимо, землетрясение достигло крайнего пункта... В глазах всё мелькало, всё кружилось... Треск, шум... Я — помню — перекрестился и сказал «предсмертное»: «Господи, прости меня и помилуй»... Последовал страшный удар... Вероятно, пушка, значит 12 часов дня, подумал я. Гробовая тишина воцарилась... Но это потому — оказалось — что удар оглушил меня... Трясение сразу ослабло.

«На улицу! В безопасность! Если только успею спуститься по лестнице благополучно»... Не побежал, а быстро пошёл, чрез «чёрный» ход. В дверях — Вл. Михаил с самоваром в руках... «Пойдёмте вниз, в сад». Он поставил самовар на пол... Мы через 30 секунд были на дворе...

Пыльное, рыже-бурое облако стоит на дворе... Из него выскакивает мой слуга — повар Тит Такаги, хватает меня за руку: «Дайсюкё» — «Архиепископ», и буквально «тащит» меня под громадное фишашковое дерево...

Постепенно облако пыли исчезает. Выясняется картина повреждений. С крыш всех миссийских домов спала вниз черепица, вместе с сухой глиной, на которую 47 лет назад она была наложена. Впрочем нагромоздившаяся одна на другую черепицы ещё позадержались там и здесь на карнизах. Трубы или сломаны и лежат уже внизу на земле, или сломаны, но ещё стоят на крышах, на своих местах.

Сбегают миссийские насельники, и все становятся к деревьям, — с одной стороны, чтобы держаться за них, если закачает снова; с другой — чтобы задержаться на корнях и не провалиться в трещину, если бы земля дала трещину, «лопнула» (и — почти всегда — снова закрылась).

«Кита» — «кита» — «кита», — кричат испуганно японцы. То есть «пришло, пришло, пришло», — иначе: «опять началось!» Действительно, начался 2-й удар... Земля колебалась, как волны в море... Дома тряслись, как лёгкие ящики... Сломанные трубы на крышах прыгали на своих местах, но не валились вниз, напоминая движения «ваньки-встаньки»... Черепица продолжала лететь вниз... Чугунный забор Миссии раскачивало в стороны на аршин... Шум бьющихся друг о друга телефонных, телеграфных и электрических проводов... Бледные лица собравшихся. Слезы на глазах... Все сидят, где кого застало второе землетрясение (чтобы не упасть). Жуткая картина. Но это уже для меня ничто после того, что только что пережито мною наверху, в доме!.. Опять всё стихло...

Смотрю к востоку: северная стена миссийского дома как бы отделилась от восточной и западной. Трещина начинается внизу, постепенно расширяясь наверху... Очевидно, стена не упала только потому, что её задержали крепкие стропила крыши... Трещины в домах везде — особенно над окнами 2-го этажа...

А там что за свежий кирпич лежит? Спешу, забывая опасность, к северным воротам Миссии, и — глазам не верю: колокольня (122 фута с крестом) переломилась пополам и упала: шпилем на купол Собора, пробив в нём большую брешь, и разными частями: — на ризницу, разрушив крышу, потолок и всю ризницу, на юго-запад от Собора, на запад (перед крыльцом Миссийского дома), на северо-запад... Западный вход в Собор (всегда открытый

для обозрения публики) завален остатками колокольни до потолка... Крест с купола сорван и лежит у юго-западного угла Собора...

Был человек, видевший падение колокольни, — сын диакона М. Кавамура, теперь умерший, Василий. Он с отцом жил внизу Собора, на юг от него. Выскочив из дома с первыми ударами, он видел, как громадный деревянный, обитый медью, шпиль колокольни, вырвавшись со своего основания, повалился на купол. Он видел, как долго качавшаяся (уже надломленная) колокольня, треснула в сводах своих окон, и громадными столбами, с колоколами языками вверх, валилась в разные стороны...

Зрелище так потрясло Василия, что он буквально остоленел, потерял сознание.

Смотрю: у беседки стоит в полусознании секретарь Давид Фудзисава и Роман Сасагава, как раз перед ними только что упала колокольня... Зову их под фисташковое дерево... В северном малом входе в Собор стоит иеродиакон о. Серафим: до начала землетрясения он только что отошёл от свечного ящика в паперти, теперь уже до потолка заваленной, и успел во время землетрясения дойти до этой малой боковой двери; дальше не двигался: колокольня валилась перед ним... И он, видимо, ничего не помнил: «О. Серафим, идите сюда» — «Хай» — «Да идите же скорее» — «Хай». Только и говорит «хай» — то есть «да»... Пришлось его взять за руку и тоже отвести под фисташковое дерево.

В окна Собора было видно, что иконостас не упал. Но подсвечники, вероятно, все лежали на полу.

Но в Собор проникнуть не было возможности: и южные, и северные, и алтарные малые двери были закрыты, и ключи от них завалены в паперти. А окна, хотя и были открыты, — но они слишком высокие, да и такого устройства, что в них войти было почти невозможно.

Взломать двери? Но это значило бы: открыть двери вора́м; а о возможном пожаре тогда никто и не думал.

Землетрясение между тем продолжалось, хотя уже не в такой силе. Достаточно сказать, что с 12 ч. дня 1 Сентября до полудня 2 Сентября было 237 землетрясений, ясно ощущаемых человеком, то есть почти по 10 на час, по 1-му на 6 минут. О записях же сейсмографа и говорить нечего.

Землетрясений же (after shocks) за весь сентябрь 1923 года было 721, то есть по 24 на день, по 1-му на час, в среднем. Не так то скоро успокаивалась почва, на которой расположилась столица Японии!

Люди около нашего дерева собирались. На соседней улице раскинули соломенные ковры и расположили больных глазной больницы Иноуэ. Выносят соседи имущество и складывают на ручные тележки. На носилках сестры

милосердия уносят куда-то тяжёлых больных из соседней больницы (для чахоточных) Сасаки. У всех на лицах паника, ужас. Почему? А потому, что в разных местах города уже начались неизбежные спутники больших землетрясений — пожары. Землетрясение же, случившееся ровно в 12 часов дня, когда нет дома в Японии, в котором не работала бы кухня, должно было сопровождаться ещё большими пожарами. И действительно, в разных направлениях появился дым пожаров, слышались зловещие сирены пожарных команд... Но что они теперь могут сделать? Водопроводные трубы лопнули; воды во всём городе из водопровода не достать ни капли. Колодцы? Но они скромно ушли в небытие под натиском культуры водопровода. Речки, каналы? Но они не протекали непременно около пожара. По крайней мере у нас в Миссии в 12 часов дня не было уже нигде ни капли воды.

Настроение тревожное. Да и узнать что либо положительное нельзя: телеграф конечно, не работает, телефон не работает, послать куда-нибудь некого: все думают только о себе...

Из квартиры я ушёл в лёгком летнем белом подряснике из муслина... Жаркий день. Несмотря на сильный ветер — 90 градусов по Фаренгейту ($25\frac{1}{3}$, по Р). Шляпы, конечно, нет. Слуга предложил сбежать в дом за шляпой, и хотя я его останавливал: «из-за шляпы-де можешь погибнуть; ведь неизвестно, худшее прошло ли, или ещё впереди», — через минуту я был уже в белой шляпе. А это очень помогло общему моему самочувствию при 90 градусах в воздухе.

Из-за забора больничные сестры предлагают рисовые шарики. Это напомнило слуге, что мы ещё ничего не ели. Наскоро соорудил он что-то вроде стола. Принёс из кухни (внизу другого дома) молочный суп, и мы с Владыкой Михаилом немного поели...

Зову — помню — диакона Моисея Кавамура: «Где завтра лучше служить? Западная паперть ведь завалена... Не открыть ли южный вход и не отслужить ли в Соборе?». Он согласился...

«А как быть с крышами? — продолжаю... Пойдёт дождь, зальёт ведь все наши квартиры... Не покрыть ли их временно толем?». «Самое лучшее», — соглашается диакон... Словом, в голове и мысли не было о том, что уже надвигалось с поразительной поспешностью...

«Пожары везде. Горит уже внизу Кудана. Огонь движется в нашем направлении», — говорит покойная матушка Харита Мии... Вижу: соседи безумно суетятся и в наш Миссийский двор несут шкафы, столы, столики, хибати, спальные принадлежности, «татами» (толстые соломенные маты), посуду... Всё это сваливается всюду, без всякого порядка. Видимо, у всех мысль: «Николай сгореть не может»...

Чего они так суетятся? Пойдём, посмотрим... Пошли с Е. М-лом до трамвайной улицы, около почтового отделения «Суругадай». По пути (2 минуты ходу) несколько раз трясло. Помню, я оттащил от шатавшейся каменной стены больницы Сасаки какую-то обезумевшую девушку. Спасалась под стеной, которая в каждую минуту могла упасть и её придавить...

Выходим на трамвайную улицу и в ужас видим: пожар уже близок, «враг при дверях»... Горят дома... Огонь свободно ходит в разных направлениях, «перелетая» улицы. Ни людей, никакого сопротивления... Как будто лесной пожар... И понятно: воды нигде ни капли, а люди сбежали уже, захватив, что могли; сбежали, сами не зная, куда придут, лавируя среди горящих улиц; сбежали, спасая жизни...

«Надо выноситься», — говорит Преосв. Михаил. «Но куда будете выноситься? На улицу? Если не сгорит, то раскрадут. А больше некуда. Везде ведь всё горит». — «Нет, в России раз пожар, всегда выносятся... И я пойду в квартиру укладывать вещи»... — «А я не пойду: задавит тебя, и после все будут злословить: погнался-де за тряпками и погиб», — отвечаю. «Вы как хотите, а я иду»... И старец исчез в полуразбитом доме, захватив с собою и М. М. Бергера. Скоро они выволокли на чём-то (или на пледе, или на одеяле) своё достояние. А о. Серафим предложил всё это сложить в его квартиру, точнее в сторожку при воротах... Втащили...

Пошел тогда и я с о. Серафимом в свою квартиру. Что она из себя представляла внутри, — ужас! Поставил иконки на место, взял две панагии, магистерский крестик, лёгкую чёрную рясу... Только. И всё это сложил в сторожку о. Серафима. Всё прочее — оставил на волю Божью.

Около 3 часов дня мы с Преосв. Михаилом пытались ещё раз сходить до трамвайной улицы, но уже было там так жарко (горел Университет Мэйдзи), что мы буквально бегом возвратились, чтобы самим не сгореть.

Помню: Д-р и супруга Иноуэ спрашивают меня: «Выносить ли ценности и инструменты? За Вашей-де библиотекой, наверное, не сгорим». «Лучше выносите», — посоветовал я им тогда... Они быстро повернулись и пошли домой.

3 часа 30 минут дня. Начало гибели Миссии... Крыши стоят обнажёнными от черепиц. А доскам уже под 47 лет. Насохли. Жар от надвигающегося пожара невозможный. Смотрю на крышу 3-этажной библиотеки... «Владыка, видите, — сохнет, пар идёт», — говорю я... «Не пар, а дым. Загорается». — «Да нет же. Ни искры, ничто на крышу не падает. Это — вероятно пар»... Но спор наш не продолжался. Крыша решила его. На наших глазах она моментально вспыхнула. Самовозгорелась от жары. Через 5 минут пламя 2–3 саженой высоты уже пожирало крышу...

Тушить пожар? Но чем? Воды нет, лестниц нет, людей нет!.. А в это время как раз пробежал с криком городской, после него закрипели телеги, задвигались люди... Шум, крики, плач. Улицы быстро опустели... Куда все двинулись?..

«Я не беспокоюсь за библиотеку», — говорю. «Правда, в ней до 11.000 томов книг. Но покойный Архиепископ говорил, что в ней «гореть нечему»: стены кирпичные, окна стальные, стекла — в 2 линии, в окнах железные ставни (все были закрыты), полы внизу плитяные, на 2 и 3 этажах бетонные, потолки бетонные... Горит крыша, — но крышей пожар и закончится... Так верил я...»

4 часа дня... Вокруг Миссии пусто... Конечно, ещё трясет... Но на это уже не обращаешь внимания: всё-всё кругом тебя горит. Горят nanoшенные в Миссийский двор «татами», одеяла, шкафы, столы... Горят газеты, горит одежда... По двору пройти трудно, чтобы самому не загореться...

К 90 градусам Фаренгейта прибавилась жара пожара. Дышать трудно. Голова кружится... Из глаз льются слезы из-за жары... Впереди — неизвестность... Что предпринять?..

Налетел вихрь, вроде смерча... Полетели к небу горящие газеты, одежды... Догорая, падают вниз и поджигают в новом месте... Пожар «двора» расширяется... Что делать? Куда приткнуться, чтобы не сгореть?.. Уже под фисташковым деревом, конечно, пусто!..

4 ч. 30 м. дня. Пробегает городской. Голова повязана мокрым полотенцем... «Если есть ещё кто, — торопитесь. Огонь охватывает кольцом. Пока ещё есть выход в восточном направлении»... И опять — никого! Что делать?..

Посоветовались мы втроём (я, Пр. Михаил и М.М. Бергер)... Было 4.30 дня... Решили: всё оставить на волю Божью, а сейчас немедленно бежать, чтобы не быть изжаренными... К счастью, тогда мы ещё НИЧЕГО не знали о колоссальных цифрах раздавленных в 12 часов дня. И, конечно, и в мыслях не имели, что много десятков тысяч народа сгорит сегодня ночью. Посмотрел я на часы: 4.30 дня. Перекрестился и, спускаясь по южной лестнице, мы трое оставили Миссию, направившись сначала на восток. Слуга мой задержался; нагрузил на плечи тюк «лучшего» имущества и после побежал в другом направлении; по пути тюк бросил, чтобы самому не сгореть.

Спускаемся на улицу «Авадзи-тё»: в северном направлении — море голов, все бегут — ясно — в парк Уэно. «А не бежать ли нам против течения? На юг? В Посольство?» Предлагает М.М. Б-р. Идея понравилась. Переменили направление.

Выходим на «Огавамати», — впереди, в сторону «Суругадай-сита» всё в пламени. Свернули налево, на «Митосиротё»: выхода из неё впереди нет, —

около «Кандабаси» всё пожирается огнем. Пройдя немного вперёд, свернули направо, надеясь выйти на «Нисики-тё»: но она уже вся в огне. Опять свернули налево, в какой-то узенький переулочек. Народу — полно. Стоят телеги с имуществом. Двигаешься с трудом. Наконец, остановились... Не прошло и 5 минут, — крики отчаяния: «На 2-м этаже загорелось!» Рядом с нами — огонь!.. Через телеги, по вещам, поспешно бежали мы... Куда придём? Не знаем. Только бы не в огненный мешок! Наконец, выбрались ко рву около «Хитоцу-баси»... Пот льёт ручьём. Ноги едва держат. Томит жажда... Обтираемся платками... Но они уже стали чёрными... Вот парикмахерская. Открыта. Стоит графин с водой... Зашли... Хозяйка с какою-то особою любовью напоила нас водой.

Мост «Хитоцу-баси» дымится, но огня ещё не видно. Перешли его. Оказались за старинной каменной стеной... Налево ещё не загоревшее Мин. Нар. Просв. Обсерватория: часы башни показывают 11 часов 58 минут: стоят.

Идём вперёд... Направо ров дворцовый... Налево Мин. Вн. Дел: горит... Мин. Финансов: горит... Нам нужно успеть проскочить, не загоревшись. А дорога вся в трещинах, правда, не глубоких: не глубже 1–2 аршин, и не шире 1 фута... пошли... или, вернее, «побежали» — не упомяну... «Я устал, присяду», — заявляет Преосв. Михаил... «Если сядете — сгорите... Видите, уже близко Дворцовая Площадь?.. Бодритесь»... Опять побежали... Наконец-то вышли из полосы огня... Лежат камни, приготовленные для ремонта моста. Сели мы на них и отдыхали минут 15. Теперь ведь мы на безопасной площади. И до Посольства не так далеко.

Плетёмся по Дворцовой площади. На ней уже собирается народ, но ещё мало. Видны телеги. Но нет ни палаток, ни шалашей, ни, конечно, барачков. Подходим к Мин. Ин. Дел. У колодца масса народа. Качают «воду» помпой и пьют. Стали и мы в очередь. Но вместо воды получили какую-то грязную жидкость с песком. Оказывается, всю воду уже выпили. В 6 часов мы вошли в Посольские ворота.

И здесь полуразрушение. Черепица с крыш — на земле. Труба парового отопления упала. Дом в трещинах. Небезопасен для обитания. Все уже расположились в Посольском саду, куда повыношена и мебель. Мы встретили 2-го Секретаря бар. Бер, от него получили по несколько глотков воды: всё, что оставалось в графине.хлопотал много драгоман М.Н. Рамминг... Посоветовавшись с посольскими, мы решили здесь пока и расположиться. Есть скамейки, где посидеть. Есть и лужайки, где можно лечь без опасности быть раздавленными падающим домом. И гигиенически лучше, чем с сотнями тысяч в парках.

Наступил вечер. Но не стало темно. Картина получилась теперь ужасающая. Дым, поднимающийся к небу облаками, всяких цветов, до ярко огненного включительно, закрывает от нас горящий город. Летят искры, летят горящие предметы: бумаги, материи, тонкие доски. Среди них безумно мечутся голуби... Слышны из полосы пожара взрывы. Что это? Газолин? Лаборатории? Бомбы? Сапёры?..

А вдруг сгорит и Посольство? Вот рядом, через узкую улицу, уже загорелись дома... Опасность велика... А воды нет... М.Н. Р-г вооружил многочисленную прислугу какой-то высокой толстой травой... Люди бегали и забивали на траве и на крышах падающие горящие предметы. А тут ещё на счастье прибыла пожарная труба: оказалось, что пожар русского Посольства неминуемо повлек бы за собою пожар дворца Касумигасэки... Из какого-то старого колодца качали воду и не тушили пожар (силы у трубы на это не было), а лишь заливали летавшие искры... Эта борьба продолжалась до полночи... «Теперь не сгорим!».. А ноги уже отказываются стоять... Необходимо где-нибудь протянуться; и если не заснуть, то хотя бы полежать. Но где?

Площадки широкие. Есть горочки, на них кустики азалий. М.Н. Р-г дал какой-то старый ковер. Принёс подушечки с диванов. Легли вповалку мы трое. Недалеко от нас расположились и посольские хозяева... Налево вдали уже лежит многочисленная прислуга. Первый раз в жизни спал я на траве. Да и спал ли? Смотришь на пылающее небо и думаешь: что это? Не светопредставление ли? А толчки подземные постоянно. За ними доваливается черепица с крыш... Вот что-то село тебе на лицо. Смотришь — сгоревшая бумага... В голове же думы, думы, думы. Что, Миссия? Но усталость взяла своё. Я забылся.

Ночью видел сон: кто-то на меня нападал, я от кого-то бежал... Раскрыл глаза: рассветает... уже 5 часов утра. Мои соседи спят. Я встал, и не давая себе отчета, что я делаю и хватит ли у меня на это сил, один побежал в сторону Миссии. Ни огня, ни дыма в северном направлении уже не было. У ворот, помню, увидел спящими на траве супругов М-ч.

Дворцовая Площадь полным полна... Встречаю незнакомого католического миссионера с узелком: «Вот всё, что спас; иду в Сэкигути, м. быть там всё цело»; и я ему, показывая на себя, сказал: «*Omnia mea tecum porto*» — «всё моё несу с собою», и есть ли у меня сверх этого ещё что — пока не знаю»...

И это была правда: сапоги на ногах, шляпа на голове, платок в кармане, нижнее белье да подрясник, — вот *моя собственность* сейчас.... Смутно я уже чувствовал то, что через 20 минут увидел: ведь впереди, сколько глаз видит, всё было выгоревшей пустыней. Вот «Канда-баси»... Мост, уже сго-

рель... Солдаты протянули веревку и никого не пропускают... Остались лишь торцы среди рельс трамвая. Увидели меня: «Николай? Как жалко, что сгорел! Пожалуйста, проходите»... Впервые я здесь от солдат услышал, что *мы — погорели*. Перешёл то, что осталось от моста. Иду по «Митосиротё». Свариваю на «Огавамати». Отсюда—на участок графа Тода, церемониймейстера Двора: всё, всё везде выгорело. Столбы ещё догорают. Проволоки ещё горячи... А вот и то, что от нас осталось!.. В 5 часов 45 минут утра 2 Сент. я снова пришёл «домой», но уже на свежее догорающее пепелище...

У западных ворот встретил о. Романа Тиба. Оказывается, он задержался во дворе Миссии, спасая свои шкафы; с ним задержался и сторож Имаи. Оба остались живы. Но когда загорелся Собор, дома; где они спасались от огня, — они установить не могли, говорят только одно: «и здесь стоял, и туда, кажется, бежал». Ясно, что они были полуумными во время пожара.

Библиотека... Глазам своим не верю: 3-й этаж весь выгорел полностью, сгорели все полностью и 11 000 книг и Миссийский Архив. Рамы и ставни выпали из своих гнезд. Оказалось: почему-то покойный Архиепископ Николай устроил в Библиотеке всё несгораемым, кроме потолка 3-го этажа; он был деревянный, подбитый снизу волнистым железом. Уж не думал ли он, что пожар может начаться только снизу? И ещё: крюки железных ставней вбиты в деревянные кирпичи...

Но 2-й этаж (Богослужебные книги, издания Миссии и дубликаты) и 1-й этаж (Проповеднический зал) не сгорели...

Сгорела Библиотека. Но напрасно считают нашу погибшую Библиотеку «драгоценной». Достаточно назвать её: «Приличная, ниже среднего». Одно уже то, что она не купленная, не нарочито подобранная, а случайно собранная от благотворителей, говорит, что это была за Библиотека... Японских книг в ней не было. Из прочих книг — половина книг светских. Из духовных — было много журналов. Но среди книг *почти ничего не было нового*. Как правило, книги ведь не выписывались! И найти что-н. *новенькое* по Богословию или другим отраслям знания, нельзя было. Но диссертации аккуратно приходили, так как покойный Владыка был почётным членом всех четырёх Академий.

Оба Миссийские дома сгорели до тла. Ещё догорали балки, на коих лежали стропила крыши. Под моей квартирой ещё тлели бумаги: это догорали мои книги и... труды моих 15 лет жизни в Японии: сгорел труд, приготовленный уже к печати: «Сто лет христианства в Японии, 1539–1637»... Сгорело 500 экземпляров (всё издание полностью) изданных мною «Материалов к истории Егорьевского Лусского погоста XV–XVII ст.». Сгорел готовый уже на 90% капитальный мой труд: «История Новгородской Области XV–XVII ст.»...

Да мало ли сгорело!.. Лучше не беречь раны!.. Ещё не стары они!.. Легко и заплакать, как горько я заплакал тогда, найдя только пепел, ещё не потухший, не остывший... А я сидел вечерами! Ночами! А я-то тратил деньги, выписывая материалы из Московских Архивов (М.И.Д. и М.Ю.)!..

Собор... И он сгорел! Я вошёл в него северными дверями; западные двери и паперть были завалены развалинами колокольни. Уже ни дыму, ни чада. Вот, — догорает над южной дверью рама иконы... Во всём Соборе не осталось ни вершка несгоревшего дерева... А было его много: восьмивершковые балки, везде вершковые полы, досчатые обшивки сводов потолка и купола, деревянные полы и лестницы на колокольню, деревянный 3-ярусный иконостас... Деревянный шпиль... В таком величественном Соборе и столько горючего материала! Как будто нарочито были собраны подтопки!..

Железные каркасы купола от жары размякли и обвалились внутрь Собора. Колокола (1-й в 180 п., 2-й в 90 и т.д.) расплавились полностью. Металлическая и серебряная утварь вся или расплавилась, или сильно повреждена. Облачения, митры — всё сгорело.

Велик ли убыток? Колоссальный! Конечно, золота в Соборе не было, кроме одной панагии. Бриллиантов не было; ведь бриллианты на орденах быв. Архиеп. Николая едва ли бриллианты! И облачений, митр «драгоценных» не было; но «дорогие» всё-таки были... Но «колоссальность» потери нужно измерять не стоимостью вещей, а тем, что всё это 30 лет, с 1892 года выпрашивалось, собиралось, тщательно хранилось; что всё сгоревшее — «жертвы», «сердца» добрых благодетелей... И вдруг, в один вечер — от всего не осталось ничего. Поистине, огонь произвёл такое «полное изъятие Соборных ценностей», пред которым бледнеют пресловутые «изъятия» в России... Постоял... Поплакал... Но: «Господь дал. Господь и взял. Господь же даст и вторично», — сказал я себе и пошёл далее по Миссийскому двору.

Пни сгоревших деревьев. Здесь лишь обгоревшие стволы. Там только засохшие листья... Сила огня, видимо, была разная... Вот сдохшая собака лежит рядом с несгоревшим бамбуковым забором... Но... Опять трясет!.. Нет, «прекратилось». Иду далее: сторожка цела, не сгорела. Значит, Владыка Михаил — «не погорел». Будет рад. О. Серафима не видно. Кладовка со сломанными стульями, со старыми диванами, с прогоревшими печами, с подтопками — цела. И другая сторожка цела. В ней жил мой слуга. Не «погорел» бы, если бы ни взял с собою тюка «лучших вещей». Сгорела до тла Семинария, женское училище, 3 деревянных дома служащих. Странно: сгорело всё капитальное; но осталось всё ничтожное, низенькое, малоченное. Ясно: сила огня при страшном ветре шла выше этих малых строений.

Встретил бабушку Акилину, ещё 2–3 человек... И с сознанием «нищего» пошел с пепелища в Посольство. Всё я потерял: иконы, книги, труды, одежду, обувь, дома, библиотеку, школу, Собор... Но не потерял одного: веры в Бога... И часто, идя обратно, я повторял без ропота, но с благодарным сердцем: «Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя»...

А если Бог сохранил меня и продолжил мне жизнь, — пусть она отселе будет жизнью, достойной своего имени... Много продумал я в эти минуты... и решил: «вперёд — свои силы и труды, пока хранит меня Бог, только для Бога, для ближних; только для проповеди, для возрождения... и материального, и прежде всего, — духовного»...

Обратная дорога оказалась для меня труднее утренней: мост «Кандабаси» за этот час уже сгорел. Пошел я направо к мосту «Хитоцу-баси», но здесь, по дороге, горел ещё склад дров. Как пройти? Налево ров, вода, направо — огонь. Стою... Стоит в раздумье и японец какой-то... Смотрю: он своё «кимоно» закидывает со спины на голову, бежит и благополучно пробегает...

Exempla trahunt — Примеры увлекают... То же проделал и я, воспользовавшись своим подрящиком. Благополучно перешел я далее и через горевший мост.

В начале 8-го утра возвратился я в Посольство... «Сгорел Собор», — с горем говорю я. Но увы — к счастью не член Посольства — мне отвечает: «Так и быть должно: нет России — нет и Собора»... Меня поразил холод, с которым это было сказано, и я горячо возразил: «При чем же тут Россия?.. Да, — России сейчас нет, но есть Японская Церковь, и, значит, будет Собор»... — «Ну, что ваша японская Церковь может!» — продолжает... «Поживём, увидим», — отвечаю.

Весть, что сторожка не сгорела, была, конечно, очень радостной для Преосв. Михаила.

Нужно умыться... В чём и чем? Таз дали посольские. Воды достали из старого колодца соседнего бывшего Итальянского Посольства (стена, отделявшая Посольства, к нашему удобству, упала)... Умылся... Но чем утереться? Увы, — наши носовые платки были черны... Да и мы то сами! Будто из каменноугольных шахт вышли...

«Наварим чай»... Чай и посуду нам ссудил милый М.Н. Р-г., чайник железный получили от посольского сторожа. Но на чём будем кипятить воду? Где угли?

«Вот нашли о чём говорить! Всё Токио горит, а у них углей нет», — говорит В.М. М-ч. Берёт он большой железный таз, переходит улицу и возвращается торжествующим, с полным тазом дымящихся головней и горячего угля...

Чай готов,.. но вода! Нужно было ждать 10 минут, пока «чай» отстоится, и на дне стакана уляжется на палец — на два грязя. Но делать нечего, пили.. Всё-таки лучше, чем ничего... Об обеде, даже о куске хлеба и речи не было: провели воскресенье 2 Сентября, ничего не пожевав... На улицах-то солдаты раздавали народу что-то. Ну, — а здесь — Посольская экстерриториальность... Из-за ней и голодаем...

Ровно через 24 часа, в полдень, снова затрясло так, что волновался сад посольский. Оправдалось то, что я где-то читывал: через сутки бывает сильный aftershock (вторичное землетрясение — Э.С.).

Все мы трое, товарищи по горю, после полудня пошли в Миссию. Я взял там «своё», — а его было так мало. Преосв. Михаил отобрал только нечто из своего: Прочее доставили дня через три телегой в Харадзюку. Часа четыре мы ходили, кружной дорогой, около Дворца. Усталыми возвратились в Посольство, вместе с Посольским Пр. о. П.Ив. Булгаковым: его мы встретили вблизи Миссии...

Возвратился из Никко хозяин Посольства, 1-й Секретарь Д.Ив.Абрикосов. Стало как то увереннее. И «культурнее». Пили чай, да ещё с бисквитами...

К вечеру усталость взяла своё. Но — увы — появилась масса комаров (бич Японии). Лицо я защищал своей шляпой, руки спрятал в карманы. Но комары ели нас беспощадно. Было темно. Пожары продолжались, но уже далеко. Электрического света нет. Жутко. Временами появляются таинственные «скауты» с фонарями и палками... Часто трясло, толкало... Но спали все, спал и я. Конечно, опять на траве. Проснулись утром совершенно изъеденные комарами...

Понедельник 3 Сентября; с утра — серо, потом — дождик. Я ходил по соседним улицам. Вот тележки сгоревших на пути трамваев... Здесь ещё горят склады... Там кто-то что-то раскапывает. Люди тащат за собой листы полусгоревшего железа, из них строят себе шалаши... Конечно, нет трамваев... Но куда-то мчатся грузовики... Никто, ничего не знает. Газет нет: все сгорели. Телеграмм не принимают: провода не действуют. Работают солдаты — ставят временные столбики, натягивают провода, перекидывают временные пешеходные мосты, расчищают улицы...

Ели что-то под гордым. названием: «суп из грудинки», устроенный в складчину, по 2 сэна с лица. Казалось очень-вкусно. Но грудинка никак не хотела быть разжеванной зубами... «Я всё равно буду глотать: проголодался», — говорит Пр. М-л.

Вечером меня нашёл молодой христианин Макарий С-ки и от имени своего отца предложил в их новом доме комнату... Но я ведь — «сам четвёртый»: в одну комнату не уместимся... «Есть у отца и дом, почти уже

сданный; если завтра придете и успеете, может быть, отец сдаст его вам»; — я записал адрес и обещал завтра к 11 час. утра быть у них.

Добрая матушка С. М. Булгакова принесла узел носильного белья и даже пестренький старый подрясник. Их руками Бог опять начал возвращать мне огнем у меня взятое.

На травке сыро. Где спать? В дом идти? Страшно! Никто не идёт. Отвели нам галерею Канцелярии. Но пол каменный, старый, уже выбитый. Есть ямки. Легли... Больно... Никак не улежать на камнях. Плохие мы подвижники! Да и постоянные толчки, трясения... Страшно, не заснуть... Делать нечего: вышли опять на травку, опахали руками сырую траву, легли, теперь покрывшись сверху ковром. К счастью, и дождик успокоился: изредка шёл, но мелкий, и ещё ночь провели на траве... И слава Богу!.. Остались живы и здоровы.

Во вторник 4 Сент. я пошел по данному адресу: Аояма, Харадзюку 198. Жарко. Далеко. Верст 6. По пути пристал какой-то японец с чугунным котелком в руке. Возвращается с пожарища, где что-то раскапывал, к себе в загородный дом. Разговорились... Договорились даже до общих знакомых... Он проводил меня до самого дома № 198... Но по пути на 2–3 минуты исчез в аптекарский магазин!.. Жду... Смотрю: выходит он с раскупоренной бутылкой кислого красного вина (Medoc): «Выпейте сейчас, — у Вас очень истомлённый вид»... Язычник ли это? Да! Миллионы таких некрещенных, прекрасных в душе, по сердцу христиан, переполняют сейчас милую Японию!

Гордый и его жена Акилина С-ки приняли меня, что родного отца. Я обтёрся у них в ванной комнате холодной водой из колодца. Вымыли они моё белье, — а я пока сидел в длинной рубашке Гордия... Первый раз я тогда по-человечески ел: жидкий рис, какой-то суп; и пил стакан красного вина, подаренного мне Богом посланным спутником. Даже ел арбуз... Таким лукулловским обедом казался мне тогда этот скромный беженский обед. А хозяева ведь тоже «погорели», потеряв одного сукна на 35000; но случайно купленный ими большой японский дом, переделанный теперь на 3, — помог им лишь одну ночь провести на улице и поселиться опять у себя дома.

«Я — счастливейший из миллиона погоревших, — не скрывал правды хозяин. — Договорились. Я снял у Гордия не одну комнату, как предлагал сын, а один из трёх японских домов. И с сознанием, что и для меня опять есть *моя крыша*, под которой я *хозяин*, я возвратился в Посольство.

Вечером того же 4 Сентября мы четверо: я, Преосв. Михаил, М. М. Бергер и повар-слуга прибыли в № 198, Харадзюку, Аояма...

Темно... Электричества ещё нет... А свечей — нигде не достать. Хозяйка дала 3–4, длиной в полтора вершка: такие только нашлись в лавке.

Зажгли... Огляделись... «Работать» нечего. Сидеть не на чем. Решили лечь спать. Прямо на полу. Было 10 часов вечера. Легли... Прошло 20 минут: трясёт... Ещё 20 минут, опять трясёт... Ещё 20 минут — залаяли собаки, — затрясло. Жутко! А мы сняли было сапоги... «Оденем опять на всякий случай»... Одели сапоги, легли... Опять трясёт и трясёт! Уже за полночь... Встали... Вышли в вестибюль дома, сели на каменную ступеньку и... горюем своё горе... До 3 часов ночи насчитали 16 трясений. Но утомились, снова легли и... «землетрясения кончились», т. е. мы заснули. В 6 часов утра я встал: трясёт. Это 17-е... Начал мыться, — толкнуло так, что водой меня оплескало: 18-е. Просыпается Пр. Михаил: как раз затрясло... «17-е», — говорит он. «Ошибаетесь», — говорю, — «по крайней мере, с 6 часов — 3-е, а после вчерашних — 19-е... А сколько мы проспали толчков!» — Негостеприимно в этом отношении меня встретил Харадзюку.

5 Сентября я купил на улице три тарелки глубоких, три мелких, три ложки, три ножа, три вилки, 6 чашек чайных, чайничек.

Нас зарегистрировали беженцами и зачислили на «паёк», который мы получали в школе Омбара, пока я не нашёл возможным от него отказаться. Картофель, лук, рис, мясные консервы, рыбные консервы, — вот что чаще всего давалось. Хлеба не было. 1-й раз я его получил ($\frac{1}{4}$ ф) из Осака... Нарезали мы его тонко-тонко и с каким аппетитом съели, по «нескольку ломтей».

Жизнь не сразу, но постепенно упорядочивалась. Одновременно выяснились и публиковались и все те сотни тысяч жертв, о коих мы только догадывались, судя по фотографиям, продававшимся «из-под полы». На сём я и кончаю «повесть скорбную о трусе великом и пожаре», коими были уничтожены три четверти столицы Японии...

В Токио осталась несгоревшей деревянная, в японском стиле, Богоявленская церковь в Ёцуя (Укёо-мати №26); туда я и ходил к службам в воскресные и праздничные дни. А в октябре мне привезли из церкви Осака хранившееся там облачение, орлецы, митру, посох, дикирий и трикирий, и я получил возможность сам служить в этой Церкви. 10 Октября уехал в Харбин Преосв. Михаил. Ещё раньше его уехал в Кобэ М. М. Бергер.

Постепенно меня одевали: Церковь Осака сшила мне осенний подрясник и верхнюю рясу; бывшие ученики Семинарии и женского училища тоже сшили подрясник и рясу, из церкви Химэдзи прислали одеяло, из церкви Такасаки прекрасные спальные принадлежности; из Сеула разное бельё. А в половине Октября восстановилось сообщение с западом, и слуга привёз с Миссийской дачи много, даже самовар...

20 Октября 1923 года состоялся экстренный Собор Японской Православной Церкви. Постановили: возрождаться...

Для этого, по моей идее, продали в г. Мацуяма (о-в Сикоку) «294» цубо земли за 15 000 иен.

На эти деньги построенную там в 1908 году, в память умерших пленных, Церковь разобрали (в городе не было наших христиан, и церковь после революции 1917 г., из-за безденежья «стояла без пения»), погрузили на пароход; в Кобэ перегрузили на поезд, доставили в Токио, в Суругадай.

13 Февраля 1924-года я произвёл закладку этой Церкви, через два месяца уже освятил её во имя Святителя Николая. (Наш Собор ошибочно называли S. Nicolas-Cathedral — Николаевский Собор: Собор был «Воскресенский»). Вербное Воскресенье и Пасху, мы уже встречали в Свято-Никольской своей Церкви. Цены в то время на всё были безумно высокие; напр. плотник 4 иены в день; и все, полученные за землю 15 000 ушли на перенесение Церкви.

Всю весну ремонтировали Миссийские дома, срыв разбитые 2-е этажи и уничтожив приведённое в негодность северное крыло главного дома с бывшей Крестовой Церковью и с квартирой покойного Архиепископа Николая. 2 Мая, в пятницу, на Пасхе, проведя 8 месяцев в Харадзюку, я под трезвон св. Никольской Церкви возвратился в Миссию, в свою скромную квартиру, ещё не законченную. Не было ещё стекол в рамах!

В июне месяце я насадил небольшой садик перед окнами архиерейской квартиры; пыли стало меньше...

С 1 Сентября 1924 года я предпринял подомовный объезд всех православных Японии; ездил я с Сентября 24 года по июнь 25 года, с Сент. 25 года по июнь 26 года, с Сент. 26 года по июнь 27 года. Объехал всё. Остались Курильские острова, Сахалин, Формоза. Только... Принимали меня, как Ангела Божия. Я обильно учил, утешал. Благодать Божия возродила сердца православных, убедившихся, что и сердце Церкви — миссия, Суругадай не парализовано, а живет... Это было хорошей подготовкой к сбору денег на Собор.

Весной 1925 года на выданную Мин. Вн. Дел сумму в 15.000 иен отремонтировали Библиотеку, уничтожив 3-й этаж. Приведённые в порядок дубликаты (хранившиеся в несгоревшем 2-м этаже) уже составили библиотеку в 3 000 томов.

Весной 1925года Мин. Вн. Дел выдало пособие в 8 000 иен для возобновления деятельности «Кёдзюцу-кай» — Православного Благотворительного Женского Общества. Выдавая эти два пособия, М.В.Д. поставило два разумных условия: а) библиотеку сделать «общедоступной» для всех, желающих пользоваться её книгами; и б) деятельность Благотворительного Женского Общества не ограничивать сурово и строго рамками православных клиентов, помогая, когда нужно, и язычникам.

В июле 1926 года Собор японской Церкви постановил начать сбор денег на ремонт Собора, по смете в 240000. С 1 Сентября 1926 года по июль 1927 года собрали 55000.

В июле 1927 года Собор Японской Церкви постановил начать ремонт Собора, выделив из всей сметы часть работ, в сумме 73000. 15 Сентября состоялись первые торги. Работы сданы за 68300 иен компании «Симидзу-Гуми» Совершили молебен в Соборе перед началом работ. Первая телега с лесами прибыла в Миссию 27 Сентября; первая чаша бетона была опущена на крышу 29 Октября. Жертв собрано до 85000 иен.

В 1928 году, осенью, сдали 2-ую часть работ, за 32000 иен. Деньги потребные для этого заимствовали из оборотных сумм Миссии.

В Январе 1929 года Консистория и Строительная Комиссия просили Архиепископа лично выехать по Церквам по сбору пожертвований. Мною было сделано 22 выезда. Посещены японцы даже в Маньчжурии и Корее. Принимались многие и другие меры. По сбору денег были удачи; были и неудачи. Но Бог утешил, и нужные 57000 мною были собраны... Не добрал только 2500 иен, каковую сумму временно одолжила церковь г. Сэндай.

В Ноябре подрядчик прибежал к ночным работам, увеличив количество своих рабочих. Общими усилиями к 14 Декабря весь ремонт и вся реконструкция Собора были закончены, и Японская Православная Церковь получила возможность торжествовать освящение Собора в назначенный мною день 15-го Декабря 1929 года. О сём торжестве и будет далее повесть моя...

I

Ожидая большое скопление христиан из провинции, православные японцы, живущие в Токио (а их—550 домов, 2002 человека), решили содержание их принять всецело на свой счёт. Быстро собрали между собою до 1900 иен. Сняли помещение в здании Общества Молодых Людей, — отдельно для мужчин, отдельно для женщин. Назначили ответственных распорядителей.

Декабря 12, 13 и 14 со всех четырёх станций Токио начали прибывать дорогие гости. Из занесённых снегом деревень и городов по берегу Охотского моря (Абасири, Сяри), из других пунктов далёкого холодного Хоккайдо (Хакодатэ, Саппоро, Кусиро, Нэмуру) прибывшие христиане поразили всех своим усердием. Как раз с противоположного конца Японии, с острова Кюсю, ещё цветущего в декабре, прибыли богомольцы из Нагасаки, Кокура, Янагава, Хитоеси, Юномаэ, Кагосима; закутанные в вату северяне, одетые в шелка южане, одни обожженные морозом, другие всегда смуглые от солнца, с разным говором, разделенные между собою большим расстоянием (до 96—

100 часов экспрессного пути), теперь объединились на одной задаче — помолиться на освящении Собора — и слетелись в один центр с разных концов Японии.

Токусима на острове Сикоку; Ёнаго, Майдзуру, Акита — с берегов Японского моря; Хиросима, Окаяма, Химэдзи, Кобэ, Осака, Киото, Нагоя, Окадзаки, Ханда, Какэгава, Тоёхаси, Хамамацу, Сидзуока, Мисима, Сюдзэндзи, Готэмба, Одавара, Йокосука, Йокохама, — все с линии Токио — Симоносэки; Хатиодзи, Буси, Кофу — с центральной линии, Тиба, Нанаэ, Тэга — из соседней губернии Тиба; Такасаки, Маэбаси, Асикага, Мекурия, Уцуномия, Канума, Карасуяма, Бато, Сиракава, Вакамацу — с северных губерний; Сэндай, Исиномаки, Наканида, Цукидакэ, Вакуя, Санума, Каннари, Ивадзэма, Охара, Иваядо, Мориока — северо-восточные города и деревни... И даже Кэсэнума, Сакари, Оцути, Ямада — с далекого северного побережья Тихого океана... Все послали своих представителей. А ближайшие общины прибывали большими группами...

Приветствовались взаимно... Поздравляли друг друга с великим торжеством... Несли «подарки к празднику» — и нанесли до 1.000иен... Заходили к архиепископу за благословением... И вместо поздравления плакали слезами радости. О, если когда, то в эти дни прилично было воспеть: «Возведи окрест очи Твои, Сионе, и виждь: се бо приидоша к Тебе, яко богосветлая светила, от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословящая Христа во веки» (Пасх. Кан. Песнь 8, троп. 2-й). И воспели во время всенощной 14 декабря, накануне освящения.

II

Духовенству и катехизаторам Японской православной церкви были посланы приглашения по возможности прибыть на торжество освящения Собора в Токио. Но «дорожных» никому не посылалось, так как с весны 1918 года все японские приходы в материальном отношении самостоятельны, духовенство и катехизаторы (проповедники), церкви и молитвенные дома, — все содержатся местными общинами.

Кроме 6 иереев токийских прибыло из провинции 21 иерей. Всего собралось 27 иереев-японцев (не прибыли или по дальности расстояния, например, из Формозы, из Дайрена, или по болезни — из Киото, из Одавара, 1 из Токио, или по другим причинам, — всего 9 иереев). Из диаконов-японцев было на торжестве 4 (3 из Токио, 1 из Сиракава), отсутствовало 2 (всево в составе Японской церкви иереев 36 в 33 приходах, все японцы, и диаконов-японцев 6). Катехизаторов прибыло только 10, — прочие 17,

видимо, уступили своё место своим христианам (таким образом, вся сила Япон. ц. состоит из 36 иереев, 6 диаконов и 27 катехизаторов, — всего из 69 человек. По безвременью и это хорошо. А до Октября 1917 года одних катехизаторов было до 120. Впрочем, иереев больше 36 не бывало и раньше).

Из Кобэ прибыл настоятель русского Христо-Рождественского молитвенного дома о. Александр Бобров со своим диаконом о. Василием Чувашевым, и А. П. Крюков, принешие Архиепископу в подарок от русской колонии в Кобэ прекрасные настольные часы. Разделить с нами великое торжество прибыл из «Кейдзё» (Сеул) начальник Корейской Миссии Архимандрит о. Феодосий.

По особому приглашению Архиепископа из Харбина прибыли Преосвященный Епископ Нестор, представитель монашества Архимандрит о. Ювеналий, собрат-миссионер Протоиерей о. Арист. Раф. Пономарев (член Московского Собора 17–18 г.) и протодиакон Прокопий Маковеев.

Итак, Архиепископ — 1, Епископ — 1, Архимандритов — 2, русский протоиерей — 1, русский иерей — 1, русский протодиакон — 1, русский диакон — 1, японских протоиереев и иереев 27, японских диаконов — 4. Всего 39 человек. «Собор мног зело» собрался ко дню освящения Собора.

III. — Всенощное бдение

Величественный Собор. Высота от пола до купола 85 футов (14 сажень). Правильная форма креста с неширокими крыльями. В западном крыле на высоких колоннах — хоры, в северном крыле, наверху, устраивается придел св. равноапостольной Елены (имя жертвовательницы), в южном крыле, наверху, устраивается придел Преп. Сергия, Игумена Радонежского Чудотворца. Иконостас — одноярусный, по рисунку христианина Сергия Кавамура, резной, выкрашен в 2 краски эмалированные — белую и бирюзовую. Иконы прекрасно исполненные вдохновенной кистью художника-иконописца Ник. Ст. Задорожного (Харбин, Новоторговая 23), копии с икон Васнецова (Спаситель и Богоматерь, и два шестокрылых Серафима), Нестерова (Воскресенье, Рождество Христово и Крещение Господне) и Сведомского (Воскресенье Лазаря). Царские двери низкие — по плечо иерею. Над царскими дверями художественно вышитая шелками «Тайная Вечеря» (работы Е. А. Цуй). Электричества нет: душа любит молиться в полусвете лампадок и ликовать с восковой свечечкой в руках. В Собор легко поместится внизу 2000–2500 человек, да наверху человек 500–700.

Ровно в 6 часов вечера раздался звон колокола. Стопудовик. Старик, иеромонахом Владимиром (ныне архиепископ) выписан из Москвы в 1884

году для церкви Миссийской дачи в Хаконэ. За разрушением Церкви долгое время стоял на земле... В 1916 году послан в Церковь Хакодатэ. В 1929 году, в Январе, обменен Миссией на 6 своих колоколов весом в 30 пудов и поднят на новую колокольную. Исключительно чистый, бархатистый звон его заставляет забывать старые, расплавившиеся в пожаре 1 сентября 1923 года колокола. Трезвон... Ещё 5 колоколов, в марте 1929 года полученных из Польши. Литы в Данциге; наполовину — жертва Польской Церкви, наполовину — приобретён на деньги, «напетые певчими» здесь... В общем, около 145 пудов гармонично подобранных колоколов извещали всему Токио: «У “Николая” торжество»... И все радовались... И язычники радовались: «Опять раздался звон Николая»... А в бывшей России колокола снимают, колокола переплавляют. Что это? Или мы в Японии отстаём от «века сего»?.. Но, кажется, Японии справедливо признают первоклассной, культурной державой. Или... «они» закусили удила и «несут»?.. Несут для того, чтобы расшибиться о первую тумбу или опрокинуться и разбиться на повороте...

Всенощную совершает Кафедральный Протоиерей с сослужащими посреди Собора; голос протодиакона Маковеева «великий», но для Собора как раз в меру. Все богомольцы стоят, как в Пасху, с зажженными свечами. А богомольцев до 1000 человек — Собор не был наполнен вечером. Много было иностранцев.

Пели два хора — наш Соборный и хор Богоявленской церкви в Едзю (Токио). Соборный хор пел прекрасно. Японцы и японки, чиновники, служащие, студенты и вообще учащиеся. Все «любители», до 40 человек. Чудные сопрано, прекрасные альты, хорошо спевшиеся тенора, не отстают и басы, помогаемые Андр. Сем. Беляевым, псаломщиком Миссии, и Алекс. Ник. Капустинным. Конечно, японцы и ноты теперь легко разбирают и читают, и в гаммах толк знают. И всё же талантливый регент, фанатик своего дела Викт. Алекс. Покровский, с 1924 года делал и делает колоссальную работу, не щадя своего здоровья... Имя его будет записано в историю музыки в Японии. Соборный хор не просто поёт, а поёт художественно, с душой, «с исполнением», без погони за «вибрациями» и т. п. модными вещами. В Миссии теперь можно восхищаться пением и... молиться.

Много порадовали певчие и Богоявленского хора (тоже до 40 чел.),шедшие в лице бывшего семинариста Евпла Пётр. Такахаси прекрасного регента-любителя, не стыдящегося и поучиться у В.А. П-го, и заимствовать его переложения.

Несутся в купол величественные униссоны Яичковского «Благослови, душе моя»... «Слава Ти, Господи, сотворившему вся», — громогласно воспели басы... И казалось: раздвинулся купол, и сей голос «Слава» вознёсся

к Престолу, сотворившему Собор... Затрепетало сердце, когда запели стихиры Пасхи Смоленского... «Пасха красная» — как бы звонят радостно колокола голосов... Сердце сжимается от радости, слёзы подступают к горлу, ноги дрожат... Бедные нервы... А вот Строкинское «Ныне отпускаеши» с чудным соло (А.Н. Капустин). Центр пения — «Хвалите имя Господне» Знам. распева, в переложении Чеснокова... Специально к освящению переложённое и разученное песнопенье, строго церковное, красиво-народное, могуче-музыкальное... Два канона: Христос рождается. (Рождеству, на катавасию) и «Воскресения день» (храму: ведь Собор-то не Свято-Николаевский, не S. Nikolas, а Воскресения Христова. А зовут и его, и место, «Николаем», по имени покойного архиепископа Николая, 51 год жившего в Японии, 40 лет жившего в Токио и построившего Собор). Великое Славословие Архангельского вызывало слезы. Да и всё прочее пето было прекрасно. «Господи воззвах» и стихиры Архангельского, «Богородица Дево», — его же, «Великая эктения» — его же, «Благословен еси Господи» — его же, «От юности моя» — Вишневого, «Воскресенье Христово» — Архангельского, «Величить душа» Мясникова, Сугубая Эктения соль минор, «Возбранной воеводе» Касторского...

Как видите, Миссия любит Архангельского. Напевы все русские, но переложены (с приближением на 75% — 90%) на японские слова (а их в полтора раза больше, чем русских).

Пение Соборного хора было идеально хорошее. Прекрасно помогал ему в простых вещах и Богоявленский хор. Прекрасно отозвался о пении нашего хора Прот. Ар.Р. Пономарев из Харбина, сам неподражаемый певец и знаток пения. Вот его слова: «Русская церковная музыка — знакомые, родные напевы. Целомудренные звуки любительских хоров летели в высь храма. Здесь — не желание сказать приятное — “целомудренные” звуки. Нет. Здесь ощущение и впечатление этого чувства от благоговейного, бесстрастного и глубоко молитвенного исполнения певцов и певиц. Здесь не слышно той пародии на колоратуру или сердцещипательного тенора, какие, увы, в достаточной степени бередают религиозное настроение молящихся и несут в этом звукоподражательном моменте немалый соблазн и растление духа, невольно поддающегося власти звука и изнеженной гармонии». («Хлеб Небесный», № 1, стр. 29).

Я глубоко благодарен отцу Аристару за то, что он «почувствовал» сердцем то, в чём наш хор научен, и что составляет безусловно его «духовную красоту», его «обаянье». То же церковное песнопение, но спетое с приёмами театра, сцены, эстрады «отдаёт» кощунством и возмущает душу... В Соборном пении этого недостатка нет.

Собор «Христово Воскресения»... Душа вспоминала Гефсиманию, суд, бичевания, оплевания, злохуления, крест, страдания, смерть, погребение...

Но венец всего — «воскресенье во славе» и «воскрешение сердец верующих учеников»... Праздник... Триумф... Слава...

Пережил и наш Собор и «трус» 1 сентября 1923 года, потеряв колокольню, и «огнь» вечера того же дня, пожравший его совершенно. Пережил улюлюканье врагов: «Посмотрим, как-то восстановитесь без России». Слышал полунасмешки безразличных: «Пока ещё не поздно; полуразвалины взрываем динамитом бесплатно: после — платить будете». Скорбь, слезы, почти стоны полуютчаяния, и... надежды, скрытые где-то на дне сердца, надежды на что-то «неопределённое»: не то на богатого американца, не то на щедрого японца-язычника...

Но прошли циклоны... Разъяснела душа... Поняла, что только Сам Триумфатор — Христос может воскресить, и только через нас самих, пострадавших, Воскресенский собор. И поняв, душа начала работать с верою во Христа и Его помощь. И не постыдилась. Собор был в 2 года воскрешён к славе силою воскресшего Христа. С таким настроением сердце молилось во время полупасхальной службы. И когда, по окончании службы, Архиепископ, обращаясь к молящимся (по-японски), приветствовал их: «Христос Воскресе», — все ответили: «Воистину Воскресе». А на 2-й его привет: «Братья, сестры! Силою Христовою и наш Собор воскресе!» — уже прогремело могучее: «Воистину Собор воскресе».

Во время Всенощного бдения, после 6-й песни канона, были заслушаны адреса и приветствия Харбинских дорогих гостей и приняты их щедрые дары Собору и Архиепископу. При прекрасном адресе от Дома Милосердия Пресвященный Нестор поднёс: от Дома Милосердия Образ Всемилоственного Спаса, от Кружка Милосердия большую металлическую лампаду, от девочек-сирот — их работы священные воздуха, лично от себя прекрасное архиерейское зеленое облачение и орлец к Престолу. Казанско-Богородицкий мужской монастырь при сердечном адресе поднес через Настоятеля о. Архимандрита Ювеналия Собору большую икону Вседержителя и Архиепископу — иконочку Преп. Сергия Радонежского. Трогательный адрес прочитал Преосв. Епископ Нестор «от друзей в Харбине суших»; позволяю привести себе его полностью:

«Ваше Высокопреосвященство, высокочтимый, любимый наш Архипастырь и Отец. От всей души поздравляя Вас с радостным днем восстановления разрушенного землетрясением Собора, мы хотим сказать Вам, что в Харбине, вдалеке от Вашей Епархии, у Вас есть верные, преданные, любящие друзья. Несмотря на разделяющее нас расстояние, мы постоянно чувствуем Вашу отеческую любовь, Ваши архипастырские молитвы о нас, наше постоянное единение с Вами в любви Христовой. И вместе с Вами, дорогой наш

Владыка, разделяем мы все Ваши горести и радости. Мы от всей души преклоняемся пред Вашими трудами и подвигами. В тяжёлые годы страданий нашей общей родной Матери, Православной Церкви Российской, Вы твердо храните верность ей и высоко держите знамя родного Православия в Японской стране. Да пребудет же с Вами постоянно Господь Бог, укрепляющий и дарствующий Вам силы и бодрость. Да расширяется и растёт святое дело Ваше, которому Вы отдали столько сил и трудов. И примите от нас, любимый Владыка, этот залог нашей любви — Святый Крест Христов, символ нашей веры, знамя нашей непобедимой победы. Возложите его на себя и поминайте нас в святых молитвах своих». Ваши духовные дети, друзья и почитатели: 76 подписей, возглавленных именем великого государственного человека, мужа разума и совета, Н.Л. Гондатти. Миряне, духовенство, мужи науки, простецы, люди капитала, смиренные иноки, и мужчины, и жены... — Много духовной радости это слово доставило Архиепископу Сергию. Спасибо глубокое, великое, горячее.

О. Архим. Ювеналий и Прот. Арист. Р. Пономарев поднесли Собору сооружённый ими для поездки на освящение Собора два прекрасных протоиерейских облачения. Ювелир С.И. Сокольников прислал от себя и супруги 2 лампады, Г.Д. Антипас — два образочка к Царским дверям.

Все дары были принимаемы с любовью: ведь наш прекрасный Собор напоминал красавицу-невесту «без приданного» (да и сейчас он ещё почти ничего не имеет: пожар в день Великого Землетрясения 1 Сентября 1923 года произвёл «полное изъятие» не только ценностей, но всего, что было собрано с 1861 года). Архиепископ японцам кратко объяснял по-японски: от кого, и что; и, благодарив, принимал дары.

Любовь деятельная друзей харбинских произвела глубокое впечатление на присутствовавших. Будем верить, что японцы-христиане (ещё многому не наученные...) получили в этот вечер прекрасный «предметный урок» жертвовательности.

15 Декабря 1929 года. Воскресенье

IV. Освящение Собора. Литургия

Ровно в 7 час. утра начался перезвон на Миссийской колокольне. Перезвон был для нас необычный, особо торжественный, оживленный. То звонил Н.Ст. Задорожный, оказавшийся не только прекрасным художником, но и искусным звонарем. В Соборе совершалось водосвятие. А народ, слыша звон, поспешал во двор Миссии и с западных, и с южных, и с северных ворот. Во дворе громадные палатки. Всюду распорядители, плакаты. Палатка

Красного Креста. Полиша. Кинематографические машины. Бесконечное количество фотографов. Флаги внизу. Гирлянды флагов спущены по всем направлениям с колокольни. Приближается исторический час... Ещё немного, — и снова Слава Божия осенит наш реставрированный Собор. Но... дождусь ли я сего счастливого момента? Меня ли Бог удостоит великой чести освятить Дом Его обитания в столице Японии? Трепетало сердце, и до этого уже уставшее за 6 лет после землетрясения. Напоминали о себе и нервы, коим тоже мало давалось отдыха. Но, вот, и 8 часов утра, — час освящения.

Раздался серебристый бархатный бас большого колокола. В комнаты Архиепископа пришли о.о. архимандриты, о.о. протоиереи, в вестибюле епископской квартиры выстроились попарно прочие иереи. На улице собрались катехизаторы, два хора певчих. При начале трезвона певчие, выстроившись попарно, открыли процессию, идя в Собор с пением Пасхального канона. Замыкалась процессия Епископом Нестором и Архиепископом Сергием, «со славою» шедшими освятить Дом Божий. Усиленно работали аппараты. Но серая погода и сильный ветер едва ли содействовали успеху снимков.

Входные молитвы, облачение Архиепископа на кафедре, Епископа Нестора в алтаре. Одел свои священные одежды и старец Англиканский епископ Dr. John Mc Kim, большой друг православной Церкви, покойного Архиепископа Николая и мой личный. В чине освящения приняли участие 2 архиерея, 2 архимандрита и 8 старейших протоиереев и иереев.

Архиепископ Сергй делал возгласения и читал 1-ю большую молитву и последнюю молитву по-японски. Епископ Нестор делал возгласения и читал 2-ю молитву по-русски. Обвязывал Престол шнуром Прот. Ар. Раф. Пономарев. Помазывал стены св. Миром Еп. Нестор, кропил святой водой Архим. Ювеналий, совершал каждение Архиепископ. св. Мощи были приготовлены в Свято-Никольской церкви, куда и пошли Крестным Ходом с участием, в ризах, уже всего духовенства. Со Святыми мощами торжественно обошли Собор и, возвратившись в Алтарь, скоро dospели до конца освящения.

Народу было полно. К сожалению, входили и выходили, снова входили и снова выходили. Масса детей... Всё это создавало атмосферу какого-то подавленного гудения... Но с болью в сердце приходилось мириться, ибо в массе не менее 3000 человек трудно установить нужную гробовую тишину.

Многолетия... Пять многолетий... И пропеты они были соборным хором художественно...

Слава Богу... Совершилось... Отныне мы опять молимся в Воскресенском Кафедральном Соборе. Цель достигнута. Ноша с плеч пала. Туга сердечная куда-то исчезла... Благоговеиная благодарность Богу, — вот чем жило сердце.

Божественную Литургию на новоосвященном Престоле совершили те же лица, которые освящали Собор. Прекрасно пели два хора — Соборный и Богоявленский. За Великим Входом Архиепископ поминал поименно Святейших Православных Патриархов: Константинопольского Фотия, Александрийского Мелетия, Антиохийского Арсения, Иерусалимского Дамиана, Сербского Димитрия, Румынского Мирона, Местоблюстителя Патриаршего Престола Всероссийского Митрополита Петра и его Заместителя Митрополита Сергия. Последние два имени — М. Пётр и М. Сергий — поминаются в Японской Церкви за всеми службами. Поминование же всех Правосл. Патриархов производится только в особо торжественных случаях... Проповедь говорил ректор (увы, бездействующей из-за безденежья) Семинарии Кандидат Богословия Ив. Аким. Сэнума. Кроме того, всем богомольцам роздана, в переводе на японский язык, содержательная проповедь Харбинского Миссионера Прот. Ар.Р. Пономарева. Литургия закончилась в 1 ч. дня.

Всем собравшимся на великое торжество были розданы в коробках японские завтраки («о-бенто») по 50 сэн за коробку. Роздали 2500 ящиков (на сумму 1250 иен). И всё-таки было много неполучивших; сами распорядители остались без завтраков; не брали их и большинство русских.

По самому скромному подсчету собравшихся было не менее 3000 человек.

V. Торжественный Акт

Для отдыха служившего духовенства не было и 1 часа времени. С 2 часов дня снова все собрались в переполненный Собор, где с 2 до 4 часов и состоялось „торжественное поздравительное собрание» (Сюкугакай), согласно вывешенной программе. Собранием заведывал Ив. Ак. Сэнума.

Поднявшиеся на хоры певчие стройно спели молитву «Царю Небесный», конечно, по-японски.

Все собравшиеся, а их было до 2000, стоя пропели «Кимигаё» — японский национальный гимн. Не певчие пели — нет: все 2000 пели, старцы и дети пели. В этом могучем исполнении тысячами в унисон национального гимна чувствовалась та «сила единения», которая создала Великую Империю и которая теперь воссоздала Собор. Потерявшим Родину, не имеющим национального гимна некоторым русским патриотам трудно было стоять в эти минуты (а гимн непременно повторяется) и они плакали. Други, будем верить, что и мы запоём свой гимн! И скоро воспоём!

Отчёт по постройке (краткий) О. Протоиерея Павла Морита.

За ним назначена «речь архиепископа». С утра до вечера хлопоты, суета. Полы, краски, иконы, облачения, утварь, приём гостей, встреча христи-

ан... До речей ли, до составления ли речи было? Но делать нечего, — экспромптом Архиепископ сказал по-японски речь, которая по русской позднейшей записи была таковою:

«Возлюбленные братья и сестры! Спала с сердца тоска, давившая его с 1-го-Сентября 1923 года! Господу, Благодателю нашему, слава.

Осуществилось то, о чём страшно было и во сне-то мечтать! Мы опять имеем Собор: Господу, Благодателю нашему, слава.

Господь внушил Церкви нашей в Октябре 1923 года твёрдую решимость восстановить Собор. Ему — слава.

Господь раскрывал сердца Ваши и карманы Ваши во время сборов на Собор с 1925 года по сегодня. Ему — слава.

Господь не отверг наших даров Ему и не возгнушался наших нечистых рук. Ему — слава.

Церковь Японская, познай Своё ничтожество и преклонись пред Благодателем, с главы до ног тебя покрывшем милостями. Ему, Ему, нашему Благодателю, и прежде, и теперь, и после в нетленные века — слава и благодарение.

Но глаза мои видят, и сердце моё радостью радуется, что сюда, на наше историческое торжество, притекли чада Японской Церкви от запада и севера, из-за моря и востока.

Счастливы Вы, братья и сестры, что Вас Господь избрал быть орудиями восстановления сего великолепного Собора. Но Господь не насилем брал средства Ваши на Собор, — Вы свободно, по сердечному расположению, давали — и от избытков своих и от скудности своей, Господу. И я не могу удержаться, чтобы с восхищением не поведать миру о Вашем жертвенном подвиге.

Спасибо Вам, общины, давшие и раз, и два, и даже три раза.

Спасибо Вам, отдельные братья и сестры, дававшие и единожды, и дважды, и трижды.

Спасибо Вам, общины, дававшие сотни, тысячи, даже десяток тысяч.

Спасибо Вам, братья, сестры и общины, давшие иенами, десятками, сотнями. 5 иен “от сердца” — не ниже пред Богом и 5 миллиардов!

Спасибо Вам “безымянные” сотни, безымянные десятки, безымянные полтинники: Бог знает Ваши имена.

Спасибо тебе, четырёхлетка Давид, давший на Собор 2 сэна (2 коп): не беспокойся — Собор готов!

Спасибо Вам, кои давали и плакали, плакали слезами надежды и радости, — или слезами радостной надежды. Утрите слезы свои: Вы видите, чем Бог нас благословил. Собор воскрес во славе большей.

Спасибо глубокое и тебе, русская Святая душа, которая поддержала мои руки, будучи сама без родины или в беженстве.

Всем спасибо, с поклоном земным. Радуюсь за всех и поздравляю всех. Вы — Божьи избранники. Через Вас совершил чудо Своё Бог.

Сказал я: “Чудо” совершил Бог. Ибо кто из нас мог бы и подумать, что мы, малая и юная Японская Церковь, можем сделать то, что сделали? Но Премудрый Архитектор усмотрел новый, чудный материал для постройки Собора: не гальку, не песок, не цемент, — а крепкую, как скала, веру юной Церкви, непоколебимую её надежду на помощь Божию и поразительно широкую, жертвенную любовь юной Церкви.

Это они — вера, и надежда, и любовь, — и все три в атмосфере святого мира строили Собор.

Братья и сестры! И это от Бога. Вера, надежда, любовь, мир — от Бога. Богу паки и паки благодарение и слава.

Собор готов, а впереди-то работы сколько! Подумать только! Мы должны будем теперь день за днем строить живой собор православных душ человеческих.

Да и одна ли работа церковная пред нами впереди? Мир мятется. Переоцениваются ценности. Ниспровергаются троны. Перечерчиваются карты мировые. Бьют волны разных ядовитых течений и о берега нашей островной Империи. Но она, как один, стоит около Трона... И не рай ли сейчас Япония среди стран всего мира?.. (Аплодисменты).

Однако, вспышки духовной чумы время от времени бывают и у нас, в Японии.

Братья и сестры! С верою в помощь Божью, с надеждою на конечный успех, в атмосфере жертвенной любви все до единого поднимаемся на строение живого Собора православных душ.

Это наша первая задача. Центром этой великой работы да будет Воскресенский Собор.

Но поработаем всеусердно и над тем, чтобы не колебались устои нашей страны, чтобы утверждались вековые устои нашей Империи...

К чему я вас зову сейчас? Взять в руки бомбы, ножи, револьверы и идти на “идеи”?

Нет. Идей оружием не остановить. Да и “мечи”, “ножи” запрещены Христом.

Заняться издательством брошюр, книг и листовок против “идей”?

Нет. Для этого есть ответственное Министерство Народного Просвещения.

Следить и вылавливать из общества “заразу” — носителей “опасных мыслей”?

Нет. Для этого есть агенты Министерства Внутренних Дел.

Братья, сестры! Не политикой заниматься я Вас зову. Кости покойного Владыки Николая перевернулись бы от этого в гробу.

И я не благословлю Вас на это: сила наша доселе — абсолютное воздержание от всякой политики.

Но мы должны поработать для укрепления устоев страны. Должны. И поработаем, идя путём Христовым.

Ложечка соли даёт вкус пище. Фунт соли предотвращает пищу от гниения.

40000 православных, 300000 всех христиан в Японии — не ложечка ли это соли? Да, только ложечка на 70000000 населения.

Удвоим, утроим, удесятерим усилия. Поработаем в 30, в 60, в 100 раз энергичнее. Будем иметь не 40 тысяч, а 400 тысяч. Пусть все христиане в Японии будут иметь не 300 тысяч, а 3 миллиона.

Тогда мы поистине явимся тою силою, которая остановит гниение, если оно началось, и не даст загноиться здоровой молодежи!

Это ли не святая работа? Это ли не наша работа, как граждан Империи? Через усиленную проповедь к цветущей церкви, к цветущему христианству. Через живое, цветущее христианство к твердому Государству. Святые миллионы преданных Империи лояльных христиан, — вот девиз нашей работы в будущем.

Бог нам в этой святой работе в помощь!» (Аплодисменты).

Речь Архиепископа была с большим вниманием прослушана и тепло принята не только христианами всех исповеданий, кои были в Соборе, но и Представителями Правительства, и даже язычниками-гостями. Дай Бог, чтобы посеянные слова пали на землю добрую и принесли некий плод.

Певчие на хорах (соборные) художественно исполнили Пасхальные Стихиры Смоленского, которые прились как раз к настроению момента: только что окончился гром аплодисментов после речи Архиепископа.

Архиепископ передал Председателю Строительной Комиссии, а тот прочитал благодарственные адреса а) Архитектору-художнику Окада Синити, составившему план и произведшему ремонт и перестройку Собора, и б) Симидзу Тэйкити, главе фирмы «Симидзу-Гуми», взявшей подряд на работы и добросовестно, дёшево и к сроку исполнившей подряд.

Прочитаны адреса: Министра Народного Просвещения (заместителем), Губернатора Токио (заместителем), Мэра Токио (заместителем) и Председателя «Комиссии по восстановлению Токио после Землетрясения и Пожара» — Накагава Надзому (лично): он, бывший губернатор Осака, лично прибыл на наш праздник, вероятно, потому, что он — наш православный христианин — единственный из «больших людей» Японии в составе нашей православной Церкви...

Не читали и даже не сосчитали, а только показали груды поздравительных адресов, писем и телеграмм, пришедших из разных концов Японии.

Председатель Консistorии Протоиерей о. Илья Сато приветствовал от имени возглавляемого им совещательного при Архиепископе органа.

Прекрасную речь, обращаясь к Архиепископу, сказал 1-й Секретарь бывшего Посольства Дмитрий Иванович Абрикосов, много раз с Архиепископом ходивший по лесам реставрировавшегося Собора. Речь приводим полностью:

«Ваше Высокопреосвященство, Глубокочтимый Владыко,

Позвольте и мне в этот торжественный для Вас и всей Вашей паствы день принести Вам моё приветствие по случаю окончания работ и освящения восстановленного Собора возглавляемой Вами Православной Миссии в Японии. Я уверен, что все русские, сердцу коих близки судьбы нашей Православной Церкви, присоединятся к моему приветствию.

Честь и слава Вам, Высокочтимый Владыко, за ту энергию, благодаря которой мы ныне видим Собор восстановленным из развалин.

Честь и слава Вашей Японской пастве, которая с такой щедростью шла на жертвы необходимых для восстановления Собора средств.

Честь и слава тем русским, которые при всём оскудении своём никогда не отказывались от посильной лепты на восстановление Собора.

Благодаря всем этим трудам, освященным Вашими молитвами и объединенным Вашей энергией, мы с радостным сердцем присутствуем теперь на освящении восстановленного Храма Божия.

В этот Богом благословенный день невольно мысль переносится к ужасным Сентябрьским дням 1923 года, когда на Ваших глазах рухнула колокольня, когда огонь, пожирая всё на своём пути, подступал к Собору, и Вы принуждены были бросить всё и искать убежище в нашем Посольстве. Помню я, как в первые дни, казалось, что всё кончено и что никогда мы уже не увидим наш Собор восстановленным. Помню, как мы раз ходили по развалинам, и Вы, передавая мне на память от старого Собора кусок расплавленной меди от колокола — такова была сила огня — впервые высказали мысль, что нужно будет подумать о восстановлении разрушенного храма. Тогда эта мысль казалась мне неосуществимой. Ведь восстановление Собора стоит сотни тысяч, а вокруг были только развалины. Но на моё неверие Вы отвечали только: “Буду молиться и Бог поможет”.

И Бог помог. Он дал Вам здоровье и силы по несколько раз объехать по всей Японии Вашу паству. Он внушил каждому православному, даже в самом глухом уголке Японии, что восстановление Собора в Токио не есть стороннее для него дело, а есть дело его личной веры и чести, — и пожертво-

вания потекли. “Птичка по зернышку клюет”, — помню, говорили Вы мне после каждой поездки Вашей по провинции. И в результате чудо совершилось. Скромные лепты выросли в десятки тысяч, и из развалин восстал величественный храм, который по своей красоте превзошел даже старый Собор, а, когда, благодаря талантливому художнику г. Задорожному, алтарь украсился чудными копиями Васнецовских и Нестеровских произведений, то в Собор вошла частица русской души, что, я уверен, сделает его дорогим и родным всем русским, которых судьба забросила в Японию и которые находят и будут находить в своих горестях утешение в молитвах, как в новом Соборе, так и в многочисленных рассеянных по всей Японии церквях возглавляемой Вашим Высокопреосвященством Миссии. Сердечное Вам за это спасибо».

Слушал я речь, смотрел на оратора и вспоминал те счастливые годы, в кои приходилось иметь общение с представителями «старой Руси», с истинными русскими добрыми людьми...

После этого, представляя русскую колонию в Токио, выступили Ив. Ив. Лельмеш и Ф.Еф. Маслов и приветствовали Архиепископа Сергия следующим адресом, прочитанным Ив. Ив. Лельмеш:

«Ваше Высокопреосвященство, Высокочтимый Архипастырь и дорогой Владыко Сергей. Свершилось. Воскресенский Кафедральный Собор вТокио восстановлен. Развалины, оставшиеся после великого землетрясения, превратились снова в величественный, дивный Храм Божий. Мечта безвремения, русского лихолетья — увидеть когда-нибудь на Суругадае восстановленным православный очаг — его Собор, превратилась ныне в действительность. Сегодня мы присутствуем на последнем, самом знаменательном, самом торжественном этапе, если не эпохи, то эпопеи, воссоздания, восстановления Собора, присутствуем на его торжественном освящении. Для нас русских, живущих в Японии, это второе Светлое Воскресение. Ибо Кафедральный Собор на Суругадае для нас не только Храм Божий, он для нас наглядный символ непоколебимости Православия, светлое воспоминание о былом величии нашей родины и символический прообраз, провозвестник её возрождения.

Мысли русских с благодарностью направлены ко всем, кто нёс посильные жертвы на восстановление Воскресенского Собора; пред ними мы, русские, будем считать себя неоплатными должниками. Перед Вами же, Глубокочтимый и дорогой Архипастырь, будут недостаточны все, доступные человеку, чувства, чтобы выразить и благодарность, и признательность, восхищение и преклонение за всё то многое, за всё то великое, что сделано Вами для дела Православия и русского дела. Вашу просветительную деятельность, Ваши труды, как одного из славнейших первоучителей японских, не нам, совре-

менникам, оценивать, не нам о них говорить: они по праву займут Золотую главу в истории культуры и развития Христианства в Японии. На наших глазах протекли годы Вашей напряжённой и неустанной работы по воссозданию Православного Собора в Токио, годы Вашей непрерывной заботы по изысканию средств на восстановление его, годы Вашей борьбы с безразличием окружающих, борьбы с разного рода препятствиями, и всё это только для осуществления цели Вашей жизни, осуществления заветной мечты, в которую даже окружающие Вас и ближайшие сотрудники почти мало верили; и всё же эту дивную мечту Вы сумели претворить в ещё более дивную действительность.

Слава Вам, великий созидатель, великий животворец, неутомимый труженик. Низко кланяемся Вам, Владыко, мы русские, бесконечно признательные и благодарные Вам за дело родного православия и русское дело. И молим мы от всего сердца Владыку Всевышнего, да продлит Он Вашу жизнь на многия, многия лета для работы и подвигов на ниве православия, на ниве народной».

Под адресом около 100 подписей, несмотря на то, что о существовании адреса многие узнавали накануне и в день освящения. Архиепископ был глубоко тронут сердечным приветом своих любимых «русских». Но русские на словах только не остановились. Заместитель Председателя Свято-Никольского Братства Федор Еф. Маслов, обращаясь к Архиепископу, сказал кратко приблизительно следующее: «Ваше Высокопреосвященство, Глубокочтимый Архипастырь. Вы много потрудились, очень много сделали и бесконечно устали. Но, увы, вместо заслуженного отдыха, впереди у Вас ещё много дела, много забот; не можете Вы ещё сказать “ныне отпускаеши”».

В другое время, в других условиях Ваш труд и Ваша усталость могли бы быть скрашены более или менее сносными условиями отдыха. У Вас же и этого нет: и зимою, и летом, как для работы, так и для отдыха у Вас одни и те же городские стены Миссийского дома в Токио. Для всех очевидно, что в обстановке Вашей работы Вам необходим летний отдых вне города и необходимо место для такого отдыха, чего у Вас нет.

И вот русская православная паства решила сделать почин в этом насущном для Вас дачном вопросе, приурочив этот почин к историческому для Православия на Востоке дню освящения Воскресенского Кафедрального Собора в Токио, восстановленного исключительно Вашими трудами.

Примите же, дорогой Архипастырь, от русской паствы этот скромный фундамент, на котором, будем надеяться, Вам удастся соорудить хотя бы самую скромную дачу для летнего отдыха».

Сказав приблизительно это, Ф. Еф. Маслов поднёс Архиепископу в конверте чек на 800 иен — лепта добрых русских сердец. Излишне и говорить,

как глубоко был тронут Архиепископ. Не «дача», и даже не «Дачка», а «Свой участок» за городом, на нем «свой архиерейский дом и своя церковь», с постепенным расширением около неё проповеднического, просветительного и благотворительного дела, — это мечта Архиепископа. Суругадай для сего тесен... Да и окружающие Собор университеты, школы и больницы не дают и не обещают давать нужного для работы материала. «За город, в народную массу, к детям, к юношам, к простонародью», — вот мечты Архиепископа.

Преосв. Епископ Нестор кратко приветствовал Японскую церковь от имени Митрополита Мефодия и своего.

Ив. Ак. Сэзума после этого предложил всем встать и трижды провозгласил: «Тэнно-хэйка банзай!» — то есть «Его Величеству Императору банзай!» Громовое «банзай» 2000 грудей, 4000 поднятых «за Императора» рук, — как ярко проявили свою преданность Императору японцы-христиане!

Как? В Соборе — «банзай»? Да! В Соборе — «банзай!» Ведь «банзай» — иначе «ман-сэй», два иероглифа, значащие: 10000 (ман-бан) икс 100 (сэй-зай), то есть 1000000 лет. «Его Величеству Императору — 1000000 лет!», — не то же ли, что «Многая лета»?

Патриотический «взрыв» не помещал непосредственно после этого с благоговением прослушать заключительное «Достойно есть». Этой молитвой долгожданный наш праздник официально был закончен.

VI. Дорогой привет

В 4 часа дня, возвратившись в свою квартиру, Архиепископ получил телеграмму из Москвы следующего содержания: «Архиепископу Сергию, Суругадай. Токио, Япония. Сорадуемся радости Японской церкви. Молимся. Просим молитв. Митрополит Сергей с Синодом».

Родившая нас к жизни Церковь-Мать вспомнила нас! Родительница радуется за свою юную дочь, Церковь Японскую, и молится за неё!.. Мать-Церковь просит молитв Церкви-Дщери!.. Сколько трогательного, умильного! Телеграмма была прочитана вечером на собрании 300 христиан-представителей, и в ответ на неё провозглашено громогласно и воспето от сердца, дружно: «Многая лета».

По поводу этой телеграммы нужно сказать следующее. Церковь японская рождена Российской церковью. Она восприняла от Апостола Японии Архиепископа Николая и воспринимает и ныне от его слабого преемника «православное христианство», только без всяких прилагательных: греческое, русское, монархическое и т. п... Церковь японская, рождённая в стране, где Государство и Церковь, точнее, «религия», разделены, мыслит христианство

только как «чистое, правое ученье Христа», без всякого привкуса политического. Были в старое время злые люди из католиков, которые смущали слабых, говоря, что лучше с католиками признавать «папу», чем с русскими — «папу в белых штанах» (Обер-прокурора). Но с учреждением Патриаршества в России в 1917 году эти злословы умолкли... Впрочем, начали было говорить: «Пала династия Романовых — придётся из святцев исключать романовских святых». Но и сие хуление оказалось слабым... Но удивительны попытки врагов «православию» придать привкус «самодержавный», «романовский»!!

Церковь Японская верила и верит: «Источник её чистого Православия, и только его — есть теперь Московская Патриархия и её иерархи, её возглавляющие»... И церковь японская молилась, не прерывая, и молится неизменно только за них. Угнетало её отсутствие официального сношения с Матерью Церковью. Но с 1927 года, с возобновлением «официальных» почтовых сношений с Патриархией, Церковь Японская, хотя и редко (за 3 года всего 7 раз), но радостно обменивалась с Патриархией официальными письмами и телеграммами, вовсе не интересуясь политической ориентацией Патриархии или её отдельных членов.

Церкви же «беженской» японские христиане не понимают, твёрдо памятуя Христово слово, во веки неложное (Иоанн Х. 12–13).

Не нужно забывать и того, что японцы-пастыри уже многократно сжигали в тюрьмах, готовые полагать «жизнь свою за овец» (Иоанн Х. 11): сего они ждут и от своих учителей — русских архиереев.

Великий соблазн произвело появление в России «Живой Церкви», потом «Обновленчества»; немногие горячие головы говаривали даже: «Под Вселенского Патриарха!» Но теперь, когда разные «стыдения морская» (Иуда, ст. 12), поднятые революционной бурей, стихают, и Истинная Староцерковная Патриаршая Церковь заняла официальное положение наряду с прочими организациями, Церковь японская усерднее, чем когда-либо, молится за Московскую Патриархию, за её Местоблюстителя Митрополита Петра, за его Заместителя Митрополита Сергия и за Патриарший Священный Синод, в жизни своей уподобляющийся св. Ап. Павлу (2 Кор. XI 23–31). Разумеется, молится она «за свою страну», т. е. Японию, за «своего Императора и Царствующий дом» и за «свой парламент».

Церковный вопрос, как он поставлен сейчас русскими архиереем за границей, при перенесении на японскую почву был бы смертельным ядом и убил бы в Японцах всякую веру в «православие» как «беспримесное ученье Господа Христа»...

VII. Вечеря любви

«По 1 иены с человека». Заплатил и я 10 иен за себя и за своих гостей, и к 5.30 вечера пошли мы в «Такаратэй»; в этом зале, вернее, в этом «учреждении», обеживал когда-то и покойный Архиепископ Николай (старый зал, конечно, сгорел). 300 человек гостей. Вода, сидр, кое-где сакэ. Угощение полуяпонское-полуевропейское. Речи горячие... Но, к счастью, всё так устали, что словесного наводнения не было. Около 7 час. вечера мы, уставшие окончательно, извинились пред ликующим собранием и решили идти домой. На прощание христиане прокричали троекратно «Банзай Архиепископу», и в ответ Архиепископ провозгласил «Банзай Японской Православной Церкви».

Погода как будто ждала окончания торжества; хмурилось небо с 14-го; а вечером 15-го пошел дождь. Кончилось отныне в Японской Церкви историческое 15 декабря 1929 года.

VIII. Заключительные аккорды

16 декабря, в понедельник, Литургию в Соборе совершал Преосвящ. Епископ Нестор. Ему сослужило всё японское духовенство, которое не принимало вчера участия в служении Литургии. Пели собравшиеся русские, частью харбинские гости, частью местные знатоки или любители церковного пения. За Литургией присутствовали прибывшие из провинции христиане, многие из которых пожелали приобщиться св. Тайн (не в св. Никольской церкви 14 декабря, как прочие, а непременно в Соборе).

19(6) Декабря, в Николин день, храмовый праздник св. Никольской Церкви, уютной, теплой, прекрасной в акустическом отношении. Больше 5 лет эта Церковь исполняла обязанности Собора... Вечером совершенно было торжественное Всенощное Бдение, а днем Литургия. Обедом вечером сего дня закончил Архиепископ церковные праздники. 20, 21, 23 — дни проводов гостей. Миссия снова возвратилась к своим будням, сереньким, часто пустоватым, иногда мучительно-одиноким, но чаще всего — рабочим... Собор — есть. Это не мечта. Приятная действительность. Будем ждать в своё время плодов.

Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей, и утверди и его же насади Десница Твоя.

IX. «Христовы лепты»

«Папа, Архиепископ говорил в Церкви, что если кто даст Богу на Собор, Бог воздаст сторицею. Я хочу отдать все свои деньги Богу, на Собор», — говорит четырёхлетний Давид Акадзава (г. Токусима) отцу.

«Хорошо сделаешь. Отдавай. Помоги отремонтировать Собор», — ответил отец...

Мальчик порылся в своих игрушках, нашёл две монеты по 1 сэну и, красиво завернув, по-японски, в бумажку, положил пред иконами, на божницу: «на Собор».

А после он беспокоился: сможет ли Архиепископ кончить ремонт, если соберёт 10 иен... Детская, ангельская лепта от чистого сердца.

В квартиру входит дедушка лет под 70. Берёт благословение. Загорелый... Рабочие руки в мозолях... Распоясывает свой кушак («оби»), достаёт спрятанную там пачку денег и передаёт мне: «На Собор»... Пересчитываю: пятиенными бумажками 500 иен! Глаза не верили. Первый раз христианин мне вручил для Собора такую сумму.

«Кто ты? Откуда?» — Юкисима Тимон, 69 л. из г. Хамамацу, продавец цветов в горшках, которые он сам же и выращивает. Японцы — большие любители цветов, и за редкие, хорошие экземпляры платят сотни. Как раз специалистом по культуре «ран» и «омото» и оказался мой милый Тимон.

Конечно, чай, разговоры... «Как это тебе Бог положил на сердце нарочито приехать (8 часов поездом) и пожертвовать на Собор 500 иен?» — спрашиваю.

«А очень просто. Я сказал жене: пошлю на Собор 300; а она говорит: довольно и 200... Ну, — и поспорили. А я осердился, пошёл в Банк, снял и мои 300, и её 200, — и даю Богу 500»... Видимо, старик помнит хорошо: «А жена да боится своего мужа»... Я поблагодарил старика, благословил его Иконой. А он: «Приеду домой и скажу жене, что был в Токио... Может быть и ещё приеду»...

Прошло полгода... Опять в квартиру входит Тимон дедушка... Весёлый... Опять подаёт пачку денег: второй раз пятьсот иен! «С женой поссорился»? — в шутку спрашиваю. — «Нет, теперь жена меня послала... Тебе, говорит, Бог помогает. Так вези Богу лепту. А Бог мне помог: я купил горшок “ран” за 300 иен, два месяца ухаживал за ним... Выставил его в Киото на цветочной выставке. “Ран” чей? А-а, Юкисима из Хамамацу? Значит, прекрасный”. И дали мне, что просил: 1500... Я заработал 1200, 500 примите Богу, на Собор»...

Вторично благословил я сего милого старца, давшего уже 500 и 500 — всего 1000 иен... Таких пожертвований в Церкви не столь-то много!

10 февраля 1929 года. Теперь я в г. Хамамацу. В 8 часов вечера прибыл, до 10 часов говорил о необходимости кончить Собор. Общее сочувствие. Сразу подписали: Кавай 100, его мать 100, Косуги 100, его мать 100, сестра Кавай 100, брат Кавай 100, прочие 80, — всего 680.

Но мой Тимон сидит в углу и молчит... Заночевал я у милых Кавай. Утром, до поезда, посещаю с молитвой все дома. Прихожу к Тимону — дом уже большой, новый; участок — по городу — громадный: 900 кв. саженей. Бабушка счастливая, приветливая. Но нет старика. Где Тимон?

«Он говорил, что Вы придете после 9; но оделся и куда-то ушел. Куда — не знаю»...

Что за история? Не сбежал же он от меня? А ждать нельзя: поезд скоро отойдет.

Еду на станцию. На платформе провожают счастливые тем, что «хорошо дали», христиане. После всех «прибегает» и Тимон. Я уже в вагоне: «Забыл, что сегодня праздник, бегал в Банк, хотел снять деньги, но — закрыт. Так уж привезу сам, значит. На этот раз — 1 000 иен»...

Вот душа-то Христова! 6 Марта привез 1000 иен, получил от меня эмалированную японскую кадьлицу... 500... 500... 1000... Лепта сердца... Не Христос ли Сам его воспитал?

А «анонимы»? Сколько Вас! И сколько Христовой любви и истинной скромности в них!

«Сын Федор с Надеждой подписали 15 иен... Больше не могут... Простите... Но у меня есть, припасено “на погребень” 100 иен. Возьмите. Умру — похоронят ведь! Не выбросят. Только ни им, и никому не говорите», — говорит по секрету мне Анна, бабушка того Давида 4 лет...

Гостиница. 11 часов ночи... Я готов спать... «Такой-то пришёл», — докладывает прислуга. «Что за поздний визит», — думаю. Входит христианин, лет 45... «Все дают, кто 2, кто 3, много 5 или 10... Мне неудобно выделяться. И я подписал 10. Но этого мало. Примите 100 иен. Только: ни фамилии, ни города, ни губернии: догадаются. Молитесь за Петра и Ирину». Разве не свято?

А сколько было и других жертв, о которых и не подозревают даже те, что едят и ныне рис из одного котла? Умолчу: «Догадаются»... Но был аноним и в 500 иен...

Север. Остров Хоккайдо. Переселенческая деревня Сяри. Дома почти все наши, православные... Деревню зовут соседи «Ясо-мура» — «Иисусова деревня» — и глубоко чтут её: «Здесь что скажут — исполнят; можно верить».

«Патриарх деревни», первый переселенец Павел Сато, около 75, ещё работает на полях. «Отец, в конюшне 4 лошади: где 5-я?» — спрашивает

сын... «В Абасири свёл, продал». — «За сколько»? — «За 65 иен». — «А деньги где?» — «А в Миссию, на Собор послал»... «Соодэс-ка?» — «Вот что?» — только и мог сказать первенец.

Сэндай. Бабушка-дворянка, 76 лет, София Накагава, седовласая, но ещё красавица, счастливая мать: её сын, бывший губернатор Осака, ныне Начальник Департамента по восстановлению Токио. Это он говорил речь на Торжественном Акте.

Бабушка решила обойти, сколько может, богатых язычников в Сэндай и собрать что-нибудь на Собор. Приобрела книгу, написала на 1-й стр. «Письмо-воззванье». Пошла...

Связи большие. Давали язычники хорошо. Только один, богач-буддист, фанатик-буддист, научно изучающий буддизм, посмотрев на письмо, не читая его, отказал: «Другой веры!»

«А разве умно, не прочитав, отказывать? Сначала прочитайте, а потом или откажите, или дайте», — заметила смелая София...

Старик удивленно посмотрел... Взял Сборную Книгу... Прочитал, молча, письмо. Глубоко склонил голову... Молча, встал... Ушёл в соседнюю комнату... Молча, вынес книгу и в ней свою подпись и... 100 иен.

Это, значит, «слабый пол!» Так-то благодать Христова открывала сердца и язычников.

А бабушка собрала на Собор 1 142 иены. Велика её награда на небе.

Сэндай. Другая бабушка. «Худородная». Согбенная... Маленькая... «Такую в хорошие дома не пустят; пойду по пролетариям», — и пошла. Обошла до 1000 домов.

Собирала по 1, по 2, по 5 сэн, много давшие — давали по 10 сэн... 50 сэн или 1 иен — почти не было таких жертв. Конечно, собирала среди язычников. Давали. Но один, «военный», ничего не дал, да ещё обругал её: «Такая старая, уж в гроб смотрит, а веришь в “Киристо” — в Христа!» Обиделась старица... Наутро вторично пошла: «Объясню ему всё, — авось даст». Но «военный» «по-военному» её, кажется, выгнал. Бабушка выходит «в отчаянии»: «Где правда? Я — для Бога, а он — гонит»... Выходит за ворота — лежит на дороге серебряная монета, 50 сэн: подняла, вытерла её... «Военный не дал — Бог дал», — успокоилась Мария Масуда. Всего собрала она «копечками» 50 иен, т. е. 5000 коп. с 1000 домов... Велик её подвиг. Её 50 иен дороже 500 000 иен пред Богом.

А вот и ещё Христова мирносица, Христина Китамикадо, с острова Кюсю, из деревни Юномаэ. Жена очень богатого язычника. Силою своей веры победила своего мужа, и с его разрешения покрестила всех своих детей. Теперь она, с моего благословения, взяла на себя подвиг собрать что-нибудь

на ремонт Собора среди язычников. Положив в основу 100 иен, пожертвованных её мужем, она три недели разъезжала по губернии Кумамото и привезла в 1928 году вместо красного яичка к Пасхе около 1200 иен на ремонт Собора. И Бог наградил её: на освящении Собора она уже молилась вместе со своим мужем, коему я нарек имя «Серафим».

А вот, Августа Фурукава, жена железнодорожника-подрядчика. Училась давно в нашем Женском училище, была самой маленькой по росту; её, как малютку, лаская, носил когда-то покойный Владыка Николай на руках. Теперь она сама (муж — язычник, но дети все христиане) дала 1000 иен; да через мужа, у работающих у него, собрала почти тоже 1000 иен... Отблагодарила за полученное ею в Церковной Школе образование и воспитание.

Ноябрь 1929 года. Приближается «Освящение»... Дум, забот, хлопот без конца. И ночью голова не спала. Собор-то готов, но в нём, кроме Иконостаса ничего нет. И на Престол положить нечего, и поставить за Престол нечего, и одеть приличного для Праздника — не можем: ничего нет. Я туда письмо, я сюда — слезницу, я — в третье место просьбу. А в ответ молчанье, молчанье, молчанье, отказ... «Тростью и чернилом», оказывается, трудно раскрыть сердце людское... Но на Престол нужно же делать облаченье.

Долой чернила и трость! Собираю «жён» Токио. Собралось «главных» представительниц из всех 5 приходо́в до 70... Моя речь-просьба... Образцы материи: дорого, но если сделаете облаченье из *этой* материи, будет Пасхальным, номер первый...

Начались разговоры, суждения, обсуждения, предложения, контрпредложения... Совершенно в согласии с иероглифом: известно, что если иероглиф, означающий «женщина» (онна), написать три раза, — два рядом, а третий над ними, получится новый иероглиф, смысл которого «шум»...

Но вот всё постепенно стихает... Ходят по рукам подписные листы... 1050 иен... Это ли не щедро дали добрые жены Токио?.. Сшили три одежды на Престол, Жертвенник и диаконик за 800 иен... Да на остатки сшили и вторые одежды... И оставили потомству память о своей вере.

Такими-то «Христовыми лептами» осолены все деньги, кои нам присылались христианами в 1926–1928 годах в ответ на воззвание Архиепископа, а в 1929 году давались Архиепископу в ответ на его речи при поездках из Церкви в Церковь... 22 было поездки!.. Не «пострадавших» от нашествия моего почти не было. И плод был добрый. Японцы пожертвовали до 135.000 иен.

X.

Направо от входа в Собор и до землетрясения была Крещальня. Никаких особых принадлежностей крещения в ней не было. Но в нужное время сюда приносилась или детская купель, или купель для взрослых, нечто вроде большой японской ванны или русской овальной кадки. Некрасиво.

В прочее же время обычно сюда в первую дверь заходили богомольцы, здесь оставляли свою верхнюю одежду или узелки и в следующую дверь входили в Собор. Нечто вроде раздевальной.

В новом Соборе одну дверь заложили. Получилась возможность устроить уютный, довольно просторный Алтарь. Во временный Иконостас установили старые, хорошего письма иконы.

Посреди собственно Церкви устроили восьмигранную, железобетонную купель, размером в диаметр по четыре с половиной фута, высота — три фута. С правой стороны одна ступенька для крещающего иерея, с левой — две ступеньки снаружи и одна внутри для крещаемых. Проведена вода из водопровода, устроен спуск воды в чистое место. Образцом послужила купель в Баптистериуме Равенны и отчасти — Баптистериума в Аквилее. В этой купели может одновременно креститься до 5 человек взрослых. Таким образом, мы в Новом Соборе устроили настоящий Баптистерий, и Церковь в нём была освящена Архиепископом Сергием 5 Января сего года в честь Крещения Господня.

Со дня освящения в каждое воскресенье иерей совершает здесь Литургию для учеников и учениц Воскресной школы. Дети сами поют, читают и прислуживают за Литургией.

Дай Бог, чтобы этот Баптистерий Воскресенского Собора послужил дверью, через которую постепенно, год за годом, десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч японцев входили бы в Единую, святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

XI. «Церковь», а не «фикция»...

Пожертвовали 135 000 иен, — и не удивительно: ведь в минувшем году христианами уплачено священникам (36), диаконам (6) и катехизаторам (27) — 22 406 иен 90 сэн; да на содержание Церкви, молитвенных домов — 22 048 иен 63 сэна, — всего ими уплачено 44 455 иен 53 сэна. И это — ежегодный их расход! Например, в позапрошлом году они израсходовали 45 355 иен 74 сэна.

А кто «они», эти плательщики? Сколько их? По статистике православных японцев, рассеянных всюду (и в Америке, и в Москве и т. д.) 38 665 человек.

Но оседло живущих, посещающих Церковь, говееющих, несущих все Церковные расходы только 15772.

Богу слава! Не стоим на точке замерзания. Движемся. И даже в этот период «безлюдья» окрестили в год 455 человек, из них 50% детей: это естественный рост Церкви. Не мертва же Церковь, если натуральным только путём увеличивается на 260–300 человек в год!

Что же я воспую в заключение своей заметки Господу Богу от лица Японской Церкви? Тако воспую:

Ты моя крепость, Господи.

Ты — моя и сила.

Ты — мой Бог.

Ты — мое и радование.

Сергий, Архиепископ Японский.

Брошюра из частного архива

ПИСЬМА АРХИЕПИСКОПА НИКОЛАЯ К ИЕРЕЮ ИОАННУ ОНО

Отцу Иоанну Оно взять у отца Симеона Мии священные предметы, данные о. Симеону для священнослужения в Тэнгатяя:

1. Ящик с Литургическими Сосудами. Там же и прибор воздушных,
  2. Напрестольное Евангелие,
  3. Напрестольный Крест,
  4. Кадило,
  5. Трехсвечник и подсвечник, для престола и жертвенника
  6. Печать для просфор,
  7. Богослужебные книги:
    1. Апостол,
    - 2., Следованная Псалтырь,
    3. Триодь Постная,
    4. Канонник,
    5. Пасхальное Богослужение,
  8. Обиход церковного пения Бахметева четырехголосного 8 книг, т. е. Всенощной четыре голоса и Литургии четыре голоса. Эти книги, если переписаны, прошу скорее прислать сюда для других мест.
- Антиминс даётся о. Иоанну из Миссии.

Облачение он возьмёт данное ему здесь.

Дароносица отсюда даётся.

30 марта 1905

* * *

Любезный отец Иоанн!

Благодарю вас за письма. Все три письма я получил. Вы хорошо пишете, — пишете и вперёд так же, — всё понятно и ясно, а о грамматических ошибках я совсем не забочусь, и вы тоже не думайте о них.

Облачения другого нет. Вам придется и вперёд возить с собою облачения и книги с места на место; на «дзинрикия» я вам дам, сэн по 40 в день; жалования вашего, пожалуй, не достанет, если сами будете платить. В конце месяца уведомляйте меня, сколько на «дзинрикия» употребили, я возвращу вам.

Мы отсюда гробный покров послали на имя о. Алексея. Но его там не могли передать — не нашли о. Алексея; и у нас спрашивали: что делать с этой посылкой? Мы сегодня ответили, чтоб вам доставили; получите и употребляйте при погребениях. Но, пожалуйста, берегите, чтоб он всегда был чистый и красивый.

Нотные книги у меня очень-очень просят из Мацуяма. Если не кончили переписку, то пусть как можно скорее кончат и пришлют книги сюда.

Всего 8 книг, 4-хголосное пение Бахметева. Непременно пусть скорее пришлют сюда; из Мацуяма часто и настоятельно просят, а другого экземпляра нет.

Благословение и поклон о. Алексею и всем русским вашей паствы!

Да поможет Господь вам служить во славу Его и во спасении братии!

Душевно преданный вам,

Епископ Николай.

14 Апреля 1905

Токио

Русская Духовная Миссия

* * *

Любезный отец Иоанн!

Сегодня отправил к вам 200 крестиков. Благословите ими просивших у вас крестиков, и да будет над ними благословение Божие!

Бог на помощь вам!

Душевно преданный вам,

Епископ Николай.

20 Апреля 1905

Токио.

* * *

Любезнейший отец Иоанн!

Посылаю вам, согласно вашему расчёту, 11 иен 49 сэн дорожных.

Ещё посылаю на обзаведение, по новости там, 5 иен; вероятно вы это разумеете в письме, — я не совсем ясно понял нужду; но, вероятно, это. Итак, всего посылаю 16 иен 49сэн.

Благословение и поклон вашей супруге, и благословение малым деткам вашим!

Господь Бог да хранит всех вас, и да помогает вам в служении!

Душевно преданный вам,

Епископ Николай

1 июня 1905.

Токио.

* * *

Любезнейший отец Иоанн!

Церковного вина 12 бутылок вам послано для Богослужений в 5-ом дворе, в Сукэ-мацу.

В этот 5й двор, и во все другие четыре двора, я послал вчера ящики с книгами для чтения, и с Азбуками для обучения неграмотных.

Азбуки теперь готовы, и я послал в 5-й двор, где две тысячи всех людей, 400 Азбук, а в 1-й, 2-й и 4-й дворы по 800 Азбук; даже в 3-й двор, где госпиталь, послал 50 Азбук, вместе с книгами для чтения. Если мало, то и ещё пришлю. Только, пожалуйста, побуждайте везде прилежно заниматься и чтением книг и обучением чтению и письму, чтобы не скучали и не проводили время в бесполезной праздности.

А письменные принадлежности похлопочите у японского начальства, чтоб там из Осака покупать, а я деньги за них буду высылать отсюда. Впрочем, если это окажется невозможным, то отсюда можно высылать и письменные принадлежности, хотя и далеко очень. Об этом я пишу военнопленным. Прошу и вас похлопотать за них.

Господь да помогает вам, и да хранит вас!

Душевно преданный вам Богомолец ваш

Епископ Николай.

8/21 июня 1905.

Токио.

* * *

Любезный отец Иоанн!

Посылаю вам при сём ваше жалование за служение у военнопленных: 15 иен.

Крестики делаются; теперь на руках нет. Пришлю для всех по крестику, это верно, но нужно сделать крестики и шнурки, — и они заказаны.

Ладан 3 фунта вам посылается.

Желающий написать икону пусть карандашом на бумаге нарисует очерк иконы, которую думает написать, и пришлет сюда. Если по очерку будет видно, что он, действительно, хорошо рисует и может написать икону, то мы здесь купим и пошлём ему материалы для написания иконы.

Божие благословение да осеняет вас и семейство ваше.

Душевно преданный вам,

Епископ Николай.

14 июня 1905.

Токио.

* * *

Любезнейший отец Иоанн!

Посланные военнопленными 1-го участка в Хаматера 104 иен 40 сэн я получил, о чём и скажите им и передайте им мою благодарность.

Рисунок Гефсиманской молитвы Спасителя я тоже получил. Видно, что рисовавший его может писать иконы. Поэтому я сейчас же купил рисовальные принадлежности и посылаю ему. Посылаю на ваше имя; передайте ему, и скажите от меня благословение писать иконы. А холст где он возьмет? Если он желает, то мы отсюда пошлем ему и холст. Только пусть известит, какие иконы он хочет писать? Какой величины иконы? Поэтому, сколько ярдов нужно холста? Пусть он сам напишет мне, и всё объяснит, — я сделаю, что ему нужно. — Будьте осторожны, когда будете открывать ящик, чтобы не испортить внутреннего ящика с иконописными вещами, — этот ящик тесно входит в наружный.

Азбуки раздали ли неграмотным? Обучение идёт ли? Письменные принадлежности купили ли для них из Осака? Непременно хлопочите, чтоб они имели всё необходимое для обучения чтению и писанию. За всё купленное для обучения я заплачу. Азбук достаточно ли? Если мало, я ещё пришлю.

Теперь посылаю всем по одному Молитвеннику. Завтра пойдут ящики с ними в Хаматера, всех одиннадцать ящиков, а в них 22 173 книжек Краткого Молитвослова. Всем всем раздайте по одному, и грамотным и неграмотным. Из католиков и протестантов если кто пожелает и попросит, тоже дайте;

православным же непременно всем дайте. Кажется, достаточно посылается. Если мало, то уведоьте.

За квартиру 5 иен в месяц вам буду посылать. Прилагаю здесь за бй месяц 5 иен.

Дорожные 11 иен 36 сэн тоже прилагаю.

Трудитесь во славу Божию и для спасения ближних!

Ваш богомолец, Епископ Николай.

29 июня 1905.

Токио.

* * *

Любезный отец Иоанн!

Я получил посланные, через вас, пожертвования военнопленных: 110 рублей, и благодарю вас за присылку.

Прошу передать жертвователям прилагаемую записку.

Вы просите для 5го двора ещё 1300 Азбук. Не ошибка ли это? Ужели так много не достаёт? Во всяком случае, теперь столько нет; посылаю пятьсот Азбук; раздайте их, и посмотрите, действительно ли ещё нужно восемьсот? Если действительно столько нужно, то я пришлю, только не вдруг; я заказал напечатать ещё три тысячи, когда будут готовы, тогда пришлю и вам восемьсот Азбук. А вы до этого времени повернее узнайте и известите меня, действительно ли столько нужно?

Посылаю 3 аршина холста для писания икон; передайте иконописцу, с моим пожеланием ему доброго успеха.

Посылаю вам, как вы просите, 13 иен на летнее платье; сшейте и носите на здоровье!

Благословение и поклон от меня вам, вашему семейству и всей вашей пастве!

Известите меня, сколько в вашей пастве не получили крестиков отсюда? Всем, ещё не получившим крестиков, пришлю скоро по крестику.

Преданный вам душевно богомолец ваш,

Епископ Николай.

15 июля 1905 г.

Токио.

* * *

Любезный отец Иоанн!

Есть особенный «чин», т. е. порядок принятия Иудеев в Христову церковь. Эта книжка у о. Сергия Судзуки. Я теперь же пишу ему, чтоб он выслал

её вам. И вы напишите ему, чтоб поскорее выслал. Получивши эту книгу, и поступите так, как в ней изложено о присоединении Иудеев. Здесь, к сожалению, другой книги нет. Если бы случилось, что о. Сергей затерял эту книгу, тогда что делать?

Очень просто: поступить наподобие того, как поступается с язычниками, когда они принимают Христианство. Только «Кеймоорейги» должно быть другое, потому что заблуждение Иудеев совсем другое, чем заблуждение язычников. Вместо тех вопросов, которые по «Кеймоорейги» предлагаются язычникам, просто спросите у присоединяющегося Иудея:

— Истинно ли ты отречаешься от всех Иудейских заблуждений, которых держался до сих пор?

Он должен ответить:

— Истинно отрекаюсь от всех Иудейских заблуждений.

— Истинно ли от всего сердца твоего желаешь сделаться Христианином?

— Истинно от всего сердца моего желаю быть Христианином.

— Принимаешь ли вполне Христово учение так, как содержит его Святая Православная Церковь, и обещаешься ли всю жизнь твою неизменно соблюдать его?

— Принимаю вполне всё Христово учение так, как содержит его Святая Православная Церковь и, с Божьей Помощью, постараюсь во всю жизнь мою неизменно хранить его, даю в этом пред Богом твердое обещание.

Конечно, эти вопросы и ответы должны быть сделаны пред всеми Христианами. Это делается, обыкновенно, пред Богослужением, когда священник в облачении, и церковь наполнилась богомольцами, или же после Богослужения, когда все находятся ещё в Церкви.

Но, само самую разумеется, что прежде чем делать это публичное оглашение, вы должны раз и два или больше долго поговорить с этим Иудеем и испытать его, достаточно ли он узнал Христианское учение. Он мог узнать его от товарищей Христиан и чрез чтение книг, — иначе ведь и не пожелал бы принять Христианство. Но непременно нужно видеть, уразумел ли он все главные догматы? Если ещё не ясно, то пусть сначала уяснит себе Христово учение под руководством товарища, хорошо знающего вероучение, или из Катехизиса. Также вероятно, можно найти катехизис, — я послал туда. Когда же увидите, что он достаточно узнал Христово учение, то и сделаете ему пред всею Церковью вышеозначенные вопросы. Этим и кончится предварительное оглашение. Потом крестите его совершенно также, как крестятся у нас принимающие Христианство язычники. Совершите дальнейшее оглашение, которое в требнике перед Крещением, и прочее, — словом всё, что есть в Требнике. Крестить нужно чрез погружение в воду; для этого может быть

употреблена ванна, только нужно, чтоб она была чиста. Должен быть восприемный отец, — кто-нибудь очень хорошо знающий Христианское учение, чтоб потом мог руководить новокрещенного. Восприемной матери может и не быть, — её негде взять там.

Св. Миро и Елей возьмите в церкви в Осака.

Св. Дары тоже там возьмите; попросите о. И. Оно приготовить, если и там мало; или сами вы съездите в Осака отслужите обедню и потом пригостите св. Дары. Отсюда их послать нельзя.

Дорожные завтра пошлю.

Бог да вразумит вас во всё, и да помогает вам!

Душевно преданный вам, Епископ Николай.

29 июля 1905.

Токио.

* * *

Любезный отец Иоанн!

Отвечаю на ваше письмо, сейчас полученное.

Краски и образчики положены вместе с полотном, в длинном ящике.

Оставшиеся 40 рублей на памятник употребить можно. Скажите об этом японскому начальству и передайте мою благодарность за его добрые заботы.

Крещенному нужно выдать метрическое свидетельство. Пусть церковный староста ясно и подробно напишет мне, кто крещенный, — его имя, отчество, фамилию, имя по крещении, лета, кто восприемники, кто крестил, — я составлю свидетельство и пошлю обратно. Священник, крестивший его, и восприемники должны подписаться под свидетельством.

Нотные книги посылаю в 4-й участок на имя псаломщика Адама Сергеевича Жорова.

Под вашим удостоверением для г. Тарасова довольно моей подписи, печати не нужно.

Господь да помогает вам и хранит вас!

Ваш богомолец, Епископ Николай.

2 октября 1905.

Токио.

* * *

Любезнейший отец Иоанн!

Триста Евангелий отправлены к вам, согласно вашему письму, для больных.

300 крестиков взял с собою Т. Исикава, отправляясь к вам.

Вы просите ещё 35 фотогр. карточек для певчих 1-го и 5-го участков. Но столько у меня нет в настоящее время. Посылаю при сём 5 карточек; дайте регентам и ещё кому-нибудь из главных певчих, и скажите, что больше нет у меня.

Ещё посылаю 36 иконок Святителя Николая Чудотворца. Дайте всем певчим по одной иконке в благословение.

Вы просите одну иконку Свят. Николая; если это для одного певчего, то всех иконок нужно 35; а если не для певчего, а для постороннего, то нужно 36 иконок, поэтому я и приложил здесь 36.

Благословение и поклон от меня вам, всей вашей пастве, а также г. Петру Исикава.

Вам преданный богомолец ваш,

Епископ Николай.

20 октября 1905.

Токио.

* * *

Любезный отец Иоанн!

Я получил ваше письмо и деньги 2-го участка, 210 руб. Я известил об этом Ивана Павлова и всех во 2-м участке и благодарил их за пожертвование на нужды японских церквей.

А о молитвенном доме написал, что, по отбытии их в Россию, мы разберем церковный дом и перевезем в осакскую церковь, а после отдадим его какой-нибудь японской церкви, или же дерево употребим на ремонт осакских церковных зданий.

О церковных вещах написал, что все они будут перевезены в осакскую церковь, и отсюда разосланы по тем японским церквям, где что нужно.

Всё это нужно будет так и исполнить.

3 Альбома Собора вам посланы.

Скоро все отправятся в Россию; но время холодное настает. Есть ли у больных тёплое платье? Если нет, то не позаботится ли японское начальство справиться им тёплое платье? Деньги я дам; у меня есть деньги, пожертвованные для военнопленных из России. Пожалуйста, поговорите об этом с японскими начальниками госпиталя и с докторами. И заказать в Осака удобно. Только это нужно сделать очень поспешно, — иначе и заказанное платье может остаться без употребления, — для платья не станут откладывать отъезда военнопленных.

Крестиков и Евангелий всем ли достало? Нет ли где-либо не получивших того или другого? Больные все получили ли крестики и Евангелия? Спросите.

Ещё: между Евангелиями нет ли с перепутанными листами? Я после узнал, что такое случается, от небрежности переплетчиков. Если окажется у кого неисправное Евангелие, тотчас же пусть шлют сюда, — мы переменим на исправное.

Господь Бог да осеняет вас Своим Благословением!

Ваш богомолец, Епископ Николай.

24 Октября 1905.

Токио.

* * *

Любезнейший отец Иоанн!

Благодарю вас за все ваши хлопоты, посылки и письма, и простите, что замедлил ответом, — дел так много, что решительно не успеваю всем отвечать вовремя.

Посылаю вам при сем: 4 иены 57 сэн, по первому вашему письму, не доставшее за ремонт погребальной палатки.

Ещё посылаю: 14 иен 77 сэн дорожных, по последнему вашему письму.

Всё я получил, о чём пишете. Получил 150 иен из 4-го участка на икону Святого Николая, и писал об этом жертвователям и благодарил их.

Икону Божьей Матери, пожертвованную Петром Кашириным я получил, уведомите его о получении и благодарите за это пожертвование.

Картину воскрешения Лазаря я получил, уведомил о том Т. Хаулина и благодарил его. Даже предложил ему остаться в Токио на некоторое время, чтобы ещё украсить наш собор картинами. Не знаю, что он ответит на это. Если он попросит вас послать телеграмму ко мне с выражением его желания, то, пожалуйста, пошлите.

Очень рад, что снабжение больных тёплым платьем идёт хорошо. Позаботьтесь, чтобы кончилось всё скоро и благополучно.

Господь Бог да хранит вас и да помогает в вашем добром служении!

Душевно преданный вам, богомолец ваш,

Епископ Николай.

30 Октября 1905.

Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

300 иен я вчера получил, и сегодня положил в банк на хранение, как деньги, принадлежащие кладбищу русских военнопленных в Хаматера. Думаю, что это деньги, собранные для содержания в порядке этого кладбища.

Скажите об этом в 4-м участке.

Я тоже туда кратко пишу.

Свечи — немного более 5-ти коробок — посылаются вам сегодня утром. Вероятно, поспеют к Богослужению в Воскресение. Мы нисколько не медлили; вчера вечером ваше письмо пришло, сегодня утром свечи отправляются.

Господь в помощь вам в человеколюбивом служении вашем!

Душевно преданный Вам, Епископ Николай.

2 ноября 1905.

Токио.

* * *

Любезный отец Иоанн!

Пожалуйста, проводите отправляющихся на суда. Для этого побудьте в Кобе; если удобно и если пожелают они, то отслужите молебен и на судне. Передайте всем и от меня благословение и желание им благополучного пути. Я и сам отправился бы проводить всех на суда и попрощаться, но решительно не могу оставить Токио, — очень много дел.

Итак, вы и о. Павел проводите и напутствуйте всех и от себя и вместо меня.

Да будет благодать Божия с вами в этом благом деле любви к ближним!

Душевно преданный вам, богомолец ваш,

Епископ Николай.

11 Ноября 1905.

Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

Я получил присланные вами 199 иен 70 сэн и благодарю вас за точное исполнение желаний жертвователей препроводить деньги сюда.

Передайте во 2-й участок прилагаемое письмецо, которым я извещаю жертвователей о получении денег и благодарю их. Письма их я ещё не получил.

Вы хорошо сделали, что проводили отправляющихся до Кобе и помолились с ними на судне. И впредь будьте добры делать тоже.

О передаче вам, для церкви в Такасаки, двух покровов, лампадки, и коврика я написал отцу Роману; он, вероятно, уже сделал это.

Господне благословение да осеняет вас, ваше семейство и всю вашу паству!

Любящий вас Епископ Николай.

20 Ноября 1905.

Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

Вы сейчас телеграммой спрашивали: «Хорошо ли кружечные церковные деньги разделить певчим в 4-м участке?»

Я ответил вам: «не хорошо; яснее письмом».

Вот теперь и пишу это письмо.

Общее церковное правило: «свято исполнять желание жертвователя; в точности употреблять пожертвование на то, на что оно назначено».

Кладушие свою лепту в кружку на что назначают это своё пожертвование Богу?

Ответ: на церковные нужды.

А церковных нужд много: на просфоры и церковное вино для Литургии, на свечи, елей, ладан, на разные другие вещи дня. Церкви, если что нужно, на содержание служащих церкви и на вознаграждение их за труды, если служащие церкви не получают особого жалования за своё служение. В этом числе, конечно, и на вознаграждение певчих. Распределение кружечных или вообще церковных денег на все указанные постоянные церковные нужды, и также на экстренные, — наприм. погребение умершего, памятник ему на кладбище, — каковая нужда, к сожалению, нередко случается в Хаматера, разные благотворения и проч. производится, под председательством священника, избранным от христиан церковным старостой и назначаемыми от христиан же из своей среды старшинами.

Итак, если бы вы представили мне все распределение кружечных или вообще церковных денег на все церковные нужды, в том числе и на награждение певчих за их труд, то я увидел бы правильно ли сделано распределение, — все ли нужды удовлетворены, и если правильно, то одобрил бы, ответил бы «хорошо».

А так как вы спросили только об одной нужде: «хорошо ли певчим разделить кружечные церковные деньги»? То я никак не мог ответить «хорошо», боясь, чтобы не было ущерба другим нуждам и не были бы обижены опускавшие свои пожертвования в кружку на все самые разнообразные церковные нужды.

Итак, вместе с церковным старостой и со старшинами или попечителями церковными рассудите там хорошенько, как распределить кружечные деньги для всех нужд и напишите мне, чтоб я мог сказать верное слово, безобидное и для жертвователей и для певчих.

Если все прочие церковные нужды удовлетворены, остается только одна нужда — вознаградить певчих и все избранные христиане согласны употребить оставшиеся кружечные деньги на певчих, то и я буду согласен на это; только ясно напишите мне об этом.

Это письмо моё дайте прочитать церковному старосте и старшинам и пусть будет поступлено правильно по церковному.

Господь да поможет вам и всем в этом деле.

Моё благословение и поклон вам и всей вашей пастве. Да хранит вас всех Господь!

Душевно преданный Вам, богомолец ваш,

Епископ Николай.

20 Ноября 1905.

Токио.

* * *

Достолюбезнейший отец Иоанн!

По первому письму вашему посылаю дорожные: 13 иен 57 сэн.

По второму письму посылаю 28 певчим прибавки по 2 иены, всего 56 иен, и 7 церковным служителям по 2 иены, всего 14 иен, — итого 70 иен.

Кроме того посылаю безруким 30 иен. Г. Каширин пишет, что им дано было 27 иен из церковных денег; прибавляю им ещё 30 иен; передайте Г. Каширину, чтоб он раздал им, или сами сделайте это.

Свидетельство для Г. Бренча прилагаю.

Письмо для Г. Каширина прилагаю. Жаль, что он болен. Если всё ещё не поправляется, то убедите его лечь в госпиталь; а дело, которое теперь я поручаю ему, — раздать книги и проч., могут другие сделать; я ему пишу об этом; вас не затрудняю этим делом, потому что вам некогда.

Да поможет вас Господь благополучно окончить ваше служение!

Любящий вас, богомолец ваш,

Епископ Николай.

27 ноября 1905.

Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

Метрическое свидетельство написано весьма правильно и хорошо; лучше написать нельзя, и потому я только печать приложил к нему и возвращаю как есть. Подпишите Вы и отец Роман, если он участвовал с Вами в присоединении, и отдайте Сергею Григорьевичу Виноградову.

Концерта нельзя устроить в Церкви в Осака, т. е. в той именно комнате, где совершается богослужение и христиане молятся во время божественной Литургии; нигде в церкви не делается этого. Но там в доме есть довольно большие другие комнаты, если желают, то можно в них устроить концерт. Или же пусть наймут залу в городе, там, вероятно, есть много таких мест, где бывают энзецу квай и подобные собрания, и, вероятно, очень недорого стоит занять такое место на один вечер. Я об этом пишу и кондуктору Александру Васильевичу Афанасьеву, в Имамия, в Осака.

А что Пётр Андреевич Каширин? Поправилось ли его здоровье? Скажите поклон ему от меня и благословение.

Призывая на Вас и всю паству Вашу благословение Божие, остаюсь любящим Вас богомольцем Вашим,

Епископ Николай.

13/26 Декабря 1905.

Токио.

* * *

Любезный отец Иоанн!

17 р. я получил, и посылаю вам 15 фунтов свечей. Посылаю при сём дорожные 15 р. 39 к., согласно вашему письму.

Поздравляю вас с Новым годом. Да хранит Господь вас и ваше милое семейство в наступающем году от всяких зол, и да помогает вам благоуспешно совершать ваше служение во славу Его и во спасение ближних!

Любящий вас, богомolec ваш,

Епископ Николай.

31 Декабря 1905.

Токио.

* * *

Любезнейший отец Иоанн!

Я получил ваше письмо и 30 р., и благодарю вас за присылку.

6 р. 48 к., издержанные вами на ящик и пересылку церковных вещей сюда, прилагаю здесь.

Если книги для Г. Прибытковского пришли после его отъезда, то пошлите ему книги в Россию, если знаете, куда он теперь направился, или же на его родину, известную из метрич. свидетельства.

Петру Андреевичу Каширину, если он там ещё, передайте моё благословение, поклон и соболезнование, что он ещё не поправился от болезни. Скажите ему, что 30 р. я получил и записал в церковную книгу, как новое пожертвование благочестивых христиан 4-го участка. Да даст ему Господь здоровье и благополучное возвращение на родину!

Буду творить о нём свою посильную молитву.

Господь да хранит и Вас, и да помогает во всём.

Любящий вас, Епископ Николай.

5/18 Января 1906.

Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

Сейчас получил Ваше письмо, и ни минуты не медля приготовил и посылаю Метрическое свидетельство. Подпишитесь под ним своеручно; потом пусть подпишется Г. Каширин; затем, если хотите, могут подписаться свидетелями два-три певчих. Поставьте число, когда выдано свидетельство, и передайте Андрею Станиславовичу, вместе с моим поздравлением и благословением.

Посылаю ещё ему, на Ваше имя, две книжки, которые по получении, тоже передайте ему.

Примите мои поздравления Вас с минувшими праздниками Рождества Христова и Нового Года. Прошу передать мои поздравления и отцу Роману, а также Г. Каширину и всем братьям.

Как здоровье Г. Каширина? Дай Бог, чтоб он вполне поправился!

Верю, что очень-очень много трудов у Вас. Но ради Бога, потрудитесь до конца! Это труд боголюбезный, ибо есть труд любви к ближним!

Да поможет Вам Господь! Благословение моё, поклон Вашей супруге с детками и всем около Вас.

Любящий Вас, Епископ Николай.

14 Января 1906.

Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

Вчера я послал Вам метрическое свидетельство и две книги для присоединённого из Католиков. Вероятно, Вы уже получили их.

Вчера же я получил от Генерала Данилова новое расписание пароходов; один лист спешу послать Вам.

Когда из Хаматера военнопленные будут отправляться в Йокаити, чтоб сесть на пароходы, тогда Вы провожайте их, чтоб на пароходе отслужить для них напутственный молебен. Всегда и от меня передавайте им напутственное благословение и пожелание доброго пути.

Дорожные в Йокаити я буду возвращать Вам или телеграммою высылать, если Вы уведомите, что нужно немедленно выслать.

Божие благословение да осеняет Вас и хранит.

Любящий Вас, богомолец Ваш,

Епископ Николай.

15 Января 1906.

Токио.

* * *

Достолюбезнейший отец Иоанн!

Дорожные 16 р. 36 к. я послал вам 27 января, но написать вам тогда не имел времени.

Жаль сердечно страдающего от болезни и от холода П. А. Каширина. Не можете ли Вы выхлопотать ему перемещение в барак с деревянным полом, где не так холодно? Если можете, то будьте добры сделать это.

Ещё: на прилагаемые 10 иен, пожалуйста, купите ему то, что нужно из тёплого. Спросите у него, что ему нужнее всего, чтобы защититься от холода, и купите это из Осака. В Осака всё можно найти: и сапоги, и чулки, и всё прочее. Я послал бы отсюда прямо вещи, но, во-первых, не знаю, что нужно, во-вторых, не скоро дойдет, или совсем потеряется, как уж раз и было. И потому, будьте добры из Осака купить, что нужно П. А. Каширину для защиты, от холода; если от покупки останутся деньги, то передайте ему.

Спешу послать Вам сегодня эти деньги 10 иен и письмо Г-ну Каширину, которое будьте добры передать ему, вместе с моим благословением и поклоном.

На другие письма, полученные через Вас, отвечу потом.

Божие благословение да осеняет Вас и семейство Ваше!

Любящий Вас богомолец Ваш,

Епископ Николай.

30 Января 1906.

Токио.

* * *

Достолюбезнейший отец Иоанн!

Будьте добры передайте эти письма. Это ответы на их письма, Вами присланные мне.

Теперь уже, кажется, несомненно, что в продолжении двух недель все пленные будут отправлены. Я слышал это третьего дня от Генерала Данилова.

Вы и отец Роман проводите их, отслужите напутственный молебен, передайте напутственное благословение своё и моё, потом все церковные вещи и богослужебные книги, которые ещё там остаются (много здесь уже получено) препроводите сюда, и в заключение сами пожалуйте сюда. Но об этом ещё взаимно перепишемся. Теперь же до скорого свидания!

Бог да Хранит Вас!

Преданный Вам Епископ Николай.

31 Января 1906.

Токио.

* * *

Достолюбезнейший отец Иоанн!

Благодарю вас за ваше милое письмо и за вашу доброту к бедному страдальцу П. А. Каширину.

Я прошу письмом Генерала Данилова поскорее взять его оттуда — или в русский госпиталь в Нагасаки, или во Владивосток.

С больным чахоткою обращаться как с больными чумою, — как это можно! И какая безжалостность! Держать больного в таком холодном бараче! Конечно, он там скоро умрет, если не взять его оттуда.

Передайте Г. Каширину моё благословение и поклон, и скажите, что, вероятно, его скоро возьмут оттуда; я надеюсь, что Генерал Данилов исполнит просьбу.

Прилагаемое письмо будьте добры передать Г. Кустову; это ответ на его письмо, присланное вами.

Божие благословение да Хранит Вас!

Любящий Вас богомолец Ваш,

Епископ Николай.

6 Февраля 1906.

Токио.

* * *

Любезнейший отец Иоанн!

Посылаю вам 18 иен за рубашки и прочее, купленное Вами для больных, а 32 иены на помощь тем, которые жалуются, что у них ни копейки нет, а также для других больных, если нужно купить рубашки и прочее.

Посылаю также Ваше жалование за 2-й месяц 20 иен.

Утешайте военнопленных тем, что теперь уже совсем немного, только несколько дней подождать им. Что ж делать, когда пароходов совсем мало для перевозки их! Я иногда вижу Генерала Данилова, — он страдает душою не менее военнопленных оттого, что не может скорее перевезти их. Но теперь уже только остается в Хамадера семь тысяч, — из других мест все перевезены. Совсем — совсем скоро и из Хамадера всех возьмут. Пусть несколько дней потерпят. Скажите им эти мои слова в ответ на письмо ко мне из 1-го двора. Это письмо я тотчас послал к Генералу Данилову с присоединением и моей просьбы о скорейшем отправлении их. Но право же, просьбы эти излишни: Генерал Данилов и без того все меры употребляет для того; пароходов мало, — вот вся причина замедления. Да даст Господь им силу терпенья! А Вы утешайте их, сколько можете.

Г-ну Каширину 10 иен передайте при отправлении его, потому что, конечно, его не оставят там, а возьмут в Россию вместе со всеми.

Скажите ему и всем от меня усердное моё благословение, поклон и убеждение потерпеть несколько дней, быть может только несколько часов.

Любящий Вас богомолец Ваш,

Епископ Николай.

9 Февраля 1906.

Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

Будьте добры передать эти два письма. Это ответы на их письма ко мне. Если они уехали в Россию, то возвратите письма ко мне. А если кто-нибудь знает их адреса в России, то передайте для пересылки им.

Ещё на ваше имя посылаю небольшую связку только что полученных газет из России для военнопленных. Передайте им в 4-й или в 1-й двор, — туда, где больше людей.

Теперь совсем скоро все отправятся в Россию. Проводивши их в Йокаити и отслуживши напутственный молебен и попрощавшись со всеми, Вы и отец

Роман положите в ящики все остальные церковные вещи и пришлите сюда, и потом сами приезжайте сюда. Деньги на дорогу я пришлю вам.

Любящий Вас богомолец Ваш

Епископ Николай.

12 Февраля 1906.

Токио.

* * *

Любезнейший отец Иоанн!

50 иен я получил и пошлю в Россию, чтобы оттуда выслали вам белое пасхальное облачение. К этой Пасхе оно не поспеет, а к Пасхе будущего года, наверное, придёт.

На квартиру посылаю вам на 2 месяца 12 иен.

Пожалуйста, постарайтесь об успехе проповеди в Такасаки. Непременно умножьте число Христиан; давно уже там церковь в застое, — пора поднять и одушевить её. Вас теперь двое отличных проповедников. Будьте также деятельны и усердны у своих братий, как были у русских.

Вашей супруге и деткам шлю благословение и душевный привет.

Бог да поможет вам и да хранит вас!

Г-ну Игнатию Такаку прошу передать моё благословение и поклон.

Душевно преданный вам,

Епископ Николай.

8 Марта 1906.

Токио.

* * *

Любезнейший отец Иоанн!

Благодарю вас за извещение о крещении. Посылаю крещённому Вами молодому человеку, по Вашей просьбе, Молитвослов, 2 иконки и две книги. Передайте ему с моим благословением.

Призываю также благословение Божье на Вас, Ваше милое семейство и всех христиан Такасаки.

Ваш слуга и богомолец,

Архиепископ Николай.

25 июня 1906.

Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

Вы очень радуете меня Вашими письмами и успехами проповеди у Вас. Помогите Вам Господи!

Четвёртую жену одного мужа, конечно, можно крестить. Она ведь настоящая жена? Не наложница? У мужа нет другой жены, кроме неё? Если так, то нет никаких причин, которые бы препятствовали принятию её в церковь Христову. Если она усвоила всё главное вероучение и сердечно верует и просит крещения, то и преподайте ей св. крещение.

Для путешествия по церквам Вашего ведения, если нужны небольшие денежные расходы, то уведомляйте меня, — я пришлю. Очень приятно слышать, что Акила Осава трудится и имеет добрый успех своих трудов. Иван Акимович Сенума мне также говорил о его добрых трудах и хвалился им, как своим отличным учеником. Это весьма радует меня. Дай Бог ему сделаться весьма полезным и успешным служителем церкви Божией!

Моё молитвенное благословение и поклон Вам, г. Осава, Вашему семейству и всей Вашей церкви.

Душевно преданный Вам

слуга и богомолец Ваш,

Архиепископ Николай.

2 Октября 1906.

Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

Поздравляю Вас, Г. Акилу Осава и всю церковь Вашу с наступившим новолетием и наступающим Великим Праздником Рождества Христова. Да поможет Вам Господь в сем году иметь великий успех проповеди во славу Его и во спасение ближних!

Вы просили у о. Симеона Мии проповеднической помощи. Он пишет мне, что может послать к Вам Акилу Сасаки, без которого там есть кому служить. Я ему посылаю теперь дорожные деньги для Сасаки от Киото до Такасаки. Итак он скоро будет у Вас. Постарайтесь найти ему достойное дело; и пусть у Вас два Акилы сделаются отличными проповедниками, прилежными и многоуспешными. Бог на помощь им и Вам!

Искренно любящий Вас слуга и богомолец,

Архиепископ Николай.

4 Января 1907.

Токио.

* * *

Любезнейший отец Иоанн!

Поздравляю Вас и всех ваших христиан с великим Праздником Рождества Христова. Благодать и любовь родившегося Спасителя да хранят всегда и да оживляют и возвращают вашу церковь!

Я получил ваше письмо о том, что Вы приглашаете к себе преосвященного Сергия. Я посоветовался с преосвященным Сергием. 11-го числа он не может быть у Вас. Он придет к Вам из Маебаси 18-го числа к вечернему Богослужению, после которого скажет назидание христианам. 19-го числа великий праздник Крещения Господня: Вы отслужите Литургию и потом Водоосвящение. Преосв. Сергей во время Литургии тоже скажет проповедь христианам. Постарайтесь, чтобы ваши христиане все, кто может оставить дом, были и 18 числа за Всенощной, и в праздник за Литургией; пусть все познакомятся с преосв. Сергием и послушают его назидание. А после полдня поведите преосв. Сергия в дома христиан; посетите с ним все дома; и в домах тоже пусть христиане примут благословение и назидания преосвященного гостя. Он с любовью посетит Такасацкую церковь, — пусть и христиане полюбят его. Вечером же 19-го числа, если удобно будет, преосвященный Сергей скажет проповедь язычникам. Так как он ещё не совсем свободно говорит по-японски, то пригласите Ивана Акимовича Сенума к себе и попросите его переводить назидания и проповеди Преосвященного.

Сердечно желаю, что всё Господь устроил к Славе Божией и к спасению многих.

Ещё раз благодарю христиан и христианок за подарок мне тюфяка и для собора подушки.

Любящий Вас слуга и богомолец ваш,

Архиепископ Николай.

9 Января 1909.

Токио.

* * *

Достолюбезнейший отец Иоанн!

Русские военнопленные, жившие в Хаматера, пожертвовали 50 рублей на белую пасхальную ризу для Вас, в благодарность за доброе Ваше служение у них.

Я заказал ризу в России; ныне она получена и посылается Вам.

Освятите её и употребляйте во славу Божию. Она принадлежит лично Вам.

Поздравляю Вас с этою доброю оценкою Вашего доброго служения и радуюсь за Вас.

Недавно я послал Вам, согласно Вашей просьбе, два тома творений св. Григория Богослова. Вероятно, Вы получили их. Читайте их не раз, а несколько раз; вникайте в смысл писания, и напитывайтесь духом возвышеннейшего из св. Богословов церкви; это будет доброе воспитание Ваше и для дальнейшего благоплодного служения родной Вашей церкви, и для Царства небесного.

Мой душевный привет, благословение и поклон Вам, катехизаторам Вашим и всей Вашей церкви!

Искренне любящий Вас, слуга и богомолец Ваш,

Архиепископ Николай.

11 Февраля 1907.

Токио.

* * *

Достолубезный отец Иоанн!

Так как у Вас проповедь идёт оживленно, то, чтобы шире был успех, могу Вам предложить ещё одного катехизатора, именно Иоанна Акаси. Он катехизатор опытный, обещает служить прилежно и усердно. Мне кажется, Вам хорошо поместить его для Тасино, Фукусима и Томиока, так как эти места от Аннако довольно далеко, и для одного Александра Муросики их много. Итак, ответьте мне, прислать ли к Вам г. Акаси? Я могу немедленно отправить его.

Господь да осеняет всегда Вас и Церковь Вашу своим благословением!

Любящий Вас,

Архиепископ Николай.

6 Марта 1907.

Токио.

* * *

Достолубезный отец Иоанн!

Очень рад, что у Вас церковное дело идёт успешно. Помогите Бог и впредь Вам и катехизаторам Вашим!

Посылаю Вам при сем всё, что Вы просите в Вашем письме.

Божье благословение да осеняет всегда Вас, катехизаторов и всю Вашу церковь!

Любящий Вас слуга и богомолец Ваш,

Архиепископ Николай.

28 Марта 1907.

Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

Поручите Александру Мурокоси церковь в Такасаки на время вашего отсутствия, а отца Павла Морита попросите исполнять священническую обязанность, если случится больной и нужно исповедать и приобщить его св. Таин, или в случае смерти кого — похоронить, и т. под. Так соседи — священники везде помогают друг другу в случае нужды. Устроивши это, отправляйтесь с Богом к вашей больной матери. По возможности скорее возвращайтесь к вашей пастве. Игнатий Каimei, к сожалению, не прибудет в Такасаки: христиане в Киото удержали там Иоанна Исохиса, давши ему от себя квартирные, а христиане в Огава не хотят отпускать Игнатия Каimei, потому что некому заменить его, притом же они любят его. Но Вы молоды и деятельны, и у вас будет молодой катехизатор Самуил Акуцу — очень хороший и способный человек. Бог вам поможет и даст успехи по проповеди, ко славе имени Его и ко спасению желающих спастись.

Когда отправитесь, известите меня, — а в Хакодате повезите моё благословение вашей доброй матери, а также и другим тамошним христианам.

Благословение Господне да хранит вас и церковь вашу!

Любящий вас, Архиепископ Николай.

Такое несчастье у нас: о. Иоанн Оно (однофамилец — Э.С.) в Киото помер; сегодня известили оттуда телеграммой. о. Роман отправился хоронить его, вместе с о. Матфеем Кагэта и о. Сергием Судзуки. Помолитесь и вы о нашем незабвенном о. Иоанне, много послужившем церкви Божией. Да даст ему Господь упокоение в царствии небесном!

3 Августа 1907.

Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

Я получил ваше любезное письмо. Всё, что пишете, очень приятно. Дай Бог и впредь Вам доброго успеха в Такасаки.

Но отчего Вы не посетите порученных Собором Вам церквей в Титибугори? Оттуда жалуются, что Вы не посещаете их. Сделайте это.

Из Ветхого Завета у Вас там, конечно, есть толкование на «Сосейки», перевод Хорие. Вчера послал Вам три книги толкования на пророчества Исайи и Иеремии. Но главное, что Вам для церкви нужно из Ветхого Завета, это Священная История Ветхого Завета. А она есть переведённая. Это — большая История, протоиерея Богословского. Изучайте её сами и рассказывайте христианам, — это весьма назидательно и всем необходимо.

Сегодня отправился к Вам на праздники, по Вашему приглашению, Алексей Сайто. Он очень хороший ученик, — прилежно занимается и отлично ведет себя, хорошо также служит в церкви.

Поздравляю Вас, любезного катехизатора Самуила Акилу, Ваше милое семейство и всех христиан с наступающими великими праздниками, и желаю Вам и всем провести их в здравии и душевном веселии!

Благословение Божие да осеняет и хранит всю Вашу церковь!

Любящий Вас слуга и богомолец Ваш,

Архиепископ Николай.

28 Декабря 1907.

Токио.

* * *

Любезный отец Иоанн,

посылаю вам дорожные, согласно вашему письму.

Пётр Морикава с женой Агафьей вчера были у меня. Мне они понравились. Я им дал икону Божьей Матери и несколько книжек. Они направлялись в Кофу, откуда месяца через два опять придут в Титибу. Присмотрите, чтоб они не ослабели в вере.

Дай Бог вам и катехизатору вашему многих успехов во славу Божию и в спасение ближних!

Ваш богомолец, любящий вас,

Архиепископ Николай.

19 Февраля 1908.

Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

Вы меня очень порадовали Вашим письмом. Господь видимо помогает Вам и Вашему любезному катехизатору в проповеди. Да будет и впредь всегда любовь и помощь Божия с Вами обоими!

Посылаю Вам 5 иен 80 сен на путешествие в Омия и Титибу. Благодать Божия да сопровождает Вас!

Любящий Вас слуга и богомолец Ваш,

Архиепископ Николай.

23 Марта 1908.

Токио.

* * *

Любезный отец Иоанн!

Бог да благословит Вас и Ваших катехизаторов на большие и лучшие успехи!

Очень приятно, что А. Сайто и его жена нравятся в Аннака.

Радуюсь, что приумножается Божия церковь в Такасаки.

Дорожные посылаю Вам 5 иен. Не знаю, это много, или мало. Самое лучшее, если будете извещать, сколько именно издержали дорожных, или сколько требуется на предполагаемую поездку.

Бог да помогает Вам, и да хранит Вас и всех у Вас!

Любящий Вас,

Архиепископ Николай.

2 Октября 1908.

Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

Всё, что пишете о церкви в Такино и о помощи от христиан А. Сайто, очень приятно.

Исповедаться у меня, конечно, можно. Выберите для этого удобное время, наприм. пред праздником Рождества Христова или Пасхи, и приезжайте сюда, чтоб поисповедаться.

3 иены дорожных для посещения церкви Омия при сем прилагаю.

Да помогает Вам Господь успешно трудиться для спасения ближних!

Любящий Вас, слуга и богомолец Ваш,

Архиепископ Николай.

28 Октября 1908 г.

Токио. Русская Дух. Миссия.

* * *

Любезнейший отец Иоанн!

О. Пётр Кано вернулся из Титибу и рассказал мне следующее. Кавада не имел никакой причины написать вам такое грубое письмо; просто Кавада был в очень дурном расположении духа от своей бедности, которая приводит его в отчаяние, и потому наругил вам. Он сам находит этот свой поступок дурным, и обещал о. Пётру написать к Вам извинительное письмо. Из христиан никто не знал, что он такое нехорошее письмо написал вам, и никто не участвовал в его поступке, и христиане по-прежнему желают, чтобы вы посещали их. Всё это, вероятно, о. Пётр сам написал вам; я его просил написать, и он обещал сделать это.

Итак, успокойтесь. По-христиански, простите Стефану Кавада его грубый поступок, причину которого было отчаяние от его бедности, и церковь в Титибу имейте по-прежнему в своём ведении.

Господь да помогает вам в вашем иерейском служении!
Ваш слуга и богомолец,
Архиепископ Николай.
28 Декабря 1908.
Токио.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!
Я получил на днях Ваше письмо о подарке Ваших христиан мне — тюфяке и подушке, а вчера пришли и самые эти вещи.

Я истинно до глубины души тронут любовью христиан Такасаки, Аннака и Тасино, и не нахожу слов достойно возблагодарить их!

Я буду пользоваться превосходным фланелевым тюфяком, и каждый день с любовью вспоминать добрых христиан и христианок, сделавших мне этот подарок, и приносить Богу мою тёплую молитву о них.

Но шёлковую подушкой с шелковой ватой я никак не решился воспользоваться. Такая великолепная вещь достойна того, чтобы её передать в Собор на церковное употребление. И я отдал подушку в Собор для Архиерейской кафедры. Многие годы она будет украшать среди собора Архиерейское седалище, и напоминать о доброте сердца Ваших христиан и христианок и их любви к своему Архиерею, хотя и не заслуженной им.

Итак, прошу Вас передать мою глубокую и искреннюю благодарность христианам и христианкам за их необыкновенную доброту и любовь ко мне недостойному и их великолепные подарки.

Примите и сами мою душевную благодарность за Ваши добрые хлопоты в сем деле.

Усердную молитвою призываю на Вас и всех благословение Божие, и со взаимною любовью к Вам и Вашим христианам и христианкам остаюсь Вашим и их слугою и богомольцем,
Архиепископ Николай.
28 Декабря 1908.
Токио. Суругадай.

* * *

Достолюбезный отец Иоанн!

Благодарение Господу Богу, что Он помогает Вам и катехизаторам Вашим в проповеди Евангелия спасения!

Посылаю Вам при сем 10 иен на дорогу по всем Вашим церквям. Посылаю и 5 иен для М. Кагэта. Возьмите его с собою. Это будет Вам помогать и

в проповеди и в Богослужении. Во всех церквях непременно скажите проповеди и назидания христианам. Также везде крестите у христиан детей, если есть родившиеся, а взрослым преподайте таинство исповеди и причастия св. Таин. Если есть приготовленные к крещению возрастные, то сначала хорошо испытайте достаточно ли для крещения знают вероучение и искренно ли от сердца желают войти в церковь Божию.

Да поможет Вам во всём этом Господь и его Пречистая Матерь!
Благословение и поклон от меня Вам, катехизаторам и всем у Вас.

Любящий Вас слуга и богомолец Ваш,

Архиепископ Николай.

28 Ноября 1909.

Токио.

* * *

Любезный отец Иоанн,

В Тасино и Фукусима — старые церкви и много христиан. Если взять отсюда катехизатора, то эти церкви ослабеют; а из Такасаки приходит недостаточно. Квартиру для катехизатора всё равно надо нанимать как в Тасино, так и в Омия. Поэтому лучше нанять в Тасино или Фукусима.

В Омия ещё малая и новая церковь, и едва ли там можно ждать успеха так, как между коренными жителями в Тасино и Фукусима. Поэтому оставьте катехизатора в Такасино и Фукусима, как решено собором.

Ваш слуга и богомолец,

Архиепископ Николай.

10 Августа 1910.

Токио.

Частный архив протопресвитера Иустина Ямагути.

ПИСЬМА ОТ РОДСТВЕННИКОВ АРХИЕПИСКОПА НИКОЛАЯ

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший мой Архипастырь
Отец и Дядя!

Сегодня шурин мой Николай Петрович Касаткин, как именинник (9-е мая), от литургии у меня на Подворье зашёл ко мне. Вместе мы получили и с наслаждением прочитали Ваше дорогое письмо. Это уже второе. Англий-

ские епископы передали мне первое Ваше письмо. Прежде всего в ответе своём я попрошу простить и извинить меня. Уже два месяца, как Господь Святой Дух поставил меня на степень епископства. Рукоположен я был в Соборе Александро-Невской Лавры. Переселился в Москву 22 марта. Всё я собирался написать Вам о таком событии в моей жизни. А дела нового так много скопилось, что и не удосужился я присесть за стол. Но вот появились ко мне гости — английские миссионеры епископы из Японии. И мне стало уже получить от них письмецо Ваше стыдно. Теперь каюсь и прошу простить меня. За это я пошлю Вам 12-ть томов моего сочинения под заглавием: «Святые учителя веры и благочестия». Это чтение на каждый день года в церкви, школе и в семье. Гостей же из Японии я принял ласково. Говорил с ними через переводчика — очень плохого. Были они в домово́й моей церкви у литургии. Я звал их в Храм Христа Спасителя, где я совершал литургию, а они не явились туда. После объяснилось, — они ошиблись и, вероятно, по вине переводчиков, приняли малый храм Саввинского подворья за Храм Спасителя. Они всю литургию отстояли. Часа в два я съездил в гостиницу, где остановились мои гости. Застал я одного только Андрея и его супругу. На утро все епископы, вероятно, были в Храме Спасителя и в тот же день уехали. В Петербурге они не будут. Владыка митрополит Владимир заседает в Синоде. У меня пока нет новостей. Слава Богу, здоров. Ежедневно посещаю разные учебные заведения, которых в Москве много. Пером поработать нет времени. Поклон всем сотрудникам Вашим, которые бывали в Петербурге и меня знают. 1908 г. 10 мая.

*Вашего Высокопреосвященства
богомалец и послушник Василий,
Епископ Можайский.*

ПИСЬМО ОТ БРАТА ВАСИЛИЯ

(Рукой Архиепископа Николая помечено: «Получено 4 июня ст. ст. 1908»).

Дорогой и милый Брат Николай.

От души поздравляю Тебя с Монаршею милостию, Ты вполне достоин Милостивого Рескрипта.

Поживёшь, брат, 3 года, получишь Владимира 1-й степени за 50, а потом, Бог милостив ещё годка 3 и получишь Андрея Первозванного и тогда к праотцам. Ты слишком хвалишь меня, а я, брат, такой лентяй и без души,

каков был и в молодые годы. Пишу письма в $\frac{1}{2}$ листика и чрез 2 строки. Монастырь наш приходит в прежний вид, пять корпусов построены вновь, и теперь их красят и приводят в приличный вид. Второй предел деревянного храма готовят к освящению. 23 мая приедет Владыко Яков его освящать.

Дочь моя Маня родила дочь да и после родов сильно болеет, вот меня очень тревожит дочь и Любы мальчишки очень плохо учатся, плачу за их учение, это тоже не утешает.

Всё я так думаю Собор состоится, и мы с Тобой хоть последний раз свидимся, тем более дан Тебе помощник Сергей, и в Россию Тебе можно свободно приехать.

Прощай, мой дорогой брат, будь здоров и расти Большой.

Весь Твой Василий.

Марья Петровна просит Твоих св. Молитв и кланяется до земли, — бедняжку её очень тревожит болезнь дочери и леность сыновей Любы.

1908 г. Мая 16 дня.

Архив Николай-до.

КОНЧИНА АРХИЕПИСКОПА ЯПОНСКОГО НИКОЛАЯ

8 февраля в 12 часов дня в Токио, столице Японии, в Бозе почил высокопреосвященный архиепископ Николай, — этот светоч православия, возженный русской православной Церковью на далеких островах Японии.

С юных лет отдавшись своему апостольскому призванию, он тотчас по окончании академического курса в 1860 г. занял место настоятеля церкви при русском консульстве в Хакодате. С тех пор, в течение свыше 50 лет, он неустанно трудился в деле распространения и утверждения православия в Японии, сначала как начальник миссии в сане архимандрита, затем, как епископ и архиепископ. Начав свою миссионерскую деятельность при крайне тяжёлых условиях, когда за принятие христианства карали смертной казнью, он имел утешение видеть, как постепенно изменялись к лучшему условия японской общественной жизни и слово Божие росло и множилось и приносило обильный плод в сердцах юных христиан японской Церкви. Сам неустанно работая, переводя на японский язык богослужебные и священные книги, проповедуя, устроив семинарию и училища, путешествуя по городам и весям Японии, архиепископ Николай умел воодушевить той же святой ревностью

и своих ближайших сотрудников. Отдав всю свою жизнь и все свои богатые силы своему детищу — основанной им японской Церкви, назидая её словом, делом, житием, любовью, чистотою, почивший Владыка вдохнул в неё дыхание жизни, сделал её живым организмом, способным к дальнейшему развитию и росту, сделал тем, что она стала быть не русской только миссией, но японской православной Церковью.

Своей бескорыстной самоотверженной деятельностью Владыка заслужил глубокое уважение не только японских христиан, но и всего японского народа и правительства. Японские министры и сам император Японии не раз выражали ему знаки высокого внимания, а по случаю его смерти засвидетельствовали свою глубокую скорбь ближайшему сотруднику почившего — преосвященному Киотоскому Сергию.

Отдав все свои силы Японии, ее христианскому просвещению, почивший Владыка сохранил однако русское сердце и глубокую любовь к своей родине. Всем памятна глубокая любовь и внимание, с какими отнёсся он к положению несчастных русских пленников, как старался посильно облегчить их положение.

Трудно изобразить всю величину потери, какую понесла в лице почившего юная японская Церковь и Матерь её — Церковь русская.

Вчера из Токио получена следующая телеграмма: «Состоялось торжественное погребение праха архиепископа Николая в присутствии министра двора и иностранных дел, русского посольства и многотысячного собрания японских христиан, съехавшихся со всех концов Японии. Гроб покрыт венками, в том числе от принца Канин Сайондзи-Утида-Сайто Иай, президента японского общества Тераути Гото, русского поверенного в делах. Во время отпевания прислан великолепный венок микадо».

11 февраля 1912 года.

Прибавления к церковным ведомостям, издаваемых при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание. № 6. С. 187–188.

Из «ЗАПИСОК ПРИАМУРСКОГО ОТДЕЛА
ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»

ЯПОНИЯ

Кончина архиепископа Николая

3/16 февраля 1912 года в Токио скончался замечательный миссионер православной религии и выдающийся общественный деятель, пользовавшийся глубоким уважением и широкой популярностью в Японии, почётный член

Императорского Общества Востоковедения высокопреосвященный Николай, архиепископ Японский. 29 марта памяти его было посвящено общее собрание членов Общества. Действительным членом Д. М. Позднеевым была прочтена речь о деятельности почившего архипастыря.

Японская печать по поводу кончины архиепископа Николая.

Николай, архиепископ православного собора в Суругадай, вечером 16-го февраля мирно ушел из этого мира. Его болезнь давно была признана безнадежной; серьезность положения была настолько велика, что на его месте ни один обыкновенный человек не мог бы покинуть госпиталь и посвятить остаток дней своим работе. Архиепископ, пренебрегая отличным уходом в госпитале и предостережениями лучших врачей, настоял на возвращении в архиепископский дом для окончания давно начатого им перевода Ветхого Завета и песнопений. Эту работу он закончил 14-го февраля, за два дня до смерти. Покойному архиепископу было 76 лет от роду; 50 лет он провёл в Японии.

Среди поразительных черт его необыкновенного характера, главным образом, следует отметить бескорыстное самопожертвование и работу с неутомимым рвением ради дела, которому покойный был беззаветно предан. Он никогда в период летней жары не покидал Токио, оставаясь всегда неуклонно на своем посту. Он принял за правило вкушать пищу один раз в сутки, ограничиваясь при этом лишь небольшим количеством риса и рыбы, и так он поступал в течение всей своей жизни. Восемь лет тому назад, когда вспыхнула русско-японская война, естественно, что чувство недоброжелательства против величественного по внешнему виду и своему положению здания кафедрального собора в Суругадай усилилось, и архиепископу было предложено покинуть страну. Но он ни одной минуты не колебался в своем решении остаться на посту и всё время войны пребывал безвыездно в Японии, окруженный недоверием и подозрениями. За последние пять лет жизни он достиг уважения, любви и доверия со стороны громадной массы японцев.

Исключительно благодаря его стараниям греческая церковь достигла могущества и благосостояния в стране. И тот факт, что он один своими силами создал в Японии церковь с 30000 верующих, 200 мест для богослужения и 200 священников, ясно доказывает, сколько благородства, неутомимой энергии и благочестия было в этом человеке.

«Тайо», 1912, № 4. перевод О. Стерлиговой

В одном из японских журналов была напечатана нижеследующая заметка:

«...Итак, во время войны Николай остался в Японии, показав тем себя на деле истинным миссионером и верным пастырем пасомой им церкви. После того, как все русские, начиная с официального представителя России —

её посла, уехали из Японии, остался только он один, чем наглядно доказал, что его проповедническая деятельность не имеет никакого отношения к русской политике.

Достоинно особого внимания то, что за всё время войны архиепископ всю посылаемую в Россию корреспонденцию отправлял незапечатанною; уже из одного этого можно уразуметь степень чистоты его дела.

Затем, когда православные христиане-японцы в годину бедствий собственной страны собрали некоторую сумму пожертвований и просили правительство принять эти деньги для “Общества утешения воинов” (японских воинов), то владыка, узнав об этом, чрезвычайно обрадовался и сказал: “Это прекрасное дело — благородный поступок! Всякий верующий, делая нужные государству пожертвования и служа утешению солдат, делает угодное Богу. Поступив так в данном случае, вы все приносите пользу и для церкви. Непринадлежащие к православной церкви поносят вас (как приверженцев православной, то есть якобы русской религии), называя вас людьми, лишёнными патриотизма и верности монарху, поэтому, если вы доказываете свой патриотизм и верность Императору не только на словах, но и на деле, то приносите этим большую пользу церкви. Мне, как иностранцу, в настоящий момент приходится стесняться совершать публичную молитву, но вы, японские священники и верующие, непременно должны, совершая такие моления, поминать Августейшего Императора и молиться о помощи для него перед Господом Сил. При отправлении императорских войск на войну молитесь усердно о даровании им побед, если же случилась бы какая неудача, то ещё больше воодушевляйтесь в молитве”.

Из этого видно, какой человек архиепископ Николай».

Перевод с японского В. Яхонтова.

«На память об архиепископе Николае». Альбом фотографических снимков. Токио. Изд. 15 марта 1912 г. Цена 1 иена.

Альбом снабжен следующим предисловием:

«С тех пор, как просветитель Японии, великий праведник, архиепископ Николай с присущим ему горячим рвением начал проповедь святого учения среди ходивших во тьме заблуждения японцев и основал японскую православную церковь, как один день прошёл 51 год в неустанных трудах по укреплению основ этой церкви. Теперь, 16 февраля 45 года Мэйдзи (1912 г.), достигнув преклонного возраста, на 77 году жизни, он призван в царство небесное. Каждому из нас трудно побороть чувствоглубокой скорби, но в то же время мы должны только радоваться, так как отныне приобретаем для японской церкви усердного молитвенника и предстателя в царстве небесном.

Было бы излишним вновь распространяться о великих добродетелях и трудах этого праведника: имя его и за пределами церкви приобрело бес-

примерную, всемирную известность. В день отпевания наш великий Император с особым посланным соизволил прислать венок из живых цветов, так как помимо беспредельной, как море, милости Его Величества, до Драконовых ворот дворца достигла правда о том, что Николай посвятил всю свою жизнь счастью глубоко любимой им Японии. До 150 человек знатных иностранцев и представителей высшей местной аристократии почтили своим присутствием погребальную церемонию; число же народа, пришедшего отдать последний долг усопшему, надо считать десятками тысяч.

Чувство преклонения перед этим великим человеком, сделавшим так много добра особенно для нас, долго не изгладится в нашей памяти. Дабы увековечить день погребения, сделаны фотографические снимки с натуры и составлен настоящий альбом с целью распространения его среди тех, кто преисполнен одинаковыми с нами мыслями и чувствами».

Фотограф Иван Мидзутани.

Записки Приамурского отдела Императорского Общества Востоковедения, 1912, вып. 1, стр. 259-263

НЕКОТОРЫЕ ЯПОНСКИЕ ГАЗЕТЫ О КОНЧИНЕ АРХИЕПИСКОПА НИКОЛАЯ

«Скончавшийся Архиепископ Николай прибыл в Японию ещё в те времена, когда было опасно проповедывать христианство, и он рисковал неоднократно. Благодаря его неутомимой проповеди православие довольно быстро распространилось в Японии, и в настоящее время насчитывается здесь до 30.000 православных. Среди всех деятелей по распространению христианства в Японии ни одного не было столь ревностного миссионера, как Архиепископ Николай, подвизавшийся на этом поприще свыше 50 лет. Таких ревностных пастырей не было не только в Японии, но во всем мире. За свою плодотворную деятельность он был отличён всеми высшими русскими орденами и возведён в сан Архиепископа.

Мы выражаем глубокое сожаление, что японцы долгое время относились к деятельности Архиепископа с подозрением, недоверчиво. Подозрение это возникло, главным образом, вследствие того, что православная церковь в Японии подчинена Русскому Правительству. Св. Синод ведаёт всеми делами ее, во главе же православной церкви Русский Император. Это дало повод смотреть на распространение православной веры в Японии, как на политическую задачу России. Это подозрение особенно усилилось после вмешательства России совместно с двумя другими Державами в дела Японии после китайско-японской войны, когда японцы убедились в агрессивной деятельности России на Дальнем Востоке, в частности, в Маньчжурии и Корее. При

таких условиях вести проповедь православной веры в Японии Архиепископу было чрезвычайно трудно. Во время войны русско-японской он оставался в Японии и ему пришлось пережить здесь тяжёлые минуты. С окончанием войны отношения между Россией и Японией изменились и с заключением соглашений стали дружественными.

Постепенно подозрение к Архиепископу среди населения исчезло, и к последним годам его жизни наступил благоприятный момент для выполнения принятой им на себя задачи. Но, к сожалению, в это время смерть унесла его. Известие это вызывает у нас скорбь и мы выражаем по этому поводу свое бесконечное сожаление».

Дзидзи, 5-го февраля 1912 года.

«Чиновникам и офицерам, имеющим русские ордена, разрешено не присутствовать на службе в день похорон Архиепископа в случае, если ими будет изъявлено желание быть на торжестве похорон».

Дзидзи, 9-го февраля 1912 года.

«Не касаясь успехов проповеди православия и достижения намеченной цели, поставленной в своей жизни Архиепископом Николаем, за ним прежде всего должно признать твёрдость его убеждений и настойчивое стремление достигнуть своей цели. В этом отношении он является идеалом всех миссионеров».

Кокумин, 9-го февраля 1912 года.

«Прежде чем приступить к проповеди, Архиепископ Николай в течение 25 лет изучал Японию. В нём японцы потеряли не только великого духовного учителя, но и знатока и друга японского народа. Особенно приходится сожалеть о смерти еще потому, что между русскими сравнительно очень мало лиц, знакомых с Японией. Между тем у России с Японией устанавливаются сейчас тесные сношения, и такие люди теперь особенно нужны. Смерть Архиепископа Николая, первого и самого лучшего знатока Японии, явится чувствительной потерей как для русских, так и для японцев.

Японский народ должен особенно чутко откликнуться на потерю такого человека и от всей души выразить своё соболезнование».

Майнити, 9-го февраля 1912 года.

АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп.493. Д.1051. Л.26–27. Перевод с японского.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дневники Святого Николая Японского. — Саппоро, 1994.
2. *Николай, иеромонах*. Япония. Докладная записка директору Азиатского Департамента П. Н. Стремоухову //Русский архив. — С-Петербург, 1907, №4.
3. *Николай, иеромонах*. И в Японии жатва многа... Письмо русского из Хакодате. Дневники Святого Николая Японского. — Саппоро, 1994.
4. *Николай, Архимандрит*. Рапорт начальника Российской Духовной Миссии в Японии Совету Православного Миссионерского Общества. — АВГРИ. Ф. Японский стол. Оп.493. Д.1056. Л.62–73 об.
5. Письмо архимандрита Николая, начальника Японской Миссии //Домашняя беседа. — С-Петербург, 1875.
6. *Архиепископ Николай*. Письма к Ямасита Рин //Частный архив Ода Хидэо.
7. *Николай*. Письмо к Преосвященному Тихону, Епископу Алеутскому и Северо-Американскому //Прибавление к Церковным ведомостям. — С-Петербург, 1905. №11.
8. *Архиепископ Николай*. Отчёт Святейшему Синоду о состоянии Российской Духовной Миссии в 1905 г. //Прибавление к Церковным ведомостям. — С-Петербург, 1906. №27.
9. *Анатолий, иеромонах*. Церковь Воскресения Христова при русском консульстве в Хакодате (вЯпонии) //Миссионер. — Москва, 1874. №31.
10. *Архимандрит Сергей*. Освящение собора в Токио //Прибавление к Церковным ведомостям. — С-Петербург, 1896. №31.
11. *Архимандрит Сергей (Страгородский)*. На Дальнем Востоке. — Арзамас, 1897.
12. *Епископ Сергей*. Среди японских христиан. (Поездка в церковь Сука) //Прибавление к Церковным ведомостям. — С-Петербург, 1909. №3.
13. *Епископ Сергей*. Месяц по Японии. Путевые заметки и впечатления. — С-Петербург, 1909.
14. *Сергий, Архиепископ Японский*. Освящение Воскресенского кафедрального собора в Токио. — Токио, 1930.
15. *Архиепископ Антоний (Мельников)*. Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай //Сборник «Богословские труды, XVI». — Москва, 1974.
16. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Москва, 1968.
17. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. — С-Петербург, 1895.
18. Брошюра храма Сюдзэндзи.

19. *Гришелёва Л. Д.* Формирование японской национальной культуры. Конец XVI — начало XX века. — Москва, 1986.
20. Журнал семинарии 1886–1887 гг. // Частный архив Феодосия, Архиепископа Токийского, Митрополита всея Японии.
21. *Иванова Г. Д.* Русские в Японии XIX — начала XX веков. — Москва, 1993.
22. *Иеромонах Николай (Адоратский).* Православная Миссия в Китае за 200 лет её существования // Православный собеседник. — Казань, 1887. Февраль.
23. История Японии. 1868–1998. Учебное пособие II. — Москва, 1998.
24. *Казем-Бек А.* Апостол Японии архиепископ Николай (Касаткин). К столетию Православия в Японии // Журнал Московской Патриархии. — Москва, 1960.
25. *Кедров Н.* Архиепископ Николай в письмах к протоиерею Н. В. Благоумову // Русский архив. — С-Петербург, 1912. № 3.
26. *Конрад Н. И.* Японская литература в образцах и очерках. — Ленинград, 1927.
27. *Конрад Н. И.* Японская литература. — Москва, 1974.
28. Миссионерское обозрение. — С-Петербург, 1910, № 10.
29. Московские ведомости, 1867, 8 октября.
30. *Навлицкая Г. Б.* Нагасаки. — Москва, 1979.
31. *Наганова Мицуо.* Жизнь и деятельность митрополита Сергия (Тихомирова) в Японии // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. Памяти Святителя Николая, Апостола Японии. 1836–1912. — С-Петербург, 1996.
32. *Нацумэ Сосэки.* Сансиро. Затем. Врата. — Москва, 1973.
33. *Недачин С.* Православная церковь в Японии // Миссионерское обозрение. — С-Петербург, 1910, № 7–8.
34. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования Императора Александра III. — С-Петербург, 1901.
35. О распространении в Японии православной христианской веры русскими веропроповедниками. — Москва, 1874.
36. Отдых христианина. — Москва, 1912, № 2.
37. *Платонова А.* Апостол Японии Архиепископ Николай. — Петроград, 1916.
38. *Позднеев Д.* Архиепископ Николай Японский. Воспоминания и характеристика. — С-Петербург, 1912.
39. *Прокошев П.* Русская православная миссия в Японии // Странник. — С-Петербург, 1896. Февраль.
40. Приветствие русским братьям от Японской церкви. — Токио, 1905.
41. РГИА. Ф. 797. Оп. 39. Д. 155. II-3 Стол. 1869–1872. Л. 1.
42. *Самойлов Н. А.* Страны Дальнего Востока в восприятии русского миссионера // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. Памяти Святителя Николая, Апостола Японии. 1836–1912. — С-Петербург, 1996.
43. *Сёдзи С.* Как я стал христианином // Русский вестник. — С-Петербург, 1891. Ноябрь.
44. Странник. — С-Петербург, 1877. Апрель.
45. Собор Воскресения Христова в Токио. — Токио, 1904.
46. Соборы Японской Автономной Православной Церкви, 1993–1998.

47. Тридцатипятилетие русской православной духовной миссии в Японии // Прибавление к Церковным ведомостям. — С-Петербург, 1905. № 15.
48. *Хисамутдинов А.* Зарубежное православие в Азии // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1999. № 216.
49. *Хохлов А. Н.* Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. Памяти Святого Николая, Апостола Японии. 1836–1912. — С-Петербург, 1996.
50. ЦГИА РФ. Ф. 796. Оп. 75. III отд. 4 Ст. Ед. хр. 200.
51. Церковные ведомости. — С-Петербург, 1892, № 26.
52. Частный архив семьи Кимура Кэнсай.
53. *Шаталов О. В.* Начальный этап деятельности Российской Духовной Миссии в Японии: 1870–1875 гг. // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. Памяти Святого Николая, Апостола Японии. 1836–1912. — С-Петербург, 1996.
54. *Шпейдер Д. И.* Япония и Японцы. — С-Петербург, 1895.
55. *Anesaki Masaharu.* History of Japanese Religion. — Tokyo, 1980.
56. *Cary Otis.* A History of Christianity in Japan. — Tokyo, 1976. Vol. 1.
57. *Lensen George Alexander.* Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia. — Tokyo, 1968.
58. *Naganawa Mitsuo.* The Japanese Orthodox Church in the Meiji Era // A Hidden Fire. Russian and Japanese Cultural Encounters, 1868–1926. Edited by J. Thomas Rimer. — Stanford, 1995.
59. *Nakamura Yoshikazu.* Culture and Nationality // Hidden Fire. Russian and Japanese Cultural Encounters, 1868–1926. Edited by J. Thomas Rimer. — Stanford, 1995.
60. The Japan Weekly Mail. 1903. August 22.
61. *Winburn T. Thomas.* Protestant beginnings in Japan. — Tokyo, 1959.
62. Кирисутокё нэнкан («Христианский ежегодник») 1998. — Токио, 1998.
63. *Наганава Мицуо.* Никорай-до-но хитобито. («Люди Николай-до»). — Токио, 1989.
64. Никорай-до даёри. — Токио, 1998, № 241.
65. Сэйкё дзихо. — Токио, 1941, 1 марта.
66. Тогава Цугуо. Мэйдзи исин дзэнго-ни окэру нихондзин-но росиакан. («Взгляды японцев на Россию до и после реставрации Мэйдзи») // Росия то Нихон, 2. — Токио, 1990.
67. Токё сэйкё сингакуин. Tokyo orthodox theological seminary. 1995 нэндо. Гакко аннай. («Токийская православная семинария. 1995 г. Пособие для поступающих»). — Токио, 1995.
68. Токё фуккацу дайсэйдо сюфуку сэйсэй кинэнси. («Освящение Токийского Воскресенского собора после реставрации. Памятный альбом»). — Токио, 1998.
69. *Усимару Ясуо.* Нихон сэйкёси. («История Японской Церкви»). — Токио, 1978.
70. *Цудзи Дэнноскэ.* Нихон бунка си. («История японской культуры»). — Токио, 1955.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абрикосов Д.И. — 450, 466
Авано В. — 340
Авано П. — 329, 347
Аиба М. — 180
Аибара Г. — 339
Акадзава Д. — 142, 472
Акаси И. — 497
Акила Х. — 389
Акилина — 449, 451
Акуцу С. — 498
Акэти М. — 226–228
Александр III — 50, 511
Александра Фёдоровна, императрица —
116, 186
Александров В. — 397
Алексеева С. — 342
Алексий I — 146, 151
Алексий II — 92, 159
Алькок — 201
Аматарасу — 272–274, 277, 284, 285
Амвросий, епископ — 150
Анастасий, митрополит — 145
Анатолий (Тихай) — 13, 18, 48, 49, 76,
92–94, 166, 185, 197, 316, 317, 321,
323, 324, 334, 342, 349, 350, 352,
364, 369, 371, 424, 510
Андреев Л. — 85
Андроник (Никольский) — 12, 18, 186
Антипас Г.Д. — 460
Антоний (Мельников) — 19, 50, 51, 99,
144, 161, 510
Анэсаки М. — 33
Аполлос, епископ — 123
Арихара К. — 169
Арсений, архиепископ — 21
Арсений, патриарх — 462
Архангельский — 139, 458
Арцибашев М. — 85
Асикага Ё. — 220
Асикага Т. — 206, 208, 209, 212, 213,
215, 216, 241, 330

Б

- Баба И. — 168, 170
Бан П. — 329, 346
Бахметев — 397, 398, 477, 478
Бахметева — 343, 398
Беляев А.С. — 457

- Бер — 445
Благоразумов Н.В. — 73, 100, 388, 511
Бобров А. — 138, 456
Бортнянский Д. — 128
Боткин — 389
Брандт, фон — 297, 298
Бренч — 488
Брокгауз Ф.А. — 50, 510
Будда — 277, 279–283, 285
Булгаков П.И. — 450
Булгакова С.М. — 451
Бунин И. — 85
Быстров Ф.Н. — 55, 125, 364

В

- Вакаяма Т. — 167, 168, 331
Варлаам, епископ — 123
Василий, епископ — 17
Васнецов — 138, 140, 456, 467
Вениамин (Басалыга) — 147–149, 150
Вениамин, епископ — 53, 94, 316, 363
Вердеревский П.А. — 364
Виниус — 293
Виноградов С.Г. — 489
Вишневский — 458
Владимир, епископ — 150
Владимир, митрополит — 503
Воронцов Г. — 44, 47

Г

- Глазовская В. — 160
Глухарев М. — 34
Гоголь Н.В. — 80, 85
Гондатти Н.Л. — 460
Горький М. — 85
Госима Эйкити — 167
Готоба — 204
Готцен — 201
Гошкевич Е. — 168
Гошкевич И.А. — 11, 12, 34–36, 40, 42,
44, 55, 168
Гришелёва Л.Д. — 50, 511
Грот Н.Я. — 81, 84
Гурьянов В.П. — 187, 192, 393

Д

- Дамиан, патриарх — 462
Даниил (Нусиро) — 92
Данилов — 492, 493

Датэ М. — 245
 Дашков В.А. — 72
 Демкин И. — 55, 364
 Дзимму — 274, 319, 320
 Дзингу — 274, 275
 Димитрий, патриарх — 462
 Димитрий Ростовский — 41, 49, 260, 342
 Дмитриев П. — 22
 Додо И. — 346
 Доити М. — 188
 Докэ А. — 342, 350
 Достоевский Ф.М. — 85
 Дудышкин В.Г. — 191, 192, 388, 389
 Дэнгэ Д. — 28

Е-Ё

Евфимий (Четыркин) — 57
 Елена Равноапостольная — 137, 456
 Елизавета Фёдоровна, вел. княгиня — 116
 Елисеев С. — 88
 Епанечников Я.Е. — 191, 388
 Ефрон И.А. — 50, 510
 Ёритомо — 202–204, 211, 212, 241, 268, 361
 Ёдогими — 248, 249
 Ёсимунэ — 252
 Ёситэру Ё. — 220–223, 225
 Ёсицунэ — 268

Ж-З

Жоров А.С. — 483
 Заглодин — 389
 Задорожный Н.С. — 138, 139, 456, 460, 467
 Зайцев Б. — 85
 Зенина Л.В. — 20
 Зибольд — 201

И

Ивадатэ Н. — 182
 Ивадатэ Р. — 182
 Ивадатэ Т. — 182
 Ивакура Т. — 24, 32
 Иванова Г.Д. — 20, 86, 100, 511
 Ивасава А.Х. — 60, 61, 144, 145, 339
 Ивафути Н. — 337
 Игараси Д. — 168, 328, 347
 Игнатий — 425–427, 430–432, 434, 436, 437
 Изданаги — 271, 275
 Изданами — 271, 275

Иисус Христос — 39, 54, 103, 116, 139, 153, 166, 179, 258, 355, 360, 394, 401–403, 405, 406, 408, 423, 433, 458, 459, 473
 Икава А. — 337
 Имагава Ё. — 215, 217, 218
 Имада А. — 340
 Имаи — 447
 Имамура В. — 347
 Имамура Е. — 69
 Имамури В. — 328
 Ина А. — 337
 Иннокентий — 11, 12, 34, 37, 38, 41, 54, 323
 Иннокентий (Вениаминов) — 37
 Иноуэ — 441, 443
 Иоанн Кронштадтский — 191, 192
 Иоанн М.К. — 21
 Иордан Ф.И. — 87
 Иринеи, епископ — 150
 Исигами П. — 61
 Исида И. — 340
 Исида М. — 245
 Исидор, митрополит — 55, 68, 123, 124, 126, 303, 390
 Исии П. — 328, 347
 Исикава П. — 83, 84, 484
 Исикава Т. — 484
 Исохиса И. — 389, 498
 Ито А. — 330, 347

К

Кавада С. — 500
 Кавадзи Т. — 35
 Кавай — 531
 Кавамата М. — 171
 Кавамура В. — 441
 Кавамура М. — 441, 442
 Кавамура С. — 137, 456
 Кавано П. — 327, 335, 347, 356, 357
 Кавасаки А. — 61
 Кавасаки И. — 351
 Кагэта М. — 170, 414, 498, 501
 Кадзима А. — 83
 Кадо Е. — 337
 Казем-Бек А. — 50, 511
 Камеи И. — 498
 Камияма П. — 330, 347
 Канамори А. — 331, 347
 Кангэта В. — 341
 Кангэта М. — 93, 127, 304, 326, 341, 344, 345, 407, 437
 Кангэта Н. — 341
 Кангэта П. — 328, 346
 Кандо С. — 174

Канно А. — 341, 350
 Кано П. — 331, 346, 500
 Карпенгер — 435
 Капустин А.Н. — 457, 458
 Касай П. — 330, 348
 Касаткин В.Д. — 503
 Касаткин Н.П. — 502
 Кастальский Н. — 128
 Касторский — 458
 Катагири К. — 248
 Катакура И. — 330, 346
 Катаока К. — 340
 Като В. — 168
 Като К. — 243
 Като Н. — 79, 188, 422
 Кацура Т. — 105
 Каширин П.А. — 485, 488–493
 Кедров Н. — 100, 511
 Кемпфер — 201
 Кидзу Ё. — 117
 Кидо Д. — 339
 Кикута Н. — 340
 Кикиути В. — 340
 Ким Д.М. — 139
 Кимисима П. — 337
 Кимура И. — 17, 69, 83
 Кимура К. — 40, 175, 176, 197, 512
 Кимура П. — 339
 Кимура С. — 175, 327, 346
 Кимура Т. — 176
 Киока Н.Х. — 22
 Кирилл, архиепископ — 156
 Кису И. — 77, 78
 Кита П. — 337
 Китагава А. — 83, 330, 347
 Китагава С. — 72
 Китамикадо Х. — 474
 Кобаяси М. — 341
 Кодзаки П. — 327, 347
 Кодзима П. — 330, 347
 Коикэ М. — 171
 Колесников И.А. — 188
 Комацу Т. — 330, 346, 410
 Кон И. — 337
 Конаса Н. — 69
 Конги Я. — 329, 347
 Кондор Дж. — 125, 126
 Кониси Д. — 61
 Кониси М. — 84, 85
 Кониси Ю. — 243
 Конно И. — 339
 Коно К. — 131
 Конрад Н.И. — 26, 50, 85, 100, 511
 Конфуций — 27, 28, 176, 262, 267, 285–
 288, 338
 Короленько В.Г. — 80

Кортес Ф. — 290
 Косуги — 473
 Котама Е. — 69, 341, 350
 Крюков А.П. — 456
 Ксаверий Ф. — 288
 Ксавье Ф. — 9, 29, 31, 81
 Кубо Я. — 327, 335, 347
 Кугимия С. — 351
 Кудзики Д. — 341
 Кудзики П. — 329, 341, 346
 Кунгимия С. — 334
 Куницкий А. — 17
 Куприн А. — 85
 Курода К. — 53
 Кустов Г. — 492
 Кусуноки М. — 205–208, 268
 Кэри О. — 19, 51, 512

Л

Ламберт — 68, 364
 Лельмеш И.И. — 467
 Линдау — 201
 Логачёв К.И. — 20
 Логачёва Л.Н. — 20
 Лойола И. — 288
 Лопатин Л.М. — 84
 Лурейо Г. — 129, 382
 Львовский Д.К. — 76–79, 410

М

Мадзима М. — 342
 Макарий, митрополит — 123
 Макаров С.О. — 78, 127, 520
 Мак-Артур Д. — 146
 Маки Ф. — 337
 Макино Н. — 342, 350
 Мак-Ким Дж. — 139
 Маковеев П. — 456, 457
 Мальцев А.П. — 106, 399
 Мартиниан, епископ — 326, 363
 Маса Х. — 176
 Маслов Ф.Е. — 467, 468
 Масуда М. — 474
 Махов В. — 36
 Мацуда Ф. — 331, 347
 Мацуда Я. — 337
 Мацудайра А. — 169, 189
 Мацуи А. — 340
 Мацуи В. — 331, 347
 Мацумуро С. — 189, 388
 Мацуяма Г. — 327, 335, 347
 Маэда Т. — 244
 Мелетий, митрополит — 145
 Мелетий, патриарх — 462

Мельниченко С. — 180
 Мефодий, митрополит — 469
 Мидзугути Д. — 182
 Мидзуно Ф. — 180, 330, 346
 Мидзусима И. — 83, 411
 Мидзюяма И. — 327, 346
 Мии С. — 61, 83, 110, 113, 189, 190,
 340, 387, 393, 477, 495
 Мии Х. — 442
 Микумо С. — 22
 Минамато Ё. — 202
 Минамото П. — 329, 346
 Минато М. — 91, 425
 Мирон, патриарх — 462
 Митакура П. — 338
 Миура А. — 341
 Михаил (Богданов), епископ — 438–
 440, 442–445, 448, 450–452
 Михайловский В. — 343
 Мияда В. — 337
 Миядзима А. — 337
 Могила П. — 343
 Моисей — 170, 392
 Моисей (Костылев) — 57
 Мори Н. — 328, 346
 Мори Т. — 223, 225, 227, 232, 233, 244,
 245, 247, 331
 Моригава П. — 499
 Морита П. — 110, 339, 462, 498
 Морокоси А. — 431
 Муравьев-Амурский — 32
 Муракама Н. — 327
 Мураками Н. — 346
 Мураками Ф. — 169
 Мурасава Т. — 337
 Мурата П. — 340
 Мурососи А. — 497, 498
 Муцухито, император Мэйдзи — 10, 13,
 19, 23–25, 27, 32, 33, 49, 60, 119,
 167, 169, 170, 180, 182, 183, 443, 512
 Мэката Ф. — 327, 347
 Мэтоки А. — 110, 350
 Мэтоки Н. — 342
 Мясников — 458

Н

Навлицкая Г.Б. — 50, 511
 Наганава М. — 17, 19, 22, 44, 88, 94,
 100, 120, 162, 511, 512
 Нагао К. — 214, 215, 223
 Нагао С. — 22
 Нагасима В. — 151
 Нагаудзи — 213
 Назарова М.Г. — 187
 Накагава М. — 167
 Накагава Н. — 140, 465

Накагава С. — 474
 Накада П. — 331, 347
 Накадзава В. — 342
 Накаи П.Ц. — 81, 82, 411
 Накакодзи Д. — 189
 Накакодзи П. — 331, 346
 Накамару С. — 86
 Накамура Г. — 343, 351
 Накамура Ё. — 17, 22, 80, 85, 120
 Накамура К. — 19
 Накано А. — 328
 Накано О. — 347
 Накано П. — 172
 Нараяма С. — 329
 Нараяма С. — 347
 Нацумэ С. — 131, 162, 511
 Недачин С.В. — 19, 77, 99, 100, 109,
 119, 120, 511
 Нектарий, епископ — 37
 Нестеров М.В. — 116, 138, 140, 456
 Нестор, епископ — 451, 456, 459, 469,
 471
 Нечаев-Мальцев Ю.С. — 129
 Нива М. — 330, 346
 Ниидзума Е. — 341
 Ниидзума П. — 327, 334, 335, 341, 345,
 357, 358
 Николай (Адоратский) — 50, 511
 Николай (Касаткин И.Д.) — 5, 11–21,
 25, 27, 31, 35–50, 52–78, 81, 82, 84,
 86–125, 127–129, 131, 133, 134, 136,
 139–141, 143, 144, 146, 150–153,
 155–157, 161, 162, 165–185, 187–
 193, 197, 252, 253, 265, 306, 316,
 325, 326, 333, 334, 338, 340, 375,
 381, 382, 393–395, 397, 402, 405,
 410–412, 414, 417, 422–424, 428,
 437, 439, 447, 448, 453, 458, 461,
 465, 469, 471, 475, 477–481, 483–512
 Николай (Оно) — 15, 145, 146, 148, 150
 Николай II — 89, 90, 174, 186
 Никон, архиепископ — 150
 Ниниги — 273, 275
 Нисимура Р. — 342
 Нитта Ё. — 206, 207, 215
 Нобори В. — 60, 66
 Нобори С. — 85
 Нода Э. — 339
 Номура С. — 339
 Нумабэ С. — 342, 350
 Нэида В. — 342

О

Обара А. — 77
 Овата И. — 340

Овчинников — 413
 Огата С. — 69
 Огоэ А. — 341
 Огоэ С. — 331, 341, 345
 Ода Н. — 9, 25, 29, 100, 209, 216–235,
 289–291, 510
 Ода Х. — 87
 Одзаки А. — 340
 Одзаки К. — 84, 85
 Одзаки С. — 331, 348
 Одзаки Х. — 177
 Одзин — 274, 275⁵
 Оикава П. — 173, 176
 Окава В. — 337, 361
 Окава Е.К. — 22
 Окава П. — 337, 361
 Окава Р. — 178
 Окада С. — 465
 Окамура М. — 86
 Окамура П. — 331, 341, 345
 Окубо И. — 185, 329
 Омори И. — 329, 330, 348
 Омура С. — 29
 Онами Д. — 331, 347
 Онами С. — 185
 Онгивара И. — 331, 347
 Оно В. — 145
 Оно И. — 17, 58, 75, 92, 93, 127, 144,
 145, 189, 191, 193, 331, 334, 346,
 384, 389, 393, 407, 414, 477–481,
 483–499, 501–504
 Оно П. — 343, 351
 Оно Ф. — 69, 70, 337
 Орлова-Давыдова — 68
 Осава А. — 495
 Осима С. — 331, 334, 346
 Отаки П. — 342
 Отани С. — 117
 Отокодзава И. — 329, 347
 Охара П. — 328, 348

П

Павел I — 171
 Павел, Апостол — 40, 95, 111, 127, 260,
 323, 333, 409, 470
 Павел, епископ Камчатский — 59
 Павлов И. — 484
 Палладий, епископ — 123
 Партридж, епископ — 391
 Паш Б. — 146, 147
 Перри М. — 35
 Пешехонов В.М. — 126
 Пётр, Апостол — 80, 95, 111, 127, 333, 403
 Пётр (Арихара) — 92
 Пётр Великий — 293

Пётр, митрополит — 462, 470
 Пимен, патриарх — 152, 169
 Платон Костромской — 343
 Платонова А. — 50, 51, 99, 161, 511
 Победоносцев К.П. — 110, 398
 Позднеев Д.М. — 19, 40, 50, 61, 67, 68, 74,
 81, 82, 91, 98–102, 119, 120, 506, 511
 Покровский В.А. — 79, 457
 Покровский Г. — 60, 116
 Пономарев А.Р. — 458, 460–462
 Посыет К.Н. — 54, 56
 Прибытковский Г. — 490
 Прокошев П. — 50, 92, 101, 511
 Пуговкин — 389
 Путятин Е.В. — 12, 35, 36, 54–56, 177, 363
 Путятин О.Е. — 56, 68
 Пушкин А.С. — 80, 81

Р

Рамминг М.Н. — 445, 446, 449
 Расторгуев — 389
 Рачинский С.А. — 64, 67
 Резанов А.И. — 124
 Рейшауэр Э. — 179
 Ремортел Ван М. — 21
 Реутов П.И. — 124
 Родо И. — 328
 Розен — 104
 Роккоку Ё. — 220
 Романов — 470
 Рони — 259
 Рубинштейн Н.Г. — 76
 Рудаков — 343

С

Саблина М.П. — 22
 Савабэ А. — 110, 340, 398, 400
 Савабэ П.Т. — 13, 42–44, 47, 49, 58, 59,
 93, 110, 127, 179–182, 303, 322, 326,
 328, 333, 334, 341, 344, 360, 384,
 385, 400, 407, 413, 414, 437
 Савабэ Ю. — 341
 Савадэ Я. — 173, 337
 Садинов — 399
 Саикаиси М. — 61
 Сайго — 128, 381
 Сайкаиси И. — 329, 346
 Сайкаиси К. — 173
 Сайкаиси М. — 173
 Сайто А. — 499, 500
 Сайто Х. — 219, 230
 Сакаи И.Т. — 13, 42, 43, 49, 59, 69, 93,
 114, 145, 170, 171, 173, 303, 326,
 341, 344, 345, 384, 385, 407, 437

Сакай Т. — 341, 350
 Сакауси П. — 340
 Самойлов Н.А. — 162, 197, 413, 511
 Сано П. — 327, 329, 347
 Сапожников В.Г. — 191, 388
 Сарая Ю. — 22
 Сартов В. — 48, 76, 168
 Сарудахико — 273
 Сасагава А. — 331, 345
 Сасагава П. — 127, 328, 346, 407, 414, 437
 Сасагава Р. — 441
 Сасаки — 442, 443
 Сасаки А. — 495
 Сато И. — 466
 Сато М. — 350
 Сато П. — 58, 61, 62, 69, 93, 326, 329, 337–339, 341, 342, 344, 348, 361, 473
 Сато С. — 341
 Сведомский — 456
 Свербеева Е.А. — 364
 Серафим, иеродиакон — 441, 443, 448
 Серафим Саровский — 83, 182
 Серафим (Щудзиэ) — 92
 Сергей (Глебов) — 60, 128
 Сергей (Киселев) — 21
 Сергей, митрополит — 462, 469, 470
 Сергей Радонежский — 137, 189, 456, 459, 501
 Сергей (Страгородский) — 12, 18, 39, 50, 60, 128–130, 140, 162, 412, 462, 469, 470, 510
 Сергей (Тихомиров) — 12, 15, 18, 74, 78, 79, 92, 97, 100, 133–144, 146, 157, 161, 162, 168, 178, 184–186, 197, 409, 460, 467, 469, 476, 477, 496, 501, 511
 Сэдзи С. — 61, 62, 64, 65, 100, 511
 Сибата И. — 337
 Сибаяма М.Х. — 88
 Сибаяма П. — 75
 Сивохин Е.Н. — 182
 Сигахама Ф. — 351
 Сиглист С. — 151
 Симада С. — 337
 Симадзу Е. — 239
 Симидзу Т. — 465
 Симотомаэ М. — 172
 Синанага К. — 169
 Синанага Я. — 169
 Синран — 283, 284
 Синъити И.О. — 137
 Сиравва М. — 168
 Смирнов К.Н. — 113
 Соколовский В. — 60
 Сокольников С.И. — 460

Соловьёв В. — 84
 Сологуб Ф. — 85
 Сретенский Г. — 54, 364
 Стефан Пермский — 34, 37
 Стремоухов П.Н. — 265, 510
 Струйский Ю. — 364
 Сугано И.Т. — 22, 130
 Сугияма Т. — 348
 Суда П. — 337
 Судзуки А. — 339
 Судзуки И. — 330, 338, 347, 498
 Судзуки С. — 83, 109, 481, 482
 Судо Д. — 185
 Сунгиномэ О. — 341
 Сунгияма Т. — 331
 Сусаноо — 272, 273
 Сэки П. — 330, 348
 Сэки Т. — 84
 Сэкигути М. — 181
 Сэнсуи Д. — 342
 Сэнума И.А. — 61, 62, 67, 83, 85, 462, 469, 495, 496
 Сэнума К. — 83, 85
 Сютоку — 276

Т

Тада — 108
 Тадаюки И.Н. — 130, 131
 Тадэ П. — 328, 346
 Таира Е. — 339
 Тайра К. — 202, 203, 211
 Такаги Т. — 440
 Такаи А. — 148
 Такаи Я. — 90, 173
 Такаку Е. — 79
 Такаку И. — 494
 Такамура А. — 90
 Такахаси А. — 331, 346, 360
 Такахаси И. — 176, 337, 347
 Такахаси М. — 88
 Такахаси Н. — 70, 330
 Такахаси П. — 328, 347, 457
 Такая С. — 341
 Такая Я. — 326, 341, 344, 407, 474
 Такэда В. — 344
 Такэда С. — 214, 215, 223, 224
 Такэиси И. — 329, 346
 Танака П. — 392, 434, 438
 Тарасов — 483
 Татибана П. — 327, 335, 346
 Тиба Р. — 342, 344
 Тиба Т. — 173, 174, 447
 Тихай Я.Д. — 49, 76, 77, 79, 128
 Тихомиров Л.А. — 191, 388
 Тихон, епископ, архиепископ — 112, 120, 395, 397, 510

Ткачук Н. — 180
 Тогава Ц. — 24, 49, 512
 Того Х. — 104
 Тога — 447
 Тоётоми Хидэёри — 244–249
 Тоётоми Хидэёси — 9, 10, 25, 29, 32,
 186, 209, 228–245, 247, 250, 289–292
 Токугава Измицу — 251, 252, 292
 Токугава Изясу — 9, 23, 26, 30, 32, 39,
 176, 209, 216, 218, 234–240, 244–
 252, 282, 291, 292
 Токугава Х. — 251
 Толстой Д.А. — 55
 Толстой Л.Н. — 81, 84, 85
 Томи П. — 385
 Тургенев И.С. — 80
 Тэруи М. — 340
 Тюляев О.П. — 363

У

Удзава М. — 184, 185
 Удзава Ф. — 184
 Удзиэ А. — 328, 347
 Унтербергер — 117
 Уньковский И.С. — 274
 Уракити Н. — 182
 Урано Я.Д. — 13, 42, 43, 49, 303, 384
 Усимару П.Я. — 19, 72, 100, 512
 Утида Х. — 244
 Утияма П. — 66
 Уэда М. — 83, 340, 411
 Уэно А. — 340
 Уэсуги К. — 244, 245

Ф

Фаренгейт — 442, 444
 Феодосий (Нагасима Синдзи) — 16,
 151–153, 155, 156, 158–160
 Феодосий, архимандрит — 138
 Феодосий, митрополит — 62, 92, 99,
 151, 179, 183, 511
 Феофил (Пашковский) — 146, 147
 Филарет, епископ — 123
 Филарет, митрополит — 123
 Фонтанези А. — 86
 Фотий, патриарх — 462
 Фудзивара — 202, 203, 275
 Фудзиока П. — 329, 347
 Фудзисава Д. — 441
 Фудзита В. — 341
 Фудзита И. — 341, 351
 Фудзита П. — 330, 347, 356
 Фукасава Ю. — 178, 179
 Фуки-авасэдзу — 274

Фукуи Р. — 91, 327, 347
 Фурукава А. — 475
 Фурута П. — 339

Х

Хагивара Е. — 69, 70
 Хакугоку М. — 340
 Хариу Т. — 326, 344, 345
 Хасимото Т. — 86
 Хасуикэ Х. — 69
 Хата Я. — 338
 Хатакэяма И. — 174
 Хатиман — 274, 277
 Хаулина Т. — 485
 Хигаси-Кузэ — 296–298
 Хигути Е. — 61
 Хидэцугу — 244
 Хино К. — 64
 Хирано С. — 337
 Хирацука Л. — 181
 Хирацука С. — 180
 Хиросава А. — 172
 Хиросава М. — 172
 Хисамутдинов А. — 162, 512
 Ходзэ — 203, 204, 205, 206, 208, 212,
 213
 Ходзэ М. — 350
 Ходзэ У. — 239, 240
 Хоносусо — 273
 Хоонэн — 284, 285
 Хориэ С. — 83, 342, 351, 408, 498
 Хосино Р. — 179
 Хосино Т. — 179
 Хосокава К. — 213
 Хосономэ П. — 330, 347
 Хохлов А.Н. — 20, 100, 512
 Хоходэми — 273, 274

Ц

Цуда П. — 331, 341, 346, 407
 Цуда С. — 89, 174
 Цудзи Д. — 49, 512
 Цуй Е.А. — 456
 Цутия М. — 330, 347
 Цутия Н. — 330, 347, 358, 359

Ч

Чаев Г. — 60, 93, 333, 340, 371
 Чанг П. — 21
 Чесноков — 139, 458
 Четверикова — 389
 Чехов А.П. — 83, 85
 Чувашев В. — 456

Ш-Щ

- Шаталов О.В. — 99, 512
 Шевич Д.Е. — 128
 Шеленок С. — 180
 Шмеман А. — 151
 Шрейдер Д.И. — 63, 73, 99, 100, 512
 Штакельберг О.Р. — 364
 Шурупов М.А. — 124

Э

- Эгути Ф. — 428, 437
 Эномото — 302, 304
 Эсасика П. — 329, 346
 Эсасика С. — 173, 329, 347, 358

Ю

- Юаса Т. — 182
 Ювеналий, архимандрит — 456, 459–461
 Юкава М. — 337
 Юкисима Т. — 472
 Юхара Г. — 339

Я

- Ячкѳвский — 139, 457
 Ямагути И. — 188, 189, 193, 502
 Ямагути Я. — 134, 438
 Ямада В. — 83
 Ямада П. — 83
 Ямадзаки К. — 177
 Ямадзаки С. — 329, 346
 Ямаиэ П. — 149
 Ямамото Д. — 327, 346
 Ямамура Б. — 189, 328, 346, 414
 Ямана М. — 213
 Яманака А. — 173, 328, 346, 358
 Яманака Ю. — 176
 Ямасита И.Р. — 86–88, 100, 168–171,
 174–179, 182–185, 386, 510
 Ямасицу В. — 341
 Ямасэ И. — 331, 346
 Ямаути Я. — 337
 Ясиро Е. — 328, 346
 Ясуи Р. — 17, 120
 Яхонтов В. — 507
 Яцуки А. — 179, 331, 346

АИРО В XXI ВЕКЕ*

2000

- Ю. А. Рыбалкин.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. («АИРО — Первая монография»).
- А. Ю. Бахтурина.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. («АИРО — Первая монография»).
- Д. Ю. Гузевич.* Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 7).
- Е. А. Котеленец.* «Харизматический властный союз». Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 8).
- Дирк Кречмар.* Искусство и культура России XVIII–XIX в. в свете теории систем Никласа Лумана. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 9).
- В. Э. Молодяков.* Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси». 1939–1941. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 10).
- Кевин Макдермотт, Джереми Агню.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина («АИРО — Первая публикация в России»).
- О. Г. Буховец.* Постсоветское «великое переселение народов»: Россия, Беларусь, Украина и другие. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 11).
- Историки России. Послевоенное поколение. Сост. *Л. В. Максакова.*
- Ф. Ф. Торнау.* Воспоминания кавказского офицера.
- Б. Чижков.* Подмосковные усадьбы сегодня. Путеводитель с картой-схемой.
- Мифы и мифология в современной России /Под редакцией *К. Аймермахера* и *Г. Бордюгова.* Предисловие *Ф. Бомсдорфа.*
- Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период. (Программа развития ООН/Россия).
- Policies for the Control of the Transition's Mortality Crisis in Russia. (United Nations Development Programme/Russia).

---

* Об изданиях АИРО в 1993–1999 гг. см. подробнее: *Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков.* Поиск альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам 5 лет. — М., 1998; *Они же.* Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет. — М., 2003.

2001

- Стивен Коэн.* Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России («АИРО — Первая публикация в России»).
- Ленарт Самуэльсон.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. («АИРО — Первая публикация в России»).
- Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX вв.). *Сборник документов.* («АИРО — Первая публикация»).
- А.П. Ненароков.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». («АИРО — Монография»).
- И. Ротарь.* Под зелёным знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 12).
- Новые концепции российских учебников по истории /Сост. *К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Ушаков.* («АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 13).
- Новый мир истории России. *Форум японских и российских исследователей — к 60-летию профессора Харуки Вада* /Под редакцией *Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита.*
- Magister vitae. К 80-летию *Л.И. Мильграма* /Составители *М.Я. Шнейдер, Г.А. Бордюгов.*
- Элита средств массовой информации. Россия 2001 год. *Опрос руководителей и журналистов в электронных и печатных средствах массовой информации.*
- Человек и война (Война как явление культуры). *Сборник статей* /Под редакцией *И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой.*
- С.В. Константинов, А.И. Ушаков.* История после истории. Образы России на постсоветском пространстве.
- А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.* Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Фёдору Крюкову.
- В углу: начало Гражданской войны глазами русских писателей. *П.Н. Краснов, Ф.Д. Крюков, И.А. Родионов* /Составители *А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.*

2002

- Анна Гейфман.* В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция. («АИРО — Первая публикация в России»).
- Беттина Зибер.* «Русская идея» обяывает!? Поиск русской идентичности в общественных дискуссиях конца XX век. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 14).
- Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. *Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г.* /Под редакцией *К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.*
- Промышленность Урала в XIX–XX веках. *Сборник научных трудов* /Под редакцией *В.П. Чернобровина.*
- Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы /Под редакцией *К. Аймермахера и Г. Бордюгова.*

Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов /Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского.

Б.И. Чехонин. Как богатеют, не воруя (по странам и континентам).

Synopsis operandi профессора Аймермахера /Составитель *А.И. Ушаков.*

С.Б. Веселовский. Подмосковье в древности. Три очерка.

Федору Крюкову, певцу Тихого Дона.

Вадим Смиренский. Разбор сюжетов.

2003

Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет /Составители *Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков.*

Марк Юнге. Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущёва до Горбачева («АИРО — Первая публикация в России»).

И.А. Гордеева. «Забывшие люди». История российского коммуитарного движения. Серия «АИРО — Первая монография».

Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя /Под редакцией *Г.А. Бордюгова.*

In Memoriam. Г.М. Адиебеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов /Составители *Г.А. Бордюгов и А.И. Ушаков.*

Мифы и мифология в современной России /Под редакцией *К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.* Изд. 2-е, дополн.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах /Под редакцией *К. Аймермахера, Г. Бордюгова.* Предисловие *Ф. Бомсдорфа.* Изд. 2-е, испр. и дополн.

Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.

Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 /Составитель *В. Э. Молодяков.* («АИРО — Первая публикация в России»).

Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения /Под редакцией *Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.*

Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.

Застольные речи Сталина. Документы и материалы /Сост., введение, коммент. *В.А. Невежина.*

2004

Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.

Булавинский бунт (1707–1708). Эпюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.

Из старых тетрадей. С.Б. Веселовский. Страницы из Дневника. 1917–1923. В.С. Веселовский. Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.

Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.

Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.

Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht.

Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.

Василий Молодяков. Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.

Ю. Сигов. Многоликая Малайзия.

А.А. Куреннышев. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. («АИРО — Монография»).

Россия: удаchi минувшего века / *Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова*.

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сборник статей.

Марк Юнге, Рольф Биннер. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения («АИРО — Первая публикация в России»).

2005

Никита Дедков. Консервативный либерализм Василия Маклакова. («АИРО — Первая монография»).

Жанат Кундакбаева. «Знаком милости Е.И.В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. («АИРО — Монография»).

В.Д. Соловей. Русская история: новое прочтение. («АИРО — Монография»).

С.И. Валянский. Теория информации и образование. Об условиях выживания России. («АИРО — Монография»).

П. Б. Уваров. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. («АИРО — Монография»).

1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. («АИРО — Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН)) / Под ред. *Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец*, сост. *Н.С. Антонова и Л.А. Роговая*, введ. *Лотара Майера*.

Б.Г. Тартаковский. Всё это было... Воспоминания об исчезающем поколении. («АИРО — Первая публикация»).

Б.Г. Тартаковский. Из дневников военных лет. («АИРО — Первая публикация»).

Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. («АИРО — Первая публикация»). Публ. *В.Э. Молодякова* / Под редакцией *Г.А. Бордюгова*.

Норман Неймарк. Пламя ненависти. Этнические чистки в истории Европы в XX веке. («АИРО — Первая публикация в России»).

Стивен Козн. Можно ли было реформировать Советскую систему. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.)

Александр Зиновьев, Герман Кант, Бернхард Кьяри, Борис Соколов, Андрей Турков. Великая война: трудный путь к правде. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 17, совм. с журналом «Свободная мысль–XXI»).

Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта. Сб. докладов. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 18, совм. с Центром «Запад–Восток», Кассельский университет).

- Дмитрий Андреев, Геннадий Бордюгов.* Пространство памяти: Великая Победа и власть. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 19).
- Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кашуро Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) /Под редакцией Г. Бордюгова и В. Молодякова.
- Россия и тотальная война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы Международного интернет-семинара.
- Жанат Кундакбаева.* Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения.
- Владимир Самарин.* Страсти по «Тихому Дону». Заметки на полях романа.
- Борис Соколов.* Моя книга о Владимире Сорокине.
- 60-летие Второй мировой и Великой Отечественной войн: победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (сентябрь, 2005) /Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16.
- Ст. Б. Веселовский.* Из истории Московского государства в XVII веке. Три статьи /Сост. А. Г. Макаров и С. Э. Макарова.
- Япония 2004–2005. Ежегодник.
- Рой Медведев.* Социализм в России?

2006

- Дмитрий Люкин.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО — Первая монография»).
- А.Г. Ложкин.* Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО — Первая монография»).
- В.Э. Молодяков.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) — дипломат, политик, мыслитель («АИРО — Монография»).
- Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е.И. Щербаковой /Под ред. Г.А. Бордюгова. («АИРО — Первая публикация»).
- Молодёжь и политика. Материалы семинара (сентябрь 2005) /Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 17.
- Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный Форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма /Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18.

САБЛИНА Элеонора Борисовна.

Кандидат исторических наук, закончила японское отделение Института восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки) при МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности историк-востоковед, референт-переводчик.

Преподавала на кафедре японской филологии Института стран Азии и Африки.

В 1996–1997 гг. по гранту Японского Фонда МИД Японии находилась на стажировке в университете Кэйо (Токио) в качестве приглашенного научного сотрудника. В 1998–2000 гг. в университете Кэйо на филологическом факультете вела специальный курс сравнительной этики.

С 1998 г. преподаёт в Йогогамском государственном университете и Токийском университете иностранных языков.

Участница различных международных научных симпозиумов и конференций, международных научных проектов.

С 1989 г. участница специальных проектов японской радио-телекорпорации NHK.

Автор нескольких десятков статей, опубликованных в России, Японии и США.

Начиная с 1977 г. сотрудничает с Московской Патриархией – участник многих международных христианских и межконфессиональных конференций и симпозиумов. На праздновании 1000-летия Крещения Руси, на Поместном Собрании Русской Православной Церкви 1990 г. — официальный переводчик делегации Японской Православной Церкви.

Член японского научного общества «Русские в Японии».

Элеонора Борисовна САБЛИНА

150 лет Православия в Японии.
История Японской Православной Церкви
и её основатель Святитель Николай

Издание
осуществлено при поддержке
Павла Николаевича Бобкова

Компьютерная верстка и техническое редактирование — С. П. Щербина

ISBN 5-91022-026-8

Подписано в печать с оригинал-макета 16.01.2006

Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 33,0

Тираж 1000 экз. Зак. № 4

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI

E-mail: airo@airo-xxi.ru

<http://www.airo-xxi.ru>

Приглашаем подписаться на бесплатный каталог
издательства «Дмитрий Буланин».

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН

199034, С.-Петербург

наб. Макарова, 4

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Российской Академии наук

Телефон/телефакс: (812)235-1586

E-mail: Dbulanin@sp.ru

<http://www.Dbulanin.ru>

Образцы богослужебных книг,
переведенных Архиепископом Николаем

